

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
В РЕГИОНАХ РОССИИ:
социально-экономические,
военно-политические
и гуманитарные аспекты**

1917 **1922**

Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН
Удмуртский институт истории, языка и литературы

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
В РЕГИОНАХ РОССИИ:
социально-экономические,
военно-политические
и гуманитарные аспекты**

Сборник статей

Ижевск 2018

УДК 94(47+57)"1917/1922"(063)

ББК 63.3(2)612Я43

Г75

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
и Правительства Удмуртской Республики (проект № 18-49-181001 р_г)

Рецензенты:

доктор исторических наук С.Н. Полторац,
кандидат исторических наук П.Н. Дмитриев

Редколлегия:

С.Л. Бехтерев, Л.Н. Бехтерева (отв. ред.), Т.А. Васина, А.М. Субботина

Г75 Гражданская война в регионах России: социально-экономические, военно-политические и гуманитарные аспекты: сборник статей / УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. – Ижевск: Изд-во «АлкиД», 2018. – 494 с.

ISBN 978-5-6042106-1-1

Сборник подготовлен по материалам докладов состоявшейся в г. Ижевске 25–26 октября 2018 г. Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Гражданская война на востоке России (1917–1922 годы): люди, события, факты», приуроченной к 100-летию Ижевско-Воткинского восстания. Представленные в нем статьи раскрывают актуальные методологические, историографические и источниковедческие аспекты этого исторического противостояния, анализируют его экономические, государственно-правовые, социокультурные проблемы, прослеживают влияние на судьбы поколений российского общества.

Издание предназначено ученым, преподавателям вузов, аспирантам, студентам, работникам общеобразовательных, культурных учреждений, представителям государственных, муниципальных, общественных организаций, краеведам и широкому кругу читателей, интересующихся отечественной историей.

ISBN 978-5-6042106-1-1

УДК 94(47+57)"1917/1922"(063)

ББК 63.3(2)612Я43

© Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН, 2018

© Удмуртский государственный университет, 2018

© Комитет по делам архивов при Правительстве УР, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди актуальных проблем, разрабатываемых ведущими российскими и международными исследовательскими центрами, наибольшую научно-практическую значимость имеет поиск моделей устойчивого развития современного государства в эпоху протестных движений с учетом исторического опыта революций и Гражданской войны в России 1917–1922 гг. Масштабный конфликт представлял собой открытое вооруженное противостояние между различными группами населения и имел в своем основании глубокие социально-культурные и политико-экономические противоречия. Одним из феноменов Гражданской войны стало протестное движение в Прикамье против политики большевиков под красным флагом Учредительного собрания, более известное в литературе как Ижевско-Воткинское восстание 1918 г., 100-летие которого отмечается в текущем году. Оно считается самым крупным восстанием с участием рабочих против режима «диктатуры пролетариата» и стоит в одном ряду с крестьянскими выступлениями 1918–1922 гг., Западно-Сибирским, Кронштадтским и Тамбовским мятежами, по поводу которых в 1990-е гг. вышло несколько указов Президента Российской Федерации.

Научное осмысление причин, условий и факторов происхождения и эскалации гражданских конфликтов в России в первой четверти XX в. является актуальной задачей не только для историков, социологов, политологов, психологов, но и представителей образовательных, культурных учреждений, работников государственных, муниципальных и общественных органов, чья деятельность связана с реализацией государственной политики памяти, мемориализацией исторических фактов.

Актуальность освоения тематики Гражданской войны определяется еще и тем обстоятельством, что современная Россия, начиная с 1990-х гг., в очередной раз переживает радикальную социально-экономическую модернизацию, во многом созвучную ситуации, в которой оказалась страна в 1917 г. и последующие годы становления государства диктатуры

пролетариата. Как и в первой четверти XX в., она сопровождается «коренной ломкой» общественных отношений, сохранением высокого уровня социального неравенства и региональной дифференциации, снижением доверия к власти «в сочетании с низким уровнем эффективности государственного управления»¹.

О значительном академическом и публичном интересе к проблематике теории и практики радикальной традиции в России свидетельствует ряд научных мероприятий, проведенных накануне и в год начала Великой революции 1917 г. и Гражданской войны: Международная научно-практическая конференция «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг.» (Москва, Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации, 24–25 мая 1916 г.); Международная научно-практическая конференция «Русская революция 1917 года в современной гуманитарной парадигме. XXII Шешуковские чтения» (Москва, 1–2 февраля 2017 г.); Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Великая Российская революция: достижения и проблемы научного познания и преподавания» (г. Екатеринбург, 22–24 марта 2017 г.); Международная научная конференция «Революции в отечественной и мировой истории: к 100-летию российских революций 1917 года» (Санкт-Петербург, 14 апреля 2017 г.); Всероссийская научная конференция с международным участием «Русская революция и современный мир» (г. Нижний Новгород, 22–23 апреля 2017 г.); Международная научная конференция «Крестьянское восстание в Тамбовской губернии под руководством А.С. Антонова (1920–1921 гг.)» (г. Тамбов, 20 мая 2017 г.); Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Сибирь в годы Великой российской революции» (г. Улан-Удэ, 7–8 июня 2017 г.); Научный форум «1917 год в судьбах России и мира» (Санкт-Петербург, 19–21 октября 2017 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие» (г. Омск, 25–26 октября 2017 г.); Международная научная конференция «Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта» (Москва, Институт

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (в ред. Постановления Правительства Российской Федерации от 28 сентября 2018 г. № 1151 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. 8 октября. № 41. Ст. 6246.

российской истории РАН, 1–3 октября 2018 г.); Международная научно-практическая конференция «Гражданская война и российская провинция: современное восприятие, подходы и оценка» (г. Уфа, 29–30 ноября 2018 г.) и др.

Драматические события, происходившие на отечественном постимперском пространстве на рубеже первых десятилетий XX столетия, стали предметом обсуждения на состоявшейся в г. Ижевске 25–26 октября 2018 г. Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Гражданская война на востоке России (1917–1922 годы): люди, события, факты». Ее организаторами выступили: Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН, Удмуртский государственный университет, Комитет по делам архивов при Правительстве Удмуртской Республики, Муниципальное образование «Город Ижевск», Муниципальное образование «Город Воткинск», Выставочный центр «Галерея». Поддержку организаторам оказали Уральское отделение Российской академии наук, Российский фонд фундаментальных исследований и Правительство Удмуртской Республики (проект № 18-49-181001 p_г).

Конференция была приурочена к 100-летию Ижевско-Воткинского восстания и явилась академическим, общественно-практическим форумом, продолжившим традицию проведения мемориальных и научных мероприятий: Панихиды в память о жертвах революций и Гражданской войны в России (г. Ижевск, 7 ноября 1990 г. с участием Ижевской и Удмуртской епархии Русской Православной Церкви); Республиканской научной конференции «Ижевско-Воткинское восстание: взгляд сквозь годы (к 80-летию события)» (г. Ижевск, 24 ноября 1998 г.); Четвертой научной конференции «История Белой Сибири» (г. Кемерово, 6–7 февраля 2001 г.); Всероссийской научной конференции «Антибольшевистское сопротивление в Прикамье в 1917–1922 гг.» (г. Ижевск, 4 октября 2001 г.); Всероссийской научно-практической конференции «Ижевско-Воткинское восстание: история, проблемы изучения и восприятия» (г. Ижевск, 19 декабря 2006 г.); Всероссийской конференции «Гражданская война на востоке России» (г. Пермь, 24–26 ноября 2008 г.) и др.

Учитывая научную и мемориальную ценность проблематики Ижевско-Воткинского восстания, его значимость для российской истории, постановлением Администрации г. Ижевска от 25 ноября 2016 г. № 397 был утвержден план подготовки и проведения памятных мероприятий, посвященных 100-летию этого события. В его рамках 8 августа 2017 г. на площадках

Музея Ижевска был дан старт проекту «Ижевский Декалог», 13 декабря проведен круглый стол «Историческое сознание и историческая память: зона ближайшего развития». В период традиционного крещенского Ледового фестиваля на площади у Михайло-Архангельского кафедрального собора г. Ижевска 20 января 2018 г. появилась скульптура «Неугасимая свеча» (автор – А.Н. Корляков, скульптор – Т. Ханьков) по мотивам подобной свечи, установленной в православном храме Св. Иоанна Крестителя (г. Беркли, Сан-Франциско, США) в память Ижевцев и Воткинцев. Знаковыми событиями стали прибытие и прием на вечное хранение копии Георгиевского знамени как награды А.В. Колчака Ижевской дивизии. На протяжении всего периода проводились тематические уроки для старшеклассников, осуществлялись контакты с потомками ижевских и воткинских повстанцев, проживающих в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Научно-практическая конференция завершила цикл мероприятий, посвященных 100-летию Ижевско-Воткинского восстания. Ее фундаментальный уровень обеспечен обширным территориальным охватом, солидной методологической, историографической, документальной базой выступлений и публикаций, высоким уровнем профессионализма участников из Белоруссии, Украины, Москвы, Санкт-Петербурга, Омска, Красноярска, Нижневартовска, Якутска, Барнаула, Воронежа, Пензы, Брянска, Перми, Екатеринбургa, Петрозаводска, Уфы, Кирова, Казани, Саранска, Ульяновска, Ижевска, Воткинска и других городов и регионов страны.

Целью конференции стало обсуждение актуальных теоретико-методологических, историографических, источниковедческих и фактологических аспектов, характеризующих начальный период постимперской эпохи, ставший отправной точкой в формировании новой советской государственности, коренным образом изменивший социальные отношения в России и оказавший заметное влияние на развитие мирового сообщества. В центре основного внимания ученых оказались локальные характеристики Гражданской войны в России на примере отдельных ее территорий. В ходе работы конференции рассмотрены следующие проблемы:

- революционные традиции России: история и современность;
- легальность и легитимность российской власти: проблема соотношения;
- Гражданская война в России: от партийно-политического восприятия к научному пониманию;

- повстанческое движение Урало-Поволжья, Сибири и Дальнего Востока: проблемы изучения;
- исторические формы отечественной государственности в период Гражданской войны;
- военно-исторический аспект Гражданской войны в России;
- правовая политика противоборствующих правительств России в период Гражданской войны;
- духовно-нравственная жизнь российского общества в годы Гражданской войны;
- Гражданская война в общественном мнении современного российского социума;
- проблемы мемориализации Гражданской войны в России в контексте государственной политики памяти;
- тема истории Гражданской войны в образовательном пространстве России.

Работа конференции, помимо пленарных заседаний, проходила в пяти секциях: «Гражданская война в России: проблемы методологии, историографии и источниковедения»; «Гражданская война в политическом измерении»; «Гражданская война и судьбы поколений российского общества»; «Гражданская война в России: региональный аспект»; «Ижевско-Воткинское восстание: место и роль в Гражданской войне в России». Ее участниками стали ученые, преподаватели, работники образовательных, архивных, музейных, библиотечных учреждений, молодые исследователи, краеведы.

В представленных материалах использованы разнообразные исторические источники: опубликованные официальные нормативные акты, документы политических и общественных организаций, военного руководства и правительственных учреждений. В научный оборот введены неопубликованные материалы государственных зарубежных (Центральный государственный исторический архив Украины г. Киев, Национальный исторический архив Беларуси, Государственный архив Восточно-Казахстанской области), российских федеральных (Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный архив социально-политической истории, Российский государственный архив экономики, Российский государственный военный архив, Российский государственный архив литературы и искусства), региональных (Центральный государственный архив города Москвы, Центральный государ-

ственный архив Московской области, Государственный архив Брянской области, Государственный архив Воронежской области, Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области, Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания, Национальный архив Республики Башкортостан, Государственный архив Кировской области, Государственный архив социально-политической истории Кировской области, Центральный государственный архив Удмуртской Республики, Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики, Государственный архив Пермского края, Пермский государственный архив социально-политической истории, Государственный архив Свердловской области, Центр документации общественных организаций Свердловской области, Объединенный государственный архив Челябинской области, Государственный архив социально-политической истории Тюменской области, Исторический архив Омской области, Государственный архив Иркутской области, Государственный архив Приморского края, Государственный архив Хабаровского края, Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, Национальный архив Республики Саха (Якутия), муниципальных (Государственный архив в городе Иrbите), ведомственных и отраслевых (Архив Управления ФСБ РФ по Республике Башкортостан, Архив Регионального управления ФСБ РФ по Тюменской области, Архив Российской академии наук, Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева), а также личных архивов граждан. Активно задействованы документы личного происхождения: дневниковые записи и воспоминания очевидцев событий Гражданской войны, материалы периодической печати различных направлений, поэтическое творчество российских авторов.

По результатам конференции подготовлен к изданию предлагаемый сборник статей, отражающих представления о драме гражданского противостояния в России в первой четверти XX в. и его оценки в современной историографии и общественном мнении. Возможно, не все статьи соответствуют достигнутому уровню гуманитарных знаний. Не всегда суждения базируются на достоверных фактах и совпадают с точкой зрения редколлегии сборника. Некоторые из них идеологически детерминированы приятием или неприятием результатов деятельности противоборствовавших в то время сторон. Но в любом случае их авторы искренне выразили свое мнение по ключевым проблемам раннесоветской истории.

Материалы же об Ижевско-Воткинском восстании 1918 г. ввиду их особой значимости в контексте заявленной тематики конференции, обширности и дискуссионности вынесены в отдельную книгу, которая также планируется к изданию.

Несомненна и научно-практическая значимость проведенной конференции. В ходе публичных дискуссий были выявлены противоречивые суждения об основных событиях Гражданской войны на востоке России и возможные актуальные направления ее дальнейшего изучения. Существенно расширена источниковая база темы исследования отечественной революционной традиции. Сделаны новые шаги в определении характера, направленности, содержания, состава участников протестного движения, его генезиса и динамики; уточнении степени воздействия локальных восстаний на общероссийский политический процесс; изучении влияния повстанческого движения на судьбы конкретных жителей и династий Урало-Поволжья, Сибири, Дальнего Востока и других регионов России.

Материалы предназначены для использования при подготовке учебников, учебных и учебно-методических пособий по истории России и ее субъектов, регионоведению, краеведению, в научно-исследовательской работе студентов, магистрантов, аспирантов, докторантов, музейно-экскурсионной деятельности. Они позволяют уточнить содержание и методы осуществления государственной политики по таким направлениям, как социальная, экономическая, правовая и гуманитарная безопасность. Особо значимо использование материалов конференции в деле сохранения гражданского мира и налаживания добросовестного партнерства.

Наконец, результаты работы конференции содействуют конкретизации официальной позиции политического руководства Российской Федерации по ключевым проблемам отечественной истории и Гражданской войны, в частности. Материалы и выводы, сделанные участниками конференции, могут стать документальной доказательной базой для дальнейшей работы по реабилитации жертв незаконных политических репрессий, выявлению мест их захоронений, созданию региональных Книг памяти, предусмотренных распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 августа 2015 г. № 1561-р «О концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий».

Надеемся, что материалы конференции вызовут интерес и широкий отклик читателей.

С.Л. Бехтерев, Л.Н. Бехтерева

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ, ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

УДК 323.2

М.Р. Арпентьева,
г. Калуга – г. Ханты-Мансийск

РЕВОЛЮЦИИ И ИНВОЛЮЦИИ: НА ПУТИ К ПАРТИСИПАЦИИ И ВЗАИМОПОМОЩИ

В статье рассматривается инволюция – процесс и результат регресса, редукции или утраты в процессе функционирования и развития (эволюции) отдельных структур/органов, упрощение их организации и функций (есть разные степени редукции), дегенеративные изменения, вызываемые неблагоприятными условиями внутренней и внешней среды, атрофия структур и функций. Современный мир инволюционирует: опирается преимущественно на дистопические сценарии развития сообществ, побуждающие их к революционным переворотам и иным пересмотрам сложившихся традиций и основанных на них отношений, в т.ч. в сфере социального единения/партиципации и сепаратизма/отчуждения. Развитие сообществ связано с гармонизацией утопических и дистонических сценариев развития, сохранением традиций единения и партиципации, противостоящих бессмысленному сепаратизму и революционным переворотам, углублению цефализации сообществ и их мондиализации, наряду с форсированием перемен и реформ, усиливающих социальное расслоение, вместо последовательного и целенаправленного, совместного (интерсубъективного) управления. Вместе с тем, наличие продуктивного сценария развития, включающего не столько утопические, сколько реалистические аспекты осмысления и преобразования реальности, в т.ч. те, что осознают и минимизируют негативные последствия сепаратизма и революционных переворотов, может развивать сообщество, его отношения с собой и другими общностями.

Ключевые слова: утопия, протест, дистопия, эсхатология, служение, потребление.

Революции – вихрь эволюции.
С.Н. Федин

Каждая революция влечет за собой жертвы.
А. Дюма

Эволюция просто происходит,
хотим мы этого или не хотим,
несмотря на все усилия...
предотвратить ее.
Р. Докинз

Ничто не остановит идею, время которой пришло.
Величие революции состоит в том, чтобы
не отрывая глаз от ослепительно сияющего идеала,
стремиться к нему сквозь громы и молнии,
обжигая руки в огне, обагрив их в крови.
В. Гюго

Революция – не результат.
Это начало движения к новому.
Дж. Шарп

Революция всегда быстро ломает.
Только строит она медленно.
Д. Рубина

Опыт Великой российской революции – это опыт человечества, которое может и должно извлечь из этого и последовавших за ним событий выводы о себе и о том, какова роль событий революции (эволюционная и инволюционная). Понятие эволюции ввел Ш. Бонне. Эволюция – качественное изменение в развитии каких-либо явлений. Обычно, говоря о ней, говорят о коэволюции. Коэволюция – совместная эволюция феноменов и процессов, образующих систему и взаимодействующих в системе. Изменения, затрагивающие какие-либо признаки одной особи одного феномена или процесса, приводят к изменениям у другого или других. Первым концепцию коэволюции ввел Н.В. Тимофеев-Ресовский. Эволюцию также дополняет инволюция – это периодическое отступление от высших форм существования, от развития к низшим формам, к деградации. Это

также то, что предшествует эволюции и следует после ее завершения (зигзагообразное развитие по восходящей). Например, инволюция – процессы обратного развития, характеризующие процесс старения феномена, процесса, общества, человека и т.д. В современных условиях, в ситуации нарастающих кризисных явлений особую актуальность приобретает проблематика сохранения традиций и органичного их развития, а также проблема негативных и позитивных последствий революционных трансформаций и смены традиций.

Основной постулат, на котором базируется теория модернизации, состоит в том, что история движется по пути прогресса, а социальный прогресс осуществляется в процессе прогрессивного перехода от традиционного общества к обществу современному. Это грандиозный цивилизационный переход, который проходит через этапы «урбанизация – индустриализация – глобализация». Сейчас цивилизация находится на пути трансформации от индустриальной к постиндустриальной – цивилизации ноосферы. Сущность социального прогресса, как восходящего самодвижения общества, состоит в том, что, согласно представлению людей, историческая трансформация человеческого общества объективно имеет восходящий тренд, характеризующийся постоянным усложнением структуры сообщества, повышением его эффективности во взаимодействиях со средой обитания. Однако, на этом пути исследователи отмечают активность инволюционных процессов постмодернистской культуры, социальной деградации. Социальная деградация – тип социального прогресса, при котором каждое последующее состояние социальной системы менее предпочтительно, а каждая последующая ее структура не более предпочтительна, т.е. при котором неуклонно ухудшается жизнедеятельность большей части общества: условия, уровень, качество жизни определенных социальных групп. Так, В.П. Даниленко описывает совокупность инволюционных процессов, протекающих в разных сферах культуры [1]. В области религии он описывает сектантство, еретичество и богословский антиэволюционизм, в области науки – лженауку, которая подразделяется на паранауку и квазинауку. К паранаукам относятся астрология и нумерология, мантика и физиогномика, метопископия и графология, оккультная конспирология, алхимия и магия, телепатия и иные виды экстрасенсорики. Сюда же могут быть отнесены теософия, спиритизм и «живая этика». По предметам изучения квазинауки подразделяются на квазифизические, квазибиологические, квазипсихологические и квазикультурно-

логические. В качестве первых выступает теория физического вакуума или торсионных полей, в качестве вторых – антидарвинизм и йетизм, в качестве третьих – трансперсональная психология С. Грофа, соционика и нейролингвистическое программирование, в качестве четвертых – гиперборейская теория Г. Вирта, теория антропогенеза Б.Ф. Поршнева и Б.А. Диденко, квазихронология А.Т. Фоменко и уфология. В области искусства – собственно модернизм и постмодернизм, в области нравственности – социал-дарвинизм, прагматизм, енгеника и экзистенциализм А. Шопенгауэра и А. Камю, в области политики – концепции «конца истории» Ж. Бодрийяра и Ф. Фукуямы, в области языка – варваризация и вульгаризация, эрративы языка, куда включаются культурно-речевая безграмотность, молодежный и уголовно-блатной жаргоны и матерщина, интернет-эрративы и т.д. Происходит не только деградация «массовой культуры», но и культуры в целом. Идет девальвация моральных и нравственных ценностей, уход людей от реальности в мир иллюзий (наркомания и иные зависимости), рост (ауто)агрессии, нервно-психических и психосоматических заболеваний в травмирующих душу и нравственность человека условиях, в т.ч. в результате массовой компьютеризации/медиатизации. Существует серьезная демографическая проблема, в т.ч. проблема охраны здоровья (распространение опасных заболеваний: рака, СПИДа, атипичной пневмонии...), ранняя смертность и сокращение длительности и качества жизни, проблема образования (на Земле сейчас примерно 1 миллиард неграмотных), активизируются этнические, межконфессиональные конфликты. Актуальными становятся проблемы войны и мира: реальность перерастания локальных конфликтов в глобальные, опасность ядерной войны, сохраняющиеся полюса противостояния, борьба за сферы влияния (США – Европа – Россия – Азиатско-Тихоокеанский регион). Растут различия политических систем (демократия, авторитаризм, тоталитаризм), активизируется, в т.ч. в целях запугивания собственного населения самими государствами, терроризм (международный, внутриполитический, уголовный). Продовольственная проблема разделяет полюса развития «Север – Юг», встает проблема пределов экономического роста и перепроизводства, наряду с истощением ресурсов, экономический глобализм и производство низкокачественных и вредных для жизни продуктов и услуг. Все более остро встают экологические проблемы, мнимые и реальные: «озоновая дыра» и истребление лесов и рек, «парниковый» эффект, загрязнение окружающей среды (атмосферы, почвы, вод Мирового

океана), учащающиеся стихийные бедствия – тайфуны, цунами, ураганы, землетрясения, наводнения, засухи, нарушения в окружающей среде, связанные с бессмысленным и бесконтрольным «освоением» человеком космоса и Мирового океана.

А. Владимиров описывает этот процесс с помощью следующей схемы (рис. 1).

Очевидно, что революция совершается тогда, когда инволюционные процессы достигают максимума. Однако, вместо того, чтобы немедленно их прекратить, революция усиливает «нисходящий» этап социального развития: временная и локальная дезорганизация, инволюция сопутствуют любой революции. Инволюция – это процесс и результат регресса, редукции или утраты в процессе функционирования и развития (эволюции) отдельных структур/органов, упрощение их организации и функций (есть разные степени редукции), дегенеративные изменения, вызываемые неблагоприятными условиями внутренней

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕГРАДАЦИИ ОБЩЕСТВА

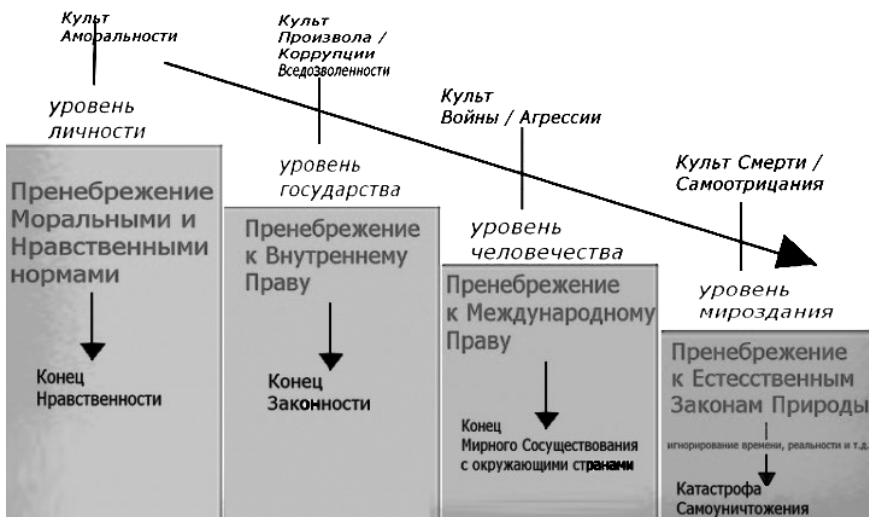

Рис. 1. Этапы инволюции (деградации) современного общества [2].

и внешней среды, атрофия структур и функций, это преобразование, которое является обратным самому себе. Однако, помимо дезорганизации, на основе новых отношений рождается то, что выступает как эволюционное, продуктивное изменение. В борьбе отчуждения и партисипации, дистопий и утопий на свет появляется новая реальность.

Современность как эпоха постмодерна атрадиционна: традицией стало разрушение традиций. Переживание угрозы традиции и стремление к разрушению традиции отражается в утопиях и антиутопиях. В магическую эпоху повсеместного варварства, эпоху цивилизационных разломов, «оттолкнувшись» от идей социального равенства, человечности, совершенства, гуманности, общество пришло к идее социального использования, потребления, неразрывно связанного с экзистенциальной опустошенностью и нереализованностью, тревогой разрушения/смерти и потери/лишения, которую люди пытаются осмыслить и/или преодолеть, создавая все новые утопии и антиутопии.

В развитии общества на разных этапах его бытия по разному выраженное, но всегда неизменно важное место занимает феномен «несогласности». «Несогласность» выливается в различные формы, варьируя от умеренной оппозиционности и конформизма до «пустого» вольнодумства, а также до революционного радикализма. Под несогласием понимается проявляющаяся в дискурсе или практике модель, предполагающая наличие иерархических отношений между субъектом несогласия (вольнодумец-оппозиционер или бунтовщик-революционер) и находящимся над ним или напротив него объектом (светский или церковный властитель, аппарат власти, общество и семья и пр.), и несовпадение их (зачастую конструируемых или «инспирируемых» – в псевдооппозиции) представлений о должном устройстве действительности. В моменты социальных кризисов и коллапсов больших и малых социальных систем происходит, как правило, активный рост оппозиционности: оппозиционность становится настолько повседневной, что «оппозицией» выступает уже согласие, смирение и принятие мира [3], [4], [5]. Оппозиция в государстве и обществе реализуется через системы социального партнерства и социального противостояния. Социальное партнерство, с его идеями сочувствия и ассимиляции, помогает перевести «оппозицию» в лояльность, социальное противостояние – использует идеи и технологии дискредитации. Государство в отношениях с «оппозиционными» членами и сообществами может занимать самые разные позиции: от терпимости (толерантности)

к открытому или скрытому преследованию «психически больных, преступников и инакомыслящих». Трансферы оппозиционности, как стратегии и технологии проникновения идей оппозиции в общество и государство, различны. Удачные опыты связаны с тем, насколько идеология общества, государства и конкретных граждан, к которым направлены «санкции» или «благдеяния», совпадают или могут быть сближены в процессе трансферов: совместной, диалогической деятельности [6], [7], [8], [9].

Один из ярких подходов к оппозиционному осмыслению происходящего – создание утопических или антиутопических сценариев развития общества. Этот подход по своей природе может быть как практическим, актуально действенным, так и (большей частью) философским, футуристическим. Многие из моделей, особенно футуристического толка, располагаются в пространстве «мистицизм» – «рационализм». Последний, однако, чаще всего отражает «псевдонесогласность»: выступает не более чем способом пропаганды имеющихся в обществе отношений и их усиления (пример – мальтузианская модель ножниц, скрыто декларирующая необходимость сокращения населения Земли, т.е. его насильственного уничтожения). Первый – часто потому и относится к «мистическим», что не выгоден ни актуальной, ни ангажированной оппозиционной моделям отношений.

«Утопия» как «евтопия», вариант «эсхатологии спасения», развивалась в контексте религиозно-философской мысли эпохи модернизма. Она же сохраняет себя и в постмодерне с той разницей, что созерцание наступления, страданий человека и человечества мыслителями постмодерна воспринимается уже менее утопично и более «эсхатологично»: евтопический сценарий оказывается типичным далеко не для всех. Кто-то выбирает страдание и дальнейшее падение: отказ от нравственного выбора и попытку сохранить приверженность «дигитальной» нравственности, симулякрам и связанной с ними эгоцентрической безответственности. Кто-то продолжает «работу против Бога» в надежде снискать как можно больше земных благ, отказываясь от нравственности как таковой ради идеологии «экономического гангстера» и синоминутного успеха, защищающего и творящего для защиты симулякры бытия в надежде, что всемерное удовлетворение постоянно растущих желаний принесет счастье, а превосходство над другими, добытое путем унижений и обмана, – компенсирует провал душевной незрелости. Немногие ищут опоры воссоздания нравственных основ, создания «новой церкви», в т.ч. нового государства-церкви, обращаясь к опыту становления человечества

и опыту самостановления, игнорируя легкие решения согласия с насильем государственного и иных видов произвола, стремясь к партисипации и ответственности, самопомощи и взаимной помощи.

Варианты идеального строя жизни – от «нового средневековья» и до всеобщего воскрешения, акцентирующие роль духовно-нравственного развития, «возвращения к Богу» из «преисподней», или, напротив, реорганизации государства и общества (от мондиализации до меритократии и «умных толп»), – так или иначе «апробируются» сообществами и их членами. Однако, жизнь «вне Бога», в т.ч. на обломках разрушенной «империи социализма», оказывается жизнью против Него. Отказ от единой нравственной перспективы и попытки найти ей замену в «лоскутном сознании» постмодерна, его утопий и антиутопий, в жизни «ради себя», устойчивого благополучия и ради иных псевдоценностей, быстро сворачивается: сначала псевдоценности приводят к страданиям и, затем, к разрушению человеческих сообществ и жизней. Постмодерн, в отличие от модерна, констатирует: то, что полагалось (анти)утопией, – факт. Негативные прогнозы сбываются, и один из последних оплотов нравственного – «социалистическое», рухнувшее, поскольку ограничило нравственность, удалив из повседневности Бога, – активно пересматривается в попытках выяснить: есть ли надежда на возврат или трансформацию, не ведущую к полному самоуничтожению общества. Постмодерн, конечно, частичен: он всего лишь продолжает линию «революционных преобразований», псевдоинноваций начала XX в., модерна.

Одна из центральных линий утопического и дистопического обращена к анализу отношений цефализации и мондиализации (создания «государственного сверхмонстра») и децефализации и интерсубъективности (партисипативности) управления. Современный мир, мир капитализма, встал на путь выбора: возврата к рабовладельческо-феодалному миру мондиализации или перехода к миру интерсубъективного управления. Благодаря пропаганде компрадорской буржуазией собственных ценностей, идей о том, что каждый может «сделать сам себя», в т.ч. за счет дистанцирования от других людей, идеи партисипации и взаимопомощи, благодаря усвоению коммодифицирующих и потребительских моделей Запада, стали не просто непопулярными, но и откровенно осмеиваются в повседневности. Посткапитализм возвращает население Земли к отношениям ацефаличных сообществ: жизнь без государства и без стяжательства (торговли деньгами и человеческими судьбами) становится возможной благодаря культурному

ренессансу, хотя бы локально, но уже активно сменяющему постмодерн, лишенный ценностных и иных оснований.

Традиционные и современные модели управления:

- при традиционном управлении – управляются детерминированные системы: поддерживается искусственный порядок, опора руководителей (бюрократии) на правовые нормы и деструкция правовых норм (коррупция, бюрократизация), формальная иерархия, несвободный, монологический обмен информацией и единолично решающий проблемы лидер; люди – однородное «стадо» («быдло»), нации и культура – не так важны по сравнению с «общей культурой» технологий и экономикой; потребительство как «идеология гангстера» стимулирует отношения по типу рабовладения (инволюции человечества), а «универсальные рецепты» рассмотрения жизненных ситуаций приводят систему к коллапсу, сокращению энергии и информации;

- при нетрадиционных (управление саморазвивающимися системами) – руководитель не мешает естественному порядку: действуют неструктурированные группы со свободным, внешне хаотичным, диалогическим обменом информацией и коллективным принятием решений; современное управление полагает, что люди, нации, времена и ситуации различны; взаимопомощь, как отношения социального служения, позволяет человечеству эволюционировать; нет единых рецептов на все случаи, полилог по поводу каждой конкретной ситуации приводит к росту энергии и информации.

Центральный вопрос современных реформ – это вопрос целей и средств (форм) управления. Посткапитализм, складывающийся в ряде стран Европы, активно ориентирован на партисипацию и взаимопомощь граждан. Аналогичное движение заявлено рядом стран Азии, в т.ч. в движущемся к социализму Китае. Активно развиваются практики участия граждан, бизнеса в управлении территориями, организациями и страной в целом. Эти практики партисипации выступают преимущественно как практики социального служения.

- Лидирующее положение в развитии партисипации принадлежит традиционным нравственным ценностям; партисипация означает редукцию, а где-то и просто «отмирание» правовых регуляторов отношений: формальные, десакрализованные, безучастные отношения не являются отношениями благополучия, гармонии/развития и самореализации/(само)эффективности.

- Обязанности, обязательства в партисипации неотделимы от прав: асимметрия прав – основа (нео)рабовладельческих отношений (консюмеризма, предательства, инволюции и деструкции человека и общества). Помощь другим – это помощь себе. Волонтер, даритель, благотворитель помогает не только другим, он помогает и себе: происходит его развитие как помощника, как личности, создание благоприятных для этого развития и жизни в целом условий. Но себе помогает и сам нуждающийся: его исцеляет и возвращает в (гармоничные) отношения с людьми испытываемая им благодарность за поддержку извне, развитие и обучение, помощь или служение другим через группы самопомощи и взаимопомощи и т.д.

- Обязанности человека – функция целей его жизни. Реальные цели, в отличие от целей-фикций – цели любви, служения, жизнеутверждения [1]. Собственные комфорт, благополучие и их умножение (деньги и власть, компетенции и опыт, отношения и связи) не есть цель жизни человека. Поэтому иногда человек, организация и народ нуждаются в том, чтобы их терять, осознавать действительные ценности и приоритеты. И получать в «дар» от судьбы, от других людей – за терпение, веру, понимание, уважение еще больше, чем было утеряно. Это – критерий правильной (само)помощи и условие гармоничных отношений внутри и между этносами.

Практики участия, как практики служения, дифференцируют, проясняют, уточняют отношения людей и этносов к себе и другим людям и этносам, к миру в целом. Развивается понимание того, что жертвующий, участвующий, даритель и одариваемый, получатель, соучаствующий – оба – нуждаются в том, чтобы принять свои ошибки, исправить те, которые исправить возможно, простить себя и других, научиться сотрудничать и принимать изменения, сохраняя самоуважение и достоинство, индигенную культуру, ее ценности и нормативы, и, таким образом, стать «разборчивыми» в любви и сотрудничестве, научиться им («возрасти в любви»). Служение возможно лишь «от полноты», избытка душевного и духовного, оно – роскошь, которую может позволить себе даже нищий: «...Всякому имеющему дано будет, а у не имеющего отнимется и то, что имеет» (Библия, Евангелие от Луки, 19:26). Чтобы участвовать, помогать и служить, не нужно быть богатым материально и иметь большую власть: можно просто делать это.

Современные партисипативные подходы к управлению включают несколько основных идей:

1. Интерсубъективный, например, эвергетический (Evergetics) В.А. Виттиха [10], [11];

2. Субъективный, например, «вторая демократия» (Second Democracy) А. Адлера [12];

3. Контекстный, «глубинная демократия» (Deep Democracy) А. Минделла и М. Шупбаха [13], [14].

Ориентации акторов включают во всех трех случаях:

- принятие альтернативных точек зрения, учет мнения всех субъектов, вовлеченных в диалог по поводу решения проблемы, движение к консенсусу как общему решению для всех через диссенсус – обнаружение и исследование различий как «скрытых знаний»;

- достижение общих целей – разрешение проблемы («действенные сообщества», «ситуативные сообщества», постоянство как настойчивость и (само)эффективность и т.д.);

- достижение/сохранение гармонии акторов друг с другом и с самими собой, многоуровневое и разностороннее понимание своих собственных нужд, возможностей и ограничений, а также возможностей и ограничений, нужд окружающего мира как мира людей, совместно с которыми каждый человек, как свободный и самоуправляющийся субъект и как включенный в сообщество «действительный» член ассоциации, принимает решение в данной ситуации.

Выводы: содержательными компонентами активизации организаций, сообществ, наций и стран в решении насущных для них проблем международных и иных сфер социальных отношений являются [10], [15]:

- восстановление утраченных/разрушенных связей между людьми, людьми и культурами за счет обогащения человеческой и этнической жизни нравственными ценностями, ценностями культур, процесса ресакрализации и возвращения к традициям, культурного обновления и восстановления культур;

- развитие/совершенствование человека и сообщества в качестве вклада в развитие культуры, сообщества, человечества; обогащение культур за счет процессов их спецификации и универсализации, индивидуализации и самореализации их отдельных организаций и членов;

- трансформация содержания и формы отношений в организациях и сообществах: движение к ацефаличным сообществам, живущим по нравственным законам и опирающимся на традиции и опыт выживания предыдущих поколений.

Современный мир инволюционирует: он опирается преимущественно на дистопические сценарии развития сообществ, побуждающие их к революционным переворотам и иным пересмотрам сложившихся традиций и основанных на них отношений, в т.ч. в сфере социального единения/ партисипации и сепаратизма/отчуждения. Развитие сообществ связано с гармонизацией утопических и дистопических сценариев развития, сохранением традиций единения и партисипации, противостоящих бессмысленному сепаратизму и революционным переворотам, углублению цефализации сообществ и их мондиализации, наряду с форсированием перемен и реформ, усиливающих социальное расслоение, вместо последовательного и целенаправленного, совместного (интерсубъективного) управления.

Революция происходит, когда инволюционные процессы достигают максимума. Но вместо того, чтобы немедленно их прекратить, революция усиливает «нисходящий» этап социального развития: временная и локальная дезорганизация сопутствуют любой революции. Однако, как отмечалось ранее, помимо дезорганизации, на основе новых отношений рождается то, что выступает как эволюционное, продуктивное изменение. В борьбе отчуждения и партисипации, дистопий и утопий на свет появляется новая реальность. Другой вопрос – используется ли и как используется этот потенциал совершившими революцию: знают ли они куда идут и свободны ли они по отношению к прошлому и будущему? Свобода по отношению к прошлому означает благодарность, а не только и не столько отрицание его непродуктивных и неэффективных аспектов. Свобода по отношению к будущему – бытие «здесь и теперь», отсутствие стремления скоропалительного и насильственного преобразования («укрощения»): сочетание наличия стратегического направления развития и свободы в выборе традиционных и инновационных способов следования этому направлению (отсутствие колебаний между утопическими и дистопическими сценариями, исследовательское, уважительное и заботливое отношение членов сообщества друг к другу).

Список источников и литературы

1. Даниленко В.П. Инволюция в духовной культуре: Ящик Пандоры. М.: «Красанд», 2012. 632 с.
2. Владимиров А. Алгоритм социальной деградации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://en.worldis.me/Vladimirs/blogs/155112> (дата обращения: 10.07.2018).

3. Никишин С. Отчуждение и революционность в современном мире (по материалам статей Э.В. Ильенкова) // Э. Ильенков и социализм. Сборник научных статей по материалам Ильенковских чтений – 2001 / Под ред. С.Н. Мареева. М.: Общероссийская ассоциация общественных объединений «Диалектика и культура», 2002. С. 103–114.

4. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М.: Рольф, 2007. 592 с.

5. Tainter J.A. The collapse of complex societies. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 262 p.; 1990. 224 p.

6. Де Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. 554 с.

7. Желтикова И.В., Гусев Д.В. Ожидание будущего: утопия, эсхатология, танатология. Орел: Изд-во ОГУ, 2011. 172 с.

8. Шестаков В.П. Эсхатология и утопия. М.: Владос, 1995. 208 с.

9. Шульц Э.Э. Технологии бунта. М.: Подольская фабрика офсетной печати, 2014. 512 с.

10. Арпентьева М.Р., Моисеева Т.В. Переговоры как интерсубъективная технология // Онтология проектирования. 2017. № 1. С. 102–114.

11. Виттих В.А. Проблемы эвергетики // Проблемы управления. 2014. № 4. С. 69–71.

12. Адлер А. Понять природу человека. СПб.: Академ. проект, 1997. 254 с.

13. Mindell A. Processmind: A user's guide to connecting with the mind of god. San Francisco: Quest Books, 2010. 304 p.

14. Schupbach M. Worldwork: Ein Multidimensionales Change Management Modell // Organisations Entwicklung. 2007. № 4. P. 56–64.

15. Порус В.Н. Онтология культуры С.Л. Франка // Семён Людвигович Франк / Под ред. В.Н. Поруса. М.: РОССПЭН, 2012. 589 с.

**M.R. Arpentieva,
Kaluga–Khanty–Mansiysk**

REVOLUTION AND INVOLUTION: TOWARDS PARTICIPATION AND MUTUAL ASSISTANCE

Involution is both the process and result of regression, reduction or loss. It is caused by the process of functioning and development (evolution) of individual structures/organs, simplification of their organization and functions (there are different degrees of reduction), degenerative changes which are caused by unfavorable conditions of internal and external environment, structures atrophy and functions.

The modern world involutionizes. It relies primarily on dystopic scenarios for the communities' development that motivates them to take revolutionary coups and other revisions of established traditions and relationships, including the sphere of social unification/participation and separatism/alienation. The development of communities is associated with the harmonization of utopian and dystonic development scenarios, the preservation of the traditions of unity and party opposition to meaningless separatism and revolutionary upheavals, which deep the cephalization of communities and their mondialization, along with forcing changes and reforms that increase social stratification, instead of coherent and purposeful joining (intersubjective) management. At the same time, the existence of a productive development scenario can develop the community, its relations with itself and with other communities. That scenario includes not so much utopian as realistic aspects of understanding and transforming reality, including those that realize and minimize the negative consequences of separatism and revolutionary upheavals.

Keywords: utopia, protest, dystopia, eschatology, consumption, service.

УДК 94(470)

О.И. Васильева,
г. Ижевск

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье анализируются информационные возможности документов, отложившихся в фондах ЦГА УР, по истории Гражданской войны на территории Удмуртии. Представлены архивные источники и обозначены сюжеты, которые можно исследовать на этом материале. На территории Удмуртии военные действия продолжались с августа 1918 г. по июнь 1919 г., и вновь образованная власть решала многие задачи, как мирные, так и военные. Также представлены документы участников вооруженного противоборства Красной и белой армий. Данная публикация будет интересна широкому кругу читателей – исследователям отечественной истории, генеалогам.

Ключевые слова: Центральный государственный архив Удмуртской Республики, исторический источник, советская власть, Гражданская война, офицеры, красногвардейцы.

Изучение истории Гражданской войны в России имеет давние историографические традиции и остается значимым направлением научных исследований. В исторических трудах анализируются идеологическое и военное противостояние противоборствующих сил, экономические и политические реалии, социальные и культурные аспекты повседневной жизни и т.д. Локальные исследования призваны углубить историческую конкретику, выявить особенности проявлений событий войны на местном уровне. Основанные на источниках, представленных в региональных архивах, они расширяют документальную базу исследований, позволяют дополнить историческую картину новыми красками и реконструировать целостную историю Гражданской войны в России.

В Центральном государственном архиве Удмуртской Республики имеется комплекс документов периода Гражданской войны в России. Частично они опубликованы в сборниках документов, посвященных истории городов Удмуртии, в «Хрестоматии по истории Удмуртии» (Ижевск, 2007), а также в тематических сборниках «Удмуртия в период иностранной военной интервенции и Гражданской войны» в 2-х частях (Ижевск, 1960, 1963) и «2 армия в боях за освобождение Прикамья и Приуралья» (Устинов, 1987). Однако имеющиеся публикации не отражают в полной мере состав архивных источников.

Статья нацелена на представление и анализ документального массива, хранящегося в ЦГА УР, по истории Гражданской войны в Удмуртии. Под Удмуртией здесь традиционно понимается территория преимущественного расселения удмуртов в составе четырех уездов Вятской губернии (Сарапульского, Глазовского, Елабужского и Малмыжского), которая в конце 1920 г. вошла, в основном, в Вотскую (Удмуртскую) автономную область. В связи со значительным количеством документов 1918–1921 гг. в составе ЦГА УР, их разноплановостью, фрагментарностью, разбросанностью по различным фондам задача полностью и исчерпывающе осветить весь имеющийся корпус источников не ставится. Остановимся лишь на некоторых, отражающих жизненные реалии переломного периода документах, многие из которых рассекречены в последние десятилетия.

К наиболее информативным фондам, раскрывающим историю Удмуртии периода Гражданской войны, безусловно, относятся фонды органов советской власти: уездных и волостных исполкомов, административных отделов и отделов управления, других отделов исполкомов (Ф. Р-118, Ф. Р-197, Ф. Р-204, Ф. Р-202, Ф. Р-336 и др.). Их документы

отражают широкий круг вопросов, которые приходилось решать местной власти в переломное время: от образования новых органов власти, назначения должностных лиц до распределения продовольствия и мануфактуры. Документы исполкомов раскрывают политическое и экономическое состояние волостей и уездов, содержат информацию о борьбе вокруг выборов во властные органы, осуществлении продовольственной диктатуры, сопротивлении крестьянства хлебным реквизициям и т.п.

Архивные источники свидетельствуют, что весна–лето 1918 г. стали временем постепенного втягивания Удмуртии в Гражданскую войну [1, с. 61]. Протоколы заседаний Глазовского уездного исполкома, например, позволяют проследить, как осуществление продразверстки и взимание чрезвычайного революционного налога с имущего населения обострило обстановку на местах. Так, 7 июня на заседании исполкома заслушан доклад председателя исполкома И.Я. Шубина о поездке по волостям вместе с двумя членами исполкома, которые приняли «энергичные меры по реорганизации кулацких волостных советов и комитетов и передачи всей власти в руки беднейших крестьян» [2, л. 9–9 об.]. На заседании 13 июня решено послать своего представителя на ст. Зуевка для восстановления связи с Зуевским отрядом и «расследования циркулирующих слухов о его контрреволюционности» [2, л. 13]. 20 июня исполком рассматривал вопросы о создании комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией, об антисоветском выступлении кулаков в с. Уни [2, л. 17]. Протокол № 79 от 6 августа 1918 г. зафиксировал события в Афанасьевской волости – убийство члена уездного исполкома А.И. Соболева и сопровождавших его красноармейцев во время проведения реквизиции хлеба и сбора чрезвычайного налога [2, л. 38]. Отголоски вооруженной борьбы и мероприятия власти в этот период отразились в следующих протоколах: 14 августа «ввиду исключительных обстоятельств» исполкомом «постановлено образовать чрезвычайный штаб из военного комиссариата и президиума исполнительного комитета» [2, л. 39 об.]; 28 августа «из контрибуционных средств» выдано пособие председателю понинского продовольственного комитета «на лечение от побоев, нанесенных гражданами Понинской волости» [2, л. 44, 45]; 1 сентября принято решение усилить охрану г. Глазова и окрестностей «ввиду замечаемых дефектов» [2, л. 47–47 об.]; 10 октября 1918 г. создана комиссия по конфискации имущества всех бежавших контрреволюционеров [2, л. 62]; 17 октября решено взыскать контрибуцию с Порезской

и Рыбаковской волостей в пользу уездного продовольственного комитета для покрытия убытков, нанесенных белогвардейцами, и вернуть скот, сданный, а затем расхищенный населением [2, л. 64].

Протоколы заседаний исполкома и комитета бедноты Балезинской волости демонстрируют сопротивление населения волости действиям вышестоящих властей. Их решениями летом 1918 г. упразднены волостной военный комиссариат и все деревенские комитеты, установлена свобода торговли и отменен чрезвычайный налог, отклонено предписание уездного исполкома о перевыборах волысполкома, в состав которого должны входить только представители бедноты, об организации ссыпного пункта. В обоснование своих решений указывалось: «Народ в настоящее время сильно голодает и средств на содержание военкомата не имеет», «лишнего хлеба не имеем», «все члены волостного исполнительного комитета... стоят на платформе советской власти», «волость находится в трудном положении, как в продовольственном, так и хозяйственном отношении» и т.п. [3, л. 27, 33 об., 41, 43].

Информационные сводки исполкомов о политическом и экономическом состоянии территорий также отражают конфликт между новой властью, которой необходимо было обеспечить продовольствием города и армию, и крестьянством, не желавшим расставаться с хлебом «задешево». Сводка Галановского волысполкома с 1 по 15 ноября 1919 г., например, фиксировала: «Кризис продовольствия... после выполнения полностью нарядов неизбежен, и предотвратить его нет никаких мер. Недовольство продовольственной политикой населения разрастается» [4, л. 1 об.].

Вооруженное противостояние обусловило появление чрезвычайных органов. Военно-революционные комитеты (уездные и городские) создавались как временные органы власти в те периоды вооруженной борьбы, когда не могли действовать легитимные органы, после окончания военных действий и восстановления советской власти они ликвидировались (Ф. Р-2, Ф. Р-3, Ф. Р-390, Ф. Р-489). Так, Глазовский уездный ВРК был образован 18 марта 1919 г. в связи с приближением фронта. В соответствии с распоряжением Военного совета 3-й армии Восточного фронта с 9 апреля по 22 июня 1919 г. он находился в эвакуации, а в июне 1919 г. после освобождения уезда от колчаковских войск возобновил работу в г. Глазове. Передал свои полномочия 3 июля 1919 г. Глазовскому уездному исполкому, избранному на VII уездном съезде Советов. В г. Ижевске после освобождения от мятежников создан, «впредь до приведения

жизни в городе в нормальный порядок», Революционный гражданский совет [5, л. 1]. После освобождения города от колчаковских войск, 15 июня 1919 г., Реввоенсоветом 2-й армии Восточного фронта образован ВРК г. Ижевска. Он передал свои полномочия 26 июля 1919 г. Ижевскому Совету рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

В фондах военно-революционных комитетов отложились управленческие, организационно-распорядительные (положения, циркуляры, резолюции, протоколы заседаний) и иные документы, характеризующие деятельность по эвакуации и восстановлению советской власти, организации работы учреждений и предприятий, городских и уездных отделов народного хозяйства, образования, здравоохранения, социального обеспечения, волостных исполнительных комитетов, комитетов бедноты, сельских советов. Информационные сообщения о настроениях жителей, сведения о преступлениях и происшествиях, данные об организации торговли и т.п. дают представления о повседневной жизни городского и сельского населения.

В каком положении находилась территория Удмуртии в период Гражданской войны наглядно демонстрирует телеграмма Глазовского уездного военно-революционного комитета, направленная в СНК РСФСР в июне 1919 г.: «Положение уезда в смысле восстановления жизни ужасное: лошадей нет, продуктов первой необходимости нет никаких, серпов, кос нет, медикаментов нет, пострадавшим от контрреволюции семействам красноармейцев денег нет. Губерния вместо реальной помощи занимается отпиской, иногда слегка приятной, результатов же нет. Дайте в виде экстренной чрезвычайной меры подотчетно 10 миллионов рублей на восстановление жизни, смет составлять некогда, люди хотят пить и есть, недостаток лошадей сокращает посев. Удовлетворите по возможности все просьбы. Денежных знаков нет, соли нет. Жизнь стоит» [6, л. 212].

В составе данных архивных фондов имеются также документы, характеризующие боевые действия Красной армии: приказы Реввоенсовета, штаба 2-й армии Восточного фронта, наркома по военным делам, 2-й сводной дивизии 2-й армии Восточного фронта, распоряжения начальника дивизии В.М. Азина. Здесь же представлены списки коммунистов и красных партизан, узников «баржи смерти», списки граждан, пострадавших от контрреволюции, анкеты руководящих работников городов и уездов.

Дополняют эти архивные источники копии документов федеральных архивов, представленные в Коллекции копий документов, выявленных

за пределами Удмуртии (Ф. Р-1655): телеграммы исполкома Ижевского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Главкомандующего вооруженными силами РСФСР И.И. Вацетиса, политического комиссара 2-й армии Восточного фронта П.К. Штернберга, председателя Революционного гражданского совета г. Ижевска Д.Ф. Зорина во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, Совет Народных Комиссаров РСФСР о белогвардейском мятеже в г. Ижевске в 1918 г.

Конкретизировать революционный процесс, персонифицировать его помогают коллекция документов с воспоминаниями о революции и Гражданской войне в Удмуртии (Ф. Р-1061), а также документы комиссий по делам бывших красногвардейцев и красных партизан (Ф. Р-98, Ф. Р-608, Ф. Р-609, Ф. Р-827, Ф. Р-1628). Представляют интерес материалы о рассмотрении заявлений «баржевиков», красных партизан, участников Гражданской войны; списки, автобиографии и воспоминания активных участников революции и Гражданской войны. Так, список погибших красногвардейцев и красных партизан по г. Сарапулу и Сарапульскому району включает 248, по Камбарскому заводу – 139 имен. Здесь же указаны их даты рождения, партийность, где, когда и в какой отряд вступили [7, л. 2–10]. О том, что происходило в Воткинске в 1918–1919 гг., вспоминали на общем собрании баржевиков, красных партизан, участников Гражданской войны, членов семей убитых белогвардейцами, которое состоялось 10 ноября 1928 г. Выступавшие рассказали о погибших: замученной 17-летней комсомолке Зине Зориной, секретаре-машинистке комитета партии большевиков, расстрелянном вместе с отцом и сестрой заместителе председателя Воткинского совета К.А. Казенове и др. [8, л. 48–51]. В документах о награждении, предоставлении льгот бывшим красногвардейцам и партизанам имеются справки и характеристики, раскрывающие их деятельность в годы Гражданской войны.

Уже в июле 1919 г. отделами социального обеспечения исполкомов начат прием заявлений от лиц, «пострадавших от контрреволюционных банд Колчака» [9, л. 9]. В 1924 г., в связи с определенной международной обстановкой, в масштабе всей страны был организован сбор сведений об убытках, понесенных учреждениями и гражданами в результате иностранной интервенции (в т.ч. от войск Колчака) [10, л. 24–27]. В архивных документах сохранились свидетельства материальных потерь. Дебесский волисполком сообщил о трех разрушенных школах 1-й степени, в которых все имущество было уничтожено или расхищено

[10, л. 28]. В представленных им же списках убытков перечислены утраченные лошади, телеги, домашний скот, деньги [10, л. 32–59]. В «Сведениях об убытках, потерпевших гражданами селений Юкаменской волости от банд Колчака» значатся лошади, телеги, упряжь, инвентарь, рогатый и мелкий скот, указаны потравы засеянных полей и огородов, общий ущерб оценен в 71750 рублей [11, л. 11–13 об.].

Документы противников советской власти представлены в фондах учреждений и организаций периода Временного Прикамского комитета членов Учредительного собрания: штабов Ижевской и Воткинской народных армий, комендантского управления г. Ижевска, следственной комиссии при штабе Сарапульской народной (белой) армии (Ф. Р-460, Ф. Р-548, Ф. Р-351, Ф. Р-328). Сюда вошли: приказы главнокомандующего армиями Прикамского края, распоряжения чрезвычайного уполномоченного Временного правительства по Прикамскому району, Временного Прикамского комитета членов Учредительного собрания, Военного штаба фронтовиков, списки личного состава, убитых, раненых, сведения о произведенных обысках и задержанных лицах, показания и допросы арестованных.

Сведения об участниках антибольшевистского движения и сочувствующих им лицах имеются и в фондах советского периода, поскольку после окончания вооруженной борьбы они подлежали обязательному учету. Списки участников Ижевско-Воткинского мятежа, белогвардейцев, лиц, покинувших места проживания после подавления мятежа, вместе с отступившей армией Колчака, затем вернувшихся домой составлялись военно-революционными комитетами, военными комиссариатами, милицией, волостными и уездными исполкомами и отложились в их фондах. Списки нередко сопровождаются описями имущества граждан, бежавших с белыми, указанием причин эвакуации, рода службы у белых, заключением об их поведении в период Гражданской войны и на момент составления списка. Так, в августе 1922 г. отделом управления уездом Сарапульского уездного исполкома направлено циркулярное письмо Мазунинскому волысполкому с грифом «совершенно секретно», в котором предписывалось в «самом срочном порядке произвести точную регистрацию лиц, отступавших с белыми и возвратившихся из белых, т.е. из городов Сибири» [12, л. 12]. В деле список отсутствует, но на обороте обложки имеется запись: «Список № 6 ушедших с белыми изъят и отправлен ОГПУ». «Список лиц, ушедших за белыми» Галановской волости (1919 г.) содержит 20 глав семейств [9, л. 29]. Список бежавших

с Колчаком граждан, прибывающих на жительство в г. Ижевск с Урала и Сибири, на 1921–1923 гг. содержит сведения о возрасте, социальном положении, партийности, занятии, откуда прибыл и где проживает вернувшийся гражданин [13].

Список граждан Камбарской волости, бежавших с белыми, составленный в 1919–1920 гг., включает 143 имени [14, л. 1–3 об.]. В деле имеется опись их имущества. Например, Ф.Л. Кондюрин, проживавший на ул. Базарной в д. № 6 и ушедший с двумя сыновьями, владел двухэтажным домом с обстановкой (кровать, зеркало, 2 шкафа, 6 столов, 6 стульев, часы, самовар, люстра), имел скот (корова, 3 овцы, 4 ягненка, поросенок, 6 куриц), хозяйственные постройки (непокрытый сруб, кузница, баня, сарай) [14, л. 4]. Здесь же имеется опись посуды из дома купца Г.С. Кондюрина: 2 самовара, 25 блюдец, 14 чашек, 4 сахарницы, 4 вазы, 36 больших тарелок, 10 средних тарелок, 10 маленьких тарелок, 20 больших и маленьких рюмок и т.д. [14, л. 19–19 об.].

В другом списке ушедших с белыми и вернувшихся домой, составленном Камбарским исполкомом в 1920–1921 гг., значатся 160 человек. Представлены сведения о возрасте вернувшегося, составе семьи, поведении в период захвата территории белыми войсками, причинах ухода. Так, о И.Е. Бабикове, 47 лет, рабочем Камбарского завода, отмечено: уходил с семьей первый раз с октября 1918 г. по апрель 1919 г., второй раз – с мая 1919 г., вернулся в Камбарку 16 мая 1920 г., «буржуй, вел злостную агитацию против Советской власти, участвовал в следственной комиссии белых, вредный тип, необходимо изолировать из Камбарской волости» [15, л. 2]. М.И. Чумакова, М.П. Старкова, А.И. Старкова, А.П. Плешакова охарактеризованы как «злостные белобандитки», а о М.П. Старковой добавлено, что «по ее преследованию расстрелян двенадцатилетний мальчик Бабиков» [15, л. 4], Ф.Г. Климовских «принимал участие в расстрелах, крайне опасный и преступный элемент» [15, л. 8]. В то же время, против большинства фамилий указано: «мобилизован белыми», «уходил от страха».

В августе 1920 г. Камбарский исполком выслал за пределы волости шесть граждан Камбарки «как крайне вредный контрреволюционный элемент». В сопроводительной записке обосновывалось принятое решение: «Все поименованные лица прибыли из лагеря Колчака, куда уходили еще в первое восстание, причем при свержении и аресте Совета в Камбарке в 1918 г. принимали самое активное участие в арестах советских работников и их избиениях, особенно гр. Сивенцев Василий Григорьевич,

который устраивал еще задолго до восстания фронтовиков местное восстание в зав. Камбарка, в чистый понедельник. Проживая в данное время в Камбарке все они ведут разлагающую работу, тайно поджигая население к восстанию путем антисоветской агитации и имеют связь с дезертирами» [16, л. 10].

Примыкают к данному виду источников протоколы заседаний комиссий уездных исполкомов по учету и распределению имущества лиц, бежавших с белогвардейцами, в которых имеются их имена, описи имущества и сведения о его использовании новыми органами власти.

После освобождения территории от антибольшевистских сил «пособники» белогвардейцев подверглись преследованиям. Приказ Глазовского уездного военно-революционного комитета от 27 июня 1919 г. вменил в обязанность всем гражданам уезда сообщить сведения о «насилиях белогвардейских банд во время их пребывания в уезде» и о способствовавших белогвардейцам лицах, сдать все имеющиеся белогвардейские газеты, воззвания и приказы, «выдавать местопребывание колчаковских агентов» [17, л. 209]. Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем при штабе 2-й армии Восточного фронта Ижевского отделения в ноябре 1918 г. объявила всем квартальным комитетам, домохозяевам и квартирнанимателям Ижевска о необходимости дать сведения о скрывающихся белогвардейцах и им сочувствующих, «за неисполнение сего укрыватели будут расстреляны» [18, л. 7].

В документах уездных чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, административных отделов исполкомов, милиции и народных судов сохранились следственные и судебные дела по обвинению граждан в пособничестве белогвардейцам. Так, членом Галановского волостного исполкома в ноябре 1919 г. был инициирован арест жителя с. Галаново Гр. Юшкова, который «при отступлении из села белых банд ходил по селению и возбуждал население к тому, чтобы все подводы были поставлены под отступающую белую банду» [4, л. 9]. В июле 1919 г. Глазовской уездной ЧК расследовалось дело священника завода Кокман М.В. Анисимова, который обвинялся в шпионаже в пользу белых. Из материалов дела становится известно, что после отхода красных войск и занятия завода белыми в доме священника располагался штаб белых, М.В. Анисимов показал офицерам дороги в близлежащие деревни, рассказал о настроениях красноармейцев и жителей села. Найдя обвинение недостаточным для наказания, священника освободили под надзор вол-

исполкома [19, л. 3–8]. Надо признать, что в основном и другие подобные дела заканчивались оправданием обвиняемых за недоказанностью факта преступления или незначительностью проступка.

Ценным источником для изучения состава белой армии является документация, связанная с ведением в первой половине 1920-х гг. органами ОГПУ и военкоматами особого и военного учета бывших офицеров и военных чиновников белой армии. В ЦГА УР сохранилось значительное количество документов, относящихся к его осуществлению. Основная часть таких документов, отложившихся в фондах военкоматов, представляет собой переписку по данному вопросу, анкеты, именные и послужные списки. Например, алфавит бывших белых офицеров и военных чиновников, состоящих на учете Сарапульского окружного военкомата, за 1924 г. дает возможность установить чин бывших белых офицеров и военных чиновников, в какой белой армии они служили, откуда прибыли (в основном из г. Красноярска, Ачинска, Иркутска, Омска, Владивостока), место рождения, где проживают и работают после возвращения (преимущественно счетоводами, секретарями, учителями, инспекторами, бухгалтерами, агрономами и т.п.) [20, л. 1–47].

Типовая анкета на бывших офицеров, чиновников белых армий содержала 40 пунктов. В их число входили вопросы, касающиеся личных сведений (фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, социальное происхождение, национальность) и сведений на ближайших родственниках (матери, отца, сестер, братьев), в т.ч. служат ли они в Красной или белых армиях, проживают ли на территории, занимаемой белыми. Некоторые имели отношение к военной службе и квалификации бывшего офицера: время поступления на службу, военное образование, характер деятельности в период Первой мировой войны и в период с февраля по октябрь 1917 г., с Октябрьской революции до поступления в белую армию, в каких должностях состоял и в каких боях принимал участие в составе белой армии. Ряд вопросов прояснял идейные убеждения анкетированного: отношение к революциям 1905 г. и 1917 г., к советской власти и партиям, политические настроения на момент заполнения анкеты. Например, в июле 1925 г. в Сарапульский окрвоенкомат из Сарапульского окружного отдела ГПУ НКВД поступили документы бывшего белого офицера Н.И. Потеряева как снятого с особого учета и подлежащего принятию на общий учет военнообязанных. Из представленной анкеты узнаем, что Н.И. Потеряев родился 5 мая 1894 г. в г. Перми, русский, сын купца, окон-

чил Пермское реальное училище и три курса Петроградского технологического института. Женат, живет с женой, сыном и двумя сестрами. В 1916 г. был мобилизован, служил военным летчиком в Сибирском авиаотряде, в декабре 1917 г. был демобилизован, жил в Сибири, но в сентябре 1918 г. мобилизован в армию Колчака. В г. Красноярске попал в плен, с мая 1920 г. по январь 1922 г. служил в авиаотряде в Красной армии. Родственников, связанных с белыми, не имеет. Отношение к советской власти – доброжелательное, ныне служит приказчиком в коммерческом заведении [21, л. 38–38 об.]. Всего на 1 сентября 1925 г. на учете в Сарапульском окрвоенкомате состояло 107 бывших белых офицеров и военных чиновников [21, л. 41].

Демократизация общественной жизни после Февраля 1917 г. стимулировала развитие национальных движений народов России. Возникшие в революционный период организации удмуртов (Глазовское культурно-просветительное общество, Елабужский удмуртский совет, Национальное общество удмуртов в г. Казани) под влиянием политики большевиков поставили задачу национального самоопределения удмуртов. Атмосферу подъема удмуртского национального движения 1918–1920 гг. передают документы делегатских съездов удмуртов Глазовского уезда, протоколы Всероссийских съездов удмуртов и уездных съездов национальных меньшинств, I Всероссийского съезда удмуртов – работников просвещения и социалистической культуры (Ф. Р-101, Ф. Р-962, Ф. Р-1072 и др.).

Таким образом, в фондах архива сохранился большой объем информативных источников, позволяющий реконструировать историю Удмуртии периода Гражданской войны. Документы дают возможность проанализировать социально-политическое и экономическое состояние региона, настроения и поведение различных социальных групп, проследить процесс формирования и деятельность новых органов власти, осуществить реконструкцию биографий и генеалогии участников Гражданской войны.

Список источников и литературы

1. История Удмуртии. XX век. Ижевск, 2005.
2. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. Р-197. Оп. 1. Д. 9.
3. ЦГА УР. Ф. Р-197. Оп. 1. Д. 11.

4. ЦГА УР. Ф. Р-204. Оп. 65. Д. 169.
5. ЦГА УР. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 42.
6. ЦГА УР. Ф. Р-197. Оп. 1. Д. 5.
7. ЦГА УР. Ф. Р-609. Оп. 1. Д. 14.
8. ЦГА УР. Ф. Р-609. Оп. 1. Д. 1.
9. ЦГА УР. Ф. Р-204. Оп. 65. Д. 170.
10. ЦГА УР. Ф. Р-204. Оп. 65. Д. 16.
11. ЦГА УР. Ф. Р-204. Оп. 65. Д. 76.
12. ЦГА УР. Ф. Р-204. Оп. 65. Д. 215.
13. ЦГА УР. Ф. Р-137. Оп. 3. Д. 10.
14. ЦГА УР. Ф. Р-204. Оп. 65. Д. 183.
15. ЦГА УР. Ф. Р-204. Оп. 65. Д. 187.
16. ЦГА УР. Ф. Р-204. Оп. 65. Д. 184.
17. ЦГА УР. Ф. Р-197. Оп. 1. Д. 5.
18. ЦГА УР. Ф. Р-452. Оп. 1. Д. 2.
19. ЦГА УР. Ф. Р-452. Оп. 1. Д. 3.
20. ЦГА УР. Ф. Р-452. Оп. 1. Д. 5.
21. ЦГА УР. Ф. Р-316. Оп. 3. Д. 3.

**O.I. Vasil'eva,
Izhevsk**

DOCUMENTS ON THE HISTORY OF THE CIVIL WAR IN THE CENTRAL STATE ARCHIVE OF THE UDMURT REPUBLIC

This article analyzes the information capabilities of documents which are presented in the Central State Archive of the Udmurt Republic. These sources are devoted to the history of Civil war in Udmurtia. The article represents archive sources and develops themes based on these materials. The Civil war hostilities on the territory of Udmurtia continued from August 1918 to June 1919. Newly formed soviet government had to deal with a lot of tasks, both peaceful and military. There are also presented documents which belonged to the participants of the armed confrontation of the Red and White armies. This publication will be of interest to a wide circle of readers who are interested in the Russian history and genealogists.

Keywords: Central State Archive of the Udmurt Republic, historical source, Soviet authority, Civil war, officers, Red guards.

МИФОЛОГИЗАЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРОПАГАНДЫ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются вопросы пропагандистской деятельности большевиков в годы Гражданской войны в России на примере мифологизации «Кизеловской трагедии».

Ключевые слова: Гражданская война в России, пропаганда, мифологизация, большевики, Кизеловская трагедия.

Победа партии большевиков в Гражданской войне в России была обусловлена множеством факторов, одним из которых являлась эффективная масштабная пропаганда, направленная на мобилизацию широких слоев населения с целью привлечения их на свою сторону.

Важным предметом пропаганды стала мифологизация многих аспектов, формировавших представление населения об окружающей их жизни. В нашей работе мы подробнее рассмотрим некоторые факторы и причины, которые способствовали распространению определенных мифов среди населения.

Гражданской войне предшествовала другая – «империалистическая, мировая, Великая» война, следовательно, во многих регионах бывшей империи люди привыкли к отсутствию того порядка и стабильности, которые им давала мирная жизнь. Разрушение нормальных условий и смена привычного уклада, а также недостаток информации способствовали усилению фактора нагнетания неуверенности.

Во время Гражданской войны территория огромного государства разделилась на множество автономных регионов, в которых власть периодически менялась, а связь с внешним миром не всегда удавалось поддерживать. Особенно это проявлялось в сельской и горнозаводской зоне, где никто не мог с уверенностью сказать, что происходит в разделенной стране.

В таких условиях населению было крайне трудно создать более-менее объективную картину мира, что стало прекрасной почвой для формирования различных мифов, объяснявших те или иные события.

Фактологическая часть при этом зачастую отходила на второй план. В свою очередь, большевики использовали мифологизацию в своих целях в качестве конкретного инструмента, а не стихийного события. Но миф невозможно было утвердить без признания его населением, поэтому каждый из них должен был отражать какой-то аспект реальной жизни.

Важным направлением мифологизации стало то, что каждая сторона представляла своего противника не просто как оппонента, но как непримиримого врага, способного на любые зверства.

Одним из таких примеров может служить так называемая Кизеловская трагедия. Большевиками был создан миф о массовом убийстве политзаключенных без суда и следствия. Позже это было использовано для обвинения сторонников антибольшевистского движения и последующей расправы над ними. Так, заведующий отделом юстиции Сибирского революционного комитета А.Г. Гойхбарг в своем заключении по уголовному делу против правительства Колчака писал, что «в одних кизеловских копиях расстреляно и заживо погребено около 8000» [1, с. 156].

Тот факт, что указанное количество погибших примерно равно численности жителей поселка, был замечен уже тогда. Поэтому председатель Екатеринбургской ЧК А.Г. Тунгусков в своем докладе приводил уже меньшую цифру: «В Кизеловских шахтах погребено и завалено камнями до 2000 человек, из которых половина были сброшены живыми» [2, с. 77].

В то же время сохранились задокументированные воспоминания местных жителей, содержащие совсем другие цифры. Обратимся к одному из них. Шахтер из Кизела Е.Ф. Дегтярев таким образом описывает это событие: «В 4 часа утра по местному времени состав с чердынскими заключенными прибыл в Кизел. Вскоре за этим последовала расправа. Заключенных разделили на 3 партии. Первые две конвоиры заставили прыгать в заброшенную шахту Артемьевского рудника, глубина которой составляла 60 метров. Но вот третью партию отправили в дальнюю шахту Христофоровского рудника, она меньше – около 20 метров. Многие заключенные выжили во время падения. После этого конвоиры начали забрасывать людей внизу камнями и железной арматурой». При этом Дегтярев сообщил, что трем заключенным удалось бежать. Когда пришли красные, трупы заключенных наконец-то достали. В первой шахте было 28 погибших, а во второй – 27, всего 55 человек, троим удалось избежать подобной участи [3, с. 367–375].

После распада Советского Союза многие исследователи обратили внимание на события, которые прежде считались однозначными и хорошо изученными. Однако нам хотелось бы указать на тот факт, что многие советские источники, содержащие воспоминания большевиков и рабочих, являются весьма тенденциозными и ангажированными и требуют особого подхода при изучении, особенно если историк собирается ссылаться на них. Так, исследователь О.С. Поршнева отмечает, что сборники устных рассказов 1920–1930-х гг. отличаются схематичностью изложения и сохранением аутентичного стиля и языка их авторов [4].

Таковым является один из ранних источников, который используют другие исследователи, и в котором описывается интересующий нас инцидент. С. Мирер и В. Боровик собирали в начале 1930-х гг. устные рассказы рабочих о событиях Гражданской войны, в т.ч. и о трагедии в п. Кизел. Однако уже в позднесоветское время некоторые исследователи ставили под сомнение подлинность этих историй, другие указывали, что данный материал составлялся таким образом, что не мог обеспечить научную достоверность текстов [5].

Поэтому мы обратимся к более позднему источнику, который освещает эту историю с точки зрения бежавшего политзаключенного. Крестьянин-большевик В.К. Суворов так описывал произошедшее. Зимой 1919 г. его арестовали вместе с другими активистами с. Пож. Всех их приговорили к каторжным работам и направили на заготовки леса в г. Чердынь. Утром 30 июня 1919 г. была объявлена эвакуация, и заключенных этапировали в г. Усолье, а затем по железной дороге отправили в Кизел. Рано утром 2 июля конвой из 25 солдат и 3 офицеров начал выводить заключенных из вагонов небольшими группами по 20 человек и, угрожая оружием, заставлял их прыгать в заброшенную шахту. Суворову удалось бежать: он оттолкнул одного из конвоиров, пока его вели от вагона к шахте. По его воспоминаниям, в партии из Чердынской тюрьмы было около 200 заключенных [6, с. 180–185].

Но не всегда создание подобных мифов преследует цель очернить противника. Порой, наоборот, используется для того, чтобы прикрыть действия руководства или отделить неприятные моменты от образа государства и правительства. Так, например, было с казнью адмирала А.В. Колчака. В официальной позиции это было представлено как решение Иркутского военно-революционного комитета, который действовал самостоятельно, исходя из сложившейся военно-политической обстановки.

новки. Но после распада Советского Союза были опубликованы многие документы, поставившие под сомнение традиционные советские мифы. Особый интерес здесь представляет телеграмма председателю Сибирского революционного комитета И. Смирнову от В.И. Ленина, в которой говорилось следующее: «Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступали так и так под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске» [7, с. 320]. В ходе создания данного мифа большевики преследовали сразу несколько целей. Во-первых, придавали легитимность собственным действиям, превращая трибунал над колчаковским правительством из расправы с политическим противником в законную процедуру. Во-вторых, создали образ кровожадного и антинародного врага, который действует не в интересах жителей, а ради собственных корыстных целей.

Благодаря образу сакральных жертв-мучеников (пролетарских героев), большевики легитимизировали жестокие методы борьбы со своими политическими врагами. Мифологизацию большевиками, а затем и советским правительством событий времен Гражданской войны еще предстоит исследовать. Доступ ко многим закрытым сейчас архивам позволит историкам по-новому взглянуть на события столетней давности. Однако уже сегодня можно сказать, что мифы той эпохи оказали значительное влияние на социальную мимикрию и последующее закрепление советской власти.

Список источников и литературы

1. Колчаковщина. Сборник воспоминаний и документов [Электронный ресурс] / Под ред. Н. Райвида и В. Быкова. Екатеринбург, 1924. Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/1506743> (дата обращения: 20.05.2018).
2. Рабочая революция на Урале. Эпизоды и факты [Электронный ресурс] / Под общ. ред. Н.И. Николаева. Екатеринбург, 1921. Режим доступа: <http://www.digar.ee/id/nlib-digar:131317> (дата обращения: 27.04.2018).
3. Революция. Устные рассказы рабочих о гражданской войне / Под ред. М.В. Морозова. М.–Л., 1931. 454 с.
4. Поршнева О.С. Образ «священной борьбы» в воспоминаниях рабочих и большевиков – участников Гражданской войны на Урале [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docplayer.ru/53379526-Obraz-svyashchennoy->

borby-v-vospominaniyah-rabochih-i-bolshevikov-uchastnikov-grazhdanskoj-voynu-na-urala.html (дата обращения: 17.06.2018).

5. Фольклор Урала. Сборник статей о народной прозе [Электронный ресурс]. Свердловск, 1976. Режим доступа: http://urbibl.ru/Knigi/kruglyashova/folklor_urala_2.htm (дата обращения: 12.05.2018).

6. В пороховом дыму. Воспоминания участников гражданской войны [Электронный ресурс]. Пермь, 1961. Режим доступа: <https://permbook.livejournal.com/97807.html> (дата обращения: 20.03.2018).

7. Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность. Кто, когда и как решил вопрос об убийстве А.В. Колчака? Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1998. 320 с.

**R.N. Gibadullina,
A.S. Sadykova,
Kazan'**

MYTHOLOGIZATION AS AN ELEMENT OF PROPAGANDA DURING THE CIVIL WAR

The article deals with the propaganda activities of the Bolsheviks during the Civil war in Russia. The paper dwells upon an example of the myth of the “Kizel tragedy”.

Keywords: Russian Civil war, propaganda, mythologization, bolsheviks, Kizel tragedy.

УДК 930.85:811.161

**В.Ю. Даренский,
г. Луганск**

ОТРАЖЕНИЕ ПРАВСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МОТИВОВ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ

В статье рассмотрены репрезентативные тексты русской поэзии XX в., авторами которых являются участники Белого движения. Выделяются главные нравственные мотивы, определявшие «белогвардейскую» психологию в ее художественном выражении: 1) завороченность красотой Родины, ради

которой не страшно умереть; 2) спокойствие и бесстрашие перед лицом смерти; 3) знание своей правоты и сознательное самопожертвование как плата за свободу; 4) надежда на посмертное воздаяние за совершенный подвиг; 5) Белое движение предано своим народом, и за это сам народ сразу же несет тяжкую расплату; 6) жалость к народу, который попал в рабство к новой власти; 7) страдания России уподобляются страданиям Христа – и отсюда надежда на ее воскресение.

Ключевые слова: Белое движение, поэзия, нравственность, менталитет, мотивы, «белогвардейская» психология.

Важнейшим аспектом понимания причин и движущих сил любого значительного исторического события является анализ тех субъективных представлений, которые имели его участники: о том, что происходит, в чем они участвуют и как к этому следует относиться. В исторической науке этот аспект определяется как исследование ментальности людей определенной эпохи и определенной социальной группы. Попытки непосредственно связывать мотивы действий людей и их отношение к происходящим событиям с их частными экономическими или политическими интересами всегда дают очень искаженный результат, поскольку не учитывают мотивов более высокого, *ценностного* порядка. Эти более высокие мотивы определяются отнюдь не экономическими и политическими факторами, а факторами нравственными и религиозными.

Именно игнорирование этих мотивов нравственно-религиозного порядка приводило к принципиальному непониманию причин Белого движения. Особо грубые искажения делал так называемый классовый подход, который давал «объяснение» причин Белого движения какими-то корыстными материальными интересами его участников. Однако анализ социального состава «красных» и «белых» показывает, что он принципиально не отличается, разница только в некоторых пропорциях. С обеих сторон воевали в социальном и классовом отношении практически одни и те же люди, причем часто переходили с одной стороны на другую. Очевидно, что разделение на «красных» и «белых» имело в первую очередь мировоззренческий, а не социальный и тем более не классовый характер. Узкая прослойка дореволюционного «правящего класса» – высшее дворянство и бюрократия, крупные промышленники – сразу же эмигрировала и в Гражданской войне не участвовала. Количество бывших офицеров дворянского происхождения с обеих сторон было примерно одинаковым

(хотя большинство тех, кто воевали за «красных», делали это не по идейным соображениям, а вынужденно – имея в заложниках семью или просто, чтобы не умереть с голоду). Основным состав белых армий включал тех же самых разночинцев, крестьян, рабочих и маргиналов, как и Красная армия.

Следовательно, понимание причин Белого движения следует искать не в социально-классовой сфере, а в сфере духовно-нравственной, мировоззренческой. Главными историческими источниками здесь являются свидетельства самих белогвардейцев о мотивах их борьбы в виде мемуаров, писем, дневников и художественной литературы. Что касается последней, то здесь наиболее ценным и адекватным источником является поэзия, а не проза. Проза предполагает художественный вымысел, а поэзия передает мотивы и мировоззрение людей самым непосредственным образом, и любая фальшь здесь сразу же чувствуется, лишая стихотворение искренности и художественной ценности.

Целью данной статьи является анализ репрезентативных текстов русской поэзии XX в., авторами которых являются участники Белого движения, в качестве материала для реконструкции ценностных мотивов данных участников Гражданской войны, их нравственного сознания и менталитета.

С этой точки зрения поэзия Белого движения до настоящего времени рассматривалась лишь фрагментарно. В частности, публикации стихотворений Арсения Несмелова, Сергея Бехтеева, Ивана Савина, Николая Туроверова, Марианны Колосовой и других сопровождалась статьями современных авторов, которые разъясняли их мировоззренческие и нравственные позиции [1], [2]. Тем не менее, целостной формулировки их мировоззрения до сих пор нет.

В качестве исходного пункта нашего анализа стоит рассмотреть легенду о гибели Николая Гумилева, обвиненного в участии в белогвардейском заговоре. Сохранилось свидетельство, якобы рассказанное чекистом – участником его расстрела. Оно звучит так: «Да... Этот ваш Гумилев – нам, большевикам, это смешно. Но, знаете, шикарно умер. Я слышал из первых рук. Улыбался, докурил папиросу... Фанфаронство, конечно. Но даже на ребят из Особого отдела произвел впечатление. Пустое молодечество, но все-таки крепкий тип. Мало кто так умирает. Что ж, сваял дурака. Не лез бы в контру, шел бы к нам, сделал бы большую карьеру. Нам такие люди нужны...». В ЧК он держался

мужественно, на вопрос конвоира, есть ли в камере поэт Гумилев, ответил: «Здесь нет поэта Гумилева, здесь есть офицер Гумилев» [3, с. 15]. На стене камеры Кронштадтской крепости, где последнюю ночь перед расстрелом провел Гумилев, были обнаружены нацарапанные стихи. Текст их такой:

В час вечерний, в час заката
Каравеллою крылатой
Проплывает Петроград...
И горит на рдяном диске
Ангел твой на обелиске,
Словно солнца младший брат.
Я не трушу, я спокоен,
Я – поэт, моряк и воин,
Не поддамся палачу.
Пусть клеймит клеймом позорным –
Знаю, сгустком крови черным
За свободу я плачу.
Но за стих и за отвагу,
За сонеты и за шпагу –
Знаю – город гордый мой
В час вечерний, в час заката
Каравеллою крылатой
Отвезет меня домой.

Некоторые исследователи подвергают сомнению как достоверность этого свидетельства, уже ставшего легендой, так и принадлежность этих стихов Н. Гумилеву. Считается, что достоверным является лишь семейное предание о том, что последними словами Гумилева были: «Господи, прости мои прегрешения, иду в последний путь!» [4, с. 298]. Но как бы там ни было, для изучения ментальности исторической эпохи важна сама по себе эта легенда, а не степень ее достоверности. Легенда, приписываемая чекисту, сама по себе очень хорошо показывает, как представлялся образ белого офицера в ту эпоху, причем даже и его «красным» врагам. Характерно, что когда образы белых офицеров появились в советском кинематографе 1970-х гг., то они точно соответствовали этому изначальному образцу. Что касается принадлежности этого стихотворения

Н. Гумилеву, то еще известный литературовед Н.А. Струве написал специальную работу, доказывающую его авторство: «Общее впечатление и стилистический анализ говорят в пользу подлинности этих предсмертных стихов Гумилева. В худшем случае, мы имеем дело с первоклассным подражанием, написанным большим знатоком гумилевской поэзии, усвоившим не только ее внешние приемы, но и дух» [5, с. 65]. Но опять-таки, независимо от авторства, можно утверждать, что в этом стихотворении, как в «зерне», заключены почти все самые важные мотивы всей позднейшей поэзии Белого движения.

Эти мотивы следующие: 1) Завороженность красотой Родины – таковой, какая она есть – ради которой не страшно умереть («В час вечерний, в час заката...»); 2) Полное спокойствие и бесстрашие перед лицом смерти («Не поддамся палачу...»); 3) Знание своей правоты и сознательное самопожертвование как плата за свободу («За свободу я плачу...»); 4) Надежда на посмертное воздаяние за совершенный подвиг («Но за стих и за отвагу... Отвезет меня домой»).

Другим репрезентативным текстом, показывающим нравственный исток Белого движения, является стихотворение А. Несмелова, в котором есть строки:

...Отважной горсти юнкеров
Ты не помог, огромный город,
Из запертых своих домов,
Из-за окон в тяжелых шторах.

Ты лишь исхода ждал борьбы
И каменел в поту от страха.
И вырвала из рук судьбы
Победу красная папаха.

Всего мгновение, момент
Упущен был – упал со стоном.
И тащится интеллигент
К совдепу с просьбой и поклоном...

Здесь Белое движение показано как преданное своим народом, и за это сам народ сразу же несет тяжкую расплату. Этот историософский аспект

одновременно является и аспектом нравственным, показывающим закон воздаяния и дарующий вечную славу преданным героям. С этим пятым аспектом тесно связан шестой – жалость к народу, который попал в рабство к новой власти, хотя бы и по своей собственной вине. Наконец, седьмой аспект/мотив поэзии Белого движения можно назвать мистическим. Он связан с видением страдания России как уподобления страданиям Христа. Этот мотив в русской поэзии впервые возникает в известном стихотворении Ф. Тютчева «Эти бедные селенья...» («Удрученный ношей крестной, / Всю тебя, земля родная, / В рабском виде Царь Небесный / Исходил, благословляя»). Но именно в белогвардейской, а затем эмигрантской поэзии он достигает своего широкого развития, в дальнейшем актуализируется и в России, начиная с 1990-х гг. Приведем наиболее яркие примеры воплощения этих мотивов у нескольких самых известных представительниц поэзии Белого движения.

Мотив красоты Родины, уничтоженной революцией, присутствует у многих поэтов, приведем лишь пример из стихотворения Ивана Савина, одного из самых ярких поэтов «Белой идеи»: «И смеялось когда-то, и сладко / Было жить, ни о чем не моля, / И шептала мне сказки украдкой / Наша старая няня – земля. / И любил я, и верил, и снами / Несказанными жил наяву, / И прозрачными плакал стихами / В золотую от солнца траву...». Иван Савин не относился к «привилегированным сословиям», он вырос в бедной многодетной семье в уездном городке Зеньков Полтавской губернии и, окончив в 1919 г. Зеньковскую правительственную гимназию, вступил в Добровольческую армию. Его восприятие дореволюционной России как «потерянного рая» нельзя объяснить какими-то особо комфортными условиями жизни, и люди его социального статуса намного чаще шли как раз в Красную армию. Такое восприятие основано на нравственных факторах, на особом благородном строе души. С этих же позиций воспринимал дореволюционную Россию, например, и Нобелевский лауреат И. Бунин, который дал самую высокую характеристику художественному уровню стихов Ивана Савина: «То, что он оставил после себя, навсегда обеспечило ему незабвенную страницу в русской литературе: во-первых, по причине полной своеобразности стихов и их пафоса; во-вторых, по той красоте и силе, которыми звучит их общий тон, некоторые же вещи и строфы – особенно» [Цит. по: 2, с. 251].

Соответственно, и революция воспринимается поэтом не как политическое событие, а как кощунство и святотатство, как разрушение целого прекрасного мира: «Пьяный хам, нескончаемой трезной / Затемнивший души моей синь, / Будь ты проклят и ныне, и присно, / И во веки веков, аминь!». «Белые» воспринимали «красных» не как политических противников, а как варваров, уничтожающих Россию как таковую. Если «красные» старались представить «белых» как пособников интервентов, поскольку они поддерживались Антантой, а ее войска стояли в нескольких морских портах, через которые велось снабжение белых армий, то для «белых» сами большевики были интервентами в абсолютном смысле слова, т.е. антирусской силой. В политическом отношении это выражалось в том, что в первый период Гражданской войны «красных» рассматривали как предателей и пособников немцев, что подтверждалось Брестским миром. Позднее, после поражения Германии «белые» воспринимали «красных» уже в более широком контексте: как наемников мировых «темных сил» (Н. Марков), «мировой закулисы» (И. Ильин), которые используются под видом «революционеров» для разрушения России, превращения ее в безликий «интернационал» ради «мировой революции». Фактическое отсутствие у «белых» четкой идеологии обычно рассматривается как их слабость, но специфика Белого движения как раз в том, что это было явление не идеологическое, а нравственное. «Белые» мыслили не идеологически, а *метафизически*, защищая свою идеальную Россию от тех, кто хотел ее уничтожить и заменить «интернационалом», воспринимая «красных» не просто как врагов, а как варваров и inferнальные силы, «восставшие из бездны», т.е. как врагов не в политическом, а в первую очередь в духовном смысле слова. Такое духовное, т.е. православное восприятие революции выразил Сергей Бехтеев в стихотворении 1920 г. «Русская Голгофа»:

Ликует Антихрист-Иуда,
Довольный успехом побед:
Свершилось вселенское чудо,
И царства христьянского – нет!..

И воинство с красной звездою,
Приняв роковую печать,

К кресту пригвождает с хулою
Несчастную Родину-Мать!

Мотивы бесстрашия перед лицом смерти, знания своей правоты и сознательного самопожертвования выразились, например, в стихах Ивана Савина: «Зевнули орудия, руша / Мосты трехдюймовым дождем. / Я крикнул товарищу: “Слушай, / Давай за Россию умрем”. / В седле подымаясь как знамя, / Он просто ответил: “Умру”. / Лилось пулеметное пламя, / Посвистывая на ветру». Чаще всего стихи на эту тему проникнуты самым пронзительным трагизмом, как, например, у Н. Снесаревой-Казаковой в стихотворении «Кадеты Каппелевцы»:

Они пели, безумные, пели –
Обреченные в жертву Вандалу.
На их черных кадетских шинелях
Еще свежая кровь не застыла!

Красный флаг наступал отовсюду,
Русь металась подстреленной птицей ...
Никогда, никогда не забуду
Эти русские, детские лица.

Или в строфах Николая Туруверова, ставшими известной песней:

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня,
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня.

А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Все не веря, все не зная,
Что прощается со мной...

Мотив надежды на посмертное воздаяние за совершенный подвиг у Ивана Савина выражен так: «Что для вечности временность гибели? / Пусть разбит Ваш последний очаг – / Крестоносного ордена стяг / Реет

в сердце, как реял в Галлиполи. / Вспыхнет солнечно-черная даль /
И вернетесь вы, где бы вы ни были, / Под знамена... И камни Галлиполи /
Отнесете в Москву, как скрижаль».

Мотив предательства Белого движения своим народом, за которое сам народ сразу же несет тяжкую расплату, у этого поэта особенно пронзителен: «И только ты, бездомный воин, / Причастник русского стыда, / Был мертвой Родины достоин / В те недостойные года. / Вот почему, с такой любовью, / С благоговением таким, / Клоню я голову сыновью / Перед бессмертием твоим». Вместе с тем, есть стихотворения, в которых звучит и укор Белому движению со стороны потомков:

Быть может в укор из отцов кой-кому
Пою я – держались не крепко,
Позволив, чтоб Русь превратила в тюрьму
Босаяцкая хамская кепка.

(Н. Воробьев. «Кадетам»)

У многих поэтов звучит мотив жалости к народу, попавшему в рабство к новой власти, который, по словам Георгия Иванова, «...Царю и Богу изменивший / Не достоин ни Царя, ни Бога». Классическими здесь стали строки Владимира Набокова в 1944 г.: «Каким бы полотном батальным не являлась / советская сусальной Русь, / какой бы жалостью душа не наполнялась, / не поклонюсь, не примирюсь / со всею мерзостью, жестокостью и скукой / немого рабства – нет, о нет, / еще я духом жив, еще не сыт разлукой, / увольте, я еще поэт». Из поэтов-участников Белого движения этот мотив жалости ярко выражен у Анатолия Величковского:

Моей России больше нет.
Россия может только сниться,
Как благотворный тихий свет,
Который перестал струиться.

Советским людям будет жаль
Навек исчезнувшего света.
Россия станет, как Грааль
Иль Атлантида для поэта.

Мы проиграли не войну,
Мы не сраженье проиграли,
А ту чудесную страну,
Что мы Россией называли.

Страдания России уподобляются страданиям Христа, и на этом основана вся надежда на ее воскресение. Князь Николай Кудашев в стихотворении «Русь» дает емкую формулу этой надежды: «Ничего кроме лютого горя, / Бог-Господь для тебя не судил! / Искривилась с Западом споря, / На Восход не считала могил... / Для того чтоб ты стала иною, / Поднимаю с молитвой пращу, / И готовясь к неравному бою / Я твой будущий образ крещу...». Эта надежда определяет и особое призвание поэта Святой Руси: «Жила бы лишь правда в народе. / На песни мои вам оков не надеть. / Я буду и мертвый восторженно петь / О Боге, Царе и свободе!» (С. Бехтеев). А классическими можно считать строки Н.А. Чудинова из «Покаянной»:

Со святыми в селеньях небесных
Упокой, Боже, павших в бою
За родную страну, и безвестных,
Убиенных за веру Твою...

Всеблагий, Всемогущий, помилуй,
Обрати на Россию свой взор,
Возврати ей и славу и силу
И сними поношений позор!

Для сравнения стоит отметить, что противоположная сторона – советская поэзия о Гражданской войне – по объему превосходит тексты поэзии Белого движения в тысячи раз. В 1920–1930-е гг. это была одна из главных тем, хотя ее художественный уровень оставляет весьма удручающее впечатление, лишь за исключением нескольких авторов: Э. Багрицкого, М. Светлова, В. Луговского и др. Тем не менее, даже названные авторы по своему художественному уровню, не говоря уже о мировоззренческой глубине, далеко уступают тем наиболее талантливым поэтам Белого движения, которые были здесь упомянуты. По сути, «красная»

поэзия о Гражданской войне была почти забыта уже после Великой Отечественной войны, полностью заслоненная этой новой темой. А поэзия Белого движения в начале XXI в. была открыта заново и становится все более известной, в первую очередь потому, что оказалась глубоко созвучной современному поэтическому переживанию исторических судеб России.

Если «красная» поэзия была тесно связана с определенной идеологией и ушла в забвение вместе с ней, то поэзия Белого движения основана не на идеологии, а на самых глубинных архетипах культуры. Выделенные здесь семь ведущих мотивов являются архетипическими сюжетами, составляющими глубинные основания культуры как таковой. Гибель Родины, нашествие варваров, героическая гибель и самопожертвование, посмертная награда, память поколений, возмездие врагам и возрождение поруганной Отчизны – эти мотивы как архетипические сюжеты присутствуют в любой культуре. Специфически русскими в поэзии Белого движения являются лишь мотивы мученичества за веру, идущие из христианской традиции, а также представление о священной Родине – Святой Руси, против которой направлен самый мощный и коварный удар темных сил. Благодаря этим содержательным моментам, а также яркому продолжению традиций русской классики, поэзия Белого движения имеет непреходящую художественную ценность. Но не меньшее значение она имеет и для понимания историками главных движущих сил Белого движения, поскольку последние носили в первую очередь духовно-нравственный характер.

Список источников и литературы

1. Хатюшин В. Блеск холодной стали // Меч в терновом венце: Поэты Белой гвардии. М.: МГТУ им. М.А. Шолохова, 2008. С. 5–27.
2. Полчанинов Р. Про Ивана Савина // Голос Эпохи. Литературно-общественный журнал. 2017. № 4. С. 250–257.
3. Зобнин Ю. Казнь Николая Гумилева. Разгадка трагедии. М.: Эксмо, 2010. 212 с.
4. Эльзон М.Д. Последний текст Н.С. Гумилева // Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. СПб.: Наука, 1994. С. 295–304.
5. Струве Н.А. Последнее стихотворение // Новый журнал. 1970. № 5. С. 59–66.

V.Yu. Darenskiy,
Lugansk

REFLECTION OF MORAL-PSYCHOLOGICAL MOTIVES OF THE “WHITE MOVEMENT” IN THE POETRY

The article deals with representative texts of Russian poetry of the XX century, which authors were members of the “White movement”. The main moral motives are determined. The “white guard” psychology in its artistic expression are defined as: 1) fascination with the beauty of the homeland, the willingness to die for it; 2) calm and fearlessness in the face of death; 3) knowledge of one’s rightness and conscious self-sacrifice as a payment for freedom; 4) hope for the posthumous reward for the perfect feat; 5) the “White movement” is betrayed by its people, and people heavily pay for betrayal; 6) pity for the people who fell into slavery to the new power; 7) the comparison of Russia’s suffering with the Christ’s suffering, and hence the hope for her resurrection.

Keywords: “White movement”, poetry, morality, mentality, motives, “white guard” psychology.

УДК 94(470.57)

А.О. Иванов,
г. Уфа

ОСВЕЩЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОССТАНИЙ 1918 Г. В УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ВЕДОМСТВЕННЫХ АРХИВОВ

В статье рассматривается антибольшевистское крестьянское восстание в с. Буряево весной 1918 г. Автор обращается к малоизвестному факту региональной истории начального периода Гражданской войны на территории Уфимской губернии. При подготовке публикации использованы материалы, до настоящего времени не введенные в научный оборот, в т.ч. и из закрытых ведомственных архивов.

Ключевые слова: крестьянство, Уфимская губерния, Гражданская война, восстания, ведомственные архивы.

История крестьянского социального протеста, выраженного в т.ч. и в форме восстаний, активно изучается в современной историографии. Этому во многом способствовала своеобразная археографическая и архивная революция 1990-х гг., связанная с кардинальными изменениями в данной сфере. Гуманитарная наука перестала подвергаться партийно-политическому контролю, исчезли «запретные зоны», наблюдался рост интереса к отечественной истории [1, с. 99]. За прошедшие почти три десятилетия археографическая деятельность в нашей стране приобрела значительные масштабы. По мнению В.П. Козлова, прорыв в «практической археографии» был связан с массовым изданием разных видов исторических источников, целых документальных комплексов различных исторических эпох, в первую очередь по отечественной истории XX в. [2, с. 3].

Важной вехой в публикации источников и привлечении к подготовке серьезных документальных изданий стало использование материалов ведомственных архивов и главным образом Центрального архива ФСБ России. Вопросам, связанным с введением в широкий научный оборот соответствующих документов и подготовкой на их основе сборников различной тематики, в современной историографии посвящены отдельные статьи [3].

Отметим, что на всероссийском уровне имеются солидные сборники документов, посвященные истории крестьянских восстаний периода Гражданской войны. Таковым является, по нашему мнению, издание «Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939». В данном случае особый интерес для исследователей представляют документы Центрального архива ФСБ России: информационные сводки, отчеты ВЧК – губчека, госинформсводки. Они содержат уникальные сведения о положении советской деревни в годы Гражданской войны и крестьянском движении [4, с. 33].

Вместе с тем на региональном уровне (имеется в виду прежде всего Республика Башкортостан) документы подобного рода, касающиеся истории крестьянства периода Гражданской войны и его участия в антибольшевистском сопротивлении, практически не публиковались и оставались недоступны исследователям. Данная статья отчасти призвана ликвидировать этот информационный «пробел».

Автор этих строк на протяжении ряда лет изучает историю крестьянства региона первой четверти XX в. и в ходе сбора источников стол-

кнулся с проблемой, обусловленной нехваткой фактического материала по теме исследования. Именно это и послужило причиной обращения в Управление ФСБ РФ по Республике Башкортостан с соответствующим запросом, в результате которого был получен доступ к делам интересующей тематики.

Следует отметить, что в ведомственных архивах ФСБ России хранятся материалы отечественных спецслужб 1917–1991 гг. Ранее эти архивные документы были недоступны исследователям, и лишь с начала 1990-х гг. начался активный процесс их рассекречивания и введения в научный оборот. Как отмечает в одной из своих статей историк отечественных спецслужб В.С. Христофоров: «Историкам практически сразу стало понятно, что новые, ранее неизвестные источники по истории России XX в. существенно дополняют, а в некоторых случаях и скорректируют сложившиеся концепции» [5, с. 95]. Вместе с тем сформировалась и обратная точка зрения, в соответствии с которой отдельные авторы убеждены (применительно к материалам архивных уголовных дел), что они чуть ли не полностью сфабрикованы и именно по этой причине их не следует публиковать [6].

Автор настоящей статьи придерживается мнения, что необходимо показать информативность рассматриваемого архивного источника, подерживая позицию историков, полагающих возможным и нужным их публикацию [7, с. 311] с обстоятельными комментариями и критическим подходом к таким документам.

В одной из предыдущих статей мы отмечали, что любое крупное и общественно значимое событие или явление нашей истории отражается в определенных источниках и соответствующей литературе [8, с. 86]. Одни источники откладываются в архивах и становятся доступны для исследователей, другие же по тем или иным причинам оказываются засекреченными.

Осмысление сложных вопросов российской истории XX в. путем изучения архивов ФСБ России представляется весьма важным и крайне необходимым. На современном этапе развития исторической науки некоторые авторы справедливо отмечают, что подобные документы малоизвестны читателям. Более того, отдельные исследователи убеждены, что такие документальные пласты еще не стали полноценным историческим источником [9]. Вместе с тем уникальность документов отечественных ведомственных архивов неоспорима.

Возвращаясь к нашей теме, отметим, что одним из важных аспектов Гражданской войны в России являются многочисленные крестьянские восстания, произошедшие в 1918–1921 гг. Отечественные исследователи в основном обращали свое внимание на восстания 1920–1921 гг., причем преимущественно в тех регионах, где они носили широкомасштабный характер, например, в Тамбовской губернии [10], [11], [12], [13], [14], [15], [16], [17], [18], [19].

Вместе с тем специфика периода Гражданской войны в Уфимской губернии обусловлена тем, что еще в 1918 г. подобные факты имели место в селах региона. Яркий пример этого – восстание крестьян в с. Бураево Бирского уезда Уфимской губернии. Кроме рассматриваемого нами восстания были и другие факты антибольшевистского сопротивления местных крестьян, но в данном случае мы остановимся именно на этом эпизоде.

Предваряя краткое описание событий в с. Бураево весной 1918 г., следует отметить, что экономическая ситуация в Уфимской губернии в конце 1917 – начале 1918 гг. характеризовалась проведением кардинальных преобразований в деревне. Общеизвестно, что с победой Октябрьской революции и утверждением новой власти в стране ликвидировалась частная торговля, было объявлено о немедленной отмене помещичьей собственности на землю; введен прямой продуктообмен между городом и деревней, по карточкам стало распределяться продовольствие. Большевистскому руководству по причине угрозы голода в крупных городах было необходимо продовольствие, прежде всего хлеб.

В деревне стала проводиться политика хлебной монополии, позже, в январе 1919 г., получившая официальное название продразверстки – новой системы заготовок продовольствия, основанной на обязательной сдаче крестьянами государству по твердым ценам (сверх установленных норм на личные и хозяйственные нужды) излишков хлеба и других продуктов. Первые продовольственные отряды, занимавшиеся реквизицией хлеба, появились на территории Уфимской губернии уже в ноябре 1917 г. [20]. В последующем (в мае 1918 г.) они продолжили свою деятельность.

Продотряды представляли собой специально сформированные и подобранные вооруженные группы людей, которые фактически отбирали у крестьян продукты, руководствуясь зачастую нереальными

и завышенными планами [21]. Именно поэтому зажиточное крестьянство Уфимской губернии было поставлено заведомо в невыгодное положение, т.к. приходилось отдавать почти за бесценок полученный тяжелым трудом конечный продукт. Подобная социально-экономическая политика новой власти и послужила толчком к крестьянским восстаниям, произошедшим в Уфимской губернии в первой половине 1918 г.

Подробное описание причин и оценка имеющейся историографии и источниковой базы даны нами в одной из предыдущих статей [22]. Особенностью антибольшевистского выступления в с. Бураево было тесное переплетение требований национально-государственного (или «автономистского») и экономического характера. В ситуации глубочайшего кризиса, охватившего все сферы жизни общества, Бураевский башкирский национальный Совет (Шуро) пытался создать своеобразную «зону спокойствия» на отдельно взятой территории. Для этого он постановил признать хлеб, ранее заготовленный для армии в количестве 500 тысяч пудов, и финансовые средства в размере 300 тысяч рублей принадлежащими автономному району. Также в ходе антибольшевистского выступления жители села арестовали членов волостного совета и провозгласили образование Бураевского башкирского кантонства. Кроме того, был создан орган самоуправления – Бураевский башкирский национальный совет, сформирован вооруженный отряд для борьбы «против большевиков» [23].

Несмотря на противоречивость источников, следует признать, что восстание носило длительный характер и с первой попытки подавлено не было. Согласно информации, опубликованной в газете «Кюряш» [24, с. 413, 470], в разгар событий в с. Бураево прибыл небольшой отряд Красной гвардии, которому мятежники оказали сопротивление, и ему пришлось вернуться обратно. Будучи опытным большевиком, а в прошлом – подпольщиком, председатель Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Бирска И.С. Чернядьев для подавления восстания решил выиграть время. Начались переговоры, на которые приехали и представители из с. Бураево. И.С. Чернядьев пытался объяснить крестьянам цель изъятия «излишков» хлеба [25, с. 71–74]. Тем временем к концу марта с подходом нового подкрепления формируется более мощный отряд и выдвигается в Бураево, уже не опасаясь сопротивления.

В итоге выступление крестьян было подавлено, советская власть восстановлена, экспропрированы хлеб и деньги, подготовленные для отправки в центр страны, арестованы наиболее активные участники восстания, но его руководителям (С. Максудов, Ш. Хамитов) удалось скрыться. Архивные материалы свидетельствуют, что в последующие годы с. Бураево было взято под особый политический контроль соответствующих структур [26].

Возвращаясь к документам архива регионального Управления ФСБ РФ по Республике Башкортостан, отметим, что материалы о событиях в с. Бураево относятся к концу 1920-х – началу 1930-х гг. и процессу коллективизации и раскулачивания в деревне. Что касается истории рассматриваемого крестьянского восстания, отметим факт наличия материалов по нему, из которых следует, что местное крестьянство проявляло настоятельность, а зачастую выступало резко против аграрных мероприятий советской власти вплоть до начала процесса коллективизации. Весьма характерна в этом отношении точка зрения, зафиксированная в протоколах допросов и обвинительных заключениях, где показана реальная позиция крестьянства по отношению к аграрным мероприятиям, последовавшим в деревне после 1917 г., а также в начале 1930-х гг.

В крестьянском сознании сформировалась точка зрения, что «хлеб государству сдавать не надо, хлеба у нас нет. Отбирают последний хлеб. Крестьян грабят. Скоро будем умирать с голоду» [27, л. 4]. Судя по материалам одного из дел, бураевское крестьянство «старательно» обходило тему 1918 г., но, несмотря на это, в уголовных делах его обвиняли в том, что «будучи непримиримым врагом Советской власти и на протяжении периода с начала революции до последнего времени ведет скрытую агитацию против Соввласти» [27, л. 17].

Рассмотренные факты позволяют сделать вывод о том, что в с. Бураево и после восстания 1918 г., и практически до начала коллективизации крестьяне уже не явно, а скрытно противодействовали аграрной политике советской власти.

Таким образом, в статье кратко освещены некоторые итоги работы по выявлению и изучению архивных материалов, освещающих один из аспектов истории крестьянства XX в., связанный с восстаниями 1918 г. на региональном уровне. Разумеется, представленные источники требуют дополнительной систематизации. В небольшом исследовании не пред-

ставляется возможным полностью опубликовать, проанализировать, прокомментировать весь материал, касающийся заявленной тематики. Вместе с тем настоящая статья стала одним из промежуточных этапов ее разработки автором.

Список источников и литературы

1. Степанский А.Д. Археография отечественной истории XX века. М., 2004. 210 с.
2. Козлов В.П. Теоретические основы археографии. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 152 с.
3. Христофоров В.С. Введение в научный оборот документов ЦА ФСБ России по истории государственного строительства и управления // Археография Южного Урала: Архивные ресурсы по изучению истории государственного строительства и административно-территориального устройства России: Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции 30 ноября 2012 г. / Под ред. А.Б. Юнусовой. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН. 2012. С. 5–13.
4. Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Пенза, 2001. 561 с.
5. Христофоров В.С. Документы по истории Мордовии в архивах ФСБ России // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2012. № 2. С. 95–102.
6. Головкова Л.А. Особенности прочтения следственных дел в свете канонизации новомучеников и исповедников Российских [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sdsmp.ru/smi/2395/> (дата обращения: 12.09.2018).
7. Иноземцева З.П. Источниковедческие аспекты новой книги, подготовленной по документам архивов ФСБ // Вестник архивиста. 2014. № 1. С. 307–313.
8. Иванов А.О. Документы фондов Национального архива Республики Башкортостан об антибольшевистских крестьянских восстаниях на территории Уфимской губернии в первой половине 1918 г. (источниковедческие размышления) // Археография Южного Урала: Документальное наследие революции 1917 года: Материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. А.Б. Юнусовой. Уфа: Мир печати. 2017. С. 86–93.
9. Балакин В.С. Рецензия на сборник статей и материалов В.С. Христофорова «История страны в документах архивов ФСБ России» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15. № 2. С. 110–111.

10. Иванов Д.П., Канищев В.В. Естественноисторические предпосылки Тамбовского восстания 1920–1921 гг. // История и современность. 2010. № 2. С. 112–125.

11. Бобков А.С. Тамбовское восстание: вымыслы и факты об использовании удушающих газов // Военно-исторический журнал. 2011. № 1. С. 3–10.

12. Красников В.В. Организационно-правовые основы деятельности местных органов власти в Тамбовской губернии после Антоновского восстания 1920–1921 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 6–2. С. 113–115.

13. Хохлов В.А. Фильм «Жила-была одна баба»: кинообраз Тамбовского восстания // Новый исторический вестник. 2012. № 31. С. 134–137.

14. Иванов Д.П., Щербинин П.П. Психология крестьянского бунта: предпосылки и особенности Тамбовского восстания 1920–1921 гг. // Центр и периферия. 2016. № 2. С. 18–25.

15. Канищев В.В. Дискуссионные проблемы изучения Тамбовского восстания 1920–1921 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 6–2. С. 40–44.

16. Комбарова Л.А. Организационно-идеологическая борьба большевиков против повстанческих настроений крестьянства в период Тамбовского восстания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 6–2. С. 44–47.

17. Посадский А.В. Тамбовское восстание: возможности и направления изучения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 6–2. С. 86–89.

18. Болтнев Г.Г. Причины и последствия крестьянского восстания в Тамбовской губернии (через призму судьбы семьи) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 6–2. С. 13–16.

19. Иванов Д.П. Тамбовское восстание 1920–1921 гг. с точки зрения терминологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 6–2. С. 36–40.

20. Давлетшин Р.А. Военный коммунизм // Башкирская энциклопедия: в 7 т. / Гл. ред. М.А. Ильгамов. Уфа: Башкирская энциклопедия. 2006. Т. 2. С. 101–102.

21. Елисеев Г. Военный коммунизм // Гражданская война в России: энциклопедия катастрофы / Сост. и отв. ред. Д. Володихин. М., 2010. С. 70.

22. Иванов А.О., Алдашов А.Н. Крестьянское восстание в селе Буряево Бирского уезда Уфимской губернии в марте 1918 г. (к оценке историографии и источниковой базы вопроса) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. Т. 19. № 3–2. С. 357–365.

23. Мордвинцев Г.В. Буряевское восстание 1918 // Башкирская энциклопедия: в 7 т. / Гл. ред. М.А. Ильгамов. Уфа: Башкирская энциклопедия. 2005. Т. 1. С. 568.

24. Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии (февраль 1917 г. – июнь 1918 г.): Сборник документов и материалов / Под ред. З.А. Аминова и др. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1957. 532 с.

25. Лукманов А.Г. И.С. Чернядьев: биографический очерк. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1979. 139 с.

26. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 378. Оп. 1. Д. 13.

27. Архив Управления ФСБ РФ по Республике Башкортостан. Д. В-4174.

A.O. Ivanov,
Ufa

THE REFERENCE OF PEASANT REBELLIONS OF 1918 IN UFIMIAN PROVINCE IN THE DOCUMENTS OF STATE AND PARTICULAR AGENCY ARCHIVES

The article examines the anti-Bolshevik peasant rebellion in the village of Buraevo in the spring of 1918. The author refers to the little-known fact of the local history in the early phase of the Civil war in the territory of the Ufimian province. During the preparation of the paper, it was used the materials that have not been introduced into scientific discourse, including those from closed particular agency archives.

Keywords: peasantry, Ufimian province, Civil war, rebellions, particular agency archives.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ: ПРЕОДОЛЕТЬ «МЕНТАЛЬНЫЙ РАСКОЛ»

Статья посвящена анализу некоторых проблем изучения Гражданской войны в России применительно к ее восточным регионам. В центре внимания автора – развитие событий в Сибири с учетом социально-экономической и социокультурной специфики данного региона. Особое место уделено анализу основных направлений современной историографии Гражданской войны с установкой на выявление перспективности применения новых исследовательских методов и подходов. Рассмотрены также современные принципы периодизации.

Ключевые слова: Россия, Гражданская война, методология, историография, Сибирь, А.В. Колчак, Иркутск, Белоголовые, Словения, Королевство СХС.

Гражданская война в России – одно из тех исторических событий, которым суждено находиться в эпицентре как научных, так и политических дискуссий, проецирующихся не столько на прошлое, сколько на настоящее и будущее страны. При этом охват дискуссионных тем носит поистине глобальный характер, включая в себя в том или ином виде все аспекты понимания единого исторического процесса и его преломления в конкретных советских/российских условиях. При этом, если во времена Советского Союза события Гражданской войны рассматривались преимущественно в контексте процесса «триумфального шествия Советской власти» и победы социализма в СССР, то сегодня центр дискуссий в значительной степени смещается от конкретной расстановки сил между лагерями «красных» и «белых», до анализа самого явления в общецивилизационном формате, в т.ч. в общественно-политическом и социокультурном дискурсе.

Как справедливо отмечает в данной связи российский исследователь М.Е. Разиньков, «гражданская война – это раскол общественного сознания. Смысл, который вкладывался в ранее однозначные понятия, становился многомерным, одни и те же слова, термины люди толковали по-своему. Участники гражданского противостояния на территории

бывшей Российской империи по-разному понимали, что такое «гражданская война». Эта разница выражалась в определении сущностного наполнения противостояния (феноменологическое измерение); в оценочном отношении к гражданской войне, варьировавшемся от полного одобрения до абсолютного осуждения, причем с четко обозначившимся «средним мнением» (моральное измерение); в указании хронологических границ войны (темпоральное измерение). Каждая сторона, каждая значимая политическая партия старалась внедрить в общественное сознание свое толкование происходящего. Итоги этой войны интерпретаций оказали влияние на развитие исторической науки в СССР, отложились в долговременной исторической памяти населения, использовались и используются в идеологических конструкциях» [1, с. 3–4].

Ожесточенные дискуссии по проблемам Гражданской войны являются следствием глубинных процессов и «разломов», порожденных данным явлением в общественно-политической жизни страны. Российский историк И.В. Курышев справедливо указывает в данной связи на «достаточно глубокие изменения в человеческом сознании, которые произошли под влиянием ожесточенной, кровавой борьбы, расколовшей общество» в рассматриваемый период [2, с. 155].

При этом жестокостью отличались все вовлеченные в противостояние стороны – каждая из которых при этом приводила в свое оправдание аргументы как политического, так и морального свойства. Об их характере можно судить по следующему фрагменту из воспоминаний одного из руководителей антиколчаковских партизанских отрядов, действовавших на Алтае, И.В. Громова: «Мы решили в противовес белому террору, чинимому карательными отрядами, объявить красный террор и... расстреляли две кулацкие семьи вместе с их детьми. Наверно, кто будет читать мои воспоминания, назовет нас зверями за нашу расправу, но должен сказать, что мы шли на это вполне сознательно, чтобы этим красным террором приостановить белый террор и этим самым спасти сотни и тысячи невинных человеческих жизней, которых выдавало кулачество как большевиков» [3, с. 175].

Кроме того, в рядах и Белого, и Красного движения времен Гражданской войны в значительном количестве присутствовали маргинальные элементы, «деятельность» которых не имела ничего общего с идеалами и тех, и других. Подобная ситуация была характерна, в частности, для сибирского фронта: «Среди сибирских повстанцев-партизан выделялся

мощный слой маргиналов, со всеми характерными для них личностно-психологическими чертами. Разрушение прежней системы ценностей, неудовлетворительные социально-бытовые условия – все эти факторы вызывают состояние социальной отверженности личности, что формирует готовность к преступному поведению», «нельзя не учитывать и чрезмерную жестокость, эмоциональность, масштабность белого террора, направленного не только против участников антиколчаковского повстанческо-партизанского движения, но также против пленных и мирного населения», – напоминает в этом контексте И.В. Курьшев [2, с. 154]. По оценке исследователя, «мировосприятие, порожденное Гражданской войной, еще длительное время обуславливало поведение многих людей, порождая проявления насилий, преступных акций, в т.ч. и «красного бандизма» [2, с. 158].

Еще одним важным аспектом изучения Гражданской войны в России следует признать такой фактор, как явное или скрытое отождествление ее участников не просто с той или иной социальной, этноконфессиональной группой или военно-политической структурой, но и с конкретной государственной моделью. Следует в определенной степени согласиться с точкой зрения о том, что «гражданская идентичность обычно бывает связана с государственной идентичностью» [4, с. 131]. При этом границы самой «государственной идентичности» могут трактоваться весьма широко – как в территориальном, так и в хронологическом смысле.

С точки зрения понимания сложного и многоуровневого характера Гражданской войны в России представляется важным процитировать высказывание В.И. Ленина, сформулированное им в феврале 1919 г., но позднее преданное фактическому забвению по причине изменения геополитических условий в Европе. Речь идет о ленинском тезисе о «мировой гражданской войне», о которой, по словам руководителя Советского государства, можно было говорить с конца 1918 г. Данная война включала в себя, по мнению Ленина, революции в Германии и Австро-Венгрии, общее нарастание революционных настроений в Европе и открытую вооруженную и финансовую поддержку странами Антанты Белого движения и сформированных им в России ряда «национальных правительств» [5, с. 113–114].

Так или иначе, периодизация Гражданской войны остается одним из ключевых направлений в исследовании указанной проблемы. Это лишь

подчеркивает многоплановость самого явления, поскольку разделение на периоды того или иного исторического события само по себе выступает в качестве «динамической модели», отражая его качественные состояния в тот или иной отрезок времени [6, с. 110].

«Смысл, философия периодизации как метода сущностного и существенного познания – выявить главные, наиболее характерные особенности различных периодов», – обоснованно указывает в этой связи профессор Уральского федерального университета В.С. Прядеин [7, с. 141].

В контексте сущностной характеристики и периодизации Гражданской войны в России особое место принадлежит развитию ситуации в Сибири. Если А.И. Деникин рассматривал отправным моментом «русской Смуты» саму Октябрьскую революцию 1917 г., то участники событий из более низшего звена в иерархии Белого движения вели отсчет преимущественно с лета–осени 1918 г. – с начала полномасштабных боевых действий в Сибири, в частности, в районе Омска. М.Е. Разиньков в значительной степени прав, говоря о «локальности» оценок динамики Гражданской войны в России, присущей представителям Белого движения. Однако подобная «локальность» все же является объективным фактором, порожденным, с одной стороны, географическими и социально-политическими масштабами самого исторического явления (которое трудно подвергалось обобщению, особенно «по горячим следам»), а с другой – значимостью именно сибирского региона в контексте Гражданской войны. Несомненно, сказывается и общая «встроенность» рассматриваемой проблемы в общий контекст обострившихся в последние годы дискуссий по проблемам российской истории: «“Война интерпретаций”, с одной стороны, показывает стремление сторон создать свою объяснительную модель развернувшихся в России событий, а с другой, говорит о полностью разрушенном коммуникативном поле социума» [1, с. 14].

Богатая событиями и драматическими поворотами история видных сибирских династий – еще одно крайне перспективное направление в контексте рассматриваемой темы. В качестве примера можно привести династию крупных иркутских купцов, промышленников и меценатов Белоголовых. Ряд ее представителей пошел по военной службе, принимали участие в Гражданской войне в родном регионе. Так, Сила Васильевич Белоголовый (1885–1946), будучи студентом Горного института, вначале добровольцем отправился на Русско-японскую войну 1904–1905 гг., где проявил личную храбрость. В годы Первой мировой войны

сражался в рядах Седьмой Сибирской дивизии и уже к февралю 1915 г. (т.е. фактически всего за полгода боевых действий) имел в своем послужном наградном списке Георгиевские кресты всех четырех степеней и медаль «За храбрость». В годы Гражданской войны в Сибири он воевал в армии А.В. Колчака и дослужился до звания штабс-капитана. После поражения Колчака эмигрировал в 1922 г. в Китай, до 1932 г. работал на КВЖД. Скончался в 1946 г. в китайском Харбине [8].

Воевал в составе колчаковской армии в чине армейского капитана еще один видный представитель династии Белоголовых – Андрей Васильевич (1895–1977). После завершения Гражданской войны ему также пришлось отправиться в эмиграцию – сначала в Корею, а затем в США.

Проблематика Гражданской войны также выступает важным элементом историографии европейских стран, так или иначе имевших к ней отношение. И здесь она, в первую очередь, в государствах Центральной и Восточной Европы, оказывается «вплетенной» в процессы формирования собственной национально-государственной идентичности. Характерной в плане современных подходов историографии данного региона к событиям Гражданской войны в России является следующая выдержка из статьи словенского исследователя Юрия Перовшека (Институт новейшей истории в Любляне), посвященной судьбе солдат и офицеров армии барона П. Врангеля: «В ноябре 1920 года Гражданская война на юге России была закончена. В течение нескольких дней русская армия под командованием генерала Петра Врангеля была почти целиком переброшена на Балканы. К июню 1921 года часть армии нашла временное убежище в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Офицеры русского корпуса были зачислены на службу в пограничную стражу, однако приобрели там скверную репутацию, т.к. они часто вели себя нечеловечески в отношении жителей приграничных областей. Недовольство коренных жителей также вызывал тот факт, что средства на содержание армии выделялись из государственной казны. Внешний вид офицеров, которые продолжали носить российскую военную форму и царские медали, стараясь тем самым подчеркнуть свое особое положение, стал еще одним раздражителем. Все это вместе переполнило чашу терпения народа. Редкие и завуалированные протесты против пребывания русских военных частей на территории Королевства превратились в открытые и громкие. Все чаще начали звучать призывы снять военных Врангеля с пограничной службы, перевести их на положение гражданских беженцев, а в конечном итоге,

выслать русских солдат и офицеров из страны. Это решение проблемы устроило все политические лагеря, и в 1922-ом Национальное собрание Королевства СХС принесло решение отозвать армию Врангеля из югославских пограничных подразделений. Последовавший отъезд военных вызвал нескрываемое облегчение местных жителей, и, наконец, принес мир и без того тяжело восстанавливающемуся после Первой мировой войны словенскому обществу» [9, с. 19–20].

Вышеперечисленные аспекты процесса изучения Гражданской войны в России в целом и в ее восточных регионах в частности настоятельно требуют привлечения новых когнитивных и аналитических методов, как носящих строго фактологический характер (социально-экономическая и социокультурная статистика), так и предусматривающих историческое моделирование на основе в т.ч. применения принципов ситуационной логики. Последние, в частности, предполагают выявление и воссоздание «многопричинности» тех или иных исторических событий и процессов и разработку моделей их условно-возможного развития в зависимости от преобладания тех или иных факторов в конкретные «узловые» моменты истории [10, с. 167].

Подобные междисциплинарные подходы способны не только обогатить знания из области предпосылок, конкретного развития и результатов Гражданской войны на востоке России, но и более четко «встроить» историю Сибири в общероссийскую историческую канву, одновременно вычленив и подчеркнув ее уникальные черты и особенности.

Наконец, переосмысление истории Гражданской войны в России и преодоление «ментального раскола» в ее оценках является важным фактором в повышении общего уровня знаний российского общества об этом одном из ключевых периодов в истории России. В данной связи вполне можно согласиться с тем, что «продолжавшаяся почти пять лет и унесшая жизни миллионов наших соотечественников Гражданская война слабо отрефлексирована в общественном сознании», а ее события «представляются большинству далекими и не слишком значимыми». Не случайно, согласно последнему профильному опросу ВЦИОМа, 36 % опрошенных подчеркнули, что «красные» и «белые» – это далекое прошлое России, не имеющее отношения к современности [11].

Подобная тенденция научно-образовательного «размывания» периода Гражданской войны является весьма прискорбной и, безусловно, не отвечает задачам повышения роли и места исторических знаний в России.

Список источников и литературы

1. Разиньков М.Е. Война интерпретаций: концепция «гражданской войны» в российском политическом сознании 1917–1922 гг. // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 3–15.
2. Курьшев И.В. Деструктивное поведение сибирских партизан и повстанцев в годы Гражданской войны // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 153–159.
3. Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии. 1917–1922: Хрестоматия. Барнаул: ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 2001. 528 с.
4. Дробижева Л.М. Теоретические проблемы изучения гражданской идентичности и социальная практика // Россия и мир: анатомия современных процессов. М., 2014. С. 130–146.
5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 38. М.: Изд-во политической литературы, 1969. 580 с.
6. Мазур Л.Н. Методологические проблемы периодизации истории России и Урала: в поисках универсальной модели // Гуманитарная академическая наука Урала: приоритеты и перспективы исследовательского поиска: Материалы Всероссийской научной конференции. 17–18 июня 2013 г. Екатеринбург, 2013.
7. Прядеин В.С. О некоторых дискуссионных методологических (научно-ведческих) вопросах исторических исследований // Вопросы истории. 2017. № 2. С. 138–145.
8. Капиталист. 2014. № 3(74).
9. Perovšek J. Odpoklic Wranglovcev iz obmejne službe in njegov odmev na Slovenskem leta 1922 // Monitorish. 2015. № 1.
10. Искендеров П.А. Проблемы применения принципов ситуационной логики в изучении истории международных отношений. М.: Наука, 1999.
11. Аптекарь П. Забытая война // Ведомости. 2018. 27 июня.

**P.A. Iskenderov,
Moscow**

CIVIL WAR IN RUSSIA: TO OVERCOME “THE MENTAL SPLIT”

The article analyzes some Civil war reserch problems in the context of Russia's east regions. Author pays particular attention to the economic and social situation in Siberian region during the studed period. Modern historiography of the

Civil war in Russia is also analyzed. The author aims to show the prospects of modern methods' use in periodization study.

Keywords: Russia, Civil war in Russia, methodology, historiography, Siberia, Alexander Kolchak, Irkutsk, the Belogolovyyes, Slovenia, Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes.

УДК 94(470+570)''19''

Е.В. Кондакова,
Москва–Пермь

ОБРАЗЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ЛИЧНЫХ ДНЕВНИКАХ

После потрясений начала XX в. 1917 г. порождает новую череду повсеместных «катастроф». Поднимается волна насилий, грабежа, возобновляется угроза смерти. Страх, к которому невозможно подготовиться, ломает привычную повседневность людей. Новая реальность начинает формироваться за счет появления все новых слухов, которые становятся главным источником информации о происходящем. В условиях подобной разрухи, когда на плечи людей ложится груз войны, дневник приобретает иную значимость.

Ключевые слова: радикализация, техники вживания, социальная катастрофа, новая реальность, маленький человек.

Политические и гражданские беспорядки, подобные тем, что имели место в начале века, с новой силой возобновились в 1917 г. То, что было на какое-то время забыто, пришлось вспомнить вновь и заново приспособиваться к уже более кардинальным переменам: «Я – обыкновенный русский человек. Я люблю природу, люблю детей и люблю полезный труд. Ни зависти, ни злобы у меня ни к кому нет. Я хочу работать, жить, никому не мешать и чтобы мне никто не мешал. Я испытываю отвращение ко всякому насилию. И вот судьба помещает меня в котел русской революции. Стать в ряды борцов какой-либо партии я не могу, я не способна к борьбе. Мирная работа сейчас очень затруднена. Кругом кипят партийные страсти. И во мне они вызывают, главным образом, тоску и отвращение», – описывает свои переживания Зинаида Денисьевская, 30-летняя школьная учительница из Воронежа [1].

С начала общественного движения 1904–1905 гг. героиням понадобилось не меньше двух лет, чтобы перейти от мирной жизни к ощущению опасности. В данном же случае перестановка происходит гораздо быстрее. Подобная ускоренная радикализация связана прежде всего с наличием собственного опыта. Если в дневниках 1904–1907 гг. мы видим попытки каким-то образом скрепить повседневность, то здесь из-за слухов она уже разрушена, и человек вынужден существовать в сложившейся реальности. Однако, когда появляется возможность хоть на немного восстановить привычный порядок, человек пытается выйти из переживаний катастрофы, нормализуя кошмары. Происходит восстановление ценностного порядка, которого пока нет в реальной жизни, но который можно сконструировать в дневнике. Люди готовы к чему угодно, лишь бы не вернуться в прежнюю ситуацию.

Пришедшее к власти большевистское правительство становится для представителей интеллигенции очередным вызовом. Непонятная новая власть, совершенно непохожая на прежнюю, требует осмысления. Поскольку о ней мало что известно, происходит поиск аналогий и заимствование образов власти из уже известных дискурсов, связанных с Французской революцией. Зинаида Денисьевская в своем дневнике встречала новую власть следующими словами: «Меня тревожит и пугает победа большевиков. Я им не верю. У них нет ни честности, ни ума; я не говорю об исключениях, но в массе своей они темные и злые» [2]. Появляется реальная угроза потерять все и прежде всего самое ценное – жизнь: «Отступающая, недисциплинированная Красная армия начинает вести “внутреннюю войну с капиталом и буржуазией” в виде грабежей и насилия над всеми, кто кажется им побогаче. К буржуазии же причислена и вся интеллигенция, хотя бы и такая пролетарская, как учительство» [3].

Начинается существование «в условиях затяжных катастрофических потрясений», при которых вырабатываются техники вживания в новые условия. Возникает необходимость в действиях, направленных на обеспечение безопасности, поскольку появляются как материальные, так и физические угрозы [4, с. 387]: «Ах, сколько сейчас всевозможных ужасных переживаний у людей! Слушаешь рассказы, и то все холодеет. Эти обыски пьяными, грубыми не то солдатами, не то жуликами, постоянная угроза револьверами, убийства, стрельба по улицам. В каких тяжелых условиях заканчиваем мы учебный год! Напрягаю последние силы. Сердцу становится все хуже и хуже. Тревога за папу и маму и других людей, страх и за себя – расшатали совершенно нервы. Жизнь обратилась в почти сплошное

мученье. А тут еще угроза прихода немцев и голода. Господи, Господи, долго ли еще терпеть?! Дай сил на это терпенье, дай бодрости! Вероятно, во всех этих несчастьях есть великий смысл и глубокое значение для русского народа и, может быть, для человечества. Я покоряюсь неизбежному, но только прошу: сохрани близких мне живыми и дай мне силу и крепость!» [5]. В этой связи люди вынуждены разрабатывать методы приспособления к господствующему режиму, а иногда и способы защиты от него.

Начавшаяся Гражданская война захватывает абсолютно всех. Для нее не существует ни пола, ни возраста, ни статуса. Страх, к которому невозможно подготовиться, ломает привычную повседневность. Устанавливается жизнь в условиях постоянного стресса, что ярко отражается в дневниках: «Я растерялась под напором революции, перед этой вечной угрозой смерти, грабежа, испуга, потери близких людей, – и еще не могу “принять” действительности» [3].

В условиях подобной разрухи, когда на плечи людей ложится груз войны, дневник приобретает иную значимость, становясь особой отдушиной. В дневнике видится собеседник, с которым можно безопасно поговорить. Это позволяет сохранять свою идентичность на фоне внешних разрушающих событий: «И вся эта война, убийства, расстрелы, грабежи и то, что вся эта политическая и общественная жизнь попирает и топчет личные жизни отдельных существ, – и вся безалаберщина русской революции, – все такой тяжестью легло на сердце. И отчужденность от мамы, почти враждебность к ней в такие трудные минуты жизни – тоже яд... Вот доказательство – как чужда я с семьей: они смеются надо мною, что я пишу дневник: “словно девочка, пишешь описания”, “тратишь и бумагу, и чернила”, “смотри, про политику ничего не пиши”. А ведь мой дневник – моя сущность и моя жизнь. Я только эти тетрадки взяла с собой в погреб» [6].

И. Нарский замечает, что «в обстановке хаоса власти и развала экономики, нагнетания террора и массовой маргинализации населения оказались востребованными доиндустриальные культурные “инстинкты” и образцы поведения, поскольку жизнь в условиях непрерывной опасности, непрестанных и непонятных перемен не позволяла просчитывать перспективу, долговременно планировать свою деятельность и предугадывать ее последствия» [4, с. 564]. К этим «архаическим инстинктам» относится сдвиг к прокриминальным моделям поведения. Доиндустриальный код также влияет и на изменение того, каким образом люди объ-

ясняют происходящее. В период, когда медиа находятся в условиях неразвитости, значительно повышается роль слухов.

Записи из дневника Анны Аллендорф за 1918 г. содержат в себе целый спектр переживаний молодой интеллигентки, оказавшейся между двух огней. С одной стороны на город идут большевики, с другой – немцы. Для героини немецкие войска представляют собой спасительный луч света против власти надвигающихся большевиков: «Ходят слухи, что немцы уже совсем близко от Киева. Ах, хоть бы они поскорей приходили и освободили бы нас от этих ужасных большевиков. Опасаются, что большевики напоследок начнут громить интеллигенцию и называют даже 15-е февраля, как день, назначенный для этого. Не дай-то Бог! На душе ужасно тоскливо и тяжело!!!» [7].

Обстановка в городе накалена. Каждый день появляются все новые слухи, дестабилизирующие ситуацию: «Говорят, что немцы уже в Киеве и, что и здесь большевики очень приутихли. Только бы поскорее с ними справились. По слухам, Нежин объявляется на осадном положении, и я ужасно боюсь, что занятия на курсах опять прекратятся. Ужасно было бы жаль, т.к. это моя единственная отрада» [8].

В обществе появляются все новые фантомы восстановления монархии: «Марья Ивановна Шепелева принесла следующие вести: в Петербурге совершился переворот, Михаил Александрович издал манифест в котором он говорит, что в столь тяжелую для России минуту решает взять бразды правления в свои руки и довести Россию до учредительного собрания. Ах, если бы это было действительно так, и, если бы на самом деле пришел конец власти большевиков. Меня эти известия очень взволновали и возбудили. Только бы это не были пустые слухи!!!» [9]; «перемирие кончилось, и немцы уже заняли Двинск, а, кроме того, ходят слухи, что взят уже и Минск, и даже Петроград, а на престол возведен Павел Александрович. Ах, только бы конец власти большевиков!!!» [10]; «опять по городу ходят упорные слухи о вступлении на престол Михаила Александровича, но я этому уже что-то не верю» [11].

Ежедневное изменение слухов формирует новую реальность. Слухи становятся главным источником информации о происходящем, из-за чего теряется определенность, меняется городское настроение, заведенный распорядок. В обыденный для человека мир врываются новые разрушающие все привычное элементы, которые требуют приспособления к ним: «Тревожный день! Еще утром Поля принесла известие, что

на улицах расставлены пулеметы, и что публике запрещено выходить... Беспрепятственно дошли до Миллионной улицы и кое-что разузнали от прохожих: Киев будто бы взят австрийцами, а здесь большевики грабят казначейство и магазины и потому не пускают на Гоголевскую, а ночью они собираются бежать из Нежина. У Монастырской гостиницы мы видели пулемет, видели вооруженных конных большевиков, скачущих, как бешенных со своими длинными винтовками. Видели автомобиль-грузовик, тоже переполненный вооруженными большевиками. Впечатление жуткое!! На улицах вид совсем необыкновенный: везде у ворот люди, вышедшие посмотреть, что делается, и заговаривающие со всеми прохожими, большинство интеллигенции в платочках. Мы тоже заговаривали чуть ли не с каждым встречным и собрали довольно много сведений» [12]; «в Нежине объявили военное положение и жителям запрещено выходить после восьми часов вечера. Итак, с надеждой попасть скоро на курсы приходится проститься, а я-то думала, что они хоть немного скрасят мою унылую жизнь» [13].

Неизвестность и меняющаяся действительность вызывают социальную дезориентацию людей: «На улицах пустота, издали, то и дело, долетают звуки стрельбы, и настроение создается какое-то жуткое. К сожалению, большевики в городе еще есть, и на митинге, где были наши квартиранты, было произнесено несколько речей большевистского характера. А я-то думала, что им уже совсем пришел конец!» [14].

Из-за криминализации жизни «маленькому человеку» приходилось постоянно быть настороже. Повсюду на улице его могли подстергать опасности. «Он мог стать жертвой грабежа и самосуда, ареста и обыска, мошенничества и давки в очереди за продуктами. Было опасным показаться на улице в нетрезвом виде и покидать жилище с наступлением темноты, когда улицы пустели, а дома затворялись на все запоры» [4, с. 564]. Его социальная среда, в которой он вынужден совершать действия, теряет безопасность. Дневник позволяет зафиксировать рефлексию человека на данную тему.

Гражданская война разрушила привычный уют. На людей обрушились голод и эпидемии: «Стало беспокойно на душе, показалось ясно, ясно, что Оля должна умереть. Хотела сегодня же зайти к ним, но была голодна и замерзла. Да и боюсь занести в нашу семью заразу. А возможно все-таки, что на днях зайду» [15]; «была вчера у Оли. Кошмар... В маленькой полутемной комнате, выходящей окнами в коридор, лежат:

Володя, Оля и Анна Петровна. Всева только с неделю как встал и единственный двигается. В комнате чугушки. Во время морозов до -2 градуса. Лежат в шубах, шапках и платках. Есть почти нечего. Одно пшено. Дров, конечно, нет. Жгут столы, стулья, кадки, доски. Принесла немного муки и пшена. Потом опять сбежала домой принесла кислой капусты, моченых яблок, немного хлеба», «а впрочем – пусть все идет так, как суждено. Нездоровится. Не то лихорадка, не то инфлюэнца. Температура круглые сутки 37,2» [16].

Жизнь в катастрофе для человека, несомненно, тяжела: страхи перед новым правительством, угрозы для жизни. Однако, когда власть большевиков приобретает черты некоторой устойчивости, человек склонен усиливать ощущаемую им нормализацию. Появляется запрос на стабильность и безопасность, позволяющие индивиду задумываться о таких категориях, как любовь, семья, счастье: «Книга Коллонтай и письмо Нади Вентцель навели на меня бесконечные мысли о значении “семьи”... Раньше я всегда протестовала против общественного воспитания детей, мне казалось, что это – величайшая трагедия материнской и детской души, что идеалом детства является именно уютная семейная атмосфера, родные люди, любовь матери и отца. И я всегда безумно тосковала по этому недоступному счастью – иметь любимую и любящую, родную по душе мать, дружную с отцом. А за последнее время передо мной стал вопрос, не ошиблась ли я? Где эти идеальные семьи в жизни? Их – единицы на тысячи! Не ищут ли постоянно отдыха вне дома и родители, и дети? И не является ли идеалом если и семья, то построенная на каких-то новых началах, может быть, на обязательности отдельных комнат для всех членов семьи? Вопрос о значении семьи и об отношениях между родителями и детьми, и тех, и других – между собою, – для меня очень большой вопрос, который я решаю всю жизнь и который отравил мне, по крайней мере, половину этой жизни. И меня страшно интересует, как будет решать его молодое поколение в условиях революционной атмосферы. Какую форму примет брак, семья, воспитание детей?» [17].

Таким образом, материалы дневников позволяют проследить то, как большие события и, в частности, Гражданская война отражались в индивидуальном восприятии. Несмотря на обращение автора статьи к опыту людей, находящихся в различных жизненных обстоятельствах, заметны схожие переживания: страх, беспокойство, дезориентация. В этой

ситуации информация теряет свою определенность, приобретая характер слухов, которые становятся дополнительным будоражающим фактором. Происходят радикализация общества и разрушение социального мира. В итоге конструируется новая реальность, которая приобретает черты жуткой катастрофы. Таков образ Гражданской войны у человека городской среды, находящегося вдалеке от военного конфликта.

Список источников и литературы

1. Дневник Зинаиды Денисьевской. Запись от 25 ноября 1917 г. [Электронный ресурс] // Прожито. Режим доступа: <http://prozhito.org/person/860> (дата обращения: 20.05.2018).
2. Дневник Зинаиды Денисьевской. Запись от 17 ноября 1917 г. [Электронный ресурс] // Прожито. Режим доступа: <http://prozhito.org/person/860> (дата обращения: 17.05.2018).
3. Дневник Зинаиды Денисьевской. Запись от 1918 г. [Электронный ресурс] // Прожито. Режим доступа: <http://prozhito.org/person/860> (дата обращения: 17.05.2018).
4. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 632 с.
5. Дневник Зинаиды Денисьевской. Запись от 19 марта 1917 г. [Электронный ресурс] // Прожито. Режим доступа: <http://prozhito.org/person/860> (дата обращения: 21.05.2018).
6. Дневник Зинаиды Денисьевской. Запись от 14 сентября 1919 г. [Электронный ресурс] // Прожито. Режим доступа: <http://prozhito.org/person/860> (дата обращения: 17.05.2018).
7. Дневник Анны Аллендорф. Запись от 25 февраля 1918 г. [Электронный ресурс] // Прожито. Режим доступа: <http://prozhito.org/person/258> (дата обращения: 23.05.2018).
8. Дневник Анны Аллендорф. Запись от 26 февраля 1918 г. [Электронный ресурс] // Прожито. Режим доступа: <http://prozhito.org/person/258> (дата обращения: 23.05.2018).
9. Дневник Анны Аллендорф. Запись от 1 марта 1918 г. [Электронный ресурс] // Прожито. Режим доступа: <http://prozhito.org/person/258> (дата обращения: 23.05.2018).
10. Дневник Анны Аллендорф. Запись от 21 февраля 1918 г. [Электронный ресурс] // Прожито. Режим доступа: <http://prozhito.org/person/258> (дата обращения: 23.05.2018).

11. Дневник Анны Аллендорф. Запись от 27 марта 1918 г. [Электронный ресурс] // Прожито. Режим доступа: <http://prozhito.org/person/258> (дата обращения: 23.05.2018).

12. Дневник Анны Аллендорф. Запись от 2 марта 1918 г. [Электронный ресурс] // Прожито. Режим доступа: <http://prozhito.org/person/258> (дата обращения: 23.05.2018).

13. Дневник Анны Аллендорф. Запись от 1 февраля 1918 г. [Электронный ресурс] // Прожито. Режим доступа: <http://prozhito.org/person/258> (дата обращения: 23.05.2018).

14. Дневник Анны Аллендорф. Запись от 3 марта 1918 г. [Электронный ресурс] // Прожито. Режим доступа: <http://prozhito.org/person/258> (дата обращения: 23.05.2018).

15. Дневник Зинаиды Денисьевской. Запись от 1920 г. [Электронный ресурс] // Прожито. Режим доступа: <http://prozhito.org/person/860> (дата обращения: 23.05.2018).

16. Дневник Зинаиды Денисьевской. Запись от 5 февраля 1920 г. [Электронный ресурс] // Прожито. Режим доступа: <http://prozhito.org/person/860> (дата обращения: 24.05.2018).

17. Дневник Зинаиды Денисьевской. Запись от 25 февраля 1921 г. [Электронный ресурс] // Прожито. Режим доступа: <http://prozhito.org/person/860> (дата обращения: 24.05.2018).

**E.V. Kondakova,
Moscow–Perm'**

THE CIVIL WAR IMAGES IN PERSONAL DIARIES

After the upheavals of the early 20th century, 1917 generates a new series of ubiquitous “catastrophes”. A wave of violence, robbery, rages and the threat of death resumes again. Fear, which can not be prepared, breaks the habitual daily routine of people. The new reality begins to form due to the emergence of new rumors, which become the main source of information about what is happening. In conditions of such devastation, when the burden of war accumulates on the shoulders of people, the diary acquires the different significance.

Keywords: radicalization, techniques of survival, social catastrophe, new reality, little man.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ В XX В.

В каждой стране буржуазные революции Нового времени составляли революционный период (РП) как систему, имеющую свои внутренние законы, как особое состояние общества. В зависимости от сроков и характера протекания РП выделены три основные группы стран. Рассмотрены базовые исторические предпосылки революций. Проведен анализ главных закономерностей протекания РП в XX в. в странах третьей генерации, куда входит Россия, Китай и страны третьего мира.

Ключевые слова: буржуазные революции Нового времени, история России XX в., история Китая XX в., революционный период.

Революции (и последующие контрреволюции) в одной стране или группе близких стран, имеющих одну историческую судьбу, составляют революционный период (РП) как целостную систему в пространстве и во времени, обладающую своими законами. Конкретные революции – лишь проявление этих процессов. РП заканчивается тогда, когда ликвидируются все препятствия для свободного развития нации, когда в обществе создаются условия, исключающие возможность каких-либо революционных событий [1], [2], [3].

Все страны, в зависимости от характера протекания РП, связанного в первую очередь со спецификой предыдущего исторического развития, можно разделить на три основных группы: страны первой, второй и третьей генераций (СПГ, СВГ, СТГ). К первой группе можно отнести страны, где РП проявил себя раньше остальных государств, – Нидерланды, Англию, США, Францию. В каждой из этих стран РП имел свою специфику и развивался независимо от внешнего влияния. В СВГ РП начался в середине XIX в. К этим государствам можно отнести Германию, Италию, Австрию, Венгрию и другие европейские страны, а также Японию. В СТГ – России, Турции, балканских странах, Китае, Индии, Мексике – РП ограничился XX в. Отдельную группу составляют арабские страны. Здесь РП начался после Второй мировой войны. События «арабской весны» как раз и стали проявлением этих революционных процессов [4].

В советский период, когда речь шла о революциях Нового времени, само собой считалось, что они разрушали «феодално-абсолютистский строй» и открывали путь для развития капитализма. В первую очередь это касалось Французской революции. В мировой литературе для характеристики строя, предшествовавшего революции, обычно использовали не слишком обязывающее понятие «старый порядок». Термин «феодализм», несмотря на более чем двухсотлетнюю историю применения, никогда не имел единого значения, что позволяло историкам разных школ вкладывать в него самые разные смыслы [5, с. 57–60].

По нашему мнению, собственно феодализм, как этап исторического развития, появляется только после феодальных революций. В Европе этот процесс имел место в IX–X вв. Регулярные «перетряски» населения в предшествующий период, отягощенные регулярными набегами норманнов, способствовали появлению тех, кого мы называем феодалами. Заключив общественный договор, общины передали корпорации феодалов свою власть-собственность.

В процессе формирования национальных государств политическая власть концентрируется в руках короля, который становится абсолютным монархом. Собственность остается у феодалов, которые трансформируются в дворян.

В период собственно феодализма имела место единая ойкумена («христианский мир»), которая в Новое время начинает распадаться на отдельные нации-государства. Формируются корпорации сословного, профессионального, территориального типа. С одной стороны, они защищают интересы их членов, а с другой – держат под контролем личностный потенциал (активность). В этот период можно говорить о нации, элементом которой выступает не индивид, а отдельная корпорация.

Последующие революции устраняют не «феодално-абсолютистский режим», а разрушают ойкумену корпоративного типа, которая препятствовала формированию системы, где полностью доминируют экономические законы свободного рынка.

В СПГ промышленная революция носила самостоятельный характер, независимый от внешнего влияния. Франция, вследствие определенных политических и социальных факторов, к середине XIX в. заметно отставала в промышленном развитии от Англии [6, с. 291], [7, с. 255]. Сказался и период Реставрации, и господство финансово-землевладельческой аристократии. Однако в 1840-е гг., перед падением Июльской монархии,

происходит политизация широких кругов буржуазии, что положительно сказывается на темпах промышленного развития.

В СВГ промышленные революции были обусловлены, в значительной степени, сформировавшимся к середине XIX в. европейским экономическим пространством. Если в Германии, Италии, странах Австрийской империи характер развития капитализма был достаточно типичен для СВГ, то Япония и Испания имели свою специфику.

Несмотря на то, что Испания в XIX в. пережила пять революций, РП здесь начался только во второй половине XIX в. Слабость и нерешительность буржуазии, неумение и нежелание организовать эффективную диктатуру своего класса, каждый раз приводила к восстановлению реакционных порядков. Не последнюю роль сыграла развитость корпоративных структур в армии, дворянстве, церкви.

Япония, вследствие особенностей своего исторического прошлого, могла разделить судьбу Китая. Однако крушение здесь феодализма освободило скрытые социальные силы во главе с самураями [8, с. 23]. Огромные денежные средства, полученные от правительства дайме (владельцами князьями и самураями), были вложены в промышленную и банковскую сферу [9, с. 60]. Все это способствовало тому, что в Японии, в отличие от Китая, начался процесс самостоятельного капиталистического развития.

Несколько иная картина наблюдалась в Китае. Сформировавшаяся корпоративная система в городе и деревне внешне была похожа на западноевропейскую в предреволюционный период. Но в Европе к моменту революций капитализм находился в потенциальном состоянии, и как только снимались ограничения, он начинал бурно развиваться. В Китае же корпорации обычно обеспечивали своих членов средствами существования и были полностью зависимы от властей. Цеховая организация не служила средством защиты интересов от произвола чиновников, а использовалась государством для фискального и полицейского контроля [10, с. 55].

В деревне наблюдалась замкнутость крестьянских хозяйств в условиях господства натуральной экономики [11, с. 16]. Отношения между хозяином земли и ее держателем регулировались обычаем. Помещик обычно выступал в качестве главы господствующего клана [10, с. 190]. Подавляющее большинство крестьян не могло стать товаропроизводителями, имея целью лишь пропитание [12, с. 103]; 90 % населения к товарному производству и рыночным отношениям относилось в той или

иной степени отрицательно [13, с. 45]. Подобного рода патриархальная картина наблюдалась в России, Турции, Иране, Индии.

Все СТГ находились в сильной финансовой зависимости от западных стран. В 1876 г. только одни проценты по займам Османской империи составляли огромную сумму в 14 млн. фунтов [14, с. 10]. Доля России в задолженности всех стран мира к 1914 г. составляла 31 % (!) [15, с. 172]. СТГ широко использовались западными странами как рынки сбыта [16, с. 18].

В РП можно выделить два основных этапа. Вначале революционные процессы происходят в рамках старой политической системы. Предпринимаются попытки решить накопившиеся проблемы путем учреждения конституции. Если существующий режим, трансформируясь, создает условия для развития капитализма, первый этап может продолжаться несколько десятилетий (как в Германии и Японии). В СТГ отсутствовал какой-либо потенциал реальной трансформации старого порядка. Дальнейшее развитие было возможно только при условии разрушения не только политической системы, но и государства в целом, что и имело место в Китае, России, Турции.

Попытки реформ «сверху» в Китае в 1898 г. закончились полным провалом. Партия реформистов «периода 100 дней» была заранее обречена на гибель. Ее декреты и воззвания остались «гласом вопиющего в пустыне» [17, с. 11]. Аналогичная ситуация имела место в Иране с реформами Таги-хана [16, с. 19, 20]. Первый турецкий конституционный монарх Абдул Хамид II, прозванный «Кровавым», после разгона парламента установил режим полного произвола во всех сферах общественной жизни. Слова «свобода», «право», «конституция» были запрещены [18, с. 138–140]. В России Октябрьский манифест не столько решил, сколько «загнал в угол» все многочисленные проблемы, которые стояли перед обществом.

Хотя начало XX в. в России характеризовалось заметным промышленным подъемом, повышение уровня жизни в РП воспринималось уже по-другому, чем в предыдущий период. Социальная система из «закрытой» в РП становится «открытой», развивающейся. Происходит сегментация общества. Каждый сегмент живет определенными ожиданиями. Если ожидания не сбываются, происходит накопление «отрицательной энергии». В рамках политической системы появляются партии радикального типа. Но пока они не воспринимаются всерьез ни обществом, ни правящей элитой.

Здесь существует определенная закономерность, которую не так часто воспринимают политики. Если появляются факторы, угрожающие безопасности социально-политической (экономической) системы, и на них не обращают должного внимания, они рано или поздно проходят «точку невозврата», увеличиваясь в объеме, автономизируясь и структурируясь. Появляется система, которая уже развивается по своим внутренним законам и главное – имеет значительный регенерационный потенциал. Типичный пример нашего времени – ИГИЛ (запрещенная законом международная террористическая организация). Если вначале данную проблему можно решить «малой кровью», то после перехода – уже «большой кровью» [4, с. 32].

Несмотря на попытки индустриализации страны, Россия оставалась отсталой страной. В 1914 г. промышленное производство в 6 раз было меньше, чем в Германии [19, с. 70]. Более 80 % крестьянского населения фактически было вне политической и экономической систем государства, вне формирующегося гражданского общества. Общинный тип сознания был несовместим с подобного рода институтами. Крестьянам было чуждо понятие частной собственности. Капиталистические отношения отторгались. Русский крестьянин не хотел быть земельным собственником [20, с. 108], [21, с. 28].

Столыпинские реформы не столько решили, сколько обострили проблемы в крестьянской среде. Нарушив существующее равновесие и расколов традиционную общину, реформаторы не предложили ничего взамен. Начался неуправляемый и неконтролируемый процесс деформации общинного сознания.

Правящая бюрократия в новых условиях стала «инородным телом» и начала деградировать – за короткий срок от Витте, Столыпина до Штюрмера, от Поливанова до Беляева. Либерально-демократический тип мышления и сознания основной части буржуазии и интеллигенции в условиях тогдашней России носил иллюзорный характер. Конечно, П.Н. Милуков и А.И. Гучков были умнейшими, высокообразованными людьми, но «наивными» в рамках политической системы, законы которой они не понимали и не «чувствовали» [20, с. 330]. Создается впечатление, что во время войны и в период Февральской революции этот класс российского общества играл роль пятого колеса.

Революции начинаются независимо от сознания как правящей, так и оппозиционной элиты. Революция не есть результат заговора. Февраль-

ская революция застала врасплох как большевиков [18, с. 158, 159], так и буржуазию и ее лидеров. «Никто из нас, – признавал в беседе с французским послом кадет В. Маклаков, – не предвидел огромности движений; никто из нас не ждал подобной катастрофы» [22, с. 589]. Когда общество готово, «созрело» для революции, достаточно одного толчка, чтобы пошел процесс.

В Китае буржуазия также отличалась политической слабостью, провинциальной разобщенностью, зависимостью от иностранного капитала, отсутствием способности мобилизовать общественное мнение вокруг своих основных требований [23, с. 45]. Что касается капитализма, то в СТГ не было предпосылок для его самостоятельного проявления. Все «капиталистическое» в основном было следствием внешнего влияния, носило индуцированный характер.

В СТГ возможна была только индустриализация (не путать с промышленной революцией) под непосредственным руководством государства. Поработав в 1930-е гг. на заводах Союза и пройдя школу советских пятилеток, сын Чан Кайши – Цзян Цзинго, став президентом после смерти отца, успешно использовал весь свой опыт в деле строительства современной экономики Тайваня [24]. Исключительную роль сыграло государство в индустриализации Турции (политика этатизма) [14, с. 31].

В РП все режимы в той или иной степени имеют черты диктатуры. РП и демократия – вещи несовместимые. Либерализация власти в РП, как правило, порождала классические диктатуры. Демократическая (внешне) Веймарская республика, весь период своего существования находившаяся в состоянии перманентного кризиса, породила жесткую национал-социалистическую диктатуру. Аналогичная ситуация имела место в 1930-е гг. в Испании.

РП характеризуется резким возрастанием внешнеполитической активности. Однако ее вектор носит неопределенный, часто авантюрный характер с элементами иллюзорности. В этом отношении можно сравнить Францию времен Первой и Второй империй и уже в постреволюционный период, когда ее политика принимает последовательный и рациональный характер. Муссолини, придя к власти, непрерывно менял ориентацию, проявляя активность в самых различных направлениях [25, с. 66].

Подобного рода ситуация особенно проявила себя при Н.С. Хрущеве в плане попыток построить социализм в странах третьего мира. Не надо забывать, что развал Советского Союза начался с его знамени-

того доклада на XX съезде партии. Второй «осиновый кол» был вбит Л.И. Брежневым и А.А. Громыко после подписания Хельсинских соглашений.

Совершенно по-другому в аналогичной ситуации повел себя Китай. Мудрость руководства КПК, в первую очередь в лице Дэн Сяопина, заключалась в том, что оно не пошло по пути Хрущева, полностью сохранив авторитет Мао Цзэдуна [26, с. 11]. Здесь необходимо понимать, что И.В. Сталин и Мао Цзэдун в своей деятельности подчинялись законам существующей политической системы и РП. Если бы У. Черчилль оказался на их месте, он действовал точно таким же образом.

Только государства, где уже закончился РП, могли быть полноправными субъектами геополитического пространства. В свое время этим удачно пользовалась Англия. Начиная с XVIII в. (с окончанием здесь РП), во всех коалиционных войнах в Европе конечным победителем оказывался «коварный Альбион». В Первой мировой войне только три страны, покончившие с «революционными разборками» и ставшие субъектами геополитического пространства – Великобритания, Франция и США, – оказались реальными победителями [1, с. 89].

В интересной ситуации оказался СССР. Став реально после войны сверхдержавой, Советский Союз согласно законам РП (в котором он находился) не мог быть таковым. Для поддержания своего статуса стране приходилось тратить намного больше ресурсов по сравнению с государствами, где РП уже закончился.

Основной причиной международной напряженности в начале XXI в. стало то, что целый ряд крупных СТГ (Россия, Китай, Турция, Иран), став субъектами геополитического пространства, естественно стали претендовать на свою «законную» зону влияния. Это вызвало не совсем положительную реакцию со стороны западных стран. Последние события на Украине и Сирии следует рассматривать именно в этом разрезе.

Окончание РП знаменуется установлением определенного типа политической и экономической систем, гражданского общества и демократии в соответствии с цивилизационной спецификой данной страны. Например, в Турции, где РП закончился в 1990-е гг., вышеперечисленные институты имеют исламскую составляющую, которая носит еще более выраженный характер в Иране.

В России РП пришелся в основном на годы советской власти. Соответственно, сформировался «советский» базис политико-экономической

системы как «фундамент», на котором сейчас строится «новый дом». Надстройка должна соответствовать базису. К тому же данный базис невозможно изменить волевым способом, не разрушив при этом государства. В Китае это поняли в 1980–1990-е гг., что и обусловило успешное развитие этой страны. Если к настоящему времени в политической сфере российское руководство это осознало, то в экономической – пока недостаточно. Здесь реально имеют место кризисные явления.

На Украине ситуация оказалась намного сложнее. Сформировавшийся архетип «советского» типа был полностью проигнорирован, и образовавшийся «вакуум» стал заполняться различными элементами и институтами этнической системы. Вместо реального пространства, имеющего естественные законы, стало формироваться искусственное – иллюзорно-мифологического типа. Возник глубокий кризис национальной идентичности [27, с. 132].

Список источников и литературы

1. Кондорский Б.М. Предпосылки Первой мировой войны с точки зрения концепции революционного периода (национальный аспект) // Первая мировая война и национальный вопрос. Сборник докладов международной научной конференции (г. Пермь, 22–23 мая 2014 г.). Пермь, 2014. С. 87–90.
2. Кондорский Б.М. Революционный период в Китае // Общество и государство в Китае. Т. XLV. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2015. С. 134–150.
3. Кондорский Б.М. Основные предпосылки и уроки революционных событий в России и Китае как странах третьей генерации // Общество и государство в Китае. Т. XLVII. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2017. С. 668–688.
4. Кондорский Б.М. Теоретические аспекты революционных событий в арабских странах // XXVI Ливадийские чтения (г. Ялта, 21–25 мая 2014 г.). Ялта, 2014. С. 31–32.
5. Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы. М.: Наука, 2007. 310 с.
6. Потемкин Ф.В. Промышленная революция во Франции. Т. 1. М.: Наука, 1971. 224 с.
7. Ревякин А.В. Революция и экономическое развитие Франции в первой половине XIX века // Французская революция XVIII века. Экономика, политика, идеология. М.: Наука, 1988. С. 246–267.
8. Норман Г. Возникновение современного государства в Японии. М.: Восточная литература, 1961. 296 с.

9. История Японии. Т. II: 1868–1998 / Отв. ред. А.Е. Жуков. М.: ИВ РАН, 1998. 703 с.
10. Непомнин О.Е. Экономическая история Китая (1864–1894 гг.). М.: Наука. 1974. 303 с.
11. Непомнин О.Е. Генезис капитализма в сельском хозяйстве Китая. М.: Наука, 1966. 270 с.
12. Социально-экономические и политические проблемы Китая в новое и новейшее время / Под ред. Г.Д. Сухарчук. М.: Наука, 1991. 364 с.
13. Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. М.: Муравей-Гайд, 2001. 452 с.
14. Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. М.: Наука, 1983. 296 с.
15. Завалько Г.А. Понятие «революция» в философии и общественных науках. М.: КомКнига, 2005. 320 с.
16. Агаев С.Л. Иран в прошлом и настоящем. Пути и формы революционного процесса. М.: Наука, 1981. 274 с.
17. Ходоров А.Е., Павлович М.П. Китай в борьбе за независимость. М.: Научная ассоциация востоковедения, 1925. 194 с.
18. Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 1. М.: ТЕРРА, 1997. 464 с.
19. Верг Н. История Советского государства. М.: Весь Мир, 2006. 560 с.
20. Пайпс Р. Русская революция. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 1994. 399 с.
21. Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого (взгляд из настоящего). СПб.: Изд. СПбУ, 1997. 160 с.
22. Всемирная история. Т. 7 / Под ред. А.А. Губера. М.: Изд-во политической литературы, 1960.
23. Кучумов В. Очерки по истории китайской революции. М.: Партиздат, 1934. 148 с.
24. Джапаков А. Тайна Цзян Цзинго [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nkj.ru/archive/articles/2465> (дата обращения: 05.10.2018).
25. Авербух Р.А. Италия в первой и второй мировых войнах. М.: Изд-во АН СССР, 1946. 149 с.
26. Делюсин Л. Китай: полвека – две эпохи. М.: ИВ РАН, 2001. 296 с.
27. Кондорский Б.М. Попытка анализа причин кризиса в Украине на основе концепции этнического сознания и революционного периода // Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия. XXVI Адлерские чтения (3–7 октября 2014 г.). Краснодар, 2014. С. 129–133.

**B.M. Kondorskii,
Donetsk**

THE THEORETICAL ASPECTS OF REVOLUTIONARY EVENTS IN THE XX CENTURY

In each country the bourgeois revolutions of the New Age constituted the revolutionary period (RP) as a system which has its own internal laws. It was a special state of society. Depending on the timing and nature of the RP flow, there are three main groups of countries. The main historical background of the revolution is studied. Also the author investigated the main patterns of occurrence of RP in the XX century in the third generation countries, which includes Russia, China and other Third World countries.

Keywords: bourgeois revolution of the New Age, the history of Russia in the XX century, the history of China in the XX century, the revolutionary period.

УДК 342.3

**П.В. Лушников,
г. Ижевск**

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ: ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

В статье осуществлен анализ социальных конфликтов на примере Гражданской войны в России, проведены параллели с современным состоянием общества, при этом использованы результаты социально-правового исследования демократических процессов в ряде регионов РФ. В базовой части статьи рассмотрены социальные конфликты и их структура, определены особенности понимания конфликтов в правовой науке. Введена категория «работа с конфликтами»; выполнен анализ социальных конфликтов и их причин с точки зрения герменевтики; раскрыты категории «картина мира» и «общественный договор». Гражданская война в России рассмотрена как социальный конфликт, определены ее коммуникативные и конфликтологические причины. Высказаны предположения о путях и способах разрешения социальных конфликтов. Демократия проанализирована в качестве механизма предотвращения социальных конфликтов, сделаны выводы о современном состоянии демократии в России.

Ключевые слова: социальные и юридические конфликты, работа с конфликтами, правовая герменевтика, картина мира, общественный договор, Гражданская война, причины Гражданской войны, способы противодействия, демократия.

Социальные конфликты, пути их предотвращения и разрешения являются одним из существенных вопросов наук об обществе и человеке. Для нашей страны данная проблематика имеет большое значение, т.к. мы располагаем историческим опытом такого массового социального конфликта, как Гражданская война. Для жителей Удмуртии вопрос о социальных конфликтах также является интересным, потому как в годы Гражданской войны в нашем регионе произошло восстание, уникальное по многим параметрам.

Написанию данной статьи предшествовало исследование демократических процессов, которое проводилось в течение 10 лет в семи субъектах Российской Федерации (Удмуртия, Татарстан, Башкирия, Кировская область, Свердловская область, Пермская область, Коми-Пермяцкий автономный округ), в ходе которого были опрошены около 3 тысяч человек. Исследование позволило сделать определенные выводы, в т.ч. и в сфере социальных конфликтов.

Изучением феномена «социальных конфликтов» занимается ряд гуманитарных наук: история, социология, психология, политология, юриспруденция, экономика, теория систем, теория управления, теория коммуникации. В результате появилось такое междисциплинарное направление, как конфликтология.

Существует множество определений категории «социальный конфликт». На наш взгляд, удачную дефиницию представила Т.Н. Кильмашкина. Она полагает, что «социальный конфликт – это объективно существующее универсальное явление, процесс развития и разрешения острых труднорегулируемых противоречий в обществе, состоящем из групп, он связан с осознанием людьми своих интересов как членов тех или иных социальных групп в контексте интересов других субъектов. Несовпадающие интересы этих групп провоцируют открытое или скрытое противоборство, предполагающее реализацию действий оппонентов, направленных на нейтрализацию или устранение друг друга» [1, с. 7].

На наш взгляд, социальный конфликт нужно рассматривать с точки зрения его структуры. И поэтому в *структуре конфликта* мы предлагаем выделять следующие элементы:

1. **Участники.** Данный элемент мы рассматриваем с точки зрения ролей в конфликте. Во-первых, это «непосредственные участники» – противники (инициатор – виновник и втянутая сторона – вынужденный участник). Такие участники могут быть индивидуальными и коллективными. Во-вторых, это «арбитр» – субъект, который принимает участие в процессе с целью разрешения, урегулирования конфликта. Он является внешним по отношению к конфликту. Арбитр обладает некоторым превосходством над непосредственными участниками. Такое превосходство может быть обеспечено наличием возможности применения силы. Превосходство может быть физическим (физиология или вооруженность), психологическим (воля, мотивация, опыт и др.), информационным (обладание особой информацией или большими знаниями), моральным, организационным (наличие структур, технологии, дисциплины). В-третьих, это регулятор – тот, кто управляет другими участниками конфликта, определяет условия и правила возникновения, протекания и завершения конфликта. Эта роль основана как на превосходстве, так и на определенной конвенции участников. Участники конфликта действуют, исходя из определенных мотивов, интересов, целей, ожиданий.

2. **Ресурсы.** Теория систем называет следующие виды ресурсов: энергию, массу, информацию. Анализ социологических работ и работ по коммуникативной теории показывает, что в социуме существуют особые ресурсы, которые отражают возможности поведения человека. К таким ресурсам можно отнести личные связи, авторитет, идеологию (мировоззрение, волю, мотивацию), знания и умения, денежные средства, свободное время, юридические права и др.

3. **Суть (природа) конфликта.** Данный элемент включает объект и предмет конфликта, его причины и обстоятельства, обусловившие его. Ресурсы также могут выступать объектом конфликта.

4. **Механизмы конфликта.** Ход конфликта, как правило, обусловлен определенными закономерностями и правилами. Изучение конфликтов позволяет выделить модели и алгоритмы, по которым они протекают, установить «внутренние двигатели», которые приводят их в движение.

Правила конфликта могут быть писанными или неписанными, оговоренными или неоговоренными. Но что интересно, такие правила есть

всегда. Даже во время войн противоборствующие стороны (иногда не сговариваясь) вырабатывают правила осуществления конфликта, например, водяное перемирие. Такие правила устанавливают границы конфликта, ограничения на методiku (применяемые методы, приемы, способы, оружие). Уменьшение количества ограничений (отмена правил) делает конфликт более и более ожесточенным.

5. Протекание конфликта. Конфликт имеет своего рода сценарий развития, реализуемый во времени. Сам ход конфликта во времени характеризуется наличием стадий его развития (начало, развитие, кульминация, затухание, финал), интенсивностью и возможной цикличностью.

6. Результаты конфликта. Результат – это особое состояние, связанное с целями конфликта. Оценка ему дается после прекращения противоборства. Типы результатов: явные и неявные, прямые и косвенные, соответствующие целям и ожиданиям участников и не соответствующие; завершающие и промежуточные.

Работа с конфликтами. В большинстве трудов по конфликтологии применяется термин «разрешение конфликтов». Выделяют несколько способов разрешения конфликтов: противоборство, компромисс, уход от конфликта, уступка, сотрудничество.

В этом аспекте юридическая наука исходит из того, что социальные конфликты есть объективное социальное явление, и в ряде случаев их разрешение не является целью той работы, которая ведется участниками конфликта. В частности, деятельность органов власти и правовое регулирование не всегда направлены на полное прекращение конфликтов.

Поэтому мы предлагаем использовать категорию «работа с конфликтами». Эта категория является более широкой и включает в себя поведение субъектов в условиях социальных конфликтов, использование конфликтов для социальных целей, создание форм для протекания конфликтов, контроль процесса протекания конфликта и оказание влияния на его ход и результаты, разрешение конфликтов, целенаправленное поддержание конфликтов.

Праву принадлежит ключевая роль в системе социальных институтов, выработанных обществом для канализирования, регулирования и решения конфликтных ситуаций. Смысл социальных функций права «состоит как раз в авторитетном посредничестве, направленном на примирение, равновесие интересов сторон» [2, с. 103–104].

Сказанное позволяет сделать предположение о том, что юридические конфликты являются особым видом социальных конфликтов, а правовая наука рассматривает больше аспектов социальных конфликтов и во многом близка по сфере своего изучения к теории управления. Простой перенос знаний и методик из общей конфликтологии в юридическую оказывается, в силу специфики последней, вполне возможным, с учетом своеобразия. Юридическое понимание разрешения конфликта является, в определенной мере, отличным от тех способов, которые предлагаются конфликтологией.

Одной из особенностей юридических конфликтов является то, что государство – особый участник, оно может играть любую роль (регулятора, арбитра, непосредственной стороны участника конфликта), иногда даже одновременно. При этом оно обладает монополией на насилие и идеологию, которые позволяют иметь полное превосходство над другими субъектами.

Работа с социальными конфликтами правовыми средствами осуществляется в следующих направлениях:

- определенные социальные конфликты или определенные механизмы протекания запрещаются (ограничиваются) юридическими средствами, с ними ведется борьба;

- наиболее существенные социальные конфликты облачаются в правовую форму, и далее осуществляется контроль за тем, чтобы они не выливались в другие формы;

- некоторые социальные конфликты активно стимулируются и поощряются правовыми средствами;

- трудно разрешимые социальные конфликты могут замораживаться.

Мы полагаем, что юридические конфликты происходят *в трех основных сферах*:

1. Конфликт в сфере реализации норм права. В данных конфликтах задействованы в основном непосредственные участники.

2. Конфликт в сфере правоприменения. В такой конфликт, помимо непосредственных участников, включается арбитр. Конфликт связан с разрешением конфликтов уполномоченными субъектами.

3. Конфликт в сфере правотворчества. В таких конфликтах, помимо других участников, действует регулятор. Данный конфликт связан с разработкой норм права (с определением – какое правило будет общеобязательным), с доведением правового послания до субъектов общественных

отношений (адресатов), с обеспечением необходимого понимания и внутреннего принятия правового послания его адресатами.

Герменевтика и социальные конфликты. Герменевтика является наукой о понимании. Понимание возникает (или не возникает) в процессе коммуникации. В основе коммуникации лежит герменевтический треугольник. Сторонами треугольника являются самостоятельные участники: адресант (автор), текст, адресат (читатель). В этом аспекте можно говорить о существовании конфликтов между сторонами герменевтического треугольника:

1. Конфликты, основанные на изначальном непонимании друг друга (конфликт между адресантом и адресатом). Несовпадение горизонтов понимания, использование разных языков общения, нахождение в разных дискурсах.

2. Конфликты, возникшие в процессе интерпретации (конфликт между текстом и адресатом). Неспособность адресата выйти из герменевтического круга, выбор адресатом неверной интерпретации из нескольких возможных (конфликт интерпретаций).

3. Конфликты в ходе создания послания (конфликт между адресантом и текстом). Существует сложность отражения многообразия мира средствами языка, который является многозначным и изменяющимся. И в силу этого адресант не в полной мере может влиять на смысловое поле текста.

В основе понимания лежит определенная **картина мира** (мировоззрение). Она обусловлена культурной традицией, в которой находятся участники коммуникации. Картина мира определяет методы понимания, горизонты понимания, предрассудки участников коммуникации. Поэтому нам представляется, что социальные конфликты могут быть обусловлены изначальной разницей картин мира участников, разрушением или изменением ранее существовавшей картины мира у одного из них.

В статье мы рассмотрим картину мира, как консенсуальное соглашение, т.е. как **общественный договор** людей, группирующий их в общество. Такой договор включает в себя базовые представления членов о своем сообществе, распределении в нем социальных ролей, его ценностях, ресурсах и их распределении. Также договор включает правила управления и поведения, правила и способы недопущения или разрешения конфликтов и др. Условия общественного договора лежат в основе культуры общества.

Помимо картины мира, существование коммуникативного сообщества связано с наличием своих средств общения и понимания, своего дискурса.

Картина мира общества может разрушаться, это происходит в следующих случаях: в мире протекают процессы или возникают явления, которые не находят понимания в рамках существующей картины, и таких явлений становится достаточно много. Появляются новые знания или гипотезы, которые пытаются объяснить эти новые явления, такие объяснения вступают в противоречие с существующей картиной мира. Часть членов сообщества перестает действовать в соответствии с имеющейся картиной мира, ищет абсолютно новую либо использует новые, но еще не устоявшиеся и не проверенные гипотезы. Часть общества отказывается менять картину мира и защищает ее.

Важным толчком для отказа от картины мира является то, что предыдущие представления начинают приносить членам общества вред (потери, страдания и т.п.) и не позволяют им действовать эффективно и адекватно. Условием отказа от картины мира является наличие у субъектов коммуникации ресурсов, воли и знаний для отказа от предшествующих представлений и для приобретения новых. Если ресурсов нет, то картина мира только видоизменяется, возникают компромиссные представления и новое консенсуальное соглашение.

Внесение изменений в картину мира участниками коммуникации приводит к изменению дискурса, а появление новых дискурсов – к распаду коммуникативного сообщества. Множество дискурсов приводит к замкнутости части сообществ, к нежеланию и неспособности коммуникации между ними. В условиях ограниченности пространства, времени и ресурсов возникает отторжение и конфликт.

Массовые социальные конфликты можно рассматривать с позиции конфликтов между коммуникативными сообществами. В этом плане конфликт между сообществами оказывается конфликтом между картинами мира, методами понимания и дискурсами. Соответственно, деятельность по разрешению конфликта должна быть направлена на выстраивание общего дискурса, согласование картины мира и методов понимания. Для предотвращения социальных конфликтов или для их переформатирования необходимо своевременное изменение картины мира с сохранением ядра понимания. Это непрерывный процесс производства смыслов для сохранения ее адекватности и эффективности. Для этого необходимо

существование в коммуникативном сообществе правил ее изменения, и в т.ч. через конфликтную коммуникацию.

С точки зрения государственного регулирования общественных отношений, сохранение коммуникативного сообщества осуществляется путем навязывания картины мира, методов понимания, четкого разграничения коммуникативных ролей, создания механизмов согласования горизонтов понимания среди участников социальной коммуникации.

Далее мы затронем *вопрос Гражданской войны* в России, как массового социального конфликта. В исторической науке достаточно подробно изучены ее причины. В нашей статье мы рассмотрим их с позиций социального конфликта и герменевтики.

По нашему мнению, одной из причин Гражданской войны в России явилось изменение картины мира в обществе, которое было вызвано предшествовавшими переменами в экономике и в социальной сфере, а также войнами. Это изменение привело к разрыву общественного договора между властью и обществом. Общество «развалилось» на несколько коммуникативных сообществ. Адресанты не смогли переформатировать картину мира и заключить новый общественный договор. Далее в ситуации общественного кризиса произошло уменьшение количества ограничений на методы ведения социальных конфликтов, и они переросли в Гражданскую войну.

Возникновению Гражданской войны также способствовали следующие обстоятельства:

1. Наличие в обществе большого количества людей, которые умеют разрешать конфликты путем активного противоборства и могут пойти на крайние меры для его разрешения.

В обычных условиях существования общества участники конфликта не готовы идти на крайние меры – причинять смерть и телесные повреждения друг другу. Но в начале XX в. в результате нескольких международных военных конфликтов и в результате применения насилия для подавления внутренних конфликтов в российском обществе появилось достаточное количество людей, которые готовы и умеют применять оружие против других (не только чужих, но и своих).

2. Формирование внутри социума организованных сообществ, готовых выступать коллективными субъектами общественных отношений. В условиях существования реальной опасности коллективным интересам отдельные их члены готовы были поступиться своими интересами и ресурсами ради защиты своего коллектива.

3. Неспособность участников общественных отношений пойти на компромисс и неготовность заключать общественный договор вследствие разрушения картины мира. Люди не видели оснований для сохранения своего общества, не видели оснований и причин идти на взаимные уступки.

4. Наличие у социальных групп реальных методик, позволяющих достичь победы в противостоянии друг с другом. Люди понимали, что с помощью насилия и оружия могут повергнуть противников. Они не шли на уступки, считая свою методику ведения конфликта эффективной, даже несмотря на потери среди своих сторонников.

С высоты лет можно говорить о том, что страна могла избежать Гражданской войны. И с сожалением констатировать, что неверно выбранная модель разрешения конфликта не позволила этого сделать. История показала, что попытка заморозить или запретить определенные виды социальных конфликтов с целью избегания Гражданской войны в ряде случаев дает положительный, но не продолжительный эффект. Однако в стратегической перспективе приводит к тому, что конфликты трансформируются либо переходят от простых форм к более сложным и многоаспектным, что затрудняет их разрешение.

Далее рассмотрим вопрос *о разрешении социальных конфликтов*. Представляется, что одним из важных факторов разрешения социальных конфликтов является существование *общественного договора*.

В некоторых юридических трудах существование такого договора ставится иногда под сомнение ввиду отсутствия его текста. Мы не согласны с такой позицией, т.к. полагаем, что такой договор является неписанным и в какой-то мере негласным.

Ярким примером, подтверждающим возможность заключения негласного договора между членами социума, является естественный *язык общения*. Такая конвенция представляет собой соглашение членов сообщества о том, как и что они будут именовать, как будут общаться между собой. Последующие поколения присоединяются к этому соглашению, внося в него лишь свои изменения. Человек следует языковой конвенции без письменного или устного подтверждения, по факту использования языка в своей повседневной жизни.

Также и конвенция о создании сообщества и выборе модели управления не имеет текста и вербальных заявлений о выражении воли заключить соглашение. Она является конклюдентной. Однако выявление

условий общественного договора является достаточно сложной задачей. Это связано с тем, что содержание договора вплетено в культуру общества и во многом имеет психологическую составляющую. При обычном разговоре никто из опрашиваемых нами людей не смог назвать условия такого договора. Но т.к. установление таких условий необходимо для правотворчества и правоприменения, проблема установления этих условий является актуальной.

Полагаем, что с помощью методов герменевтики можно выявить условия такого договора. В процессе своего исследования мы пришли к выводу, что, применяя вопросный метод герменевтики, можно установить перечень вопросов, ответы на которые лежат в основе такого соглашения. Это, например, такие вопросы как «для чего нужно государство?», «что я должен государству?», «что оно должно мне?», «какую степень насилия над собой со стороны государства я допускаю?» и т.д. Такие вопросы позволяют обозначить направления поиска условий договора, как ответов на них.

Выше, рассматривая картину мира, мы уже обозначили те положения такого договора, которые были нами установлены. Отметим также еще то, что общественный договор выступает в форме согласия с существующим положением дел, объяснением и оправданием сложившегося порядка вещей. Такой договор проявляется в нескольких аспектах: в привычных моделях поведения конкретного человека, обусловленных культурной традицией, переданной ему предками; в культурно-психологических ожиданиях определенного поведения от других членов общества.

Целью договора является поддержание баланса интересов между управляющими и управляемыми членами общества. Для управляемых – это принятие правовой действительности, которое выражается в согласии с мерой свободы поведения и степенью жесткости требований, заложенных в нормах права. Для тех, кто управляет – это осознание своих управленческих возможностей, меры свободы в управлении и соотношения своих интересов и интересов общества. Управляемые отказываются от части своих возможностей и ресурсов в пользу общества ради снятия с себя части забот. А управляющие получают общественные блага и ресурсы в обмен на обеспечение интересов общества.

Данное наше утверждение находит свое подтверждение в ряде источников, например, об этом говорилось применительно к эффективности права и к выявлению степени согласования интересов участников правоотношений [3, с. 50–58], [4, с. 504–505].

Интересно и то, что некоторые положения общественных договоров находят свое отражение в действующих правовых документах: в конституциях, в договорах о создании государства, в законах о предоставлении привилегий и льгот социальным группам и др.

Еще одним способом работы с конфликтами, позволяющим предотвращать гражданские войны, является *открытость конфликтов*. По сути, это изменение формы конфликта при его сохранении, перевод «горячего» конфликта в «холодный». Исторически выработано несколько таких форм, делающих механизм социальных конфликтов безопасным для общества. Основные из них – демократия, республика, федерация, правовое государство.

В ходе своего исследования мы установили интересный факт: в настоящее время значение категории «демократия» искажено. В общественном сознании демократия представляется как некое состояние общества, где все должны быть счастливы, т.к. в нем царит справедливость и законность. А в СМИ «демократия» заявляется, как некая самооценочность, не требующая никаких обоснований, критики и подтверждения.

С учетом того, что демократию рассматривают как «холодную гражданскую войну», о состоянии блаженства, справедливости, законности говорить в полной мере нельзя. Можно говорить о ней лишь как о механизме достижения таких состояний через разрешение социальных конфликтов путем легализации тех из них, которые нельзя предотвратить или запретить. Участникам конфликта предлагается заменить реальное противоборство на фиктивное состязание и использовать юридические процедуры для его протекания и закрепления результата.

Демократия ценна тем, что позволяет избежать серьезных конфликтов в обществе либо делает часть из них неразрушительными. Она позволяет определять победителей и побежденных в социальных войнах. Но победа достигается без катастрофических последствий: разрушения экономики, уменьшения населения (гибель, эмиграция, снижение рождаемости), массовых заболеваний, голода, беспризорности и т.д.

Такие фиктивные состязания и связанная с ними конкуренция являются двигателями развития многих общественных сфер (экономики, политики и т.д.). И это означает, что юридикация конфликтов может быть направлена на стимулирование конфликтов и состязаний.

Далее мы рассмотрим возможность возникновения социальных конфликтов в современной России. В результате своих исследований мы мо-

жем сделать вывод, что за 30-летний период осуществления демократических процессов модель демократии не показала все свои способности по эффективному разрешению важных социальных конфликтов и стимулированию развития страны.

К таким выводам мы пришли, т.к. увидели, что в современной демократии в России еще не сложился «демос» и применяются не все методы классической «кратии».

В классическом понимании народ – это группы людей, готовых объединяться и вместе тратить свои ресурсы на достижение коллективных интересов и их защиту.

В настоящее время внутри страны не сложилось достаточного количества общественных объединений, которые могли бы выступать в качестве коллективных субъектов управленческих отношений. В таких условиях политические партии, как правило, имеют характер клубов по интересам.

Это связано с отсутствием четкой социально-экономической базы, с атомизацией общества, отсутствием культуры и традиций объединения и нахождения в объединениях, с неготовностью людей соблюдать условия и требования объединения, систематически тратить свои ресурсы на поддержание объединения, на представление и защиту своих коллективных интересов.

В условиях большого по численности общества представление самых важных интересов индивида возможно только коллективными субъектами. И вопрос о создании таких объединений стоит на повестке общественно-политической жизни, но упирается в отсутствие тех, кто хочет и умеет объединяться. Сейчас в социальных конфликтах от имени больших сообществ участвуют небольшие группы, действуя, как правило, в своих интересах, а не в интересах сообществ.

Это приводит к тому, что значительная масса людей не участвует (прямо или косвенно) в принятии управленческих решений даже на локальном уровне. Например, собственники в многоквартирных домах.

Проведенное нами исследование показывает, что современное общество в массе своей малоконфликтно. Среди жителей регионов, в которых было проведено исследование, не принято конфликтовать, и существует отрицательное отношение к людям, которые могут и готовы это делать. Образ конфликтного человека является негативным, осуждаемым.

Это вовсе не означает, что конфликтов не существует. Малоконфликтность означает, что конфликты разрешаются другими способами

либо протекают в других формах, либо вообще не разрешаются. Основной моделью поведения в ситуации конфликта является уклонение, уход, избегание конфликта. Например, в ситуации, когда человек не может повлиять на региональную или местную власть (не знает, как это сделать), он выбирает вариант уехать в другой регион (внутренняя эмиграция) либо в другую страну (внешняя эмиграция).

Еще одним вариантом ухода от конфликта является уход в «другую реальность». Это может быть сопряжено с деструктивными маниями (алкоголизм, наркомания, азартные игры и др.) либо с менее опасными (компьютерные игры, просмотр ТВ-программ и др.).

Массовая привычка уходить от конфликтов позволяет говорить, что серьезного социального конфликта в ближайшее время на территории регионов, в которых мы проводили исследование, не произойдет. Однако это имеет и обратную сторону. Конфликтность определенным образом связана со стремлением к конкуренции, снижение которой приводит к замедлению экономического и социального развития регионов. В условиях неконфликтности людей не возникает культуры мирного протекания конфликтов, это значит, что существует меньше ограничений недопустимых методов.

Можно сделать осторожный прогноз о трех вариантах развития ситуации:

1. После того, как регион покинет основная часть социально-активного населения, произойдет стагнация региона. Это вызовет постепенное уменьшение численности населения, ввиду ухудшения экономической и социальной ситуации.

2. Среди оставшегося населения возникнут группы, готовые разрешать социальные конфликты без достижения социального согласия, т.е. за счет другой части населения. Отсюда расслоение общества на новые сословия, классы.

3. Возможно переформатирование или появление новых форм конфликтов. Например, появление новых скрытых форм неподчинения или противодействия власти. Это также может вызвать рост преступности.

Что касается «кратии». Конечно, власть в современном обществе есть. Но, говоря об отсутствии «кратии», мы имеем в виду доступность, понятность и действенность форм, с помощью которых «демос» может участвовать в принятии решений, обеспечивать их реализацию, наказывать за неисполнение решений или за причинение вреда.

Институт общественного, народного представительства является пока условным. Наше исследование показало некомпетентность людей при выборе своих представителей (депутатов). К. Юнгом и его последователями предлагается научная категория – «архетип». Не вдаваясь в подробное ее описание, мы остановимся на том, что часть архетипов воспринимается человеком в детстве, а затем воспроизводится во взрослом возрасте. В результате нашего исследования, рассмотрев социальный образ «депутата» (представление о данной социальной роли, ее функциях, социальные ожидания, возможные модели взаимодействия), мы пришли к выводу, что данный образ соответствует архетипу «Деда Мороза». Основные элементы данного образа: немолодой (умный, мудрый, опытный), обеспеченный, бескорыстный, предоставляет нам возможность получать бесплатные подарки (без каких-либо серьезных вложений или затрат с нашей стороны), обладает сверхъестественными способностями (например, может на расстоянии угадывать наши мысли и желания и др.), появляется только в определенное время с определенной периодичностью, появляется неизвестно откуда и неизвестно куда уходит, в период его отсутствия не ясно, чем он занимается, в это время с ним не требуется вступать в отношения, добрый (не может причинить нам зла), не требует от нас совершения дополнительных действий (находит нас сам), не несет перед нами никакой ответственности.

Наше исследование показало, что большинство опрошенных (95 %), так или иначе, руководствовалось данным архетипом при выборе кандидата.

В современном законодательстве существует порядка 20 форм принятия гражданами участия в демократических процедурах. Большинство опрошенных (85 %) смогло назвать только три (выборы, референдум, митинги). Оставшиеся знают только 5–8 форм. Все формы не смог назвать никто.

Получается, что информирование людей о демократии и ее механизмах не осуществляется. Известные формы участия в демократии либо не воспринимаются как эффективные (75 %), либо воспринимаются как эффективные от случая к случаю (20 %). Опыт участия в демократических процедурах, помимо выборов, имеют только 10 % опрошенных.

Существующие формы прямой демократии в ряде случаев не используются в силу сложности и ограниченности процедуры.

В заключение отметим, что существование механизмов работы с социальными конфликтами является важным условием предотвращения

гражданских войн. Конфликты, протекающие в контролируемой форме, превращаются в «мирный атом», способный дать импульс развитию общества.

Проведенное нами исследование показало, что в настоящее время в исследованных регионах отсутствуют признаки серьезных социальных конфликтов. Эти регионы в основном можно отнести к спокойным. Однако исторический опыт показывает, что тишина иногда бывает перед бурей. Результаты научных исследований нескольких гуманитарных наук показывают, что ни одно общество, ни одна цивилизация не смогли избежать социальных конфликтов. Однако те общества и цивилизации, которые смогли выстроить внутри себя относительно эффективную и доступную систему разрешения таких конфликтов, просуществовали достаточно долго и достигли значительного развития. Поэтому нам представляется, что в настоящее время встает проблема поиска новой модели социального управления, которая бы позволяла выявлять существующие конфликты, придавать им такие формы протекания, которые бы сохраняли общество от серьезных потрясений и стимулировали бы его развитие.

Список источников и литературы

1. Кильмашкина Т.Н. Конфликтология. Социальные конфликты: учебник для студентов вузов. М.: ЮНИТА-ДАНА, 2009. 287 с.
2. Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. М.: ИС РАН, 1991. 281 с.
3. Юридический конфликт: процедуры разрешения / Под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1995. 159 с.
4. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / Под общ. ред. С. Нерсесянца. М.: Норма, 2006. 832 с.

**P.V. Lushnikov,
Izhevsk**

SOCIAL CONFLICTS: HERMENEUTIC AND LAW ASPECTS

The article analyzes social conflicts using the example of the Civil war in Russia, draws parallels with the current state of society, using the results of a socio-legal study of democratic processes in several regions of the Russian Federation. In the basic part of the article, social conflicts and their structure are con-

sidered, and features of understanding conflicts in legal science are defined. The category “working with conflicts” has been introduced; social conflicts and their causes are analyzed from the point of hermeneutics’ view; the categories “picture of the world” and “social contract” are disclosed.

The Civil war in Russia is considered as a social conflict, its communicative and conflictological causes are defined. Assumptions about ways and means of resolving social conflicts are made. Democracy was analyzed as a mechanism for preventing social conflicts, and conclusions were drawn on the current state of democracy in Russia.

Keywords: social and legal conflicts, working with conflicts, legal hermeneutics, picture of the world, social contract, Civil war, causes of Civil war, ways of counteraction, democracy.

УДК 94(470+570)“19”

Н.В. Останина,
г. Курган

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА СТРАНИЦАХ УЧЕБНИКОВ ИСТОРИИ РОССИИ ИЗДАТЕЛЬСТВ «ДРОФА» И «ПРОСВЕЩЕНИЕ»

В статье приводятся определения Гражданской войны в учебниках истории, соответствующих ФГОС ОО и Концепции нового УМК по отечественной истории. Выделены наиболее существенные черты Гражданской войны в России, отличающие ее как конкретно-историческое явление. Причины Гражданской войны охарактеризованы в контексте политических, социально-экономических, национальных и духовных противоречий, а также «палитры антибольшевистских сил», их социального состава и политических предпочтений. Анализируется изложение политики красных и белых по отношению к разным категориям населения, что в конечном итоге определило исход Гражданской войны. Обосновано значение методического аппарата учебников в формировании представлений обучающихся о Гражданской войне и сохранении памяти об этом социальном конфликте.

Ключевые слова: Гражданская война, причины Гражданской войны, политические силы, «палитра антибольшевистских сил», периодизация Гражданской войны, программы лидеров Белого движения, террор, память о войне.

В 2014 г. была принята Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории [1], в соответствии с которой были разработаны новые учебно-методические комплексы (УМК) под редакцией А.В. Торкунова (издательство «Просвещение») и под редакцией И.Л. Андреева и О.В. Волобуева (издательство «Дрофа»). Покажем в данной статье, каким образом на страницах этих учебников представлены некоторые актуальные вопросы истории Гражданской войны в России.

Понятие «гражданская война». Выделим признаки данного понятия, которые предлагают различные словари: 1) характер действий (боевые действия в пределах одного государства [2], организованная вооруженная борьба за государственную власть [3], [4]); 2) территория, на которой разворачивается гражданская война (в пределах одного государства [2], одной страны [3], Российской империи [5]); 3) участники войны (значительная часть населения страны, все классы, слои и группы общества [2]; представители различных классов и социальных групп Российской империи [3], [4], [5]). Характерными чертами Гражданской войны в России, отличающими ее как конкретно-историческое явление, являются «наиболее острая форма классовой борьбы» [3], [4], ожесточенность и массовый характер вооруженной борьбы, а разница со стихийными народными возмущениями заключается в наличии элементов государственной военно-политической машины у обеих воюющих сторон, в общенациональном размахе событий [6].

Отметим, что в школьных учебниках представлены следующие определения «гражданской войны»: «война между политическими силами внутри одного государства, охватывающая значительную часть населения» [7, с. 354] и «вооруженный конфликт между гражданами одного государства, который сопровождается разделением страны на две и более внутренние организованные части, открыто борющиеся друг с другом с целью претворения в жизнь своей программы будущего устройства страны»; начало Гражданской войны в России явилось «следствием революций 1917 г.» [8, с. 58], хотя в Историко-культурном стандарте [1] речь идет о Великой российской революции 1917 г. Таким образом, участие в войне представителей различных классов, слоев, групп населения заменено выражением «граждане одного государства», цель борьбы которых заключается в претворении «в жизнь своей программы будущего устройства страны» [8, с. 58]. Более корректным представляется использование термина «политические силы», понимаемые как «действующие в обществе

государственные структуры власти, организации, союзы, движения, партии, группировки, имеющие определенную социальную базу (общественные группы, слои, национальные образования, профессиональные... объединения, народные фронты и т.д.) и руководящиеся определенными программами, целевыми установками, ценностными ориентациями, идеалами и т.п.» [9]. К сожалению, ни в том, ни в другом учебнике не сказано в явной форме, в чем заключались программы будущего устройства страны представителей Белого движения – участников этого конфликта.

Причины Гражданской войны. М.М. Горинов, А.А. Данилов и другие среди причин выделяют следующие: сопротивление «тех групп общества, которые потеряли власть и право на собственность»; стремление большевиков удержать власть любым путем, а именно разгон Учредительного собрания, насильственное устранение своих оппонентов и установление однопартийной диктатуры, которые «способствовали переходу меньшевиков и эсеров к вооруженным методам борьбы»; Брестский мир и чрезвычайная политика в деревне весной–летом 1918 г., «втянувшие в вооруженное противостояние с большевиками патриотически настроенные слои населения и значительную часть крестьян» [8, с. 58]. В ходе изучения войны как «конфликта между гражданами одного государства» [8], участия в конфликте различных классов, слоев и групп общества [2], [3], [4], [5] обучающимся необходимо определить эти слои населения и сделать вывод о том, какие противоречия привели к Гражданской войне. В учебнике издательства «Просвещение» авторами выделен отдельный пункт «Палитра антибольшевистских сил», в котором указаны такие силы как Белое движение, «демократическая контрреволюция», крестьянские повстанческие отряды зеленых, войска Антанты и Чехословацкий корпус, а также приведены социальный состав антибольшевистских сил (русское офицерство, бывшие чиновники, представители привилегированных классов, политически активная либеральная и демократическая интеллигенция, значительное число казаков, часть рабочих и крестьян, недовольных введением продразверстки и резким снижением уровня жизни) и политическая палитра антибольшевистского движения (монархисты, национал-патриоты, представители национальных движений, либеральные и демократические силы).

Подход О.В. Волобуева, С.П. Карпачева, П.Н. Романова [7] к освещению причин войны заключается в выделении политических, социально-экономических, национальных и духовных противоречий, которые

могут быть самостоятельно раскрыты обучающимися на основе учебного текста и оформлены в виде таблицы. В тексте учебника встречаются такие термины как «массовые экспроприации» (лозунг «Грабь награбленное!»), «германские агенты» (в адрес большевиков, разрушающих Россию), «право народов на самоопределение» [7, с. 62]. Говоря о причинах войны фабрикантов, банкиров, помещиков с большевиками, авторы делают акцент не только на потерю ими материальных благ и власти, но и своего социального статуса после отмены чинов и титулов. Среди причин недовольства населения советской властью выделен «ее демонстративный разрыв с историческим прошлым, древними традициями», антицерковная политика большевиков [7, с. 62].

Отметим, что стремление показать причины, ход исторических событий глазами их участников, дать оценку современников является отличительной особенностью содержания учебников И.Л. Андреева – О.В. Волобуева [7]. Поэтому неудивительно, что авторы приводят точки зрения большевиков и их политических оппонентов на характер советской власти («самая демократическая в мире» и «захват власти верхушкой лишь одной политической партии»), на роль Октября 1917 г. («углубление революции и переход от ее буржуазно-демократического этапа к социалистическому» и «контрреволюция по отношению к Февралю») [7, с. 62].

Периодизация Гражданской войны. В силу стремительно произошедших грандиозных перемен в октябре 1917 г. сразу началось сопротивление тех групп населения, которые потеряли власть и право на собственность. Поэтому «точкой отсчета» Гражданской войны является октябрь 1917 г. «С октября 1917 г. до весны 1918 г. военные действия имели в основном локальный характер» [8, с. 58]; «своего рода прологом Гражданской войны можно считать период с октября 1917 г. до мая 1918 г. В.И. Ленин, выступая в марте 1918 г. на съезде большевистской партии, говорил: “То, что нами предсказывалось в начале революции и даже в начале войны (мировой. – *Н.О.*)... именно превращение империалистической войны в гражданскую, 25 октября 1917 г. стало фактом”. Следовательно, он полагал, что начальной точкой Гражданской войны можно считать Октябрьское восстание» [7, с. 63], а завершением войны является 1922 г.: «В 1922 г. закончилась борьба на Дальнем Востоке. Этот рубеж можно считать временем окончания крупномасштабной Гражданской войны. В Средней Азии вооруженные столкновения с так называемыми

мыми басмачами... продолжались и позже» [7, с. 63]; «в феврале 1922 г. Народно-революционная армия ДВР под командованием В.К. Блюхера при поддержке партизанских отрядов у ст. Волочаевка разгромила белых. 25 октября войска ДВР вступили во Владивосток. В ноябре 1922 г. ДВР была присоединена в РСФСР. Вооруженное противостояние между белыми и красными закончилось победой красных» [8, с. 67].

О программах лидеров Белого движения или почему проиграли белые? Об отдельных положениях программ участников конфликта (представителей Белого движения) можно догадаться, исходя из анализа содержания пункта «Причины победы Красной армии»: «Белые лидеры не сумели предложить народу привлекательной программы. На контролируемых ими территориях восстанавливались законы Российской империи, собственность возвращалась прежним владельцам... А поддержку крестьян можно было обеспечить, лишь узаконив перераспределение помещичьих земель. Часть населения оттолкнула от Белого движения его национальная политика, непреклонная приверженность лозунгу “единой и неделимой России”, антисемитизм, выливавшийся в еврейские погромы. Вызывали подозрение в национальной измене и тесные связи белых генералов с иностранными государствами» [8, с. 67].

Отметим, что в учебнике «История России. XX век» А.А. Данилова, Л.Г. Косулиной [10, с. 109] на примере проекта программы П.В. Врангеля (издание «Закона о земле», «Закона о волостных земствах и сельских общинах», Положения о порядке областной автономии для казачьих земель, обещание нового фабричного законодательства) у обучающихся формируется не только представление о возможной альтернативе развития событий, но и устойчивое понимание невозможности реализации такой альтернативы, поскольку «время было упущено». А представленные в учебнике положения опубликованного проекта земельной реформы правительства А.И. Деникина способствуют пониманию не только причин крестьянских восстаний в тылу Добровольческой армии, но и причин поражения Белого движения.

Говоря о непростых взаимоотношениях советской власти и местного населения, авторы учебников по-прежнему уделяют внимание политике красных в отношении крестьянства (комбеды, продразверстка, злоупотребления местных властей, мобилизация крестьян, изъятие лошадей и т.п.) и причинам антибольшевистских крестьянских восстаний (в т.ч. в Тамбовской и Воронежской губерниях в 1920 г.). Обучающимся предоставляется возможность познакомиться с положением рабочих

в городах и выявить причины их разочарования в большевистской власти. Показательным в этом смысле явился результат новых выборов в Советы весной 1918 г., в результате которых почти во всех губерниях России большевики проиграли меньшевикам и эсерам. Несмотря на разгон новоизбранных Советов, массовых выступлений против большевиков не произошло. «Исключением стало восстание рабочих Воткинска и Ижевска в августе–ноябре 1918 г., проходившее под лозунгом “За Советы без большевиков”. Повстанческими властями была создана народная армия, которая вела боевые действия против Красной армии, а после подавления восстания эта армия воевала с большевиками в составе Ижевской и Воткинской дивизий русской армии адмирала А.В. Колчака» [8, с. 84].

Особенность Гражданской войны в России. Спецификой Гражданской войны было особое ожесточение со стороны всех противоборствующих сил. Универсальным средством борьбы с противником стал массовый террор. Так, М.М. Горинов, А.А. Данилов и другие [8] выделили отдельный пункт, в котором идет речь о причинах и масштабах белого и красного террора. Вместе с тем, авторы отмечают сходство целей террора красных и белых («деморализовать противника, утратить людей, привлечь на свою сторону колеблющихся»), сходство форм, средств и методов осуществления террора (массовые казни, концентрационные лагеря, «децимации» в собственных войсках и т.п.), создание в обоих случаях специальных репрессивно-террористических органов (ВЧК – у красных, военно-полевые суды и контрразведка – у белых). Особый акцент делается на осуществление белого террора на территории Комуча, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке (имена казачьих атаманов Б.В. Анненкова, А.И. Дутова, Г.М. Семёнова, И.П. Калмыкова, И.Н. Красильникова); приведено название и краткое содержание «Закона в отношении участников установления в Российском государстве советской власти, а равно сознательно содействовавших ее распространению и упрочению» (утвержден Особым совещанием при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России А.И. Деникине в 1919 г.). Что касается красного террора, указаны дата и причина его официального объявления, факт расстрела 500 заложников Петроградской ЧК в ответ на покушение Ленина, упомянут расстрел царской семьи как «зловещая страница красного террора» [8, с. 65].

О.В. Волобуев и другие больше пишут о красном терроре: говоря о стремительном продвижении армий Колчака, а потом Деникина, авторы отмечают недовольство продовольственной политикой большевиков

доведенных до отчаяния крестьян, поднимавших восстания. В тексте параграфа приведен отрывок из директивы ЦК РКП(б), подписанной Я.М. Свердловым, в котором говорилось о проведении массового террора против богатых казаков, отражавшего те методы борьбы, которые использовала советская власть в отношении недовольных: «Истребив их поголовно», «провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим... участие в борьбе с советской властью» [7, с. 72]. А дальше, говоря о том, что военная диктатура и «белый террор был не лучше красного», авторы отмечают: встреча белых как освободителей оказалась иллюзией, а реквизиции продовольствия и восстановление прав прежних владельцев на их собственность, а также еврейские погромы, ставшие обыденностью, не способствовали росту поддержки белых в массах [7]. Более того, в данном учебнике нет отдельного пункта, посвященного террору (приведенные выше факты и цитаты даны в контексте решающих побед Красной армии). В этой связи учителю важно, на наш взгляд, сделать акцент на тех мерах, к которым прибегала и та, и другая власть, выделить с обучающимися причины непопулярности политики тех и других, сделать акцент на том, что ожесточением отличались обе стороны. В разговоре о причинах террора важным замечанием является упоминание роли Первой мировой войны в привыкании мужского населения, прошедшего через окопы, к жестокости и смерти; обесцениванию человеческой жизни; расшатывании нравственных устоев общества; утрате и без того слабого чувства законности [8].

Гражданская война в общественном мнении современного российского социума (к проблеме сохранения исторической памяти о войне). Важным аспектом, формирующим личностные, познавательные и предметные универсальные учебные действия, является методический аппарат учебника. Приведем примеры вопросов и заданий, которые могут быть раскрыты в рамках проектной деятельности обучающихся: «Составьте характеристику (исторический портрет) одного из лидеров Белого движения или военачальников Красной армии в годы Гражданской войны», «Подготовьте сообщение на тему “Правда и вымысел в фильмах и книгах о Гражданской войне (на примере конкретного произведения)”», «Что происходило в вашем крае в период Гражданской войны?», «Какие знамена и символы использовали враждующие стороны в Гражданской войне?» [7, с. 77]; «”Военный коммунизм: идея или необходимость?” – ставил вопрос историк С.А. Павлюченков. А как считаете вы?» [8, с. 58];

«Используя дополнительные источники информации, составьте сборник различных высказываний о Гражданской войне в России. Представьте себе, что вы присутствуете при споре ученых. Какую позицию поддержали бы вы и почему?» [8, с. 70]; «Организируйте дебаты по теме “Гражданская война в России: была ли она неизбежной?”» [8, с. 70].

В заключение отметим, что Гражданская война – одна из наиболее трагических и противоречивых страниц отечественной истории, к изучению которой нужно подходить очень корректно, дифференцируя исторические факты, причинно-следственные связи, мнения ученых, воспоминания очевидцев и участников событий, а также стереотипы, сформировавшиеся под влиянием литературы, кино, песен, посвященных Гражданской войне.

Список источников и литературы

1. Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории // Вестник образования. 2014. № 13. С. 10–124.
2. Большая актуальная политическая энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://greater_political.academic.ru (дата обращения: 05.10.2018).
3. Философская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://greater_political.academic.ru (дата обращения: 05.10.2018).
4. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://greater_political.academic.ru (дата обращения: 05.10.2018).
5. Энциклопедии «Отечество» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://greater_political.academic.ru (дата обращения: 05.10.2018).
6. Научный коммунизм: Словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://greater_political.academic.ru (дата обращения: 05.10.2018).
7. Волобуев О.В., Карпачев С.П., Романов П.Н. История России: начало XX – начало XXI в. 10 кл.: учебник. М.: Дрофа, 2016. 367 с.
8. История России. 10 кл. Учебник для общеобразовательных организаций: в 3-х ч. Ч. 1 / [М.М. Горинов, А.А. Данилов, М.Ю. Моруков и др.]; Под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2016. 175 с.
9. Власть. Политика. Государственная служба: Словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://power_politics.academic.ru (дата обращения: 05.10.2018).
10. Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России, XX век: Учебник для 9 кл. общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2010. 336 с.

**ACTUAL QUESTIONS OF THE CIVIL WAR HISTORY
ON THE HISTORY TEXTBOOKS OF THE RUSSIAN PUBLISHERS
“DROFA” AND “PROSVESHCHENIYE”**

The article presents the definitions of the Civil war in the history textbooks corresponding to the FSES NOO and the Concept of a new training and methodology complex on the national history. The most significant features of the Civil war in Russia are distinguished. It is defined as a specific historical phenomenon. The causes of the Civil war are characterized in the context of political, socio-economic, national and spiritual contradictions as well as the “palette of anti-Bolshevik forces”, their social composition and political preferences. The article analyzes the presentation of the policy of red and white in relation to different categories of the population, which ultimately determined the outcome of the Civil war. The paper substantiates the importance of the methodical apparatus of textbooks in the formation of students’ ideas about the Civil war and the preservation of the memory of this social conflict.

Keywords: Civil war, causes of the Civil war, the political forces, “the palette of the anti-Bolshevik forces”, the periodization of the Civil war, the programs of the leaders of the White movement, the terror, the war commemoration.

УДК 811.161.1;002

**М.С. Ястребов-Пестрицкий,
Москва**

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ НАЧАЛА XX В.
ВЗГЛЯД ФИЛОЛОГА-АРХИВИСТА
НА ПРЕССУ ЭПОХИ**

Проводя обзор печатных изданий периода «между двух революций» (1905–1917 гг.), исследователь убеждается в том, что российское общество, даже в непростые времена, продолжает живо интересоваться культурой, искусством, образованием. Просвещенная часть общества остается равнодушной не только к политике, но и к таким сторонам жизни, как пресса,

библиотеки, издание новых книг, реформирование университетского образования. Представляют интерес газетные объявления о вакансиях преподавателей, врачей, фельдшеров, а также приглашения обучаться этим специальностям. В статье кратко повествуется и о литературной критике рассматриваемой эпохи. В конце делается вывод о состоянии гуманитарного развития общества в Российской империи. В процессе работы отмечались различные лингвистические нюансы, обнаруженные в источниках, также внимание обращалось на моменты, интересные с точки зрения литературоведения. Были использованы газетные источники 1904–1917 гг.: «Русское слово» (Москва), «Русские ведомости» (Москва), «Речь» (Санкт-Петербург/Петроград). Также статья содержит в себе небольшую рецензию на выставку ГА РФ, посвященную художнику и издателю Ю.К. Арцыбушеву, чье наиболее активное творчество пришлось на 1916–1917 гг.

Ключевые слова: революция, культурное сообщество России, университетское образование, гимназия, война, преподаватель, врач, ученый, издательское дело, В.Д. Набоков, Ю.К. Арцыбушев.

После революции 1905 г. и учреждения I Государственной думы в апреле 1906 г. в Российской империи со стороны прогрессивной, думающей части общества стала заметна некоторая активность и обеспокоенность. Имели место, в частности, студенческие (и даже гимназические!) сходы и волнения. Вот что сообщала газета «Русское слово» в мае 1906 г.: «Ярославль. 23.V. Сегодня в мужской гимназии произошел редкий инцидент. Ученики восьмого класса демонстративно оставили гимназию, сорвав экзамен по латинскому языку. Причина – недовольство преподавателем Ярошевским, не исполнившим обещания спрашивать по одному автору. Экзамен перенесен на 29-е мая» [1, с. 3].

В сфере образования недовольство назревало в разных социальных и этнических слоях российского общества. В следующем году то же «Русское слово» пишет: «Учебное дело. В министерстве народного просвещения состоялось первое заседание съезда по вопросу о реформе *инородческих* школ. Председательствовал министр Кауфман. Мусульмане представили свой проект, по которому мусульманские школы должны находиться в ведении самих мусульман, а расходы должны относиться по министерству народного просвещения. Русский язык не обязателен. Преподавание должно вестись на татарском языке (Соб. корр.)» [2, с. 4]. В стилистическом аспекте обращает на себя внимание выражение *ино-*

родческие школы (т.е. мусульманские). Данное сообщение собиратель газет, передавший их в дар ГА РФ, отметил на первой странице пометкой: «Универ. Бунтъ».

В ответ на подобные выступления, администрация, в чем-то, иногда шла навстречу недовольным. Например, целая заметка в «Русском слове» посвящена легализации студенческих землячеств в Санкт-Петербургском университете. В заметке обсуждается бессмысленность их запрета, переводящего такие землячества в полуполегалное существование [3, с. 3].

Однако этим проблемы не исчерпывались. Всем культурным сообществом России обсуждалось реформирование университетского образования. Обсуждение это отразилось, в частности, в статье: «Быть ли в Москве свободному университету?» [4, с. 1–2]. Активно обсуждался новый университетский устав, были приведены мнения (все – отрицательные) графа И.И. Толстого, бывшего министра народного просвещения; Н.А. Гредескула; профессора Пассека (ректора Юрьевского университета). Во всех отзывах красной нитью прослеживается мысль об утере университетской автономии [5, с. 3].

Та же газета затронула тему дефицита профессорских кадров, о чем свидетельствует даже заглавие заметки: «Нет профессоров» [4, с. 1]. Вот что писала газета «Русское слово» несколько ранее, в начале 1906 г.: «В 1905 году университет понес крупные утраты в лице умерших: ректора университета ординарного профессора кн. С.Н. Трубецкого, заслуженных профессоров М.П. Черинова и И.М. Сеченова... Лиц, занимавших в университете преподавательские должности, состояло к концу года 362. Всех слушателей в университете к 1-му января 1906 года состоит 7,186: студентов 6,832 и сторонних слушателей и аптекарских помощников 354... Из общего числа студентов состоит на историко-филологическом факультете 686... В университетской библиотеке к 1-му декабря 1905 г. состояло 176,459 названий книг и периодических изданий в 308,674 томах и 25,200 тетрадях. Наиболее крупные дары в отчетном году поступили от профессоров: П.Е. Казанского, Л.А. Кассо, Л.Л. Левшина, С.И. Соболевского и С.И. Чирвинского и от гг. П. Горючка и Д.П. Сырейщикова... Содержание университета в 1905 г. обошлось в 1.800,730 рублей» [6, с. 3]. Примечательно, что в сообщении значатся две известнейшие в русской лингвистике фамилии: С.Н. Трубецкого и С.И. Соболевского. Кроме сведений статистического и финансового характера, в отчете говорится

и об умерших профессорах. Эта печальная тема нередко напоминает о себе сообщениями, напечатанными, как правило, на самом видном месте титульной страницы той или иной газеты.

Приведем несколько подобных сообщений, не комментируя их ввиду всероссийской (а часто – и мировой!) известности упоминаемых. «30-го ноября, в 1 час ночи, после продолжительной и тяжелой болезни в с. Яковцах, Полтавской губернии, скончался профессор Николай Васильевич Склифосовский. Заупокойная обедня и панихида будут отслужены 2-го декабря в четверг, в 10 часов утра, в церкви Мариинской больницы» [7, с. 1]. «Во вторник, 12 мая, в день кончины (в 1911 г.) Василия Осиповича Ключевского, будет совершена панихида на могиле покойного, в Донском монастыре, в 1 час дня» [8, с. 1].

Но не только на известных профессорах держалась российская наука, медицина, система образования. Требовались и молодые кадры, на что сразу же реагировали газеты, публикуя объявления, подобные приведенным ниже. «По случаю войны на Дальнем Востоке, в Весьегонском земстве Тверской губернии вакантно место врача в Любегощской больнице (на 10 кроватей)... В эту же больницу приглашается школьный фельдшер» [9, с. 1]. «Майкопское реальное училище приглашает преподавателя русского языка на 17 ур. во II, IV, V и VII классах с содержанием 1,250 рублей. При прошении, кроме документов, к 25 июля необходимо представить личные рекомендации» [10, с. 1].

«Демидовские педагогические курсы иностранных языков в С.-Петербурге, ведомства учреждений императрицы Марии. Два отделения: французского и немецкого языков. Курс двухгодичный. Успешно окончившие курсы получают право преподавания во всех классах институтов и женских гимназий и в четырех классах мужских гимназий. При курсах пансион. Приемные (конкурсные) экзамены 31-го августа. Плата за полное содержание в интернате и право учения по 450 р. в год; с приходящих по 200 р. в год. Условия и правила о приеме в канцелярии Демидовской женской гимназии (С.-Петербург, Мойка, 108. Телеф. 5-62). Директор курсов П. Ветвеницкий» [11, с. 6].

Там же: «Харьковский женский медицинский институт *харьковского медицинского Общества*. Прием прошений на все пять курсов с 1-го июня в канцелярии института (Московская, 8). Институт дает высшее медицинское образование в объеме *университетского* курса. Лица *иудейского* исповедания должны сами получить свидетельство на право про-

живания в г. Харькове, так как институт такого права не предоставляет... Принимаются лица *женского* пола, *окончившие* 7 классов женской гимназии или равного им по правам учебного заведения. Подробные правила высылаются по получении 14 коп. марками» [11, с. 6].

Но жизнь этих специалистов порой была нелегка, о чем свидетельствует, например, сообщение в «Русском слове»: «Преподаватели высших женских курсов получили утром 1-го января следующее поздравление директора высших женских курсов: «Имею честь известить Вас, что в *январе* месяце уплата жалованья преподавательскому персоналу не может быть произведена» [12, с. 3].

Имена ученых, известные каждому русскому филологу, фигурируют, к счастью, не только в таких печальных сообщениях, какие были приведены выше. Объявления о публикации интереснейших книг также нередко содержат фамилии, знакомые нам со студенческих лет. Вот сообщение о многотомнике, редактируемом Д.Н. Овсяннико-Куликовским, наряду с другими профессорами: «История русской литературы. Под ред. прив.-доц. Е.В. Аничкова, проф. А.К. Бороздина и проф. Д.Н. Овсяннико-Куликовского. Издание составит 30–35 выпусков. Там же: М. Горький “Землетрясение в Сицилии и Калабрии” и др. книги М. Горького, А. Амфитеатрова, И. Бунина, Л. Андреева, А. Коллонтай, Н. Бекетова, В. Бонч-Бруевича (Невский, 92, книгоиздат. тов-ство “Знание”» [13, с. 1].

И в отдаленных от центра Российской империи городах русская профессура занимала активную жизненную позицию, что подтверждается следующей заметкой: «Профессор Е.Н. Щепкин о второй Думе (от нашего одесского корреспондента)» [14, с. 2].

Часто писатели, которых сегодня мы считаем классиками, занимались публицистической деятельностью или даже трудились на ниве небольшого газетного бизнеса: «Контора объявлений В.А. Гиляровского. Прием объявлений и подписки. Столешников п., д. Титова. Телеф. 10–52» [15, с. 1].

Однако не всегда в Российской империи издательское дело шло гладко, о чем может свидетельствовать следующее сообщение: «...Слушалось дело по обвинению редакторов-издателей газеты “Наша жизнь” профессора Л.В. Ходского и Г. Котельникова по 1-му и 3-му пунктам 129 ст. уголовного уложения, за напечатание и распространение № 39 газеты, в котором был помещен манифест совета рабочих депутатов»

[16, с. 2]. В той же газете помещено следующее сообщение: «Граф С.Ю. Витте сказал представлявшимся ему вчера делегатам от петербургских типографов, что все запечатанные типографии будут распечатаны не позже 17-го января» [16, с. 2]. Мы уже упоминали о пометках на полях, которые собиратель и владелец газетных номеров «Русского слова» (передавший их, очевидно, при жизни в архив) делал синим карандашом на первых страницах газет в течение нескольких лет. Весьма характерно, что два последних сообщения были помечены им на полях следующим образом: «*Vite* дал свободу печати» (с одним *-m-*!); «Ходскій».

Известнейшая петербургская газета «Речь», редактором которой был Г.И. Иванов, а издателями – И.И. Петрункевич и В.Д. Набоков, тоже не смогла избежать неприятностей. На странице 1, вверху, где вырезана небольшая заметка (вырезание, очевидно, было произведено по всему тиражу), наклеено сообщение: «С.-петербургским комитетом по делам печати наложен арест на № 356 газеты “Речь”. Редактор газеты Г.И. Иванов за помещение статьи под заглавием “За неделю” привлекается к судебной ответственности по 3 п. 1034 ст. улож. о наказ.» [17, с. 1].

Сходно по содержанию и следующее объявление: «Редактор-издатель сатирического журнала “Зритель” Арцыбушев *вновь* привлечен по 129 ст. угол. улож. за стихотворение, напечатанное в 24 номере журнала» [18, с. 2].

О художнике и издателе Ю.К. Арцыбушеве следует сказать отдельно. В ГА РФ 13 июля 2017 г. к столетию революции открылась выставка художника Ю.К. Арцыбушева. Его отец был другом мецената Мамонтова, который в 1898 г. каким-то образом попал под суд, и у него уже конфисковывали особняки в Москве, но к 1901 г. дело каким-то образом сгладилося. Ю.К. Арцыбушев, с юности впитавший недоверчиво-ироничное отношение к власти, издавал свой журнал, но его постигла неудача: в 1905 г. журнал был обвинен в нежелательной пропаганде (из-за стихов и портретных рисунков!), о чем и сообщило «Русское слово» в начале 1906 г. Был суд, но была и амнистия, однако журнал пришлось закрыть. Позднее, в 1916–1918 гг. Ю.К. Арцыбушев посещал все судебные процессы, съезды в Петрограде, Москве, Киеве, Одессе и делал портретные зарисовки выступающих и присутствующих. На выставке было представлено около 60 рисунков, а также документы, листовки, газеты, бюллетени. Эти рисунки иногда Ю.К. Арцыбушев публиковал в журнале, издаваемом Д.Я. Маковским в Москве. В декабре 1919 г. семья эми-

грировала сначала в Сербию (где пробыла недолго), оттуда – в Париж. В 1923 г. в Праге был создан крупнейший эмигрантский архив (позже названный РЗИА – Русский заграничный исторический архив), который в 1926 г. выкупил 240 рисунков Ю.К. Арцыбушева. В 1946 г. семья подала прошение вернуться в СССР, в 1947 г. вернулась (сестра была уже замужем и осталась в Париже) и поселилась у родственников в Тбилиси. Но кому-то приглянулась их квартира, последовали донос и высылка в Казахстан, где Ю.К. Арцыбушев и скончался в 1952 г.

В 1916 г. Ю.К. Арцыбушев уже рисовал карандашные портреты, например, Григория Распутина (были представлены на выставке ГА РФ), за что в 1917 г. имел неприятности, да и в 1916 г. это увлечение ставило под сомнение его «благонадежность». С другой стороны, например, старший брат И.А. Бунина, назвавшего октябрьские дни «окаянными» и эмигрировавшего, – Юрий Алексеевич Бунин, остался в Москве и до конца жизни служил в Наркомпросе. (Портреты Ю.А. Бунина тоже были представлены на выставке ГА РФ). Многие карандашные портреты были Ю.К. Арцыбушевым выполнены на различных съездах и политических мероприятиях; перечислим лишь фамилии, наиболее известные по учебникам истории, по названиям улиц и станций метро или по книгам об эмигрантах: А.Ф. Керенский, Л.Г. Корнилов, Г.В. Плеханов, В.И. Засулич, В.Д. Набоков, отец В.В. Набокова, есть даже его адрес в избирательном бюллетене «Партии народной свободы» (Петроград, Морская, 47).

Владимир Дмитриевич Набоков был застрелен 23 марта 1922 г. в Германии, прямо во время выступления в одном из залов Берлина, где проходил партийный съезд русских эмигрантов (выступал от лица «Партии народной свободы»). Об этом печальном событии пишет В.В. Набоков в биографической повести «Другие берега». Однако не сообщает всех подробностей этого убийства. Между тем известно, что два русских политика в эмиграции замыслили на этом съезде застрелить П.Н. Милюкова, но В.Д. Набоков в момент выстрела несколько подался вперед, и пуля поразила его. Стрелявшие были тут же схвачены, но по причине смутного времени они пробыли в тюрьме лишь полгода. Фамилии стрелявших: П.Н. Шабельский-Борг и С.В. Таборицкий. Оба приехали в Германию из России, где, кстати, до революции проживала некая писательница-монархистка с антисемитскими взглядами по фамилии Шабельска (возможно, родственница). Что касается Табориц-

кого, то он позднее в Германии основал подразделение русских фашистов-эсэсовцев. После войны под другой фамилией выехал из Германии в третью страну и скрылся. Таким образом, оба, – и Шабельский-Борг, и Таборицкий, – стали сторонниками и проводниками фашистской идеологии.

Вернемся в Москву 1917 г. В Московской думе заседал В.В. Руднев, последний городской голова из дореволюционных. Этот человек в 1924 г., уже в эмиграции, издал книгу «Русская школа за рубежом», но рассказывалось в ней в основном о русских школах в славянских странах. Дума же была «разогнана» на следующий день после того, как ею был создан Комитет по защите Временного правительства.

Продолжим список тех лиц, которые на выставке ГА РФ были представлены в портретах Ю.К. Арцыбушева. Здесь мы приводим только наиболее известные имена: А.И. Гучков, В.М. Пуришкевич, А.А. Кропоткин, князь П.А. Кропоткин, поэт А.А. Блок, М.В. Родзянко, Е.К. Брешко-Брешковская («бабушка русской революции»), В.И. Ленин, А.В. Луначарский, В.Д. Бонч-Бруевич, Л.Д. Троцкий, П.Е. Дыбенко, Ю.О. Мартов, Г.Е. Зиновьев, П.Н. Милоков, Н.С. Чхеидзе, Я.М. Свердлов и даже матрос А.Г. Железняков, чьи слова, сказанные в 4.40 утра 6 января 1918 г. в Таврическом дворце Петрограда, вошли в историю: «Караул устал и хочет спать!». (Железнякова Арцыбушев изобразил так, что можно принять его за 12-летнего ребенка, надевшего матросскую гимнастерку). Таким образом, заседание Учредительного собрания, длившееся всю ночь, было насильно прекращено с обещанием продолжить его в тот же день в 17.00. Однако, когда люди пришли к указанному часу, оказалось, что Таврический дворец заперт, а 9 января 1918 г., в годовщину Кровавого воскресенья, был опубликован декрет ВЦИК о роспуске Учредительного собрания.

О некоторых портретах (например, А.М. Коллонтай) можно сказать, что Ю.К. Арцыбушев делал, конечно, шаржи отнюдь не дружеские. И Ленин, и Троцкий изображены у него с подчеркнуто неприятными лицами. А ведь рисунки выполнялись художником с натуры!

Также имеются портреты Л.Б. Каменева, С.В. Малютина, В.П. Ногина (станция метро «Китай-город» в Москве много лет именовалась «Площадь Ногина»), Н.И. Подвойского, В.Н. Подбельского (улица Подбельского есть в Москве, а Подвойского – в г. Коломне), Н.В. Крыленко, А.Г. Шляпникова... Интересно, что в читальный зал Госархива приходила Шляпникова, дама 87 лет, чтобы узнать: в которой из дореволюци-

онных газет можно отыскать опубликованные письма А.Г. Шляпникова (чьей родственницей она является) к А.М. Коллонтай. В настоящее время данная посетительница архива пишет мемуарную книгу.

Интерес представляли и предвыборные бюллетени, с указанием домашних адресов всех выдвигавшихся и их принадлежности к той или иной партии (партий было немало, как и в сегодняшней России). Например, В.И. Вернадский и А.А. Корнилов состояли в той же «Партии народной свободы», что и В.Д. Набоков. А Джугашвили (Сталин), адрес: Петроград, 10-я Рождественская, 17; Ульянов (Ленин), адрес: Петроград, Широкая, 48, кв. 24 (там он жил у сестры); М.И. Калинин, А.Г. Шляпников – все состояли в РСДРП. В партии СР (социалистов-революционеров) состоял, например, Зиновьев. Привлекли внимание фамилии Пестржецкого¹ и Керенского. А.Ф. Керенский дожил в эмиграции до 92 лет, несмотря на перенесенный в детстве костный туберкулез, а позднее, в юности, – серьезнейшие проблемы с почками.

Экскурсионная программа проходившей выставки упоминала и о так называемой Сибирской республике, местную власть которой сверг А.В. Колчак 18 ноября 1918 г.

Мысль о том, что «революцию притащила война» (слова историка-экскурсовода), стала лейтмотивом выставочного мероприятия. Слишком изнурен был народ Первой мировой войной: аналитические умы отдельных, наиболее образованных современников вполне могли прогнозировать случившееся [19].

В целом, выставка ГА РФ была весьма познавательной и могла представлять интерес для представителей ряда научных специальностей.

Но, при самых разных политических событиях, в столичном Санкт-Петербурге, в Москве и других крупных городах империи продолжалась культурная жизнь. В стране не прекращалась медицинская, театральная, учебно-просветительская и литературная деятельность.

Многие представители культурной части общества относились к революционным преобразованиям в стране скорее положительно.

¹ Фамилия интересна с точки зрения антропонимики (раздел ономастики). Автору этих строк известно от матери, что наш прадед Пестрицкий в ранних документах писался по-польски: Пестржицки (без финального *-й*). Пестржецкий – фамилия явно та же, лишь другой ударный гласный: при интерполяции польских фамилий в русский язык фонетика может меняться. – *М.Я.-П.*

События войны также имеют свои отголоски в университетской и церковной жизни: «Ректор Петроградского императорского университета извещает гг. профессоров, приват-доцентов, а также студентов и служащих в университете, что в четверг, 4-го сего февраля, в 1 час дня, в *университетской* церкви имеет быть отслужено благодарственное Господу Богу молебствие по случаю падения крепости Эрзерум», – писала петроградская газета «Речь» в феврале 1916 г. [20, с. 1]. Отмечаем стилистически выделяющийся архаичный оборот *имеет быть отслужено*.

А через год, уже после Февральской революции, московская газета опубликовала похожее сообщение о молебствии (но уже – в Московском университете): «Ректор университета уведомляет гг. профессоров, преподавателей и студентов, что в воскресенье, 5-го марта, в *Университетской* церкви св. Татианы после литургии будет совершено торжественное молебствие о ниспослании Божия благословения на возрождающееся к новой жизни Государство *российское*» [21, с. 1]. Заметим, что относительное прилагательное *университетская* (церковь) в приведенных двух объявлениях – петроградском и московском – написаны по-разному: со строчной и прописной букв. А вот *российское* – в московской газете дано со строчной, хотя оборот *Государство российское* можно рассматривать, приняв во внимание эпоху, как официальное название государства, т.е. топоним, синонимичный *Российской империи*.

Встречались в газетах 1915–1917 гг. и «говорящие» заглавия. Например, под заголовком «Пропала совесть» опубликована литературно-критическая статья Е.Н. Чирикова об А.С. Серафимовиче: «...Писатель из “Знания”, заблудившийся г. Серафимович. Прощай, писатель! Вечная тебе память! Да будет тебе легка ноша сия и да просветится имя твое в столь блестящей компании душителей свободного слова и мысли, гасителей духа человеческого и вдохновенных заборных поэтов!» [22, с. 2]. Однако сегодня, в XXI в., А.С. Серафимович – несравнимо более известный писатель, нежели Е.Н. Чириков.

В следующих двух примерах заглавия тоже говорят сами за себя: «Обманутые надежды» [23, с. 5] – критический очерк В.Ф. Ходасевича о творчестве И. Северянина (И.В. Лотарёва). «Великий провокатор» [24, с. 2–3] – критическая статья того же Е.Н. Чирикова о Ленине. Отметим, что Е.Н. Чириков подвергал резкой критике Ленина и Серафимовича уже после свершившегося Октябрьского переворота.

Завершая настоящую работу, нельзя не сказать, в качестве логического послесловия, что состояние гуманитарного развития общества в Российской империи рассматриваемого периода все еще продолжало существовать и заявлять о себе различными культурными мероприятиями в лучших традициях просвещенной России. К периоду 1905–1917 гг. страна подошла, имея в своем активе образованную, культурную и равнодушную к окружающим событиям нацию. Несмотря на начавшийся внутренний разлад, обусловленный целым рядом локальных, глобальных и внешних причин, несмотря на Мировую и Гражданскую войны, – многонациональный российский народ еще долго оставался деятельным и здравомыслящим, что, безусловно, является и сегодня залогом его великого будущего. Работая над материалами более чем столетней давности, мы отмечали различные лингвистические нюансы, обнаруженные в источниках, также внимание было обращено на моменты, интересные с точки зрения литературоведения. Здесь были приведены сведения, почерпнутые из газет архивного хранения, результат ознакомления с которыми, в целом, безусловно, подтверждает необходимость продолжения работы по улучшению архивного содержания и дальнейшему упорядочению материалов. Также сама суть данной проблемы является неоспоримым подтверждением необходимости в обслуживании архивохранилищ дореволюционной периодики не только историками-архивистами, но и штатными филологами. На данную тему см. также наши предыдущие работы [25–37].

Список источников и литературы¹

1. Русское слово (Москва). 1906. № 135. 24 мая.
2. Русское слово (Москва). 1907. № 232. 10 октября.
3. Русское слово (Москва). 1907. № 47. 28 февраля.
4. Русское слово (Москва). 1908. № 128. 4 июня.
5. Русское слово (Москва). 1908. № 235. 10 октября.
6. Московский университет в 1905 году // Русское слово (Москва). 1906. № 33. 3 февраля. С. 3.
7. Русские ведомости (Москва). 1904. № 334. 1 декабря.

¹ Указанные в списке газеты находятся в архивохранилище НБ ГА РФ в настоящее время в процессе обработки и упорядочения. Картотечные реквизиты на момент написания работы данным единицам хранения не присвоены.

8. Русские ведомости (Москва). 1915. № 106. Экстренное приложение.
11 мая.

9. Русские ведомости (Москва). 1905. № 222. 17 августа.

10. Русские ведомости (Москва). 1908. № 159. 10 июля.

11. Русские ведомости (Москва). 1913. № 168. 21 июля.

12. Русское слово (Москва). 1906. № 2. 3 января.

13. Речь (СПб.). 1909. № 43. 14 февраля.

14. Русское слово (Москва). 1907. № 42. 22 февраля.

15. Русское слово (Москва). 1906. № 313. 25 декабря.

16. Русское слово (Москва). 1906. № 13. 14 января.

17. Речь (СПб.). 1913. № 356. 30 декабря.

18. Русское слово (Москва). 1906. № 33. 3 февраля.

19. Выставка ГА РФ по творчеству Ю.К. Арцыбушева. 13 июля – 20 августа 2017 г. Личные экскурсионные конспекты.

20. Речь (Петроград). 1916. № 34. 4 февраля.

21. Русские ведомости (Москва). 1917. № 51. 5 марта.

22. Русские ведомости (Москва). 1917. № 271. 8 декабря.

23. Русские ведомости (Москва). 1915. № 213. 18 сентября.

24. Русские ведомости (Москва). 1917. № 251. 16 ноября.

25. Ястребов-Пестрицкий М.С. Лингвистические особенности текстов столичных газет (дореволюционный Петербург и сегодняшняя Москва). Польза и помехи архивной работе // Ученые записки. Научный журнал Худжандского государственного университета им. акад. Бабаджана Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук: История. Филология. Педагогика. 2017. № 1 (50). С. 95–102.

26. Ястребов-Пестрицкий М.С. Лексемы семантических сфер «одежда, обувь», «предметы быта», «профессиональные инструменты», «материалы» в регионе Новороссии дооктябрьского периода // Вестник Удмуртского государственного университета. 2017. Т. 27. Вып. 3. С. 484–488.

27. Ястребов-Пестрицкий М.С. Применение филологических знаний в архивном деле // Вестник Удмуртского государственного университета. 2017. Т. 27. Вып. 5. С. 800–804.

28. Ястребов-Пестрицкий М.С. Текст 1910 года: уходящие и ушедшие лексемы как средство проникновения в историю // Ученые записки. Научный журнал Худжандского государственного университета им. акад. Бабаджана Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук: История. Филология. Педагогика. 2017. Т. 52. № 3. С. 147–150.

29. Ястребов-Пестрицкий М.С. Универбация и другие примеры языковой эволюции. Компаративизация газетных текстов со 110-летней временной дистанцией // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». 2017. Вып. 3 (202). С. 103–107.

30. Ястребов-Пестрицкий М.С. «Петербургская газета», «Петербургский комиссионер» и «Петербургский листок» как объекты лингвистического и литературоведческого исследования // Вестник Донецкого национального университета. 2018. (в печати).

31. Ястребов-Пестрицкий М.С. Россия 1915–1916 гг.: лексика военных лет. Семантическая сфера «предметы быта». К столетию трагических событий в России // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия: История и филология. 2018. Т. 28. № 3. С. 413–418.

32. Ястребов-Пестрицкий М.С. Жанна Руссель и Уродонал Шателена. Происхождение некоторых антропонимов, присваиваемых литературным героям // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия: История и филология. 2018. Т. 28. № 5. С. 763–767.

33. Ястребов-Пестрицкий М.С. Дореволюционные и современные газетные тексты: орфография, орфоэпия, пунктуация, стилистика // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 31. Вып. 4. С. 50–57.

34. Ястребов-Пестрицкий М.С. Печатная продукция XIX и XXI веков глазами филолога-архивиста // Вестник Крымских чтений И.Л. Сельвинского. Симферополь, 2017. (в печати).

35. Ястребов-Пестрицкий М.С. Тексты дореволюционных и современных газет: их лингвистические особенности и различия // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2017. Т. 32. Вып. 1. С. 32–36.

36. Ястребов-Пестрицкий М.С. Университетская и общественно-просветительская жизнь Российской империи. Взгляд филолога-архивиста на дореволюционную прессу России. Публицистиковедческий очерк // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2017. Т. 32. Вып. 3. С. 6–12.

37. Ястребов-Пестрицкий М.С. Частные и казенные объявления дореволюционной прессы: гендерная грамматика, орфография, топонимика и антропонимика // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2017. Т. 32. Вып. 3. С. 43–48.

M.S. Iastrebov-Pestritsky,
Moscow

**EDUCATIONAL AND CULTURAL-TRAINING ACTIVITY
IN RUSSIA IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY.
PHILOLOGIST-ARCHIVIST'S VIEW OF THE PRESS OF THE ERA**

Carrying out the review of newspapers of the period “between two revolutions” (1905–1917), the researcher is convinced that the Russian society, even in hard times, continues to be interested vividly in such areas of life as culture, art, education. An educated part of society was still involved not only in politics, but also in such aspects of life as the press, libraries, the edition of new books, reforming of university education. Newspaper announcements of teachers, doctors, paramedics vacancies and also invitations to study these specialties are of interest. In the article it is also briefly told about the literary criticism of the considered era. The conclusion is devoted to a condition of humanitarian society development in the Russian Empire. Various linguistic issues which were found in sources were noted in the course of work. The attention has also been paid to the interesting moments from the literary criticism's point of view. Newspaper sources of 1904–1917 have been used: “The Russian word” [Russkoie slovo] (Moscow); “The Russian news” [Russkiiie vedomosti] (Moscow); “Speech” [Rech] (St. Petersburg / Petrograd). Also, the article contains the small review to the exhibition which was organized by State archive of the Russian Federation. It was devoted to the artist and the publisher Yu.K. Artsybushev whose most active creativity fell on 1916–1917.

Keywords: revolution, cultural community of Russia, university education, gymnasium, war, teacher, doctor, scientist, publishing, V.D. Nabokov, Yu.K. Artsybushev.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

УДК 94(470.57)

А.Н. Алдашов,
г. Уфа

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕРОССИЙСКИХ ПАРТИЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ В УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1919–1922 ГГ.

В статье рассматривается деятельность небольшевистских социалистических партий на территории Уфимской губернии с момента восстановления здесь власти большевиков и до окончательной их ликвидации. Анализируются взаимоотношения этих партий с РКП(б), а также причины, которые привели к их уходу с политической арены в начале 1920-х гг.

Ключевые слова: Уфимская губерния, Гражданская война, партия революционного коммунизма, группа «Народ», социалисты-революционеры, эсеры-максималисты, анархисты, левые эсеры, меньшевики.

Партия революционного коммунизма (ПРК) была образована 25 сентября 1918 г. на I съезде сторонников газеты «Воля труда» в Москве. Представители этого направления заявили о своем выходе из ПЛСР и об основании ПРК, которая, оставаясь народнической по своей идеологии и программе, будет сотрудничать с РКП(б). В состав ЦК ПРК вошли А.Н. Александров, А.А. Биценко, М.А. Доброхотов, А.Л. Калегаев, Г.Н. Максимов, А.М. Устинов, В.И. Черный, кандидатом была избрана Е. Семеновская [1, л. 62]. Таким образом, в составе ЦК оказалось два бывших уфимских левых эсера – Г.Н. Максимов и Е. Семеновская. Органом партии стала газета «Воля труда».

Организации «революционных коммунистов» развернули свою работу в Уфимской губернии уже в июне 1919 г. Мензелинская организация ПРК была довольно крупной и насчитывала 29 членов, из них 14 действительных и 15 сочувствующих.

Организации ПРК возникли также в Уфе и Златоусте. К мобилизации в Красную армию члены Уфимской организации ПРК не привлекались, хотя и не уклонялись от этого. С самого начала между местными организациями большевиков и революционных коммунистов возникли очень напряженные отношения, нередко выливавшиеся в открытые конфликты. В анкете делегата на IV съезд ПРК в октябре 1919 г. от Уфимской организации указывалось, что препятствием для партийной работы является РКП(б) [2, л. 95]. Позднее, в декабре 1919 г., в докладе о деятельности губкома Т.С. Кривов указал, что «имея ввиду близость фронта, национальные вопросы, особые земельные, мы не могли допустить существовать организации левых эсеров и революционных коммунистов» [3, л. 25], [4, л. 8].

Период наибольшей активности «революционных коммунистов» приходится на январь – июнь 1920 г. 18 февраля 1920 г. в Уфе отпечатали «Обращение ЦК партии Революционного коммунизма» под заголовком «Власть трудящихся», где разъяснялось, что ПРК подразумевает под властью трудящихся и как она должна осуществляться. Высшим органом власти должны были стать всероссийские съезды Советов. Это обращение появилось в то время, когда в губернии уже началось крестьянское восстание, получившее название «Черный орел». Оно охватило Мензелинский, Белебеевский, Бирский, часть Уфимского уездов и было вызвано экономической политикой Уфимского комитета РКП(б) в деревне (продразверстка и грубые формы ее проведения). В этих условиях губернская организация ПРК хотя и провозгласила себя защитницей интересов крестьянства, но приняла участие в подавлении восстания. Оно квалифицировалось как борьба за власть между трудящимися, его участников призывали прекратить выступление «сами собой, то будут жестоко подавлены силой, во имя спасения революции» (так в тексте. – А.А.). Призывалось вводить в советы лишь «стойких борцов и защитников интересов трудящихся» [5, л. 175, 178]. Это был, по сути, призыв к перевыборам в советы. Поэтому, когда восстание подавили, губком РКП(б) избрал по отношению к ПРК следующую тактику – не возражая против работы членов ПРК в хозяйственных учреждениях губернии, он в то же время всячески препятствовал их политической деятельности.

В июне 1920 г. Уфимская губернская организация ПРК насчитывала в своих рядах 21 члена и сочувствующих. Ее представителей не было

ни в исполкоме Совета, ни в советских учреждениях. По-видимому, определенным влиянием пользовались «революционные коммунисты» в Союзе печатников, где было четыре члена, советских служащих – шесть, работников просвещения – три члена. В правление профсоюзов советских служащих и печатников были избраны по одному члену ПРК. Газеты у организации не было, средств тоже. Отношения с РКП(б) определялись как «средние» [6, л. 46]. Среди членов ПРК все больше наблюдается стремление к слиянию с РКП(б). Эти вопросы и должен был решить IV съезд «революционных коммунистов» в сентябре 1920 г., уведомление о котором получила и Уфимская организация [7, л. 37]. От нее в работе съезда участвовали с решающими голосами Д.Н. Павлов и А.Н. Лежнин [6, л. 4, 31, 34]. Они представляли 32 члена ПРК Уфимской губернии, а всего в губернии в это время было четыре организации: в Мензелинске, Белебее, Уфе, Благовещенском заводе [6, л. 151]. Съезд принял решение о Единой Коммунистической партии, и резолюцию по этому вопросу в числе остальных подписали члены Уфимской организации [6, л. 6; 23]. А.Н. Лежнин в составе делегации из восьми человек был послан на Всероссийскую конференцию РКП(б) 22 сентября 1920 г. [6, л. 8] для окончательного решения вопроса о слиянии с РКП(б). С этого времени завершилась деятельность ПРК и на территории Уфимской губернии.

Группа «Народ» в Уфимской губернии в 1919–1922 гг. Неудачный опыт коалиции с так называемым «белым движением» и угроза «реставрации» заставили эсеров пересмотреть официальные позиции и тактику своей партии. IX Совет партии социалистов-революционеров (ПСР), который состоялся в Москве в июне 1919 г., подчеркнул, что «не может быть никакого компромисса между политическим выражением демократии – системой полного последовательного народовластия – и большевистским режимом псевдоклассовой диктатуры, неминуемо вырождающейся в диктатуру партийную» [8, с. 43–44]. Политика «третьей силы», которую провозгласил ЦК ПСР, вызывала недовольство как наиболее правого ее крыла, стоявшего за продолжение вооруженной борьбы с советской властью, так и левого, выступавшего за союз с большевиками. На IX Совете против занятой ЦК позиции выступила не только уфимская делегация, но и группа, возглавляемая Н.П. Смирновым и Л.А. Либерманом. IX Совет отверг курс уфимской делегации на достижение политического соглашения с РКП(б). Разногласия достигли такого накала,

что два члена ЦК ПСР, участники уфимской делегации, Н.И. Ракитников и К.С. Буревой вышли из его состава.

Отношение Уфимского губревкома к эсерам, и в частности к группе «Народ», было откровенно враждебным. 16 августа 1919 г. в газете «Известия Уфимского Губревкома» появилась статья «Об эсерах», где говорилось, что «кроме презрения они заслужить ничего не могли. Но тем не менее, это не избавляет от новых попыток сближения, как бы они не кончались печально, ибо самое существование таких партий, как с.р. и меньшевики, остается печальным недоразумением...» [9]. В августе 1919 г. в Уфе эсеры работали в некоторых учреждениях. Так, в Уфимском губернском продовольственном комитете членом коллегии и заведующим подотделом «Заготосоль» являлся некто Борис Павлович Богорад, партийная принадлежность которого была определена как эсер.

15 октября 1919 г. в Совет Обороны Республики был направлен список из 12 членов группы «Народ», которые мобилизовались ею для защиты от контрреволюции в рядах Красной армии [8, с. 44], [10, с. 85]. Почти одновременно с этим группа «Народ» 17 октября 1919 г. направила ЦК ПСР ультиматум, где требовала призвать партию к помощи Красной армии и к борьбе с «реакционными силами». 25 октября 1919 г. ЦК ПСР выступил с постановлением о роспуске группы «Народ» и недействительности ее распоряжений для членов партии эсеров [8, с. 44], [10, с. 89–90].

4 ноября 1919 г. в Москве группа «Народ» отказалась выполнить постановление ЦК о роспуске, заявила о выходе из партии и образовала Центральное Организационное Бюро в составе шести членов. Эта группа получила название «Меньшинство Партии социалистов-революционеров» (МПСР) [11, с. 91]. Установив связь с Центральным организационным бюро, Уфимская организация МПСР в декабре 1919 г. и январе 1920 г. вела довольно активную деятельность. Представитель от группы «Народ» в Уфе Власов принимал участие в работе V губернского съезда Советов, проходившего в Уфе с 31 декабря 1919 г. по 3 января 1920 г.

В феврале 1922 г. некоторые члены группы «Народ» во главе с К.С. Буревым вышли из организации и объявили о ее роспуске [10, с. 118], [11, с. 520]. После этого три организации – Вологодская, Уфимская и Николаевская уведомили о своем самороспуске [10, с. 118]. Уже в 1922 г. деятельность Уфимской организации МПСР прекратилась, и речь может идти лишь об отдельных ее членах, которые не согласились с этим решением.

Окончательно группа «Народ» завершила свое существование весной 1923 г. [11, с. 520].

Партия социалистов-революционеров, эсеры-максималисты, анархисты, левые эсеры и меньшевики. Первые сведения об анархистах в Уфе появляются в сентябре 1919 г. и дают основание говорить, что здесь могла быть организация (или попытка ее создания) «анархистов подполья». Она была образована летом 1919 г., возглавлялась Петром Соболевым и Казимиром Ковалевичем. В августе 1919 г. «анархисты подполья» провели несколько экспроприаций в Москве и Туле [8, с. 52], а 21 сентября 1919 г. в Уфе распространили прокламации за подписью: «Организация Анархистов подполья «Равенство и воля»» [12, с. 265], [13, л. 19]. Этот факт сильно взволновал политотдел, который направил специальное послание в губком РКП(б) с целым перечнем мер, тем более что раньше, в ночь с 19 на 20 сентября, был убит один из его сотрудников [13, л. 19].

Группа в Уфе получила название «Союз анархической молодежи» (т.е. подчеркивался молодежный характер организации). Как известно, Всероссийская Федерация Анархической Молодежи была разгромлена в конце 1919 г., и Павел Иванович Сонин (рабочий-журналист, который назвал себя «анархист-коммунист» [14]) мог быть ее членом [15, с. 20]. Следует отметить, что агитация анархистов имела успех среди учащейся молодежи, особенно идея отделения школы от государства. В Циркулярном письме ЦК указывается всего два города – Псков и Уфа, и это показывает, какое влияние здесь имели анархисты [16, л. 5–6]. Циркулярное письмо ЦК было направлено в 1921 г., а события в Уфе происходили в 1920 г., и, как представляется, она удостоилась чести попасть в это письмо во многом благодаря группе Павла Сонины.

Группа в Уфе просуществовала недолго. В декабре 1920 г. с помощью агента ЧК она была разгромлена, а ее руководители арестованы. К сожалению, не удалось установить, направился ли Павел Сонин на польский фронт в мае 1920 г. (группа его существовала с марта по декабрь), или же его туда не пустили. В декабре 1920 г. он был арестован. Была также попытка организовать «Клуб анархистов» и в Стерлитамаке в марте 1921 г. (в 1920 г. Стерлитамак стал столицей Башкирской Республики. – А.А.).

Существовала в губернии и организация эсеров-максималистов. Они возобновили свою работу в конце 1919 г., когда в газете «Известия

Уфимского губернского революционного комитета» было помещено объявление о том, что в городе образовалась организация союза максималистов [17]. Вопрос о них рассматривался и на заседании президиума губкома РКП(б) 16 декабря 1919 г. Характерно, что информация о максималистах была только заслушана, в то время как на этом же заседании рассматривался вопрос о легализации «революционных коммунистов» и о воззвании группы «Народ» [18, л. 113]. Судя по имеющимся данным, к максималистам в Уфе относились довольно лояльно, да и сама группа в январе 1920 г. выступила с резким осуждением позиции своего руководства, заявив, что считает «их бесчестными авантюристами и врагами Советской власти» [19]. Более подробных документов о деятельности максималистов в Уфе пока не обнаружено, поэтому можно лишь констатировать тот факт, что в городе существовала эта организация.

Значительной активностью отличались в Уфимской губернии левые эсеры. Оставшись на платформе ЦК ПЛСР, они перешли к нелегальной деятельности, однако летом 1919 г. ЦК отверг методы вооруженной борьбы против большевиков [8, с. 46]. Уже через две недели после изгнания войск А.В. Колчака из Уфы левые эсеры поставили вопрос о легализации. Уфимский губком РКП(б) уделил рассмотрению этого вопроса большое внимание, в повестке дня он был поставлен отдельным пунктом. Решили отклонить легализацию с мотивировкой «ввиду прифронтовой полосы». Не было получено разрешение и на издание газеты и организацию концерта и митинга [20, л. 3]. Наличие левозэсеровских групп очень сильно беспокоило губернскую организацию большевиков, причем подозрения вызывали не только члены ПЛСР, работавшие в советских учреждениях, но даже и те из них, которые изъявили желание вступить в РКП(б).

Особое беспокойство уфимских большевиков вызывало положение в Мензелинском уезде, где наряду с организацией «революционных коммунистов» существовали довольно сильные левозэсеровские тенденции. Пленум губкома в феврале 1920 г. остановился на вопросе о работе левых эсеров в Мензелинске. Некоторые выступавшие прямо связывали неудачи продовольственной политики большевиков в уезде с агитацией эсеров. Как представляется, левозэсеровская организация в Мензелинске в период 1919–1920 гг. была довольно сильной, однако почти вся она с 1919 г. влилась в партию революционного коммунизма.

Существовала левоэсеровская организация и в Белебее. В сентябре 1920 г. все материалы о левых эсерах по решению президиума губкома были переданы для расследования в губчека [21, л. 110]. В 1919–1920 гг. многие члены ПЛСР вступили в РКП(б). Были созданы рабочая и крестьянская секции объединенной организации, а также делались попытки образования крестьянского союза [22, с. 94]. Но они не увенчались успехом. Общее падение популярности ПЛСР, отрыв ее от рабочих и крестьян, политическая апатия и репрессии большевиков привели к тому, что в 1922 г. деятельность левоэсеровских организаций в губернии прекратилась.

Имеющиеся архивные материалы позволяют получить некоторое представление о деятельности эсеров и меньшевиков. Многие члены Златоустовской организации перешли на платформу МПСР. Однако в 1920 г. сохранялось определенное эсеровское влияние, особенно заметно оно было в кооперативах, где работало много сотрудников, разделявших эсеровскую программу и, по-видимому, сохранивших связь с ПСР, а также в среде рабочих. Больше всего беспокоило большевиков то, что весной 1920 г. из Сибири стали возвращаться некоторые видные деятели эсеровской организации в Златоусте. Характерно, что большевики прямо указывали на Златоуст «как на базу контрреволюции», считая его «гнездом контрреволюционеров» [23, л. 80], [24, л. 108–109]. Из этого делался вывод, что эсеры будут стремиться наладить свою работу. Все возвратившиеся были арестованы, но подали заявление о своем освобождении и участии их в советской работе. Аресты проходили и в Уфе, и в Златоусте. В сводке в Уфимскую ЧК о состоянии Златоустовского уезда за первые две недели октября 1920 г. по поводу политических партий и групп стоит лаконичное: «не обнаружено» [24, л. 8]. Но уже в январе-феврале 1921 г. положение изменилось. Забастовки в Уфимских железнодорожных мастерских и на Златоустовском заводе были вызваны тяжелым экономическим положением и недостатком специальной одежды, но в роли подстрекателя забастовки начальник 5-го района Златоустовской промышленной милиции назвал эсеров и меньшевиков [24, л. 16].

В феврале 1921 г. был ужесточен прием в партию большевиков бывших эсеров, поскольку появилось мнение, что они вступают в РКП(б) с единственной целью – дезорганизовать работу. В Златоусте среди эсеров действовали осведомители, и в начале марта 1921 г. они также прово-

дили активную деятельность. В Златоусте количество членов ПСР определялось в 150 человек на март 1921 г., по Уфе сведения отсутствуют [24, л. 69]. Численность их колебалась, по-видимому, от 120 до 150 членов, но активных среди них было немного.

В апреле 1921 г. в Уфе решили «усилить» работу среди эсеров, меньшевиков и анархистов [25, л. 54]. Некоторая активизация меньшевиков наблюдалась в связи с принятием X съездом РКП(б) решений, которые меньшевики в Златоусте считали своими (продовольственный налог). Их организация здесь отсутствовала, а подобную агитацию вели в марте 1921 г. лишь «отдельные личности» [26, л. 89]. Никакой серьезной деятельности меньшевистских организаций в Уфимской губернии в 1921–1922 гг. по сводкам не прослеживается.

Последним всплеском политической активности ПСР следует считать конец зимы – весну 1922 г., когда в Сатке (Златоустовский уезд) в заводской комитет прошли кандидаты от эсеров, и забастовку в феврале 1922 г. двух цехов на Златоустовском заводе (эсеры пытались вести агитацию среди рабочих) [27, л. 16, 38]. 29 мая 1922 г. губком РКП(б) направил во все уездные и городские комитеты губернии секретное письмо, где предписывалось «... немедленно приступить к самой энергичной кампании вокруг процесса эсеров...». Ликвидация эсеровских организаций в Уфимской губернии перешла в завершающую фазу. В июне 1922 г. златоустовская группа выступила с инициативой созыва Всероссийского легального съезда старых членов эсеровской партии. Вопрос на съезде должен быть один – ликвидация партии социалистов-революционеров. Характерно, что инициатива самоликвидации исходила от одной из самых сильных эсеровских организаций на Урале – Златоустовской. К моменту объединения Уфимской губернии с Малой Башкирией в июне 1922 г. говорить о значительном эсеровском или меньшевистском влиянии не приходится. Ни эсерам, ни меньшевикам не удалось создать в губернии сколько-нибудь сильной организации. Окончательно деятельность эсеров прекратилась уже в 1923 г. после вхождения Уфимской губернии в состав Башкирской Республики. Социалистические партии как в целом по стране, так и в Уфимской губернии не наладили конструктивную, созидательную работу. Не последнюю роль в этом сыграли и постоянные меры репрессивного характера со стороны РКП(б) – аресты, ссылки, закрытие печатных изданий. В это время большевикам уже не нужны были ни альтернатива, ни тем

более союзники, вкладывающие в понятие «социализм» совершенно иной и слишком опасный для них смысл.

Список источников и литературы

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 282. Оп. 2. Д. 35.
2. РГАСПИ. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2.
3. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 4а.
4. НА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4.
5. НА РБ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 83.
6. РГАСПИ. Ф. 282. Оп.1. Д. 4.
7. НА РБ. Ф. 1832. Оп. 2. Д. 163.
8. Октябрь 1917 г. и судьбы политической оппозиции. Ч. 1. Гомель: [б.и.], 1993.
9. Известия Уфимского Губревкома. 1919. 16 августа.
10. Буревой К. Распад. М., 1923.
11. Минц И.И. Непролетарские партии России: Урок истории. М.: Мысль, 1984.
12. История Уфы. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1981.
13. НА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 79.
14. Известия Уфимского Губернского исполкома. 1920. 29 мая.
15. Горелик А. и др. Гонения на анархизм в Советской России. Берлин, 1922. № 1.
16. НА РБ. Ф. 1832. Оп. 1. Д. 336.
17. Известия Губернского революционного комитета. 1919. 5 декабря.
18. НА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11.
19. Известия Уфимского Губернского Исполнительного Комитета Совета Депутатов. 1920. 15 января.
20. НА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14.
21. НА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 114.
22. Чекисты Башкирии. Уфа, 1967.
23. НА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 108 «а».
24. НА РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 305.
25. НА РБ. Ф. Р-396. Оп. 3. Д. 75.
26. НА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 387.
27. НА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 552.

A.N. Aldashov,
Ufa

ALL-RUSSIAN SOCIALIST PARTIES ACTIVITY IN THE UFIMIAN PROVINCE IN 1919–1922

The article examines the activities of the non-Bolshevik socialist parties in the territory of the Ufimian province from the moment of Bolshevik power restoration there to the final liquidation of these parties. The paper analyzes the relationship between these parties and the RCP (B), as well as the reasons that led to the departure of these parties from the political arena in the early 1920s.

Keywords: the Ufimian province, Civil war, the party of revolutionary communism, group “People”, socialist-revolutionaries, SR-maximalists, anarchists, Left SRs, Mensheviks.

УДК 94(47).084

Р.Р. Вильданов,
г. Уфа

СИСТЕМА СОВЕТОВ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В статье раскрывается процесс становления и развития системы советов в РСФСР в годы Гражданской войны. Автор фиксирует изменения, произошедшие в связи с укреплением советской власти. Анализируются новые тенденции государственного строительства в РСФСР, отмечается уменьшение демократических тенденций и усиление контроля со стороны партийного руководства. Констатируется, что постепенно советы теряют былое значение и превращаются в орган, подчиненный исполнительной власти.

Ключевые слова: РСФСР, советы, РКП(б), Гражданская война, ВЦИК.

Советы как органы власти, активно функционировавшие в течение 1917 г., продолжали созываться и работать и в период Гражданской войны. Развивалась система местных советов на подконтрольных «красным» территориях. Конституция РСФСР, принятая в 1918 г., закрепила

уже сложившуюся систему организации власти. Была провозглашена одна из самых существенных особенностей советских представительных учреждений – иерархия подчинения. Она вытекала из концепции демократического централизма, сторонниками которой были большевики.

На верхнем уровне системы находились Всероссийский съезд Советов и Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК), который избирался съездом и был высшим органом власти в перерывах между работой съездов. Полномочия этих органов обозначались в Конституции достаточно обширно. К ним относились все вопросы общегосударственного значения. Кроме этого, отмечалось, что они могут рассматривать «все вопросы, которые... признают подлежащими их разрешению» [8]. К исключительному ведению Всероссийского съезда Советов относились только изменение Конституции и ратификация международных договоров. Эта недосказанность уменьшала значение представительных органов. Периодичность созыва съезда по сравнению с предшествующим периодом сокращалась до двух раз в год. Предусматривалась возможность созыва чрезвычайного съезда по требованию ВЦИК или местных советов, насчитывающих не менее трети всего населения Советской Республики.

Нужно особо отметить, что, несмотря на провозглашенный федеративный характер республики, органы представительной власти имели только однопалатную структуру. Дело в том, что на момент образования РСФСР не было ни одного национального субъекта, признанного центральной властью, а провозглашенную национальную федерацию еще предстояло создать. Это предопределило участие представителей автономных объединений в работе съездов советов и ВЦИК на общих основаниях. ВЦИК возник как исполнительный орган Всероссийского съезда Советов, который, в свою очередь, представлял советы, а не население определенной территории или национальности. Изначально этническое представительство в какой-то мере компенсировал созданный при Наркомате по делам национальностей Совет национальностей. При ВЦИК аналогичная структура возникла только после ликвидации Наркомнаца. В работе отдела национальностей ВЦИК с целью проведения директив и заданий Президиума и Секретариата ВЦИК по вопросам национальной политики принимали участие представители автономных округов, автономных областей и национальных округов [4].

На местах советская власть была представлена двухуровневой системой советов. Высшими органами являлись областные, губернские, уездные и волостные съезды советов, низшими – сельсоветы и горсоветы депутатов. Волостные и уездные съезды советов формировались из сельских советов по разным нормам представительства, а губернские и областные – из городских советов и, соответственно, из волостных и уездных съездов советов. Такой избирательный механизм обеспечивал принципиальное в государстве диктатуры пролетариата преимущество рабочих в представительных органах по всей властной вертикали. Всероссийский съезд Советов формировался из представителей от городских советов (1 депутат на 25 тысяч избирателей) и представителей губернских съездов советов (1 депутат на 125 тысяч) [8, с. 397].

Съезды советов избирали из своего состава исполнительные комитеты, которые, как и в случае со ВЦИК, были органами власти в перерывах между работой съездов. Местные советы в отличие от съездов советов действовали постоянно, собираясь не реже одного раза в неделю в городах и двух раз в неделю в селах, а их исполкомы не являлись органами власти. Срок полномочий депутатов городских и сельских советов был в то время очень краток, всего три месяца. Корни этой особенности находятся в программе партии большевиков. «Для социалистической революции, необходимы не так называемые «общенародные» учреждения буржуазного парламентаризма, а классовые учреждения трудящихся и эксплуатируемых масс», указывал В.И. Ленин. В этой связи он отказывался от парламентаризма, который, по его мнению, демонстрировал привилегированное положение депутатов, являясь олицетворением классового противоречия и разделения законодательного и исполнительного труда. Не случайно один из параграфов его работы «Государство и революция» так и назван «Уничтожение парламентаризма». Выход из него видится не в уничтожении представительных учреждений и выборности, которая сохранялась и составляла основу партийной программы, а в превращении представительных органов из «работающие» учреждения. Основная идея заключалась в преодолении отчуждения трудящихся от аппарата управления через «соединение законодательной и исполнительной государственной работы».

Зафиксированная в Конституции выборная система представляла собой сочетание демократических норм и классового подхода. С одной стороны, закон отражал совершенствование избирательного права

в России, с другой – он был продиктован условиями политической борьбы и поэтому ограничивал всеобщее избирательное право. Следовательно правом избирать и быть избранными в советы наделялись все граждане, независимо от вероисповедания, пола, национальности, оседлости и т.д., если им ко дню выборов исполнилось восемнадцать лет. Важной особенностью было то, что местные советы могли самостоятельно, учитывая местные традиции, снижать установленную возрастную норму. Также избирательным правом, «исходя из солидарности трудящихся всех наций», пользовались иностранцы, проживающие на территории РСФСР и принадлежащие к рабочему классу. Но в противовес принципу всеобщего избирательного права устанавливалась достаточно большая группа лиц, лишенных избирательных прав. Они не избирали и не могли быть избранными. К ним, помимо недееспособных и осужденных, относились лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; лица, живущие на нетрудовой доход; частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; священнослужители; бывшие служащие полиции; представители царской семьи.

Систему выборов Конституция устанавливала лишь в общих чертах. Местные советы могли проводить их с учетом местных специфических норм и обычаев. День проведения выборов, а также способ голосования оставались на усмотрение советов. Голосование могло быть как тайное, так и открытое. Но порядок производства выборов определялся инструкцией ВЦИК. Это противоречие определяло условность выборной системы. В случае не устраивающих власти результатов выборов, вопрос об их отмене мог быть решен высшим по иерархии органом советской власти. Последней кассационной инстанцией выступал ВЦИК. Также сохранялось право отзыва депутата избирателями.

Предусматривались два источника финансирования советов. «Нужды местного хозяйства» обеспечивались за счет налогов и сборов, устанавливаемых самими советами, а общегосударственные мероприятия финансировались из государственного казначейства, кредит средств из которого оформлялся постановлением центральной власти. Учитывая материальное положение на местах и экономическую неравнозначность губерний и областей, этот механизм позволял органам исполнительной власти воздействовать на местные советы в проведении тех или иных мероприятий.

В середине 1918 г. еще было трудно говорить о централизованной системе власти, учитывая нарастающие центробежные тенденции и фак-

тическую утрату центром контроля над значительной частью территории РСФСР. Однако в Конституции четко обозначались централистско-административные подходы к организации власти. Основным законом РСФСР прежде всего подчеркивал полномочия местных органов власти по проведению «в жизнь всех постановлений соответствующих высших органов советской власти». На съезды советов и их исполкомы возлагался контроль над деятельностью местных советов. Таким образом, областные и губернские советы контролировали все советы данной области или губернии, кроме городских, не входящих в состав уездных съездов советов. Помимо этого вышестоящие советы могли отменять решения нижестоящих [11, с. 79].

На первоначальном этапе в советах, особенно в сельской местности, существовала многопартийность. Однако партия большевиков заявила претензию на монопольное руководство их деятельностью. Не всегда подобные стремления осуществлялись демократическим путем. Например, 14 июня 1918 г. ВЦИК исключил меньшевиков и правых эсеров из советов, мотивируя решение участием этих партий в вооруженной борьбе против советской власти. После разгрома июльского восстания 1918 г. левых эсеров и последовавшего запрета их партии, из советов были исключены и они. После этого советы де-факто превратились в чисто большевистские органы, которые руководствовались в своих решениях инструкциями ЦК РКП(б) [6, с. 130].

Таким образом, советы, возникшие спонтанно в ходе революции, стали органами подконтрольными партии большевиков. Это связано с идеологическими установками РКП(б). Они превратились в классовые организации, что делало их идеально подходящими для воплощения провозглашенной диктатуры пролетариата [1, с. 280]. Повсеместно по стране большевики разгоняли те советы, в которых в результате выборов преобладание получали иные партии. Как было заявлено в постановлении VIII съезда РКП(б), «коммунистическая партия особенно добивается проведения своей программы и своего полного господства в современных государственных организациях, какими являются советы» [7, с. 108].

Ярким примером этому является то, что в конце мая и в конце июня 1918 г. большевики потерпели поражение на выборах в Ижевский Совет, после чего разогнали его. В итоге власть в Ижевске перешла сначала к новому исполкому, в котором большинство было у большевиков и их союзников эсеров-максималистов, а затем к Ижевскому военно-револю-

ционному штабу. Разгон Совета и последовавшие за ним аресты лидеров оппозиционных партий усилили недовольство ижевцев и привели к успеху Ижевско-Воткинское восстание [9, с. 197].

Вместе с этим можно отметить, что Конституция 1918 г. закрепила основные положения организации и функционирования советской власти. Ее декларативный характер отражал этап становления системы и обусловил неопределенность некоторых институтов. Их уточнение в дальнейшем потребует внесение дополнений в Основной закон, которые будут оформляться постановлениями съездов советов «О советском строительстве». Как правило, почти все они инициированы и предварительно рассмотрены на партийных съездах и конференциях.

В условиях военного времени изменилась периодичность созыва ВЦИК, он стал собираться реже. Это повысило роль Президиума ВЦИК, права которого в Конституции не были четко оговорены. Только одна статья 45 упоминала о Президиуме. В ней говорилось о праве коллегий наркоматов и отдельных членов коллегий обжаловать решения народного комиссара в Президиум ВЦИК. На такое неопределенное положение Президиума обратил внимание в марте 1919 г. VIII съезд РКП(б), который предложил на ближайшем съезде советов точно сформулировать права и обязанности Президиума ВЦИК и, как было отмечено, на основе всего практического опыта – разграничить круг его функций с Советом Народных Комиссаров (Совнаркомом, СНК).

В декабре 1919 г. был установлен сессионный порядок работы ВЦИК. Сессии созывались каждые два месяца. В декабре 1920 г. Президиум ВЦИК, проводивший заседания, наблюдавший за выполнением его постановлений, назначавший наркомов и пр., был наделен и законодательными полномочиями.

На основе разработанной партийной конференцией резолюции от 9 декабря 1919 г. VII Всероссийский съезд Советов принял постановление «О советском строительстве», которое внесло ряд изменений в конституционное законодательство. Права и обязанности Президиума ВЦИК получили правовую регламентацию. Президиум сочетал функции рабочего органа ВЦИК и руководящей инстанции. С одной стороны, он готовил для ВЦИК материалы и вел его заседания. С другой стороны, Президиуму делегировались некоторые полномочия ВЦИК, например, вести переговоры от имени ВЦИК, рассматривать ходатайства о помиловании и награждении, утверждать и приостанавливать поста-

новления СНК, назначать народных комиссаров по представлению СНК, наблюдать за выполнением постановлений ВЦИК. Последний имел монопольное право только в отношении постановлений СНК. Президиум ВЦИК имел право контроля, но не мог сам отменять принятые акты.

Были попытки реализовать и принцип отчетности депутата перед своими избирателями. Депутат обязывался не реже одного раза в две недели выступать перед избирателями и отчитываться о проделанной работе. Несоблюдение этого принципа лишало депутата мандата.

Вместе с тем, так же как и в центре, увеличивалась периодичность созыва местных советов. При сохранении общих наметившихся тенденций и принципов деятельности исполкомов советов, указное постановление дало более подробную регламентацию их организации, а, главное, взаимоотношений с центральными органами управления. Устанавливалось двойное подчинение. При местных советах создавались президиумы для руководства текущей работой и проведения в жизнь постановлений центральной власти.

Советы, отражавшие в первую очередь местные интересы, при нарастающем недовольстве рабочих и крестьян политикой большевиков грозили превратиться в оппозицию к ним. В этой связи главные усилия центральной власти были направлены на создание и укрепление по вертикали государственного аппарата, с жесткой дисциплиной и безусловным контролем со стороны высшего руководства. Превращение советов «в органы новой государственности, воплощавшей идею диктатуры, т.е. в высшей степени централизацию власти», приводило к разрушению демократических начал внутри самих советов.

Это нашло свое отражение в выступлениях населения, особенно на исходе Гражданской войны. Например, восстание сибирского крестьянства против коммунистического режима в начале 1920-х гг. по своей численности, территории, продолжительности и упорству превосходило антиколчаковское партизанское движение. Основная масса его участников поднялась на борьбу под лозунгом «За советы без коммунистов». Во многих районах повстанцы, уничтожив большевистские ячейки, на практике приступали к созданию беспартийных советов. Если же советы состояли из людей, пользовавшихся доверием местного населения, они не подвергались реорганизации [10, с. 129–142].

Проявлением деформации советской системы стало усиление роли партии и перенос центра тяжести государственного аппарата в исполни-

тельные органы. В 1919–1920 гг. подавляющее большинство законодательных актов принимали не Всероссийский съезд Советов и не ВЦИК, а Советское правительство. Одним из самых принципиальных был вопрос о взаимоотношениях между партией и советами. Фактически все решения принимал ЦК РКП(б), а законодательное их оформление становилось уже технической задачей. Это положение нашло подтверждение в резолюции VIII съезда РКП(б) «По организационному вопросу». В ней говорилось, что РКП(б) – это «партия, стоящая у власти и держащая в своих руках весь советский аппарат» [2, с. 412–416]. В условиях централизации управления нарушилось соотношение горизонтального и вертикального подчинения между местными и центральными органами власти. Наркоматы, главки и центры непосредственно соотносились с отраслевыми отделами исполкомов, минуя местные советы.

Таким образом, советы, стихийно возникшие «снизу» в ходе революции, стали частью госаппарата, превратились в покорных исполнителей решений партии. В годы Гражданской войны происходит превращение советов из органа народного представительства в орган, подобранный партийными властями из лояльных к РКП(б) граждан.

Список источников и литературы

1. Вильданов Р.Р. Зарождение системы советов как органов представительной власти в начале XX века // Евразийский юридический журнал. 2015. № 9.
2. Восьмой съезд РКП(б). 18–23 марта 1919 г. М., 1933.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 35. М., 1974.
4. Положение об отделе национальностей при ВЦИК // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1924. № 75. Ст. 738.
5. Представительная власть в России: История и современность / Под общ. ред. Л.К. Слиски. М.: РОССПЭН, 2004.
6. Революция и Гражданская война в России: 1917–1923 гг. Энциклопедия в 4 т. Т. 4. М.: Терра, 2008.
7. Резолюции и постановления VIII съезда РКП(б) 18–23 марта 1919 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1986) / Под общ. ред. А. Г. Егорова и К.М. Боголюбова. 9-е изд. Т. 2. М.: Политиздат, 1983.
8. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

9. Чураков Д.О. Бунтующие пролетарии: рабочий протест в Советской России (1917–1930-е гг.). М.: Вече, 2007.

10. Шишкин В.И. Вооруженное сопротивление сибирского крестьянства коммунистическому режиму в начале 1920-х годов // История сталинизма: крестьянство и власть. Материалы международной научной конференции (Екатеринбург, 29 сентября – 2 октября 2010 г.). М.: РОССПЭН, 2011.

11. Шубин А.В. Развитие советской представительной системы и принцип делегирования (к истории вопроса) // Политические институты и обновление общества. М., 1989.

R.R. Vil'danov,
Ufa

THE SOVIET SYSTEM DURING THE CIVIL WAR

The article describes the formation and development of the Soviet system in the RSFSR during the Civil war. The author notes the changes that had occurred in connection with the strengthening of Soviet power. The article analyzes new trends in the sphere of state building in the RSFSR, notes a decrease in democratic tendencies and increased control by the party leaders. It is stated that gradually the Soviets lose their former importance and become an organ subordinate to the executive power.

Keywords: RSFSR, Soviet (council), RCP (b), the Civil war, the All-Russian Central Executive Committee.

УДК 94(47).08

А.А. Воробьев,
г. Могилев

ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ И ЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ

Статья посвящена отношению руководства партии эсеров и ее местных организаций в белорусских губерниях к Гражданской войне в России. Автору на основе архивных и других исторических источников удалось выяснить, что ЦК партии социалистов-революционеров, осудив вооруженный

захват власти в стране большевистской партией, выразил протест против начала Гражданской войны. Аналогичную позицию заняли и эсеровские организации белорусских губерний, которые выступили за создание как правительства, так и местных органов власти путем коалиционного соглашения между всеми левыми политическими партиями России, включая большевиков. В белорусских губерниях с эсерами частично солидаризировались и большевики.

Ключевые слова: Гражданская война, партия эсеров, большевистская партия, белорусские губернии, Россия, Учредительное собрание.

В Минске 25 октября 1917 г. завершал свою работу созданный эсерами съезд солдат-крестьян Западного фронта. Одним из основных ораторов на съезде был В.М. Чернов. Когда стало известно о свержении Временного правительства, В.М. Чернов и председатель съезда эсер Николаев призвали делегатов не поддерживать восстание большевиков. Против них выступили большевики Мясников, Фомин, Алешкин, Сидоров, Осипов, Богомаз и др. Однако большинство делегатов съезда приняло предложенную В.М. Черновым резолюцию, осуждавшую восстание в Петрограде. В ней говорилось, что съезд сумеет в случае надобности силой обуздать тех, кто не захочет с ним считаться. В другой резолюции, принятой съездом, решение аграрного вопроса предоставлялось Учредительному собранию [1, с. 334]. Двадцать шестого октября исполком Минского Совета рабочих и солдатских депутатов издал приказ № 1, в котором сообщалось о переходе власти в Минске в руки Совета [2]. Двадцать восьмого октября 1917 г. в ответ на действия исполкома Минского Совета в городе был создан Комитет спасения революции под председательством меньшевика Т.М. Колотухина. В него вошли представители эсеров и меньшевиков из фронтового комитета, Минского Совета рабочих и солдатских депутатов и губернского Совета крестьянских депутатов. Большевистский военно-революционный комитет (ВРК), не имея достаточных сил для захвата власти, вынужден был послать своих делегатов в комитет спасения, чтобы выиграть время для решающего момента. Представители всех политических партий вошли в состав комитета спасения революции. Товарищами председателя Колотухина стали меньшевик Вайнштейн и эсер Нестеров. Большевики от Минского Совета рабочих и солдатских депутатов вошли в комитет на условии, что он не будет посылать войска в Петроград для подавления там большевистского восстания,

а Совет признает власть комитета в городе и окрестностях [3]. На заседании Минской городской думы 27 октября городской голова П.П. Кащенко (эсер) в своем выступлении сказал, что думе необходимо определиться по отношению к выступлению в столице и призвал поддержать комитет спасения революции, назвав его единственной властью в Минске и на Западном фронте до установления власти всей демократии. В этом его поддержал меньшевик Вайнштейн. Комиссар Минской губернии Метлин (эсер) призвал поддержать комитет спасения и принять энергичные меры по подавлению восстания, предложил распустить Минский Совет рабочих и солдатских депутатов, заявив, что только Минская городская дума является единственным источником власти. Социалист-революционер Злобин в своем выступлении назвал события в Петрограде безумием, но выступил против предложения Метлина о роспуске Совета, назвав такой шаг нерациональным и бесполезным. По мнению Злобина, большевики пошли на восстание, увидев, что не получают большинства в Учредительном собрании. Он сказал, что коммунистам следует помнить о том, что крестьяне за ними не пойдут. Богомолов от социалистов-революционеров предложил резолюцию Минской городской думы, в которой говорилось, что дума считает выступление большевиков преступлением, отягчаемым вероятным срывом Учредительного собрания или отсрочкой его созыва и возможностью контрреволюционных выступлений. Эсер Злобин сообщил членам думы, что его на улице при раздаче воззваний от имени областного комитета партии социалистов-революционеров задержал и арестовал патруль Минского Совета рабочих и солдатских депутатов, находившегося под влиянием большевиков. Дума по этому поводу выразила протест исполнительному комитету Совета [4, л. 129, 131, 134, 138]. Комитет спасения, образованный 28 октября, просуществовал только четыре дня, до ухода из него большевиков 2 ноября 1917 г. По поручению комитета спасения поручик Колотухин должен был взорвать мост, чтобы не допустить прохода в Минск блиндированного поезда, но это ему не удалось сделать. Второго ноября, когда большевики подтянули с фронта военные части с блиндированным поездом, комитет спасения был распущен. Власть в городе перешла к Минскому Совету. На заседании Минской городской думы 6 ноября 1917 г. социалист-революционер Нестеров, который входил в комитет спасения революции как представитель крестьян, заявил, что он и его товарищи (эсеры) сразу определили, что большевики вошли в комитет только для того, чтобы оттянуть время

и организовать свои силы. В своем выступлении Нестеров сказал, что он глубоко чтит моральную силу, но нельзя вести работу только на нормальных условиях (т.е. верить на слово). Во время революции он считал это невозможным. Далее он заявил, что если члены думы не желают диктатуры определенной группы, то, помимо морального действия, надо оказывать воздействие силой. В качестве примера он отметил, что когда комитет спасения отказался от применения силы, поверив большевикам, Совет заговорил другим языком. Нестеров добавил: «Нельзя признать власти, созданной только одной части демократии, признать господства большевиков. Партия эсеров не идет с большевиками, а крестьянские массы не желают признать господства большевиков. Городская дума должна отвергнуть признание власти военно-революционного комитета». Он же от имени думской фракции эсеров предложил резолюцию, в которой говорилось, что, заслушав сообщения городского головы и председателя думы и, принимая во внимание, что выступление большевиков вызвало внутри страны ужасную братоубийственную войну, унесшую тысячи жертв, что и без того тяжелое экономическое положение страны приведено к катастрофе, что вполне ясно обнаружилась отсрочка Учредительного собрания, которое должно было сплотить государство в единую, неделимую Российскую федеративную республику, избавив его от кровопролитной войны и дав всю землю народу, что единственно законной местной властью является городская дума, избранная всем населением на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования и, по-прежнему признавая преступным захват власти большевиками, насильюющими волю организованной демократии, Минская городская дума постановляет: 1) не признавать власти военно-революционного комитета; 2) считать недопустимым вмешательство ВРК в сферу компетенции городской думы, протестовать против назначения ВРК комиссара города; 3) принять все меры к охране неприкосновенности личности, имущества и жилищ граждан, для чего создать при городском управлении комитет общественной безопасности и предложить всем демократическим организациям делегировать туда своих представителей. Однако эта резолюция не прошла при голосовании. Дума приняла резолюцию, предложенную еврейской группой. В ней одобрялась тактика членов думы в комитете спасения революции и выражался протест против посягательств на суверенитет городского самоуправления [5, л. 144, 146–147]. Городской голова Минска социалист-революционер Кашенко выступил

с протестом по поводу назначения ВРК городского комиссара (фактически параллельный городскому голове пост) и сказал большевику Вашкевичу в ответ на его предложение войти и другим партиям в ВРК, что это невозможно, ибо большевики, по его мнению, воскресили порядки Николая II, угнетая свободу личности и печати [6]. Шестого ноября Минский губернский комиссар эсер Метлин и все члены комиссариата в знак протеста против действий большевиков сложили свои полномочия [7].

В связи с событиями в Петрограде 26 октября 1917 г. по инициативе комиссара Могилевской губернии Певзнера (социалиста-революционера) в Могилеве состоялось чрезвычайное совещание представителей политических партий и общественных организаций города. Принятая на нем резолюция гласила, что вооруженный захват власти большевиками грозит открытием ворот контрреволюции и срывом Учредительного собрания, население же губернии призывалось к спокойному выжиданию ликвидации событий. При губернском комиссариате был создан комитет общественной безопасности, в состав которого вошли представители политических партий, в т.ч. эсеры [8]. Председателем комитета стал губернский комиссар Г.И. Певзнер. От губернского Совета крестьянских депутатов в состав комитета вошли социалисты-революционеры Рыженков и Потапов [9]. Совет крестьянских депутатов Мстиславского уезда присоединился к резолюции Всероссийского и Могилевского губернского Советов крестьянских депутатов и осудил большевиков, призвав к борьбе с ними и к передаче всей власти Учредительному собранию. Такие же решения приняли Чаусский, Сенненский и Чериковский уездные Советы крестьянских депутатов, а к последнему присоединились Совет рабочих и солдатских депутатов и гарнизон Черикова [10]. Рогачевский уездный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 26 октября 1917 г. осудил выступление большевиков и заявил о своей поддержке Временного правительства, Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) и Совета Республики [11]. Гомельская дума 28 октября 1917 г. на своем экстренном заседании присоединилась к заявлению комитета спасения революции, осудившего восстание в Петрограде, и заявила, что местный комитет спасения революции является единственной властью в городе. На заседании 29 октября Гомельской думой была принята резолюция, в которой говорилось, что с тех пор, как власть в Петрограде была захвачена партией большевиков, ими стала практиковаться система разнузданного террора, возвращающая общество, по мнению

членов думы, к худшим временам низвергнутого самодержавия. В резолюции отмечалось, что нарушены и уничтожены в корне все завоеванные революционным народом свободы, задушено свободное, независимое слово, разогнаны городские самоуправления, избранные на основе самого совершенного демократического избирательного права, арестована Всероссийская комиссия по выборам в Учредительное собрание накануне его выборов, дерзко поднимается рука даже на Учредительное собрание, единственного властелина русской земли. Протестуя против «контрреволюционной, антинародной и антипролетарской» партии большевиков, городская дума Гомеля все свои надежды на спасение революции и страны возлагала на Учредительное собрание, являвшееся, по ее мнению, единственным полноправным источником власти [12, л. 109, 127]. Гомельский Совет рабочих и солдатских депутатов на своем общем собрании в конце октября решительно осудил и признал нецелесообразным единоличное выступление Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов накануне Всероссийского съезда Советов. Гомельский Совет выступил за создание сильной революционной власти, ответственной перед Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Член Совета, социалист-революционер Рыбин, тем не менее, приветствовал в своем выступлении восстание большевиков и высказался за создание правительства из одних социалистов [13]. В начале ноября 1917 г. в Могилев прибыл один из лидеров партии эсеров В.М. Чернов, намереваясь сформировать правительство России. Выступая перед могилевскими эсерами, он сказал, что восстание большевиков в Петрограде, по его мнению, является методом предвыборной агитации в Учредительное собрание, преступным приемом партии, потерявшей надежду на победу другим путем. От имени Могилевского губернского комитета партии социалистов-революционеров выступил председатель губернского Совета крестьянских депутатов прапорщик Гольман, поддержавший идею выдвижения Чернова в министры-председатели правительства, которое планировалось организовать после поражения большевиков. Чернов выразил благодарность за поддержку, оказанную ему, и сказал, что коммунисты играют на нетерпении народных масс и хорошо им пользуются, в этом и заключается основание захвата ими власти [14]. В начале ноября ЦК партии эсеров, по сообщению газеты «Дело народа» постановил прекратить переговоры с большевиками по вопросу о совместной организации власти. Соглашение между двумя партиями, к сожалению,

не состоялось. В статье говорилось: «Партия социалистов-революционеров своим отказом работать вместе с большевиками тем самым переходит в ряды оппозиции. Она не должна быть партией гражданской весны с правительством большевиков, так как она не борется с теми рабочими и крестьянами, которые временно идут за большевиками» [15]. В одной из статей, перепечатанной изданием «Минская газета» из эсеровской газеты «Социалист-революционер», указывалось: «Будем откровенны, сказав, что социалисты-революционеры – заклятые враги большевиков». Тем не менее, в статье содержался призыв установить такое соглашение между большевиками и эсерами, которое устраивало бы обе стороны [16]. В целях повышения своего влияния среди крестьянства большевики приняли на II Всероссийском съезде Советов вместе с Декретом о мире и Декрет о земле. Газета эсеров «Дело народа» так отозвалась о нем: «Что такое «декрет о земле»? Это есть просто-напросто перепечатка крестьянского наказа, составленного на основании 242 крестьянских наказов редакцией «Известий Всероссийского Совета крестьянских депутатов» [17]. Однако, несмотря на большую поддержку большевистской партии армией и принятие аграрной программы социалистов-революционеров, на территории белорусских губерний большевикам удалось захватить руководящие посты в крестьянских организациях только в конце ноября – середине декабря 1917 г. Так, 19 ноября открылся 3-й крестьянский съезд Минской и Виленской губерний. Если в июле 1917 г. на 2-м крестьянском съезде доминировали эсеры, то на 3-м съезде крестьянами были поддержаны большевики и их декреты [18, с. 333]. Десятого декабря 1917 г. был созван Витебский губернский крестьянский съезд Советов. Председателем съезда был избран большевик Чунчин, а съезд поддержал большевиков и их декреты [19]. Аналогичные решения были приняты состоявшимся 16–18 декабря 1917 г. съездом Советов Могилевской губернии [18, с. 344].

Несмотря на имевшиеся разногласия, в Витебске в конце 1917 г. продолжал действовать блок социалистических партий. Два витебских большевика, Крючков и Соловейчик, обратились к местному ВРК с призывом: «Опомнитесь! Протяните братскую руку всей остальной демократии и, пока не поздно, общими усилиями спасите революцию, которая одинаково дорога как большевикам, так и эсерам с меньшевиками» [20]. Увы, призыв к совместным действиям не был услышан, он остался гласом вопиющего в пустыне. Защищая свои взгляды и позиции, боль-

шевистский Витебский Совет рабочих и солдатских депутатов 2 января 1918 г. принял постановление о роспуске Витебской городской думы и управы [21]. Примерно в то же время коммунисты покончили и с оплотом минских эсеров в лице городской думы, в составе которой представительство эсеров было весьма значительным, а городским головой также являлся социалист-революционер П.П. Кащенко. Не желая сотрудничать с большевиками, Минская городская дума на заседании 8 января 1918 г. почтила вставанием память убитых членов Учредительного собрания кадетов Шингарева и Кокошкина и всех других, погибших в борьбе за российский парламент. На этом же заседании дума подавляющим большинством голосов выступила в поддержку Учредительного собрания [22, л. 21–23, 25–68], [23]. Разумеется, после таких резолюций Минская дума была разогнана местными большевиками при помощи верных им солдат Западного фронта русской армии.

Обобщая сказанное, имеется достаточно оснований считать, что местные организации всероссийской партии социалистов-революционеров стремились последовательно проводить в жизнь политическую линию ее ЦК. Во-первых, они не приняли Октябрьскую революцию, в которой увидели бесперспективность программы большевиков, нацеленной на построение социалистического строя. Полагая, что страна далеко еще не созрела для постановки и решения такой программы, правые социалисты-революционеры активно выступали за реанимацию свергнутого Октябрьской революцией строя. В рядах тех, кто свергал царское самодержавие во время Февральской революции, произошел раскол. Правые эсеры и левые партии стали блокироваться с буржуазными партиями. Во-вторых, Россия, завязшая в пучине Первой мировой войны, полным ходом шла к войне Гражданской.

Для большевиков, ошибочно принявших Октябрьскую революцию за социалистическую, эта война не могла быть ни легкой, ни кратковременной. Единственным и верным выходом являлся поиск такого решения вопроса, которое исключало бы войну. Оно могло быть найдено только на основе объединения рабочих, трудящихся крестьян, интеллигенции, мелкой буржуазии, национальных движений для строительства новой жизни. Выход мог быть только на путях взаимного согласия и компромисса. В-третьих, такой выход предоставлялся через Учредительное собрание. Альтернативы ему в то время не было. Политическая ситуация в России оказалась настолько сложной и противоречивой, что без ком-

промиссов, без взаимных уступок найти верный выход из нее было невозможно. В период между Февральской и Октябрьской революциями предпринимался ряд попыток найти компромисс между большевиками и социалистами-революционерами. Наиболее благоприятные условия сложились после поражения мятежа генерала Корнилова, в борьбе с которым эти партии выступали единым фронтом. Этого, однако, не произошло. Кто же был виноват в этом? Факты подтверждают, что виноваты обе стороны. Чрезмерная амбициозность, нежелание пойти на взаимные уступки по второстепенным вопросам во имя главного были свойственны как большевикам, так и социалистам-революционерам. Особенно отличались неуступчивостью коммунисты, уверовавшие в безошибочность своей позиции. Предшествовавший опыт других стран ничему не научил политические партии России, а часть эсеров белорусских губерний приняла активное участие в братоубийственной Гражданской войне, которую развязали большевики в соответствии со своими лозунгами «Превратим империалистическую войну в войну гражданскую», «Мир хижинам – война дворцам» и «Грабь награбленное». Наиболее известен пример Нестерова, который уехал из Беларуси в Поволжье и стал одним из организаторов антибольшевистского правительства Комуча (членов комитета Учредительного собрания).

Список источников и литературы

1. Минц И.И. История Великого Октября: в 3 т. Т. 3. Триумфальное шествие советской власти. М.: Наука, 1979. 903 с.
2. Буревестник. 1917. 27 октября.
3. Минская газета. 1917. 1 ноября.
4. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 24. Оп. 1. Д. 3658.
5. НИАБ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 3659.
6. Минская газета. 1917. 8 ноября.
7. Минская газета. 1917. 7 ноября.
8. Могилевская жизнь. 1917. 28 октября.
9. Могилевская жизнь. 1917. 1 ноября.
10. Могилевская жизнь. 1917. 3 ноября.
11. Наше свободное слово. 1917. 28 октября.
12. НИАБ. Ф. 2912. Оп. 1. Д. 29.
13. Рабочая мысль. 1917. 31 октября.

14. Могилевская жизнь. 1917. 11 ноября.

15. Дело народа. 1917. 3 ноября.

16. Минская газета. 1917. 9 ноября.

17. Дело народа. 1917. 29 октября.

18. Игнатенко И.М. Беднейшее крестьянство – союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии (1917–1918 гг.). Минск: Изд. Мин. высш., сред. спец. и профессион. обр. БССР, 1962. 498 с.

19. Известия Витебского революционного совета солдатских и рабочих депутатов. 1917. 13 декабря.

20. Известия Витебского совета солдатских и рабочих депутатов. 1917. 10 ноября.

21. Известия Витебских революционных губернского и городского советов крестьянских, рабочих, солдатских и батрацких депутатов. 1918. 17 января.

22. НИАБ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 3672.

23. Советская правда. 1917. 10 января.

**A.A. Vorob'yev,
Mogilev**

SOCIALIST REVOLUTIONARY PARTY AND ITS ATTITUDE TO THE CIVIL WAR IN RUSSIA

The article is devoted to the Socialist Revolutionary Party leaders' and its local organizations in the Belarusian provinces attitude to the Civil war in Russia. The author, based on archival and other historical sources, managed to find out that the Central Committee of the Socialist Revolutionary Party, condemning the armed seizure of power by the Bolsheviks in the country, opposed the beginning of the Civil war. A similar position was taken by the Socialist Revolutionary Party organizations of the Belarusian provinces, which advocated the creation of both the government and local authorities through a coalition agreement between all the left-wing political parties of Russia, including the Bolsheviks. In the Belarusian provinces the Bolsheviks also partially agreed with the Socialist Revolutionary Party.

Keywords: Civil war, the Socialist Revolutionary Party, the Bolshevik party, the Belarusian province, Russia, the Constituent Assembly.

ВЛИЯНИЕ КАППЕЛЕВЦЕВ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРИМОРЬЯ В 1920–1922 ГГ.

В статье определяется влияние бывших военнослужащих армии адмирала А.В. Колчака на внутреннюю политику региональных правительств Приморской области в завершающий период Гражданской войны на Дальнем Востоке России. Анализируются факты переговоров офицеров каппелевской армии с представителями правительства во Владивостоке о прибытии военнослужащих на территорию южного Приморья и рассмотрение в парламенте Дальнего Востока зимой 1920 г. вопроса о проникновении солдат и офицеров из Забайкалья через китайскую границу в Приморскую область. Основное внимание уделяется роли каппелевцев как одной из серьезных политических сил Приморья в 1920–1922 гг.

Ключевые слова: каппелевцы, Гражданская война на Дальнем Востоке, Приморская область, Приамурское государственное образование, Приамурский Земский край.

Поражение основных сил армии адмирала А.В. Колчака в конце 1919 г. и выход частей Красной армии к Забайкалью привели к падению местной колчаковской администрации и созданию на российском Дальнем Востоке в начале 1920 г. региональных правительств. Совершив Великий Сибирский Ледяной поход, уцелевшие военнослужащие разгромленной армии бывшего Верховного правителя России («каппелевцы») разместились на территории Российской Восточной окраины во главе с атаманом Г.М. Семёновым в Забайкалье.

В это же время во Владивостоке к власти пришла Приморская областная земская управа (ПОЗУ, с марта 1920 г. – Временное правительство Дальнего Востока) во главе с эсером А.С. Медведевым. В связи с нахождением на Дальнем Востоке японских войск, приморские большевики отказались от идеи немедленной советизации Дальневосточного края, при этом оказывали существенное влияние на развитие вооруженных сил Приморья и в целом на деятельность ПОЗУ [1, с. 173]. Учитывая напряженные отношения между каппелевцами и семеновцами, во Владивостоке рассматривалась возможность перехода каппелевцев, негативно

относившихся к политике Г.М. Семёнова, на сторону приморского правительства.

Во второй половине марта 1920 г. состоялась первая попытка соглашения приморцев с каппелевской армией. Проект соглашения подготовил живший во Владивостоке бывший Верховный главнокомандующий войсками Директории генерал-лейтенант В.Г. Болдырев. Согласно основным положениям проекта часть каппелевцев должна была перейти на военную службу ПОЗУ, остальные же – заняться мирным трудом. В.Г. Болдырев в своих мемуарах сообщает, что во время переговоров с каппелевцами быстро выработались основные положения соглашения. Знавшие о переговорах видные приморские большевики С.Г. Лазо и Р.А. Цейтлин признали условия соглашения с бывшими военными служащими армии А.В. Колчака для коммунистов приемлемыми [2, с. 325–327]. Подписанию соглашения помешало японское вооруженное выступление 4–5 апреля 1920 г. в населенных пунктах Приморской области, в результате которого войска Временного правительства Дальнего Востока были разоружены, а самому правительству пришлось с осторожностью вести внутреннюю политику.

Весной–осенью 1920 г. каппелевцы вместе с семеновцами вели бои против частей Народно-революционной армии Дальневосточной Республики и красных партизан. Командование каппелевцев после апрельских событий в Приморье не отказалось от проведения тайных от Г.М. Семёнова переговоров с представителями властей Владивостока. В июне 1920 г. правительство А.С. Медведева созвало высший представительный орган власти – Временное Народное собрание Дальнего Востока. Политическая борьба в Приморье переместилась в парламент. В Народное собрание были избраны большевики, меньшевики, эсеры и другие левые силы, а также представители правых группировок (несоциалистический блок), с которыми каппелевцы сотрудничали вплоть до роспуска парламента.

Новая попытка заключить соглашение о переходе каппелевцев из Забайкалья на территорию Приморья состоялась в середине августа 1920 г. С этой целью во Владивосток приехал бывший командующий Сибирской армией генерал-лейтенант М.К. Дитерихс. Он сообщил Председателю Совета управляющих ведомствами (исполнительный орган власти в Приморье) М.С. Бинасику предварительные условия соглашения, в которые вошли следующие положения: признание в Приморье

каппелевцами исключительно национального, некоммунистического правительства, независимого от Советской России; подчинение армии главе правительства при сохранении ее автономии, организации и положения о полевом управлении войск. Совет управляющих ведомствами приступил к рассмотрению выдвинутых М.К. Дитерихсом условий, но окончательного решения вынести не смог [2, с. 370]. Осенью 1920 г. атаман Г.М. Семёнов потерпел поражение в Забайкалье. Чита вошла в состав Дальневосточной Республики, а каппелевцы отступили в Маньчжурию.

Большинство военнослужащих отказалось оставаться в Маньчжурии и решило вернуться на российскую территорию – в Приморье, где находились японские войска, свободно действовали разные политические группировки и центром политической жизни являлся парламент. Именно в Народном собрании решался вопрос о принятии войск каппелевцев.

На экстренном заседании Народного собрания 1 декабря 1920 г. депутаты рассмотрели вопрос о прибытии каппелевских войск в Приморье. Большевик П.С. Парфенов предъявил запрос Совету управляющих ведомствами о передвижении каппелевских и семеновских войск и нахождении Г.М. Семёнова во Владивостоке. Представитель Совета управляющих ведомствами В.Я. Гуревич заявил, что ни один эшелон каппелевцев не перешел ст. Пограничную, а Г.М. Семёнов приехал в город под легальной охраной японцев. Депутаты приняли формулу перехода, в которой выражалась уверенность, что правительство примет меры для недопущения вооруженных и невооруженных отрядов в Приморье [3].

Принятая парламентариями формула перехода уже не могла повлиять на передвижение бывших военнослужащих А.В. Колчака. Каппелевские эшелоны начали прибывать в Приморье. Сил остановить каппелевцев у большевиков, наиболее сопротивлявшихся их прибытию, не было. Управляющий военно-морскими делами В.Г. Болдырев приказал «смотреть на продвигающихся в Приморье каппелевцев, как на совершившийся факт, и принять меры к упорядоченному расквартированию их» [2, с. 393]. Этот поступок генерала вызвал негодование со стороны левых сил в парламенте и Совете управляющих ведомств.

5 декабря 1920 г. управляющий делами путей сообщения большевик И.П. Кларк выпустил приказ, согласно которому отменялось распоряжение генерала В.Г. Болдырева о содействии движению каппелевцев

в Приморье. Было отдано указание до решения Народного собрания никаких переговоров с каппелевцами не вести. Во время обсуждения вопроса о каппелевцах во Временном Народном собрании Дальнего Востока в кулуарах появлялись представители каппелевцев, в т.ч. полковник Л.Л. Ловцевич, в сопровождении одного из лидеров несоциалистического блока Н.Д. Меркулова. Л.Л. Ловцевич провел в Народном собрании переговоры с большевиками П.С. Парфеновым и Р.А. Цейтлиным [4, л. 8].

По данным П.С. Парфенова, Л.Л. Ловцевич договорился с представителями несоциалистического блока, эсеров и В.Г. Болдыревым о выборах в каппелевских частях представителей в Народное собрание, чтобы получить в парламенте большинство и «легальным образом совершить переворот» [5, с. 272]. Возможность пополнения депутатского состава несоциалистического блока вызывала беспокойство большевиков.

На следующий день во Временном Народном собрании Дальнего Востока вновь обсуждался вопрос о прибывающих в Приморье каппелевцев. Перед депутатами выступил М.С. Бинасик, сообщивший о поданной правительству отставке Совета управляющих ведомствами. Он заявил, что отказавшиеся от поддержки атамана Г.М. Семёнова безоружные каппелевцы желают прибыть в Приморье и заняться мирным трудом. Председатель Совета управляющих предложил Народному собранию пересмотреть свое решение относительно отказа в пропуске каппелевцев в Приморье.

От имени коммунистов выступил Р.А. Цейтлин, заявивший, что большевики высказываются за принятие мер, которые приведут к облегчению тяжелого положения каппелевцев и за их размещение не только в Приморье, но и в Забайкальской и Амурской областях. Он предложил создать комиссию, которая вместе с центральным правительством Дальневосточной Республики разрешит вопрос о размещении бывшей каппелевской армии. Находившийся на заседании парламента В.Г. Болдырев сообщил собравшимся, что не смог отмахнуться от солдат бывшей каппелевской армии [6]. Большинство депутатов выступило за отказ в допуске каппелевцев, но, исходя из отсутствия возможности вооруженным путем предотвратить их прибытие, стали искать способ взять ситуацию под свой контроль.

7 декабря 1920 г. в Народном собрании была создана комиссия по передвижению, реэвакуации, демобилизации бывших каппелевской и семеновской армии во главе с большевиком П.С. Парфеновым [7, с. 34].

Отказались войти в нее эсеры и представители несоциалистического блока. Действия комиссии не нанесли серьезного ущерба прибытию войск, и каппелевцы смогли спокойно разместиться на территории Приморья.

Несмотря на вхождение в состав Дальневосточной Республики в декабре 1920 г., Приморская область сохранила внутреннюю автономию (Народное собрание стало региональным парламентом). В Приморье, как и по всей Дальневосточной Республике, проходила предвыборная кампания в парламент ДВР – Учредительное собрание.

Согласно закону о выборах в Учредительное собрание Дальневосточной Республики, в них могли принять участие бывшие военнослужащие армии А.В. Колчака и члены их семей, находившиеся в Приморье [7, с. 56]. Политические силы принимали меры, чтобы заручиться поддержкой каппелевцев. Выпускались специальные предвыборные плакаты, направленные на агитацию среди беженцев [8, л. 23, 29].

Объединенная комиссия социалистического блока Приморского областного Народного собрания и Центрального бюро профсоюзов в изданном обращении к солдатам и офицерам бывшей каппелевской армии указывала, что Учредительное собрание завершит объединение дальневосточного региона, установит основные законы демократического государства и выберет правительство Дальнего Востока [9, с. 550].

Предвыборные собрания и митинги проходили прямо в местах размещения солдат и офицеров. Так, в Раздольном, где был расквартирован 3-й корпус генерала В.М. Молчанова, агитировать за список Дальневосточного демократического союза приезжали кандидаты в члены Учредительного собрания генерал-лейтенант В.Г. Болдырев и В.А. Виноградов [10, с. 77]. Враждебно настроенные к большевикам и другим социалистическим партиям, каппелевцы голосовали за представителей центристских и правых списков.

Второе место на выборах во Владивостоке занял список национал-демократов во главе с С.Д. Меркуловым, за который активно голосовали каппелевцы. Генерал-лейтенант В.А. Вержбицкий прошел в Учредительное собрание Дальневосточной Республики по списку № 6 (прогрессивно-демократическому). В другом списке центристского Дальневосточного демократического союза были представлены полковник Б.Э. фон Вах и старший врач Ижевского полка А.Н. Пономарев [11]. Несоциалисты отказались принимать участие в работе парламента ДВР и были исключены из его состава.

Каппелевский вопрос беспокоил приморских парламентариев. Депутаты 24 января 1921 г. заслушали сообщение председателя Совета управляющих отделами областного управления Приморской области В.Г. Антонова. На Учредительное собрание он возлагал решение вопроса о положении каппелевцев в Приморье [12, л. 15]. 26 января 1921 г. парламентарии обсудили предложенную им декларацию. Кадет Л.А. Кроль заметил, что единственным выходом из положения, когда каппелевцы не встанут на враждебные правительству действия, является просьба правительству Дальневосточной Республики «не делать глухих распоряжений и дать каппелевцам средства к существованию» [13]. Правый депутат Н.И. Кузьмин отметил, что каппелевцы неповинны в грабежах, это дело рук милиции. Большевик Р.А. Цейтлин завил, что областное управление провело огромную работу и должно озаботиться вопросом самочинных акций каппелевцев и семеновцев. Действия в Приморье бывших колчаковских военнослужащих все больше волновало Народное собрание.

Власть Дальневосточной Республики была свергнута в Приморье 26 мая 1921 г. благодаря действиям каппелевских войск, согласившихся оказать поддержку несоциалистам во главе со С.Д. Меркуловым [14, с. 62]. Летом 1921 г. каппелевское командование вновь встало на сторону С.Д. Меркулова, ставшего Председателем Временного Приамурского правительства, в его борьбе за власть во Владивостоке с атаманом Г.М. Семёновым.

Произошло оформление вооруженных сил правительства. Генерал Д.А. Лебедев перешел с поста командующего гарнизоном Владивостока на должность советника при правительстве. В.А. Вержбицкий стал командующим всеми вооруженными силами Приморской области с подчинением Сибирской флотилии. Начальником гарнизона был назначен генерал-лейтенант К.П. Нечаев, комендантом города – генерал-майор Д.Ф. Семёнов. В.М. Молчанов остался командиром 3-го корпуса и начальником гарнизона Раздольного, а И.С. Смолин – командующим 2-го корпуса и начальником гарнизона Никольск-Уссурийского. Гарнизон Владивостока располагался от ст. Угольная до ст. Владивосток, включая части в городе и состоял из подразделений полковников А.Г. Ефимова, П.Е. Глудкина и генерал-майора В.П. Малакена [15].

Активное участие каппелевцы приняли в выборах в новый представительный орган власти Приамурского государственного образования –

Приамурское Народное собрание. В этот раз их представители отсутствовали в кандидатских списках. На выборах в столице Приморья из 19289 пришедших на выборы избирателей военных насчитывалось 6517 человек [16, с. 421–422].

Военное командование поддерживало политику Временного Приамурского правительства вплоть до неудач во время Хабаровского похода конца 1921 – начала 1922 гг. Каппелевцы являлись основой вооруженных сил Приамурского государственного образования. В середине августа 1921 г. отряд полковника А.Г. Ефимова в составе 25 офицеров и 215 солдат отправился на Сучан с задачей установить власть правительства С.Д. Меркулова. Район находился под контролем партизан. Имея главную задачу в успокоении Сучана, А.Г. Ефимов отмечал, что его основным оружием стал ротатор. Отряд должен был выпускать листовки, воззвания и вести устную пропаганду [10, с. 61].

Уже во время Хабаровского похода разразился конфликт парламента с правительством С.Д. Меркулова. Временное Приамурское правительство рассчитывало в случае удачных боевых действий ограничить роль депутатов в политической жизни Приморья. Высшее военное командование каппелевцев встало на сторону Приамурского Народного собрания. Для прекращения борьбы между правительством и его противниками по инициативе командующего Сибирской флотилией Ю.К. Старка в начале 1922 г. был созван Совет государственной обороны, в который вошли члены правительства, командующий войсками с начальником штаба и другие должностные лица. Однако никаких существенных подвижек в деле урегулирования конфликта совет не добился [17, с. 115].

Противостояние между правительством и парламентом достигло апогея в мае 1922 г. Позиция армии оказалась разделенной. Верховное командование, состоящие из представителей каппелевской группировки, поддержало Приамурское Народное собрание. Военное противостояние развернулось в самом Владивостоке.

Итогом так называемого «Нарсобского недоворота» стал приход к власти М.Д. Дитерихса. Генерала избрали правителем Приамурского государственного образования на Приамурском Земском соборе, в составе которого насчитывалось 25 представителей от армии и флота, командующий войсками и флотом; командующий Сибирской флотилией; войсковые атаманы казачьих войск и другие лица [10, с. 61]. В период

правления М.К. Дитерихса каппелевцы вошли в состав Приамурской Земской рати и после поражения антибольшевистского движения покинули Приморье.

Список источников и литературы

1. Попов Ф.А. Образование земской государственности приморья (январь–апрель 1920 г.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 9 (71). С. 170–175.
2. Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты: воспоминания (из цикла «Шесть лет» 1917–1922 гг.). Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925.
3. Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1920. 2 декабря.
4. Государственный архив Хабаровского края. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 188.
5. Парфенов (Алтайский) П.С. Борьба за Дальний Восток. 1920–1922. [Ленинград], 1928.
6. Воля. Владивосток. 1920. 9 декабря.
7. Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке (1920–1922 гг.). Хабаровск: ХГПУ, 1996.
8. Государственный архив Приморского края. Ф. Р-715. Оп. 1. Д. 30.
9. Борьба за власть Советов в Приморье (1917–1922 гг.): сб. документов. Владивосток: Примор. кн. изд-во, 1955.
10. Ефимов А.Г. С Ижевцами и Воткинцами на Восточном фронте: статьи, письма, документы. М.: Айрис-пресс, 2013.
11. Вечер. Владивосток. 1921. 9 января.
12. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. Р-4693. Оп. 1. Д. 45.
13. Дальневосточная трибуна. Владивосток. 1921. 27 января.
14. Куцый В.Ю. Внутренняя контрреволюция в Приморье. 1920–1922 г. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1992.
15. Вечерняя газета. Владивосток. 1921. 3 июня.
16. Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1920–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). Ч. 2. М., 2016.
17. Старк Ю.К. Последний оплот. Отчет о деятельности Сибирской флотилии 1920–1924. СПб.: БЛИЦ, 2015.
18. Вестник Временного Приамурского правительства. Владивосток. 1922. 30 июня.

**THE KAPPELEVIANS' INFLUENCE
ON THE POLITICAL DEVELOPMENT
OF THE PRIMORYE IN 1920–1922**

The article examines the influence of former servicemen of the Admiral A.V. Kolchak's army on the regional governments' domestic policy in the Primorsky region during the final period of the Civil war in the Russian Far East. The paper analyzes the facts of the negotiations between officers of the kappelevians army and representatives of the government in Vladivostok about the arrival of servicemen on the territory of southern Primorye and the consideration in the Far East parliament during the winter of 1920 the question of the soldiers and officers penetration from Transbaikalia through the Chinese border into the Primorsky region. The article focuses on the study of the kappelevites' role as one of the serious political power in Primorye in 1920–1922.

Keywords: kappelevtsy, Civil war in the Far East, the Primorsky region, Priamursky state formation, Priamursky Zemsky district.

УДК 94(929)

**Ю.В. Кирчук,
г. Горки**

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНОСТРАНЦЕВ-ДОБРОВОЛЬЦЕВ
В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ**

Гражданская война явилась результатом революционного кризиса в Российской империи в начале XX в., который привел к падению монархии, хозяйственной разрухе, глубокому социальному, национальному, политическому и идейному расколу российского общества. Апогеем этих событий стала ожесточенная война в масштабах всей страны между вооруженными силами советской власти, Белого движения и сепаратистов при вмешательстве Центральных держав и Антанты. В войне активное участие (в основном на стороне большевиков) принимали иностранцы-добровольцы.

Ключевые слова: Гражданская война, Кронштадтское восстание, революционер, Тойво Антикайнен, Олеко Дундич, Жанна Мари Лябурб.

Представим себе весну 1918 г. После Брестского мира пленные и интернированные освобождены. Что получилось? По стране рассеяно около трех миллионов «почти иностранцев» – латышей, финнов, поляков, российских высланных немцев и т.д. И минимум – пять миллионов настоящих иностранцев. Конечно, идет их организованная отправка домой, но их слишком много. Уже началась Гражданская война, железные дороги опасны, и есть какой-то процент людей, которые домой не рвутся. Обычно это молодые люди – бедняки у себя на родине, еще не имеющие семьи. Видимо, они считали, что там им ждать нечего, а здесь рождается какая-то новая жизнь. О месте всей этой массы людей в Гражданской войне пойдет речь в данной статье. Конечно, определяющую роль сыграло не количество иностранцев-добровольцев, а то, что большевики умело использовали их на тех направлениях, где не надеялись на верность местных частей. Людей, которые плохо понимают по-русски, почти невозможно сагитировать. У них нет в России дома, кроме казармы, и терять им почти нечего. Это абсолютно надежные части. Самые страшные карательные задачи – массовые расстрелы – поручались частям особого назначения (ЧОН) из иностранцев – китайцев, финнов, венгров, латышей. Не зря латышских стрелков, например, прозвали «повивальными бабками революции». Я уверена, что без них большевики не победили бы.

Тойво Антикайнен (1898–1941) – финский политик, один из организаторов и руководителей Коммунистической партии Финляндии, активный участник Гражданской войны в России. Стал известен в Финляндии и в мире в 1930-х гг. в ходе политического судебного процесса. Родился в Хельсинки в семье рабочего. Его родители и старшие дети в семье были активистами рабочего движения. И мальчик с восьми лет начал политическую деятельность, 15-летним вступил в Социалистический союз рабочей молодежи Финляндии, в 1915 г. – в Социал-демократическую рабочую партию Финляндии. Т. Антикайнен не участвовал в боях Гражданской войны в Финляндии в 1918 г., но работал в правительственном аппарате. В конце войны бежал со многими соратниками в Советскую Россию, где в июле 1918 г. вступил в Красную армию. Здесь он сформировал из финских красногвардейцев красноармейские части и сражался на фронтах Гражданской войны.

В 1921 г. Т. Антикайнен участвовал в подавлении Кронштадтского восстания. В 1922 г. был назначен командиром роты из 200 лыжников-

стрелков, учащихся Международной школы красных командиров, чьей задачей было отразить вторжение в Советскую Россию белофиннов. Этот, позднее получивший легендарную известность по обе стороны границы поход в Киимаярви, был частью боевых действий Красной армии по подавлению Карельского восстания. Пройдя с боями 1100 км на лыжах, курсанты уничтожили опорные базы и главный штаб белофиннов у Кимасозера. Отряд Т. Антикайнена захватил 20 января 1922 г. вражеский лагерь и обоз, что привело к подавлению восстания. За этот подвиг Т. Антикайнен был награжден орденом Красного Знамени.

Военная карьера прервалась, когда в 1924 г. его перевели в структуру Коминтерна. С 1925 г. как Генеральный секретарь ЦК компартии Финляндии (КПФ) в условиях жестокого террора он возглавил подпольную работу компартии. В 1930–1933 гг. он был представителем КПФ в Коминтерне, написал вышедшее в 1934 г. собрание сочинений к 15-летию партии.

Т. Антикайнена отправили в 1934 г. на подпольную работу в Финляндию, чтобы усилить ее организацию, ослабленную арестами. Но 6 ноября 1934 г. он был арестован финской охранкой вместе с укрывавшим его Юрье Лейно и приговорен к пожизненному заключению. Процесс, на котором Антикайнена обвиняли в государственной измене, убийстве и использовании подложных документов, начался в 1935 г. и длился два года. Обвинителем был Олави Хонка – финский адвокат [1]. Дело Т. Антикайнена вызвало бурную полемику о возможности применения смертной казни в Финляндии – на этом настаивала часть правых. Процесс над финским коммунистом получил широкую международную известность – развернулось движение солидарности, чьим символом стал уже задержанный в Германии Георгий Димитров. В защиту Т. Антикайнена выступили писатели-коммунисты – Джованни Джерманетто и Мартин Андерсен-Нексе. В свою очередь финский писатель Ялмари Финне требовал разобраться с Антикайненом при помощи суда Линча (убийство человека, подозреваемого в преступлении или нарушении общественных обычаев, без суда и следствия, обычно уличной толпой, путем повешения).

Международный Красный Крест оказывал юридическую помощь Т. Антикайнену на суде и гарантировал присутствие на процессе независимых специалистов. В Финляндии образовалось либеральное общество, которое собрало 120 тысяч подписей против смертной казни. Во

время суда умерла мать подсудимого, но судьи не позволили ему посетить похороны. Окружной суд приговорил Т. Антикайнена к восьми годам заключения, а высший суд 12 мая 1937 г. приговорил его по обвинению в убийстве к пожизненной каторге. Наиболее тяжелым из пунктов обвинения было убийство пленного Антти Марьониemi в 1922 г. во время лыжного рейда отряда Т. Антикайнена. Хьялмар Фронт, бывший в отряде Т. Антикайнена в том лыжном походе и в конце 1930-х гг. сбежавший из Советского Союза, в опубликованных через десятилетия воспоминаниях утверждает, что слышал крики агонии Марьониemi, но не видел произошедшее своими глазами. Другой сослуживец, Л. Араярви, также признал, что Марьониemi жгли на костре. В опубликованных в 1974 г. воспоминаниях офицер КГБ Тойво Вякя признал, что именно он убил финкой Марьониemi и двух других пленных по приказу Т. Антикайнена, перерезав им горло, но это уже невозможно достоверно доказать.

Пока Т. Антикайнен сидел в тюрьме, большинство видных финских коммунистов, живших в СССР, включая Кустаа Ровио и Эдварда Гюллинга, были уничтожены во время сталинских репрессий. Благодаря Московскому мирному договору по требованию Советского правительства Т. Антикайнен и Адольф Тайми в 1940 г. были освобождены и переданы СССР. Когда, оказавшись в СССР, Антикайнен начал задавать неудобные вопросы о «пропавших» товарищах по партии, то попал в многомесячный отпуск для «поправки нервов». В 1940 г. Т. Антикайнен был избран депутатом Верховного Совета Карело-Финской ССР I созыва, депутатом Верховного Совета СССР как ее представитель.

Осенью 1941 г. Т. Антикайнену поручили допрашивать финнов-перебежчиков из специального батальона № 21, собранного в отряд под командованием Никке Пярми из добровольцев-заключенных, в том числе 25 бывших красных командиров. Т. Антикайнен выбирал из них пригодных для организации воздушного десанта. Согласно официальной советской версии, он погиб в октябре 1941 г. в авиакатастрофе около Архангельска при выполнении боевого задания. В связи с тем, что смерть Т. Антикайнена была выгодна как советскому руководству, так и Карельскому штабу партизанского движения под управлением молодого Ю.В. Андропова, а также в связи с тем, что советское руководство озвучило несколько взаимоисключающих версий катастрофы, ряд историков предполагают, что смерть Т. Антикайнена была

неслучайной. Австрийская коммунистка Рут фон Майенбург («красная графиня») утверждала, что жила вместе со своим мужем Эрнстом Фишером по соседству с Антикайненом в московском отеле «Люкс», который использовался Коминтерном, – и что Т. Антикайнен покончил с собой.

Тойво Антикайнен был похоронен в Архангельске на острове Кегостров. Похороны прошли тайно: ни Отто Куусинен, с которым он совместно проживал в это время в Карелии, ни другие деятели финского коммунистического движения на панихиде не присутствовали. Сегодня одна из горных вершин Тянь-Шаня в Казахстане носит имя Тойво Антикайнена. Его именем названы улицы в Петрозаводске, Сегеже, Костомукше, Сосновце, Кегострове и Калевале. По повести в 1937 г. был поставлен художественный фильм «За Советскую Родину» («Ленфильм», режиссеры Рафаил и Юрий Музыканты). В 1968 г. было решено установить памятник Т. Антикайнену в Петрозаводске, но поставили лишь закладной камень, не сохранившийся до настоящего времени. Построенный в 1970 г. теплоход ЧМП был назван «Тойво Антикайнен», который в 1999 г. пущен на металллом. Интересен факт: в январе 1986 г. теплоход «Тойво Антикайнен» зашел в порт Коккола (Финляндия), но финны не знали, кто такой Тойво Антикайнен. Оказавшись на стороне СССР, он был забыт соотечественниками. В 2008 г. к 110-летию со дня рождения Тойво Антикайнена на его могиле в Кегострове был открыт новый памятник [1].

Олеко Дундич (1896 (1897)–1920) – революционер, участник Первой мировой войны и Гражданской войны в России, сербского происхождения. В его ранней биографии есть много неясного. Нельзя определенно утверждать время и место его рождения, настоящей ли является фамилия Дундич и имя Олеко, а также национальность и вероисповедание.

О. Дундич родился в крестьянской семье. В 12 лет уехал в Южную Америку, где четыре года проработал погонщиком скота в Аргентине и Бразилии. Во время Первой мировой войны в мае 1916 г. попал в русский плен под Луцком. Поступил в добровольческий сербский отряд армии Российской Империи. Получил чин подпоручика. После Февральской революции встал на сторону большевиков, вступил в РСДРП(б). Участвовал в обороне Царицына в составе Интернационального батальона, затем в кавбригаде И. Крючковского. В РККА служил в кавалерии, с 1919 г. в Особой Донской кавдивизии С.М. Будённого, потом в 1 конном

корпусе и Первой конной армии. Был помощником командира полка, командиром кавалерийского дивизиона при штабе Первой конной. С июня 1920 г. стал помкомандира 36 полка 6 кавдивизии [2].

Согласно легендам, которые о нем складывали еще при жизни, О. Дундич отличался невероятной храбростью. Погиб в конце Гражданской войны при штурме Ровно Первой конной армией на территории, затем отошедшей (до 1939 г.) Польше. Днем 10 июля в Ровно конармейцы при большом стечении жителей города с воинскими почестями проводжали в последний путь своего любимца Олеко Дундича. Сотни людей, знавших героя или слышавших о его подвигах, в скорбном молчании стояли вокруг свежевырытой могилы. Всем было трудно поверить, что они потеряли Дундича, который презирал смерть, но страстно любил жизнь и часто говорил, что непременно доживет до полной победы пролетариата России и освобождения сербского народа от ига национальной и иностранной буржуазии.

Олеко Дундич был награжден орденом Красного Знамени и Почетным революционным золотым оружием. Он похоронен в Ровно. Его могила в Центральном городском парке им. Шевченко является одновременно и памятником. В честь Олеко Дундича названы улицы в России и на Украине. В 1920 г. режиссером Владимиром Касьяновым был снят фильм «Олеко Дундич». Драматурги Александр Ржешевский и Михаил Кац написали пьесу «Олеко Дундич», которая была поставлена в 1942 г. во фронтовой бригаде театра имени Евгения Вахтангова. По мотивам пьесы А. Ржешевского и М. Каца в 1958 г. на студии им. М. Горького режиссером Леонидом Луковым был снят фильм «Олеко Дундич». Образ Дундича-конармейца использован также в фильмах «Первая конная» (1984 г.) и «Хождение по мукам» (1977 г.). В 1972 г. в Воронежском театре оперы и балета поставлена опера Г.Т. Ставонина «Олеко Дундич» [2].

Жанна Мари Лябурб (1877–1919) – организатор французской коммунистической группы в Москве, участница Гражданской войны. Она происходила из семьи французского крестьянина – участника Парижской Коммуны. В поисках заработка в 1896 г. она выехала в Россию, где работала учительницей в г. Томашове. С 1903 г. участвовала в революционном движении. В 1918 г. работала в Центральной федерации иностранных групп при ЦК РКП(б), была секретарем Французской коммунистической группы; участвовала в создании клуба «3-й Интернационал»,

члены которого вели революционную работу среди иностранных солдат и матросов [3].

В феврале 1919 г. Жанна добровольно отправилась в оккупированную французскими войсками Одессу, где возглавила французскую секцию Коллегии иностранной пропаганды при Одесском подпольном комитете Коммунистической Партии (большевиков) Украины (КП(б)У). Там она вела активную агитацию среди солдат и матросов в духе «интернационала и мировой революции», редактировала газету «Коммунист», издававшуюся на французском языке, писала листовки и обращения, на улицах города беседовала с военнослужащими, призывая к солидарности с Советской Республикой.

Поскольку военнослужащие французского корпуса вследствие агитации большевиков отказывались воевать против Советской России, генерал д'Ансельм отдал приказ в кратчайшие сроки найти и уничтожить агитаторов. В 1919 г. удалось арестовать всех членов «Иностранной коллегии», в т.ч. Жанну, а уже через день все они были бессудно расстреляны французской контрразведкой. Агитационная работа Жанны Лябурб и ее соратников принесла свои плоды. Через полтора месяца начался мятеж во французском флоте и летом 1919 г. правительство Франции было вынуждено отозвать свои охваченные брожением войска с юга России.

Могила Жанны Лябурб находится на 2-м Христианском кладбище Одессы у центральных ворот. Около одних из двух ворот второго Еврейского кладбища Одессы висела табличка, сообщавшая о том, что на этом месте в 1919 г. была расстреляна Жанна Лябурб. В конце 1970-х гг. кладбище снесли, а на его месте построили ворота, наглухо заложенные камнем, повесив новую мемориальную табличку. В честь Жанны Лябурб в Одессе были названы спуск, улица, переулок, сквер, швейная фабрика [3].

Большинство иностранцев, участников Гражданской войны, служили в частях Красной армии. Причины того, что на стороне советской власти, Советской Республики сражалось значительно больше иностранцев, чем на стороне ее противников, были следующего порядка. Не могли военнопленные забыть тех условий, в которых они оказались. 1300 тысяч человек были принудительно направлены на рудники Донбасса, Урала и Сибири, на сельскохозяйственные работы в центральной России, военные заводы, лесозаготовки. Среди них были не только рабочие и крестьяне, но и какая-то часть людей, которые на родине никогда физическим трудом не занимались.

После Февральской революции во многих случаях их освободили от принудительных работ. Военнопленные сочувствовали революции, считая, что она приблизит окончание войны. Не в меньшей степени они поддержали и Октябрьскую революцию, потому что она победила главным образом под лозунгом мира. Им надо было возвращаться домой. Они оказались под влиянием большевистских идей независимо от того, участвовали или нет в борьбе за советскую власть. Освобожденные находились в России до того времени, когда возникнут условия для выезда на родину. К осени 1918 г. таких условий не было, и иностранные рабочие и крестьяне считали, что существование Советской Республики будет содействовать социальному прогрессу в их странах. Но даже не это главное. Все-таки на первом месте для человека в чужой стране, когда там война, разбой, – это любым способом добраться домой и не умереть от голода! Единственным местом, где кормят, одевают и можно было заработать, являлась армия. Вот почему поступление в Красную армию становилось для многих вопросом выживания, давало надежду на возвращение домой.

Список источников и литературы

1. Антикайнен, Тойво [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Антикайнен,_Тойво (дата обращения: 15.05. 2018).
2. Дундич, Олеко [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дундич,_Олеко (дата обращения: 15.02. 2018).
3. Лябурб, Жанна [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Лябурб,_Жанна (дата обращения: 15.02. 2018).

**Yu.V. Kirchuk,
Gorki**

FOREIGN VOLUNTEERS ACTIVITY IN THE CIVIL WAR IN RUSSIA

The Civil war was the result of the revolutionary crisis in the Russian Empire at the beginning of the 20th century, which led to the fall of the monarchy, economic ruin, and a deep social, national, political, and ideological split of Russian society. The apogee of these events was a fierce war across the country between the armed forces of the Soviet government, the White movement and the separa-

tists with the intervention of the Central Powers and the Entente. Foreign volunteers took an active part in the war (mainly on the side of the Bolsheviks).

Keywords: Civil war, Kronstadt uprising, revolutionary, Toivo Antikainen, Oleko Dundich, Jeanne Marie Ljaburb.

УДК 329.14

А.С. Масютин,
г. Киров

ОРГАНИЗАЦИИ НЕОНАРОДНИКОВ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1918–1920 ГГ.

В предлагаемой статье автор рассматривает недолгую историю существования преемников народнической партии социалистов-революционеров в Вятской губернии. Основной проблемой стали гонения, вплоть до полной ликвидации правящей партией большевиков организаций неонародников в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.). Исследование преимущественно охватывает «кировскую» часть бывшей Вятской губернии.

Ключевые слова: Вятская губерния, социалисты-революционеры, большевики, левые эсеры, народники-коммунисты, революционные коммунисты.

Вожди русской социал-демократии, начиная с Г.В. Плеханова, видели в народниках, социалистах-революционерах (эсерах) своего главного идейного врага. Врага, который не только перетягивал в свой стан радикально настроенную интеллигенцию, но и притязал на руководство марксистской паствой – пролетариатом. Не удивительно, что после окончательного политического утверждения левого крыла социал-демократии – большевиков – у власти в России, они поспешили избавиться от былых соперников эсеров и отделившихся от эсеров более революционных групп: левых эсеров и эсеров-максималистов. Расправа с эсерами, наиболее полно воплотившаяся в московском процессе лета 1922 г., да и предыдущие послеоктябрьские нападки на эсеров, были не из самых корректных. Недаром же Л.Д. Троцкий утверждал: «Политическая борьба ... не может позволить себе роскоши прикрываться правилами морали» [1, с. 16]. Ниже в статье автор рассматривает

короткую историю существования в Вятской губернии радикальных преемников партии эсеров и постоянное давление большевиков на организации неонародников, закономерно завершившиеся ликвидацией их деятельности.

Формальное учреждение Вятская организация партии левых эсеров (ПЛСР) получила 23 марта 1918 г. На первом губернском левозэсеровском съезде в Вятке было избрано организационное бюро, ему поручили всемерное содействие в создании уездных партийных ячеек. А за левыми эсерами закрепили здание бывшего губернского земства [2, с. 4]. 30 марта в Вятке председателем губернской организации левых эсеров была избрана Г.А. Трейтер, ее товарищами – Н.А. Желваков и В.Т. Франжоли, секретарем – А.А. Юрлов [3, с. 6].

Второй Вятский губернский съезд Советов, работавший в Вятке с 8 по 25 апреля 1918 г., на котором с большевиками впервые схлестнулись их союзники – неонародники, выявил такую расстановку сил: 119 делегатов – большевиков, 78 левых эсеров, 8 максималистов, 3 эсера центра, 2 меньшевика, 2 анархиста, 1 правый эсер, 1 народный социалист и 67 беспартийных [4, л. 163]. Представитель левых эсеров Н.А. Желваков, намекнув на оппортунистическое топтанье большевиков на месте, потребовал углубления революции путем скачка, т.к. «между капитализмом и социализмом лежит громадная пропасть – поведете это дело медленно, упадете в эту пропасть» [5, л. 13 об.–14]. Поддержал Н.А. Желвакова, говорившего от лица всей фракции, и максималист В. Романов.

Еще более ощутима была критика деятельности летучих и красногвардейских отрядов, организованных из демобилизованных солдат и увоивших в наибольшей степени расхожий популистский лозунг «Грабь награбленное!». В противовес им левый эсер из Котельнича А.Н. Махнев предложил создать в каждой волости отряды Красной армии из местных крестьян [6, л. 55]. Также А.Н. Махнев, его однопартиец из Орлова Перминов, малмыжский максималист Е.И. Зорин потребовали изменить твердые цены на хлеб, принуждающие селян втридешева сдавать его казне, и добиться свободной продажи крестьянских продуктов. 22 апреля съезд большинством в 135 голосов против 86 при 15 воздержавшихся принял резолюцию народников об установлении повышенных с учетом инфляции цен на хлеб. «Кулакам» была предоставлена возможность пусть и недорого, но все-таки не даром сдать укрываемое зерно госу-

дарству. Вводились неотчуждаемые нормы зерна для домашнего скота. В губернии должно было оставаться не менее 70 % собранного хлеба для удовлетворения неимущего населения [7, с. 123–124, 126].

Большевистские организации в вятских уездных городах Слободском, Котельниче, Орлове, Нолинске возникли лишь в мае – июне 1918 г., тогда как левые эсеры уже несколько месяцев пользовались весомым влиянием в крестьянской среде. Ближайшая будущность была такова, что на III Вятском губернском съезде Советов левые эсеры вполне могли получить большинство мест. Их ячейки стремительно росли в самых глухих местностях губернии. Так, в двух марийских волостях Уржумского уезда – Токтай-Белянской и Новоторьяльской в июне 1918 г. левые эсеры насчитывали 150 и 50 членов [8, с. 4].

Отражением подобной безрадостной большевистской перспективы стала телеграмма главы Вятской Чрезвычайной комиссии Петра Капустина в ЦК РКП(б) от 24 июня 1918 г. «Положение неважное. Партийную организацию придется распустить. На заводах кадеты, правые эсеры, меньшевики». Капустин просил «немедленно прислать партийных работников» и предупреждал: «Телеграфируем в последний раз, иначе снимаем полномочия. Нет сил бороться с мелкобуржуазной массой, болотом» [9, с. 68]. Призыв П. Капустина о помощи центра был следствием отхода от большевиков левых эсеров при обсуждении в губисполкоме вопроса об отправке делегатов на V Всероссийский съезд Советов. С 22 по 25 июня шли безрезультатные прения: фракции большевиков и левых эсеров вкупе с максималистами имели почти одинаковое количество мест в губисполкоме и обсуждение кандидатур, выдвигавшихся одной стороной, проваливалось другой. 25 июня председатель губисполкома И.В. Попов заявил о своей отставке. Пояснил он свое решение так: «Необходимо поставить во главе исполкома представителя центральной власти, который бы железной рукой обуздал местные буржуазные элементы» [10, л. 143 об.].

Явным знаменем усиления левоэсеровской организации губернии стала отправка 13 делегатов на V Всероссийский съезд Советов, начавший работу в Москве 4 июля 1918 г. Количество большевистских делегатов было точно таким же. А с учетом максималистского делегата П.А. Красноперова, председателя Сарапульского Совета, вятские народники получали даже перевес над губернской делегацией РКП(б) [11, с. 239].

В исполнительном комитете Вятского губернского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов к началу июля 1918 г. на 20 членов

РКП(б) приходилось 19 левых эсеров и максималистов и 10 беспартийных. Тем не менее, все значимые должности сосредотачивались в ведении большевиков. В исполнительных комитетах уездных советов 94 большевика противостояли 107 народникам при 29 беспартийных [12, с. 12].

Численность членов партийных организаций на начало июля 1918 г. была такова: РКП(б) – по губернии – 855 человек, из них в Вятке – 400, Ижевске и Воткинске – 270, Глазове – 92 человека [13, с. 60], [14, с. 157, 161]; ПЛСР – по губернии – 2 тысячи человек [15, с. 153]; Союз социалистов-революционеров-максималистов – в Ижевске около 560 человек, а также небольшие организации в Вятке, Воткинске, Камбарке, Малмыже, Елабуге [16, с. 35].

Тогда же председатель фракции ПЛСР в губисполкоме К.П. Метелев заявил большевикам о возможности левоэсеровского «воздействия на низы, чтобы последние заставили губисполком созвать общегубернский съезд Советов» [10, л. 146 об.]. В ответ большевики в ночь с 3 на 4 июля провели обыск в штаб-квартире левых эсеров в Вятке и закрыли претившую им газету «Все для трудящихся» – орган Вятского Бюро Союза социалистов-революционеров-максималистов. Для издания своей газеты максималистам пришлось со скандалом преодолеть навязываемое коммунистами требование о предварительной цензуре газеты губернским комиссариатом по делам печати [17, с. 4]. Печатный орган максималистов неустанно обличал политику большевиков в отношении левых эсеров, максималистов, анархистов. Особо хлесткими были в издании «Все для трудящихся» статьи о погроме большевиками елабужской организации максималистов, не вписывавшейся в единовластие большевиков, и об исключительно низком нравственном уровне свежеспеченных послеоктябрьских «коммунистов» [18, с. 4], [19, с. 1–2].

6 июля на заседании губисполкома левые эсеры выдвинули ультиматум: упразднение коллектива президиумов (келейного решения политических вопросов большевистскими президиумами губисполкома и горисполкома Вятки. – *А.М.*), передача всей власти обновленному составу губисполкома, разграничения полномочий между Вятским городским Советом и губисполкомом и проведение суда над военным комиссаром Малыгиным, ответственным за бессудный расстрел четырех красноармейцев [10, л. 159 об.]. 7 июля фракция левых эсеров согласно директиве, полученной от руководства своей партии, вышла из состава

губисполкома. В тот же день до Вятки дошли сведения о «мятеже левых эсеров» в Москве [20, с. 352]. Наибольшую тревогу большевистских властителей вызывал Котельнический уезд, где народники имели самый существенный в губернии перевес над большевиками. В уездном исполкоме на 33 члена приходилось 14 левых эсеров и 6 им сочувствующих, 5 большевиков и 3 им сочувствующих, 1 максималист и 4 беспартийных [21, л. 3]. В Котельнич был послан вооруженный большевистский отряд во главе с Аркадием Стругацким, который не только разогнал «кулацкий» совет, но и расстрелял за принадлежность к партии левых эсеров А.Н. Махнева (председателя уездного исполкома) и А.С. Мисуно (члена крестьянской секции ВЦИК, члена президиума II и III Всероссийских съездов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов) [22, л. 59], [23, с. 206–207].

Массового возвращения левых эсеров в губисполком и уездные советы большевики не допустили, хотя 31 июля 1918 г. в Вятке на губернской конференции актив партии левых эсеров осудил действия своих московских однопартийцев 6–7 июля [14, л. 185]. Был переизбран председатель губернской организации левых эсеров, им стал Николай Утемов. На конференции присутствовали представители 11 левоэсеровских групп Вятской губернии [24, с. 3].

Сильно подорвал положение неонародников разгром Степановского восстания – выступления 1 Московского продовольственного полка под командованием военспеца Анатолия Степанова против советской власти в августе 1918 г. Восстание охватило Уржумский, Нолинский, Малмыжский уезды Вятской губернии. Замешаны в нем оказались и социалисты-революционеры. Так, органом верховной власти на занятой степановцами территории – Временным Управлением руководили А.Е. Кропотов, депутат Учредительного собрания, избранный по партийному списку партии эсеров и П.Н. Чирков, известный уржумский эсер [25, л. 41]. На сторону восставших перешел и председатель Малмыжского уездного исполкома максималист Шатунов [26, л. 149 об.]. В еще большей степени способствовало большевистско-пропагандистской обрисовке облика народников как борцов с советской властью Ижевско-Воткинское восстание в августе–ноябре 1918 г. Формально восстанием руководил Прикамский комитет членов Учредительного собрания в составе трех вятских эсеров: В.И. Бузанова, Н.И. Евсеева, К.С. Шулакова и одного вологодского – А.Д. Карякина [27, с. 4].

После московского «мятежа» и антисоветских выступлений лета 1918 г. партия левых эсеров раскололась. В сентябре из нее выделились партии народников-коммунистов (ПНК) и революционного коммунизма (ПРК), позиционировавших себя как соратников большевизма в деле советского строительства. Обе они имели свои группы в Вятской губернии. Однако коммунисты видели в неонародниках лишь помеху своему единовластию, с которыми приходилось временно считаться в борьбе с сопротивлением буржуазии. В циркуляре Секретного отдела ВЧК о левых эсерах от 1 июля 1919 г. отмечалось: «Сорваны маски и перед нами предстали подлинные, правда, сумасшедшие, но все же яркие контрреволюционеры, ничем не отличающиеся от колчаковцев и денкинцев» [28, с. 131].

К лояльному к советской власти губернскому руководителю ПЛСР Николаю Утемову большевики применили «высшую меру социальной защиты». Утемов еще летом 1917 г. стал преданным сподвижником ленинцев, вплоть до того, что изба-читальня возглавляемой им Глазовской организации эсеров находилась в доме большевика Иосифа Шубина [29, с. 6]. Утемов же поставил в Глазове газету «За землю и волю», тон которой мало рознился от петроградской «Правды». На III губернском крестьянском съезде в сентябре 1917 г. Утемов прямо обвинил эсеров центра, «черновцев» в лице Б.И. Збарского в «пожатии руки контрреволюционным генералам», в неприятии интернационалистической политики, в гонениях на большевиков, принижении значения советов [30, с. 3]. В феврале 1919 г. Утемов был арестован в Глазове и приговорен к расстрелу. Начальник местной ЧК М.М. Паэгле считал, что «одержимый пароксизмом власти, наш старый знакомый подготовлял было захват власти левыми эсерами в Глазове» [31, с. 2].

Той же зимой 1918–1919 гг. вятская большевистская печать не отказала себе в удовольствии разместить на своих страницах письма с отречением от ПЛСР ее местных руководителей. Иван Розенберг, секретарь губернской организации левых эсеров, просил принять его в члены РКП(б) ввиду «пагубной межпартийной грызни и невозможности продуктивной работы в рядах партии левых с[оциалистов]-р[еволюционеров]» [32, с. 4]. К.П. Метелев, протестуя против контрреволюционной тактики левых эсеров, «ложасьей позорным пятном на всех членов партии», также безусловно порывал с ПЛСР [33, с. 3].

11 сентября 1918 г. в Вятке была организована ячейка партии народников-коммунистов, просуществовавшая два с половиной месяца.

Их Центральное Бюро возлагало определенные надежды на своих вятских однопартийцев. 11 октября в Вятку прибыл руководитель партии Г.Д. Закс. Он прочел лекцию «Левые с[оциалисты]-р[еволюционеры] и народники-коммунисты»; был организован митинг на тему «Международное положение и наша революция». 22 октября Вятская группа народников-коммунистов обзавелась своей партийной печатью. Правда, долго она ею не пользовалась. 20 ноября 1918 г., руководствуясь постановлением партийного съезда о самороспуске и слиянии с РКП(б), Вятская организация ПНК ликвидировала свои дела. Желающих вступить в партию большевиков нашлось, однако, немного: председатель Вятского комитета ПНК И.Н. Котов, заместитель председателя А.А. Королев, секретарь В.С. Рудин и всего один партиец без должности [34, л. 2, 6, 14–15]. Помимо Вятки существовала группа народников-коммунистов в Котельниче, ею руководил И.П. Шатов [35, с. 1–2].

Гораздо дольше, около двух лет, в Вятской губернии существовали группы партии революционного коммунизма. С осени 1918 г. по осень 1920 г. в отчетах с мест в центральном органе партии – газете «Воля труда» отмечены партийные ячейки в Уржуме, Вятке, Сарапуле. Знаменательно, что на партийных съездах все три губернские группы ПРК не были представляемы одновременно: II и III съезды ПРК (Москва, 2–3 декабря 1918 г., 16–18 апреля 1919 г.) – Уржумская группа, IV съезд ПРК (Москва, 21–22 ноября 1919 г.) – Сарапульская группа, V съезд ПРК (Москва, 28–29 апреля 1920 г.) – Вятская городская организация [36, с. 2], [37, с. 11], [38, с. 6], [39, с. 15].

На учредительном съезде ПРК (Москва, 25–28 сентября 1918 г.) отмечалось наличие в Вятке группы бывших левых эсеров из 43 человек, готовых влиться в новую народническую партию [40, с. 2]. Наиболее крупной и долго существовавшей была уржумская организация ПРК. После разрыва большевиков с левыми эсерами и очищения советских органов власти от них лишь в Уржумском уезде наследникам левых эсеров – революционным коммунистам – удалось сохранить значимые позиции на уровне уездного исполкома. В январе–марте 1919 г. фракция ПРК в Уржумском исполкоме была довольно крупной – 7 из 16 членов, что закономерно вызывало тревогу большевиков. Без всяких пояснений, исключительно за то, что «небольшевики», уржумские революционные коммунисты были изгнаны из исполкома, коллегии народного образования, совнархоза [37, с. 15], [41, с. 11]. Имея опору в крестьянстве и среди

работников народного образования, на Уржумском уездном съезде Советов в мае 1919 г. члены группы ПРК провели в новый состав исполкома пять своих однопартийцев (при 10 большевиках) и сумели добиться отправки делегата – революционного коммуниста от уезда на VII Всероссийский съезд Советов. Буквально день спустя, когда участники съезда разъехались из Уржума, большевики выхлостили из состава исполкома трех революционных коммунистов, кооптировав на их место большевиков. Обновленный состав исполкома, чтобы ослабить организацию народников, принял решение мобилизовать на фронт девять членов ПРК из 28 состоящих в городской организации, а уржумская ЧК арестовала большой «7-пудовый транспорт народнической литературы», пришедший из Москвы [42, с. 11, 13].

В августе 1919 г. вятские чекисты пресекли попытку «белогвардейского заговора» в Уржуме. Его расследованием руководил лично Петр Капустин. По итогам он выступил в Уржуме 18 сентября 1919 г. на объединенном заседании актива совпартработников. Участники заседания постановили распустить местную организацию ПРК за контрреволюционные происки против советской власти и привлечь к уголовной ответственности всех виновных: как рядовых партийцев, так и членов комитета.

Уржумская организация ПРК была создана 14 октября 1918 г. в числе 30 человек и включала в себя значимых уездных деятелей: начальника милиции А.М. Пестерникова, заведующего финансовым отделом А.Е. Татарина, председателя продовольственного комитета М.А. Калинина, председателя местного союза кооператоров Г.И. Попова. Руководил уржумской организацией крестьянин И.М. Видягин, бывший член ПЛКСР, председатель исполкома Уржумского Совета депутатов в первой половине 1918 г.

Попытку возродить уржумскую ячейку ПРК предпринял приехавший из Москвы инструктор ЦК партии Андреев в декабре 1919 г. Вероятно, не безрезультатно, т.к. совершенно неожиданно для большевиков в ряды революционных коммунистов вернулся порвавший было с ними Т.И. Мосунов – заведующий уездным отделом государственного контроля [43, л. 8, 12, 15, 19–23 об., 29]. Однако группа ПРК в уезде существовала полулегально, не будучи более представлена в исполкоме.

Подытожила деятельность уржумских народников статья редактора уездной газеты «Красный пахарь» Дьяконова «Кто не с нами – тот против

нас» в № 5 от 9 июня 1920 г. об антисоветском характере революционных народников. Опровержение голословной клеветы на ПРК, поданное для публикации в уржумский комитет РКП(б) членом ПРК М.А. Гончаровым было отклонено большевиками без указания причин отказа. Дьяконов, бывший царский офицер, как небезосновательно полагали уржумские народники, всячески выслуживался перед новой властью [37, с. 15], [43, л. 25–28].

Тем же летом организацию вятских большевиков потряс неимоверный скандал. Руководитель уржумского уездного комитета РКП(б) Евстафьев, возглавлявший местную организацию ленинцев в течение года, и «прижавший к ногтю» «контрреволюционеров» из ПРК, оказался агентом царской охранки. Петроградец Валентин Любимов состоял в жандармских осведомителях, имя его, как подлежащего аресту, было опубликовано в газетах еще при Керенском [44, с. 4]. Он сумел завладеть документами умершего большевика Евстафьева и, перебравшись в Вятку, на протяжении двух лет строил успешную партийную карьеру в глубинке [45, с. 4].

8 августа 1920 г. уржумская организация ПРК заявила о самороспуске, однако единогласного решения о подаче коллективного заявления для вступления в ряды большевиков-«любимовцев» на последнем собрании народников принято не было, и большая часть бывших революционных коммунистов пожелала остаться беспартийными [43, л. 2].

Таким образом, за два с половиной года легального существования организации неонародников в Вятской губернии подвергались постоянным гонениям со стороны большевиков и в конце концов были полностью ликвидированы правящей партией, не терпящей конкурентов.

Список источников и литературы

1. Троцкий Л.Д. Сталин. В 2 т. Т. 1. М.: Терра-Терра – Политиздат, 1996. XII. 323 с.
2. Вестник Вятского губернского исполнительного комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918. № 18. 26 [13] марта.
3. Вестник Вятского губернского исполнительного комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918. № 20. 3 апреля [21 марта].
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 3. Д. 105.
5. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. Р-885. Оп. 1. Д. 2.

6. ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 4.
7. 2-й Вятский губернский съезд Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. Апрель 1918 г. Вятка: Печатник, 1918. 176 с.
8. Знамя труда. 1918. № 236. 27 [14] июня.
9. Тимкин Ю.Н. Смутное время на Вятке: общественно-политическое развитие Вятской губернии весной 1917 – осенью 1918 гг. Киров: Изд-во ВГПУ, 1998.
10. ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 52.
11. Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов: стенографический отчет: Москва, 4–10 июля 1918 г. М.: Изд-во ВЦИК, 1918.
12. Быстрова А.С. Партийная организация в период иностранной военной интервенции и гражданской войны // Очерки истории Кировской организации КПСС. Ч. 2: 1918–1968. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1969. С. 8–92.
13. Зубарев С.П. Прикамье в огне. Ижевск: Удмуртия, 1967.
14. Бакулин В.И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917–1918 гг. Киров: ВятГГУ, 2008.
15. Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917–1925 гг.: в 3 т. Т. 2. Ч. 1. Апрель–июль 1918 года / Ред.-сост. Я.В. Леонтьев. М.: РОССПЭН, 2010.
16. Дмитриев П.Н. Классовая борьба в Ижевско-Воткинском районе весной–летом 1918 г. // Гражданская война в Удмуртии 1918–1919 гг.: сб. статей. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения АН СССР, 1988. С. 33–56.
17. Вятский голос. 1918. № 5. 18 (5) мая.
18. Сулопаров М. Организованный поход // Все для трудящихся. 1918. № 4. 29 мая.
19. Светлов Ф. «Бездельники, хулиганы, авантюристы, пьяницы и воры» из большевистской «Правды» // Все для трудящихся. 1918. № 6. 12 июня.
20. Загвоздкин Г.Г. Гражданская война // Энциклопедия земли Вятской: в 10 т. Т. 4. Киров: Областная писательская организация, Администрация Кировской области, Вятская торгово-промышленная палата, 1995. С. 351–359.
21. ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 146.
22. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИКО). Ф. П-45. Оп. 1. Д. 100.
23. Кремль за решеткой (Подпольная Россия). Берлин: Скифы, 1922.

24. Известия Вятского губернского исполнительного комитета Совета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 1918. № 93. 2 августа.
25. ГАСПИКО. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 144.
26. ГАКО. Ф. Р-876. Оп. 1. Д. 79.
27. Дело Народа. 1918. № 1. 4 октября.
28. Павлов Д.Б. Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х годов. М.: РОССПЭН, 1999.
29. За землю и волю. 1917. № 1. 2 августа.
30. Вятская речь. 1917. № 204. 23 сентября.
31. Пролетарская газета. 1919. № 2. 21 февраля.
32. Известия Вятского губернского исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. № 1 [220]. 1 января.
33. Известия Вятского губернского исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. № 42 [261]. 22 февраля.
34. ГАСПИКО. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 160.
35. Известия Котельнического Исполнительного Комитета Уездного Совета крестьянских, рабочих и армейских депутатов. 1918. № 53. 8 октября.
36. Воля труда. 1918. № 66. 3 декабря.
37. Воля труда. 1919. № 6 [73]. 5 июня.
38. Воля труда. 1919. № 13 [80]. 26 ноября.
39. Воля труда. 1920. № 15 [82]. 30 мая.
40. Воля труда. 1918. № 12. 27 сентября.
41. Воля труда. 1919. № 5 [72]. 16 апреля.
42. Воля труда. 1919. № 10 [77]. 30 августа.
43. ГАСПИКО. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 181.
44. Единство. 1917. № 14. 15 апреля.
45. Вятская правда. 1920. № 78. 1 августа.

**A.S. Masyutin,
Kirov**

NEO-POPULIST ORGANIZATIONS OF THE VYATKA PROVINCE IN 1918–1920

The article is devoted to the short history of the populist party's successors – the Socialist Revolutionary Party in the Vyatka province. The main problem of the article is the issue of persecution, up to the complete elimination of neo-populist

organizations by the ruling Bolsheviks party during the Civil war (1918–1920). The study mainly covers the «kirovs» part of the former Vyatka province.

Keywords: the Vyatka province, the Socialist Revolutionary Party, the Bolsheviks, the left socialist-revolutionaries, the populists-communists, the revolutionary communists.

УДК 94:355.311.7(47+57)“1918”

Е.О. Наумов,
г. Саранск

ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КОМАНДОВАНИЯ 1-Й АРМИИ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА С ЦЕНТРАЛЬНЫМ ВОЕННЫМ РУКОВОДСТВОМ ЛЕТОМ–ОСЕНЬЮ 1918 Г.

В статье рассматривается процесс становления субординационных отношений между армейскими, фронтовыми и центральными органами военного управления в момент развертывания широкомасштабной Гражданской войны в Среднем Поволжье. Были выявлены причины вынужденного налаживания прямой связи между армейским и центральным командованием для решения проблемы распределения военного имущества, а также показаны результаты данного сотрудничества. Кроме того, раскрываются формы и способы взаимоотношений между указанными звеньями организационной структуры, а также реакция на них фронтового командования. Автор приходит к выводу, что уже в августе 1918 г. центральное руководство приступило к осуществлению комплекса мер, направленных на максимальное уменьшение доли самостоятельности армейского начальства в области распоряжения ресурсами прифронтовой полосы.

Ключевые слова: Гражданская война, Среднее Поволжье, 1-я армия Восточного фронта, Народный комиссариат по военным делам, снабжение, субординация, централизация.

Антибольшевистское выступление Чехословацкого корпуса в Среднем Поволжье в конце мая 1918 г. и создание в Самаре 8 июня 1918 г. эсеро-меньшевистского Комитета членов Учредительного собрания не только привели к необходимости образования на указанной территории Восточного фронта Красной армии, но и потребовали от центрального

и местного командования налаживания четких субординационных взаимоотношений между каждым из звеньев формирующейся организационной структуры вооруженных сил: центральное руководство – фронтовое объединение – армейские объединения. Однако из-за множества факторов данный процесс происходил с определенными трудностями, в результате чего решение тех или иных срочных вопросов очень часто осуществлялось путем прямого взаимодействия между армейским командованием и центром без посредничества фронтового руководства.

С момента начала создания 1-й армии Восточного фронта (Декрет и директива от 16 и 19 июня 1918 г. соответственно [1, с. 25], [2, л. 3]) вплоть до середины июля 1918 г. складывание упомянутой выше организационной структуры (командование 1-й армии – командование Восточного фронта – центральное руководство), в частности формирование прямой связи между армией и фронтом, происходило закономерно и логично. Армейское начальство со всеми просьбами, которые касались снабжения объединения кадровым составом, всем необходимым для ведения боевых действий (продовольствие, оружие, боеприпасы, обмундирование), а также пополнениями, обращалось к командующему Восточным фронтом М.А. Муравьеву и в штаб фронта. Однако после неудачной попытки антибольшевистского выступления М.А. Муравьева 10–11 июля 1918 г. возникло определенное недоверие армейского руководства к фронтовому, а также постепенно складывающееся стремление во многом полагаться на центр. Об этом свидетельствуют телеграммы командующего 1-й армией М.Н. Тухачевского непосредственно председателю Народного комиссариата по военным делам Л.Д. Троцкому и Всероссийского бюро военных комиссаров И.И. Юреневу, отправленные 11 июля 1918 г. В них содержалась критика М.А. Муравьева, а также требование немедленного прибытия адресатов на фронт для налаживания управления войсками и получения «самых точных и обширных сведений о создавшейся обстановке и планах на будущее» [3, л. 141, 152].

Несмотря на настоятельные просьбы М.Н. Тухачевского прибытие вышеупомянутых лиц на Восточный фронт и их дальнейшие действия по оказанию той или иной помощи войскам произошли только в августе 1918 г. по причине захвата армией Комуча Симбирска 22 июля 1918 г. и Казани 7 августа 1918 г., а также общего ухудшения обстановки в регионе. Вплоть до этого момента М.Н. Тухачевский надеялся на то, что фронтовое руководство самостоятельно выполнит все требования на

поставки того или иного имущества, поэтому избегал прямых обращений в центр. Так, 17 июля 1918 г. в телеграмме назначенному вместо М.А. Муравьева командующему Восточным фронтом И.И. Вацетису М.Н. Тухачевский, перечисляя необходимое для армии количество артиллерийских снарядов, пушек, аэропланов, грузовых автомобилей, пулеметов и другого военного имущества, писал: «Я не могу лично обращаться в центр помимо Вас. От Вас же я не получаю никакого ответа» [3, л. 152а, 153–153 об.]. 23 июля 1918 г. в докладной записке И.И. Вацетису М.Н. Тухачевский вновь рассчитывал на то, что «снабжение фронта затребует для меня из центра требуемое количество материальной части» [1, с. 37].

Однако из-за неспособности фронтового руководства и территориальных органов власти в лице военных комиссаров снабдить вооруженные силы требуемым имуществом армейское начальство вынуждено было обращаться с аналогичными просьбами в адрес высшего военного командования. Данный процесс значительно облегчался благодаря присутствию Л.Д. Троцкого вместе со своим знаменитым поездом в расположении войск Восточного фронта в Свияжске. Так, 10 августа 1918 г. инспектор снабжения Разумов телеграфировал Л.Д. Троцкому о необходимости перевода денег для закупки продовольствия [4, л. 49]. 14 августа 1918 г. начальник штаба И.Н. Захаров и политический комиссар В.В. Куйбышев требовали у народного комиссара по военным делам подкрепления «не менее одной бригады пехоты и дивизиона артиллерии при чем особенно тяжелой, так как во всей армии нет ни одной тяжелой батареи» [5, л. 32–33].

Помимо телеграмм с прямыми требованиями о присылке того или иного имущества армейское командование обращалось в центр о передаче в распоряжение штабных работников предметов, расположенных на прифронтовой территории, но находившихся под контролем местных органов власти. Так, 18 августа 1918 г. М.Н. Тухачевский и политический комиссар О.Ю. Калнин отправили командующему Восточным фронтом И.И. Вацетису и Л.Д. Троцкому телеграмму с просьбой о предоставлении права пользоваться инженерными и артиллерийскими складами Приволжского военного округа по причине неорганизованности работы управленческого аппарата последнего [6, л. 33–37]. При этом связь с Л.Д. Троцким осуществлялась не только за счет отправки телеграмм, но и путем командирования в Свияжск сотрудников политического

отдела. Так, согласно удостоверению от 16 августа 1918 г. Е.С. Коган делегировалась «для доклада Народному комиссару по военным делам тов. Троцкому» [7, л. 115].

Если на Восточном фронте представителем центрального аппарата являлся Л.Д. Троцкий, то для оказания поддержки непосредственно 1-й армии в ее расположение прибыл И.И. Юрнев, который был знаком с М.Н. Тухачевским и даже ранее рекомендовал его на должность командующего 1-й армии в середине июня 1918 г. [8, с. 43]. Именно поэтому сразу после подавления выступления М.А. Муравьева М.Н. Тухачевский попросил помощи у И.И. Юрнева. Как правило, его содействие заключалось в подготовке и отправке в Москву телеграмм в соавторстве с заведующим инженерным управлением М.А. Толстым с требованием направить те или иные виды технического имущества. Примечательно, что еще в начале августа 1918 г. М.А. Толстой, ссылаясь на невыполнение фронтовым и окружным руководством всех требований на поставки имущества, отправил в Москву заведующему частью снабжения Семковскому и И.И. Юрневу телеграмму с просьбой присылки «инженерных частей, жел[езно]дорожных, телеграфных, воздухоплавательных и автоколонну. Усиленно ходатайствую о принятии мер снабжения армии [всем] необходимым» [5, л. 83–86]. Не исключено, что данное послание осталось без ответа, о чем говорит аналогичная телеграмма, отправленная 17 августа 1918 г. в Главное военно-инженерное управление [5, л. 88], [6, л. 204]. Однако на этот раз под текстом помимо подписи М.А. Толстого стоял автограф И.И. Юрнева. 18 августа 1918 г. две телеграммы об оказании содействия «[в] желании контролировать питание армии инжимуществом» ушли в Московский и Приволжский окружные военные комиссариаты. Аналогичные телеграммы были направлены 16 и 18 августа 1918 г. в Тамбов и Саратов соответственно с требованиями отпускать теплое белье, а также принять больных и раненых в количестве 400 человек [6, л. 21, 22, 39, 170].

На первый взгляд может показаться, что пребывание И.И. Юрнева в расположении 1-й армии, чья должность не имела прямого отношения к содержанию данных посланий, не играло большой роли в реализации поставленных командованием целей. Однако телеграмма от 15 августа 1918 г., отправленная в адрес Л.Д. Троцкого вслед за вышеприведенным сообщением от 14 августа 1918 г. с требованием подкреплений, позволяет частично раскрыть механизм деятельности И.И. Юрнева. В ней было

написано следующее: «Подтверждаю крайнюю необходимость высылки просимых сил [в] Первую армию» [5, л. 35]. Таким образом, председатель Всероссийского бюро военных комиссаров своей подписью под посланиями гарантировал потребность 1-й армии в том или ином виде имущества. Это было вызвано тем, что фронтовое и центральное руководство с большой неохотой реагировало на завышенные, по их мнению, требования армейского командования. Например, 30 июля 1918 г. М.Н. Тухачевский просил у И.И. Вацетиса экстренно прислать 20 грузовиков с шоферами для предстоящей операции. Однако в телеграмме заведующему Оперативным отделом Народного комиссариата по военным делам С.И. Аралову И.И. Вацетис вместо 20 требовал отправки из Москвы в распоряжение 1-й армии пяти грузовиков с шоферами [9, л. 559, 560]. Неудивительно, что армейское командование впоследствии приняло решение обращаться с теми или иными запросами напрямую в центр.

Подобные телеграммы отправлялись в Москву в профильные учреждения начальниками штабных отделов, занимающихся снабжением войск материально-технической частью. 17 августа 1918 г. заведующий артиллерией 1-й армии направил в Московский артиллерийский склад телеграмму с просьбой о высылке патронов [6, л. 131]. 22 августа 1918 г. заведующий отделом снабжения Шевчук поручил интенданту Филиппову установить связь с Главным хозяйственным управлением и сообщить о продовольственных, вещевых, обозных нуждах, а также потребности в плотничных и кузнечных инструментах [4, л. 13].

К сожалению, в нашем распоряжении пока отсутствуют документы с прямыми положительными ответами от центральных органов об отправке того или иного вида имущества в распоряжение армейского командования. Однако косвенные сведения, содержащиеся в других источниках, дают возможность сделать предположение, что определенная помощь оказывалась. Например, в приказах по отделу снабжения 1-й армии за август 1918 г. фигурируют достаточно крупные суммы, выделяемые штабным подразделением для закупки продовольствия у местных органов власти, что свидетельствует о решении финансовой проблемы, о которой сообщалось выше [10, л. 107, 136, 138]. Поступление обмундирования, снаряжения и обоза из Главного хозяйственного управления также наладилось только в августе 1918 г. [11, с. 78]. М.Н. Тухачевский в своих воспоминаниях писал, что во второй половине августа 1918 г. войска стали получать пополнение, продовольствие, обмундирование,

были созданы артиллерийские и инженерные подразделения. В начале сентября 1918 г. прибыл батальон связи и авиационный отряд [12, с. 81–82]. Приказом Высшей военной инспекции от 26 августа 1918 г. Пензенскому губернскому военному комиссариату предписывалось «выдать для нужд 1 армии 30000 порций консервов, 2000 пудов сахару, 1500 пудов крупы» [13]. Примечательно, что данный приказ также был подписан только после содействия И.И. Юренева, т.к. местные органы власти отказывались предоставлять вышеприведенные продукты в распоряжение 1-й армии [11, с. 78]. Обращение М.Н. Тухачевского к И.И. Вацетису и Л.Д. Троцкому от 18 августа 1918 г. тоже было удовлетворено, о чем свидетельствует телеграмма из штаба Восточного фронта от 21 августа 1918 г. о разрешении «временно пользоваться беспрепятственно всеми имеющимися ... артиллерийскими [и] инженерными складами» Приволжского военного округа [14, л. 90].

Однако не все центральные учреждения готовы были оказывать необходимую помощь в срочном порядке. Согласно воспоминаниям политического комиссара 1-й армии О.Ю. Калнина в начале августа 1918 г. штаб объединения направил в Главное артиллерийское управление (ГАУ) телеграмму с просьбой прислать орудия, офицеров, командный и обслуживающий персонал. В ответном послании сообщалось, что «старый Центральный отдел снабжения разрушен, а новый еще не создан, а посему они не могут дать» ничего из вышеперечисленного [15, с. 42]. Только 28 августа 1918 г. ГАУ телеграфировало о командировке в распоряжение армейского командования техников для обслуживания артиллерийских частей [16, л. 74]. Чуть позже были налажены поставки оружия в армию. Военно-политический комиссар по формированию воинских частей Пензенской губернии Алексеев 17 сентября 1918 г. докладывал в политотдел армии о получении из ГАУ нескольких орудий [17, л. 3].

В некоторых случаях, видимо из-за накопившихся безответных телеграмм, требовалась командировка представителей особо нуждающихся частей в Москву. Так, 30 августа 1918 г. политический комиссар 2-го Симбирского полка Симбирской дивизии Н.М. Шверник, как бывший работник ГАУ, лично ездил в данное учреждение, чтобы получить две гаубицы [18, с. 166], [19, с. 236].

Стоит отметить, что фронтовое руководство выступало против подобных обращений в центр, которые якобы осуществлялись без его ведома и сильно вредили общему делу снабжения вооруженных сил.

25 августа 1918 г. из штаба фронта в адрес М.Н. Тухачевского поступила следующая телеграмма: «Последнее время некоторые армии обращаются по вопросам снабжения непосредственно [в] Москву, минуя Штаб фронта. Такое обращение создает путаницу и тормозит правильность снабжения армии всем необходимым. Приказываю на будущее время прекратить эти непосредственные обращения и требовать все необходимое исключительно через Управления Главнаснаб фронта в Арзамасе» [14, л. 126]. Вполне возможно, что после указанного предписания М.Н. Тухачевский стал направлять свои требования преимущественно И.И. Вацетису. Так, в телеграмме от 5 сентября 1918 г. командующий 1-й армией просил разрешения о выдаче 500 седел и 500 шашек из Московского арсенала [20, л. 87–88]. Примечательна информированность М.Н. Тухачевского, обладающего сведениями не только о месте нахождения имущества, но и о его количестве, что значительно облегчало работу фронтового руководства.

Пожелания о настоящей необходимости обращения со своими требованиями во фронтовые органы стали появляться и в ответах центральных ведомств на телеграммы из армейского штаба. Например, 10 октября 1918 г. председатель мобилизационного отдела Ш.Н. Ибрагимов направил в ЦК РКП(б) следующее послание, содержание и срочность которого может показаться незначительным, учитывая адресат телеграммы: «Для вверенного мне отдела необходимо: 3 делопроизводителя, 7 писарей, желательно из коммунистов. Немедленно пришлите, т.к. работников совершенно нет». Однако в ответной телеграмме сообщалось: «Обратитесь в Арзамас (место базирования штаба Восточного фронта. – *Е.Н.*) к тов. Смирнову, распределяющему работников на фронте» [21, с. 462].

Указанная тенденция, связанная со стремлением центрального и фронтового командования наладить организационную структуру управления войсками на востоке страны, а также необходимостью нивелировать самостоятельность местного армейского начальства в решении целого ряда проблем, в значительной степени проявилась в телеграммах высшего военного руководства. Особое внимание уделялось регламентации железнодорожных перевозок. Данный вид транспорта играл настолько большую роль в деле управления и снабжения войск Красной армии на Восточном фронте, что способствовал скоплению в районе боевых действий значительного количества паровозов и вагонов. Вызванная этим нехватка подвижного состава в центре, а также загруженность железнодорожных линий на фронте, что затрудняло снабжение армии

всем необходимым, привели к тому, что решением данного вопроса стал заниматься лично Л.Д. Троцкий. 11 августа 1918 г. Народный комиссар по военным делам предписывал М.Н. Тухачевскому «лично наблюдать за тем, чтобы на головных участках армии не скоплялись паровозы тыловых депо», а также обратить внимание «на совершенную недопустимость держать под эшелонами горячие паровозы», которые должны были «по прибытии эшелона на место назначения возвращаться в свое депо» [22, л. 57 об.–58]. Похожая телеграмма с требованием «не держать резервов на колесах» была отправлена Л.Д. Троцким М.Н. Тухачевскому 13 августа 1918 г. [23, л. 4–5].

Однако выполнить данное требование из-за отсутствия помещений в прифронтовой полосе, а также нехватки всего необходимого для жизни в полевых условиях не удавалось, в результате чего в ход дела вынужден был вмешаться В.И. Ленин. 21 августа 1918 г. командующий Восточным фронтом И.И. Вацетис телеграфировал М.Н. Тухачевскому: «От Москвы, военного руководителя Бонч-Бруевича мною получена телеграмма, что председатель Совнаркома Ленин приказал донести, почему войска I армии до сих пор живут в вагонах и не переходят к полевой войне. Примените меры к выдворению войск из поездов. Пусть формируют войска, обозы. Причины нахождения войск I армии в поездах донесите» [24, с. 94]. Очередное распоряжение, на этот раз военного руководителя Высшего военного совета М.Д. Бонч-Бруевича с требованием «по приказанию Председателя СНК ... возвратить порожняк и паровозы, жить т.к. полагается войскам в боевой обстановке, «а не в вагонах», было опубликовано в приказе по 1-й армии № 46 от 23 августа 1918 г. [22, л. 72–73].

Следующая проблема, решением которой активно занималось центральное командование, была связана с железнодорожными перевозками в прифронтовой полосе. Например, из-за всеобщей разрухи в стране и неспособности советского правительства наладить регулярное движение воинских эшелонов, армейское командование вынуждено было самостоятельно направлять и контролировать данный процесс без согласования с фронтовым и центральным начальством, что закономерным образом привело к попыткам со стороны последних минимизировать вмешательство местных начальников. Так, согласно телеграмме заведующего передвижением войск 1-й армии И.А. Морозова начальнику штаба объединения от 9 августа 1918 г., народный комиссар путей сообщения

В.И. Невский запретил Викжедору (Всероссийскому исполнительному комитету железнодорожников) предоставлять экстренные поезда сотрудникам штаба без разрешения Высшего военного совета и народного комиссара по военным делам [25, л. 21–22]. Однако в конце августа – начале сентября 1918 г. М.Н. Тухачевский в телеграмме Л.Д. Троцкому выступил с протестом против данного решения, аргументируя это слабостью налаженностью управления войсками и связи, что требовало присутствия командующего на том или ином боевом участке [23, л. 166–166 об.]. Нужно отметить, что данная проблема возникла еще в конце июня 1918 г., когда начальник передвижения войск Восточного фронта Вишневецкий требовал от М.Н. Тухачевского, чтобы «экстренные поезда отправлялись только с разрешения наркома путей сообщения, Наркомвоен, Высшего военного совета и ничьего другого». При этом тогда командующий 1-й армией жаловался на неспособность выполнения указанного предписания командующему Восточным фронтом М.А. Муравьеву, а не Л.Д. Троцкому, что также свидетельствует о тенденции решения срочных вопросов путем прямых телеграмм в центр [3, л. 176–176 об.]. Не стоит забывать и о том, что сам Л.Д. Троцкий вместе со своим знаменитым поездом на протяжении всей Гражданской войны практиковал подобный способ управления Красной армией.

Аналогичным образом вышестоящее начальство пыталось регламентировать снабжение войск продовольствием на местах. Так, 16 августа 1918 г. отдел Центроколлегии Пензенского района, который занимался эвакуацией имущества из прифронтовой полосы в центр, запретил отделу снабжения штаба 1-й армии реквизицию у местных органов власти всего необходимого для ведения боевых действий «без разрешения центра» [10, л. 112]. О том, в каких условиях происходил данный процесс, свидетельствует акт заседания комиссии в составе представителей народного комиссариата по продовольствию Антонова и Высшего Совета народного хозяйства Полякова, смотрителя отделения продовольственного магазина Штаба снабжения 1-й армии Карпова, представителя от контроля снабжения Киреева и каптенармуса продовольственного магазина Столыпина от 30 августа 1918 г. об обмене двух вагонов овса, принадлежавших Центральной коллегии Пензенского района, на два вагона ржи, находившихся в распоряжении штаба 1-й армии [26, л. 17]. Данный документ ярко демонстрирует стремление решить столь малозначительную проблему административными мерами, что

в экстремальных условиях Гражданской войны было не совсем целесообразно.

Вопросы мобилизации местного населения прифронтовых губерний, решение которых из-за неорганизованной работы территориальных властей вплоть до сентября 1918 г. находилось в компетенции штаба объединения, также с подачи центра стали вновь переходить к губернским военным комиссариатам. Уже в середине сентября 1918 г. Л.Д. Троцкий лично запретил армейским агентам закупать лошадей в Симбирской губернии [27, л. 412]. 26 сентября 1918 г. в приказе по армии № 74 был опубликован приказ Революционного военного совета Республики от 6 сентября, согласно которому формирование вооруженных сил возлагалось исключительно на окружные и губернские военные комиссариаты [22, л. 120 об.]. В связи с этим начальник административного управления штаба армии И.Н. Устичев в этот же день телеграфировал начальнику мобилизационного отдела с предписанием не требовать больше из Симбирской губернии людей и лошадей и предоставить «им самим формировать части» [27, л. 463].

Таким образом, в экстремальных условиях развертывания широкомасштабной Гражданской войны в России летом–осенью 1918 г. для быстрого решения тех или иных проблем в области снабжения Красной армии всем необходимым для ведения боевых действий и управления войсками из-за неорганизованности фронтового руководства центральное и армейское командование было вынуждено наладить прямую телеграфную и личную связь между своими представителями. Это в итоге сыграло определенную роль в обеспечении вооруженных сил требуемыми ресурсами. Со временем самостоятельность армейского начальства, в которой прослеживалось нарушение субординации, была поставлена под контроль центрального и фронтового руководства с целью более грамотного распределения военного имущества между армиями, а также более централизованного и регламентированного управления войсками. Такие действия не всегда отвечали обстановке на местах, в которой высшее начальство не могло детально разбираться из-за своей удаленности от фронта боевых действий.

Список источников и литературы

1. Боевой путь первой революционной армии Восточного и Туркестанского фронтов. Июнь 1918 – Февраль 1921 гг.: сб. документов и материалов. Ашхабад: Ылым., 1972.

2. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 106. Оп. 1. Д. 2.
3. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 57.
4. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 139.
5. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 131.
6. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 40.
7. РГВА. Ф. 157. Оп. 2. Д. 9.
8. Дайнес В.О. Михаил Николаевич Тухачевский // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 38–61.
9. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 45.
10. РГВА. Ф. 157. Оп. 6. Д. 1.
11. Позднышев А.Н. Год работы отдела снабжения // Годовщина Первой революционной армии. М.: Литературно-издательский отдел Политического Управления Революционного Военного Совета Республики, 1920. С. 76–80.
12. Тухачевский М.Н. Первая армия в 1918 году // Тухачевский М.Н. Избранные произведения (1919–1927): в 2 т. Т. 1. М.: Воениздат, 1964. С. 73–93.
13. Известия Пензенского совета рабочих и крестьянских депутатов. 1918. 28 августа. № 177.
14. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 628.
15. Калнин О.Ю. Борьба на Восточном фронте // Симбирская губерния в 1918–1920 гг. Сб. воспоминаний. Ульяновск: Ульян. книжн. изд-во, 1958. С. 69–76.
16. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 130.
17. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1069.
18. Мельчин А.И. В боях за Симбирск (Страницы биографии Н.М. Шверника) // Проблемы истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР. Томск: Изд-во ТГУ, 1975. С. 165–176.
19. Самойлов Н.Г. Как мы учились воевать // Симбирская губерния в 1918–1920 гг. Сб. воспоминаний. Ульяновск: Ульян. книжн. изд-во, 1958. С. 233–241.
20. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 44.
21. Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями (август – октябрь 1918 г.). Сб. 4. М.: Политиздат, 1969.
22. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 609.
23. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 42.
24. Военно-политическая деятельность В.В. Куйбышева на Восточном фронте (1918–1919 гг.) // Исторический архив. 1958. № 4. С. 85–121.
25. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 578.

26. РГВА. Ф. 157. Оп. 6. Д. 5.
27. РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 911.

**E.O. Naumov,
Saransk**

CENTER AND PROVINCES: MUTUAL RELATIONS PECULIARITIES OF THE EASTERN FRONT 1ST ARMY COMMAND WITH CENTRAL MILITARY LEADERSHIP (SUMMER – AUTUMN 1918)

The article considers the formation process of subordinate relations between army, front and central military authorities in the beginning of a large-scale Civil war in the Middle Volga region. The author reveals the reasons for the forced establishment of direct communication between the army and central command in order to solve the problem of military property distribution. Also it is shown the results of this cooperation. In addition, the author discloses the forms and methods of the relationship between these elements of the organizational structure, as well as the reaction of the front command to them. The author concludes that already in August 1918 the central authorities began to realize a set of measures which were aimed to minimize the independence of the army commanders in the area of resource management in the front-line zone.

Keywords: the Civil war, the Middle Volga Region, the First Army of the Eastern Front, the People's Commissariat for Military Affairs, supply, subordination, centralization.

УДК 94(47):355.4

**А.П. Павленко,
г. Екатеринбург**

ДЕЦИМАЦИЯ В КРАСНОЙ АРМИИ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается использование в Красной армии в годы Гражданской войны децимации – казни каждого десятого красноармейца из состава бежавших с поля боя подразделений.

Ключевые слова: Гражданская война, децимация, Л.Д. Троцкий, Красная армия.

Гражданская война в России сопровождалась большим ожесточением действий противоборствующих сторон. Это нашло выражение не только в широкомасштабных боевых операциях, но и в политике террора (как красного, так и белого), самочинных расправах и т.п. Для борьбы за дисциплину в армиях применялись также достаточно жесткие методы. В Красной армии примером стали действия Л.Д. Троцкого в августе 1918 г. под Свияжском. В отношении полка, бежавшего с позиций, было использовано древнее наказание – децимация – казнь каждого десятого. Этот случай обрел известность, отразился на страницах исторических работ и даже вошел в массовую культуру. Но, во-первых, в описании этого события есть много неточностей, а во-вторых, подобное не было уникальным для истории Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) в годы Гражданской войны.

Казнь каждого десятого легионера по жребию впервые стала применяться в Древнем Риме как способ наказания подразделений, бежавших с поля сражения. Децимация упоминается в военно-уголовном законодательстве европейских стран, в русском праве она появляется в эпоху Петра Великого. «Уложение Шереметева» 1702 г. впервые вводит это наказание за массовое бегство с поля боя [1, с. 10]. Воинский артикул 1715 г. предусматривал казнь каждого десятого солдата по жребию в семи случаях [2, арт. 97, 101, 102, 103, 117, 119, 120]. В Морском уставе 1720 г. также было прописано использование децимации [3, кн. V, арт. 73]. Полевое Уголовное уложение 1812 г. предполагало ее в трех случаях [4, ст. 10, 37, 64]. Только в пореформенной России в 1868 г. был принят новый Воинский устав о наказаниях, допускавший исключительно индивидуальную ответственность за преступления и не имевший ни единого упоминания о децимации [5, ст. 27, 251–275].

Случай с расстрелом дезертировавших красноармейцев под Свияжском вошел в биографии Л.Д. Троцкого. В книге Г.И. Чернявского эти события описываются следующим образом: «Выдвинутый на фронт новый полк из насильственно призванных крестьян снялся с позиций во главе с командиром и комиссаром, захватил пароход и готовился к отплытию, чтобы сдаться белым... Троцкий назначил специальный трибунал, являвшийся орудием его личной карающей воли. Командир и комиссар были приговорены к расстрелу, а затем полк построили, заставили рассчитаться, и расстреляли каждого десятого. Это была злодейская акция...» [6, с. 236]. Еще более драматичные эпитеты используются в монографии Ю.Г. Фельштинского и Г.И. Чернявского [7, с. 237].

Изучение описаний этого события, оставленных непосредственными его участниками, позволяет реконструировать несколько отличную картину произошедшего. Около Свияжска после потери красными Казани развернулись упорные бои между Народной армией Комитета членов Учредительного собрания (КОМУЧ) и 5-й армией РККА. В армии КОМУЧа был разработан план наступления: одна группа войск должна была непрерывно атаковать на фронте, удерживая красных у Казани. Вторая группа под командованием В.О. Каппеля высаживается с паромов у Нижнего Услона на Волге и совершает обходной маневр в тыл к красным, имея конечной целью выйти в район Свияжска и захватить железнодорожный мост [8, с. 274]. В течение 27–28 августа отряд В.О. Каппеля предпринял запланированный обход. По данным Р.Г. Гагкуева, общая численность каппелевцев составляла около 2 тысяч человек при 10–12 орудиях (два стрелковых полка, конный эскадрон и три артиллерийские батареи) [9, с. 63], В.О. Вырыпаев приводит близкие сведения – менее 3 тысяч человек [8, с. 274].

Совершив глубокий обход, отряд В.О. Каппеля вышел к железнодорожной ст. Шихраны в тылу красных (современный г. Канаш). Небольшая охрана станции была перебита, взорван эшелон с боеприпасами. Перерезав железную дорогу, каппелевцы двинулись вдоль нее к Свияжску, уничтожив артогнем высланный им навстречу красный бронепоезд «Свободная Россия» [8, с. 275], [10, с. 183–184]. 29 августа отряд В.О. Каппеля атаковал Свияжск.

Сам Л.Д. Троцкий, находившийся в районе Свияжска в особом поезде, признавал: «Мы были изрядно застигнуты врасплох» [11, с. 386]. По сведениям С.И. Гусева, в атакованном каппелевцами тыловом районе помимо штаба 5-й армии находились около 1 тысячи красноармейцев. Основу этих сил составлял 2-й Петроградский рабочий полк (600 человек), слабо обученный и не бывавший ни разу в бою. Около 100 человек насчитывал отряд моряков Волжской военной флотилии и около 300 – тыловики и обозники [12, с. 106]. Как видно из этой информации, никто необученный полк на фронт «на убой» не посылал, эта часть находилась в тылу и именно здесь была атакована отрядом В.О. Каппеля. Основания для появления неточности в работах биографов дал сам Л.Д. Троцкий. В мемуарах он, нарушив связь событий и хронологию, описал бегство полка и рейд В.О. Каппеля к Свияжску как два разных события [11, с. 384–385].

В разгоревшемся бою 2-й Петроградский полк, «расстреляв сгоряча все патроны, сбежал с позиции» [12, с. 108]. В числе дезертиров были и командир, и комиссар полка. Красноармейцы бросились к Волге, захватили пароход и потребовали, чтобы их отправили в тыл [11, с. 385], [12, с. 108]. По воспоминаниям Л.Д. Троцкого, в предотвращении дальнейшего бегства главную роль сыграли решительные действия комиссара Волжской военной флотилии Н.Г. Маркина. На переоборудованной из парохода канонерской лодке он подошел к судну с дезертирами, и, наведя на него орудие, потребовал сдачи. Беглецы сдались без сопротивления [11, с. 385].

Тем временем бой продолжался. Сражение длилось несколько часов и закончилось отступлением каппелевцев. Почти сразу же последовало наказание 2-го Петроградского полка. Л.Д. Троцкий так описал этот случай: «Я назначил полевой трибунал, который приговорил к расстрелу командира, комиссара и известное число солдат...» [11, с. 385]. Как видно, сам Л.Д. Троцкий ни о какой казни каждого десятого не упоминает. Однако воспоминания другого непосредственного очевидца событий, С.И. Гусева, описывают именно децимацию: «Петроградский рабочий полк был ссажен... с парохода, и созданный тут же полевой трибунал приговорил к расстрелу каждого десятого. В числе расстрелянных были и коммунисты (командир и комиссар полка и др.)» [12, с. 109]. Общее количество казненных оказалось не очень велико. В комментариях к первому советскому изданию автобиографии Л.Д. Троцкого редакторы привели число расстрелянных – 21 человек [11, с. 571], Л.М. Рейснер в мемуарах назвала близкое число – 27 человек [10, с. 185]. Напомним, что С.И. Гусев определил численность полка в 600 человек. Вероятнее всего, не все красноармейцы полка бежали с позиций (600 человек на одном речном пароходе не разместятся).

Сам Л.Д. Троцкий был убежден в необходимости таких жестких мер по отношению к сбежавшему полку. Характеризуя ситуацию под Свяжском, он отмечал, что у красных войск была ярко выражена склонность к отступлению. «Было ясно, что одной агитацией не сломить настроения, да и обстановка оставляла слишком мало времени. Надо было решиться на суровые меры». Оценивая наказание полка, Л.Д. Троцкий написал предельно откровенно: «К загнившей ране было приложено каленое железо» [11, с. 380, 384, 385].

Пример действий Л.Д. Троцкого оказался «заразителен» и получил дальнейшее использование. П. Бороздин, служивший в 28-й дивизии под

командованием В.М. Азина, вспоминал о боях 247-го полка на подступах к Воткинскому заводу в июне 1919 г. «Первая наша атака была разбита, кавалерия наткнулась на артиллерию, вынуждена была отступить. Азин дал приказ расстрелять каждого десятого – это подействовало особенно и на заре все части двинулись с громовым «ура» [14, л. 56]. Из этого описания видно, что до реальных расстрелов дело не дошло – угроза казни использовалась В.М. Азиным для того, чтобы заставить красноармейцев наступать на укрепленные позиции белых. Сам Л.Д. Троцкий, возможно, повторно использовал это жестокое средство. В энциклопедии «Революция и Гражданская война в России» есть информация о том, что в октябре 1919 г., в момент выхода белых войск на ближние подступы к Петрограду Л.Д. Троцкий принял крайние меры по сдерживанию отхода красных: «Теперь по его приказу за отступление расстреливали каждого десятого красноармейца» [13, с. 316]. Однако ни номера приказа, ни дат и мест казней на данный момент не выявлено.

В августе–октябре 1919 г. на территории Западной Сибири развернулось крупное сражение, позднее получившее название Тобольско-Петропавловская операция. Красные, одержав ряд побед на Урале, преследовали быстро отступающие армии А.В. Колчака. Однако белые отвели ряд частей в тыл на отдых и переформирование и в сентябре 1919 г. перешли в контрнаступление. Удар пришелся по уставшим, измотанным длительным наступлением красным войскам. Основное сражение развернулось на юге Восточного фронта, где 3-я армия белых атаковала 5-ю армию красных. Севернее 1-я и 2-я армии белых наступали на 3-ю армию красных (врио командарма М.И. Алафузо). Подробно изученные журналы военных действий 3-й армии РККА свидетельствуют, что в создавшихся тяжелых условиях ее командование было готово использовать самые жесткие меры для предотвращения панического отступления.

В результате рейда белой кавалерии, состоявшегося 10 сентября, образовался разрыв во фронте 29-й стрелковой дивизии красных, проходившем по территории Ишимского уезда. Для того чтобы стабилизировать обстановку, красными в бой был введен последний резерв – недавно сформированная 3-я бригада 51-й стрелковой дивизии (состояла из трех полков) [15, л. 194–195]. 11 и 12 сентября бригада вела наступление на линию населенного пункта Коровинский, дер. Быстрая, с. Медведевское, заняв без боя железнодорожную ст. Усть-Ламенское [16, л. 5]. Однако

действия бригады вызвали сильную критику со стороны вышестоящего командования. Командарм М.И. Алафузо 12 сентября докладывал в штаб Восточного фронта: «Положение 29-й стрелковой дивизии значительно ухудшилось в связи с нерешительными действиями в районе Усть-Ламенское 3-й бригады 51-й стрелковой дивизии. Воздействовать на указанные бригады... взял на себя тов. Кузьмин, который уже выехал на фронт. И вслед которому послан походный трибунал. Нужно думать, что с его приездом части подтянутся» [16, л. 25].

В тот же день член Реввоенсовета 3-й армии Н.Н. Кузьмин, находящийся в расположении 29-й дивизии, и М.И. Алафузо договорились о предании суду походного трибунала комбрига и комиссара 3-й бригады 51-й дивизии [16, л. 28–30]. 15 сентября их уже сместили с должностей, арестовали и отдали под суд [16, л. 103]. Н.Н. Кузьмин 24 сентября докладывал в штаб фронта: один комбриг, два комполка, один командир батальона преданы суду, некоторые будут расстреляны [17, л. 115].

Н.Н. Кузьмин, являясь сторонником жестких мер, лично мог применять оружие против паникеров. 15 сентября он сообщал о положении в тылах 29-й дивизии: «В связи с налетом кавалерии создалась паника с обозами. Беспричинно поминутно обозы начинают мчаться и вчера (т.е. 14 сентября. – *А.П.*) пришлось с револьвером в руках останавливать и пристрелить одного для остановки» [16, л. 112]. В другой телеграмме он сообщил подробности этого инцидента. Согласно документу, со стороны с. Свистуновское появились пять конных связных. Увидев их, «все обозы помчались галопом», приняв их по ошибке за белогвардейцев. Только после того, как был застрелен один из обозников, паническое бегство остановилось [16, л. 110].

Наступление белых на части 29-й дивизии продолжалось, и, не имея резервов, командование было вынуждено использовать в бою малобоеспособную 3-ю бригаду 51-й дивизии. 17 сентября бригада в панике бежала с позиций у с. Новозаимское Ялуторовского уезда. Согласно докладу И.И. Герасимова, бегство останавливали пулеметами [16, л. 184]. В тот же день М.И. Алафузо в разговоре с Н.Н. Кузьминым высказался о необходимости расформировать эту бригаду, направив ее личный состав на пополнение 29-й дивизии. М.И. Алафузо отметил: «Желательно было бы, чтобы виновники разложения понесли бы кару раньше, чем полки бригады вольются в полки 29-й стрелковой дивизии. Нужен самый беспощадный террор» [16, л. 179]. Участие 3-й бригады в бою 18 и 19

сентября дало тот же результат. Красноармейцы отступали при первом соприкосновении с белыми войсками [16, л. 209, 220–221], [17, л. 12].

При этом стоит отметить, что кроме отдачи под суд командования бригады и остановки панического бегства огнем пулеметов в источниках не обнаружены данные о массовых репрессиях против красноармейцев разложившихся полков 3-й бригады 51-й дивизии в середине сентября 1919 г. Однако в это же время произошло событие, аналогичное тому, что было в августе 1918 г. у Свияжска.

19 сентября 1919 г. Н.Н. Кузьмин отправил телеграмму военному комиссару 29-й дивизии: «За время пребывания в [селе] Новозаймском 19 сентября 261-й полк несколько раз оставлял позиции, в то время как другие части, даже молодые, оставались на месте. И отступал назад, разбегался 261-й полк. Приказываю: комсостав полка предать суду походного трибунала, красноармейцев расстрелять через десятого, коммунистов же, как не проявивших себя стойкими, не удержавших от бегства, расстрелять через пятого» [17, л. 34].

261-й стрелковый полк – это бывший 4-й Василеостровский полк [18, л. 1], получивший новое наименование в середине 1919 г. По случайному стечению обстоятельств, полки, приговоренные к децимации в 1918 и 1919 гг., объединяет место их формирования: Петроградская губерния. При этом в сентябре 1919 г. бегство с позиций было не первым для полка. Вечером 13 сентября 261-й полк под сильным напором противника в районе дер. Лапушная, дер. Темная был разделен на две части и в панике беспорядочно бежал [16, л. 51–52, 62]. 18 сентября, за день до жестокого приказа Н.Н. Кузьмина, командование вновь отмечало низкую боеспособность полка [16, л. 222].

20 сентября Н.Н. Кузьмин в разговоре с И.И. Герасимовым сказал о том, что 261-й полк будет расформирован, личный состав разбит по другим частям [17, л. 39]. Однако в итоге это не было реализовано. На следующий день Н.Н. Кузьмин отправил донесение командарму М.И. Алафузо. В документе сообщалось: «261-й полк сегодня опять бросили в бой, не произведя расстрелов, чем я недоволен» [17, л. 58]. 22 сентября полк активно участвовал в боях. Из района с. Бигилинское он перешел в наступление на дер. Лушничиha с целью перерезать проходивший мимо нее тракт [17, л. 85].

23 сентября, уже покинув расположение 29-й стрелковой дивизии, Н.Н. Кузьмин телеграммой запрашивал ее штаб сообщить немедленно

информацию, приведено ли в исполнение его приказание о расстреле через десятого беглецов 261-го полка [17, л. 92]. Ответной телеграммы в журнале военных действий нет. В изученных документах 3-й армии так и не удалось обнаружить данных о том, состоялась ли вообще эта массовая казнь, какого числа и где она могла произойти, и сколько человек было расстреляно.

24 сентября 261-й полк отвели в бригадный резерв в район с. Николаевское на р. Тобол. Вновь он вводился в бой 28 сентября – наступал на упорно сопротивляющиеся белые войска в дер. Хорзова [17, л. 105, 141, 187]. Если децимация и состоялась, то она могла пройти, скорее всего, именно во время нахождения полка в ближнем тылу в резерве. Сам Н.Н. Кузьмин, говоря об эффекте своего распоряжения, считал: «Расстрел через десятого в 261-м полку, а также пристрелянный обозник» произвели впечатление на настроение отступающей армии [17, л. 116].

Однако создается устойчивое мнение, что на полки 3-й бригады 51-й стрелковой дивизии жестокие меры, предпринятые Н.Н. Кузьминым в отношении 261-го полка, не оказали большого эффекта. Особую критичность положению красных войск придавал тот факт, что ненадежные части оказались именно на направлении главного удара 1-й армии войск А.В. Колчака. Больших резервов или возможности для рокировки вдоль линии фронта у красных в тот момент не было. 21 сентября в районе железной дороги у с. Новозаимского 457-й полк 51-й дивизии, не оказав должного сопротивления наступающему противнику, попросту разбежался. Полк удалось собрать и вновь направить в атаку в район железнодорожной магистрали для восстановления положения. Из-за ненадежности части для прикрытия линии фронта в этот район были переброшены все наличные резервы (даже саперные команды). Напротив, 459-й полк 3-й бригады, введенный в бой в качестве резерва на участке 29-й дивизии, действовал успешно совместно с красноармейцами других частей [17, л. 49, 58, 61].

21 сентября, во время переговоров по прямому проводу между Н.Н. Кузьминым и М.И. Алафузо, первый сообщил, что «хотел бы отдать приказ о расстреле бегущих 457-го и 458-го полков, его исполнить не знаю как, так как все надежное выведено в боевую линию» [17, л. 58]. То есть еще одна децимация не состоялась только из-за того, что не нашлось пригодных для выполнения этой неблагоприятной роли подразделений. Похоже, именно по этой же причине сразу же, еще 19 сентября, не были проведены расстрелы в 261-м полку.

В этом же разговоре М.И. Алафузо поднял вопрос о взводах заградотрядов (общей численностью около 800 человек – целый полк!). Командарм высказался о них очень образно: «Если бы эти взводы прибыли бы, то мы бы давно перестреляли много народу и привели бы в христову веру доблестные войска. Но их нет, и где они – известно Богу, а он с большевиками не в ладах, а посему руки у нас чешутся, зуб неймет» [17, л. 59–60].

23 сентября полки деморализованной бригады последний раз были в бою на фронте 29-й дивизии. После того, как белые войска с севера обошли два полка 3-й бригады, они вновь разбежались. 24 сентября полки 3-й бригады вывели в ближний тыл (западнее г. Ялutorовска), где они должны были поступить в распоряжение начдива 51-й дивизии В.К. Блюхера (левый сосед 29-й дивизии) [17, л. 105, 106]. Возможность вывести из боя ненадежные части появилась вследствие того, что была произведена перегруппировка 29-й дивизии. 3-я бригада 51-й дивизии уже 25 сентября стала перебрасываться на второстепенное направление, в район с. Новоатъяловское [17, л. 122]. Как видно, до массовых расстрелов через десятого деморализованных красноармейцев небоеспособной бригады, неоднократно оставлявшей в бою позиции, руки у командования так и не дошли.

Таким образом, в источниках и литературе встречается несколько свидетельств о том, что руководство красных войск отдавало приказы о проведении децимации в 1918–1919 гг. Но в настоящее время достоверно подтвержденной можно считать только казнь красноармейцев под Свияжском. Даже в отношении 3-й армии в сентябре 1919 г., несмотря на наличие категорично приказа, не удалось найти точных сведений о приговоре в исполнение.

Использование децимации было возвратом к старому принципу сочетания коллективной и индивидуальной ответственности, существовавшей в отечественном праве XVIII–XIX вв. [1, с. 13]. Отметим, что в Советской России на законодательном уровне децимация никак не была зафиксирована. При назначении такой казни большевики руководствовались не законом, а целесообразностью.

Список источников и литературы

1. Берестенников А.Г. Сочетание коллективной и индивидуальной уголовной ответственности как принцип российского уголовного права XVIII–XIX вв. // Сибирский юридический вестник. 2017. № 2.

2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. 5. № 3006.
3. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 6. № 3485.
4. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 32. № 24975.
5. Воинский устав о наказаниях. СПб., 1868.
6. Чернявский Г.И. Лев Троцкий. М.: Молодая гвардия, 2010.
7. Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. Лев Троцкий. Кн. 2: Большевик. 1917–1924 гг. М., 2012.
8. Вырыпаев В.О. Каппелевцы // Каппель и каппелевцы. М.: Русский путь, 2010.
9. Гагкуев Р.Г. Генерал Каппель // Каппель и каппелевцы. М.: Русский путь, 2010.
10. Рейснер Л. Свяжск (август–сентябрь 1918 г.) // Пролетарская революция. 1923. № 6–7 (18–19).
11. Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М.: Панорама, 1991.
12. Гусев С.И. Свяжские дни (1918 г.) // Пролетарская революция. 1924. № 2 (25).
13. Революция и Гражданская война в России 1917–1923. Энциклопедия. М.: Терра, 2008. Т. 3.
14. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 41. Оп. 2. Д. 184.
15. ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 407.
16. ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 408.
17. ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 409.
18. ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 413.

**A.P. Pavlenko,
Yekaterinburg**

DECIMATION IN THE RED ARMY ON THE EASTERN FRONT DURING THE CIVIL WAR

The article deals with the use of decimation in the Red Army during the Civil war – the execution of every tenth Red Army soldier from the units that have fled from the battlefield.

Keywords: Civil war, decimation, L.D. Trotsky, Red Army.

ОПЫТ СОЗДАНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ¹

В статье рассматривается процесс создания чрезвычайных органов власти в Вятской губернии в 1918–1919 гг., определяется круг их целей и задач. Проанализирована деятельность каждого органа и степень его эффективности. Самыми главными задачами чрезвычайных органов являлись борьба с превышением полномочий советских работников и пресечение контрреволюции. Был сделан вывод, что ключевой проблемой в губернии являлся «кадровый голод» (отсутствие партийных работников на местах), который приводил к массовым должностным правонарушениям, стимулировал недовольство населения властью.

Ключевые слова: Вятская губерния, Гражданская война, революционный трибунал, чрезвычайная комиссия на чехословацком фронте, губернский военно-революционный комитет, становление советской власти.

Приход к власти большевиков произошел в достаточно тяжелых условиях. Неоконченная война с Германией, продовольственный кризис, недовольство рабочих и крестьян своим положением – лишь малая доля того, что унаследовала советская власть от бывшего правительства. Уже в конце 1917 г. дали о себе знать и другие проблемы: саботаж чиновников и контрреволюционные процессы, особенно на местах. Еще более усугубилось положение советской власти с началом Гражданской войны. К концу 1918 г. под контролем большевиков оставалась лишь европейская часть территории страны, А.В. Колчак стремился к Вятке, с севера отряды интервентов продвигались к Котласу, на юге действовали А.И. Деникин и П.Н. Краснов. Кроме того, после жестокой продрозверстки лета 1918 г. от большевиков отвернулась часть крестьянства. Массовое дезертирство, начавшееся еще в годы Первой мировой войны, перенаселенность городов европейской части России вследствие эвакуации, голод принесли в города и деревни сыпной тиф, испанку, холеру. Часть поставленных

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-81-01003-ОГН\18 «Вятская губерния в годы Гражданской войны: чрезвычайные органы власти».

на место старых чиновников партийных работников была нередко замечена в превышениях власти, взяточничестве, элементарном пьянстве. Для молодого правительства начало 1919 г. было катастрофичное.

Однако за 1919 г. были разбиты и А.В. Колчак, и А.И. Деникин, советская власть восстанавливалась на Урале и Сибири. Как это удалось большевикам в таких условиях? Очевидно, что была создана целая система органов, способных быстро решать поставленные задачи: революционные комитеты, революционные трибуналы, чрезвычайные комиссии по борьбе с саботажем и контрреволюцией.

Нами были выделены одни из ключевых чрезвычайных органов Вятской губернии на протяжении 1918 – первой половины 1919 гг.: Вятское отделение чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией на чехословацком фронте, Вятский губернский революционный комитет, Вятский губернский революционный трибунал. Вместе с тем, нельзя не оценить роли Вятской ГубЧК как органа чрезвычайной власти в регионе, однако, данные о ее деятельности до сих пор засекречены.

В чем же проявлялась чрезвычайность вышеуказанных органов? Каковы были цели их создания, чем они реально занимались и насколько эффективно?

Ликвидировав старую судебную систему в ноябре 1917 г., большевики создали народные суды и революционные трибуналы. Коренным отличием последних являлось то, что они действовали согласно так называемому «революционному правосознанию», т.е. при определении виновности и меры наказания руководствовались не конкретными правовыми нормами, а социальным происхождением человека. Соответственно, этот пункт и может служить для отнесения ревтрибуналов к органам чрезвычайной (специальной) юстиции. В Вятке таковой был образован 13 января 1918 г. Целью их создания являлась борьба с контрреволюцией и должностными правонарушениями. Однако в первые полгода своей работы Вятский губернский ревтрибунал решал дела общеуголовного характера, не относящиеся к своей подсудности, что было обусловлено слабостью системы народных судов, отсутствием серьезных контрреволюционных выступлений в регионе. Хотя революционные трибуналы с момента их появления в ноябре 1917 г. и до середины июня 1918 г. и являлись специальными судебными органами, но первоначально не были наделены чрезвычайными полномочиями (правом на расстрел). Соответствующая перемена произошла лишь в свя-

зи с обострением обстановки в стране, началом иностранной военной интервенции и Гражданской войны. Вятский губернский революционный трибунал в 1918 г., даже несмотря на введение политики красного террора и имеющиеся у него полномочия использовать в отношении правонарушителей высшую меру наказания, практиковал вынесение достаточно «мягких» приговоров. Единственным случаем применения высшей меры наказания в трибунале в 1918 г. было дело о бывшем начальнике уголовного отделения местной милиции В.Н. Ларионове, который обвинялся в злоупотреблениях по службе. Проработав в этой должности всего две недели, он успел за это время совершить целый «букет» преступных действий: избивание арестованных, конфискация у них вещей, денег в целях личной наживы, грубое нарушение правил ведения отчетности и др. 27 июля 1918 г. трибунал вынес приговор – расстрел [1, л. 59].

Говоря о критериях чрезвычайного суда, несомненно, необходимо обратить внимание на ведение следственного и судебного производства. Проводя анализ дел революционного трибунала за 1918 г., можно отметить, что само дело состояло из допросов подозреваемого и свидетелей, которые протоколировались в формате «вопрос–ответ». Составлялся анкетный лист, по окончании следствия оформлялся обвинительный акт с подробным описанием состава правонарушения; сроки рассмотрения – минимум полгода. Дело заканчивалось протоколом судебного заседания, где заслушивались показания свидетелей, обвиняемого и его правозащитника, стороны обвинения, выносился приговор.

Объяснить относительно «мягкую» политику ревтрибунала в 1918 г. можно деятельностью в регионе в период красного террора одной из самых суровых ЧК – Чрезвычайной комиссии при СНК на чехословацком фронте. Отделение данной ЧК функционировало в губернии с середины августа до начала декабря 1918 г. и «оставило свой след» в Орловском, Котельническом, Советском, Уржумском, Нолинском, Малмыжском уездах. Целью работы комиссии являлась борьба с контрреволюцией и преступлениями по должности, в применении наказаний она ничем не была ограничена. Единственными делопроизводственными источниками для изучения деятельности данной структуры служат следственные дела обвиняемых, нет ни протоколов заседаний комиссии (если таковые были), ни отчетной документации, ни сведений о кадровых назначениях.

Судебно-следственное дело ЧК на чехословацком фронте состояло из ордера на обыск, протоколов обыска и допроса обвиняемого и постановления о мере наказания. При отсутствии свидетельских показаний оно рассматривалось по ускоренной процедуре в течение двух–трех дней. Проанализировав дела, можно сделать вывод, что всем арестованным предъявили обвинения в контрреволюции. Однако сам термин «контрреволюция» в 1918 г. был крайне пространным. Председатель ЧК на чехословацком фронте М.Я. Лацис неоднократно говорил, что основанием для задержания является уже само происхождение человека, принадлежность не к тому классу [2, с. 275]. Соответственно, осенью 1918 г. контрреволюцией могло именоваться многое, привлечь человека к ответственности не составляло особого труда – это также показатель революционного правосудия. Данный тезис подтверждается и материалами дел Вятского отделения ЧК при СНК. Просмотрев все ее дела, которые рассекречены и находятся в ограниченном доступе в Государственном архиве социально-политической истории Кировской области (более 150 дел), можно составить некую классификацию. Под контрреволюцией понимались: переход на сторону белогвардейцев, принадлежность к другой партии, агитация против советской власти (в письменной или устной форме), помощь «белым» (не военная), шпионаж, нахождение в городе в период пребывания белогвардейцев и общение с ними, оскорбление советской власти, подрыв авторитета власти, проезд на сторону врага. Контрреволюционерами являлись бывшие полицейские, дворяне, офицеры, представители кулачества, буржуазии, священнослужители. Помочь в выяснении контрреволюционности гражданина должен был специальный опросный лист, составленный комиссаром Вятского отделения ЧК при СНК Стивенсом. Он содержал следующие пункты: политические убеждения гражданина в прошлом и настоящем; отношение к советской власти и взгляды на проводимые декреты; знает ли обвиняемый врагов советской власти и считает ли меры принятые против них правильным; как смотрит на выступление левых эсеров, чехословаков и белой гвардии; стремится ли, чтобы существовала и укреплялась советская власть, и если да, то чем проявляет свое стремление; если бы пришлось, стал ли обвиняемый защищать ее [3, л. 6–6 об.]. Многие следователи с целью узнать политические взгляды обвиняемых задавали вопросы об отношении к революции 1905 г., Февральской революции, Учредительному собранию, Брестскому миру, политике красного террора. Таким образом, они

сами определяли, является ли подследственный контрреволюционером, что, конечно, было довольно субъективно, учитывая тот факт, что многие из комиссаров ЧК, возраст которых не превышал 25 лет, стали членами РКП(б) непосредственно осенью 1918 г. в самой Вятской губернии. Никто из привлеченных к следствию не был оправдан, более того, все дела Вятского отделения ЧК на чехословацком фронте заканчивались расстрельным приговором.

Чрезвычайность этой комиссии определяется, по нашему мнению, еще и независимостью ее от всех структур региона. От М.Я. Лациса четко исходили инструкции, что именно ему должны подчиняться отделения комиссии и никому более. Это обстоятельство отчасти спровоцировало серьезный конфликт в октябре 1918 г. в Уржуме между уездной партийной верхушкой и чекистами. Поводом для него послужила реквизиция последними ценностей бежавшей буржуазии. Итогом взаимной вражды стал арест комиссарами ЧК при СНК двух уржумских коммунистов. В свою очередь, местные партийцы собрали заседание, на котором поставили вопрос о законности действий председателя Вятского отделения ЧК Путте, предъявили ему обвинение в пьянстве, взяточничестве и в том, что его деятельность подготавливает «самую благоприятную почву для белогвардейских мятежей. Население сел и деревень после подобных дебютов недоумевает, почему так поступает советская власть, власть ими же поставленная» [4, л. 36]. Председатель комиссии и его ближайшие сотрудники были арестованы 17 ноября 1918 г., отправлены в тюрьму, а ЧК на чехословацком фронте продолжила свою работу.

Деятельность комиссии была свернута в начале декабря 1918 г., что связано с ликвидацией ЧК на чехословацком фронте в масштабах всей страны. Вопрос о том, какую роль она сыграла в деле укрепления власти большевиков на местах, невозможно оценить однозначно. С одной стороны, действительно были ликвидированы активные слои населения, имевшие свою позицию, критически относившиеся к мероприятиям коммунистов, что могло снизить процент выступлений против советов. С другой стороны, сдача Перми в конце декабря 1918 г., наступление белогвардейцев на Вятку подняло волну контрреволюционных настроений, породило массу слухов и разговоров. На этом фоне красный террор большевиков, проводимый Вятским отделением ЧК на чехословацком фронте осенью 1918 г., мог быть дополнительным фактором поддержки белого движения, перехода части крестьянского населения на сторону

А.В. Колчака. Произвол комиссаров подорвал к ним доверие, а вместе с этим и ко всей советской власти. Вкупе с продрозверсткой, превышениями власти, пьянством советских работников это приводило к нарастанию недовольства местного населения в ходе Гражданской войны. Уже 5 января 1919 г. в Вятке оказалась комиссия во главе со И.В. Сталиным и Ф.Э. Дзержинским, которая крайне критично оценила ситуацию в губернии.

19 января 1919 г. по инициативе вышеуказанной партийно-следственной комиссии был образован чрезвычайный орган управления – губернский военно-революционный комитет. Он обладал всей полнотой гражданской и военной власти; по примеру губернского центра такие же органы были созданы в уездах. В состав ВРК вошли комиссар Уральского окружного комиссариата С.А. Анучин, представители Вятского губкома партии, губисполкома и губЧК С.А. Новоселов, П.П. Капустин и П.И. Малков. Возглавил комитет председатель Уральского областного совета и член областного комитета большевиков А.Г. Белобородов [5, с. 508].

Самым важным направлением своей деятельности губернский ВРК считал наведение элементарного порядка в советских учреждениях. В его приказе № 1 было отмечено, что для ответственных работников, уличенных в пьянстве, предусматривалось наказание вплоть до расстрела. Лицам, «неспособным понимать классовые задачи советской власти и сеющим своими поступками недовольство среди беднейших слоев населения», грозило отстранение от должности [6, с. 2287].

Губернский ревком, работая в этом направлении, проводил ревизию уездных и волостных исполкомов. К примеру, в январе 1919 г. представители ВРК обследовали Орловский уезд: Спасский исполком находился «в совершенном бездействии», в Рыбинской волости «все предписания и распоряжения вышестоящих органов своевременно не исполняются и находятся в полнейшем беспорядке», в Желтопесковском исполкоме работа «не продуктивна, среди его членов идет глухая борьба, что вносит в дело разруху... Члены исполкома отказываются исполнять свои прямые обязанности и не исполняют свои постановления...» [5, с. 513]. Наводя порядок в местных исполкомах, ревком выполнял также и судебные функции: в марте 1919 г. было принято решение о расстреле работников исполкома с. Екатерининского Оханского уезда Пермской губернии, уличенных в «запугивании граждан», «беспорядочных конфискациях имущества» [6, с. 2288]. Число дел о должностных право-

нарушениях росло и в Вятском губернском ревтрибунале: за 1919 г. им было рассмотрено около 200 дел по данной статье. Впрочем, лица, признанные виновными в превышении властных полномочий, подвергались в скорейшем времени амнистированию, что связано с «кадровым голодом» в губернии. Действия привлеченных трибуналом к ответственности советских работников характеризовались низким уровнем их личной и правовой культуры. Кроме того, в подавляющем большинстве случаев совершение должностных преступлений сопровождалось употреблением спиртных напитков, что в свою очередь влекло за собой соответствующего рода проступки (хулиганство, половая разнузданность и пр.).

В условиях приближения линии фронта к Вятке другим, не менее важным направлением работы ревкома стала борьба с контрреволюцией, а именно поиск белогвардейских агентов, недовольных властью граждан, лиц, распускающих провокационные слухи. Губернский ВРК приказом от 3 февраля 1919 г. предписал всем органам губернии составлять и присылать информационные сводки о положении на местах. Также председатель ревкома 4 апреля 1919 г. подписал секретный приказ, адресованный коммунальным агентам: им «предписывалось установить строжайшее наблюдение за находившимися в их ведении кварталами», следить, чтобы «не проходили неразрешенные собрания, чтобы из складочных и жилых помещений не вывозились и не ввозились имущество, продукты, материалы и товары без соответствующих документов», вести «строжайшее наблюдение за поведением живущих в домах обывателей», и сообщать обо всех подозрительных случаях в Вятскую ГубЧК. В приказе же предусмотрено наказание за доносительство – расстрел [5, с. 511].

Усиление эффективности деятельности чрезвычайных органов позволило раскрыть существование в Вятке в апреле 1919 г. преступной контрреволюционной организации, имевшей непосредственную связь с Пермью, которая ставила своей целью шпионаж и «взрыв красного фронта изнутри, чтобы облегчить наступление колчаковцев» [7, л. 96]. В этом направлении была также активизирована работа ревтрибунала Вятки: число дел по борьбе с контрреволюцией в сравнении с 1918 г. выросло в четыре раза.

После изгнания войск А.В. Колчака с территории региона губернский ВРК своим приказом от 20 июня 1919 г. объявил о роспуске всех уездных и волостных ревкомов губернии, а 24 июня принял решение о ликвидации органа [8, л. 148].

Вышеупомянутые чрезвычайные органы власти в Вятской губернии были созданы в разное время по инициативе различных структур, однако, имели общие задачи – подавление любых проявлений контрреволюции и борьбу с должностными правонарушениями; в них входили исключительно члены РКП(б), структуры наделялись правом применения высшей меры наказания. Было выявлено, что за любые проявления контрреволюции в 1919 г. (от разговоров до перехода на сторону врага) жители губернии привлекались к суду ревтрибунала, основным наказанием которого было лишение свободы на срок до трех лет с выполнением общественно-принудительных работ, зачастую условно. Об эффективности мероприятий в этом направлении говорит неуклонное снижение количества контрреволюционных дел, представленных в трибунале в 1920–1922 гг.

Несмотря на усиленную работу ревкома, ГубЧК совместно с ревтрибуналом по уменьшению числа должностных преступлений в Вятке, этот показатель по материалам трибунала за 1920–1922 гг. постоянно рос, что может быть объяснимо целым рядом факторов: недостаточным культурным развитием, отсутствием идейных партийных работников на местах, низким уровнем жизни населения, которое стремилось обогатиться «здесь и сейчас», слабой репрессивной политикой в отношении правонарушителей, причиной которой был «кадровый голод».

Список источников и литературы

1. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 279.
2. ВЧК уполномочена сообщить. 1918 г. / отв. ред. В. К. Виноградов. М.: Кучково поле, 2004.
3. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИКО). Ф. Р-6799. Оп. 9. Д. СУ-11632.
4. ГАСПИКО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 3.
5. Тимкин Ю.Н. Деятельность комиссии ЦК РКП(б) И.В. Сталина и Ф.Э. Дзержинского в сфере государственного управления Вятской губернии в первой половине 1919 г. // *Advanced science*. 2017. № 3.
6. Макарова А.С. Деятельность Вятского губернского военно-революционного комитета // *Общество, наука, инновации: сб. материалов Всерос. ежегод. науч.-практ. конф.* Киров, 2015.
7. ГАКО. Ф. Р-878. Оп. 1. Д. 18.
8. ГАКО. Ф. Р-3454. Оп. 1. Д. 13.

A.S. Pozdnyakova,
Kirov

THE EMERGENCY AUTHORITIES CREATING EXPERIENCE IN THE VYATKA PROVINCE AT THE INITIAL STAGE OF CIVIL WAR

The article deals with the process of creating emergency authorities in the Vyatka province in 1918–1919, it also defines the range of their goals and objectives. The paper analyzes the activity of each body and the degree of its effectiveness. The main objectives of the emergency authorities were the fight against power abuse of the Soviet workers and the counterrevolution suppression. It was concluded that the key problem in the province was the “personnel shortage” (the absence of party workers in the field), which led to mass misconduct, stimulated public discontent with the government.

Keywords: the Vyatka province, Civil war, revolutionary Tribunal, extraordinary Commission on the Czechoslovak front, provincial military revolutionary Committee, formation of Soviet power.

УДК 329.1(571.56)(091)

Н.Н. Радченко,
г. Якутск

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СИБИРИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В 1918 Г.

В статье рассмотрено влияние событий Гражданской войны в Сибири на политическую ситуацию в Якутской области. В указанный период в регионе действовали местные организации социал-демократов (большевиков и меньшевиков), эсеров, кадетов и Якутский трудовой союз федералистов. На основе опубликованных и неопубликованных материалов, имеющейся литературы отмечается, что в 1918 г. под влиянием событий в центре страны и в Сибири происходила трансформация органов власти. Был создан Областной совет, не признавший советской власти, в который входили эсеры и федералисты, реорганизован Совет рабочих депутатов с участием большевиков, меньшевиков и левых эсеров. Только с помощью прибывшего летом 1918 г. в Якутскую область отряда Центросибири под командованием А.С. Рыздинского в регионе была установлена советская власть.

Ключевые слова: Гражданская война, политические партии, советы, эсеры, социал-демократы, большевики, меньшевики, национальная интеллигенция, федералисты.

Гражданская война в России, начавшаяся 100 лет тому назад, сыграла огромную роль в истории нашей страны. Вся ее территория оказалась вовлечена в братоубийственное, жестокое противостояние различных политических и военных сил. Партии, доминировавшие в период Революции 1917 г., в годы Гражданской войны постепенно утратили свое влияние на ход событий. На первый план в это время выдвинулись военные лидеры.

После Февраля 1917 г. в Якутской области действовали организации социал-демократов и эсеров, появился отдел партии кадетов, была создана политическая партия национальной интеллигенции – Якутский трудовой союз федералистов. Политические организации принимали участие в деятельности органов власти, выборах различного уровня, издавали собственные газеты, привлекали новых членов. В 1917 г. большевики, меньшевики и эсеры участвовали в революционных преобразованиях и создании новых органов власти. После отъезда большинства политссыльных на смену сотрудничеству социал-демократов и эсеров пришел блок эсеров и федералистов. Позиции большевиков и меньшевиков в Якутской области были крайне слабы. Об этом свидетельствуют, например, итоги выборов в Учредительное собрание в регионе, на которых меньшевик М.Т. Попов получил, по имеющимся данным, 4,17 % голосов [1, с. 101]. Советы в Якутии в 1917 г. практически не имели политического влияния.

После октябрьских событий 1917 г. в Петрограде Якутский комитет общественной безопасности (ЯКОБ) и областной комиссар не признали новую власть, местные советы без поддержки извне не могли существовать. В январе 1918 г. из центра начали поступать распоряжения в адрес Якутского Совета рабочих депутатов, но он оказался не в состоянии их выполнить из-за противодействия областного комиссара. 27 января 1918 г. в Якутск была направлена телеграмма о смещении эсера В.Н. Соловьева с поста областного комиссара и назначении вместе него большевика К.Е. Андреевича. Поэтому было решено организовать систему управления в области, не опираясь на партии, как в 1917 г.

На заседании губернского земского собрания 3 февраля 1918 г. эсер В.В. Попов заявил: «Образуя коллективную власть, область должна в силу утери прежней идейной и финансовой связи порвать с центром. Для получения же предметов первой необходимости должна обратиться к содействию Амурской и Приморской областей» [2, л. 19].

9 февраля 1918 г. на объединенном заседании общественных и политических организаций был создан Якутский областной Совет. В исполнительный комитет избрали эсеров В.В. Попова (председатель), П.А. Бондалетова, федералиста И.Г. Корнилова. Якутский областной Совет был объявлен высшим революционным органом, которому принадлежит вся полнота власти в области и должны подчиняться все правительственные и общественные учреждения и должностные лица.

Весной 1918 г. произошла и реорганизация Совета рабочих депутатов. 21 марта состоялись выборы в его состав. В них участвовало 11 профсоюзов. 23 марта 1918 г. был избран исполнительный комитет Совета в составе председателя Н.С. Ершова, заместителей Н.Е. Олейникова, левого эсера Л.Н. Аммосова и Н.Г. Бубякина [3, с. 122]. Совет рабочих депутатов провозгласил себя единственным представителем власти в области. 16(29) марта 1918 г. Якутский областной Совет постановил подвергнуть личному задержанию всех членов исполнительного комитета Совета рабочих депутатов и других наиболее активных «авантюристов». В результате были арестованы 27 членов Совета [3, с. 122].

Советская власть в Якутии впервые установилась только летом 1918 г. с помощью Центросибири. Из-за удаленности от центра политические трансформации происходили в регионе с некоторым запозданием. Численность рабочих была невысокой. Совет рабочих депутатов не имел серьезной социальной опоры. В области преобладали крестьянство, средние слои, национальная интеллигенция. После разгона Учредительного собрания надежды местной демократии стали связываться с автономией Сибири, а после установления советской власти и там якутское правительство было вынуждено заявить о своей автономности. До начала Гражданской войны, после утверждения советской власти в Сибири при отсутствии серьезной военной силы независимость Якутии от центра могла существовать только до окончания зимы, когда с открытием навигации стала возможной отправка Красной армии в Якутск для установления советской власти вооруженным путем.

Центросибирь в Иркутске сформировала комиссию по организации советской власти в Якутской области. Она была создана по инициативе П.А. Слепцова (Ойунского), который, узнав в Томске о якутских событиях, просил Томский губернский исполком Советов откомандировать его в распоряжение Центросибири. Также сформировался красноармейский отряд в Иркутске, командиром которого назначили А.С. Рыздинского. 24 июня 1918 г. в Маче Иркутский и Бодайбинский отряды объединились под командованием А.С. Рыздинского. Численность отряда, по воспоминаниям его участника Д.Т. Браташа, достигла 280 человек [4, с. 150]. 29 июня без боя был занят Покровск. Продвижение к Якутску продолжалось. 30 июня отряд также без боя занял Табагу. 1 июля 1918 г. Якутск был занят красноармейцами при поддержке сторонников советской власти в самом городе.

Таким образом, советская власть в Якутске установилась вооруженным путем, насильственно привнесена из Сибири, т.к. сторонников новой власти в области было немного, и они не смогли бы самостоятельно осуществить переход власти к советам, а массовой опоры в Якутии советы не имели. Этот процесс был длительным и кровопролитным. События июля 1918 г., по сути, были военным натиском Красной армии, тем более, что одними из основных мероприятий советской власти стали наложение контрибуции, реквизиция пушнины, учет денежных средств в частных магазинах. Такая политика не могла способствовать популярности советской власти. С обострением Гражданской войны в Сибири г. Якутск был оставлен красноармейцами и восстановлена власть областного Совета.

Список источников и литературы

1. Федоров В.И. Якутия в эпоху войн и революций (1917–1919). Кн. 2. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2010.
2. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 24-и. Оп. 6. Д. 3.
3. Макаров Г.Г. Установление Советской власти. Ч. 2. Якутск: Книжное издательство, 1980.
4. Браташ Д.Т. Поход на Якутск в мае–июне 1918 года // За советскую власть в Якутии. Якутск, 1957.

**N.N. Radchenko,
Yakutsk**

CIVIL WAR IN SIBERIA AND THE POLITICAL ORGANIZATIONS OF THE YAKUT REGION IN 1918

The scientific article discusses the impact of the Civil war events in Siberia on the political situation in the Yakutsk region. In this period local organizations of Social Democrats (Bolsheviks and Mensheviks), Socialist-Revolutionaries, Cadets and the Yakutsk Labor Union of Federalists operated in the region. On the basis of published and unpublished materials and available literature it is noted that in 1918, under the influence of events in the center of the country and in Siberia, it took place the transformation of government bodies.

The Regional Council was created, which did not recognize the Soviet government. This authority included the Socialist Revolutionaries and Federalists. The Council of Workers' Deputies was reorganized with the participation of the Bolsheviks, the Mensheviks and the Left SRs. Soviet power was established in the region only with the participation of the Tsentrosibir' detachment which arrived in the Yakutsk region in the summer of 1918 under the command of A.S. Rydzinsky.

Keywords: Civil war, political parties, Soviets, Socialist-Revolutionaries, Social Democrats, Bolsheviks, Mensheviks, national intelligentsia, federalists.

УДК 355.652

**С.К. Саркисов,
г. Ижевск**

О НОРМАХ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СНАБЖЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (ЛЕТО 1918 Г. – ЛЕТО 1921 Г.)

В статье проводится анализ пищевой и энергетической ценности норм продовольственного снабжения Красной армии в годы Гражданской войны и их сопоставление с витальными потребностями человека. Прослеживается динамика изменений продовольственных норм с момента их введения в июле 1918 г. до начала голода в Поволжье 1921–1922 гг. Исследование строится на архивных источниках с привлечением научной и справочной

литературы. Автор приходит к выводу о недостаточном питании красноармейцев, особенно из числа не относившихся к действующей армии.

Ключевые слова: Красная армия, РККА, Гражданская война, продовольственное снабжение, нормы, красноармейский паек.

Влияние продовольственного снабжения войск на их боевой дух и способность к ведению боевых действий сложно переоценить. «Армия марширует, пока желудок полон» – так гласит афоризм, приписываемый по одним источникам Фридриху II Прусскому, а по другим – Наполеону I. Прекрасно понимали это и большевики, первоначально оспаривавшие некоторые из фундаментальных принципов военного дела. Еще в марте 1918 г., когда Красная армия только начинала формироваться, В.И. Ленин писал: «Самая лучшая армия, самые преданные делу революции люди будут немедленно истреблены противником, если они не будут в достаточной степени вооружены, снабжены продовольствием, обучены» [1, с. 408]. Анализу норм продовольственного снабжения Красной армии, прослеживанию динамики их изменения в ходе Гражданской войны и сопоставлению данных норм с витальными потребностями человека и посвящена настоящая статья. Хронологические рамки охватывают период с момента введения единых продовольственных норм в РККА летом 1918 г. по лето 1921 г., когда стал разгораться голод в Поволжье. Его определяющее влияние на питание красноармейцев является темой отдельной статьи.

Зимой–весной 1918 г. единые нормы продовольственного снабжения личного состава Красной армии отсутствовали. Это во многом было детерминировано фактической иррегулярностью РККА в первые месяцы ее существования. На тот момент она представляла собой немногочисленные, территориально обособленные отряды без четкой организационно-штатной структуры и полноценных тыловых органов. Активизация в мае–июне 1918 г. вооруженных антисоветских сил (мятеж Чехословацкого корпуса, усиление Добровольческой армии) быстро выявила слабость организации и недостаточность сил РККА, насчитывавшей к концу апреля 1918 г. около 200 тысяч человек [2, с. 297].

10 июля 1918 г. V Всероссийский съезд Советов вынес постановление «О строительстве Красной Армии», в котором указывалась неотложная необходимость преобразования РККА в массовую, централизованную регулярную армию, способную к автономным действиям [3, с. 213].

Одной из первых мер в этом направлении явилось введение нормированного продовольственного снабжения личного состава Красной армии. Его основу составил приказ народного комиссара по военным делам от 29 июля 1918 г. № 615. Им был определен суточный объем продуктов, выделяемых для приготовления пищи на одного красноармейца – красноармейский паек («краспаек»). Паек дифференцировался в зависимости от места несения службы. Фронтовой паек («фронтпак») был более высоким и предназначался для действующей армии, а меньший по объему тыловой («тылпак») выдавался личному составу запасных частей, тыловых гарнизонов, военкоматов и других военных учреждений. При этом размер красноармейского пайка не зависел от занимаемой должности. Не предусматривалось и дополнительного пайка для командно-начальствующего состава, как это было позднее, в годы Великой Отечественной войны. Иными словами, в период Гражданской войны продовольственные нормы для рядового красноармейца и командира полка были равными. Однако семьям командного состава РККА выдавалось на руки продовольствие в размере половины фронтowego пайка на члена семьи, но не более чем для четырех человек [4, л. 782].

Обратимся к рассмотрению видового состава и объема продуктов красноармейского пайка и детальному анализу соответствия их пищевой и энергетической ценности витальным потребностям красноармейцев.

Таблица 1

**Нормы фронтowego и тылового красноармейских пайков
(на основании приказа Народного комиссара по военным делам
от 29.07.1918 № 615) [4, л. 724], [5]**

Вид продуктов	Фронтовой паек		Тыловой паек	
	количество в фунтах и золотниках (в скобках – в граммах)	калорий- ность (ккал)*	количество в фунтах и золотниках (в скобках – в граммах)	калорий- ность (ккал)
Хлеб ржаной	1,5 ф. (614 г)	1166,6	1 ф. (409,5 г)	778
Крупа разная	24 зол. (102,5 г)	318,8	18 зол. (77 г)	239,5
Мука подболточная	4 зол. (17 г)	55,9	4 зол. (17 г)	55,9

Мясо	48 зол. (205 г)	221,4	24 зол.(102,5 г)	110,7
Жиры животные	8 зол. (34 г)	297,5	5 зол. (21,3 г)	186,3
Овощи свежие	60 зол. (256 г)	161,3	60 зол. (256 г)	161,3
Сахар	8 зол. (34 г)	132,2	6 зол. (26 г)	101,4
Чай	3/4 зол. (3,2 г)	0	1/2 зол. (2,1 г)	0
Соль	8 зол. (34 г)	0	7 зол. (30 г)	0
Перец черный	1/6 зол. (0,7 г)	1,7	1/6 зол. (0,7 г)	1,7
Общая калорийность		2355,4		1634,8

* Примечание: здесь и далее пищевая и энергетическая ценность продуктов подсчитана автором [6, с. 117–121]. В основу расчета приняты следующие продукты: мука – ржаная, крупа – перловая/ячневая, мясо – говядина средней жирности, жиры животные – сало свиное топленое, овощи свежие – картофель.

Как следует из приведенных в таблице данных, фронтовой и тыловой красноармейские пайки были одинаковы по видам продуктов, но существенно различались их объемом. Фронтовой паек оказывался больше тылового по количеству выдававшегося хлеба, мяса, жиров, круп, сахара и чая, причем по мясу – в два раза (48 и 24 золотников соответственно), а по хлебу – основному виду продовольствия в красноармейском пайке – в полтора (1,5 и 1 фунт). Необходимо упомянуть, что помимо продовольствия в состав пайка входило мыло, выдававшееся обоим категориям красноармейцев в размере 0,5 фунта (205 г) в месяц для мытья и стирки вещей.

Суммарная энергетическая ценность фронтowego пайка равнялась примерно 2355 ккал, тылового – 1635 ккал. К сожалению, автору не удалось обнаружить расчеты суточной потребности в калориях, существовавшие в годы Гражданской войны, вероятно, они близки к более поздним. Советские нормы периода Великой Отечественной войны предусматривали примерно 3 тысячи ккал в сутки для людей, занятых умеренным физическим трудом и более 4 тысяч ккал для занятых тяжелой физической работой [6, с. 7]. В 1950-е гг. суточная потребность исчислялась на уровне 3500 и 4500 ккал соответственно [7, с. 7]. Согласно современным официальным рекомендациям РАМН суточный объем потребления категории «мужчины в возрасте от 18 до 40 лет» составляет 2300–2450 ккал для занятых умственным трудом; 3150–3300 ккал для

занятым умеренным физическим трудом и около 4000 ккал для занятых тяжелым физическим трудом и спортсменов [8, с. 27]. Нелегкий солдатский труд, включавший в себя регулярные многокилометровые пешие марши и периодическое окапывание, целесообразно отнести к категории умеренного физического труда как минимум. Таким образом, фронтовой паек удовлетворял энергетические потребности красноармейцев примерно на 3/4, а тыловой – немногим более половины суточной нормы.

Наряду с энергетической важнейшее значение для поддержания сил организма имеет и пищевая ценность продуктов. Содержание белков, жиров и углеводов в обеих разновидностях красноармейского пайка вместе с рекомендованным объемом их потребления указаны в таблице 2.

Таблица 2

Фактическая пищевая ценность фронтового и тылового красноармейских пайков (на основании приказа Народного комиссара по военным делам от 29.07.1918 № 615) в сравнении с рекомендованными нормами потребления [6, с. 5], [8, с. 27]

Фактический и рекомендованный объем потребления (в граммах)	Белки	Жиры	Углеводы	Примечания
Фронтовой паек	77,4	45,7	390,7	
Тыловой паек	48,1	27,9	285,2	
Рекомендованная норма потребления 1940-х гг.	90	48	480	расчет для мужчин весом в 60 кг
Рекомендованная норма потребления 2009 г.	94	110	484	расчет для мужчин от 18 до 30 лет, занятых умеренным физическим трудом

Из приведенных сведений видно, что пищевая ценность фронтового пайка по белкам и углевода была примерно на 15–20 % меньше, чем требуют нормы 1940-х и 2009 гг. По количеству жиров он почти соответствовал нормам 1940-х гг., но при этом содержал менее половины от современного рекомендованного объема их потребления. Гораздо хуже дело обстояло с тыловым пайком. Он восполнял немногим более полови-

ны от потребностей организма в белках, углеводах и жирах. Для жиров последнее справедливо в сравнении с нормами 1940-х гг., тогда как относительно современных рекомендаций их выдавалось лишь четверть от необходимого.

Установление столь низких, «голодных» норм продовольственно-го снабжения красноармейцев летом 1918 г. несомненно не являлось следствием злой воли либо некомпетентности советского руководства. Оно напрямую обуславливалось критическим положением с продовольствием в Советской России и логично вписывалось в устойчивую тенденцию к снижению солдатского рациона по мере ухудшения продовольственной ситуации в стране. Эта тенденция начала проявляться с 1915 г., когда произошло первое сокращение норм продовольственно-го снабжения солдат Русской Армии, и продолжалась в 1916 и 1917 гг. [9, с. 75], [10, с. 52]. В этом ключе нельзя не отметить сходства красноармейского фронтового пайка с последними продовольственными нормами Русской Армии, установленными директивой Верховного главнокомандующего от 20 марта (3 апреля) 1917 г. № 2719. Согласно указанной директиве нижним чинам вне зависимости от пребывания на фронте или в тылу полагалось в сутки: хлеба – 2 фунта (819 г), мяса – 0,5 фунта (205 г), крупы – 24 золотника (102,5 г). Кроме того, на руки выдавались приварочные деньги, позволявшие дополнительно купить 20 золотников (85 г) крупы [9, с. 96–97]. Следовательно, красноармейский фронтовой паек лета 1918 г. был меньше на 0,5 фунта (205 г) хлеба и не предусматривал выдачи приварочных денег, малополезных в условиях военного коммунизма.

Красноармейские пайки, установленные приказом народного комиссара по военным делам от 29 июля 1918 г. № 615 действовали вплоть до осени 1921 г., т.е. на протяжении основного периода Гражданской войны. Вместе с тем, они не оставались неизменными, а корректировались в соответствии с наличием или недостатком определенных видов продовольствия. Осенью 1918 г. Красная армия смогла в основном вытеснить противников из относительно богатых хлебом губерний Поволжья. Дополнительные продовольственные ресурсы, несмотря на численный рост Красной армии, позволили в конце 1918 г. увеличить норму выдачи хлеба во фронтовом паке на 0,5 фунта (205 г) [4, л. 724]. Это дало прибавку к рациону находившихся на фронте красноармейцев в 389 ккал, 11,2 г белков, 1 г жиров и 80,5 г углеводов. Фронтовой паек,

таким образом, стал близким к минимально необходимому уровню потребления по пищевой ценности и умеренно дефицитным по энергетической.

Тыловой паек продолжал оставаться «голодным». Ситуацию лишь немного сглаживали дополнительные 0,5 фунта (205 г) хлеба красноармейцам запасных частей на период интенсивного обучения и занятий строевой подготовкой [4, л. 43]. Отчасти выручала и сложившаяся практика выдачи дополнительного продовольствия (как правило, в полуторном размере от полагавшегося пайка) всем красноармейцам в дни революционных праздников и следующих за ним (23, 24 февраля, 1, 2 мая, 7, 8 ноября) [4, л. 44–46, 878, 910]. Возможность наесться досыта хотя бы несколько раз в году определенно способствовала быстрому принятию и укоренению новых праздников в красноармейской среде.

В 1919 г. во фронтовом и тыловом пайках были снижены нормы чая до 1/4 золотника (около 1 г) и соли до 3 золотников (12,8 г) [4, л. 724]. Более чем двукратное сокращение соли вряд ли сильно сказалось на рационе красноармейцев, поскольку для выпечки хлеба соль выделялась дополнительно [4, л. 67]. Весной 1919 г. Реввоенсоветом Республики в обеих разновидностях красноармейского пайка было введено табачное довольствие в размере 3 золотников (12,8 г) табака (махорки) в день. Несколько позднее было регламентировано и снабжение спичками – по 4 коробка в месяц [4, л. 724]. Следует отметить, что появление централизованного табачного довольствия стало определенным новшеством Красной армии. В Русской Армии в годы Первой мировой войны оно отсутствовало. В лучшем случае солдат мог приобрести курево на собственные деньги [9, с. 75–76]. Установление ежедневной выдачи табака в условиях тотального дефицита, по мнению военного эксперта и историка Ю.Г. Веремея, указывает на глубокое понимание солдатской психологии со стороны советского руководства. Табак отвлекал от тягот военной жизни, приглушал чувство голода и способствовал снятию стресса [11]. Некурящие красноармейцы легко могли обменять полагавшийся им табак на продукты у своих сослуживцев или гражданского населения. Официальная возможность замены табака была реализована только в августе 1921 г. в связи с его острым дефицитом. Вместо табачного довольствия некурящим красноармейцам полагалось 1 фунт (409,5 г) соли и 24 золотника (102,5 г) сахара в месяц, что также вело к бартерным сделкам, но уже с солью [4, л. 413].

Перманентная нехватка продовольствия в сочетании с проблемами на транспорте сильно затрудняли бесперебойное снабжение РККА. В кризисных условиях требовалось оперативно и гибко маневрировать имевшимися запасами и широко использовать местные продовольственные ресурсы. В качестве одной из мер в этом направлении приказом народного комиссара по военным делам за № 615 от 29.07.1918 г. наряду с нормами красноармейского пайка была утверждена и таблица замен. Она регламентировала замещение полагавшихся по нормам, но отсутствовавших по факту продуктов другими, относительно схожими по пищевой и энергетической ценности. Так, 1 фунт (409,5 г) ржаного хлеба мог быть заменен пшеничным или ячменным хлебом в равном весе; 3/4 фунта (307 г) макаронных изделий; 4 фунтами (1638 г) картофеля. Крупы заменялись на макаронные изделия или бобовые в равном весе. 1 фунт (409,5 г) мяса мог быть заменен 2 фунтами (817 г) мясных субпродуктов; свежей рыбой в равном весе; 3/4 фунта (307 г) творога или кровяной колбасы или соленой рыбы; 1/2 фунта (205 г) сыра или копченого мяса или мясной колбасы или сушеной рыбы; 40 золотниками (170 г) копченой колбасы или сосисок; пятью яйцами. Свежие овощи замещались сушеными овощами, крупами, макаронными изделиями, различной мукой в соотношении 15 к 1. Натуральный листовой чай заменялся низкосортным плиточным либо эрзацем из малинового, земляничного листа либо кофе и кофейными суррогатами [4, л. 906–907 об.]. Таблица замен неоднократно дополнялась, в нее включались все новые и новые виды продуктов, подходивших для снабжения Красной армии.

Летом 1918 г. сложилась нормированная система продовольственного снабжения Красной армии. В ее основу был положен приказ народного комиссара по военным делам от 29 июля 1918 г. № 615, действовавший вплоть до лета–осени 1921 г., когда начался голод в Поволжье. Продовольственные нормы являлись относительно устойчивыми как по составу, так и по количеству основных продуктов. Вместе с тем, определенные изменения в 1918–1920 гг. произошли. Большинство их коснулось выдачи сахара, соли, чая в сторону уменьшения. Единственной существенной коррективой в плане пищевой и энергетической ценности стала прибавка в конце 1918 г. 0,5 фунта (205 г) хлеба к рациону находившихся на фронте красноармейцев. Важным с морально-психологической точки зрения явилось введение табачного доволь-

ствия весной 1919 г. Более гибкой организации продовольственного снабжения и широкому использованию местных продовольственных ресурсов способствовала таблица замен, утвержденная одновременно с продовольственными нормами и активно дополнявшаяся на протяжении Гражданской войны.

Как показали приведенные в статье расчеты, фронтовой паек, по крайней мере с конца 1918 г., в целом соответствовал минимальным физиологическим потребностям красноармейцев. Он позволял избежать истощения организма, но не был достаточным для восстановления физической формы после длительного периода скудного питания. Вышесказанное справедливо лишь в случае умеренных физических нагрузок, а также полной и своевременной выдачи полагавшихся продуктов в правильно приготовленном виде. В условиях фронтowej жизни с учетом специфики Гражданской войны это могло быть возможным далеко не всегда. Тыловой красноармейский паек был явно дефицитным по пищевой и энергетической ценности. В случае отсутствия регулярной возможности дополнительного получения продовольствия это неизбежно вело к упадку сил, постепенному истощению организма, ослаблению иммунитета и способствовало развитию различных заболеваний. Частое чувство голода могло подтолкнуть наименее морально стойких бойцов к не вполне этичному поступкам. В частности, имели место случаи несанкционированной безвозмездной реквизиции продовольствия у местного населения.

Несмотря на перманентный продовольственный кризис, Советская Россия посредством жесткого нормирования смогла обеспечить минимально необходимым продовольствием стремительно разраставшуюся в ходе войны Красную армию – армию, победившую и внутренних противников во всем их многообразии и внешнего врага – интервентов.

Список источников и литературы

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 35. М.: Политиздат, 1974.
2. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1987.
3. Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов (Москва, 4–10 июля 1918 г.). Стенографический отчет. М.: Издательство ВЦИК, 1918.

4. Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. Р-740. Оп. 1. Д. 4.

5. Продовольственное обеспечение Красной Армии в годы Гражданской войны [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oboznik.ru/?p=322> (дата обращения: 23.07.2018).

6. Справочник войскового повара-хлебопека. М.: Военное издательство Народного комиссариата обороны, 1944.

7. Гришин П.Д. Приготовление пищи. Л.: Лениздат, 1959.

8. Нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Российской Федерации. Методические рекомендации (МР 2.3.1.2432–08). М.: Федеральный центр гигиены и эпидемиологии Роспотребнадзора, 2009.

9. Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. Т. 2. Париж: Товарищество объединенных издателей, 1939.

10. Оськин М.В. Армия и продовольственное снабжение // Военно-исторический журнал. 2006. № 3. С. 52–54.

11. Веремеев Ю.Г. Красноармейские пайки периода Гражданской войны [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://army.armor.kiev.ua/hist/paek-18-21.php> (дата обращения: 23.07.2018).

**S.K. Sarkisov,
Izhevsk**

THE FOOD SUPPLY NORMS OF THE RED ARMY DURING THE CIVIL WAR (SUMMER 1918 - SUMMER 1921)

The article analyzes the food and energy value of the food supply norms in the Red Army during the Civil war and compares them with the vital needs of man. It is traced the dynamics of changes in the food supply norms from the moment of their introduction in July 1918 to the beginning of the famine in the Volga region of 1921–1922. The research is based on archival sources with the use of scientific and reference literature. The author comes to the conclusion that the Red Army soldiers are undernourished, especially among those who did not belong to the active army.

Keywords: Red Army, Civil war, food supply, norms, Red Army soldier's ration.

ОБУЧЕНИЕ ЛИЧНОГО СОСТАВА ЧАСТЕЙ (ОТЯДОВ) ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1919–1923 ГГ.

Статья посвящена особенностям обучения партийных отрядов Екатеринбургской губернии в 1919–1923 гг. Автор последовательно рассматривает период существования частей (отрядов) особого назначения, анализируя систему подготовки личного состава. В работе представлены основные учебные дисциплины подготовительных программ, а также дана оценка эффективности обучения. Статья основана на неопубликованных ранее материалах центральных и региональных архивов.

Ключевые слова: части особого назначения, партийные отряды, Екатеринбургская губерния, Гражданская война.

Октябрьская революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война стали знаковыми событиями в отечественной истории XX в. В настоящее время их изучение может не только выявить ранее неизвестные факты, но и определить общие политические и экономические закономерности, которые под определенным углом возможно проецировать и на современное общество. Наряду с иными объектами особый интерес вызывает рассмотрение различных аспектов деятельности административных и силовых структур советского государства.

Политическая ситуация, возникшая в конце 1918 – начале 1919 г., показала, что вопрос установления советской власти до конца не был решен, а в стране существовали силы для активной борьбы за лидерство. Сохранение политической инициативы требовало скорейшего создания структур, способных любыми методами защитить новую власть. Такими явились военизированные подразделения местных партийных организаций – части (отряды) особого назначения (ЧОН). Вооружение членов партии могло не только решить вопрос организации мобильных боевых групп с местным подчинением, но и подобрать наиболее лояльную новой власти часть общества.

Партийные отряды на Урале начали создаваться в ноябре 1918 г., однако они представляли собою скорее стихийные формирования. Так, в соответствии с письмом пермского ЦК всем членам партии надлежало «воору-

житься и бороться с контрреволюцией». За отказ от вооруженной борьбы следовало наказание в виде исключения из партии [1, л. 37]. Партийные отряды 1918 г. в полном составе вливались в ряды Красной армии и не являлись обособленными подразделениями. Дальнейшее развитие коммунистических боевых отрядов произошло на территории Урала лишь летом – осенью 1919 г. после повторного установления советской власти, однако на иных территориях государства этот вопрос был актуален и в более ранние периоды. Так, 18–23 марта 1919 г. на заседаниях VII съезда РКП(б) говорилось о необходимости организации милиционных частей из сочувствующих классов [2, с. 7]. Отдельно рассматривались методы обучения личного состава данных подразделений без отрыва от основной деятельности, а также способы их применения в качестве дополнения органов охраны общественного порядка и частей Красной армии [2, с. 259]. Вслед за этим 24 марта 1919 г. была издана директива ЦК РКП(б), закреплявшая необходимость вооружения коммунистов и их военного обучения [3, с. 46], а 17 апреля – опубликовано партийное постановление, официально объявившее о создании отрядов особого назначения.

21 октября 1919 г. согласно мандата № 641 губернского организационного бюро РКП(б) началось формирование Екатеринбургского отряда особого назначения, а в ноябре 1919 г. таковые были образованы в Нижнем-Тагиле, Шадринске и Ирбите [1, л. 47].

Части особого назначения представляли собой милиционные подразделения, личный состав которых комплектовался из членов РКП(б), кандидатов на вступление в партию, а позже и членов РКСМ. Мобилизация лиц, включенных в подразделения, осуществлялась в случаях угрозы советской власти. В остальное время личный состав отрядов был занят на местах основной работы. Части особого назначения подчинялись партийным структурам разных уровней, что позволяло учитывать местные особенности их применения, однако в то же время ослабляло центральный контроль. Лица, зачисленные в отряды, имели неоднородный уровень военной подготовки: если одни принимали участие в Первой мировой войне и обладали достаточными компетенциями, то другие не могли зарядить и разобрать винтовку [4, л. 76]. Подготовленность личного состава на первоначальном этапе существования ЧОН не позволяла эффективно применять их в силовых операциях.

В конце ноября 1919 г. в Екатеринбургском отряде особого назначения проходила перепись [5, л. 11]. Ее целью являлось выявление личного состава, имевшего боевой опыт и обладавшего военными специальностями. Перепись также была необходима для назначения инструкторов, способных обучать личный состав. Ее результаты показали, что коммунисты, зачисленные в отряд, имели низкий уровень военной подготовки. 24 ноября 1919 г. в приказах по Екатеринбургскому отряду особого назначения указывалось, что личный состав «не знает материальной части оружия и не знаком с основами строевой подготовки» [1, л. 16].

Попытки организовать обучение коммунистов не имели успеха по причинам глубокого экономического кризиса и отсутствия собственной материально-технической базы ЧОН. 12 ноября 1919 г. согласно циркулярному письму ЦК РКП(б) обучение и стратегическое управление отрядами особого назначения было передано ячейкам Всеобщего военного обучения (Всевобуча), однако формирование и оперативное управление частями осталось в ведении местных партийных структур. С этого момента основной учебной программой для личного состава ЧОН являлась 96-часовая программа Всевобуча, принятая 5 июня 1918 г. Обучение предполагало знакомство с винтовкой, строевым и окопным делом, полевой и гарнизонной службой [6, с. 54]. На время обучения в том, или ином населенном пункте организовывалось бюро Всевобуча. Устанавливалась двухчасовая продолжительность одного занятия, а для прохождения всей программы требовалось 48 учебных дней. На каждого обучающегося заводилась карточка, в которой отражались данные о посещаемости и успеваемости. Уклонение от прохождения обучения каралось штрафами, а дела злостных нарушителей передавались для рассмотрения в районные суды [7].

В начале января 1920 г. главным управлением Всевобуча была разработана «Временная инструкция по организации всеобщего обучения и формированию территориальных единиц» [8, с. 132]. Пристальное внимание в документе уделялось вопросам формирования отрядов особого назначения. В соответствии с инструкцией вся территория государства разделялась на округа Всевобуча. Их комиссары должны были обеспечить комплектование подразделений и обучение личного состава. Минимальной организационной единицей являлся взвод, в который набирались лица по территориальному или трудовому признакам. Выбор

указанных принципов формирования обуславливался только упрощением процедуры учета личного состава, но и возможностью оперативного сбора подразделений в случае необходимости.

Стоит отметить, что по причинам отсутствия преподавательских кадров и учебного материала осуществить планомерное и качественное обучение личного состава коммунистических частей не удалось. Организатор ЧОН Камышловского уезда А. Смирнов вспоминал: «обучение страдало общим недостатком, а именно тем, что намеченные планы не проводились до конца и полностью, обыкновенно, если и преподавались, то в беспорядке. Личный состав по окончании обучения имел смутное представление о пройденном» [1, л. 64].

Опыт проведения полевых сборов личного состава летом 1921 г. показал, что уровень подготовки кадров в целом оставался крайне низким. Большая часть коммунистов не знала приемов ведения боевых действий и внутреннего устройства оружия [1, л. 64]. Летом 1920 г. ответственным организатором отрядов Екатеринбургской губернии А. Долженко был поднят вопрос о низком уровне военной подготовки личного состава. В подразделения разослали приказ, обязывающий руководство разработать индивидуальные учебные планы и немедленно приступить к занятиям.

В соответствии с «Положением о частях особого назначения», опубликованном 25 марта 1921 г., личный состав делился на постоянный (кадровый) и милиционный (коммунары). Постоянный включал в себя лиц, состоявших на руководящих должностях, а в милиционный входили все члены РКП(б), РКСМ, а также кандидаты на вступление в партию. Кадровый состав постоянно находился в расположении частей, а милиционный мобилизовался по мере необходимости [9, л. 6]. Для формирования кадрового ядра отбирались коммунисты, имевшие военный опыт и организаторские качества.

Положение о ЧОН, утвержденное 26 августа 1921 г., предусматривало разделение личного состава подразделений на разряды в соответствии с уровнями военной подготовки. Так, к первому разряду относился личный состав, прошедший обучение по 96-часовой программе всеобщего обучения. Второй и третий включали коммунаров, служивших в старой армии более шести месяцев и менее полугода соответственно. В четвертый входили лица, не имевшие военного образования и боевого опыта. Для разрядов устанавливались сроки обучения: для первого – одна

неделя, для второго – две, для третьего – три, для четвертого – один месяц. Обучение предполагалось проводить во время призывов коммунаров на сборы с освобождением последних от всех служебных обязанностей. Четвертый разряд подлежал обучению в первую очередь. Расписание было относительно гибким: при невозможности нахождения коммунара на сборах весь срок программа делилась на два периода по 12 дней с недельным перерывом. Этапы обучения строились на временах года и сезонности работ. Практика осуществлялась с 15 мая по 16 июня, в октябре и ноябре, а теоретические занятия проводились в зимний сезон.

В условиях тяжелой экономической ситуации, в которой находилась Екатеринбургская губерния, подготовка учебных классов, наглядного материала и поиск достаточного количества преподавательского персонала требовали много времени. В полном объеме подготовить учебную базу удалось лишь к лету 1922 г. Именно в это время в ЧОН впервые проходило плановое обучение милиционного и кадрового состава. В данный период появились развернутые недельные планы и программы обучения для разных разрядов коммунаров, отличные от применявшейся ранее 96-часовой программы Всеобща. Пример подобной программы, разработанной руководством Ирбитских ЧОН, представлен в таблице 1.

Целью обучения являлся перевод всей массы милиционного состава в первый разряд. Так, для перехода из второго разряда в первый коммунар должен был изучить действия в составе взвода и роты, штыковой бой, стрелковое дело, тактическую подготовку, ночной и уличный бой, основы службы в ЧОН, уставы, пулеметное и гранатное дело, а также специальную технику. Для перехода из третьего разряда в первый дополнительно изучались действия одиночного бойца и шереножный строй. По окончании обучения коммунар сдавал экзамен, результаты которого и являлись основаниями для перевода в более высокий разряд.

Обучение милиционного состава проходило параллельно с основной деятельностью личного состава. Частый отрыв коммунаров, имевших узкую квалификацию, от своей работы негативно сказывался на объемах производства и процессе труда. В начале июля 1922 г. приказом по ЧОН для Екатеринбургской губернии был закреплён порядок обучения коммунаров узкой рабочей специализации. В соответствии с ним по ходатайству администрации предприятий занятия могли переноситься

Таблица 1

**План обучения по переходу в 1-й разряд военной подготовки для личного состава
307-го Отдельного Ирбитского батальона ЧОН [10, л. 9]**

		Учебная программа								
	Дни/ часы	8-9	9-10	10-11	11-12	12-14	14-15	15-16	16-17	17-18
	ПН	Знакомство с внутренним порядком	Внутренний устав	Одночная строевая подготовка	Строевой устав. Строй и управление им	Перерыв				
	ВТ	Гимнастика, подтягивания, бег	Шероженое учение, перестроение и расчет шеренги	Стрелковое дело. Знакомство с винтовкой. Разборка, сборка, основные части		Политическая, строевая подготовка	Строевой устав. Повороты и передвижения с ружьем	Гарнизонный устав	Стрелковое дело	
	СР	Гимнастика, подтягивания, бег	Взводное учение. Перестроение и расчет взвода	Ружейные предметы. Штыковой бой		Стрелковая подготовка. Стрелковая цепь взвода. Боевой порядок роты		Полевой устав. Отдых и его охранение		
	ЧТ	Гимнастика, подтягивания, бег	Упражнения для подготовки к стрельбе	Походное движение. Его охрана, связь, разведка. Определение расстояний		Несение внутренней службы	Дисциплинарный устав. Права и обязанности командиров и подчиненных	Сторожевое охранение		
	ПТ	Заряжание винтовки	Стрелковая подготовка. Заряжание, установка прицела, спуск курка	Наступательный бой		Структура и организация ЧОН	Внутренний устав	Гарнизонная служба		
	СБ		Стрелковый устав	Россыпной строй		Оборонительный бой		Окопное дело		

на нерабочее время и проводиться по месту основной занятости коммунара.

Кадровый состав проходил обучение согласно отдельной программе, которая помимо занятий по тактике применения ЧОН предусматривала специальные курсы, разъясняющие цели и задачи коммунистических подразделений. Обучение милиционного состава производилось на местах, кадровый состав для прохождения курсов отправлялся в Екатеринбург. Помещения и инвентарь предоставлялись местными военными комиссариатами. Всего в губернии подлежало обучению 8396 человек, из которых к концу 1922 г. было экзаменовано 5124 коммунара [11, л. 14].

Профессиональное обучение и мастерство личного состава позволили значительно поднять боеспособность ЧОН, однако уровень военного образования остался крайне неоднородным. Как правило, подразделения определенной территории комплектовались по уровню подготовки коммунаров. Например, во 2-ю роту Ирбитского отдельного назначения батальона включали только лиц с недостаточным его уровнем. Данные части негласно являлись формированиями «второго сорта» и применялись с учетом выучки кадрового состава [11, л. 9].

Процесс обучения коммунаров сталкивался с рядом проблем, главными из которых были недостаток учебных классов, нехватка продуктов питания, отрыв квалифицированных кадров от управленческих и производственных процессов. В циркулярном письме, выпущенным штабом ЧОН Екатеринбургской губернии, отмечалось: «государство, не имея свободных ресурсов продовольствия, нам ничего не отпустило – приходилось изыскивать все своими средствами» [10, л. 27]. На заседании Совета ЧОН Екатеринбургской губернии было решено предоставить уездным советам ЧОН право разбивать личный состав на группы с последовательным обучением каждой из них, а также установить середину марта 1923 г. крайним сроком прохождения обучения всех коммунаров губернии [12, л. 136].

18 сентября 1922 г. на должность командующего ЧОН Екатеринбургской губернии был назначен С.Т. Акулов [13, л. 145–146]. В это же время произошла замена личного состава штаба ЧОН; с этого момента партийная принадлежность в выборе руководящего состава отошла на второй план, уступив свое место военному и организационному опыту. Личный состав штаба ЧОН лишь на 25 % состоял из членов партии, однако каждый сотрудник имел боевой опыт и образование [13, л. 145–146]. Подобный отбор позволил к середине 1923 г. организовать систему

документооборота и учета кадров, а также наладить планомерное обучение личного состава.

На протяжении 1923 г. ЧОН Екатеринбургской губернии принимали участие в тренировочных сборах, с помощью которых проходило моделирование тех или иных боевых ситуаций. 19 февраля 1923 г. согласно постановления Екатеринбургского губкома началось обучение пулеметных команд. Занятия проводились на местах, от региональных подразделений выделялось по 15 бойцов милиционного состава и один кадровый сотрудник. Обучение пулеметному делу было связано с появлением на вооружении частей пулеметов Сен-Этьен и Кольга, которые имели сложное устройство и требовали подготовки личного состава [13, л. 4].

Таким образом, тяжелое экономическое положение Екатеринбургской губернии, а также отсутствие преподавательских кадров привело к тому, что на первоначальном этапе существования обучение личного состава ЧОН не проводилось. Военное и политическое руководство пыталось решить данную проблему путем включения 12 ноября 1919 г. коммунистических отрядов в систему Всевобуча, однако нерешенные экономические и кадровые вопросы тормозили процесс обучения. В 1919–1922 гг. личный состав ЧОН Екатеринбургской губернии обладал крайне неоднородным уровнем военной подготовки, что негативно сказывалось на его боеспособности.

Создать учебную базу и впервые организовать планомерное обучение коммунистов удалось лишь к лету 1922 г. В это время для региональных ЧОН были сформированы учебные программы, а личный состав разделен на разряды, соответствовавшие уровню военной подготовки. Крайним сроком обучения всего личного состава ЧОН устанавливалась середина марта 1923 г. К этому периоду значительно улучшился общий уровень военной подготовки коммунистов и личного состава коммунистических частей. Стоит отметить, что в боевых условиях проверить это так и не удалось. В конце 1923 г. Екатеринбургская губерния вошла в Уральскую область, а в 1924–1925 гг. части особого назначения были расформированы по причине улучшения общей политической ситуации в регионе.

Список источников и литературы

1. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 42.

2. Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций коммунистической партии Советского Союза. Восьмой съезд ЦК РКП(б). Март 1919. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959.
3. Кротов В.Л. Чоновцы. М.: Изд-во политической литературы, 1974.
4. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-1155. Оп. 1. Д. 129.
5. ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 140.
6. Казаков М. О людских резервах Красной Армии в годы Гражданской войны // Военно-исторический журнал. 1973. № 9. С. 54–59.
7. Поляков Р.Ю. Организация военного Всеобуча и тылового ополчения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pru.ucoz.ru/load/> (дата обращения: 12.05.2018).
8. Оганесян М.Н. Части особого назначения Московской губернии: дис. ...канд. ист. наук. М., 2001.
9. ГАСО. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 239.
10. Государственный архив в городе Ирбите. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 5.
11. ГАСО. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 127.
12. Государственный архив в городе Ирбите. Ф. 10. Оп. 1. Д. 23.
13. ГАСО. Ф. Р-1155. Оп. 1. Д. 156.

**I.S. Silchenko,
Yekaterinburg**

SPECIAL FORCES PERSONNEL TRAINING IN THE YEKATERINBURG PROVINCE (1919–1923)

The article is devoted to peculiarities of the party units training in the Yekaterinburg province during 1919–1923.

Author consistently considers the period of existence of Parts (units) special purpose, analyzes the system of training of personnel. The paper presents the main subjects of training programs, as well as an assessment of the training effectiveness. The article is based on unpublished materials of regional and Central archives.

Keywords: special forces units, party units, the Yekaterinburg province, Civil war.

РОССИЙСКОЕ КАЗАЧЕСТВО НАКАНУНЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АВТОНОМИИ

В статье анализируются события кануна Гражданской войны на Дону, Кубани и Ставрополье, граничивших с российским Юго-Востоком, тенденции в общественно-политической жизни региона, приведшие к казачьему самоуправлению, проявившемуся в борьбе с советами и как результат – формированию автономии казачьих областей.

Ключевые слова: Россия, казачество, Временное правительство, Государственная Дума, революция, советская власть, автономия, Гражданская война.

Гражданская война занимает судьбоносное место в истории России. Ей предшествовали Февральская и Октябрьская революции 1917 г., возглавлявшиеся различными партиями, включая леворадикальные. Революции не только до основания потрясли российское общество, привели к падению монархии, а затем и Временного правительства, но и явились прологом гражданского противостояния, едва ли не самого кровопролитного в истории нашей страны. Политические изменения в стране сопровождались трансформацией различных слоев, сословий, деформацией сознания людей. Особое положение в социальной структуре занимало казачество, представлявшее в рассматриваемый период мощную силу, обеспеченную правами и привилегиями, заметно отличавшими его от других социальных групп трудящегося населения уже павшей Российской империи. Среди них выделялись донские, кубанские и терские казаки.

В первые месяцы 1917 г. большая часть российского казачества была довольно пассивной. Сказывались сословность, консерватизм в его мировосприятии. В отличие от основной массы российского крестьянства, даже в период кризисных военных лет 1914–1917 гг., материальное положение казаков в целом было более устойчивым. Не случайно вождь большевиков В.И. Ленин считал казаков привилегированным крестьянством и говорил, что казачьи дворы стояли на первом месте

среди богатой землевладением группы [1, с. 410]. В казачьей массе в этот период преобладали средние слои. Значительное влияние на их сознание оказывали сословные интересы, обычай подчиняться атаманам. Во главе казачества появились такие харизматичные личности, как войсковые атаманы А. Каледин на Дону, А. Дутов в Оренбурге, А. Караулов на Тереке. В новых политических условиях, сложившихся в России после падения монархии, и так называемой «демократизации» они практически возглавили непростой и противоречивый процесс политического самоопределения казачества.

Общий съезд российских казаков, созванный в марте 1917 г., формально признал новое Временное правительство, сформировал при нем особый орган для защиты интересов казачьего населения России. Председателем Союза казачьих войск России был выбран атаман А.И. Дутов, последовательный сторонник сохранения самобытного уклада казачьей жизни, прав и свобод казаков независимо от их войсковой принадлежности. Союз выступал за сильную государственную власть, поддерживал Временное правительство несмотря на отсутствие его полной легитимности. Деятельность Союза одобряло население Юга России, Поволжья, Сибири, почти всех регионов страны.

Вместе с тем демократизация политической жизни российско-го общества, активизация различных партийных сил и общественных движений, появление новых органов государственной власти и самоуправления в центре и на местах, помимо всего прочего, нарушали централизованное управление казачьими войсками, вносили определенный хаос в традиционный уклад жизни. Весной 1917 г. в ряде казачьих областей прошли выборы местных атаманов, вводилось самоуправление. Казачьи верхи предпринимали усилия по преодолению социального кризиса, достижению гражданского мира с крестьянами и городским населением, иногородними, проживавшими в регионе. С этой целью создавались новые управленческие структуры. Например, на так называемом Круге спасения Дона было провозглашено образование войскового исполнительного комитета для «устроения краевой жизни». Однако уже к лету 1917 г. у казачьих вождей наступило разочарование в личности «светлого гражданина» А.Ф. Керенского, а также в мероприятиях, проводившихся Временным правительством и его представителями, уполномоченными комиссарами на местах.

Между тем, нескольких месяцев деятельности «демократического» Временного правительства было достаточно, чтобы Россия оказалась на грани краха. К осени 1917 г. в стране активизировались леворадикальные силы, большевики и эсеры. Они оказывали разрушающее влияние на массовое сознание иногородних, казаков-фронтовиков, казачью бедноту, призывая последних к захвату и разделу частновладельческих, в т.ч. войсковых земель на Дону, Кубани, Тереке. Политическая деятельность левых сопровождалась не только агитационной работой среди населения Донской области, но и созданием различных общественных организаций: крестьянско-казачьих союзов и советов крестьянских депутатов. Общественно-политическая обстановка, особенно на Дону, постепенно накалялась. Крестьянство, в первую очередь иногороднее, требовало пересмотра арендных отношений с землевладельцами, скорейшего решения аграрного вопроса в свою пользу. Донское казачье войско выступало против радикальных действий. Казакам хотелось сбросить свою самобытность, земельные права, а также, что немаловажно, свое сословное самоуправление. Идея сохранить войсковые земли, капиталы, промыслы прослеживалась на многих станичных съездах, в частности, собрании казаков Ростова и Нахичевани, проходившем 8 апреля 1917 г. в Ростове. В одном из докладов, предложенных собранию, говорилось: «...Казачество находится во власти исторических традиций. Оно имеет свои особенности, завещанные ему историей, и оно имеет право на общественно-правовую ячейку (автономию)...» [2]. Подобным содержанием характеризовалась резолюция Донского Войскового казачьего съезда, проходившего в конце апреля 1917 г. в Новочеркасске, на котором присутствовали выборные от всех станиц области. В ней отмечалось: «Самобытность донского казачества, уклад жизни его на основах исторических казачьих вольных традиций, требует сохранения за казаками неотъемлемого права собственности на юртовые, войсковые земли, составляющие неприкосновенное историческое достояние казачества...» [3].

В мае 1917 г. Большой Войсковой Круг Донской области сформировал правительство во главе с генералами А.М. Калединым и М.П. Богаевским. Оно защищало интересы казаков на местах, поддерживало самоуправление в станицах, охраняло от захватчиков войсковые земли. В то же время правительство допускало участие в созданных социальными (меньшевиками и эсерами) советах и земельных комитетах пред-

ставителей от казачества, но не признавало права этих комитетов в решении аграрных вопросов в пределах юртовых, войсковых земель [4]. Правительственные постановления провозглашали исключительное право казаков донских станиц и хуторов на эти земли. Все ресурсы, лесные угодья, водоемы, рыбное хозяйство, недра земли объявлялись владением Войска. Следует отметить, что казачье самоуправление на Дону, (казачий круг), опиравшееся на Войсковое правительство и его вооруженные формирования (казачьи полки), являлось силой, противостоящей анархии, а также леворадикальным тенденциям из Центра. Они были фактором стабильности и относительного спокойствия на Дону и в соседних регионах. Одновременно создавались казачьи и горские автономии, самостоятельные государственные образования [5, с. 77].

На фоне нараставших осенью 1917 г. беспорядков особенностью казачьих организаций и войсковых кругов оставалось стремление к правопорядку и законности, глубоко сидевшим в сознании станичников. Показателем этого являлось то, что в сложной для страны обстановке, когда в Петрограде разворачивался политический кризис, на Дону, как отмечал историк российского казачества А.А. Гордеев, сохранялось спокойствие. Передавая собственные впечатления того времени он писал, что «...несмотря на бушующее вокруг море бесчинства и беспорядков, районы, охранявшиеся казачьими полками, представляли тихие и спокойные очаги. Проезжающим по железным дорогам, станции которых заполнялись повсюду толпами масс в серых шинелях, о ресторанах и каком-либо питании думать не приходилось. В пределах Войска Донского никаких скоплений дезертиров, никакого беспорядка, и казалось, что проезжающие попадали в другой мир. В скромных буфетах можно было все достать. Внутренний порядок казаками на своей земле поддерживался исключительно местными средствами, несмотря на отсутствие основной казачьей массы и пребывание казаков на фронте...» [6, с. 517].

Продолжением процесса казачьей «самостийности» и не только на Дону стало образование осенью 1917 г. конфедерации представителей казачьих войск и горских народов Кавказа. На ее съезде, проходившем в сентябре 1917 г. в г. Екатеринодаре, было заявлено о создании «...сильной власти, самостоятельного казачьего государственного образования – Союза юго-восточных автономных и федеральных областей...» [7]. Союз просуществовал непродолжительное время. В условиях кризиса центральной власти и ее упадка сказывалась неопределенность перспек-

тив развития. Организация общего всесословного областного управления на Дону не удалась. Обострялась борьба двух властных структур – Войскового правительства и советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Негативное дестабилизирующее влияние на казачество оказывали большевистски настроенные, деморализованные казаки и солдаты, прибывавшие на родину с фронта. Сказывалась общая усталость донского населения, отягощенного трудностями, разочарованного экономической и социальной политикой Временного правительства. Уже после октябрьского переворота, 10 (23) января 1918 г., съезд фронтовых казачьих частей в станице Каменской избрал Донской казачий ВРК, который провозгласил установление советской власти в Донской области. В это же время так называемые «революционные казаки» совместно с красногвардейскими отрядами разбили верные А. Каледину части и заняли Ростов и Новочеркасск. Была образована Донская советская республика. Аналогичные процессы развивались на Кубани, Тереке, Ставрополье и в соседних регионах Поволжья, где позиции сторонников «самостийности» также утрачивались.

Таким образом, можно очертить приоритеты казачества и сделать выводы о том, что для него в рассматриваемый период более существенным в противоположность политическим оказалась сословная принадлежность. Средством реализации казачьих интересов, прежде всего экономических, земельных являлось самоуправление, главным институтом которого выступал казачий круг. Такая линия наблюдалась не только в парламентский, но и в революционный и послереволюционный периоды вплоть до ликвидации казачества как «контрреволюционного» слоя в ходе Гражданской войны и советского строительства. Опыт казачьего самоуправления как конструктивной модели и эффективного способа поддержания правопорядка, защиты социально-экономических интересов населения в известной мере показателен и сегодня в условиях совершенствования демократии, повышения результативности местного самоуправления, решения насущных социальных проблем в центре и на местах.

Список источников и литературы

1. Ленин В.И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 гг. // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 16. М., 1973.
2. Ростовская речь. 1917. 11 апреля.

3. Вольный Дон. 1917. 26 апреля.
4. Вольный Дон. 1917. 15 октября.
5. Козлов А.И. Каменистыми тропами... Ростов-на-Дону, 2008.
6. Гордеев А.А. История казачества. М.: Вече, 2008.
7. Вольная Кубань. 1917. 6 сентября.

**D.I. Sostin,
Stavropol'**

RUSSIAN COSSACKS ON THE EVE OF THE CIVIL WAR. POLITICAL AUTONOMY EXPERIENCE

The article analyzes the events on the Civil war eve in the Don, Kuban and Stavropol regions, the trends in social and political life of the region, which led to the Cossack self – government, manifested in the fight against the Soviets and as a result the formation of the Cossack Regions autonomy.

Keywords: Russia, the Cossacks, the Provisional government, the State Duma, revolution, the Soviet government autonomy, Civil war.

УДК 94(470.342)''1917/1918''

**А.М. Субботина,
г. Ижевск**

ЗЕМСТВА И СОВЕТЫ: БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917–1918 ГГ.

В статье рассматриваются изменения во взаимоотношениях земств и советов на территории Вятской губернии, начиная с Февральской революции 1917 г. до осени 1918 г. Делается вывод, что период их сотрудничества продолжался до конца 1917 г. После усиления в советах позиций большевиков земства оказались в оппозиции к ним. Открыто выступив в защиту Учредительного собрания, земства втянулись в политическую борьбу, которую проиграли. Важную роль в этом сыграла вооруженная и организационная поддержка своих органов со стороны центральной советской власти.

Ключевые слова: Русская революция, Гражданская война, местное самоуправление, земство, советы, советская власть.

Революция 1917 г. в России открыла путь не только демократическим преобразованиям, но и сложному периоду острой политической борьбы, в которой каждая действующая сила отстаивала свою модель будущего устройства страны. Победа в итоге оказалась на стороне советской власти с ее классовым подходом к демократии. Земства, воплощавшие в себе идею местного самоуправления на основе общедемократических принципов, были упразднены. Переходный период в разных регионах страны имел свои особенности. В настоящей статье внимание сосредоточено на взаимоотношениях земств и советов в Вятской губернии в 1917–1918 гг.

Сложный период установления советской власти на территории Вятской губернии в 1917–1918 гг. с самого начала привлекал внимание исследователей. В советской историографии основное внимание уделялось классовой и межпартийной борьбе, победе большевиков в их противостоянии с другими партиями. Сложности установления советской власти в Вятской губернии исследователи того периода объясняли деятельностью контрреволюционных сил, к которым относили меньшевиков, эсеров, местную буржуазию и др. Ф.П. Макаров в 1932 г. отмечал: «Свержение власти ставленников Временного правительства в рабочих районах края чрезвычайно быстро отразилось и на деревне. Там переход власти к советам, после того как трудовая часть крестьянства повернула на сторону большевиков, произошел гораздо легче и быстрее, чем в таких помещанских городах, как Малмыж, Елабуга и др., в которых местная буржуазия находила опору в лице городской мелкой буржуазии и продажной интеллигенции. А в Вятке власть перешла к советам только в декабре... В феврале–марте 1918 г., окончательно ликвидируются волостные земские управы. Создаются советы и почти одновременно с этим формируются при советах добровольные отряды Красной гвардии для защиты интересов трудящихся от контрреволюционных посягательств кулачества и свергнутой буржуазии» [1, с. 41].

Современные авторы делают акцент на специфике Вятской губернии, которая влияла на политический процесс. По мнению В.И. Бакулина, замедленная скорость смены власти в крае зависела от таких его особенностей, как низкая урбанизация, удаленность от фронта, обширная территория при относительно небольшой плотности населения. В этих условиях антиправительственные настроения были менее выражены, малочисленная большевистская организация не пользовалась популярностью у местных рабочих, что особенно ярко проявилось в Ижевско-

Воткинском восстании 1918 г., и была вынуждена обращаться к помощи извне и искать поддержки у части местного крестьянства [2, с. 202–203].

Взаимоотношения земств и советов на протяжении 1917–1918 гг. изменялись в зависимости от положения и статуса тех и других, а также реакции на события в столице. На момент Февральской революции 1917 г. земства являлись органами самоуправления на уровне губернии и уездов. Либерально и демократически настроенная земская общественность края в целом одобрительно и даже восторженно встретила свержение монархии, в котором определенную роль отводила Петроградскому Совету. В докладе управы Малмыжскому уездному земскому собранию в заседании экстренной сессии 9 апреля 1917 г. призывалось: «Выразим свой восторг и восхищение Государственной думе, Временному правительству, рабочим и солдатам в лице их совета за тот трудный исторический подвиг, который они так блестяще совершили» [3, с. 16]. Собрание постановило отправить приветственные телеграммы в адрес всех трех указанных управой органов. В телеграмме Петроградскому Совету говорилось, что в его лице Малмыжское земское собрание шлет горячий привет «в далекие окопы родной доблестной армии и в фабричные корпуса труженику рабочему люду» [3, с. 37]. Собрание призывало: «Привет вам, передовые борцы за народную волю. Неутомимо работайте и дальше для народного блага. Народ с вами, он смотрит на вас с гордостью и восхищением. Верим, что сплотившись вокруг Временного правительства, в котором мы видим единую твердую власть, будем единомысленны. Верим, что дружно сплотившись, победим врага и на развалинах самодержавного строя создадим свободную Россию» [3, с. 37–38].

С целью ведения разъяснительной работы среди населения земствами края был создан штат специалистов из опальных в прошлом учителей и других представителей интеллигенции. Лектор-инструктор Вятского уездного земства Н.И. Зубарев так объяснял изменения в положении земских учреждений и стоящие перед ними задачи: «Народ освободился от власти, державшей его в темноте, бесправии и нищете. Пала власть, душившая народную волю. Теперь сам народ держит власть. Ему необходимо прочнее закрепить ее в своих руках и устраивать новую счастливую жизнь» [4, с. 1]. По мнению Н.И. Зубарева, Временное правительство «связало себя со всем народом тесными узами и поставило себя под контроль совета солдатских и рабочих депутатов». «Были устранены единоличные агенты центральной власти – губернаторы, и ведение

распорядком в губерниях передано в органы местного самоуправления. Председатель губернской земской управы и исполнительные комитеты заменили собой старую власть в губернии. Всем местным общественным организациям дан широкий простор деятельности, и все они призываются к строительству новой жизни» [4, с. 8].

Земские деятели возлагали большие надежды на реформы Временного правительства. С.Н. Макушин в вышедшем в 1918 г. очерке указывал, что «с падением полицейско-чиновничьей власти изменилось и земство». «От старого земства осталось название, остались капиталы, здания, школы, больницы, разное имущество, остались служащие, словом, осталось большое, сложное хозяйство, созданное за 50 лет существования земства. Но распоряжаться всем этим хозяйством теперь пришел другой хозяин: сам народ, все население, в лице своих выборных представителей» [5, с. 3].

Уже в первые дни после прихода к власти Временного правительства проявилась линия на демократизацию земских собраний. Их составы были расширены за счет включения представителей общественных организаций, волостей, солдат и др. В тех районах, где на тот момент уже действовали советы, они также пополнили своими представителями земства края. В июньской экстренной сессии 1917 г. Сарапульского уездного земского собрания приняли участие члены от Сарапульского, Ижевского и Воткинского советов. Обновившийся земский состав был достаточно единодушен в стремлении к демократическим преобразованиям и поддержке реформ Временного правительства.

Сразу несколько законов, вышедших в мае–июне 1917 г., ознаменовали земскую реформу. Важными ее составляющими стали введение волостной земской единицы, изменение системы выборов, расширение земских полномочий и территории распространения земств. Новые демократические земские выборы прошли в Вятской губернии в августе–сентябре 1917 г. Советы, как и другие организации и группы избирателей, получили возможность выдвинуть свои списки кандидатов в уездные земские гласные. Свою активность они проявили в заводских поселках, городах и некоторых волостях Вятской губернии. Осенью 1917 г. состоялись заседания избранных земских собраний. Работа созданных в ходе реформы Временного правительства земств в крае продолжалась до весны 1918 г.

Уже летом 1917 г. на волне роста недовольства правительственной политикой среди населения в отдельных районах Вятской губернии местные советы проявили стремление изменить свой статус в сложившейся

системе органов власти. Согласно июльскому сообщению Вятского губернского комиссара, исполнительный комитет Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов в Глазове, решив стать «органом управления», отозвал из исполнительного комитета общественных организаций своих представителей и проголосовал за собственных кандидатов на должности уездного комиссара и начальника милиции [6, л. 87].

Новости о свержении Временного правительства в Вятку дошли уже 26 октября 1917 г. Губернское и уездные земства негативно отнеслись к захвату власти Петроградским Советом, что разительнo отличалось от реакции на февральские события. Местные советы, в которых большевики не имели влияния, также поддержали инициативы земства. До «организации признанной всей страной власти» высшим исполнительным органом на уровне губернии стал Верховный Совет [7, с. 200]. В него вошли представители земства, городского самоуправления, исполкомов советов, комитета по охране г. Вятки, партий кадетов, энесов, эсеров, меньшевиков и др.

Губернский комиссар В.А. Трейтер в докладе Вятскому губернскому земскому собранию 60-й экстренной сессии выделил в деятельности Верховного Совета три периода. Первый он связывал с надеждами на восстановление власти Временного правительства. Когда в начале ноября 1917 г. стала очевидна невозможность этого развития событий, целью Верховного Совета стало сохранение существующего аппарата управления до «установления центральной власти» Учредительным собранием. Третий этап в декабре 1917 г. В.А. Трейтер определял захватом большевиками комиссариата и переходом Верховного Совета на нелегальное положение [8, л. 5–6]. Вятский совет рабочих и солдатских депутатов к этому времени находился уже под контролем большевиков и заявил о взятии власти в свои руки. Вятское губернское земское собрание поддержало действия Верховного Совета, переизбрало его состав и сохранило пост губернского комиссара за В.А. Трейтером.

Таким образом, в конце 1917 г. в Вятской губернии установилось своеобразное двоевластие, отражавшее сложившуюся расстановку сил. До определенного момента советы вынуждены были мириться с земствами, которые открыто высказывали свое негативное отношение к переходу власти к воспринимаемым ими исключительно как классовые органы советам. Более того, земства и советы по многим вопросам активно взаимодействовали. Земства располагали финансовыми ресурсами и хозяйственной инфраструктурой. Советы временно обращались

к ним, пока не получили поддержку центральной власти и вооруженных сил. На декабрьской сессии 1917 г. Сарапульского уездного земского собрания с правом совещательного голоса присутствовал представитель местного Совета рабочих и солдатских депутатов. В созданный по решению собрания при уездном комиссариате специальный коллегиальный орган помимо членов от земства и городской думы своих представителей должны были делегировать советы Сарапула, Ижевского и Воткинского заводов. Собрание также приняло положительное решение в ответ на отношение Сарапульского исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов о направлении в Дебесы отряда солдат из 20 человек для наведения порядка и назначило им суточные в размере 3 рубля за счет волостного земства, в случае его отказа – уездного [9, л. 83].

В конце декабря 1917 г. в Вятке соотношение сил благодаря вооруженной поддержке летучего отряда Балтийского флота стало складываться в пользу советской власти. Руководство Верховного Совета, включая В.А. Трейтера, было арестовано. Установлению контроля за городом мешала продолжавшаяся забастовка служащих.

Земства края, отказываясь подчиниться новой власти, большие надежды возлагали на Учредительное собрание, выборы в которое в Вятской губернии состоялись в ноябре 1917 г. В декабре земства Вятской губернии направили в его адрес приветственные телеграммы. Глазовское уездное земское собрание в своей телеграмме достаточно резко высказалось по поводу правительственной политики: «Все пореволюционные правительства, дети осужденной историей идеи коалиции, не пользовались полной поддержкой трудовых классов населения, требовавших скорейшего окончания войны и решительных социальных преобразований. Но последнее правительство Совета Народных Комиссаров, не пользующееся поддержкой и доверием всей демократии, не смогло и не сможет наладить разруху и поставить на правильные рельсы жизнь страны. Теперь надежды на спасение России, свободы и революции – Учредительное собрание, долженствующее выразить мечты трудящихся». Но и его Глазовское земское собрание соглашалось признать только в случае выполнения требований всеобщего мира, передачи земли народу и контроля над производством [10, л. 5].

В Петроград были направлены представители местных земств для защиты Учредительного собрания. Малмыжское уездное земское собрание декабрьской сессии 1917 г. обратилось к волостным земствам избрать

по пять человек для этой цели. Из своего состава в Петроград оно направило гласных П.Г. Протасова, А.К. Мальцева и Ф. Хамматова [11, л. 13]. В докладе управы земскому собранию в январе 1918 г. сообщалось, что командированные в Петроград малмыжские представители Учредительное собрание уже не застали, поскольку оно было разогнано. По их словам, население и фронт относятся к большевикам отрицательно, за власть советов выступает только Петроградский гарнизон. В своем постановлении Малмыжское уездное земское собрание еще раз заявляло, что вся полнота власти должна принадлежать Учредительному собранию [12, л. 156].

Первый съезд Советов Вятской губернии 8 января 1918 г. объявил о переходе власти к советам. Земская оппозиция была арестована. Вятский комитет Союза служащих губернского земства согласился на переговоры при условии освобождения арестованных земских деятелей. Переговоры зашли в тупик, и губисполком Вятского Совета занял жесткую позицию в отношении организаторов забастовки служащих. «Комитетчики» не принимались на работу, подлежали аресту. Управление земским хозяйством перешло в ведение советской власти и было реорганизовано. В феврале 1918 г. в Вятке образовались Совет народных комиссаров и Совет народного хозяйства [13, с. 113].

В уездах губернии переход власти в руки советов затянулся до мая 1918 г., что было связано с их отсутствием в большинстве районов. В целом этот процесс прошел спокойно и не встретил сильного сопротивления на местах. Нужно отметить, что еще во время проведения земской реформы Временного правительства население ряда волостей выражало открытое недовольство демократическим волостным земством. Советы 1918 г. по способу своего формирования оказались приближены к привычным крестьянам сельским и волостным сходам. Кроме того, за прошедший 1917 г. население устало от многочисленных выборов в различные органы и отнеслось достаточно равнодушно к новой смене названий. В некоторых местах делегаты на первые уездные съезды советов могли избираться волостными земскими собраниями, а сами они переименовывались в советы. Исполнительные органы земства реорганизовывались в соответствующие отделы исполкомов советов. Земские служащие в уездах и волостях в большинстве случаев, в отличие от губернского города Вятки, отнеслись к смене своего статуса спокойно.

Оппозиционное движение активизировалось летом 1918 г. после начала комбедовского периода. Новым советам пришлось решать те же про-

блемы, которые подрывали основы существования земства к концу 1917 г.: продовольственный и финансовый кризисы, рост цен, нежелание населения платить налоги и отдавать хлеб. Принимаемые жесткие меры способствовали распространению недовольства. Ижевско-Воткинское восстание дало выход наметившимся еще осенью 1917 г. – зимой 1918 г. оппозиционным настроениям. События мятежа в Ижевско-Воткинском районе освещены в литературе [14]. Не останавливаясь на них подробно, отметим, что в этот период вновь встал вопрос о земствах и советах. В сентябре 1918 г. Прикамский комитет членов Учредительного собрания упразднил советы как органы политической власти, сохранив за ними статус добровольных классовых пролетарских и крестьянских организаций, и восстановил земства и городские думы, которые должны были действовать на основании положений Временного правительства. Соответствующие приказы были изданы также временно исполняющим обязанности окружного уполномоченного Комуча по Вятской губернии Чирковым [15, с. 542]. Восстановление земского самоуправления имело территориально и функционально ограниченный характер. В условиях развернувшейся Гражданской войны на первый план выходили чрезвычайные органы.

Таким образом, в Вятской губернии, как и во многих других удаленных от столицы регионах России, процесс перехода власти к советам растянулся во времени. До конца 1917 г. местные советы в силу специфики своего партийного состава были до определенного момента солидарны с земствами в вопросах демократических преобразований и роли в них Учредительного собрания. Упрочение в советах позиций большевиков при поддержке центральной власти заставило земства встать в оппозицию. Ликвидация земства и передача подведомственной ему хозяйственной инфраструктуры в управление советами заняла несколько месяцев и продолжилась до 1918 г.

Список источников и литературы

1. Макаров Ф.П. Октябрь и гражданская война в Удмуртии. Ижевск: УД-ГИЗ, 1932.
2. Бакулин В.И. Драма в двух действиях: Вятская губерния в 1917–1918 гг. Киров: ВятГГУ, 2008.
3. Журналы Малмыжского уездного земского собрания экстренной сессии 9 и 10 апреля 1917 г. с докладами управы и другими приложениями. Малмыж, 1917.

4. Зубарев Н.И. Великий переворот и задачи текущей жизни. Вятка: Тип. А. А. Сильвинского, 1917.

5. Макушин С.Н. Вятское уездное земство, что оно делало и делает. Вятка: Губернская типо-лит., 1918.

6. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1788. Оп. 2. Д. 181.

7. Установление и упрочение советской власти в Вятской губернии: сб. документов. Киров: Кировское кн. изд-во, 1957.

8. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 616. Оп. 1. Д. 273.

9. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. 246. Оп. 1. Д. 139.

10. ЦГА УР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 83.

11. ГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 1503.

12. ГАКО. Ф. 1345. Оп. 2. Д. 47.

13. Тимкин Ю.М. Большевики и Вятское земство в октябре 1917 – марте 1918 гг. // Вятскому земству – 130 лет: материалы научной конференции 8–9 октября 1997 г. Киров: Кировская ордена Почета областная библиотека им. А. И. Герцена, 1997. С. 110–113.

14. См., например: Дмитриев П.Н., Куликов К.И. Мятёж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск: Удмуртия, 1992.

15. Бехтерев С.Л., Бехтерева Л.Н. Местное самоуправление в ретроспективе имперского и раннесоветского периода (на материалах Ижевска) // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2017. Т. 27. Вып. 4. С. 535–543.

**A.M. Subbotina,
Izhevsk**

**ZEMSTVO AND SOVIETS:
THE STRUGGLE FOR POWER IN THE VYATKA PROVINCE
DURING 1917–1918**

The article discusses changes in the relations between Zemstvo (local self-government) and the Soviets (Councils) on the territory of the Vyatka province during the Russian revolution of 1917 and the subsequent events until the autumn of 1918. The author concludes that they cooperated till the end of 1917. Zemstvo was on the side of the opposition, when the Bolsheviks began to control the Soviets.

They openly supported the Constituent Assembly and started a political struggle, but lost. The Central Soviet government provided armed and organizational support to its representatives on the ground.

Keywords: Russian revolution, civil war, local self-government, Zemstvo, Soviets, Soviet power.

УДК 321.01

И.В. Упоров,
г. Краснодар

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА КАК ИСТОРИЧЕСКИ НЕИЗБЕЖНЫЙ В РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ ОСОБО ОПАСНЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ

В статье рассматриваются исторические причины, приведшие в итоге к Гражданской войне в России 1918–1922 гг. как неизбежному событию. Отмечается, что «точкой разворота» стал период конца XVIII – начала XIX вв., когда Россия, позиционируя себя как европейское государство, не пошла по пути буржуазных революций, предпочтя абсолютизм, а вместе с ним накапливающийся потенциал вражды высших и низших сословий. При таком подходе вынужденные реформы 1860-х гг. уже не удовлетворяли ожидания российского общества, а последующие убийство Александра II и контрреформы лишь усилили революционное движение. Созданный неспособной реагировать на вызовы времени правящей элитой военный и политико-уголовный хаос к 1917 г. мог быть решен только жестокими методами насилия, каким и стала Гражданская война.

Ключевые слова: Гражданская война, сословия, революция, «красные», «белые», правящая элита.

Прошедшие 100 лет с начала Гражданской войны в России не смогли остудить споры о ней и примирить сторонников противоборствовавших «красных» и «белых», о чем свидетельствуют публикации в научных, научно-популярных и иных изданиях, споры в многочисленных интернет-сетях, очные дискуссии на разного рода конференциях. А нынешняя круглая дата лишь катализирует чрезвычайно противоречивый процесс осмысления истории нашего Отечества, где Гражданская война 1918–1922 гг.

занимает, пожалуй, место важнейшего события, явно и зримо разделявшего тогда и разделяющего сейчас российское общество. Так, по данным проведенного ВЦИОМ опроса, большинство респондентов в годы Гражданской войны поддержали бы «красных» (34 %), «белых» – 14 %; третью силу (активистов крестьянских восстаний – «зеленых») – 10 %. Ответы оказались несколько иными, когда вопрос ставился о том, на чьей стороне симпатии россиян в настоящее время, спустя столетие: 16 % от числа опрошенных – за «красных», 7 % – за «белых», 36 % не склонны занимать чью-либо позицию [1]. Численность сторонников «красных» и «белых» по опросу, проведенному в 1989 г. под эгидой ЦК КПРФ, была практически одинаковой (соответственно 15 % и 16 %) [2]. Указанные различия результатов двух опросов не имеют принципиального значения и, скорее, показывают влияние «текущего момента» (в конце 1990-х гг. сказывалось недовольство граждан правящими коммунистами, олицетворяющими «красных», а сейчас – недовольство нынешней правящей капиталистической, а значит близкой к «белым», элитой). В любом случае налицо раскол общества, апогей которого тогда, в годы Гражданской войны, связывался с кровавой враждой родственников, когда идейные, можно сказать, сиюминутные принципы оказывались сильнее обычаев многовековых семейных уз. Характерным в этом отношении является случай с одним из демобилизованных красноармейцев, вернувшимся в родное село. Его рассказ был опубликован в эмигрантском издании в 1922 г.: «Спрашиваю, довольны ли своей крестьянской властью. Они галдят. Папаша у меня старик старого завета. Зажиточный человек. Что с ним было! Каждый день грызется. Раз заспорили на политическую тему. Я слово, он мне десять. Разъярились оба. Стал он ругать и меня, и власть, грабители говорит все вы и с Лениным вашим. Не унимается старик. Помутилось у меня. Схватил винтовку, наповал убил. Сбежались мужики, чуть нас на месте не разорвали. Еле Совет спас» [3].

То обстоятельство, что разные поколения россиян, пройдя через многолетний советский режим, по-прежнему не могут найти консенсуса в оценке Гражданской войны, свидетельствует о фундаментальности причин этого величайшего социального конфликта, обретшего, к несчастью, вооруженный характер и поглотившего, по разным данным, до 13 миллионов жизней российских граждан [4, с. 38], [5, с. 359], т.е. едва ли не 10 % всего тогдашнего населения. К этому следует добавить хозяй-

ственно-экономическую разруху, миллионы покинувших страну, массовую детскую беспризорность, территориальные потери и другие крайне негативные последствия.

Как представляется, Гражданская война в условиях, в которых оказалась наша страна к началу XX в., была неизбежным исходом глобального и многовекового процесса противостояния разных социальных групп (классов). Конкретные годы (1918–1922) определились наложением именно в этот период ряда факторов (политического, военного, внешне-го и др.), обусловивших запредельную концентрацию разрушительного потенциала противоборствующих сил, приведшую к внутреннему крупномасштабному вооруженному конфликту (взрыву).

Следует при этом заметить, что Россия находилась, как и другие страны, в активном взаимодействии с окружающим миром. В этом смысле она, позиционируя себя как европейское государство (во всяком случае, с петровской эпохи – однозначно), должна была учитывать особенности европейского развития, которые с Нового времени (XVII в. и далее) характеризовались внедрением буржуазных (демократических) принципов, классическим выражением которых стала французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г. [6]. В это время в России, как известно, имел место довольно жесткий абсолютизм. Мы полагаем, что именно тот период стал для России хронологической точкой невозврата к европейским ценностям и определил путь, на котором окажется Гражданская война в начале XX в. Некоторое заигрывание Екатерины II на либеральные темы в расчет не может быть взято, поскольку реальная внутренняя политика отвергала даже мельчайшие попытки демократизма, начиная с антизаконного воцарения императрицы посредством насилия, хотя и не масштабного. Россия отказалась от демократических принципов построения общества и государства, что нашло отражение в прекращении попыток Александра I установить в стране конституцию (уставную грамоту), поскольку, очевидно, он, будучи сам вполне европейцем, не смог преодолеть консерватизм придворной элиты, оказавшейся сильнее самого императора.

Итак, пути Европы и России разошлись. На наш взгляд, Россия оставалась абсолютистской прежде всего по причине крепостничества, при котором, с одной стороны, получавшие от этого преференции крупные собственники-помещики не желали (в силу банальной жадности и отсутствия гражданско-патриотической позиции) отказываться от таковых даже за счет нещадной эксплуатации своих же сограждан, благо госаппа-

рат был под их влиянием. С другой стороны, сами крестьяне как низшее сословие в силу заботности и безграмотности не могли самоорганизоваться для защиты своих интересов. И это все происходило, напомним, на европейском фоне, где такого рода отношения граждан одной страны уже не имели место. Удивительно, но представителей российского правящего класса не настораживал опыт самой же России (не говоря уже о других странах). В пугачевском восстании приняли участие десятки тысяч людей, в основном низших сословий; это была, по сути, первая гражданская война, если иметь в виду степень организованности противоборствовавших сил. Какие были сделаны выводы в масштабе государства? Никаких. Все оставалось по-прежнему, те же массовые казни бунтовщиков, та же ненависть, еще более усилившаяся, низших сословий к высшим. В 1825 г. восстали уже представители дворянства. Также никаких выводов, те же казни, и все остается по-прежнему – высшие сословия не приемлют никаких политических перемен. Растущую социальную рознь «низов» по отношению к «верхам» и олицетворяемому ими государству, с одной стороны, и пренебрежение «верхов» в отношении к «низам» – с другой, не смогли погасить ни отмена крепостного права, ни определенный экономический рост и повышение уровня жизни населения в пореформенную эпоху.

При такой позиции вынужденные реформы 1860-х гг. были уже запоздалым решением, ибо российское общество не могло не видеть и не знать о европейской жизни и не могло ее не желать. Поэтому то, что провозглашалось Александром II как величайшее благо для тех же крестьян, таковым для них, равно и для многих других россиян, уже не было («мало дал свободы!»). И не случайно появились «Земля и воля» и другие революционные организации, не случайно общество аплодировало преступнице (Вера Засулич), покушавшейся на градоначальника (а ведь это теракт!), не случайно, наконец, царь-освободитель был убит. Совершенно очевидно, что российское общество ожидало более глубоких перемен европейского типа, причем ждали не только давно ненавидевшее власть крестьянство, но и начинавший развиваться пролетариат, разночинцы, интеллигенция. К сожалению, убийство Александра II подвигло его преемника к примитивному «закручиванию гаек» (контрреформы). Мы полагаем, что правящая элита России настолько оказалась неготовой политически трезво оценивать происходящие события, настолько не желало обратить внимание на опыт других стран (например, реформы Мэйдзи в Японии, когда император счел нужным делегировать часть

власти парламенту и правительству на основе принятой конституции), что последующие потрясения в России представляются как неизбежные. Как отмечает Ю. Носов, «никаких случайностей не произошло. Общество хотело, точнее сказать, общество жаждало пришествия терроризма» [7, с. 84]. Нельзя в этом контексте не согласиться с М.А. Смирновым в том, что «поиск справедливости стал напрямую уподобляться общеуголовным видам преступной деятельности: убийствам, воровству и просто насилию» [8, с. 118]. Более того, в литературе не без оснований утверждается, что прежние одиночные акты «мечтателей-идеалистов» в начале XX в. были поставлены на коммерческую основу, террор превратился в бизнес: «Благородный террорист – чаще всего из дворян ... уступил место огромной массе откровенных маргиналов из различных слоев, в том числе обычным уголовникам» [9, с. 22], когда «доминирующая финансовая подоплека терроризма не осознавалась только откровенно недалекими людьми» [9, с. 24]. По некоторым оценкам, к примеру, всего за год – с октября 1905 г. по октябрь 1906 г. добычей «экспроприаторов», организовавших 1951 нападение, стали порядка 7 миллионов рублей [10, с. 8].

Последовавшее затем решение власти вступить в мировую войну означало для самой России, что в стране появилось несколько миллионов вооруженных людей – из тех же преимущественно низших сословий, довольно быстро осознавших, что они воюют неизвестно за что и за кого. И именно эти вооруженные люди, именно те винтовки и другое вооружение, которые предназначались для высокой и благородной миссии защиты Отечества, окажутся, увы, смертоубийственным инструментарием в Гражданской войне. В 1917 г. все основные структуры власти России оказались, по сути, недееспособными, и, более того, трусливыми (чего стоит только быстрое и конъюнктурное предательство императора его ближайшими сподвижниками, включая генералитет; да и сам император оказался не тем политиком, который был бы способен принимать адекватные вызовам решения и проводить их в жизнь). Как отмечал Н.А. Бердяев, «вся русская революция есть тяжелый кошмар, приснившийся русскому народу от его бессилия и болезни, есть призрак, созданный расстроеным воображением народа слабого и потерявшего духовный центр. Старая власть, старая монархия не была у нас свергнута революцией, она сгнила, разложилась и бесславно пала, как падает гнилое яблоко с дерева. Но яд от гниения старой России остался внутри народного организма и продолжает разлагать жизнь русского народа» [11, с. 5].

Стоит ли удивляться, что при таких условиях невиданный размах получило дезертирство. Так, концу 1917 г. численность дезертиров составляла уже не менее полутора миллиона человек. В итоге, «лишь относительно небольшое количество дезертиров вернулось к труду, основная часть либо занималась грабежом и терроризировала население, либо шла в «зеленые» и воевала и против «белых» и против «красных». Третья группа дезертиров появилась благодаря «белой» и «красной» мобилизации 1918 г. и наложилась на две предыдущие» [12, с. 16]. «Люди с винтовками», причем не только дезертиры, но и демобилизованные, понимая значение оружия (насилия) в условиях глубочайшего кризиса власти, рассчитывая на выгоды, которые могли получить его обладатели в случае применения против мирных обывателей, составили костяк банд самых разных видов. И все это происходило на фоне резкого обострения политико-идеологических противоречий, нашедших разрешение после 1917 г. в жестокой классовый борьбе и уничтожении представителей противной стороны, причем это относится ко всем противоборствующим участникам, и, особенно, большевикам, которые, как известно, террор возвели в ранг константы внутренней политики (известное решение в сентябре 1918 г. «О красном терроре»). Следует далее согласиться с тем, что «условия для небывалого роста преступности создали экономическая разруха, инфляция и голод, возникшие после вступления России в войну, Февральской революции и Октябрьского переворота 1917 г., вызвавших политические потрясения и создавших обстановку беззакония» [13, с. 36]. Заметим, что власть мирилась с такими эксцессами и по причине бессилия, и по причине надежды на восстановление порядка хотя бы такими средствами. В итоге, установившиеся на обширных пространствах «мексиканские нравы» были «узаконены» тем, что партизанские «офицерские банды» на деле остались хозяевами положения и при Колчаке: «Диктатура Колчака была лишь символом, прикрывавшим диктатуру множества уездных, губернских, областных и чрезвычайных маленьких диктаторов, глубоко проникнутых сознанием своей власти, раз только на их плечах блестят эполеты и под его командой находится несколько десятков или сотен человек» [14, с. 32].

Фактически в стране наступил политико-уголовный хаос, в котором побеждает тот, кто использует самые жесткие и жестокие методы. Трагедия России заключалась как раз в том, что при таком хаосе иных методов, кроме насильственных, принудительных, навести порядок не было.

Вот здесь, на наш взгляд, вполне очевидной и появляется неизбежность Гражданской войны, ибо указанными методами большевики не преминули воспользоваться, наложив на них свои идейные принципы, и прежде всего касающиеся уничтожения класса эксплуататоров, т.е. бывших высших сословий, ненависть к которым со стороны низших накапливалась веками, и вот теперь большевики предложили нанести, образно говоря, ответный исторический удар. И этот удар состоялся. Так, в августе 1918 г. В.И. Ленин писал: «Пенза. Губисполком ... провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города» [15, с. 143]. Таких записок, телеграмм, распоряжений В.И. Ленина и других большевиков известно немало. К 1919 г. ожесточение Гражданской войны достигло крайней степени. Так, в феврале 1919 г. политкомиссар донской станицы Константиновской Аронштам переименовал ее в «город Розы Люксембург с улицами: Подтелковской, Мироновской, Ленинской, Смерти». За два месяца он расстрелял более 800 человек: «Расстреливали днем у тюрьмы китайцы, на виду у всех» [16]. В станице Морозовской глава ревкома и заведующий экспедиционным отделом 10-й армии Богуславский, получив телеграмму с упреком в «слабом проведении в жизнь диктатуры пролетариата» – «взял список арестованных, выводил по очереди 64 сидевших в тюрьме казаков и всех подряд расстреливал» [17, с. 9–98]. Когда штаб 9-й армии арестовал в полном составе этот ревком и расстрелял его, то обнаружилось около 200 убитых. Не удивительно, что весной 1919 г. Дон восстал против большевиков. Тогда же, в 1918–1919 гг. в разных регионах страны неуклонно нарастала волна крестьянских восстаний (в основном из-за разверстки, мобилизаций, вскрытия мощей и т.д.), которые подавлялись силами продотрядов, особых отрядов ЧК, войсковых частей.

Да, большинство населения России в итоге приняли сторону большевиков. Но ведь и с другой стороны большевикам противостояли те же российские граждане, осознанно или неосознанно (принудительно) занимавшие иные политические позиции. Свой спор «красные» и «белые» превратили в кровавый конфликт. Стоило ли его решение миллионов жизней? Нет, конечно. Но, увы, в российском государстве не существовало демократических механизмов, позволявших политические споры вести иным способом, не было дееспособного общероссийского парламента, избранного на основе всеобщего избирательного права, не

было парламентов в губерниях, не было профсоюзов. Некоторые из этих институтов появились, но поздно, как когда-то запоздала крестьянская реформа 1861 г. Не было и государственных деятелей и военачальников, способных адекватно решать военно-политические вопросы. И в этих условиях Гражданская война стала неизбежной. Вот та цена, которую заплатила Россия за отмеченные выше жадность и политическую незрелость правящей элиты. К сожалению, мир устроен так, что за ошибки предшествовавших поколений отвечать пришлось тем, кто оказался в горниле жестоких событий 1918–1922 гг. Остается только надеяться, что нынешний политический класс извлечет уроки из страшного события столетней давности. Определенный примиряющий шаг уже сделан (Указ Президента России от 6 ноября 1997 г. «О возведении памятника россиянам, погибшим в годы гражданской войны»). Но этого мало, и это было уже давно – важнее определить и поддерживать баланс таких взаимоотношений между «богатыми» и «бедными», между другими социальными группами, когда между ними не будет непримиримой вражды.

Список источников и литературы

1. Миллер Л., Иванов М. Граждане скорее за красных // Коммерсант. 2017. 8 ноября.
2. Обухов С.П. Ты за белых или за красных? // Правда. 2017. 3 августа.
3. Еженедельник Высшего Монархического Совета. 1922. № 62. 23 октября.
4. Эрлихман В.В. Потери народонаселения в XX веке: справочник М.: Издательский дом «Русская панорама», 2004.
5. Урланис Б.Ц. История военных потерь. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил Европейских стран в войнах XVII–XX вв.: историко-статистическое исследование. СПб.; М.: Полигон, 1998.
6. Декларация прав человека и гражданина от 26.08.1789 г. // Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, Япония. 8-е изд., исправл. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 117–119.
7. Носов Ю. Еще раз о деле Засулич и либеральном обществе. Как благословили терроризм // Наука и жизнь. 2017. № 13. С. 80–88.
8. Смирнов М.А. Отечественная преступность и общественно-политическая ситуация в России во второй половине XIX – начале XX века (1861–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2006.

9. Турицын И.В. Власть, общество и терроризм: размышления о российской исторической традиции // Современная научная мысль. 2014. № 1. С. 19–26.

10. Гейфман А. Революционный террор в России: 1894–1917. М.: Крон-пресс, 1997.

11. Бердяев Н.А. Была ли в России революция? // Народоправство. 1917. № 15 (19 ноября). С. 4–11.

12. Галин В.В. Интервенция и Гражданская война. М.: Алгоритм, 2004.

13. Корецкий Д.А., Пособина Т.А. Современный бандитизм. Криминологическая характеристика и меры предупреждения. СПб.: ЮЦ Пресс, 2004.

14. Ракитников Н.И. Сибирская реакция и Колчак. М.: Издательское товарищество «Народ», 1920.

15. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 50. М., 1970.

16. Донские ведомости. 1919. 22 июня.

17. Скорик А.П. 1-й Донской округ: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск: Лик, 2012.

**I.V. Uporov,
Krasnodar**

CIVIL WAR AS A HISTORICALLY INEVITABLE UNDER THE RUSSIAN CONDITIONS, A HIGHLY DANGEROUS SOCIAL CONFLICT

The article considers the historical reasons that led to the Civil war in Russia during 1918–1922 as an unavoidable event. It is noted that the “turning point” was the period of the late 18th and early 19th centuries, when Russia, positioning itself as a European state, did not follow the path of bourgeois revolutions, preferring absolutism, which was followed by the accumulating potential of hostility between the higher and lower classes. With this approach, the forced reforms of the 1860s no longer satisfied the expectations of Russian society, and the subsequent assassination of Alexander II and the counter-reforms only strengthened the revolutionary movement. The military and political-criminal chaos created by the ruling elite, which was unable to solve the challenges of the time by 1917, could be solved only by cruel methods of violence, which became the Civil war.

Keywords: Civil war, estates, revolution, “red”, “white”, ruling elite.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВЕСЕННЕГО НАСТУПЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА В 1919 Г.

В статье рассматриваются проблемы разработки наступления белых армий Восточного фронта весной 1919 г. Дается оценка перспектив этой операции. Анализируются возможности соединения армий адмирала А.В. Колчака с армиями генерала А.И. Деникина и с Северным фронтом генерала Е.К. Миллера. Указывается на значение данного наступления в контексте внешнеполитического статуса Российского правительства адмирала Колчака в первой половине 1919 г.

Ключевые слова: Гражданская война, Белое движение, адмирал А.В. Колчак, весеннее наступление, 1919 г.

В изучении истории Гражданской войны в России значительное внимание уделяется событиям, связанным с боевыми действиями на Восточном фронте весной 1919 г. Оценка весеннего наступления армий А.В. Колчака в эмигрантской литературе давалась преимущественно исходя из их конечного результата – поражения и отступления за Урал. Поэтому в целом характеристика действий белых армий была негативной, которая очень метко определялась словом «враздробь».

В этом отношении показательна оценка, данная операции генерал-лейтенантом Д.В. Филатьевым. По его мнению, разработанный план предусматривал «двинуться одновременно и на Вятку, и на Самару. Он приводил к эксцентрическому движению армий, действиям враздробь и к оголению фронта в промежутке между армиями. Такой образ действий мог бы позволить себе полководец, уверенный в самом себе и в своих войсках и располагающий превосходством сил, стратегическим резервом и широко развитой сетью железных дорог для переброски войск по фронту и в глубину. При этом одно из направлений выбирается как главное, а прочие – суть демонстрации для введения противника в заблуждение. Ни одного из перечисленных условий налицо в Сибирской армии не было, исключая уверенность в себе полководца, поэтому такой вариант должен был быть отброшен без обсуждения, как ведущий неумолимо к полному неучеху. Между тем, он именно и был избран для

сокрушения большевиков, что и привело Сибирские армии в конечном результате к краху» [1, с. 53–54].

Между тем историческое «послезнание» как оценка в мемуаристике, даваемая спустя десятилетия после прошедшего события, далеко не всегда помогает объективно рассмотреть его суть и смысл. В данном случае большую ценность имеют воспоминания тех, кто принимал наиболее близкое участие в том или ином событии.

Применительно к весеннему наступлению 1919 г. особый интерес представляют не опубликованные до настоящего времени воспоминания начальника штаба Западной армии генерал-майора С.А. Щепихина, имевшего непосредственное отношение к разработке планов данной операции. Примечательны детали обсуждения предстоявшего наступления, прошедшего на военном совещании в Челябинске (февраль 1919 г.). На нем присутствовал сам Верховный Главнокомандующий адмирал А.В. Колчак, а основной доклад делал командующий Сибирской армией генерал-лейтенант Р. Гайда. При этом непосредственный «автор» плана операции, начальник штаба Ставки Главверха генерал-майор Д.А. Лебедев отсутствовал. Но, как следует из воспоминаний генерала Щепихина, Р. Гайда полно изложил суть предстоявших боевых действий. Операция планировалась как фронтальный удар на достаточно протяженной территориальной линии от Прикамья до Южного Урала. Следует отметить, что наступление призвано было разрешить сразу несколько важнейших не только стратегических, но и военно-политических задач.

Одна из них – признание со стороны Антанты. «Итак «по политическим мотивам мы должны наступать и теперь же» – так закончил прения совещания в Челябинске Верховный Правитель и Главнокомандующий адмирал Колчак... Позже, как сплетня, передавали, что Колчак опасался быть опереженным на путях в Москву со стороны Деникина. Будто бы он сказал «кто первый придет в Первопрестольную, тот и будет голова!» Это не так. Колчак торопил с наступлением, дабы успехами на фронте ускорить признание союзников, а, следовательно, с одной стороны обеспечится помощь, с другой – объединение всего Белого движения в руках Адмирала» [2, л. 65].

Сибирская армия под командованием генерала Р. Гайды должна была выйти на соединение с Северным фронтом генерал-лейтенанта Е.К. Миллера в районе Вятки и после этого обеспечить совместный

с войсками Антанты удар на Москву с северо-востока. Удар на центральном направлении, на Самару наносила Западная армия под командованием генерала от артиллерии М.В. Ханжина. В перспективе она могла бы соединиться с войсками Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России генерал-лейтенанта А.И. Деникина в том случае, если бы они успешно перемещались в Поволжье через Царицын. Но не исключался и вариант самостоятельного продвижения Западной армии к Москве с востока. В это же время силы Южной армии под командованием генерал-лейтенанта Г.А. Белова совместно с подразделениями Оренбургской армии генерал-лейтенанта А.И. Дутова также наступали в Поволжье и в перспективе могли бы соединиться с войсками А.И. Деникина на нижней Волге.

Таким образом, две принципиально важные для российского Белого движения задачи должны были решиться в ходе предстоящего наступления. Первая – соединение с другими белыми армиями и создание единого антибольшевистского фронта («дуга» от севера до юга, с центром в Поволжье и на Урале). Вторая задача – укрепить всероссийский статус «омской власти», добиться координации и соподчиненности военных интересов всех белых армий и белых правительств.

План наступления не отличался тщательной подготовленностью, но можно ли считать это главной причиной его «изначальной» обреченности? В условиях непредсказуемой Гражданской войны детальная разработка вряд ли имела бы смысл. Со стратегической же точки зрения следовало учесть весьма популярный и оправданный в то время опыт Первой мировой войны, согласно которому фронтальный удар на широком фронте отнюдь не являлся ошибочным. Наоборот, считалось вполне перспективным повторение опыта прорыва Юго-Западного фронта (Брусиловского прорыва), когда наступавшие армии не позволяли противнику сосредоточить свои силы для отражения целого ряда одновременных ударов.

Успех подобного сценария был весьма вероятен. По мнению генерала Щепихина, многое зависело и от состояния белых армий, и от того, насколько объективно оценивались Ставкой Колчака возможности Красной армии. «Противник, – писал генерал, – имел 11 дивизий государственного резерва и около 200 тысяч мобилизованных по округам, которые он также имел полную возможность перебрасывать на любой фронт. В случае катастрофы на Восточном фронте, по линии Уфа – Самара – Москва,

противник всегда мог все усилия свои сосредоточить сюда и барьер Волги, если еще не ранее, сделать непреодолимым. Эта вероятность встречи, по мере движения вперед, резервов противника..., все усиливающих и усиливающих сопротивление, указывало противной стороне (белому командованию) единственно выигрышный способ действий: молниеносный, сокрушительный удар, обеспеченный с флангов и получающий свое подкрепление не дальше Волги; Волга должна была быть занята сразу – это возможно лишь при наличии крепкого управления всей тройкой (сравнение трех наступающих армий с тройкой лошадей. – *В.Ц.*), причем главной заботой пристяжных (Сибирской и Южной армий. – *В.Ц.*) должно быть обеспечение от малейшего намека удара во фланг или по тылам коренника (Западной армии. – *В.Ц.*). Отсюда по времени наступление пристяжных должно предшествовать наступлению центра и всегда находиться уступом вперед. Это первое условие. Второе – если имеется фронтовой резерв – он должен быть готов к началу наступления и если и не находится в распоряжении центра, то, во всяком случае, в его районе, подтянувшись ближе к фронту, в районе, обеспечивающего быстрый перевод этого резерва в угрожаемый пункт... Ничто не смеет остановить этот порыв к Волге. Все должно быть обдуманно заранее, дабы сравнительные мелочи не отвлекали, не задерживали удара...» [2, л. 64–67].

Итак, необходимо было нанесение ударов уступами и в разное время (сначала с флангов, а затем из центра). Другое обязательное условие – наличие резервов для развития успеха. Но если с темпом наступления проблем не было (армии на марше не успевали сменить зимнее обмундирование на летнее), то с потенциалом дело обстояло неудовлетворительно.

Тем не менее, успех был очевиден. Применительно к белому Северу можно было бы говорить о частично осуществившемся решении задачи соединения с войсками Миллера. 17 апреля 1919 г. подразделения 1-го Средне-Сибирского корпуса генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева (25-й Сибирский Тобольский стрелковый полк) у с. Усть-Кожва на Печоре соединились со стрелками печорского батальона капитана Г.П. Алашева. В белой прессе говорилось об этом, как о создании единого белого фронта. Объединение Северной и Сибирской армий произошло в канун Пасхи (Светлое Христово Воскресение праздновали 20 апреля). «Сибиряки шлют сердечный привет Архангельцам» [3]. Генерал Миллер обменялся телеграммами с генералом Р. Гайдой и даже передал ему права оператив-

ного руководства северными войсками в районе соединения. Верхнепечорские волости вошли в состав Чердынского уезда Пермской губернии (формально подчиняясь Омску). Летом – осенью 1919 г. Усть-Цильма представляла собой крупный пункт товарообмена между Омском и Архангельском. Через Усть-Цильму был проложен телеграф, через нее проезжали делегаты из Архангельска в Омск и обратно [4, с. 122–123].

Хуже обстояло дело с соединением с войсками А.И. Деникина. Позднее за объединение с армиями Колчака будет выступать командующий Кавказской армией генерал П.Н. Врангель (операции через Царицын к Уралу).

Однако нужно учесть, что к середине лета 1919 г. войска Верховного Правителя уже отступали за Уральский хребет в Сибирь, и соединиться с ними было практически невозможно. По точной оценке эмигрантского военного историка А.А. Керсновского план Врангеля был «вне времени» и «вне пространства». «Вне времени» – потому что потерпевшие на берегах Волги в конце апреля поражение войска Верховного Правителя стали откатываться назад, с каждым днем все более удаляясь от Вооруженных Сил Юга России. В момент сражения на Маныче они уже отходили от Бугуруслана. Царицынские штурмы совпали как раз со сдачей Уфы. «Вне пространства» – потому что даже в случае удачного форсирования Волги под огнем господствовавшей волжской флотилии красных... фронт пошел бы по линии Златоуст – Уфа – Царицын – Таганрог, заняв гораздо большее протяжение, чем фронт Царицын – Орел – Киев и не имея к тому же ресурсов фронта «Московского Похода». Опирался бы этот фронт на безлюдные (и даже безводные) степи, в стороне от каких бы то ни было населенных политических центров страны. Более того, этот «пустынный» фронт не имел бы даже ни одной рокадной ж[елезно] д[орожной] линии. При попытке выдвижения его на линию Самаро-Златоустовской ж[елезной] д[ороги] неизбежен был разрыв между левобережной и правобережной группами – и красные от Саратова либо Вольска брали бы левую группу во фланг. Иначе чем катастрофой все это окончится не могло» [5, с. 34].

Надо отметить, что аналогичные условия для соединения с белым Югом существовали и весной 1919 г.

Гораздо более серьезной ошибкой следует считать недооценку белым командованием Красной армии, прежде всего с точки зрения мобилизационных возможностей и эффективности управления войсками.

Считалось, что после первых же поражений Красная армия полностью «развалится». Тем не менее, результативность фронтального удара армий Колчака на начальной стадии весеннего наступления принесла свои результаты. Уместно привести слова из научно-популярной книги Р.Н. Мордвинова («В грозные годы Гражданской войны»), изданной большим тиражом к 60-летию «Великого Октября»: «...Восточный фронт (Красной армии. – В.Ц.) был прорван на всем пространстве от Камы до Самаро-Златоустовской железной дороги, и в распоряжении командования фронтом не было сколько-нибудь значительных резервов. В создавшейся обстановке оказалась в тяжелом положении также Туркестанская армия, над которой нависла угроза быть отрезанной от путей на Бузулук и Самару (еще один серьезный военно-политический успех наступления Колчака. – В.Ц.). Западная армия Колчака приближалась к Волге. Стала реальной опасность перехода колчаковцев через Волгу и их соединение с войсками Деникина, наступавшего с юга...» [6, с. 152].

Позднее о причинах первых поражений Красной армии писал и В.И. Ленин в брошюре «Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком» (24 августа 1919 г.): «...На примере колчаковских побед в Сибири и на Урале мы все видели ясно, как малейший беспорядок, малейшее нарушение законов советской власти, малейшая невнимательность или нерадение служат немедленно к усилению помещиков и капиталистов, к их победам...» [7, с. 151–152].

Так что говорить об «изначальной обреченности» планов А.В. Колчака не стоит. Необходимо принимать во внимание именно упущенные возможности развития наступательных действий после отмеченного выше первоначального успеха. Но это – тема другого исследования.

Список источников и литературы

1. Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири 1918–1922. Впечатления очевидца. Париж: Умса-press, 1985.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8.
3. Русская жизнь. Гельсингфорс. 1919. № 35. 12 апреля.
4. Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1919–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). Ч. 1. М.: Наука, 2013.
5. Керсновский А.А. Философия войны. Белград, 1939.

6. Мордвинов Р.Н. В грозные годы Гражданской войны. М.: Просвещение, 1977.

7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 39. М., 1970.

**V.G. Tsvetsov,
Moscow**

MILITARY AND POLITICAL SIGNIFICANCE OF THE SPRING OFFENSIVE ON THE EASTERN FRONT IN 1919

The article deals with the problems of the white armies offensive development on the Eastern front during the spring of 1919. The estimation of the operation prospects is given. The possibilities of joining the Admiral Kolchak armies with the General Denikin armies and with the General Miller's Northern front are analyzed. The significance of this offensive is pointed out in the context of the foreign policy status of the Admiral Kolchak's Russian government in the first half of 1919.

Keywords: Civil war, White movement, Admiral Kolchak, spring offensive, 1919.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И СУДЬБЫ ПОКОЛЕНИЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

УДК 94(47)

Е.П. Барина,
г. Самара

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена анализу факторов, воздействующих на повседневную жизнь представителей дореволюционной элиты в условиях революции и первые годы Гражданской войны. Показано восприятие политики советской власти. Оцениваются практики их самоопределения в мире социальных перемен и нравственной неустойчивости. Рассматриваются попытки адаптации к постоянно меняющимся условиям жизни, обусловленным борьбой за власть.

Ключевые слова: Великая Российская революция, Гражданская война, социальные практики, провинциальная элита, органы власти, адаптация, социальные риски.

Современные исследователи все чаще обращаются к анализу повседневной жизни в условиях революционного экстрима и проблемам самоопределения человека в условиях распада империи и становления нового социального строя. Вихрь революционных событий и противоречивые реалии Гражданской войны коренным образом трансформировали организацию жизненного пространства социума. К тому же адаптация представителей различных страт к радикальным потрясениям во многом зависела от степени осознания макроисторических событий, идеологических убеждений и нравственных качеств человека.

Документальные свидетельства революционной эпохи содержат эмоциональные суждения современников событий о росте продовольственных цен, вооруженных грабежах, атмосфере неизвестности

и смятения. Представители провинциальной элиты в 1917 г. переживали противоречивые чувства: неуверенность в завтрашнем дне, осознание невозможности повлиять на ход событий, ожидание скорых изменений. Сразу после Февральской революции они еще надеялись приспособиться к новым реалиям и найти свое место в социальной структуре общества. Но события 1917 г. показали неспособность политического руководства предложить приемлемую программу модернизации страны. Фактическое лишение собственности, постепенное вытеснение из властных структур, прежде всего на уровне уезда, города и губернии, снижение общественного авторитета, несомненно, негативно отражалось на психологическом состоянии представителей дворянства, купечества, буржуазии и вызывало к жизни новые модели поведения и социальные практики.

Экспроприация земельной собственности оставляла семьи без источника существования. Для дворянства наиболее значимой была утрата не столько собственности, сколько имения как символа памяти, рода и преемственности поколений. С весны и до конца 1918 г. происходила национализация и ликвидация усадеб, в результате чего оказалась уничтожена значительная часть национального культурного наследия, включая семейные и родовые архивы дворян. Оценивая состояние самарских усадеб, как дворянских, так и купеческих, П.Д. Климушкин сетовал, что «хищничество достигло таких размеров, что растащен не только инвентарь живой и мертвый, но и домашняя и кухонная утварь. Растащены столы, стулья, зеркала и т.д.» [1, с. 257–258]. Повсеместный разгром дворянских усадеб в годы Великой Российской революции и Гражданской войны стал культурной трагедией России. Современники отмечали, что «все разграблено и сожжено», «развезено и растащено». Крестьяне не понимали художественной ценности коллекций и библиотек, зачастую они просто ломали вещи или сжигали книги. Воспоминания дворянства проникнуты горечью утраты родовой памяти и сожаления о разрушении всего того, что было сделано.

Начиная с 1918 г. участились случаи физической расправы над бывшими помещиками, а также выселение их из деревни. «Красный князь» кадет В.А. Кугушев, вспоминая о событиях конца 1917 – начала 1918 г., нарисовал красочную картину деревенских настроений в его поместье в Уфимской губернии: «Село беспрестанно митингует, во главе фронтовики», звучат «громовые, трафаретные речи о кровопийцах, эксплуа-

таторах-помещиках, грабивших, оскорблявших и унижавших крестьян, о том, что их нужно стереть с лица земли» [2, с. 305]. Никакие возражения князя и ссылки на тюремное заключение при царском режиме не помешали крестьянам принять приговор о его выселении из деревни. Однако были случаи, когда крестьяне либо предупреждали своих помещиков о грозящей им опасности либо даже прятали их, особенно женщин и детей, от представителей новой власти.

Чрезвычайно интересно сравнить восприятие революционной повседневности представителями различных социальных слоев. В воспоминаниях К.Н. Неклютина, самарского предпринимателя, председателя Самарского биржевого комитета, а впоследствии министра продовольствия и снабжения Правительства А.В. Колчака, дана образная характеристика повседневной жизни в Самаре в 1917–1918 гг. как при власти Временного правительства, так и большевиков, а затем Комуча. Прежде всего, он описывал перипетии отношений предпринимателей, властей и рабочих. И если К.Н. Неклютин лишь упоминает, что в августе 1917 г. он был вынужден приостановить работу мукомольного завода из-за нехватки зерна, а основные проблемы, связанные с реквизицией пекарни возникли лишь в октябре 1917 г., под влиянием большевистской пропаганды [3, с. 100–101], то в воспоминаниях эсера П.Д. Климушкина «История Комитета Народной Власти второго периода» эта ситуация описывается несколько иначе. Он отмечает, что для борьбы с хлебной спекуляцией Самарский городской продовольственный комитет принял решение об изъятии из частных рук хлебопечения и передаче его Продовольственному Комитету. «Вынесенное постановление, – писал он, – ... вызвало много беспокойства как у г. Неклютина, хозяина этой хлебопекарни, так и у элемента наемного, наиболее заинтересованного в сохранении предприятия в руках частного предпринимателя. Не желая расставаться с таким доходным и необычайно хорошо организованным предприятием, которое отнималось у него теперь чуть ли не даром, г. Неклютин открыл настоящий хорошо продуманный поход против Комитета, и нужно, к чести его заметить, эта борьба никогда не выходила из корректных, лояльных рамок. Об этой реквизиции заговорили в печати, в министерствах, в финансовых кругах и в прокуратуре. Президиуму грозило привлечение к ответственности...» [1, с. 162–163].

Описывая приход к власти большевиков, К.Н. Неклютин подробно останавливается на характеристике личности В.В. Куйбышева («лич-

ного друга Ленина») и его деятельности по сбору средств с предпринимателей. 5 декабря 1917 г. газета «Волжское слово» объявила о проведении коммунистами принудительного займа «на нужды трудящихся». Военно-революционный комитет пригласил 30 человек из числа местной буржуазии и потребовал подписать обязательство: «Мы, нижеподписавшиеся, обязуемся принять участие в принудительном обложении на имущие классы г. Самары, проводимым Самарским революционным комитетом в сумме 5 миллионов рублей, и гарантируем это обложение всем своим имуществом и личной ответственностью» [4]. К.Н. Неклютин подробно описывает этот эпизод. Самарские предприниматели полагали, что необходимо уточнить его условия, годовой процент, на что В.В. Куйбышев предложил назвать займ «налогом» или «контрибуцией». Приглашенные ответили отказом, поэтому последовало распоряжение отправить их в городскую тюрьму. На следующий день по повестке вызвали еще 18 горожан, которые из ревкома также проследовали в камеры. Среди арестованных были И.П. Журавлев, К.Н. Неклютин, Л.А. Вакано, С.Е. Пермяков и некоторые гласные городской думы, отказавшиеся узаконить открытый грабеж. К.Н. Неклютин описывает психологическое давление на арестованных предпринимателей, попытки убедить их «раскошелиться». Выступая на губернском съезде Совета рабочих и солдатских депутатов, В.В. Куйбышев предложил взять с капиталистов уже пятнадцать миллионов рублей, чтобы окончательно и навсегда разоружить буржуазию экономически. В середине декабря начался торг, результатом которого стало освобождение тех заключенных, которые согласились отдать большевикам от 10 до 150 тысяч рублей. Л.А. Вакано, В.М. Сурошников, К.С. Оборин, К.Н. Неклютин и ряд других на это не пошли. Последний в своих воспоминаниях указывал, что В.В. Куйбышев дал указание содержать его под арестом, т.к. полагал, что своим авторитетом он плохо влиял на самарских толстосумов [3, с. 93–95]. К концу декабря 1917 г. с предпринимателей Самары было собрано 1,5 миллиона рублей.

Национализация крупных и средних предприятий, сокращение сферы денежного обращения, ограничение свободы торговли фактически лишали предпринимателей средств к существованию. Уравнительный принцип, провозглашенный большевиками, был распространен и на жилье. С весны 1918 г. в столицах и большинстве губернских городов началась компания по переселению рабочих в «буржуазные» квартиры.

Законодательную основу под «жилищный передел» подвел декрет от 20 августа 1918 г., отменявший право частной собственности на недвижимость в городах [5, с. 144–146]. Первоначально прежним хозяевам разрешалось оставлять по одной комнате на каждого взрослого члена семьи и одну дополнительно на детей. Затем власти установили санитарные нормы жилья. К.Н. Неклютин вспоминал, что в рамках кампании по уплотнению подверглись выселению из своих домов и квартир его мать, брат-инвалид войны, которые были вынуждены переехать в дом своих родственников. С.М. Волконский так описывал события лета–осени 1918 г. в Тамбове: «От выселений, реквизиций стон стоял. Люди подбирали свой скарб, выкинутый на улицу, с плачем разводили руками. Все выкидывалось; ... чудные книги восемнадцатого века мокли под дождем... одни уезжали – спасались из Тамбова, другие приезжали – спасались в Тамбов. И так по всей России: север спасался на юг, юг спасался на север» [6, с. 291]. А. Григоров вспоминал, что его семья в поисках спасения выбрала Киев, т.к. он находился под управлением гетмана Скоропадского. Описывая свой путь, он отмечал, что в Москве они застали «еще ряд бежавших из насиженных мест «недорезанных буржуев», которые искали безопасного места, т.к. многим в период «красного террора», наступившего после покушения на Ленина 30 августа 1918 г., грозила смертельная опасность: «их брали заложниками, а в газетах ежедневно публиковались списки расстрелянных» [7]. Потеря особняков и квартир также стала одной из причин миграции провинциальной элиты к родственникам – дальним или близким.

8 июня 1918 г. после вступления в Самару Чехословацкого корпуса были зверски убиты руководители советских учреждений; это образно отражено как в воспоминаниях жителей города, так и в романе А.Н. Толстого «Хождение по мукам». К.Н. Неклютин же фактически упоминает о них лишь вскользь, зато подробно описывает свое сотрудничество с правительством Комуча. Комитет членов Учредительного собрания создал у части самарцев иллюзию возврата власти Временного правительства: летом 1918 г. была избрана и даже некоторое время функционировала городская дума. Сразу после освобождения города Комуч собрал совещание представителей банков и торгово-промышленных кругов и сообщил им о возвращении национализированного Советами имущества. Созданный финансовый совет собрал по подписке среди буржуазии в поддержку Комуча около 30 миллионов рублей. 31 июля 1918 г.

в Самаре открылся торгово-промышленный съезд, на котором правительство Комуча собиралось определиться в своих отношениях с предпринимателями. Однако все переговоры свелись лишь к требованию увеличить финансовые поступления в казну республики. К.Н. Неклютин вспоминал: «... наша программа была смята из-за выступления представителя Комуча, который ... начал свое выступление с укоров бизнесменам» о недостаточной финансовой поддержке [3, с. 108–115]. Съезд завершил свою работу фактически безрезультатно, поскольку на нем не удалось принять ни одно из выдвинутых комучевцами предложений по реорганизации экономики. Вскользь К.Н. Неклютин упоминает о захваченном после взятия Казани каппелевцами золотом запасе Российской республики (650 миллионов рублей золотом), отправленном через Самару в Сибирь. Он подробно описывает работу зерновой биржи в этот период, свою деятельность в качестве председателя «хлебного совета»; упоминает, что с отменой в июле 1918 г. твердых цен на хлеб оживилась торговля. Правда, свобода торговли имела и другую сторону: из-за разницы цен между территорией Комуча и Советской России огромных масштабов достигла спекуляция. Комитет даже утвердил специальную комиссию по борьбе с ней. Между Комучем и Советами существовал товарообмен, в прекращении которого не была заинтересована ни одна из сторон. В начале октября 1918 г. К.Н. Неклютин, как и другие самарские предприниматели, дворяне и офицеры, вместе с отходящими войсками Комуча покинул Самару.

В конце 1917–1918 гг. обыскам и арестам подвергались практически все бывшие помещики, представители чиновничества, купечества, буржуазии, а также офицеры. Поводом для ареста мог быть графский или княжеский титул, занятие высокого поста министра, губернатора, предводителя дворянства при царском правительстве, принадлежность к той или иной политической партии, наличие оружия, нахождение близких и дальних родственников в рядах Белой армии, знакомство с подозреваемыми в контрреволюционной деятельности и другие самые разнообразные причины. С.М. Волконский с большим юмором описывал обыски и попытки ареста, которым подвергся со стороны большевистских властей: «О, эти пулеметы! В Павловске их у меня искали, в Урюпине искали, в Борисоглебске после тоже искали...» [6, с. 266]. В этот период судьба предпринимателя или дворянина была непредсказуема. Он мог провести в тюрьме несколько дней, как последний самарский губерн-

ский предводитель дворянства А.Н. Шелашников, а затем освобожден в связи с отсутствием сформулированного обвинения при аресте. Или мог быть застрелен при попытке к бегству, как княгиня А.Е. Горчакова, арестованная в октябре 1918 г. тарусской ЧК по распоряжению Советского правительства о «красном терроре для буржуазии». Частично арестованных в провинции дворян отправляли в Москву для дальнейшего решения их судьбы. Граф П.А. Бобринский, арестованный в сентябре 1918 г. во Владимирской губернии, был допрошен там и в октябре переведен в Бутырскую тюрьму в Москве, где ни разу не допрашивался. Неоднократно обращался с просьбой ускорить допрос, т.к. «не чувствовал за собой никакой вины» в декабре 1918 г. и феврале 1919 г. В особых замечаниях на опросном листе есть три пометки секретаря: зачеркнутая «Лагерь», «в феврале подано заявление в ВЧК», «освобожден в июне 1919 года» [8, с. 18]. Князь С.Д. Горчаков, попавший в засаду у С.Д. Шереметева, писал: «Никакой интересной величины я для советской власти не представляю, т.к. никогда во время всей жизни и службы политикой не занимался, не интересовался ею, а был лишь исполнительным чиновником. От разных распоряжений советских властей не уклонялся и даже не пытался уехать, когда имел полную возможность это сделать» [9, л. 62]. Несмотря на многочисленные ходатайства МПКК о его освобождении был сослан на поселение в Тобольскую губернию, где умер в 1927 г. от тифа.

Арестованные зачастую только высказывали предположения о причинах своего ареста и в случае освобождения пытались изменить место жительства, справедливо полагая, что могут быть вновь арестованы. Как правило, обвинения арестованным в течение довольно долгого времени не предъявлялись, и они не допрашивались. Таким незамысловатым способом создавалась ситуация неопределенности, когда человек, находясь в тюрьме, был в состоянии только догадываться о причинах своего ареста, ничего не знал о судьбе своих родственников и знакомых, а также не имел возможности повлиять на свою дальнейшую жизнь. Это порождало распространение слухов и крайне отрицательно сказывалось на психологическом состоянии человека, доводило его до пограничного состояния.

Нацеленная на создание новых духовно-нравственных ориентиров в обществе, политическая пропаганда была направлена против бывшей политической и социально-экономической элиты. Укоренившейся практикой со стороны властей стали внесудебные казни, аресты, обыски,

реквизиция имущества. В воспоминаниях о событиях Гражданской войны повседневная жизнь оценивается представителями дореволюционной элиты как усиление давления «железных тисков революции» по отношению к буржуазии и дворянству и нарастание террора. Политические изменения не могли одновременно уничтожить веками сложившиеся повседневные практики поведения. Резкая трансформация социального и экономического статуса элиты породила у ее представителей множество культурных и поведенческих проблем.

Список источников и литературы

1. Климушкин П.Д. История Комитета Народной Власти второго периода // Кабытов П.С., Курсков Н.А. Вторая русская революция: борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917–1918 гг.). Самара, 2004.
2. Алексушина Т.Ф. Самарские страницы российского дворянства. Самара, 2013.
3. Неклютин К.Н. От Самары до Сиэттла. Воспоминания. Самара, 2011.
4. Волжское слово. 1917. 5 декабря.
5. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства. 1918. № 62. 31 августа.
6. Волконский С.М. Воспоминания. Т. 2. М., 2004.
7. Григоров А. Из истории Костромского дворянства. URL: <http://kostromka.ru/nobles/385.php> (дата обращения 22.06.2018).
8. Обречены по рождению... По документам фондов: Политического Красного Креста. 1918–1922. Помощь политзаключенным. 1922–1937. СПб.: Звезда, 2004.
9. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 187.

**E.P. Barinova,
Samara**

EVERYDAY LIFE OF THE PROVINCIAL ELITE DURING THE CIVIL WAR

Article is devoted to the analysis of the factors which influenced the everyday life of pre-revolutionary elite representatives in the conditions of revolution and the first years of the Civil war. The perception of the Soviet power policy is shown.

The practice of self-determination by the pre-revolutionary elite representatives in the world of social changes and moral instability are estimated. The author considers the adaptation attempts to constantly changing living conditions which were caused by power struggle.

Keywords: the Great Russian revolution, the Civil war, social practices, provincial elite, authorities, adaptation, social risks.

УДК 94(470.5)

Е.М. Буряк,
г. Магнитогорск

«ПРИШЛИ С ПОБЕДНЫМ ВОЛЬНЫМ КЛИЧЕМ ПОЛКИ ВОЙНЫ НА ФРОНТ ТРУДА...»: ОПЫТ ВЫЖИВАНИЯ ТРУД- АРМЕЙЦЕВ НА УРАЛЕ В ГОДЫ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА

Статья посвящена анализу использования трудовых ресурсов Урала в рамках деятельности Первой Революционной Армии Труда. Обращается внимание на состав трудовой армии, бытовые условия существования трудармейцев, их продовольственное обеспечение. Выделены сложности, с которыми столкнулось правительство в период функционирования армии труда. Автор приходит к выводу о том, что ее деятельность нельзя назвать эффективной из-за целого ряда причин. Она рассматривается как подвиг обычных рабочих при восстановлении промышленной инфраструктуры региона, являясь примером выживания и приспособления к условиям Гражданской войны.

Ключевые слова: принудительный труд, мобилизационная экономика, Первая Революционная Армия Труда, Урал, условия труда, военный коммунизм.

Изучению трудовых отношений в условиях мобилизационной экономики посвящено множество исследований. Одной из ключевых тем для историков и экономистов является вопрос целесообразности и эффективности применения принудительного труда [21], [22], [23], [24], [25], [26], [27], [28]. Эпоха Гражданской войны в России не только дает возможность поразмыслить над ответом, но и обратить внимание на жизнь обычного жителя, главной составной единицы громадной армии труда.

С первых дней установления советской власти на Урале развернулся всеобъемлющий процесс использования экономического потенциала региона. После разгрома армии А.В. Колчака командующий Третьей армией Восточного фронта М.С. Матусевич и член реввоенсовета П.И. Гаевский предложили вариант наиболее эффективного использования ресурсов промышленного района и одновременно целесообразного распоряжения частями Третьей армии Восточного фронта. По их мнению, Челябинская, Пермская, Уфимская и Екатеринбургская губернии обладали огромными запасами продовольствия, с помощью которых наиболее бедствующие районы советской России могли быть выведены из экономической и продовольственной катастрофы. «Только отсюда, став твердой ногой, мы можем вывести из тупика наше хозяйство» [2, л. 1–2], – уверил в своей идее М.С. Матусевич Председателя Реввоенсовета. Л.Д. Троцкий эту идею одобрил, но с некоторыми оговорками. Обещая поддержать инициативу в правительстве, он попросил правильно организовать отношения с местной администрацией и в своей деятельности придерживаться плана [2, л. 3]. Совет был продиктован имевшимися успехами в реализации всеобщей трудовой повинности. В свою очередь, Урал становился первым регионом, опыт которого подлежал использованию на остальной территории советского государства.

Стоит заметить, что экономическое состояние промышленного Урала к 1920 г. было не из лучших. Только в Челябинской и Пермской губерниях в 1920 г. не работало 18 % предприятий от общего числа (1840 предприятий), а остальные были обеспечены рабочей силой лишь на 43,2 %. Производство железа и стали составляло около 9 %, а выплавка чугуна – 14 % от уровня 1913 г. [11, л. 5], [12, л. 9]. Рабочие не получали вовремя продовольственного снабжения, бесконечные трудовые мобилизации производились повсеместно и часто с нарушением существующих правил, условия труда с 1918–1920 гг. только ухудшались, а настроения среди населения не отличались оптимизмом и желанием работать в новых условиях.

В целом, удовлетворенность предприятий в рабочей силе в начале 1920 г. Л.Д. Троцкий определял как недостаточную, да и производительность труда оставляла желать лучшего. По определению Уральского комитета по трудовой повинности многие мобилизации либо выполнялись частично, либо не выполнялись вовсе. Вместо этого проводились бесконечные собрания, результатом которых были только протоколы о невоз-

возможности провести ту или иную мобилизацию [13, л. 72]. К примеру, в Пермской губернии трудмобилизации отличались «крайней пестротой». В одних случаях проводились возрастные мобилизации населения, в других – применялась система трудовых уроков. В некоторых случаях трудовая повинность заменялась натуральной дровяной повинностью [14, л. 86].

Еще через полгода обсуждений того, как должна быть организована деятельность трудовой армии, какие губернии должны войти в ее состав, и какие задачи она должна выполнять, в январе 1920 г. состоялось первое заседание совета I Революционной Армии Труда (I РАТ) (название было дано с легкой руки М.С. Матусевича). Главной ее задачей стало восстановление в кратчайший срок народного хозяйства с помощью трудовой повинности и армии труда. Сразу же с начала своего существования вся армия – от председателя, коим был избран П.И. Гаевский, до простых трудармейцев – столкнулась с огромным количеством трудностей.

Проблемы начались уже в момент перевода населения на новый статус. Изначально I РАТ состояла из частей Третьей армии Восточного фронта и получила название «промышленной армии». Следом на положение трудармейцев было переведено почти все трудоспособное население. Это «ополчение», применяя военную терминологию тех лет, «составляло необходимый скелет формируемого из сырого, необученного материала второочередного полка» [16, с. 5–6]. Армия труда состояла уже не столько из красноармейцев, сколько из трудообязанных граждан указанных губерний. Гражданское население составляло около 1/5 части всех работников трудармии и считалось негласно второсортной рабочей силой. Население открыто высказывало недовольство сложившейся ситуацией. Например, трудармейцы Пермской губернии писали: «На работу у нас всех гонят без исключения и баб и мужиков. Оказывается, коммунисты нам глаза только намазывают» [3, л. 166].

Недостаточное количество рабочих рук породило множественные нарушения в организации трудмобилизаций. Например, в конце 1920 г. на имя М.И. Калинина поступило огромное количество жалоб, в частности на то, что к трудовым мобилизациям привлекают всех без разбора, в т.ч. и крестьян в сезон полевых работ. Как следствие срывают посевные и разоряют целые хозяйства. Трудармейцев из числа местного населения используют на работах гораздо больше положенного срока, а когда наконец-то приходит приказ о прекращении мобилизации, то возникает

другая проблема – нет одежды и обуви, чтобы покинуть бараки и уехать домой [15, л. 16–55]. Вчерашние красноармейцы становились рабочими, а рабочие и крестьяне – трудармейцами, жизнь которых регламентировалась по законам военного времени.

Вопросы материального обеспечения стали одними из сложнейших для руководства I РАТ. Однако изначально трудармейцы снабжались по обычным тыловым нормам. Военские части получали оплату от военного ведомства только в том случае, если продолжительность работ не превышала двух недель, так же, как и продовольствие, но в счет заработной платы.

Постоянно в отчетных сводках Приуральского военного округа (ПриурВО) упоминается «нехватка или отсутствие обмундирования» [4, л. 497, 578, 622]. К примеру, Нижнетагильский 99-й трудовой батальон состоял из 800 человек, в то время как пайков присылалось из центра всего на 200 трудармейцев [5, л. 3].

Полуголодное существование трудармейцев создавало определенное негативное восприятие действительности. В письмах домой красноармейцы в основном писали о голоде и о катастрофической нехватке обмундирования: «Если нас увидите, то не узнаете» [5, л. 3], «Ходим каждый день на работу, получаем 1,5 фунта хлеба, да варят картошку и ту без соли». Можно было встретить и такие строчки: «Жизнь моя очень плохая, не одет, и почти голодом» [3, л. 115]. Батальоны I РАТ обеспечивались пайками едва ли не на 1/4 от необходимого количества в расчете 1 паек на 1 человека [5, л. 3].

Рабочих, необеспеченных продовольствием, попросту передавали в распоряжение других районов или отпускали для самостоятельного приобретения хлеба. Из-за отсутствия обмундирования в 1920 г. не работало 5,3 % трудармейцев [17, с. 8].

Доклады о состоянии I РАТ к 1921 г. стали похожи друг на друга: «части красной армии не обеспечены: продовольствие получается с большими перебоями, полнейшее отсутствие обмундирования, прибывающие пополнения из пересылки пунктов так же совершенно не обеспечены, постепенно утрачивается кадр трудармейцев» [6, л. 34]. Согласно докладам комитета I РАТ к 1921 г. в Кизеловских копиях трудармейцы мало того, что работали в три смены, так и вернувшиеся с работы снимали с себя грязную сырую одежду и ее тут же надевала следующая смена. А пополнение 1899 г. по донесениям с мест «не обмундировано на 90 %

и таким образом вносит еще большие ухудшения в трудчасти» [7, л. 239]. Спецодеждой красноармейцы должны были снабжаться в обязательном порядке по мере ее изнашивания. Жилье предоставлялось предприятием, на котором они выполняли работы [4, л. 94]. Однако в подавляющем большинстве трудармейцы оказались не нужны ни военным, ни предприятиям, куда они были приписаны.

Еще одним из проявлений общей сложившейся ситуации явились вспышки различных эпидемий: тифа, чесотки, дизентерии и т.д. В результате, около 17 % невыходов трудармейцев на работы были вызваны именно болезнями. При этом госпитали находились в не менее удручающем состоянии – не было медикаментов, не хватало коек, а те, что оставались – иногда были заняты покойниками, убрать которых тоже было некому вследствие нехватки медперсонала и врачей [8, л. 126].

Вот отрывок из типичного отчета о состоянии одной из трудовых бригад I РАТ к концу 1921 г.: «Недостаток обмундирования на людях, в особенности кожаной обуви. Недостаток питания красноармейцам бригады, и несвоевременная выдача продуктов продармами, есть случаи заболевания красноармейцев на почве голодания. Горячая пища красноармейцам выдается один раз в день, а иногда за неимением продуктов вовсе не выдается, что безусловно отражается на продуктивности работ. Недостаток жилых помещений, красноармейцы размещаются на частных квартирах, а частью разбросаны по ж/д в вагонах – теплушках, которые в большинстве совсем не оборудованы и не приспособлены для жилья, так что людям приходится спать на устроенных самими нарах или вовсе на полу. Такое расквартирование отражается на людях в санитарно-гигиеническом отношении, есть случаи заболевания красноармейцев чесоткой. Нет материала для ремонта обоза, обуви иковки лошадей. Некомплект в людях» [9, л. 13].

В процессе организации I РАТ П.И. Гаевский отмечал что «успешность работы трудармии будет зависеть от того, сколько удастся ей вовлечь широкие слои населения в восстановительный производственный процесс» [10, л. 15]. Но увеличение численности мобилизованных не сделало трудармию эффективной. Причин было много, среди которых главными являлись отсутствие четкой системы управления мобилизованными, отсутствие плана восстановительных действий и опять же – полноценного снабжения, которое могло позволить трудармейцам не думать все время только о физическом выживании.

Справедливости ради надо отметить, что план действий в губерниях I РАТ все же имелся. Например, в Екатеринбурге еще в марте 1920 г. существовал список предприятий, приоритетных к восстановлению, а также был создан план о восстановлении с помощью I РАТ образцовых предприятий, которые будут дополнены специалистами, необходимым количеством рабочих и недостающим оборудованием. В дальнейшем при таких предприятиях предполагалось организовать курсы, образцовые рабочие городки и т.д. [1, л. 5].

При всей сложности экономических условий, высоком уровне невыхода на работу (максимальная цифра приблизилась к 44 % к 1921 г. [7, л. 251]) за отчетный период с января по сентябрь 1920 г. трудармейцы привлекались к лесозаготовкам (около 30 %); работе на пожарах, подъему затонувших пароходов, работе в продкомах, земотделах (11,5 %); восстановлению железных дорог (10,7 %); строительным работам (7 %); служебному ремонту (6,6 %); сельхозработам (1,2 %) [17, с. 8].

I РАТ за 1920 г. удалось произвести наиболее крупные работы по реконструкции Пермских железных дорог, железнодорожных мостов – Бельского, Уфимского, Нязепетровского; восстановление мостов на гужевых путях в районах Шадринска, Ирбита и Камышлова; достроить и отремонтировать Кушво-Сильвецкую железную дорогу; «перешить» узкоколейки. Трудармейцы в большом объеме привлекались на работы в Кизелстрое, Челябинске и Челябинских копиях, на Егоршинских копиях и в Екатеринбурге; участвовали в строительных работах в Пермском, Тюменском и Уфимском уездах; восстановили Надеждинский завод, лесопильные и деревообрабатывающие предприятия, авторемонтные мастерские Лесснера. В 1920 г. был заново запущен Мотовилихинский, Златоустовский, Саткинский, завод «Столль» в Челябинске, Аша-Балашовский, Верх-Исетский, Павловский и др. Однако общий уровень промышленности едва ли составлял 1/3 от уровня 1913 г.

Часто это было настоящим подвигом трудармейцев из-за сжатых сроков выполнения, отсутствия нормальных условий и оборудования. Так, рабочие Надеждинского завода Богословского металлургического района отремонтировали паротурбину 4000 кВт вместо восьми за четыре дня. «Работая при невероятно трудных гигиенических условиях, угорая по несколько человек в день, рабочие обеспечили полный ход Надеждинского завода, которому за недостатком электрической энергии грозила

остановка многих цехов» [18, с. 112]. В качестве награды эти герои были занесены на Всероссийскую Красную доску труда. А также получили премии: первая группа из 5 человек – по 1 паре галош и 1 фуфайке; вторая группа из 16 человек – по 6 аршин мануфактуры; третья группа из 85 человек – по 5 аршин мануфактуры и четвертая группа из 24 человек – по 4 аршина мануфактуры. Кроме того, каждому выдали по 1 пуду муки и 1 фунту соли. На Флоровском медном руднике Богословского района слесарь Иван Прокопьевич Ордин «в шахте и на поверхности при мокрых грязных и опасных работах проработал в течение месяца 60 смен» и был представлен к натуральной премии мануфактурой [20, с. 154]. На Боровской каменноугольной копи Егоршинского района шахту «София» буквально спасли 5 донщиков-машинистов, которые несмотря на отсутствие нормальной обуви и одежды «по пояс в воде совершили спуск насосов, провели всю работу по откачке воды и тем спасли шахту от затопления» [20, с. 154]. В январе 1921 г. группа рабочих депо ст. Екатеринбург-1 в числе 35 человек после трудовой смены отремонтировала паровоз-деканод «Крестьянка».

Отдельного внимания заслуживают работы по восстановлению мостов. Их стратегическое значение было очевидным. Так, в 1920 г. за восемь месяцев восстановили мост через р. Каму, который связывал между собой две части промышленного города. Камский мост открыли уже 15 февраля, на полтора месяца раньше срока. Работали при 40-градусном морозе на высоте 39 метров. Некоторые опоры приходилось доставать из воды. При отсутствии нормального обмундирования мечтать о специальной одежде не приходилось. Проблему решали очень просто – на трудармейца надевали 2 ватника и спускали в воду. После подъема тут же поили водкой. Нужно заметить, что теплое обмундирование стало поступать только в январе месяце, а последние полушубки и валенки – после открытия моста. То же самое было и со строительными материалами, которые приходилось выбивать у местных организаций [8, л. 52]. Все работы выполняло городское ремонтное хозяйство под руководством Михельсона, входившее в состав I РАТ.

Эта же бригада участвовала в восстановлении Чусовского моста, т.к. железнодорожное управление отказалось оказывать помощь, несмотря на принятые обязательства. Рабочие Чусовского завода организовали ударную группу из котельного цеха, которой удалось выполнить все работы в срок. Кроме восстановления мостовых пролетов через р. Чусовая

48 человек из бригады трудармейцев были отправлены на такие же работы на реки Уфу и Ураим [19, с. 131].

Каждый раз после запуска объектов в эксплуатацию трудармейцы особо отмечались и премировались мануфактурой и продовольствием (отрезы ситца, носки, варежки, варенье, фураж, мука, картофель). Денежное вознаграждение тоже присутствовало, однако гораздо ценнее была, к примеру, селедка или 2 метра ситца, т.к. к концу 1921 г. экономическое положение региона стало критическим. Население Урала столкнулась с массовым смертным голодом, который повлек за собой повальное дезертирство трудармейцев, но и уйти домой они уже не могли, оказавшись в буквальном смысле голыми. Местное население не могло помочь ничем, более того, само находилось в условиях физического выживания. Ситуация оказалась настолько тяжелой, что к концу 1921 г. были зафиксированы массовые случаи людоедства [25, с. 553–559].

К началу 1922 г. содержание трудармейца обходилось государству гораздо больше, чем тот мог заработать за день. В стране, тем не менее, было создано еще семь таких трудовых армий. Власть своих ошибок в организации труда не признавала, и Первая Трудовая Армия просуществовала по инерции до конца 1922 г. (денег не было даже на ее роспуск).

Опыт всеобщей милитаризации экономики показал советскому правительству свою неэффективность и возможность использования только в условиях военной угрозы. В то же время народ научился приспосабливаться к новой власти и новым экономическим обстоятельствам. Полуодетый и полуголодный рабочий восстанавливал промышленные гиганты, ругал власть и верил в лучшее: ведь необходимо терпеть, т.к. все «защитники советской власти», несмотря на то, что «настроение у народа не очень завидное, но все-таки ничего» [8, л. 52].

Список источников и литературы

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 325. Оп. 1. Д. 55.
2. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 164. Оп. 1. Д. 7.
3. РГВА. Ф. 25892. Оп. 1. Д. 87.
4. РГВА. Ф. 164. Оп. 1. Д. 170.
5. РГВА. Ф. 25892. Оп. 7. Д. 8.

6. РГВА. Ф. 25892. Оп. 7. Д. 9.
7. РГВА. Ф. 25892. Оп. 7. Д. 59.
8. РГВА. Ф. 164. Оп. 1. Д. 23.
9. РГВА. Ф. 25892. Оп. 7. Д. 34.
10. РГВА. Ф. 164. Оп. 1. Д. 100.
11. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 6. Д. 99.
12. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 6. Д. 120.
13. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-363. Оп. 1. Д. 5.
14. ГАПК. Ф. 107. Оп. 1. Д. 199.
15. Объединенный Государственный архив Челябинской области. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 217.
16. Серп и молот. 1920. № 2–3.
17. Серп и молот. 1920. № 18.
18. Серп и молот. 1921. № 1/31.
19. Серп и молот. 1921. № 2/32.
20. Серп и молот. 1921. № 3/33.
21. Борисова Л.Б. Трудовые отношения в советской России (1918–1924 гг.). М., 2006.
22. Бруцкус Б.Д. Социалистическое хозяйство: Теоретические мысли по поводу русского опыта. М., 1999.
23. Буряк Е.М. Принуждение в организации трудовых отношений в рамках мобилизационной экономики в первые годы советской власти // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Челябинск, 2009. С. 317–323.
24. Гончаров Г.А. «Трудовая армия» на Урале в годы Великой Отечественной войны. Челябинск, 2006.
25. Мау В. Реформы и догмы. Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. М., 1993.
26. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.
27. Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997.
28. Трудовые отношения в условиях мобилизационной модели развития: сборник научных статей / Под ред. Г.А. Гончарова, С.А. Баканова. Челябинск, 2010.

**“THEY CAME, WITH A TRIUMPHANT CRY OF FREEDOM,
THE REGIMENTS OF WAR TO THE LABOR FRONT...”:
TRUDARMEITSY’S (SOLDIERS OF LABOUR) SURVIVAL
EXPERIENCE IN URAL DURING MILITARY COMMUNISM**

The article is devoted to the analysis of Ural labour resources use within the activities of the First Revolutionary Army of Labour. The author draws attention to the staff of the labour army, labour soldiers’ living conditions, their food supply. The difficulties faced by the government during the existence of the labor army are highlighted. The author comes to the conclusion that the activity of the labor army cannot be called effective because of a number of reasons. The activity of the labor army units is considered as a heroic act of ordinary workers in the restoration of the industrial infrastructure of the region, as an example of survival and adaptation to the conditions of the Civil war.

Keywords: forced labour, mobilization economy, the First revolutionary army of labour, Ural, working conditions, military communism.

УДК 94(47)084.3

**Б.Б. Дякиева,
г. Элиста**

**ЖИЗНЬ И СУДЬБЫ ВИДНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ КАЛМЫКИИ
В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ:
ХОМУТНИКОВ ВАСИЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ**

В статье рассматривается судьба известного военного деятеля России, выдающегося сына калмыцкого народа Василия Алексеевича Хомутникова. На документальной основе исследуются факты репрессий в годы Гражданской войны в Калмыкии. Раскрываются характер и сила духа В.А. Хомутникова, доказавшего свою невиновность. Представлены семейная династия военного, события его личной жизни.

Ключевые слова: Хомутников Василий Алексеевич, Республика Калмыкия, репрессии, Отдельная калмыцкая кавалерийская дивизия, реабилитация.

В истории калмыцкого народа все эпохи, каждая общероссийская общественно-политическая ситуация откладывали свой отпечаток, порой оказывая решающее влияние на его судьбу. Особенно драматичными стали периоды Гражданской войны и Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Беспрецедентную роль в ответственные периоды для страны играли военные, чей талант и мужество приводили к успеху и восстановлению справедливости. Республика Калмыкия славится своими Героями войны, замечательными сынами земли калмыцкой. Среди них немало семей с уникальной историей и судьбой. Одна из них – семья Хомутниковых, давшая стране бесстрашных воинов, преданных родине солдат, защищавших ее ценой своей жизни.

На самом деле, сегодня не так легко найти семью, в которой до глубины души и мозга костей проникнуты чувством долга, ответственности и воинской честью. Причем не просто семью, а семью, члены которой посвятили свою жизнь самоотверженному служению Родине, чтяли слова «честь», «совесть», «чистота мундира». К такой династии относится калмыцкая семья Хомутниковых.

Одной из ярких личностей военной династии Хомутниковых является Василий Алексеевич. Благодаря призванию военного, человеческим качествам, преданности своему народу и родине, он стал талантливым руководителем, лидером и бесстрашным борцом за справедливость. Военная судьба Василия Алексеевича началась задолго до Октябрьской революции: накануне Первой мировой войны в 1913 г. его призвали в армию и впоследствии избрали в полковой комитет 2-го Донского казачьего полка. В 1917 г. он вступил в члены коммунистической партии, стал участником вооруженного восстания в Петрограде, был в числе тех, кто штурмовал Зимний дворец.

Позже талант военного проявился у В.А. Хомутникова на Дону, когда он командовал одним из взводов революционного «отряда защиты прав трудового казачества» и был в должности командира эскадрона 1-го Донского полка. В этот период его авторитет как руководителя позволил привлечь в ряды защитников Царицына столько добровольцев, что их количество составило отдельную Калмыцкую кавалерийскую часть. В июне 1919 г. Василий Хомутников Реввоенсоветом Южного фронта был назначен командиром 1-го Калмыцкого кавалерийского полка, в сентябре 1919 г. вошедшего в состав 3-й Донской кавалерийской

бригады сводного корпуса Бориса Думенко. Он прошел победоносный путь по фронтам Гражданской войны, сыграв решающую роль в событиях в Донской области, взятии Новочеркаска, бесстрашно сражаясь с белогвардейцами на Дону, Ставрополье и Северном Кавказе. «Первый Калмыцкий кавалерийский полк в составе победоносной Красной армии на своем пути сметал противника... в хуторах Большой Улан, Широкий, Кумылга, Таволжанка, Бузулук, Мартыновский, станицы Урюпинская и населенных пунктах Северного Кавказа», – писал В.А. Хомутников в своей книге «Военные калмыцкие части в боях за Советы» [2, с. 8]. Василий Алексеевич был настолько популярен среди населения, что в те годы о нем была сложена народная песня «Аштаб полк» (Штабной полк).

Этот период означен еще одним историческим фактом, который не всегда отмечают исследователи, больше говоря о военных делах В. Хомутникова. Так, осенью 1919 г. в разгар Гражданской войны вместе с Х.Б. Кануковым он создал газету «Улан Хальмг» («Красный калмык») на русском и калмыцком языках, которая издавалась до конца 1920 г. За этот короткий срок тираж газеты достиг 4 тысяч экз., оказав содействие в пропаганде и мобилизации солдат в период Гражданской войны.

С 1930 г. Василий Хомутников трудился в должности военного комиссара Калмыцкой автономной области, с 1933 г. – председателем Облисполкома КАО. В январе 1934 г. областная партконференция избрала В.А. Хомутникова делегатом XVII съезда ВКП(б). Как общественно-политический деятель он не только блестяще организовал работу, но и проявил тонкую дипломатию и стратегию, чтобы Калмыкия, наконец, после 15-летия в статусе области в 1935 г. обрела государственность как автономная республика. С момента создания КАССР его избирают Председателем ЦИКа, затем депутатом Верховного Совета СССР первого созыва от Калмыцкой АССР, позже – председателем Президиума Верховного Совета КАССР.

Одно перечисление мест службы и должностей говорит не только о большом доверии, но и высокой оценке его как востребованного руководителя. Все поначалу складывалось так, как он предвидел: строительство во всех областях жизни, налаживание хозяйства в степном крае – открывались школы, больницы, была запущена швейная фабрика, стал функционировать аэродром, развивалось сельское хозяйство, вместе с ним появлялись колхозы и совхозы, с возрождением культуры и образования открылся драматический театр. В тот период человека, более ав-

торитетного и популярного в калмыцком народе, чем В.А. Хомутников, не было.

Но в стране набирала обороты репрессивная машина, которая не щадила самых талантливых людей страны: военных, литераторов, музыкантов, врачей, ученых – не то писали, не о том говорили, не того хвалили. Действовал принцип: было бы подозрение – человек найдется. Как писал знаменитый поэт Осип Мандельштам еще в 1933 г., «мы живем, под собою не чуя страны, Наши речи за десять шагов не слышны, А где хватит на полразговорца, Там припомнят кремлевского горца...» [1, с. 79]. За это, в частности, тоже по доносу он был репрессирован. Не обошел большой террор и Калмыкию, где, как пишет Хонгор Хомутников, внук Василия Алексеевича, ссылаясь на источники, «...в период 1937–1938 гг. репрессировали более 300 человек, из которых свыше 70 работников различных звеньев партийных и советских органов. Из 101 члена Калмыцкого ЦИКа, избранного в 1936 г., репрессировали 93 % ответственных работников» [5, с. 13]. Сегодня, по истечении лет, понимаешь, что именно в те годы был сильно подорван генофонд нашего народа: не только самые грамотные и образованные, но сильные люди из числа калмыков подверглись репрессиям. Это А.М. Амур-Санан, Х.М. Джалыков, А.П. Пюрбеев, А.Ч. Чапчаев, писатели Санджи Каляев, Константин Эрендженов, Хасыр Сян-Белгин и многие другие. Ни много, ни мало – цвет нации, его разумная и совестливая часть.

Сфабриковали дело и в отношении В. Хомутникова, причем одной из вменяемых ему статей было общение с названными выше общественными и политическими деятелями, связи с белогвардейскими и контрреволюционными националистическими элементами. О собственноручной резолюции И.В. Сталина по его уничтожению, иезуитской изошренности режима в этих делах сегодня написано много. Василия Хомутникова от неминуемой смерти спасла его твердая убежденность в невинности своей и своих соратников. Он сумел доказать это, восстановиться в рядах партии, подтвердить еще не раз свою преданность стране и народу. В январе 1938 г. вышло Постановление Пленума ЦК ВКП(б) «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков», затем в ноябре 1938 г. – Постановление Совета Народных Комиссаров и Центрального комитета ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре

и ведении следствия». Эти директивные документы весьма серьезно повлияли на положительное решение Комиссии партийного контроля ЦК ВКП(б) при рассмотрении сфабрикованного «дела Хомутников».

Случай, связанный с обвинением В. Хомутникова, стал настолько хрестоматийным, что Дмитрий Волкогонов в книге «Семь вождей» привел факт фабрикации Фриновским донесения о В. Хомутникове на имя Сталина и резолюции Сталина на нем. Другой автор, лауреат премии «Литературной газеты», кавалер ордена Сергия Радонежского, независимый депутат Государственной Думы Андрей Климов в своем труде «Профессия – депутат» также указал на абсурдность обвинений и репрессий против таких людей, как Хомутников. Как о талантливом военном, о Василии Алексеевиче писали многие, в т.ч. известные историки, авторы трудов о военной разведке – В. Лурье, В. Кочик, А. Колпакиди и др. Об этом подробно изложено в трудах Хонгора Петровича [5, с. 38–39].

Несмотря на ослабленное здоровье, В Хомутников оказался на фронтах Великой Отечественной войны: в декабре 1941 г. приказом НКО СССР в звании полковника он становится заместителем командира 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии, а с августа 1942 г. приказом командующего Закавказским фронтом назначается ее командиром. Здесь еще более проявляется талант Василия Хомутникова как блестящего стратега, умеющего принимать безальтернативно верное решение в условиях войны. Дивизия под его руководством, принимая непосредственное участие в боях на Дону, Маныче и Северном Кавказе, освободила от фашистов более 100 населенных пунктов и городов Дагестана, Ставропольского края, часть территории Калмыкии и Ростовской области и вошла в историю с оценкой «легендарная». Полковник В. Хомутников воевал также в должности заместителя командира 180-й Киевской гвардейской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии. Василий Алексеевич всегда находился в гуще военных событий, смотрел, не страшась, смерти в лицо. Он погиб в феврале 1945 г. в боях за г. Будапешт. Депутату Верховного Совета СССР 1-го созыва, герою Гражданской и Великой Отечественной войн были оказаны достойные воинские почести: он похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Преимственность поколений всегда была одной из самых сильных традиций у казаков. Династия донских казаков Хомутниковых имеет

глубокие корни, в составе казачьих частей мужчины этого рода участвовали во многих войнах, которые вела Россия. В годы Первой мировой войны Василий Хомутников был удостоен Георгиевского креста, от рядового дослужился до офицерского звания – подхорунжего, командира казачьей сотни.

Оба сына Василия Алексеевича стали участниками Великой Отечественной войны. Старшего, Петра, война застала на западной границе СССР. Он принимал участие в обороне Москвы, в битве на Курской дуге в должности заместителя командира пулеметного взвода, был ранен, награжден орденом Красной Звезды, в феврале 1945 г. – медалью «За взятие Будапешта», впоследствии – юбилейными наградами страны. После войны долгое время работал в сельских школах, удостоен почетного звания «Заслуженный учитель школы РСФСР», в 1973 г. в возрасте 56 лет скончался из-за болезни.

Младший сын Владимир сначала был курсантом Военно-морского авиационного училища, позже – младший лейтенант, летчик-бомбардировщик морской торпедоносной авиации. Погиб в бою в августе 1945 г. над Японским морем в двадцатилетнем возрасте. Оба сына унаследовали от отца его бесстрашие, бескомпромиссность, преданность воинским и жизненным принципам. По-другому и быть не могло. Они твердо усвоили эти правила тех суровых, жестоких лет и слова отца: «Сын мой, дарю тебе свой пистолет. Запомни: твой отец не знает слово « плен».

Родной брат Василия Алексеевича, Санджи Алексеевич, участник Гражданской войны, стал инвалидом в результате контузии, погиб по пути в места высылки.

У калмыков есть яркое изречение: «Хороший сын – памятник отцу», а по отношению к внуку – памятник дважды, тем более, если внуки и правнуки достойны памяти своих предков, которыми нужно гордиться. Одним из ярких потомков В.А. Хомутникова является его внук, Хонгор Петрович Хомутников, упоминавшийся выше. Он хорошо известен в Калмыкии, поскольку ранее работал на ответственных должностях в комсомольских, партийных, советских органах республиканского масштаба и органах безопасности. В начале 2000-х гг. четыре года являлся помощником Президента Карачаево-Черкесской Республики и после выхода на пенсию стал заниматься творческой деятельностью в родном крае. Майор в отставке, Хонгор Петрович Хомутников за активное участие в региональной общественной ветеранской организации и в связи

со 100-летием образования ВЧК-КГБ-ФСБ награжден Грамотой Совета ветеранов Федеральной службы безопасности Российской Федерации за подписью Председателя Совета, генерал-полковника А. Жданькова.

Благодаря появившейся возможности изучать архивные материалы служб безопасности, он много пишет о своем деде – В.А. Хомутникове, восстанавливая страницы его уникальной биографии, раскрывая факты несправедливого обвинения и преследования в годы репрессий. В 2013 г. была издана книга Хонгора Петровича «Жизнь и судьбы в годы репрессий». В 2016 г. вышла книга «Они воевали за Отечество» [4]. В 2017 г. в журнале «Теегин герл» опубликованы его объемные статьи «Правда и ложь о 110-й кавдивизии» к 75-летию героических боев Калмыцкой национальной воинской части и «Суд времени» [3, с. 101–106].

В первой книге автор на документальных фактах рассказывает о репрессиях в Калмыкии в 1930-х гг., а во второй представляет боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии, героизм ее бойцов и командиров в оборонительных боях на Дону, Маньчге, а также в наступательных операциях на Северном Кавказе, Калмыкии и в Ростовской области. Статьи в журнале дополняют и расширяют изложенные в книгах факты. Отметим, что эти труды читаются с интересом. Передается не только эмоциональность, убежденность и дух солидарности автора со своими героями – бойцами великих сражений, но и боль по поводу того, что многие сложили головы молодыми, совсем чуть-чуть не дожив до победного майского дня.

Духовно-нравственный стержень Василия Хомутникова служил и служит ориентиром для всех его потомков. Сегодня династия продолжается в многочисленных внуках, правнуках и праправнуках. Среди них есть врачи, работники культуры, образования, специалисты сельского хозяйства, юристы, ученые. Это – правнук Василия Алексеевича Хомутникова, кандидат исторических и доктор философских наук, профессор Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова Мерген Санджаевич Уланов. Он – автор статей о руководителе первой советской делегации в Тибет В.А. Хомутникове, о контактах прадеда с Его Святейшеством Далай-ламой XIII и министрами его Правительства. Дипкурьер, паломник и разведчик В.А. Хомутников в 1925 г. был награжден высшей наградой страны – орденом Красного Знамени.

Правнуки Василия Алексеевича: Хомутников Василий Хонгрович – кандидат философских наук, трудится во внебюджетной организации;

Шогджиев Савр Эрдниевич – кандидат экономических наук, после окончания Дипломатической академии работает в Москве. Кунаков Алан Максимович – экономист, окончил аспирантуру Московского государственного университета, также работает в Москве. Праправнучка В.А. Хомутникова, Манджиева Светлана Владимировна – аспирантка МГУ, юрист, находится на стажировке за рубежом. Всего у В.А. Хомутникова на сегодняшний день 8 внуков, 12 правнуков и 18 праправнуков.

Список источников и литературы

1. Борис Гофман. Генетический код поэта Мандельштама. Постскрипtum. Литературный журнал. Под ред. В. Аллоя, Т. Вольтской и С. Лурье. СПб.: Феникс, 1996. Вып. 3 (5). С. 79–108.

2. Выдающийся сын калмыцкого народа. Ростов-на-Дону: ООО «Омега-Принт», 2012. 23 с.

3. Дякиева Б.Б. О славной династии Хомутниковых. Теегин герл. Литературно-художественный и общественно-политический журнал на калмыцком и русском языках. 2018. № 3. С. 101–106.

4. Они воевали за Отечество / Х.П. Хомутников. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2016. 144 с.

5. Хомутников Х.П. Жизнь и судьбы в годы репрессий. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2013. 108 с.

**B.B. Dyakieva,
Elista**

LIFE AND FATES OF KALMYKIA'S FAMOUS FIGURES IN THE PERIOD OF THE CIVIL WAR: KHOMUTNIKOV VASILY ALEKSEYEVICH

The article deals with the fate of Vasily Alekseyevich Khomutnikov, the famous military figure of Russia, the outstanding son of the Kalmyk people. On a documentary basis, the facts of repression during the Civil war in Kalmykia are investigated. The character and strength of the V. Khomutnikov's spirit, who proved his innocence, are revealed. The paper presents the family dynasty of the military, the facts from his personal life.

Keywords: Vasily Alekseyevich Khomutnikov, Republic of Kalmykia, repression, separate Kalmyk cavalry division, rehabilitation.

КОММЕМОРАЦИЯ СОБЫТИЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ОКРУГЕ: ПУТЬ К ПРИМИРЕНИЮ

В статье анализируется положение с памятниками в округе, рассматриваются их основные социальные функции и роль в формировании общественного сознания. Автор показывает, какое влияние «социальные рамки памяти» оказывают на символическое пространство в регионе и освещает причины и последствия монументального дисбаланса в мемориализации событий Революции и Гражданской войны в крае. Опираясь на факты локальной истории, автор формулирует конкретные предложения, направленные на объективное отражение событий Гражданской войны в памятниках истории и монументального искусства.

Ключевые слова: коммеморация, Революция, Гражданская война, белые и красные, общественное сознание, мемориализация, символическое пространство, всенародное примирение.

100-летний юбилей Октябрьской революции и Гражданской войны в России привлек внимание не только отечественной, но и международной общественности. Повсеместно проходят научные конференции с целью изучения феномена революции и ее последствий, Гражданской войны как продолжения революции, в ходе которой российский народ раскололся на две части: на поддерживавших воевавшие стороны – «белых» и «красных». Это была братоубийственная война, страшная трагедия для народа.

Символическое пространство, отражающее события Революции и Гражданской войны в России, начало формироваться уже в 1918 г. С программой коммеморализации выступил В.И. Ленин, несмотря на тяжелое положение молодой советской республики. Придавая огромное значение памятникам, он предлагал использовать их в качестве важнейшего агитационного средства революции и коммунистической идеологии. Назначение памятников в немалой степени подчинялось общественным и государственным задачам и возникало из необходимости

пропаганды и популяризации в массах большевистских идей. Памятники являлись своего рода реперными точками, ценностными ориентирами существовавшей идеологической модели и политического устройства общества. За годы советской власти вся страна покрылась густой сетью объектов культурного наследия, посвященных событиям Революции и Гражданской войны, преумножавшейся с каждым очередным юбилеем [1, с. 5].

На территории Коми-Пермяцкого округа первые монументы стали появляться в 1931–1934 гг. с целью создания памяти о жертвах бандитского и кулацкого террора (в Косе – в 1931 г., в д. Трошкова Юрлинского района, в с. Ленинск – в 1932 г., в д. Иванчино Гайнского района – в 1934 г.). Подавляющее число памятников (20) в честь участников и жертв Гражданской войны было сооружено в период празднования 50-летия советской власти в 1967–1968 гг. и не отличается разнообразием. В дальнейшем, в 1970–1974 гг., к 100-летию В.И. Ленина и 50-летию образования СССР было возведено еще около 20 для увековечения памяти Ленина и жертв белого террора. Всего по данным историка-краеведа Г.К. Конины к 1980 г. в округе состояли на учете 43 памятника и 11 мемориальных досок в честь вождя, происшедших событий и погибших красногвардейцев. В настоящее время почти все они обветшали и требуют ремонта [2].

Инерция человеческого сознания, «социальные рамки памяти» не позволили показать многогранность событий Гражданской войны монументальными средствами ни в 1990-е гг., ни в наши дни. Следует признать, что сохранившиеся памятники советской эпохи уже не выполняют той идеологической функции, что прежде, они просто стали частью окружающего ландшафта и ожидают своей участи, т.к. государственная политика в отношении них до сих пор не выработана. Более того, многие памятники Гражданской войны, в частности в северных районах округа, оказались заброшенными. Как это ни прискорбно, но часто приходится встречать могилы «верных сынов партии», «борцов с колчаковщиной», законодательно объявленных памятниками истории, но забытых людьми. Таким образом, история сама расставляет все по своим местам. В отсутствии «навязанной памяти» эти объекты умирают своей естественной смертью.

Проблема монументальной коммеморации событий Революции и Гражданской войны в России требует ответов на два принципиально

важных вопроса. Первый – как быть с монументальным наследием советской эпохи вообще? Второй – как адекватно и без социальных потрясений отразить историю Революции и Гражданской войны в России такими средствами? Поскольку государственная политика на этот счет отсутствует, местные власти должны проявить инициативу и вместе с населением начать перестройку. Навязывание «забвения» правды о Гражданской войне чревато опасными тенденциями. За эти 27 лет выросло целое поколение молодежи, по инерции воспитываясь на советских догмах, идеализирующих действия только красных.

Каковы основные социальные функции памятников и почему они способны вызывать острые реакции в обществе? Прежде всего, монументы создаются для сохранения памяти о важнейших событиях и выдающихся людях. Следовательно, главной функцией памятников является **информационная функция**, т.е. их способность транслировать историческую информацию, социальный опыт из поколения в поколение. Посредством художественных образов скульптурные изображения передают большой объем информации о предшествующих эпохах, событиях и наиболее ярких их представителях, т.е. являются трансляторами исторической памяти.

Благодаря тому, что в памятниках изначально заложен значительный потенциал исторической и художественной информации, они представляют собой очень важный источник исторических знаний, сравнимый по информативности с музейной экспозицией или учебником истории, а, следовательно, способны выполнять **познавательную или гносеологическую функцию**. Известно, что процесс познания памятников характеризуется отражением и воспроизведением закодированной в них исторической информации в мышлении человека. Монументальное искусство – самое демократичное и доступное: чтобы увидеть монумент, не нужно идти в музей, достаточно выйти на улицу, площадь или прогуляться в парке. Грамотно сформированное монументальное пространство способно превратить город в своеобразный музей под открытым небом, который каждодневно будет формировать историческое сознание граждан, необходимое для гармоничного развития личности. Именно поэтому относиться к такой среде следует вдумчиво, осторожно и планомерно. Стихийная установка памятников в угоду чьим-либо амбициям, предпочтениям, политическим или эстетическим взглядам просто недопустима.

Важной функцией памятников всегда являлась **идеологическая**. Как правило, они создавались при непосредственном участии государства, несли и несут определенную политическую нагрузку. Не случайно в эпоху революционных перемен первыми уничтожаются памятники как идеологические символы. Так было в нашей стране в 1918 г. и 1991 г., так было и в период хрущевского наступления на культ личности И.В. Сталина. Особенно активно идеологическую функцию монументальных памятников эксплуатировали в советскую эпоху. По мнению специалистов, по количеству и типу памятников можно дать характеристику режима, определить его силу и устойчивость. Демократическим режимам свойственна тематическая сбалансированность памятников, равномерность мемориализации разных сторон жизни, в т.ч. установка монументов деятелям науки и культуры.

Наконец, бесспорна **воспитательная функция** памятников. С одной стороны, она очень тесно связана с идеологической функцией и целенаправленно используется для воспитания подрастающего поколения в рамках господствующей парадигмы. С другой – монументальные памятники имеют мощный потенциал для формирования всесторонне развитой личности. Как особая категория историко-культурного наследия, они широко используются в целях нравственного и эстетического воспитания. Особенно велика роль памятников в привитии патриотизма, любви к своему краю и гордости за него. К сожалению, в последнее время в округе этому уделяется явно недостаточно внимания. Иначе как можно объяснить то, что за последние 25 лет не появилось ни одного памятника коми-пермяцким ученым, людям, отличившимся при спасении утопающих и на пожарах, при выполнении гражданского долга? Исчезли с городского ландшафта памятники садово-парковой культуры, некогда украшавшие фасады Кудымкарского медицинского и сельскохозяйственного техникумов. Правда, сооружен памятник вымышленному легендарному персонажу Кудым-Ошу, которым гордятся горожане. Но этого мало. Мы много говорим о патриотизме, но мало что делаем для того, чтобы коми-пермяки гордились своим городом, округом, знали его историю и культуру. Можно бесконечно много говорить о важности любви к малой родине, и ничего для этого не делать. Прав был Д.С. Лихачев, который подчеркивал, что «к патриотизму нельзя только призывать, его нужно заботливо воспитывать – воспитывать любовь к родным местам, воспитывать духовную оседлость. А для всего этого необходимо разви-

вать культурную экологию. Не только природная среда, но и культурная среда, среда памятников культуры и ее воздействие на человека должны подвергаться тщательному научному обоснованию» [3, с. 124].

Таковы основные социальные функции памятников. Сгруппировав их, мы получаем два важных блока – информационно-познавательный и идеологически-воспитательный. Первый из них отвечает за память об исторических событиях или выдающихся людях, за процесс познания прошлого и формирование новых знаний. Задача второго блока – это «увековечивание памяти, т.е. прославление события или человека, внесение его в круг «актуальной» памяти с воспитательными целями» [1, с. 9]. Благодаря этому формируется мировоззрение людей. На бытовом уровне назначение функциональных блоков часто смешивается. Представителям старшего поколения и детерминированно политизированным людям идеологически-воспитательный функциональный блок представляется наиболее важным, если не единственным. Именно поэтому споры по поводу установки новых или сноса старых памятников приобретают порой ожесточенный характер,

Кроме того, подобную реакцию в обществе может вызывать консервативность исторического мышления или его полное отсутствие. Как известно, на представления людей о прошлом сильное влияние оказывают так называемые «социальные рамки памяти» [4]. Они, например, до сих пор удерживают представления достаточно многочисленной части россиян о Гражданской войне в пределах определенных стандартов объяснений тех неоднозначных событий. Дело в том, что на формирование этих рамок долгие десятилетия мощное влияние оказывало советское государство, имевшее неограниченные информационные ресурсы и возможность подавлять инакомыслие. Именно оно определяло, что надо помнить, а о чем обществу лучше забыть. В результате формировались так называемые «навязанная память» и «навязанное забвение». Неслучайно поэтому в Омске, столице «белого движения», уже три года бушуют нешуточные страсти по поводу установления памятника Верховному правителю России А.В. Колчаку. Мнение населения разделилось 50 % на 50 %.

Уже более четверти века идеологического воздействия нет, мы живем по сути в другом государстве, а «социальные рамки памяти», сформированные в советскую эпоху, продолжают демонстрировать свою необычайную живучесть. Парадоксальность ситуации заключается

в том, что сторонники победителей в Гражданской войне утратили монополию на установление памятников своим героям, но символическое пространство страны радикально не изменилось. В России «новая идентичность не стала гегемонистским дискурсом даже по отношению к революционным памятникам» [5, с. 8]. Особенно наглядно это проявляется в провинции. Если в Москве в 1991 г. наблюдался активный демонтаж памятников Ф.Э. Дзержинскому, М.И. Калинину и другим деятелям революционных событий, то в регионах это происходило редко. Практически все памятники в округе, связанные с революцией и Гражданской войной, остались на своих местах. Исключение, пожалуй, составляют памятники В.И. Ленину. А вот памятники гражданского примирения так и не появились. Подобный монументальный дисбаланс, с одной стороны, свидетельствует о слабости региональной власти, не решающейся в отсутствие общероссийского тренда к его устранению. С другой стороны – этот дисбаланс способствует формированию искаженного исторического сознания у пермяков и препятствует толерантному отношению к прошлому. Казалось бы, Президент РФ В.В. Путин во время последнего визита в Крым показал пример такого отношения к прошлому, выступив на открытии памятника предпоследнему российскому императору Александру III в Ливадийском дворце г. Ялта и тем самым дал возможность решать вопросы гражданского примирения региональным властям.

В России с 1991 г. было демонтировано около 1000 памятников В.И. Ленину, но все это происходило в отсутствие официальной государственной монументальной политики и, по сути дела, противозаконно. К примеру, в округе было 9 памятников Ленину: на городской площади, в городском парке им. И.Я. Кривошекова, на территории окружной больницы, перед автовокзалом, перед медучилищем, на территории лесного техникума, перед правлением колхоза «Россия» и перед зданием аэропорта. Сегодня сохраняется один памятник Ленину на трибуне городской площади, установленный в 1970 г. к 100-летию В.И. Ленина. Он стоит на балансе города и отвечает за него отдел культуры. Еще одна скульптура находится в кафе рядом с рестораном «Националь». В свое время предприниматель А.А. Петров обнаружил ее низверженной и выкупил у Кудымкарского лесного техникума за несколько коробок люминесцентных ламп. По остальным скульптурам никакой информации нет. Дело в том, что эти фигуры стояли на балансе организаций, которые

при первой возможности в начале 1990-х гг. поспешили от них освободиться. Только, получается, не по-человечески поступили. Надо было составить акт и сдать документ и скульптуру администрации города. Еще один каменный бюст Ленина, установленный на средства жителей с. Кочево, с 1970 г. стоял на четырехгранном постаменте напротив Дома культуры. Но и его судьба также неизвестна. В Кудымкаре и в селах округа как идеологические штампы 1920-х гг. продолжают существовать улицы имени Кирова, Калинина, Володарского и др. «героев революции». Если имена Кирова и Калинина старшее поколение еще помнит, то имя Володарского в округе никому не известно. Да в общем-то, и в революции он большого следа не оставил. Почему бы, посоветовавшись с народом, не переименовать такие улицы в честь видных представителей коми-пермяцкого народа.

На наш взгляд, необходимо проводить большую работу с населением, особенно в школах, по созданию приоритета духовно-нравственного понимания исторической памяти и проблем мемориализации, выявлении истоков Гражданской войны, произошедшего раскола и всплеска классовой ненависти. Осознание Гражданской войны как всеобщей национальной трагедии и закрепление этой идеи в общегражданских мемориалах станет напоминанием о великом нравственном историческом уроке и не позволит страшным событиям повториться вновь [5]. Такой подход к этой проблеме является продуманным, взвешенным и отвечающим интересам гражданского мира.

Разделяя этот оптимизм, выскажем собственные соображения по некоторым вопросам монументальной коммеморации событий Революции и Гражданской войны в нашем регионе. Прежде всего, необходимо провести научную инвентаризацию исторических памятников, посвященных Революции и Гражданской войне в округе на предмет их историко-культурной ценности. При этом приоритетными должны быть информационная и познавательная функции памятников, но отнюдь не идеологическая. Необходимо разъяснять населению, учащимся в школах их воспитательное значение. Не помешало бы для этого возродить общественную организацию «Охрана памятников истории и культуры».

Заслуживает всяческого одобрения начатая местным краеведом А.М. Кривошековым практика обозначения временными информационными знаками исторических памятников, связанных с репрессиями.

Ибо под них в 1930-е гг. попали в основном участники «белого движения». Пройдя проверку временем, они могут быть заменены недорогими памятниками. Особое внимание следует уделить местам захоронений жертв Революции и Гражданской войны вне зависимости от того, на чьей стороне они оказались в то непростое время. Все они должны быть приведены в надлежащий вид.

Известно, что в годы Гражданской войны в нашем крае погибли тысячи людей. Это были сторонники Колчака и Ленина, эсеры и меньшевики, горожане и далекие от политики крестьяне. А ведь давно можно было воздвигнуть недорогой, но очень важный памятный знак всем жертвам Гражданской войны как символ гражданского примирения. Установить его можно было бы на народные деньги.

Список источников и литературы

1. Курилла И.И. Историческая память и публичная коммеморация // Память и памятники. Волгоград: Волг. ГУ, 2012. С. 4–12.
2. Конин Г.К. Памятники истории и культуры Коми-Пермяцкого автономного округа. Кудымкар: Кн. изд., 1976. 173 с.
3. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. М.: Дет. лит-ра, 1988. 231 с.
4. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое изд., 2007. 348 с.
5. Вибе П.П. Монументальная мемориализация событий Революции и Гражданской войны в России // IV Ядринцевские чтения. Омск: Бланкиздат, 2017. С. 5–16.

**A.E. Konshin,
Kudymkar**

THE REVOLUTION AND CIVIL WAR COMMEMORATION IN THE KOMI-PERMIAN DISTRICT: THE PATH TO RECONCILIATION

The article analyzes the state of the monuments in the district, examines their main social functions and the role in the public consciousness formation. The author shows how the impact of the “social memory framework” influences on the symbolic space formation in the district, highlights the causes and consequences of the monumental imbalance in the memorialization of the Revolution and Civil war

events in the region. Based on the events of regional history, the author formulates specific proposals which aimed at an objective reflection of the Civil war events in the history monuments and monumental art.

Keywords: commemoration, Revolution, the Civil war, white and red, public consciousness, memorial, symbolic space, national reconciliation.

УДК 94(470)

Н.Ю. Кузнецова,
г. Петрозаводск
Б.Б. Сажин,
Москва

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И СУДЬБЫ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ:
«ЖИЗНЕННЫЕ МИРЫ» А.С. ПРУГАВИНА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНОГО ФОНДА
НАРОДНИКА В РГАЛИ)¹**

В статье исследуется биография известного народника, религиоведа, публициста А.С. Пругавина, а именно последний этап его жизни, пришедшийся на период революционных потрясений в России (1917–1920 гг.). Авторы, опираясь на неопубликованный ранее материал из личного фонда А.С. Пругавина в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), анализируют, каким образом складывался жизненный путь народника, и как он приспособлялся к новым, постоянно изменявшимся условиям. В итоге исследователи приходят к выводу о том, что Пругавин, будучи сильной личностью, не смог отказаться от своих идей и творчества и продолжил публицистическую деятельность, несмотря на преобразившийся вокруг мир.

Ключевые слова: А.С. Пругавин, народничество, интеллигенция, религиоведение, революционные потрясения, «жизненные миры».

Гражданская война в России стала не просто рубежом, разделившим государство на «до» и «после». Она оказалась границей, которую не смогли преодолеть многие представители интеллигенции дореволюционной России. Именно для тех многих из них, кто привык относить себя

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00058 мол_а.

к передовой категории мыслящих, изменение субъективной реальности оказалось катастрофой. Не стала исключением и судьба известного специалиста-религиоведа, публициста и народника Александра Степановича Пругавина (1850–1920).

Если допустить применение к периоду жизни Пругавина в момент Гражданской войны типологию «жизненных миров» Ф. Василюка [1], то мы увидим, что народник оказался в ситуации «внутренне сложный и внешне трудный жизненный мир» (или так называемый четвертый «творческий» тип), когда народник, безусловно, сильная, волевая и творческая личность, должен был проживать различные типы критических ситуаций. Остановимся на событиях завершения его жизненного пути подробнее.

Толчком к началу глобальных изменений («перелома эпох») в жизни Пругавина стала Первая русская революция, которую он встретил в Петербурге. Уже тогда народник оказывается в ситуации «микрорезиса», когда внешний мир все больше усложнялся (незадолго до революционных действий за автором возобновляется полицейский надзор, а затем он даже оказывается в тюрьме), а внутренний, наоборот, упрощается (страдавший от давления цензуры Пругавин революционные идеи принимал, его воодушевили принятые Указ об укреплении начал веротерпимости и Манифест об усовершенствовании государственного порядка).

Удовлетворение от объявленного на государственном уровне начала процесса дарования религиозных прав и свобод вызывалось, в первую очередь, особенностями мировоззренческого кредо писателя. Им была еще в начале 80-х гг. XIX в. разработана теория социального прогресса, определяющая самобытный, обоснованный нравственно и религиозно, путь России к социализму. Основной составляющей общественного развития виделась многофункциональная деятельность религиозных нон-конформистов (старообрядцев и сектантов) и народнической интеллигенции, от соединения творчески-конструктивных усилий которых зависела успешная реализация социалистического проекта в общенациональном масштабе. Условиями данного союза становились просвещение народных масс и осуществление в стране реформ в области прав и свобод человека (в т.ч. в сфере религиозных верований). Таким образом, можно предположить, что события 1905 г. в стране позволили Пругавину на короткий срок поверить, что многоконфессиональное население империи не будет больше подвергаться давлению государства и Русской Православной Церкви из-за иной религиозной принадлежности.

Вместе с тем «микрорезис» народник не преодолел, и связано это с тем, что многие законодательные мероприятия того времени были впоследствии дезавуированы. В частности, продолжались преследования религиозных нон-конформистов. Пругавин не был удовлетворен итогами Первой русской революции и главной причиной поражения считал атеизм ее руководителей. По его мнению, «революция 1905 г. окончилась неудачей», т.к. она была направлена «не только против царя, но и против Бога», она сошла «с религиозной почвы» [2, л. 8].

Февраль 1917 г. был воспринят Пругавиным с удовлетворением как закономерный итог императорской власти и монархической государственности. «Революция спасает страну от измены, предательства и полусумасшедших маньяков, угнетавших 180-ти миллионный народ», – записывает народник в черновике одной из своих работ [3, л. 143 об.]. С новым режимом Пругавин связывает надежды на реализацию своих идей. В архиве сохранилась часть его обращения к Временному правительству. В заявлении публицист предлагает власти «так или иначе использовать те специальные знания», которые накопились у него «по вопросам религиозно-культурного характера и в частности по вопросу о старообрядчестве и сектантстве». «И старообрядцы и сектанты – плохие революционеры, – отмечал Пругавин. – Но зато эти люди могут сыграть крупную, незаменимую роль на второй же день после революции, когда потребуются созидательная творческая работа в разных областях жизни» [3, л. 42–43].

Снятие цензурных оков позволяет публицисту начать реализацию многих своих литературных проектов. В издательстве «Задруга» выходят его книги «В казематах», «Григорий Распутин и его поклонницы», «Бунт против природы». В 1918 г. издательство публикует еще одну работу исследователя – «Неприемлющие мира». Одновременно пишутся второй выпуск «Бунта против природы», посвященный духовным лидерам движения «христоверов», и цикл статей под общим названием «Николай II и темные силы».

Однако усилившийся экономический кризис не позволил Пругавину остаться в столице. В ночь с 19 на 20 сентября 1917 г. писатель прибывает на поезде в Уфу, где и остается до лета 1919 г., когда город окончательно перешел в руки Красной армии. В письме Н.А. Котляревскому от 13 февраля 1918 г. он вспоминал: «Чудовищная дороговизна выгнала меня из Петрограда. Я вынужден был бросить свою библиотеку и свой архив, и бежать в Уфу» [4, л. 4]. На Урале народник встретил

и приход к власти большевиков, и начавшуюся Гражданскую войну. Важно отметить, что Пругавин, по-видимому, не оставлял надежду на возвращение в столицу, т.к. продолжал исправно оплачивать счета за квартиру, что подтверждается перепиской с Домовым комитетом, а также взносы в Императорское вольное экономическое общество [5, л. 17–19, 30].

Октябрьскую революцию, в отличие от двух предыдущих, Пругавин не принял. Новый режим народник называл «самодержавием Ленина–Троцкого» [6, л. 4]. «Большевики, – отмечал он, – именующие себя Рабоче-Крестьянским правительством, являются самозванцами, так большая часть... рабочих относится к ним с явным недоверием, а подавляющее большинство крестьян – с ненавистью» [6, л. 44].

Воспринимая на тот момент времени большевиков как угрозу для России, силу, поставившую страну на грань гибели, Пругавин после 5 июля 1918 г., когда Уфу заняли чехословаки, активно включается в общественную деятельность. Писатель сотрудничает с Временным комитетом Уфимской городской думы, участвует в сентябрьском съезде членов Всероссийского Учредительного собрания. Пругавин официально не имел членства ни в одной из политической партии, но симпатии его были на стороне правых эсеров и народных социалистов. Он также пишет заметки и статьи на злободневные темы в газеты «Уфимская жизнь», «Русское дело», «Русская армия», «Армия и народ». Острие его публицистики направлено, в первую очередь, на действия большевиков. Так, в статье «Родина или... социализм?» Пругавин обвиняет русских марксистов в развале и гибели России. Большевики разложили армию и заключили «похабный» Брестский мир, лозунги «Бери за горло буржуя!» и «Грабь, кто может!» спровоцировали Гражданскую войну в стране. «Что из этого произошло, – пишет Пругавин, – всем, конечно, известно, всем памятно. Отрава широким потоком разлилась по стране, разбудив дремавшие в массах низменные, звериные инстинкты <...> Таким образом полный цикл самых гнусных измен и предательств был завершен» [7, л. 9–10].

Тогда же Пругавин знакомится с епископом Андреем Ухтомским, между ними завязываются дружеские отношения, в личных беседах обсуждается в т.ч. и вопрос о будущем новой России. После непродолжительных переговоров с владыкой в мае 1919 г. писатель соглашается редактировать газету «Великая Россия», орган Восточно-Русского Культурно-Просветительного общества.

Пругавин, разумеется, рефлексировал над происходящим в стране. Он не верил в долгое правление большевиков и размышлял о необходимых мерах для вывода России из кризиса. В письме С.П. Мельгунову от 28 января 1919 г. народник отмечал: «Мне кажется, следует предвидеть тот перелом, который скоро и неизбежно должен произойти в общественных настроениях. Социалистическая свистопляска безумцев большевиков, приведшая к деспотизму, анархии, хаосу и пьяным бунтам, возбуждает всеобщее отвращение и негодование. В противовес повсюду пробуждаются и нарастают стремления и запросы культурного, этического, религиозного характера <...> Издательства, преследующие идейные цели и задания, должны учесть назревающие запросы, чтобы своевременно ответить на них и направить новые стремления в надлежащее русло...» [6, л. 15 об.–16].

Признавая и в этих условиях необходимость культурной миссии интеллигенции, А.С. Пругавин продолжал также настаивать на религиозном просвещении трудовых масс с целью нравственного оздоровления общества, видя в этом залог народного спасения. Собственно, преобладание «звериных инстинктов» народник объяснял именно расшатыванием религиозных устоев. Идеи религиозного возрождения обсуждал писатель и с Андреем Ухтомским. Епископ ратовал за ренессанс на «почве церковности», а Пругавин настаивал на необходимости глубокого усвоения народными массами нравственных заповедей христианского учения. Так, в одном из черновых документов писатель отмечает: «Учение Христа до сих пор не только не осуществлено в жизни, но даже не усвоено, не понято вполне» [8, л. 103]. Писатель даже конкретизировал те положения христианства, которые должны быть восприняты людьми: идея о совершенствовании человека («И будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный»), «любовь к человеку не только «ближнему», но и дальнему» и «нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други свои» [8, л. 103, 108]; [3, л. 152]. Реализация этих принципов и должна была приблизить Россию к построению небуржуазного общества, нельзя насаждать «социализм при помощи штыков и расстрелов» [3, л. 92].

Гражданская позиция писателя еще более подчеркивается резко ухудшившимся состоянием его здоровья и бедственным материальным положением. Пругавину было почти 70 лет и передвигаться, по его словам, он мог «только в горизонтальном направлении» [3, л. 30]. Периодически

к нему возвращалась «старая болезнь – самоотравление организма», которая, как подчеркивал сам народник, «от времени до времени жестоко его мучила» [9, л. 7 об.].

К тому же общий хаос и экономическая разруха в стране поставили народника на край финансовой катастрофы. В цитированном выше письме Котляревскому Пругавин жаловался, что в Уфе «цены на все страшно поднялись и неудержимо растут все более и более... Право уж и не знаю, в какую еще щель забиться?» [4, л. 4 об.]. Исследователь еще до Первой мировой войны стал получать пенсию от Академии наук (50 рублей) и Литературного фонда (50 рублей). Однако в Уфу деньги из-за перебоев в работе почты приходили с задержками в несколько месяцев, что ставило писателя в крайне тяжелое положение. «В моем более чем скромном бюджете пенсия является базисом, без которого я не в состоянии существовать», – отмечал он [4, л. 4 об.]. Так же нерегулярно поступали выплаты от издательств, которые печатали работы народника. В письме Мельгунову от 21 августа (3 сентября) 1918 г. писатель отметит: «Я до сих пор ничего не получил ни от Вас, ни от «Задруги». Вследствие этого положение мое жестокое. Нуждаюсь в самом необходимом. Голодаю в буквальном смысле слова. Болею. Снова прошу Вас прислать мне с оказией возможно скорее деньги, следующие за июль, август и сентябрь месяцы» [6, л. 33]. Тем не менее, невзирая на все сложности, связанные с военной и революционной разрухой, Пругавин смотрел с оптимизмом в будущее, интенсивно работал и надеялся на осуществление своих социальных проектов. Продолжал народник строить планы и в отношении исследований в области народной религиозной жизни [6, л. 23].

В июне 1919 г. белогвардейцы оставляют Уфу, и вместе с ними эвакуируется в Новониколаевск (сейчас – Новосибирск) Пругавин. В декабре 1919 г. колчаковцы уходят из города. Однако Пругавин остается и начинает сотрудничество с советской властью. Можно выделить несколько причин такого «перехода». Во-первых, народник симпатизировал политике большевиков в отношении религиозного вопроса, а значит один из ключевых законов того времени, Декрет 21 января 1918 г. об отделении церкви от государства и школы от церкви, не мог не вызвать у него ответную реакцию. В черновике лекции «Церковь и Советская власть» (1920 г.) ученый с удовлетворением констатировал: «Акт этот окажет огромное, колоссальное значение для дальнейшего духовного развития России» [10, л. 43]. Теперь «десятки миллионов русских сектантов

и религиозных отщепенцев» смогут «отдаться мирному творчеству над созданием новой, свободной, трудовой и красивой жизни» [10, л. 46–47]. Во-вторых, Пругавину могла импонировать политика большевиков в области образования. В черновом наброске еще одной лекции «Коммунистические стремления русского сектантства» писателем отмечалось, что «рабоче-крестьянское правительство принимает все меры для того, чтобы возможно шире развить дело народного образования и просвещения, справедливо видя в этом главный залог, главное, могучее условие прогрессивного движения вперед» [11, с. 122]. Можно отметить, что определенные действия большевиков, так или иначе, подпадали под условия осуществления социального прогресса согласно взглядам Пругавина. Поэтому, очевидно, в заявленном политическом курсе новой власти народник увидел новые возможности для реализации собственного социального проекта.

Вместе с тем, вероятно, одним из определяющих факторов мог стать финансовый аспект, ведь не стоит забывать, в какой сложной измененной реальности оказался Пругавин: война, постоянные перемещения с места на место, катастрофическая нехватка средств. По сути, вопрос стоял о простом выживании физически нездорового пожилого человека. Как бы то ни было, Пругавин обращается с прошением в Политпросвет, в котором предлагает прочесть для красноармейцев «цикл лекции по религии, этике и культуре, – по две лекции в неделю», на которых должен был «обсуждаться религиозный вопрос с точки зрения социализма и интересов трудового народа» [3, л. 134]. В январе 1920 г. ученый назначается на должность лектора во II отделение Отдела народного образования. Таким образом, Пругавин вернулся к своей главной исследовательской теме – религиозности в обществе. Народник подготовил цикл лекций «Свобода совести при царском режиме», «Религиозные движения в России», «Что такое русское сектантство», «Коммунистические стремления в русском сектантстве», «Этические и социальные искания на религиозной почве» и др. [12, л. 15]. Также Пругавиным был написан доклад «Об организации издательской деятельности отдела народного образования» [13, л. 22 об.], с которым он выступил на Первой городской конференции культурно-просветительных организаций.

Однако жизнь А.С. Пругавина вскоре трагически закончилась, многим его планам не суждено было свершиться. 24 марта 1920 г. писатель был арестован Особым отделом Всероссийской чрезвычайной комиссии при Третьей армии Восточного фронта [14, л. 5]. Его отправляют

в тюрьму в г. Красноярске, где он и умирает осенью того же года от брюшного тифа.

Таким образом, А.С. Пругавин, переживший в последние годы жизни вместе со страной масштабные революционные потрясения, оказывается в непростой ситуации. С одной стороны, перед ним стоит простая жизненная задача – выжить. Но, с другой стороны, автор, будучи волевой личностью, не мог и не хотел отказываться от своего творчества. Соответственно, задача усложнялась. Народнику необходимо было обеспечить себе возможность действовать, исходя из ценностей нового зарождающегося мира и новых условий. А это значит, он хотел уже не просто жить, но и продолжать действовать в привычном ритме, т.е. творить, писать. И писать не просто «в стол», а для читателя, ощущая себя нужным.

Список источников и литературы

1. Василюк Ф. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций // Психология конфликта: хрестоматия. СПб., 2001. С. 277–297.
2. Пругавин А.С. наброски к статье о причинах поражения революции 1905 г. Приложено письмо Хионии Гусевой и ее стихотворение // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2167. Оп. 1. Д. 137.
3. Разрозненные листы черновых рукописей, наброски и заметки А.С. Пругавина, относящиеся преимущественно ко времени его службы у Колчака // РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 2. Д. 51.
4. Письмо Н.А. Котляревского А.С. Пругавину. Приложены черновики писем А.С. Пругавина Н.А. Котляревскому // РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 2. Д. 86.
5. Заметки А.С. Пругавина для памяти «Что прочесть», «Кому написать» и т.д. Расчеты по оплате квартиры в Петербурге // РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 2. Д. 4.
6. Письма С.П. Мельгунова А.С. Пругавину // РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 2. Д. 93.
7. Пругавин А.С. «Измена», «Заговор Германии против России», «Правые и левые эсеры», «Родина или... социализм» и др. статьи. Вырезки из газет «Уфимская жизнь» и др. // РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 3. Д. 6.
8. Рукописи и заметки А.С. Пругавина и газетные вырезки на тему «Свобода совести» // РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 2. Д. 49.

9. Черновики писем А.С. Пругавина к В.В. Баринову, А.А. Бунину, Н.М. Вострякову, И.И. Горбунову, А. Кугушевой, Н.П. Ложкину, Н.Е. Парамонову, епископу Феофану Полтавскому, И.И. Шевелеву, издательствам «Посредник», «Общественная польза», редакциям газет, почтовой конторе, комитету Литературного фонда и постоянной комиссии Академии наук по оказанию помощи ученым // РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 2. Д. 126.

10. Рукопись А.С. Пругавина «Церковь и Советская власть» // РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 2. Д. 55.

11. Сажин Б.Б., Кузнецова Н.Ю. Религия, христианство, секты и социализм: опыт реконструкции взглядов А.С. Пругавина на проблему народных религиозных движений в 1917–1920 гг. // Сектоведение. Альманах. Том VI. 2017. С. 106–123.

12. Конспект доклада А.С. Пругавина на тему «Накануне февральской революции 1917 г.». Планы лекции о русском сектантстве // РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 2. Д. 52.

13. Б.н. // РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 1. Д. 215.

14. Билеты А.С. Пругавина на право входа в зал Государственного совещания в Москве 1917 г., на право входа на съезд членов Учредительного собрания в Уфе в 1918 г., для встречи Колчака, ордер ВЧК Введенскому на право обыска и ареста и протокол обыска (1920 г.). Удостоверение на имя Пругавина // РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 2. Д. 3.

**N.Y. Kuznetsova,
Petrozavodsk**

**B.B. Sazhin,
Moscow**

**THE CIVIL WAR AND DESTINY OF INTELLIGENTSIA:
“LIFE WORLDS” OF A.S. PRUGAVIN
(ON PERSONAL FUND MATERIALS OF POPULIST IN THE RGALI)**

The article examines the biography of the famous populist, researcher and religious scholar, publicist A.S. Prugavin. The last stage of his life, which came during the period of revolutionary upheavals in Russia (1917–1920), is considered in detail. The authors examine previously unpublished material from the personal fund Prugavin in the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). The article investigates how the life path of Prugavin was formed and how he adapted

to the new, constantly changing conditions. Researchers conclude that Prugavin could not abandon his ideas and creativity, and continued his journalistic activities despite the changed world around him.

Keywords: A.S. Prugavin, populism, intelligentsia, religious studies, revolutionary upheavals, “life worlds”.

УДК 94(4)

В.И. Левин,
г. Пенза

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И СУДЬБА ЕВРЕЕВ

Предложено рассматривать причину Гражданской войны в России 1917–1922 гг. как совокупность оснований для недовольства различных общественных групп. Обозначены источники неудовлетворенности своим положением национальной группы евреев России. В связи с этим дан обзор отдельных постановлений имперской администрации и их последствий для евреев. Описывается поддержка, которую еврейские массы оказали Февральской революции 1917 г., их жизнь при Временном правительстве. В заключении проанализированы трудности, обрушившиеся на российских евреев после Октябрьского переворота, массовые погромы в период Гражданской войны и их переход на сторону большевиков.

Ключевые слова: Февральская революция, Октябрьский переворот, евреи, Временное правительство, Учредительное собрание.

Революция в России, 100-летие которой мы недавно отметили, до сих пор вызывает ожесточенные споры историков. Основным предметом спора являются причины развернувшихся тогда событий – собственно буржуазно-демократической Февральской революции и завершившего ее Октябрьского переворота. В качестве таковых обычно называют неспособность Николая II управлять огромным государством и участие России в Первой мировой войне. Реже указывают на неготовность царя к быстрым и решительным силовым действиям, что проявилось, например, во время волнений в Петрограде из-за нехватки хлеба в 1916 г. или после получения им в феврале 1917 г. реляции российского генералитета о необходимости его отречения от престола. Называют иногда

и явно сомнительные причины, такие, как якобы «обнищание народа»; преступное упрямство Верховного правителя А.В. Колчака, отказавшегося в 1919 г. пообещать независимость Финляндии и тем самым исключившего ее армию из совместного с армией генерала Н.Н. Юденича похода для взятия революционного Петрограда; повышенная солнечная активность в 1917 г., вызвавшая чрезмерное возбуждение населения, и т.д. Наконец, приводят явно конспирологические теории происхождения русской революции, связывающие ее с деятельностью международных тайных обществ; масонского братства; Всемирного еврейского правительства и т.д.

Думается, что подлинная причина 1917 года в России, сделавшая его неизбежным, была в другом: к 1917 г. практически все национальные, религиозные, социальные группы населения страны были крайне недовольны деятельностью царя и его правительства в целом и нерешительно соглашались на продолжение его правления. Конечно, причины недовольства были разными. Поэтому изучать их надо отдельно, однако результаты необходимо сопоставлять для получения подлинной причины российской революции. Настоящая работа посвящена исследованию оснований для недовольства группы «российские евреи». При ее подготовке были использованы опубликованные источники и литература [1], [2], [3], [4], [5].

Россия веками запрещала евреям селиться на своей территории. Однако в конце XVIII в. после разделов Польши она вдруг оказалась государством с самым большим в мире еврейским населением (0,8 миллиона человек). Это поставило перед Екатериной II много проблем, т.к. евреи по религии, традициям и роду занятий сильно отличались от других народов империи. Была разработана специальная политика «исправления» евреев и их последующего привлечения к участию в общественной жизни государства. Богатых евреев отнесли к купцам, бедных – к мещанам. Это дало им право избирать и быть избранными в городские думы. Но на деле данное право оказалось не реализовано и лишь осложнило взаимоотношения христиан и евреев. Правительство обязало последних проживать только в городах. Это подорвало традиционные источники их заработка, т.к. они с давних времен торговали на селе. Их попытки торговать в городах внутренних губерний России были успешными благодаря более высокому качеству их товара и более низким ценам. Однако после жалоб русских купцов, испугавшихся

конкуренции, Екатерина II в 1791 г. запретила евреям проживание и работу всюду, кроме присоединенных польских провинций, т.е. Белоруссии, Литвы и Украины. Возникла пресловутая «черта оседлости». Последующие императоры Павел I и Александр I ничего не сделали для облегчения положения российских евреев. Наоборот, Александр I запретил им заниматься винокурением и торговлей вином. Им также возбрали содержать постоянные дворы и обязали их в течение трех лет вернуться в города, находившиеся в черте оседлости. В качестве «компенсации» за эти ограничения еврейским детям разрешили посещать русские школы, а еврейским общинам – создавать свои школы, евреев-земледельцев стали наделять землей в южных губерниях, ремесленным цехам запретили дискриминировать евреев. Но на практике все разумные положения политики Александра I в отношении евреев не выполнялись. Все свелось к тому, что после отказа добровольно покинуть деревни в 1807 г. их насильно выселили оттуда. Даже верность России, проявленная евреями во время войны с Наполеоном, не смягчила правительство. Наоборот, теперь им запретили проживать в городах-крепостях, военных портах и вдоль западной границы, а в 1825 г. вообще выселили из пограничной полосы в 50 верст. Вступивший на престол в 1825 г. Николай I пошел дальше: отменил налог, заменявший для евреев воинскую повинность, и стал набирать их на службу с 12 лет (!). Считалось, что за время предварительной подготовки в кантонистских школах дети примут христианство, а последующая служба в течение 25 лет окончательно оторвет их от еврейства. Жестокость, с которой осуществлялась эта программа (детей брали реально с 8 лет, вырывая их из рук матерей) не дала результатов и лишь озлобила народ. Николай I также ввел цензуру на еврейские книги, в результате чего были закрыты еврейские типографии во всех городах России, кроме Вильно и Житомира. В результате издание национальной литературы в стране сильно сократилось. И лишь Александр II, вступив на престол в 1855 г. и начав крупные реформы в стране, не обошел вниманием и евреев, приказав пересмотреть все касающиеся их законы с целью слияния с коренными жителями. Было ликвидировано положение о кантонистах, и евреев уравнили с другими в правах в отношении к воинской повинности. Тогда же отменили запрет на занятие ими государственных должностей. Получили разрешение проживать вне черты оседлости еврей-купцы 1-й гильдии, лица с учеными званиями, ремесленники, николаевские солдаты и их потомки. Стремясь ускорить

ассимиляцию, царь облегчил поступление евреев в государственные средние и высшие учебные заведения. Однако общественность испугалась, что приобщение евреев к русской культуре может сделать их более опасными для коренных жителей. Усилилась антисемитская агитация в прессе. А сам Александр II во вторую половину своего царствования отступил от прежних принципов. Он восстановил екатерининское положение об ограничении числа еврейских депутатов третью их общего количества, даже в городах с подавляющим большинством еврейского населения, и запретил евреям занимать пост городского головы. Он также закрыл учрежденные при Николае I государственные еврейские училища, а раввинские училища превратил в учительские институты. Убийство Александра II в 1881 г. окончательно остановило либеральные эксперименты в стране. Новый царь Александр III перешел к политике тотального государственного антисемитизма. В 1887 г. он ввел процентную норму для евреев, поступающих в университеты, институты и гимназии: в черте оседлости – 10 % от общего числа учащихся, вне черты – 5 %, в Москве и Петербурге – 3 %. Он также вернул запрет на принятие евреев на государственную службу, в 1891 г. выслал из Москвы всех жителей-евреев (20 тысяч человек) и т.д. Именно при Александре III в 1881 г. во всех губерниях черты оседлости были созданы особые комиссии по определению «вреда», якобы причиняемого «коренному населению» экономической деятельностью евреев. Особый подбор членов комиссии и полученные ими наставления привели к тому, что большинство их высказалось за ограничение участия евреев в хозяйственной жизни страны. Эта рекомендация была принята на вооружение царем. В целом при Александре III произошел поворот от стремления властей ассимилировать и приобщить евреев к культурной жизни страны к решению изолировать их или заставить эмигрировать. Николай II сохранил эту политику и кое в чем усилил. Так, в 1901 г. он уменьшил процентную норму для евреев, поступающих в университеты, технологические институты, консерватории, академии художеств и полностью закрыл прием в электротехнический институт и институт путей сообщения в Петербурге, сельскохозяйственный институт в Москве, петербургское и московское театральные училища. Правительственные круги утверждали, что нарождающееся революционное движение в России – дело рук евреев-сообщников «внешнего врага». Царь, ненавидевший евреев, поддерживал эту антисемитскую линию. Он ассигновал крупные суммы из лично-

го фонда для издания антисемитской литературы. А печально знаменитая книга «Протоколы сионских мудрецов», обвинявшая евреев в создании тайного мирового правительства, управляющего человечеством, была напечатана в царской типографии. Воззвания к погромам готовились в секретной типографии департамента полиции. Безудержная пропаганда принесла свои плоды: по стране прокатилась волна беспорядков – в Кишиневе весной 1903 г. (убито 50, ранено 500 человек), Гомеле летом 1903 г. (убито 10, ранено 100 человек), Одессе в 1905 г. (убито 300 человек) и т.д. Их организатором была созданная на царские деньги «патриотическая» организация «Союз русского народа». Люди пытались бороться с притеснявшей их властью, вступая в различные оппозиционные партии: эсеров, РСДРП, Бунд. Однако несравнимо большее их число просто эмигрировало из России. Всего уехало 2 миллиона человек, что составило 40 % еврейского населения страны! Во время Первой мировой войны 400 тысяч российских евреев участвовали в боевых действиях, сотни тысяч еврейских женщин шили для фронта одежду, слали подарки солдатам. Они надеялись, что царь оценит их самоотверженность и предоставит им равноправие с другими народами страны. Ответ не заставил себя ждать: уже в августе 1914 г. по приказу Верховного главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича Романова 100 тысяч евреев были депортированы из прифронтовой полосы за якобы «пособничество врагу». В 1915 г. выселения продолжились, достигнув почти 0,5 миллиона человек. По приказу того же Николая Николаевича Романова было взято около 400 заложников – раввинов и наиболее уважаемых руководителей еврейских общин; часть из них повесили. Люди поняли, что ничего хорошего от этого царя они не дождутся.

Немудрено, что российские евреи восторженно встретили Февральскую революцию 1917 г. Временное правительство единогласно приняло «Постановление об отмене вероисповедных и национальных ограничений». В результате евреи получили равные со всеми гражданские, политические и национальные права. Вышли из подполья и активизировали свою деятельность еврейские партии. На местах стали создаваться автономные еврейские общины с независимым от властей руководством. Еврейская молодежь стала свободно поступать в гимназии, университеты, военные училища. Но Временное правительство оказалось слабым, в стране воцарился хаос. И 25 октября 1917 г. в результате военного переворота власть в стране захватили большевики. Основная масса ев-

рейских партий, общественных групп и религиозных авторитетов осудили переворот и последующий разгон Учредительного собрания, как антиконституционные действия. Рядовые же евреи разделились. Часть примкнула к противникам большевиков, участвовала в защите Зимнего дворца, воевала в составе Добровольческой армии Деникина и иных белых армий. Другая часть поддержала большевиков. В развернувшейся впоследствии Гражданской войне на фоне других эксцессов, обычных для таких войн, резко выделялись своей жестокостью зверства во время массовых еврейских погромов, проводившихся белыми армиями, местными крестьянами и обычными бандитами. Только на территории Украины погибло, умерло от голода и болезней около полумиллиона человек, т.е. 25 % еврейского населения края; было разграблено 700 населенных пунктов, и несколько сот тысяч человек остались без средств к существованию; 300 тысяч детей стали сиротами. Это подтолкнуло евреев в сторону большевиков, армия которых всегда пресекала погромы и наказывала погромщиков.

Список источников и литературы

1. Гессен Ю. История еврейского народа в России. М.: Еврейский ун-т; Иерусалим: Гешарим, 1993.
2. Кандель Ф. Очерки времен и событий. Ч. 3. Иерусалим: Тарбут, 1994.
3. Краткая еврейская энциклопедия. Т. 7. Иерусалим, 1994.
4. Левин В.И. История евреев России. Взгляд из Пензы. Пенза, 2003.
5. Очерк истории еврейского народа / Под ред. проф. Ш. Этингера. Т. 1, 2. Иерусалим: Библиотека Алия, 1990.

**V.I. Levin,
Penza**

THE CIVIL WAR AND JEWS DESTINY

It is proposed to consider the cause of the Civil war in Russia during 1917–1922 as a set of various public groups' dissatisfaction reasons. The author considers the reasons for dissatisfaction with the position of the national group of Jews in Russia. In this regard, an overview of the Russian government various decrees and their consequences for the Jews are given. It describes the support that the Jewish masses rendered to the February Revolution of 1917, their life under the Provisional

Government. The article analyzes the difficulties that fell upon the Russian Jews after the October Revolution, the mass riots during the Civil war and their transition to the side of the Bolsheviks.

Keywords: the February Revolution, the October Revolution, the Jews, the Provisional Government, the Constituent Assembly.

УДК 908

С.А. Приходько,
г. Новозыбков

**ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ
И РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
МИХАИЛА ИВАНОВИЧА СЫЧЁВА
(К 135-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИДЕАЛИСТА)**

Весь путь Михаил Иванович Сычёв прошел на грани драмы и трагедии. Его жизнь и революционные подвиги кратко («Остались в памяти народной», 1988; «Советская историческая энциклопедия», 1971; Фролов Е.М. Его звали Франц, 1987) или подробно (Кадейкин В.А. Путь большевика-революционера, 1966) излагаются во многих публикациях. Но ввиду постоянной переменчивости и чрезвычайной насыщенности событий, вызванных грандиозными историческими потрясениями, отдельные факты остаются скрытыми от взоров аналитиков.

Ключевые слова: Михаил Иванович Сычёв, жизненный путь, революционная деятельность, Россия, XX век.

Михаил Иванович Сычёв родился в ноябре 1883 г. в Черниговской губернии, в Злынке, в семье плотника, поэтому все рабочие профессии были близки ему по духу. В одиннадцать лет М.И. Сычёв начал работу подручным каменщика. Впоследствии он стал каменщиком высокой квалификации. Читать и писать мальчик научился самостоятельно [13, с. 134] и уже в юношеские годы хорошо знал русскую литературу.

Свой пятнадцатилетний революционный путь юноша начал в Европейской части империи. В 1903 г. он вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию (РСДРП). Вскоре за организацию забастовки лесорубов в царском имении «Беловежская пушча» М.И. Сычёв впервые

был арестован и посажен в тюрьму. Осенью 1903 г. он вернулся в Злынку и организовал первые революционные кружки на спичечной фабрике Воронина, в артелях деревообделочников и каменщиков, поддерживал тесную связь с Новозыбковской социал-демократической рабочей группой. В январе 1904 г. в Гомеле был создан Полесский комитет РСДРП, объединивший Гомельскую, Клинецкую и Новозыбковскую социал-демократические группы. М.И. Сычѳв вошел в состав комитета и по его заданию активно вел революционную агитацию в северных уездах Черниговской губернии, имевших общие политические и этноязыковые традиции, а также сходный бытовой уклад.

9 января 1905 г. расстрелом мирной демонстрации в Санкт-Петербурге началась Первая русская революция. Такого потрясения монархическое государство еще не знало. Впервые режим Николая II зашатался. Масштабные выступления рабочего класса и крестьянства вынудили императора 17 октября 1905 г. ограничить собственную власть. Были отменены выкупные платежи – рудименты крепостного права, формально ликвидированного еще 19 февраля 1861 г., в эпоху Александра II. Ранее никому не подотчетный правитель Российской империи согласился на создание первого парламента – Государственной Думы. Самодержавие пало, но монархия устояла.

В губерниях, в т.ч. на Черниговщине, начались антиправительственные выступления. Водоворот событий захватил многих жителей Российской империи, как и М.И. Сычѳва. В 1905 г. он вошел в местную социал-демократическую организацию, затем стал одним из ее руководителей. В июле 1906 г. М.И. Сычѳва избрали в состав Черниговского районного бюро РСДРП.

Михаил Иванович являлся организатором демонстрации протеста в связи с расстрелом 9 января 1905 г. в Петербурге. В 1906 г. в Злынке уже насчитывалось 80 членов РСДРП. Для небольшого посада это было немало. Недалеко от Злынки в лесу проводились митинги и сходки, на которых рабочие читали листовки, прокламации, издававшиеся Полесским комитетом РСДРП, приобщались к борьбе с самодержавием. Первоначально М.И. Сычѳв лично привозил революционную литературу из Гомеля. Дважды типография открывалась в Гомеле, но вследствие активной слежки ее пришлось перенести в Новозыбков. М.И. Сычѳв организовал доставку и печать в местной подпольной типографии, стал редактором всех публикаций. В Злынке была создана нелегальная библиотека ре-

волюционных изданий [1, с. 69]. Связавшись с Полесским комитетом РСДРП, М.И. Сычёв по его заданию налаживал явки, писал и распространял прокламации, проводил совещания с агитаторами и пропагандистами. В первые годы XX в. ярко раскрылись его организаторские способности пламенного революционера, решившего посвятить жизнь борьбе за победу рабочего класса.

Широким являлся круг деятельности М.И. Сычёва. Став партийным организатором в пяти северных уездах Черниговской губернии, он часто выезжал в города и деревни, проводил митинги и нелегальные собрания, на местах налаживал партийную работу. Уже в первые месяцы 1905 г. благодаря усилиям большевистской сети революционное движение в среде крестьянства приобрело небывалый масштаб в Новозыбковском и Севском, Стародубском и Суражском уездах. В каждом из них на призывы агитаторов откликнулись жители десятков деревень и сел [7, с. 29–32]. М.И. Сычёв собирал сведения о положении крестьян и сообщал их партийным газетам. Публикации неприглядных фактов способствовали успехам большевиков. Большой интерес представляли сведения о количестве рабочих в уездах, численности социал-демократических и других оппозиционных организаций, наличии нелегальных библиотек, формах революционной работы в массах [9]. М.И. Сычёв сумел наладить систему распространения партийной литературы. Летом 1905 г. результатом работы большевистского агитатора явилось усиление стачечной борьбы в Клинцах и Новозыбкове [7, с. 23].

В середине 1906 г. Злынковская, Клинцовская, Новгород-Северская и Стародубская организации РСДРП имели гектографы. Значительным стало влияние партии в Клинцах. Рабочий класс города составлял 10 тысяч человек. Количество членов партии достигло 150. В городе действовал Совет рабочих депутатов. Развернувший революционную борьбу М.И. Сычёв попал в поле зрения царских специальных служб. Слежку за ним вело жандармское управление. Летом 1906 г. пристав 4-го стана Новозыбковского уезда П. Куцевич доносил: «Михаил Иванович Сычёв ведет знакомство с подозрительными лицами, тайно агитирует среди местного населения, часто куда-то отлучается, ведет значительную переписку, в его доме хранится нелегальная литература» [18, л. 8].

1 сентября 1906 г. большевик был арестован. Во время обыска в его доме обнаружили нелегальную литературу. В библиотеку М.И. Сычёва входили 65 подпольных изданий и материалы о революционном движе-

нии в Черниговской губернии, в т.ч. сводный отчет. Следователи установили, что антиправительственная пропаганда велась не только среди пролетариев и селян, но и в армии, полиции. К сфере ответственности 23-летнего мещанина относились восемь социал-демократических организаций. В конце июня – начале июля 1906 г. в качестве делегата Злынковской структуры РСДРП противник царизма участвовал в районной конференции социал-демократических организаций Черниговской губернии, на которой было решено создать боевые дружины для грядущего всеобщего выступления. Полесский комитет РСДРП был распущен. Конференция избрала руководящий орган – 1-е Черниговское районное бюро РСДРП. Как ни старались полицейские, знавшие о грядущей конференции, сорвать ее не удалось. Руководитель жандармов расписался в собственном бессилии [14, с. 9].

В 1907 г. были подавлены последние очаги Первой русской революции. Начались репрессии против участников протестного движения. В историю страны годы преследования идеологов радикальных преобразований общества и их сторонников вошли как эпоха реакции. Судебного вердикта М.И. Сычѳв ожидал в Новозыбковской тюрьме. 25 июня 1907 г. особое присутствие Киевской судебной палаты признало организатора и руководителя Злынковской ячейки РСДРП виновным в тяжких преступлениях по 1-й части 126-й статьи Уголовного уложения Российской империи и приговорило к ссылке на поселение [20, л. 27–28]. До места ее отбывания он не доехал – сбежал. Вместо Сибири борец за народное счастье очутился в Москве. Поскольку проживать под своей фамилией было опасно, он перешел на нелегальное положение, «сделав» себе паспорт на имя Франца Семѳновича Кравзина. С этим паспортом Михаил Иванович выехал в Баку и устроился на нефтяных промыслах. Вскоре М.И. Сычѳв (Ф.С. Кравзин) вступил в Бакинский комитет РСДРП и оставался его членом до 10 февраля 1910 г., поскольку снова был арестован. Причиной ареста стали сведения о библиотеке нелегальных изданий Ф.С. Кравзина. У него были найдены брошюра «Современное положение и задачи партии. Платформа, выработанная группой большевиков» и другие книги РСДРП.

Власти, утомленные противостоянием с революционным движением, опасались активных большевиков и удаляли их из центральной части государства. Против М.И. Сычѳва были приняты те же самые меры. Граф И.И. Воронцов-Дашков, наместник императора Николая II на Кавказе,

выслал Ф.С. Кравзина в Астраханскую губернию. Оказавшись в Поволжье, революционер совершил очередной побег и прибыл в Санкт-Петербург. В 1911 г. М.И. Сычёва (Ф.С. Кравзина) арестовали жандармы и отправили в ссылку в Томский уезд, в Нарымский край. Там Михаил Иванович встречался с выдающимися революционерами: В.В. Куйбышевым, Я.М. Свердловым, И.В. Сталиным. За самим М.И. Сычёвым был установлен надзор полиции. Начался новый, азиатский этап его бурной жизни. Он стал короче по сравнению с борьбой в западной части страны.

Ни болота, ни леса, ни морозы Сибири не испугали большевика. 18 апреля 1912 г. М.И. Сычёв (Ф.С. Кравзин) участвовал в демонстрации ссыльных, за что почти год отсидел в Томской тюрьме. По истечении срока ссылки революционер обрел свободу. В это же время полиции стало известно, что истинный Ф.С. Кравзин никогда не покидал Могилевской губернии. Начались поиски того, кто скрывался несколько лет под этим именем.

Разоблачен революционер был случайно. Царские следователи приступили к расследованию дела В.В. Куйбышева о его подпольной работе. В качестве свидетеля решили привлечь Ф.С. Кравзина. Началась проверка паспортов свидетелей, в ходе которой было установлено, что настоящий Ф.С. Кравзин родился в Могилевской губернии, являлся мещанином и безвыездно жил на родине 40 лет. В 1914 г. многие отделения полиции получили размноженные фотографии так называемого «Ф.С. Кравзина». В розыске борец за народное счастье пребывал около года. В феврале 1915 г. М.И. Сычёв вновь был арестован. В сентябре 1915 г. следователи установили, что именно он скрывался под личиной Ф.С. Кравзина. Под усиленной охраной Михаила Ивановича доставили в Томск. После семимесячного следствия начальник Могилевского губернского жандармского управления представил в департамент полиции обширный доклад о результатах установления личности арестованного. В резюме было указано: «Вышеизложенное с несомненностью указывает, что личность, изображенная на фотографической карточке и именуемая себя Францем Семёновичем Кравзиным, есть мещанин из Злынки Михаил Иванович Сычёв».

В мае 1916 г. революционер совершил побег из камеры Томского уездного полицейского управления. Разыскать М.И. Сычёва властям так и не удалось. 22 мая 1916 г. в департамент полиции поступила срочная телеграмма: «Названный Сычёв был заключен в каталожной камере при

Томском уездном полицейском управлении, откуда бежал и до сего времени не разыскан» [19, л. 31]. Приняв фамилию Суховерхов, М.И. Сычѳв переехал в поселок Кольчугино (ныне – г. Ленинск-Кузнецкий), центр угольной промышленности современной Кемеровской области, и занялся революционной пропагандой среди заводских рабочих. Труженики Кузбасса горячо поддержали его идеи.

В дни Февральской буржуазно-демократической революции он возглавил отряды рабочих, организовал выборы в советы и вел работу в профессиональных союзах. На одном из съездов М.И. Сычѳв был избран председателем Западно-Сибирского областного бюро горнорабочих.

По ряду причин центром политической жизни в Кузбассе стал рудник Кольчугино. Поскольку на военную службу были призваны многие шахтеры, руководство добилось направления сюда даровой рабочей силы – военнопленных, преимущественно венгров. Также на руднике скрывалась группа политических деятелей, в т.ч. большевики и эсеры. Одним из них был М.И. Сычѳв, бежавший из Томского полицейского управления и скрывшийся на Кольчугинском руднике под именем Ф.И. Суховерхова. Вскоре беглый революционер сдружился с большевиками и другими подпольщиками. Помимо них, М.И. Сычѳв тесно общался с В.И. Лениным. В условиях строгой конспирации большевики активно вели агитацию и пропаганду, готовили рабочих к революционной борьбе. Миллионы людей прошли в еще царской армии и застенках охранки «школу революционной борьбы» и «разъехались по стране в качестве агитаторов и борцов за Советскую власть» [5, с. 37]. Большевистское ядро придало организованность шахтерским акциям. Именно на Кольчугинском руднике революционное движение отличали наибольшая организованность и невиданный в Сибири масштаб. Рудник бурлил. Частые митинги стали своеобразными уроками политической грамоты для селян и шахтеров. За абстрактными призывами последовали конкретные действия. Был переизбран Совет рабочих депутатов. Теперь Совет полностью находился под влиянием большевиков.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции М.И. Сычѳв стал членом областного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов Западной Сибири, вместе с видным местным большевиком М.М. Рабиновичем руководил национализацией угольной промышленности Кузбасса, восстановлением рудников и шахт. В январе 1918 г. в Кольчугино пришла советская власть. Первой заботой

Совета стало увеличение добычи угля, улучшение снабжения рабочих продовольствием. Все быстрее разворачивалась творческая деятельность советов различных уровней. Мирный период оказался коротким.

В апреле 1918 г. М.И. Сычѳв был командирован в Москву для участия в подготовительных заседаниях и работе I Всероссийского съезда советов народного хозяйства, проходившего с 26 мая по 4 июня 1918 г. В день его открытия с приветственной речью обратился председатель СНК В.И. Ленин. На этом же съезде выступил и сам М.И. Сычѳв с докладом о состоянии горнодобывающей промышленности Западной Сибири, социалистической организации производства и перспективах развития индустрии [6, с. 53], [14, с. 47].

О мятеже словаков и чехов, который охватил многие города Советской Республики и привел к власти прежних правителей, было известно делегатам съезда. ЦК РКП(б) дал Ф.И. Суховерхову ответственное задание – готовить в тылу врага вооруженное восстание. Перед отъездом в Сибирь Франц Суховерхов встретился с Я.М. Свердловым и получил указания по организации подпольной деятельности. В Тюмени он перешел линию фронта и нелегально прибыл в Томск. Вместе с М.М. Рабиновичем и другими членами тайной группы начал работу по укреплению первичек на местах, проведению партийной конференции с целью подготовки восстания. В июне 1918 г. войска белогвардейцев и иностранных империалистов контролировали всю территорию Кузбасса, который являлся основным поставщиком топлива – каменного угля. Работа промышленных предприятий РСФСР значительно осложнилась.

Таким образом, в Сибирь М.И. Сычѳв вернулся уже после падения советской власти. Существенную помощь белогвардейцам по-прежнему оказывали чехословацкие части, поднявшие оружие против власти, отпустившей их с тем самым оружием на родину. 150-тысячная армия бывшего царского адмирала А.В. Колчака захватила 12 губерний. Белые войска уже контролировали Кольчугино. С противниками нового режима белогвардейцы жестоко расправлялись. Провокации, слезка и другие атрибуты прежней администрации возродились. Аресты, пытки и расстрелы рабочих и сельских тружеников стали постоянными. Террор белых словаков и чехов являлся жесточайшим [2, с. 41]. Началось взыскание недоимок за 1914–1917 гг. В Кузбассе были ликвидированы советы и восстановлены земства. Большевики ушли в подполье. Профсоюзные организации под всякими предлогами запрещались. Заводы и шахты

возвращались «Копикузу». Был ликвидирован рабочий контроль над производством, отменен восьмичасовой рабочий день, запрещались собрания рабочих. В оккупированных губерниях процветала спекуляция. Цены на продукты резко повысились.

Богатый опыт подпольной работы позволил М.И. Сычёву быстро адаптироваться к новым для него условиям – реалиям жесточайшего оккупационного режима. Современная историческая наука подтверждает, что режим, установленный А.В. Колчаком в Поволжье, Сибири и на Урале, не следует отделять от многочисленных военных преступлений. Факты национального предательства и совершенные зверства до сих пор не позволяют реабилитировать А.В. Колчака. В течение нескольких месяцев многочисленные народные восстания подорвали силы его правительства и ускорили восстановление советской власти на сибирских просторах.

В ходе преодоления крайне опасных тенденций монархического реванша М.И. Сычёв создавал подпольные большевистские организации и согласовывал их действия, протягивал руку помощи партийцам Ново-Николаевска (ныне – Новосибирска), Омска, Тобольска, Томска и Тюмени. Эта помощь возросла, когда М.И. Сычёв стал членом Сибирского бюро ЦК РКП(б) и Томского губернского комитета партии. Как и другие подпольщики, он постоянно находился в разъездах. 18 августа 1918 г. в березовой роще вблизи Томска тайно состоялась первая Сибирская конференция большевиков. На ней был избран областной комитет партии, в состав которого вошли М.М. Рабинович и Ф.И. Суховерхов. Подпольный обком наметил план общесибирского вооруженного восстания, призвал трудящихся всеми мерами дезорганизовать тыл врага, высказался за создание партизанских отрядов. Партийные организации были восстановлены во многих городах Кузбасса и уже окрепли.

М.И. Сычёв занимался разработкой планов восстаний, проведением мелких боевых операций, организацией выпуска и распространением большевистских газет и листовок. Он верил в восстановление социальной справедливости, надеялся на возвращение Рабоче-Крестьянской Красной Армии, громившей противника в центральных губерниях РСФСР. При возвращении из Красноярска в Томск 15 сентября 1918 г. М.И. Сычёв был схвачен белогвардейцами на ст. Тайга. При нем обнаружили только что напечатанные прокламации, содержавшие призывы к восстанию против карательного режима А.В. Колчака. Выяснилось, что М.И. Сычёв являлся начальником штаба по подготовке восстания

рабочих в тылу белогвардейцев. Его доставили в тюремном вагоне на ст. Томск-1. Хотя любое общение с единомышленниками было запрещено, узнику удалось передать на волю письмо, которое попало в руки членов областного партийного комитета благодаря М.М. Рабиновичу. В письме М.И. Сычѳв сообщил, что колчаковским судом приговорен к расстрелу.

В обращении к своим единомышленникам он писал: «Дорогие товарищи! Военно-полевым судом приговорен к смертной казни, которая будет приведена в исполнение через два часа. Умираю за социальную справедливость. Шлю привет живым товарищам. Если можно, сделайте, что нужно. Франц». Существуют различные версии общения арестанта с другими большевиками. По одной из них, М.И. Сычѳв передал одну записку, по другой – две. Как бы то ни было, он не впал в отчаяние, не требовал себя освободить, а просил подумать о возможности спасти его. У красного подполья не имелось достаточных сил, чтобы сделать это, хотя его просьба была понятна. На станции и в самом Томске были сосредоточены сотни до зубов вооруженных солдат и офицеров противника. Иностранные покровители снабжали белогвардейцев боеприпасами, орудиями и пулеметами, но зафиксированы случаи, когда союзники не проявляли сочувствия и отказывались помогать контрреволюционным силам [10, с. 106–107].

На рассвете 15 октября 1918 г. Михаил Иванович Сычѳв был расстрелян недалеко от железнодорожного вокзала. Споры о месте гибели революционера продолжают до сих пор. Одни исследователи ведут речь о Томске, другие утверждают, что узника расстреляли на ст. Тайга. Усилия М.И. Сычѳва не пропали даром. Партизанское движение в Сибири расширялось вплоть до краха режима белых.

В 1919 г. в Гражданской войне произошел перелом в пользу Красной армии. В тылу белых войск началось дезертирство. Заграничные союзники утратили веру в победу Белого движения и почти прекратили содействие антисоветским армиям. Интервенты всегда отступали «при первом приближении опасности» [10, с. 124]. В декабре 1919 г. части 1-й Томской партизанской дивизии освободили Кольчугино от белогвардейских войск.

Двенадцать арестов царской и один арест белогвардейской охранными службами, четыре года тюрьмы, три ссылки, четыре побега, более девяти лет нелегальной работы – через все это прошел наш земляк, не-

сгибаемый большевик, вошедший в историю под именем Фёдора Алексеевича Суховерхова (Франца Ивановича Суховерхова). В соответствии с приговорами Астраханская ссылка должна была длиться пять лет, Нарымская – три года, Енисейская могла стать вечной [13, с. 134]. Многие испытания в жизни выдающегося человека не поддаются подсчету, подобно тысячам километров, которые он преодолел в борьбе за светлое будущее родной страны. Хотя свой революционный путь он начал в Черниговской губернии, действовал М.И. Сычёв в Астрахани и Самаре, Баку и Тифлисе (ныне – Тбилиси), Белостоке и Варшаве, Гомеле и Кобрине, Тобольске, Злынке и Новозыбкове, Кольчугино и Томске, Красноярске и Ново-Николаевске, Москве и Санкт-Петербурге, Омске и Тюмени, а также в других городах.

По размаху и результатам своей борьбы М.И. Сычёв не имеет себе равных среди уроженцев Злынки и, возможно, всей Черниговской губернии. Большевику посвящены многие книги и статьи [12], [11]. В одной из них основное внимание уделяется жизни М.И. Сычёва в Черниговской губернии [8, с. 13]. Его краткая биография и фотография размещены в совместном исследовании Ю.В. Анисина и А.Г. Кублицкого «Три натиска бури» [1], остающегося единственным трудом, полностью охватывающим противоречивые процессы революционной эпохи в Новозыбкове и Новозыбковском районе.

9 апреля 1965 г. решением Новозыбковского исполнительного комитета городского Совета депутатов трудящихся № 184 между улицами Коммунистическая и 307-й Дивизии появилась новая, названная именем Михаила Ивановича Сычёва. Кроме этого, в честь пламенного революционера названы улицы в Гомеле и Злынке, Кольчугино, Ленинск-Кузнецком. Особенно интересна ситуация в Томске. В 1960 г. в городе возникла улица Сычёва, в 1970 г. в его честь был назван переулок [3, с. 295].

Буст М.И. Сычёву установлен в Злынке между зданиями администрации и кинотеатра. Надпись на нем свидетельствует, что уроженец Злынки Михаил Иванович Сычёв (Франц Суховерхов) являлся профессиональным революционером.

Список источников и литературы

1. Анисин Ю.В., Кублицкий А.Г. Три натиска бури: Новозыбковский край в трех российских революциях: Историко-краеведческие очерки. Тула: Приокское книжное издательство, 1991. 192 с.

2. Горшенин А.В. Мария Оскаровна Авейде: Источники к биографии большевички // Революции в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: Сборник избранных статей участников Седьмой международной научной конференции молодых ученых и специалистов «Клио», 5–7 апреля 2017 г. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 38–48.

3. Захарова Л.А., Иванцова Е.В., Старикова Г.Н. Сычёва Михаила улица // История названий томских улиц. Томск: Издательство Томского университета, 2004.

4. Кадейкин В.А. Путь большевика-революционера // Сердца, отданные людям. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1966. С. 196–204.

5. Колпакиди А.И., Потапов Г.В. 1917. Триумф большевиков (Русская смута 1917–1922). М.: Вече, 2018. 448 с.

6. Панькин И.Д. Историки о причинах появления урало-кузнецкой проблемы в промышленной политике Советского государства весной 1918 г. // Известия Алтайского государственного университета. История. 2013. № 4. Т. 1. С. 50–54.

7. Пасекунов Е.С. Брянский край в революции 1905–1907 годов. Брянск: Брянский рабочий, 1955. 56 с.

8. Приходько С.А. Бесстрашный революционер Михаил Иванович Сычѳв // Новозыбковский маяк. 2017. 11 августа. С. 13.

9. Русанов Р.В., Соколов Я.Д. Памятники земли Брянской. Тула: Приокское книжное издательство, 1985. 125 с.

10. Сахаров К.В. Белая Сибирь. Чешское предательство (Окаянные дни). М.: Вече, 2018. 464 с.

11. Урманов К.Н. Повесть о Франце. Томск: Томское книжное издательство, 1959. 124 с.

12. Урманов К.Н. Путь славных. Герои гражданской войны в Сибири: Франц Суховерхов. Петр Сухов. Ефим Мамонтов. Исторические очерки. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1954. 296 с.

13. Урманов К.Н. Юность большевика // Сибирские огни. 1958. Май. С. 134–140.

14. Флеров В.С. Боец революции. М.И. Сычѳв (Франц Суховерхов) (Герои и подвиги). М.: Госполитиздат, 1962. 56 с.

15. Франц Суховерхов // Остались в памяти народной (ОПН). Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1988. С. 18–28.

16. Фролов Е.М. [Его звали Франц] // Красное знамя. 1987. 18 октября. С. 2.

17. Суховерхов Франц Иванович // Советская историческая энциклопедия (СИЭ). М.: Советская энциклопедия, 1971. Т. 13. С. 974.

18. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. ДП. 1906. Д. 8968.

19. ГА РФ. Ф. ДП. 1916. Д. 5. Ч. 57.

20. Центральный государственный исторический архив Украины г. Киев. Ф. 318. Оп. 1. Д. 1159.

**S.A. Prikhodko,
Novozybkov**

**LIFE AND REVOLUTIONARY ACTIVITIES
OF MIKHAIL IVANOVICH SYCHEV
(TO THE 135TH ANNIVERSARY OF THE IDEALIST'S BIRTHDAY)**

The whole way of Mikhail Ivanovich Sychev was on the verge of drama and tragedy. His life and revolutionary feats in brief (“Remained in people’s memory”, 1988; “Soviet historical encyclopedia”, 1971; Frolov E.M. His name was Franz, 1987) or in detail (Kadeikin V.A. The Path of the bolshevik-revolutionary, 1966) set forth in many publications, but due to the constant variability and extreme events’ saturation caused by the grandiose historical upheavals, some facts remain hidden from the eyes of analysts.

Keywords: Mikhail Ivanovich Sychev, life path, revolutionary activity, Russia, XX century.

УДК 94(574)“1920”

**Е.Ю. Рахматулина,
г. Барнаул**

**СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА
В НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ.**

В статье раскрывается характер взаимоотношений местных органов власти с художественной интеллигенцией Восточного Казахстана после Гражданской войны. Анализ комплекса мер большевиков по отношению к деятелям искусства показал, что в период 1920–1924 гг. советское руковод-

ство сумело снять остроту первых лет восстановительного периода и привлечь на свою сторону десятки местных интеллигентов, в т.ч. представителей национальной партии Алаш. Помимо знаковых фигур, творцов «первой величины», сторонниками новой власти становились рядовые работники умственного труда.

Ключевые слова: художественная интеллигенция, Семипалатинская губерния, Алаш-Орда, Ш. Кудайбердиев, Г.Д. Гребенщиков, А.М. Волков, П.П. Бажов, мобилизация интеллигенции.

Даже после трагических событий революции и Гражданской войны в России большевики видели в интеллигенции «особый жизнеспособный слой, претендующий если не на политическое, то, по крайней мере, на нравственное лидерство внутри общества» [1, с. 41]. Однако, руководствуясь основными задачами партии в деле укрепления советской государственности в республике и признавая важность участия в этом процессе интеллигенции, местные власти вынуждены были учитывать специфику своего региона, грамотно лавировать в меняющейся политической конъюнктуре и брать на вооружение во взаимоотношениях с творческой интеллигенцией различные сочетания «мягких» и «жестких» мер. На территории бывшей национальной окраины, в Казахстане остроту взаимоотношениям власти и интеллигенции, безусловно, добавлял национальный фактор, в силу того, что «лишь малая часть казахской национальной интеллигенции выступила в поддержку социалистической революции и сражалась за Советскую власть. Значительно большее число ее примкнуло к алашордынцам, основная же масса колебалась и чаще – в сторону буржуазного национализма» [2, с. 221].

С 1 декабря 1919 г. власть в Семипалатинске перешла к партии большевиков и одновременно свои полномочия восстанавливали военные революционные комитеты (ревкомы) края. К этому времени губерния являла собой крайне сложный в социально-политическом отношении регион, поскольку в годы Гражданской войны здесь пересеклись интересы различных сил – большевиков, колчаковцев, казаков атамана Анненкова и представителей национальной партии Алаш-Орда¹, Восточная став-

¹ «Алаш» – партия, образованная по инициативе видного казахского политического деятеля Алихана Букейханова и ставившая своей целью достижение независимости казахов на уровне автономии в рамках России. Представители алашской интеллигенции были выходцами из семей султанов,

ка которой размещалась в Семипалатинске. Ситуация для Алаш-Орды изменилась к августу 1919 г., когда А. Байтурсынов в журнале «Жизнь национальностей» написал: «...появление Колчака с тенденцией монархической власти заставило нас подумать о той и другой власти, и мы как убежденные в том, что заветная мечта казахского народа может получить свое осуществление, предпочли перейти на сторону советской власти, хотя последнюю мы по действиям местных большевиков представляли себе не в очень привлекательном виде... То, что делают на окраинах поддельные большевики, противно и духу, и целям, преследуемым большевиками в центре» [3, с. 385].

После этого была принята резолюция от 21 декабря 1919 г. на областном совете Алаш-Орды «О поддержке Советской власти» [4, с. 292, 293]. Документ показал, что к этому периоду партия уже не имела ни материальных, ни финансовых, ни военных ресурсов. К январю 1920 г. она «растворилась и ушла в степь», приняв форму политической культурно-просветительской организации, а подведомственные ей ячейки приказом Кирревкома от 9 марта 1920 г. ликвидировались [5, с. 329].

Фактически сразу после стабилизации положения встал вопрос о судьбах бывших алашординцев. После ареста Алихана Букейханова и его соратников, проведенного сотрудниками Особого отдела Пятой армии, Кирревком в лице председателя С.С. Пестковского, членов А. Джангильдина и А. Айтиева обратился в Реввоенсовет армии, а также в Сибревком с требованием иного подхода к казахским деятелям, чем к русским белогвардейцам: «Кирревкомом совместно с командованием Туркфронта был издан в конце ноября приказ, по которому все находящиеся в белогвардейском стане киргизские общественные деятели амнистируются, если перейдут на сторону Советской власти

биев, баев и зажиточной части казахских скотоводов и земледельцев. Многие из них получили высшее образование в России, большинство служило в царской администрации, врачами, юристами. В группу входили представители казахской национальной интеллигенции: А. Байтурсынов – главный редактор газеты «Казах», поэт, писатель, лингвист; Ж. Акпаев – юрист; М. Тынышпаев – инженер; М. Дулатов – поэт, писатель; М. Жумабаев – поэт, писатель; Х. Габбасов – писатель; Ж. Аймаутов – писатель, поэт; Х. Досмухамедов – врач; М. Чокай – юрист и многие другие. См.: Кенжебаева С.Е. Представители алашской интеллигенции и Советская власть // Вестник АГТУ. 2011. № 2. С. 144.

не позже 20 декабря и если их преступления имели чисто политический характер. Мы не знаем, был ли издан подобный приказ РВС 5-й и Сибревкомом. Если такого приказа не было, Кирревком просит применить ко всем киргизам приказ Кирревкома и Туркфронта» [6, с. 235–236]. Декретом Совнаркома ко второй годовщине Октябрьской революции объявлялась амнистия сложившим оружие противникам советской власти [5, с. 116].

После трехмесячной проработки властями (Семипалатинским губревкомом и губчека) вопроса о прекращении преследования в губернии бывших белогвардейцев 29 мая 1920 г. было вынесено постановление губревкома: «1. Отныне прекратить преследование в Семипалатинской губернии и временно находящейся в ведении Семипалатинского Губревкома части Семиреченской губернии киргизского населения и его деятелей, прямо или косвенно принимавших до установления власти на местах участие в борьбе против нее.

2. Настоящее постановление сообщить для руководства и исполнения всем Уревкомам и всем Губчека, с тем, чтобы Чека, в свою очередь, сообщила своим подведомственным учреждениям и лицам.

3. Поручить инородческому подотделу широко оповестить об этом постановлении все население вышеупомянутой территории» [7, с. 117].

Хотя проведенная амнистия, как следует из секретного доклада сотрудников ГПУ в Кироблком РКП(б) «...на Букейханова никакого впечатления не произвела, между тем, как значительно большая часть алашординцев, не исключая и Байтурсынова, вступив в РКП» [8, с. 404], стали работать на советских постах.

Логично предположить, что итогом амнистии стало некоторое снижение градуса напряженности в среде казахской интеллигенции и обеспечение поворота большого числа бывших алашординцев на сторону большевиков. Однако амнистия не исчерпывает всего комплекса властных взаимоотношений. В качестве примера приведем акцию расправы над дореволюционным истеблишментом Усть-Каменогорска, осуществленной мятежным крестьянским корпусом. В декабре 1919 г. – январе 1920 г. неподалеку от Усть-Каменогорска в Шмелевом Логу стоял 4-й крестьянский корпус партизанской армии, руководимый бывшим поручиком Козырем. Именно ему приписывают проведение карательной акции. Среди 50 жертв Козыря, зарубленных шашками [9, с. 73], были священнослужитель, усть-каменогорский протоирей А. Дагаев, генерал-

майор П.Н. Веденин с офицерами, бывший владелец маслозавода при Временном правительстве городской голова Сидоров, хозяин Усть-Каменогорской типографии П. Горлов [10].

Однако немногим ранее карательной акции крестьянский корпус поднял восстание против большевиков под лозунгом: «Все права крестьянам, долой коммунию!» [11, с. 73]. Крестьянские полки, созданные на Рудном и Южном Алтае, приказом Реввоенсовета вливались в Пятую армию РККА. 1 и 6 дивизия подчинились приказу и реформировались в полки, стоявшие в Барнауле и Новониколаевске, но поручик Козырь отказался это сделать. Для подавления мятежа в район Усть-Каменогорска были переброшены дивизии регулярных войск в составе трех полков – 529, 530, 531. Козырь бежал [11, с. 73]. Таким образом, акции в Шмелевом Логу зимой 1919–1920 г. хотя и приписывались местными жителями большевикам, но совершились мятежниками крестьянского корпуса. Однако для обывателя сам факт карательной акции, число жертв, а также причастность исполнителей (хотя бы и в прошлом) к Красной армии заставили с внутренним напряжением относиться к новой власти.

Близким другом А. Дагаева был молодой педагог, только начинавший свою литературную карьеру А.М. Волков. Чем объясняется факт того, что вернувшиеся к власти в 1919 г. большевики не применили к стороннику Временного правительства А.М. Волкову карательных мер? В.И. Деев, исследовавший усть-каменогорский период его жизни, видит причину в личной симпатии представителя власти к Волкову, т.к. занимавший при Я. Ушанове пост начальника городской милиции А. Машуков был его учеником [9, с. 71].

Сразу после окончания Гражданской войны основными механизмами регулирования отношений власти с интеллигенцией стали бюрократические и политические инструменты. Прежде всего, развернулся процесс выявления и учета всех интеллектуальных сил губернии. Процедуру контроля должны были пройти самые широкие круги творческой интеллигенции вне зависимости от возраста и национальности – литераторы, художники, архитекторы, артисты и т.д. Организующими и контролирующими органами выступали Военревком Киркрая и отдел народного образования. В Постановлении Семипалатинского областного ревкома от 22 декабря 1919 г. значилось: «Все учащиеся, воспитатели, деятели народного образования, артисты, художники, музыканты и певцы, как

занимающие определенные должности, так и не занимающие таковых, обязаны зарегистрироваться в отделе народного образования при облревкоме...» [12, с. 32–33].

Следующим этапом деятельности большевиков в сфере культурной политики стала мобилизация интеллигентных сил края, объявленная председателем Военревкома Киркряя С.С. Пестковским с 27 января 1920 г. Она являлась одним из важнейших инструментов военного коммунизма [13, с. 648], вводилась в целях укрепления советской власти и для внедрения ее преимуществ в сознание масс. Все мобилизуемые распределялись по центральным и местным учреждениям. Принудительный характер кампании не отрицался, за сокрытие или неточное указание «регистрируемых лиц отвечали как лица мобилизуемые, так и исполкомы по закону военного времени» [14, с. 33]. Наиболее же известных местных интеллигентов разрешалось привлекать к работе еще до составления списков [5, с. 327].

В феврале 1921 г. уже по приказу Народного комиссариата просвещения Казахской автономии «взяты на учет должны быть все лица, работающие в области искусств, без различия пола, возраста, национальности и подданства», а также все музыкальные инструменты, ноты и литература по всем отраслям искусства [15, с. 474]. В то же время в проведении всеобщей мобилизации «интеллигентных киргиз» Е.Б. Сыдыков усматривает и другой момент: именно мобилизация становится опорой безопасности «для тех, кто стремился скорее и, главное, всеохватно полностью добиться освобождения находящихся под следствием или арестом алашординцев...» [7, с. 116].

В марте 1921 г. был проведен и учет литературных работников Усть-Каменогорского уезда, в т.ч.: литераторов, журналистов, репортеров, хроникеров, корректоров и выпускающих (секретарей газет и журналов). Регистрации с составлением расширенной анкеты подлежали все упомянутые специалисты в возрасте от 18 до 65 лет, независимо от того, где и какую должность занимали. Анкетирование проводилась с выявлением главных «пунктов» биографии: фамилия, год рождения и должность; помимо того, не были забыты образование, знание иностранных языков, партийность, точный адрес проживания, специальность, род занятий до революции, время работы до революции, точное обозначение характера работы в печати к 1 октября 1919 г. [16, л. 2]. Подобные кампании имели место и в соседнем Западно-Сибирском ре-

гионе, где в июле 1921 г. была объявлена мобилизация и учет всех технических, агротехнических, художественных и художественно-промышленных сил Сибири [17, с. 89–90].

Несмотря на развернутую кампанию по политической мобилизации «интеллигентных сил», среди казахской интеллигенции имел место отказ от сотрудничества с органами советской власти: «Переход власти то к белым, то к красным и преследование одной властью служащих при другой у интеллигентных киргизов окончательно отбил охоту вообще к службе. Этим именно объясняется то странное явление, которое наблюдается у интеллигентов-киргизов, сидящих дома, предпочитая свои личные занятия всяким общественным или государственным. Даже многие выбранные населением или назначенные властью в советские учреждения лица не идут или идут неохотно» [5, с. 329].

Вообще трудности и сомнения, испытанные художественной интеллигенцией в пору перехода на сторону новой власти, хорошо известны и обозначены в исторической литературе. Так, авторами коллективного труда «Советская интеллигенция (этапы формирования и роста 1917–1965 гг.)» подчеркивалось, что именно в среде художественной интеллигенции, среди писателей, артистов, художников, музыкантов, архитекторов переход на сторону советской власти был наиболее сложным и длительным. Неверия в творческие силы народа не избежал даже пролетарский писатель А.М. Горький [18, с. 72].

Современными исследователями выделяется несколько предпосылок открытого неприятия интеллигенцией Октябрьской революции. Во-первых, она была вырвана из привычной среды, инфраструктуры, произошла резкая ломка старых ценностей; во-вторых, усиливалось неприятие и резкое ухудшение материального положения. Однако главной причиной неприятия Октября 1917 г. все же являлось то, что «интеллигенция, если и хотела перемен, то в любом случае не качественного обновления основ общественной системы, а лишь ее модернизации» [19, с. 76].

Применительно к реалиям Восточного Казахстана 1920-х гг. отметим, что все вышеперечисленные причины стали значимыми и для местной интеллигенции в ее оценках революционных событий. Так, слои культурной элиты, выражавшей интересы феодальной верхушки, неохотно шли на сотрудничество с советской властью [20, с. 63] и «малейшие неудачи, трудности, перебои в обеспечении их продовольственными

товарами, задержка заработной платы служили поводом для антисоветских выступлений». Выжидательной тактики стали придерживаться и многие рядовые представители интеллигенции «не будучи уверенными в стабильности нового строя» [20, с. 63].

Как представители художественной интеллигенции губернии выражали свое несогласие с политическими изменениями и победой большевиков в Гражданской войне? Изучение биографий деятелей искусства края показывает несколько вариантов развития отношений. Так, вполне определенную поведенческую линию невмешательства занял известный поэт и мыслитель Шакарим Кудайбердиев, в годы Гражданской войны бывший членом Алаш-Орды и областного казахского суда [21, с. 236]. Разочаровавшись в действиях Алаш-Орды, а позже большевиков еще в сентябре 1918 г., он с горечью признался: «Я зря стараюсь. Руководители и не собираются людей делать народом. Как всегда распри! Все тот же карьеризм. Эгоизм. Та же клановость, не собираются расставаться с партиями! Чтобы защитить народ, поддержать справедливого – нет такого. Бедному народу кроме несчастий, сыплющихся на голову, ничего не дано. Я увидел, что на них надеяться нечего. А ведь это самые образованные люди. Я поверил в то, что они поведут народ по пути справедливости. Ошибся!» [21, с. 240]. Критическое осмысление пережитого, действий властей (с одной и с другой стороны) заставило философа уединиться. С осени 1918 по 1924 г. Шакарим обитает в своем отдаленном жилище на джайлау Кен-Коныс, где занимается творчеством, стараясь не иметь контактов с противоборствующими правительствами [21, с. 255].

С настороженностью к новой власти относился и молодой учитель, начинающий тогда писатель А.М. Волков (1891–1977), бывший в эпоху Временного правительства в Усть-Каменогорске заместителем председателя Земского собрания, заместителем председателя Гордумы и корреспондентом небольшевистской газеты «Друг народа» [9, с. 71]. Приняв целиком и полностью Февральскую революцию, после Октябрьской он несколько дистанцировался от политики, не вступил в комсомол, избирая для себя в качестве основной педагогическую деятельность.

В непримиримой конфронтации с партией большевиков оказались некоторые представители русской писательской интеллигенции, в т.ч. талантливый писатель, уроженец Восточного Казахстана Г.Д. Гребен-

щиков (1883–1964). В 1920 г. он эмигрировал из Крыма в Турцию, затем во Францию и, наконец, в США. Советская критика 20–60-х гг. XX в., комментируя факт отъезда Г.Д. Гребенщикова за границу, отмечала: «Победу Советской власти воспринял болезненно, как личное оскорбление» [22, с. 199].

Таким образом, несогласие художественной интеллигенции губернии с победой большевиков в Гражданской войне приняло различные формы – от радикального неприятия, выражаемого в эмиграции, до более мягких форм, проявленных в самоустранении от текущих событий либо в переходе к иным сферам деятельности, политически более безопасным.

Определенные трудности прослеживались и во взаимоотношениях властей с мобилизованными интеллигентами, поскольку члены Семипалатинского ревкома им не доверяли. Так, в докладе Сибирскому революционному комитету (Сибревком) от 9 марта 1920 г. указывалось: «Мобилизация киргизской интеллигенции даст все, что угодно, только не советских работников» [5, с. 329].

Хорошо известно и высказывание С. Садвакасова, данное им по поводу молодой киргизской (казахской. – *Е.Р.*) интеллигенции на совещании ответственных работников Семипалатинска в мае 1921 г.: «Что касается непосредственно киринтеллигенции, то КирЦИК подходит к ней очень осторожно, ибо она очень немногочисленна, загнана и принижена царской властью, и привлечь ее к работе несколько рискованно. Каждого квалифицированного киринтеллигента приходится принимать на советскую службу с большой осторожностью...» [6, с. 321–322].

Тем не менее, некоторые последователи Алаш-Орды вошли в состав советских партийных органов. В инородческом отделе губбюро РКП(б) работали бывшие алашординцы, представители интеллигенции – Ж. Аймаутов, М. Турганбаев, Чикибаев. Возглавлял его молодой М. Ауэзов [5, с. 321–322], приложивший немало сил при проведении первоочередных культурно-образовательных реформ в регионе. Политическая карьера М. Ауэзова пошла вверх, когда он стал членом ЦИК Казахской автономии и делегатом IX Всероссийского Съезда Советов, который проходил в Москве в декабре 1921 г. Однако осенью 1922 г. двадцатипятилетний М. Ауэзов оставляет государственный пост в Оренбурге и поступает вольнослушателем в Среднеазиатский Туркестанский университет

в Ташкенте [21, с. 251], а после его окончания – в Петроградской государственной университет на филологическое отделение.

Значительная часть национальной интеллигенции стала успешно работать на ниве просвещения. В редакционную коллегию при Госиздате Киргизской АССР, созданную в декабре 1920 г. в Оренбурге при председателе КирЦИКа С. Мендешеве, вошли: А. Байтурсынов, А. Букейханов, С. Садвакасов, Х. Болгамбаев. Первыми печатными книгами стали сборник стихов Абая Кунанбаева и басен-загадок Ахмеда Байтурсынова [23, с. 164]. В постановлении собрания от 31 января 1921 г. С. Садуакасову и Ж. Аймаутову поручалось составить хрестоматию для взрослых [24, с. 374]. Определенным успехом в эпоху всеобщей нехватки и разрухи партийные органы Сибири считали и выход в 1921 г. в Семипалатинске учебников «Есеп-Куралы» и «Уку-Куралы» тиражом в 5 тысяч экземпляров и «Тель-Куралы» тиражом в 4 тысячи экземпляров. Авторство последнего принадлежало А. Байтурсынову и М. Дулатову [23, с. 163].

Местные губернские интеллигенты, принявшие Октябрьскую революцию, активно продолжили трудиться в новых социально-политических реалиях. К примеру, известный казахский журналист, публицист Сабит Донентаев (1894–1929) работал с 1923 г. в семипалатинской газете «Қазақ тілі». Зачинатель казахского театра режиссер Жанат Шанин (1891–1938) развивал театральное искусство сначала в Семипалатинске, а затем в Алма-Ате.

Показательна биография известного акына, композитора Асета Найманбаева (1867–1922) [25]. Откочевавший вместе с казахскими родами на предреволюционной волне 1916 г. в Китай, А. Найманбаев после победы Октябрьской революции задумался о возвращении на родину. Причинами послужили не только ностальгия, но и симпатия к проводимым большевиками коренным преобразованиям. Однако ранняя смерть поэта в Кульдже помешала его планам. Лирическое возвращение на родину А. Найманбаева произошло в 1925 г., когда С. Сейфуллин выпустил книгу его произведений [26].

Энтузиастами и подвижниками культуры 1920-х гг. стали представители интеллигенции Восточного Казахстана. Среди русских интеллигентов, принявших революцию, оказались молодые тогда писатели и журналисты: при первой же возможности перешел на сторону партии большевиков и «воевал с колчаковцами до их полного разгрома в Усть-Каменогорске» писатель Ефим Пермитин (1895–1971) [27, л. 1–2];

с 1918 г. воевал в рядах Красной армии против Колчака будущий художник Михаил Гайдукевич (1898–1938) [28, с. 2–3].

Значительную научную, культурную и просветительскую деятельность уже при новой власти вели маститые сотрудники Семипалатинского Отдела Русского Географического Общества, в т.ч. ученый-краевед, публицист Б. Герасимов (1872–1938), коллекционер и литератор Д.Ф. Портнягин (1875–1938) и другие деятели культуры Семипалатинской губернии.

Полагаем, что приведенные выше факты поддержки интеллигенцией (как молодой, так и более возрастной) новой власти не могут быть случайными. Они характеризуют целый пласт отношений провинциальной интеллигенции к культурной политике СССР 1920-х гг. Несмотря на огромные материальные, бытовые, социальные сложности периода, примкнуть к большевикам интеллигенцию заставил дух преобразований эпохи, их здравый реализм и объективное восприятие сложившейся ситуации.

Для Восточного Казахстана немаловажным фактором послужил и личный пример деятельности коммуниста П.П. Бажова (1879–1950). В сентябре 1918 г. он становится членом РКП(б) [29], а летом 1919 г. приезжает на самую границу Семипалатинской губернии с целью налаживания подпольной партизанской работы. Его явка располагалась в трех километрах от Усть-Каменогорска, на Верхней Пристаней, в доме Рябовой Матрены Антоновны. По воспоминанию жены писателя Валентины Александровны, «... в это время Павел Петрович принимал участие в организации партизанского движения в районах Рудного Алтая. Разъезды, связанные с работой «страхового агента», давали возможность бывать в различных районах края, главным образом в Риддере и на Бухтарме» [30, с. 171].

После установления советской власти в городе П.П. Бажов, известный в крае под фамилией П. Бахеева, налаживает выпуск большевистской газеты «Известия Усть-Каменогорского уездного ревкома» и параллельно в одиночку выполняет работу редактора. Газета освещала события, происходившие на обширной территории Усть-Каменогорского и Бухтарминского края, помещала приказы и распоряжения ревкома и высших органов власти [30, с. 176].

Когда издание газеты из-за отсутствия бумаги временно было прекращено, П.П. Бажова приказом по Усть-Каменогорскому ревкому от

13 марта 1920 г. назначают заведующим отделом народного образования [30, с. 181]. Представителям Совдепа, обывателям и местной интеллигенции не могли не понравиться такие качества Бажова как грамотность, выдержанность, доброжелательность, умение вести дискуссии с оппонентами и выступать перед публикой [31, с. 108], а также его огромная работоспособность. За короткий период им была налажена сеть трудовых школ в уезде, направлено для работы в них 87 учителей-казахов. В городе открыли Народный дом, образовали мусульманскую группу из 23 человек; большое внимание уделялось работе центральной библиотеки – за полгода советской власти ее фонд увеличился в два раза [30, с. 182, 183].

В течение 1920 г. П.П. Бажов занимает и другие важные посты в уезде: председателя уездного бюро профсоюзов, затем – уездного комитета РКП(б) [30, с. 186]. При его активном участии велась продразверстка на Рудном Алтае – заготовка скота в Бухтарминском крае, хлеба в селах Усть-Каменогорского уезда. Когда в 1920 г. к нему обратились молодые литераторы Н.И. Анов и Г.А. Тотин с инициативой создания литературного объединения «Звено Алтая», П.П. Бажов дал свое согласие [30, с. 197].

16 февраля 1921 г. Павел Петрович как член губкома партии переезжает вместе с семьей в Семипалатинск, где работает в губпрофсовете. В апреле этого же года, из-за ослабления здоровья (малярия), вынужден был возвратиться на Урал [30, с. 198]. Итогом деятельности П.П. Бажова на Востоке Казахстана в 1919–1920 гг. стало налаживание отрасли просвещения, развитие издательского дела, создание новых очагов культуры, что, несомненно, послужило положительным примером образа партийца и привлекло на сторону большевиков значительную часть творческой интеллигенции.

Таким образом, предпринятый советской властью в начале 1920-х гг. комплекс мер по отношению к деятелям искусства региона, включал: чисто бюрократические инструменты (учет представителей творческой интеллигенции, ее мобилизацию на советскую службу); политические рычаги (проведение амнистии бывших алашординцев). Совокупность осуществленных мероприятий, а также быстрота и твердость партийного руководства в принятии решений показывает осознание значимости «интеллигентского вопроса» на местном уровне.

В результате последовательных действий большевики в период 1920–1924 гг. сумели снять остроту первых лет восстановительного периода

и привлечь на свою сторону десятки местных интеллигентов, в т.ч. представителей национальной партии Алаш. Помимо знаковых фигур, творцов «первой величины» сторонниками новой власти становились рядовые интеллигенты, чья деятельность способствовала восстановлению работы органов печати, управления, местных очагов культуры: Народных домов, театров, музея, библиотек, художественных студий и т.д.

Список источников и литературы

1. Золотарев О.В. Интеллигенция Советской России в Нэповские годы // Интеллигенция и мир. 2011. № 4. С. 31–46.
2. Григорьев В.К. Относительно характера и форм исторического процесса в Казахстане в 20–30-е годы // История Казахстана: белые пятна: сборник статей. Алма-Ата: Казахстан, 1991. С. 217–223.
3. Движение Алаш: сборник документов и материалов. 1918–2007. Т. 4. Алматы: Ел-шежіре, 2008. 468 с.
4. Город Алаш. Сборник документов. Составители Е. Сыдыков, В. Кашляк. Семей, 2010. 366 с.
5. Аманжолова Д.А. Алаш: исторический смысл демократического выбора. Алматы: Таймас, 2013. 383 с.
6. Россия и Центральная Азия. 1905–1925 гг.: сборник документов. Караганды: Изд-во КарГУ, 2005. 494 с.
7. Сыдыков Е., Малышева М. Сибирь и Казахстан. (Национально-территориальное размежевание Сибири и Казахстана. 1919–1922 гг.). Семей, 2010. 393 с.
8. Из доклада сотрудников ГПУ в Кироблком РКП(б) «О групповой и персональной характеристике, сущности и деятельности Алаш-Орды и националистов киргиз, а также вообще кирработников» // Этнополитические и этносоциальные процессы в Центральноазиатских окраинах России в период революции 1917 г. и первые годы советской власти. Документы и извлечения. Барнаул: АЗБУКА, 2016. С. 400–409.
9. Деев В. Александр Волков на Рудном Алтае // Писатели Георгий Гребенчиков, Александр Волков, Николай Анов и Ефим Пермитин на Рудном Алтае. Усть-Каменогорск: ВКГУ им. С. Аманжолова, 2006. С. 52–83.
10. Священномученик протоиерей Александр Дагаев (†1920) // Православие в Прииртышье. Официальный сайт Семипалатинского благочиния Усть-Каменогорской и Семипалатинской епархии. URL: http://pravsobor.kz/Eparhiya/Y-K_blagochinie/sv_sv_y-k/Dagaev.html (дата обращения: 6.05.2018).

11. Герасимов С.Н. Установление Советской власти в Усть-Каменогорске и в районе Рудного Алтая 1917–1921 гг. Усть-Каменогорск: Облтипография, 1968. 85 с.

12. Постановление Семипалатинского областного ревкома о регистрации работников культурного строительства 22 декабря 1919 г. // Культурное строительство в Казахстане. Сборник документов и материалов / Под ред. М.А. Абдулкадырова. Алма-Ата: Казахстан, 1965. С. 32–33.

13. Карр Э. История Советской России. Большеви́стская революция. Кн. 1. Пер. с англ. / Предисл. А.П. Ненарокова. М.: Прогресс, 1990. 771 с.

14. Из сообщения Кирревкома о мобилизации интеллигентных сил края. 27 января 1920 г. // Культурное строительство в Казахстане. Сборник документов и материалов / Под ред. М.А. Абдулкадырова. Алма-Ата: Казахстан, 1965.

15. Из приказа Наркомпроса КАССР о взятии на учет работников искусства, музыкальных инструментов. 2 февраля 1921 г. // Культурное строительство в Казахстане. Сборник документов и материалов / Под ред. М.А. Абдулкадырова. Алма-Ата: Казахстан, 1965. С. 474–475.

16. Государственный архив Восточно-Казахстанской области (ГВВКО). Ф. 752. Оп. 2. Д. 612.

17. Постановление Сибревкома об учете, перерегистрации и мобилизации технических и хозяйственных сил в Сибири // Власть и интеллигенция в Сибирской провинции (конец 1919–1925 гг.). Сборник документов / Сост. С.А. Красильников, Т.Н. Осташко, Л.И. Пыстина. Новосибирск: ЭКОР, 1996. 398 с.

18. Советская интеллигенция (этапы формирования и роста 1917–1965 гг.). М.: Мысль, 1968. 432 с.

19. Булавка Л. Феномен советской культуры. М.: Культурная революция, 2008. 288 с.

20. Тастанов Ш.Ю. Казахская советская интеллигенция: (проблемы становления и развития). Алма-Ата, 1982. 256 с.

21. Сыдыков Е. Шакарим. Молодая гвардия. М., 2012. 350 с.

22. Морозова О.С. Г.Д. Гребенчиков и американская деревня Чураевка, штат Коннектикут // Американские исследования в Сибири. Вып. 8. Материалы Всероссийской научной конференции выпускников Программы Фулбрайта «Американские идеи в гуманитарных исследованиях ученых Сибири». Томск, 12–14 окт. 2004 г. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 198–203.

23. Познанский В.С. Из истории привлечения национальной интеллигенции к советскому строительству // История Казахстана: белые пятна: сборник статей. Алма-Ата: Казахстан, 1991. С. 155–169.

24. Протокол объединенного совещания, созванного Наркомпросом и членом редакционной комиссии при Госиздате КирССР А. Байтурсыновым по вопросу составления и перевода учебников для казахской Единой трудовой школы I и II ступени // Этнополитические и этносоциальные процессы в Центральноазиатских окраинах России в период революции 1917 г. и первые годы советской власти. Документы и извлечения. Барнаул: АЗБУКА, 2016. С. 373–374.

25. Найманбайулы Асет (1867–1922) // Централизованная библиотечная система города Семей URL: http://www.cbssemey.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=547&lang=ru (дата обращения: 19.05.2018).

26. Найманбайулы Асет (1867–1922 гг.) // Тарих URL: <http://www.tarih-begalinka.kz/ru/history/modern/figures/naymanbayuly/> (дата обращения: 18.05.2018).

27. ГАВКО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 19.

28. Гадеева Ф.Ф. Михаил Гайдукевич. Каталог. ГМИ Каз. ССР. Алма-Ата, 1958. 12 с.

29. Бажов П.П. Биографии // Litra.ru.Портал. URL. <http://www.litra.ru/biography/get/wrid/00024101184773068632/> (дата обращения: 12.12.2017).

30. Черных С. Два года и вся жизнь / С берегов Иртыша. Алма-Ата: Казахстан, 1981. 288 с.

31. Сутырин В.А. П.П. Бажов в революции // Вопросы всеобщей истории. 2006. № 18. С. 107–109.

**Е.У. Rakhmatulina,
Barnaul**

SOVIET POWER AND ARTISTIC INTELLIGENTSIA OF EAST KAZAKHSTAN IN THE BEGINNING OF THE 1920s

The article reveals the nature of the relationship between local authorities and the artistic intelligentsia of East Kazakhstan after the Civil war. An analysis of the complex of measures taken by the Bolsheviks in relation to artists showed that in the period of 1920–1924, the Soviet leadership managed to

remove the first year's acuteness of the recovery period and to win over to its side dozens of local intellectuals, including representatives of the Alash national party. In addition to the iconic figures who were the creators of the "first magnitude", the ordinary intelligentsia of the province became the supporters of the new government.

Keywords: artistic intelligentsia, Semipalatinsk province, Alash-Orda, Sh. Kudaiberdiev, G.D. Grebenshikov, A.M. Volkov, P.P. Bazhov, mobilization of the intelligentsia.

УДК 94(47)"1918/1919"

С.Г. Сизов,
г. Омск

БЕЖЕНЦЫ В БЕЛОМ ОМСКЕ (1918–1919)¹

В статье рассмотрена проблема беженцев в Белом Омске в 1918–1919 гг., определены основные волны миграций и их особенности, проанализированы меры властей и общественных организаций по их приему и размещению. Приезд огромного числа беженцев резко ухудшил социально-экономическое и санитарно-эпидемическое состояния города. Местные службы не могли организовать нормальное пребывание в Омске такого количества людей. Следствием этого стали жилищный и топливный кризисы, рост безработицы и преступности, всплеск эпидемий.

Ключевые слова: Гражданская война, контрреволюция, Белый Омск, беженцы, А.В. Колчак, 1918 г., 1919 г.

Проблема обустройства беженцев возникла в Омске еще до начала Гражданской войны. Первыми беженцами, прибывшими в Омск, стали жители западных губерний Российской империи, спасавшиеся от ужасов Первой мировой войны. Это случилось летом 1915 г. Правительство России было вынуждено отправлять беженцев и раненых воинов, число которых все возрастало, во многие отдаленные губернии, в т.ч. в Сибирь.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 17-81-01006 ««Белая столица России»: повседневная жизнь Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 гг.)».

Омская городская дума на заседании 3 августа 1915 г. постановила поручить местным отделениям Всероссийского союза городов (ВСГ) и Сибирского общества помощи больным и раненым воинам (СОПБРВ) содействовать устройству беженцев. 7 августа Омский городской голова В.А. Морозов, который занимал и должность руководителя местного комитета ВСГ, созвал собрание этой организации, куда были приглашены представители СОПБРВ и местных санитарных попечительств. Так был создан Омский комитет помощи беженцам. С изданием закона 30 августа 1915 г., возлагавшего дело помощи беженцам на городское общественное самоуправление, полномочия комитета подтвердила Омская городская дума [1, с. 161]. Вновь образовавшемуся комитету с самого начала своей деятельности пришлось заниматься встречей беженцев на вокзале, обеспечением питания, оказанием медицинской помощи, поиском крова и заработка и т.п.

Постепенно количество беженцев выросло настолько, что город больше не мог их принимать. Уже 8 октября 1915 г. Омский городской голова докладывал Акмолинскому губернатору, что все имеющиеся помещения переполнены из-за наплыва войск, военнопленных и беженцев. Ситуация грозит вспышкой инфекционных заболеваний. Городской начальник просил больше посторонних лиц в Омск не посылать и выделить средства на противоэпидемические мероприятия [2, с. 110–111]. Итак, уже в начале октября 1915 г. наступил определенный предел Омска по принятию мигрантов (по крайней мере, с точки зрения городских властей).

Следует сказать, что с течением времени количество беженцев в Омске сокращалось: линия фронта стабилизировалась, а усилия властей и общественности дали свои результаты. Мигрантов действительно стало меньше, хотя трудно сказать насколько. По крайней мере, местные газеты на своих страницах эту тему стали обсуждать реже. Поэтому можно констатировать, что проблема беженцев для Омска к началу 1917 г. стала менее актуальной, хотя она не могла не наложить определенный отпечаток на жизнь города. Немало их продолжало оставаться в Омске, наряду с военнопленными, которым ехать пока было просто некуда – война еще продолжалась. Определенным плюсом для города оказался тот факт, что муниципальные власти имели некоторый опыт обустройства беженцев. Он весьма пригодился, когда начались новые потоки беженцев, вызванные революцией и Гражданской войной.

Политические катаклизмы коренным образом изменили ситуацию с беженцами в Омске. Проблемы перенаселенности города 1915 г. в сравнении с 1918 г. и, тем более, 1919 г. теперь уже не казались столь острыми. С весны 1918 г. наплыв мигрантов стал характерной чертой повседневности Омска и других сибирских городов.

Основные периоды миграции из Европейской части России в Сибирь в 1918–1919 гг. определялись, прежде всего, военными и политическими факторами, которые оказывали влияние на социально-экономическое положение населения и на его поведение.

Первый период – с начала 1918 г. по май 1918 г. Сравнительно небольшая волна беженцев была вызвана начальными большевистскими мероприятиями. Ее пополняли и переселенцы-крестьяне западных областей России, которые, как и до революции, искали свободных земель и ехали за этим в Сибирь. Сюда же добавились и возвращающиеся с заработков домой китайцы [3, с. 166], которые, впрочем, в Омске задерживались редко.

Второй период – май – сентябрь 1918 г. Он характеризуется ростом количества беженцев в связи с началом Гражданской войны, ростом репрессивных акций большевиков, ухудшением социально-экономической ситуации в контролируемой ими части России.

Третий период – сентябрь – декабрь 1918 г. В это время имеет место большая волна беженцев из-за отступления Народной армии Комуча из Поволжья. Происходит эвакуация различных учреждений на восток. Поволжских эмигрантов приравнивали в статусе к беженцам с германского фронта Первой мировой войны, что давало им право на социальную помощь со стороны государства [4, с. 320].

Четвертый период – декабрь 1918 г. – июнь 1919 г. Наблюдается снижение притока беженцев в связи с успешным наступлением войск А.В. Колчака. Миграционный приток состоял, главным образом, из числа бывших военнопленных, возвращающихся на Родину из Германии и Австро-Венгрии (со второй половины ноября 1918 г.). К апрелю 1919 г. официальные источники Российского правительства сообщали, что их уже прибыло 60 тысяч, а до конца весны ожидалось еще около 200 тысяч. В связи с успехами на фронте Правительство даже организовало возвращение части уральских беженцев (в частности, были отправлены в родные места некоторые уфимцы) [5, с. 2]. Скорее всего, многие из них вынужденно бежали на восток повторно при наступлении Красной армии.

Пятый период – июнь – осень 1919 г. Он дает самую мощную миграционную волну; катастрофический рост беженцев в связи с отходом белых войск из Прикамья, Урала, Зауралья, Сибири. С октября начинается отток населения из Омска, который в ноябре переходит в массовое бегство.

Таким образом, самые мощные волны миграции на восток приходятся на осень 1918 г. и лето–осень 1919 г. Главными ее причинами были, во-первых, недостаток продовольствия в Европейской части России, особенно в обеих столицах; во-вторых, безработица, низкие доходы, потеря перспектив для ряда социальных групп под властью большевиков. Но, безусловно, немалую роль играли и политико-идеологические факторы. Многие представители дворянского сословия, офицерство, чиновники, интеллигенция, купечество, православное духовенство ничего хорошего для себя и своих детей от нее не ждали и не хотели мириться с большевистской властью. Массовые беззакония и репрессии, творившиеся на территориях, на которые распространялась власть Совнаркома, были прекрасными аргументами в пользу отъезда. Немалое число беженцев просто опасалось за свою жизнь и искало нормального порядка, привычной социальной обстановки для семьи.

Особо стоит сказать, что бежали не только представители господствующих сословий, но и притесняемые большевиками казаки из Семиречья, потерявшие уверенность в будущем мещане, разоренные продотрядами крестьяне. Наконец, спасались и искали куска хлеба рабочие с закрытых предприятий. Те самые пролетарии, чьей властью громогласно объявили себя большевики.

Главными путями движения беженцев на восток были Транссибирская магистраль и сибирские реки. И на вокзалах вдоль железной дороги, и на основных пристанях наблюдалось скопление огромного числа беженцев. Омск являлся особым объектом притяжения для них. Сюда стекались беженцы, направляющиеся на восток по Транссибу, беженцы с Урала, плывшие в Омск по рекам Тавде, Тоболу и верховьям Иртыша. К этому добавлялись беженцы из Семиречья, плывшие вниз по Иртышу. Но основная масса мигрантов двигалась по Транссибу.

К осени 1918 г. проблема беженцев стала настолько острой, что ей уделяли повышенное внимание омские газеты. В официальном издании «Вестник Временного Всероссийского правительства» тема их обустройства являлась одной из главных. Только в одном номере за 1918 г. было

опубликовано несколько заметок и объявлений на эту тему. Было напечатано, в частности, объявление о приглашении на работу беженцев-врачей (требовались уездные и санитарные врачи) [6, с. 4] (Такие объявления появлялись неоднократно: врачей не хватало). В той же газете публиковалась информация о том, что омские ведомства пытаются устроить своих коллег-беженцев. Так, отдел МВД приглашал зарегистрироваться всех беженцев-служащих земских учреждений, обещая помощь в трудоустройстве [7, с. 2].

Еще одно сообщение касалось 200 беженцев – почтовых работников из Казани. Их коллеги из Омского окружного комитета почтово-телеграфных служащих временно разместили прибывших в своей конторе. Но просили помощи Министерства Труда в поиске более подходящего пристанища, поскольку среди казанских коллег уже было два случая тифа. С этой целью предлагалось использовать помещения биллиардных и увеселительных заведений [8, с. 2]. Еще газета извещала читателей, что Акмолинская областная земская управа внесла в кассу городской управы 25 тысяч рублей в связи с передачей в правление города женских приютов [8, с. 2].

Наконец, последняя информация, опубликованная в этом номере, касалась беженцев, проживающих в Омске с начала войны (речь идет о Первой мировой). Извещалось, что вся забота о них теперь ложится исключительно на городские власти, а не на общественные комитеты. Сообщалось также, что из 7 тысяч таких беженцев к осени 1918 г. добровольно покинули общежития 800 человек [9, с. 2].

После падения Казани, Симбирска и Самары, когда поток беженцев стал захлестывать железную дорогу, отдел призрения МВД организовал «питательные и лечебно-наблюдательные пункты» на пути от Уфы до Иркутска. Большую помощь в размещении беженцев оказывало и переселенческое управление. Иногородних крестьян, намеренных остаться в Сибири, власти старались наделять землей и сельхозинвентарем [10, с. 2].

За годы Гражданской войны через Омск прошли огромные потоки беженцев из Европейской части России. Официальная газета «Правительственный вестник» сообщала, что только за июль 1919 г. через ст. Куломзино проследовало до 100 тысяч беженцев (данные на 24 июля). В этот день на станции стояло 22 поезда с беженцами. Сообщалось также, что по пути следования бесплатную горячую пищу и хлеб получают дети до 14 лет, пожилые люди (старше 50 лет), калеки и неимущие.

Остальным мигрантам пища выдается «по половинной стоимости воинской раскладки последнего кормового оклада» [11, с. 2]. Понятно, что Омск для многих мигрантов был лишь транзитным пунктом. Хотя кто-то и в июле 1919 г. надеялся устроиться в столице, чиновники пытались этого не допустить, поскольку город был переполнен неустроенными людьми до крайности.

В той же газете упоминается должность «Главноуполномоченный по призрению беженцев». Ее создали при Правительстве для координации деятельности по обеспечению проезда, питания и размещения мигрантов. Этот чиновник (имя не называется) «циркулярно предложил» (фактически обязал) управляющих губерниями подготовить беженцам условия для размещения в уездах, позаботиться наличием кипятка на пристанях и станциях. Кроме того, органы земского и городского самоуправления должны были организовать помощь и врачебно-санитарную регистрацию прибывших, а крестьян отправлять в сельскую местность [11, с. 2]. Из-за отсутствия свободных комнат и даже углов беженцы вынужденно жили в землянках по берегам Оми и Иртыша, в лесных рощах. Газета «Сибирская речь» регулярно сообщала своим читателям о том, сколько их прибыло в Куломзино и сколько удалось отправить далее.

Как и следовало ожидать, одним из последствий наплыва беженцев стала безработица. В марте 1919 г. газета «Сибирская речь» сообщала, что ввиду полной экономической разрухи и упадка в торгово-промышленных делах в Омске с каждым днем растет безработица, количество оставшихся не у дел чернорабочих и поденщиков достигло 2500 человек [12, с. 4]. Конечно, действительное число таковых в Омске оказалось намного больше.

Приток беженцев резко обострил санитарно-эпидемическую ситуацию в городе, которая и так была достаточно напряженной [13, с. 43–48]. Из-за нехватки жилья люди жили в ужасающей тесноте, зачастую в вагонах, землянках. Мусор и бытовые отходы вывозились очень плохо. Не хватало чистой воды, бань. Как следствие антисанитарии, возникли дизентерия, холера, тиф.

Но и этими последствиями дело не ограничилось. Ухудшились продовольственное положение и криминальная ситуация [14, с. 79–85]. Обострился дровяной кризис, который, в свою очередь, осложнил эпидемическую ситуацию в городе. Росло количество беспризорников на улицах города. Правительство было вынуждено тратить большие суммы денег на обустройство и содержание беженцев, что вело к росту инфляции.

Так, в 1919 г. на беженцев планировалось потратить 19600 тысяч рублей. Дополнительно один миллион планировалось использовать для выдачи безвозвратных пособий «беженцам, пострадавшим от гражданской войны» и еще один миллион на эвакуацию их домой, в освобожденные от большевистской власти районы [15, с. 2].

Этой суммы оказалось недостаточно. В августе 1919 г. Совет Министров выделил еще 15 миллионов рублей на оказание помощи мигрантам по пути следования. Тогда же отмечалось, что «количество проходящих беженцев достигло 200000» (каких-то иных пояснений этому числу нет. – С.С.), при этом примерно половина из них нуждалась в бесплатном питании [16, с. 4]. В сентябре 1919 г. Правительство выделило 8600 тысяч рублей на помощь эвакуированным семьям военнослужащих. Деньги планировалось использовать, прежде всего, на организацию общежития для детей, на приобретение теплого белья и учебников [17, с. 3].

Помощь беженцам, которую оказывали власти, была совершенно недостаточной. Значительное число горемык не получало никаких пособий. Местная администрация оказалась не в состоянии обеспечить переселенцев жильем, одеждой, организовать приемлемые санитарные условия в местах пребывания. Определенную поддержку беженцам оказывали их землячества, благотворительные организации, Церковь. В отдельных случаях землякам даже удавалось основывать на новом месте успешные коммерческие предприятия.

С конца 1918 г. в Сибири начали работу американские санитарные миссии. Они снабжали беженцев одеждой и едой, оказывали медицинскую помощь, производили дезинфекцию жилых помещений. В сибирской столице на попечении американцев оказалось 25 тысяч беженцев (четверть от общего числа находившихся в городе) [4, с. 325]. Министр правительства Колчака Г.К. Гинс писал, что «в Сибири останется воспоминание об американских госпиталях, о подарках, приютах для беженцев, и добрые воспоминания о добрых американцах заставят надеяться на помощь их в будущем» [18, с. 609–610]. Таким образом, несмотря на в целом вполне хищническое и своекорыстное отношение к России со стороны правительства США в годы Гражданской войны, нельзя забыть и добрые дела американских гуманитарных и благотворительных организаций.

Только 4 июля 1919 г. Российское правительство приняло закон, предписавший обязательства государства в отношении мигрантов – Вре-

менное положение о призрении беженцев. В соответствии с ним на государственное попечение принимались все неимущие дети до 14 лет, нетрудоспособные по болезни и старости (мужчины с 55 и женщины с 50 лет). Призреваемым оказывалась помощь в объеме 45 рублей в месяц, плюс 10 рублей на квартиру. Пособие могло выдаваться как деньгами, так и натурой в виде питания, лечения, предоставления места для проживания. Дети беженцев обучались за счет Министерства народного просвещения. Передвижение, питание, лечение всех мигрантов, а не только признанных малоимущими, осуществлялось за счет казны [4, с. 329].

Вопрос о «разгрузке Омска» неоднократно поднимался на самых разных уровнях. В правительстве Колчака имелся Уполномоченный Министра Внутренних Дел по разгрузке Омска, Григорий Иванович Иванов [19, с. 71]. Указывалось на проживание в городе огромного количества людей, «неспособных ни к какой работе», т.е. нередко ведущих паразитический и криминальный образ жизни. Но их выселение было сопряжено с немалыми трудностями. В целях сокращения давления на инфраструктуру и жилищные возможности города межведомственная комиссия принимала решение о переводе из Омска в другие населенные пункты различных второстепенных учреждений. Сотрудники МВД нередко сталкивались с давлением разного рода должностных лиц, которые лоббировали интересы переселяемых ведомств [20, с. 4].

Неоднократно принимались решения на разных уровнях о контроле над въездом в Белую столицу России, но исполнять их никто не торопился. При таком наплыве мигрантов это было весьма затруднительно. Отсутствие контроля над прибывающими имело негативные политические последствия. В прессе не без основания выражалась обеспокоенность, что бесконтрольность прибытия и нахождения в Омске позволяет большевикам свободно вести здесь подрывную работу. Для коммунистического подполья из Советской России завозились в Омск немалые суммы наличных денег, оружие, направлялись кадры организаторов вооруженной борьбы. Так, например, в первых числах сентября близ станции Ачаирской казаками из сотни самоохранны было перехвачено несколько подвод. Казакам показалось подозрительным, что «беженцы» пробирались без женщин и вели за собой большое количество лошадей. При обыске в подводах было обнаружено 170 винтовок, пулеметы и гранаты [21, с. 4]. О доставке в Омск крупных денежных сумм местному подполью свидетельствуют и документы большевиков [22, с. 163].

Омские муниципальные власти неоднократно сообщали о перегрузке коммунального хозяйства и жилищного фонда, требуя государственной помощи и компенсации расходов. В городах по Транссибирской магистрали для размещения беженцев пришлось срочно реквизировать школьные и другие общественные здания, гостиницы, рестораны, строить специальные бараки, проводить уплотнения в частных квартирах и на дачах горожан. За лето 1919 г. на окраинах Омска выросли переселенческие поселки «Московка», «Красный городок» и «Земляной городок» [23, с. 3].

Беженцы проявляли активную самоорганизацию. В Омске были созданы их комитеты: Казанский, Петроградский, Сызранский, Симбирский. Формировались и землячества: Самарское, Симбирское, Сызранское, Оренбургское, Уфимское, Саратовское и другие. Комитеты и землячества по возможности помогали беженцам в обустройстве, получении работы, различных пособий, содействовали в розыске родственников, оказывали морально-психологическую поддержку [24, л. 27 об.].

Активно шел процесс вступления беженцев в Белую армию. Правительство пыталось и материально заинтересовать их встать в ряды добровольцев. Всем вступившим в армию в сентябре 1919 г. полагались серьезные денежные выплаты: солдатам 600 рублей, унтер-офицерам – 750 рублей. Тем, кто бежал с семьей, пособие увеличивалось на половину [17, с. 3].

Среди тех воинских частей, в формировании которых участвовали переселенцы, стоит отметить Дружины Святого Креста [25, с. 1010–1015]. 27 августа 1919 г. в здании Первой Омской женской гимназии состоялось собрание беженцев из Поволжья, Прикамья, Урала и занятых красными местностей Западной Сибири. На нем была принята следующая резолюция: «1) Так как бежать больше некуда и не для чего, ибо, чем дальше, тем гуще все сибирские города переполнены, и беженцы не найдут там не только хлеба, но и крова, то поступить всем беженцам, находящимся теперь в Омске, Куломзине и на берегах Иртыша в Дружины Святого Креста для защиты Родины, Веры от банд иноземных и иноверных разбойников; 2) Всех беженцев, уклонившихся от добровольного поступления в армию, в самый кратчайший срок мобилизовать (не позднее 2 сентября); 3) Просить Верховную власть издать приказ, что все граждане России, выехавшие за границу, начиная с октября месяца 1917 г., должны в указанный краткий срок вернуться обратно для посту-

пления в армию. Если же они этого не сделают, то считать их изменниками Родины, а имущество их конфисковать» [26].

Те из них, кто чувствовал в себе силы и готовность воевать, уходили на фронт, понимая, что бежать всю жизнь невозможно. Но, конечно, были и другие, кто воевать не хотел и просто не мог. И их было большинство. Они или пытались как-то устроиться в Омске, или отправлялись дальше на восток. Владивосток – конечная точка Транссиба – скоро оказался перегруженным еще больше, чем Омск. Но кто-то уезжал и далее: в Китай, Америку, Европу. И по мере продвижения Красной армии на восток число эмигрантов увеличивалось.

Долгожданная «разгрузка Омска», о которой так мечтали в Правительстве адмирала А.В. Колчака, состоялась в кратчайшие сроки в первой половине ноября 1919 г., но прошла она совсем не так, как предполагали чиновники. Угроза прихода большевиков заставила покинуть город и бывших беженцев, вкусивших уже ранее коммунистические порядки, и коренных омичей, и самих колчаковских министров (их позднее доставили в Омск и в мае 1920 г. судили показательным судом). После вступления Красной армии в Омск отъезд из города продолжался. Если в середине 1919 г. (по неофициальным данным) в городе проживало более 500 тысяч человек, то в 1920 г. (по официальным данным) в Омске уже было населения 103 200 человек, т.е. даже меньше, чем в 1917 г. [27, с. 193]. Все, кто хотел и мог уехать, отправились на восток.

Таким образом, беженцы в 1918–1919 гг. стали важным фактором социально-экономической, общественной и культурной жизни Белого Омска [28, с. 84–91]. Город пережил пять периодов миграции. При этом самая мощная беженская волна пришлась на лето–осень 1919 г. Фактически в это время население города по некоторым оценкам выросло до полумиллиона жителей, т.е. почти в пять раз. Значительную часть из них составляли переселенцы. Приезд огромного количества беженцев резко ухудшил социально-экономическое и санитарно-эпидемическое состояния города. Местные службы не могли организовать нормальное пребывание в Омске такого количества людей. Следствием приезда беженцев стали жилищный и топливный кризисы, рост безработицы и преступности, всплеск эпидемий. Тем не менее, Российское правительство, городские власти, благотворительные организации и землячества старались улучшить их положение.

Список источников и литературы

1. Коновалов И.А., Толочко А.П., Чудаков О.В. Становление и развитие органов городского самоуправления // Энциклопедия г. Омска: в 3 т. / под ред. Г.А. Павлова, Л.В. Новосёловой, С.Г. Сизова. Т. 1: Омск: от прошлого к настоящему (период с 1716-го по 2008 год). Омск: Изд. дом «Лео», 2009.
2. Первая мировая война. Сб. документов и материалов Исторического архива Омской области. Омск: Омскбланкиздат, 2014.
3. Ипполитов С.С. Минаев Е.В. Демографические проблемы Сибири и Дальнего Востока России в условиях экономического кризиса в годы Гражданской войны // Экономический журнал. 2015. № 2.
4. Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918 – 1919 г.). Новосибирск: Б.и. [Институт истории СО РАН], 2008.
5. Деятельность Министерства Внутренних Дел // Правительственный вестник (Омск). 1919. № 116. 15 апреля. С. 2.
6. К сведению врачей-беженцев // Вестник Временного Всероссийского правительства. 1918. № 2. 7 ноября. С. 4.
7. К сведению земских служащих-беженцев // Вестник Временного Всероссийского правительства. 1918. № 2. 7 ноября. С. 2.
8. Беженцы // Вестник Временного Всероссийского правительства. 1918. № 2. 7 ноября. С. 2.
9. Ликвидация комитетов попечения о беженцах // Вестник Временного Всероссийского правительства. 1918. № 2. 7 ноября. С. 2.
10. Деятельность Министерства Внутренних Дел // Правительственный вестник (Омск). 1919. № 116. 15 апреля. С. 2.
11. Внутренние известия // Правительственный вестник (Омск). 1919. № 195. 27 июля. С. 2.
12. Безработица // Сибирская речь (Омск). 1919. № 56. 15 (2) марта. С. 4.
13. Сизов С.Г. Повседневная жизнь горожан и эпидемия тифа в Белом Омске в 1918–1919 годах // Четвертые Ядринцевские чтения: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Революции и Гражданской войны в России (Омск, 30–31 октября 2017 г.) / отв. ред. П.П. Вибе. Омск: ОГИК музей, 2017. С. 43–48.
14. Сизов С.Г. Уголовная преступность в Белом Омске в 1918–1919 гг. (на материалах периодической печати) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 79–85. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30462299>, свободный после авторизации. Загл. с экрана.

15. Министерство Внутренних Дел // Правительственный вестник (Омск). 1919. № 116. 15 апреля. С. 2.
16. Помощь беженцам // Сибирская речь (Омск). 1919. № 185. 26 (13) августа. С. 4.
17. Заботы об армии // Сибирский казак (Омск). 1919. № 1. 10 сентября. С. 3.
18. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент в русской истории. 1918–1920. М.: Айри-пресс, 2008.
19. Настольный календарь на 1919 год. Издание Министерства народного просвещения. Под ред. М.Н. Пинегина. Томск: Типография Томской железной дороги, 1919.
20. Чужестранец. К разгрузке Омска // Наша заря (Омск). 1919. № 30. 9 сентября. С. 4.
21. Под видом беженцев // Сибирский казак (Омск). 1919. № 1. 10 сентября. С. 4.
22. Записка Я.М. Свердлова в Омскую подпольную организацию // Омские большевики в борьбе за власть Советов (1917–1920 гг.). Сборник документальных материалов. Омск: Омское гос. изд-во, 1952. С. 163.
23. Беженские поселки // Сибирская жизнь (Томск). 1919. № 224. 23 октября. С. 3.
24. Исторический архив Омской области. Ф. 1617. Оп. 1. Д. 22.
25. Сизов С.Г. Формирование добровольческих дружин Святого Креста в Белом Омске в 1919 году // Наука XXI века: опыт прошлого – взгляд в будущее [Электронный ресурс]: материалы II Международной научно-практической конференции (г. Омск, 25 апреля 2016 г.). Электрон. дан. Омск: СибАДИ, 2016. С. 1010–1015. Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=26373413>, свободный после авторизации. Загл. с экрана.
26. Ситников М.Г., Дмитриев Н.И. Болдырев Дмитрий Васильевич // URL: <http://www.bergenschild.com/Publicacii/Boldyrev.pdf> (дата обращения 12.02.2017).
27. Глебов Ю.Я., Павлов Г.А., Шевченко П.Л. Власть города Омска. Омск, 2000.
28. Сизов С.Г. Основные социально-экономические особенности повседневной жизни Белого Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 г.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 4. С. 84–91. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32281923>, <http://elibrary.omsu.ru/page.php?id=1514261546207075>, свободный. Загл. с экрана.

REFUGEES IN THE WHITE OMSK (1918–1919)

The article studies the problem of refugees in the White Omsk during 1918–1919, identifies the main waves of migration and their features. It analyzes the measures of the authorities and public organizations for the reception and accommodation of refugees. The large-scale arrival of refugees has dramatically worsened the socio-economic and sanitary conditions in the city. City services could not organize a normal stay in Omsk for such a number of people. As the result there were housing and fuel crises, rising of unemployment and crime, the outbreak of epidemics.

Keywords: the Civil war, counter-revolution, White Omsk, refugees, A.V. Kolchak, 1918, 1919.

УДК 94(4)

В.О. Терентьев,
Санкт-Петербург

СУДЬБЫ ОФИЦЕРОВ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ. ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР, ШТАБС-КАПИТАН НОВИКОВ ПАВЕЛ СЕМЁНОВИЧ

В статье повествуется о судьбе Георгиевского кавалера П.С. Новикова. Будучи выходцем из бедной разночинной семьи, он вступил на путь военной службы. В 1915 г. в тяжелой ситуации штабс-капитан Новиков возглавил полк и проявил личное мужество, за что был награжден Георгиевским оружием. Участник обороны Осовца и Гродно, он потерял здоровье и не принимал активного участия в Гражданской войне. Раскол общества привел к обострению классово-социальной нетерпимости. На этапе ее крайнего проявления Новикову вспомнили выполнение воинского долга в период Русской революции 1905 г. За это он был выслан из Ленинграда в Башкирию и позже расстрелян.

Ключевые слова: Новиков Павел Семёнович, штабс-капитан Новиков, Кронштадт, Санкт-Петербургское юнкерское училище, Кронштадтский батальон, 225-й Ливенский пехотный полк, Георгиевское оружие, Георгиевские кавалеры.

Сословная система Российской империи была сложна и витиевата. При целеустремленности и протекции можно было добиться значительных успехов в продвижении по социальной лестнице. Однако зачастую люди, отчаянно стремившиеся достичь приемлемых условий, определенной материальной стабильности, устойчивого положения в обществе, вынуждены были прикладывать значительные усилия.

Примером трагичной и, к сожалению, достаточноординарной в те времена судьбы является Георгиевский кавалер Павел Семёнович Новиков. Он родился 7 декабря 1880 г. в русской православной семье в Кронштадте. Его отец – Семён Васильевич Новиков, из разночинцев, приложил немало усилий для повышения своего социального статуса. Служа в Кронштадте, он выдержал экзамены на офицерский чин и стал прапорщиком крепостной артиллерии, что давало ему личное дворянство. В 1884 г. в ходе военной реформы и сокращения армии чин прапорщика из 14-го класса перешел в 13-й, но остался только званием военного времени. В связи с этим Семён Новиков был уволен с военной службы и зачислен в запас чинов местной артиллерии в Петербургском уезде [1]. Долгое время он служил по гражданскому ведомству, добился перевода в губернские секретари (12-й класс) и в 1895 г. был уволен из армии в отставку, на основании статьи 808 Свода военных постановлений 1869 г. [2]. Вскоре он поступил на Петербургский патронный завод (Васильевское отделение) с переводом в гражданский чин коллежского секретаря (10-й класс) [3].

Семья Новиковых не имела жилья и обитала в помещениях Кронштадтского реального училища. Они жили то в деревянном доме Мачигина (бывшие классы реального училища), то при общестии училища на улице Высокая, 10 [4, с. 384].

Благодаря работе отца в Санкт-Петербурге на Васильевском острове Павел поступил в 1-е Санкт-Петербургское реальное училище на 12-й линии.

В 1900 г. отец перевелся содержанием по минно-артиллерийской части броненосца «Севастополь» с пожалованием

ему чина титулярного советника (9-й класс). Семья переехала в 7-й флотский экипаж (Кронштадт) [5, с. 452]. Вместе с эскадрой Семён Васильевич отправился на Дальний Восток. Последний год Павлу пришлось доучиваться в Кронштадтском реальном училище.

Окончив 6 классов, в 1901 г. Павел Новиков поступил вольноопределяющимся в 1-й Кронштадтский крепостной батальон и в 1903 г. выдержал офицерский экзамен по 2-му разряду при Санкт-Петербургском пехотном юнкерском училище. Однако для семьи это был не самый лучший результат. Тех, кто окончил училище по 2-му разряду, выпускали в полки подпрапорщиками с аттестатом на офицерский экзамен. Их производили в офицеры по представлению непосредственного начальства не ранее как в следующем за выпускным году и только при наличии вакансии.

Однако Павлу Семёновичу повезло, он был назначен на вакансию младшего офицера 4-й роты и заведующим оружием 1-го Кронштадтского крепостного батальона [6, с. 101]. Павел съехал из Экипажа и самостоятельно поселился в общежитии Приюта Цесаревича Николая на улице Березовой [7, с. 474]. Будучи подпрапорщиком, он старался прикладывать усилия для своевременного производства в офицеры. Добросовестно, бдительно и умело нес службу, не отказываясь от трудных поручений. В июне–августе 1903 г. в составе батальона он участвовал в летних маневрах Санкт-Петербургского военного округа в Красном Селе и Пскове [6, с. 79].

Выполняя обязанности начальника караула, Новиков неоднократно отличался в сложных ситуациях. В ночь на 12 марта 1904 г. в загородной морской лаборатории загорелось здание. По сигналу часового подпрапорщик Новиков с караульной сменой потушил пожар. Приказом коменданта Кронштадтской крепости ему была объявлена «сердечная признательность и образ его действий признан достойным всякой похвалы». В ночь на 13 апреля воспламенилась облитая керосином щепка у порохового склада загородной морской лаборатории. В нем находилось несколько тысяч пудов пороху. Столб огня горящей древесины достиг человеческого роста. Начальник караула подпрапорщик Новиков быстро назначил смену для тушения пожара во главе с рядовым Архипом Новиковым и вызвал пожарную команду. Еще до ее прибытия пожар был потушен. Оба были рекомендованы к награждению знаками отличия Святой Анны, а Павел – еще и к производству в подпоручики [6, с. 80–82].

3 июня 1904 г. Павел Новиков произведен из подпрапорщиков в офицеры (подпоручик) со старшинством с 9 апреля 1904 г. по сравнению со сверстниками [8]. В июле 1904 г. подпоручик Новиков со своим взводом был направлен на строительство Ижорских батарей. Здесь его представили Главнокомандующему с супругой. Ее Высочество Великая княгиня Мария Павловна собственноручно прикрепила подпоручику Новикову знак отличия Святой Анны [6, с. 83].

В 1905 г. в России назрел и вскрылся первый крупный социальный кризис. В Кронштадте произошло вооруженное выступление матросов. Его нельзя назвать полностью организованным и политическим. Во многом это был пьяный бунт, сопровождавшийся грабежом и разнузданностью, который революционеры попытались уложить в рамки восстания. Около девяти часов вечера 26 октября 1905 г. вооруженная толпа мятежных матросов и хулиганов со стороны Народного дома атаковала казарму 1-го Кронштадтского крепостного батальона, основные силы которого в данный момент патрулировали улицы города. 2-й учебный взвод четырьмя залпами рассеял восставших. Группа солдат из 8 человек заняла оборону с тыла на черном дворе казармы. В полночь со стороны Павловской улицы матросы вновь начали штурм. Пользуясь численным преимуществом и огнем со стороны морских казарм, матросы перебрались через забор черного двора, но были рассеяны тыловой командой. Патроны солдатам под огнем противника подносил заведующий оружием батальона подпоручик П. Новиков. Из-за неудачи штурма матросы пошли громить лавку на Высокой улице [9, с. 3]. Вскоре из-за необходимости обеспечения порядка крепостные батальоны были объединены в полк.

В мае 1906 г. офицеры батальона, среди которых оказался и подпоручик П. Новиков, за верность царю были награждены орденом Святого Станислава 3-й степени [10]. Примерно тогда же его отец удостоился за Русско-японскую войну ордена Святого Станислава 3-й степени с мечами [11]. Надо сказать, что защитники порядка не получили одобрения в офицерской среде батальона. Большинство из них вынужденно перешли в другие части и даже в корпус жандармов. Павел продолжил службу в батальоне.

После возвращения с Дальнего Востока его родители вновь стали жить при Кронштадтском реальном училище [12, с. 462]. В 1908 г. ближе к ним, в училищные общежития на улице Высокая, переселился

из Приюта и Павел Семёнович [13, с. 542]. 10 сентября 1908 г. Новиков был произведен в поручики 1-го Кронштадтского крепостного пехотного полка со старшинством с 9 апреля 1908 г. [14]. В 1910 г. на основе 1-го крепостного был сформирован 199-й пехотный Кронштадтский полк. В нем Новиков стал помощником командира роты.

В 1911 г. отец Павла в чине капитана (8-й класс) вышел в отставку, и семья Новиковых съехалась на офицерской квартире гарнизонного дома по ул. Купеческой, 12 [15 с.639]. 15 октября 1912 г. Павел Семёнович был произведен в штабс-капитаны 1-го Кронштадтского крепостного пехотного полка со старшинством с 9 апреля 1912 г. [16]. Это был уже 9-й класс Табели о рангах. В 32 года он почти догнал отца и рассчитывал на дальнейшие перспективы. В связи с улучшением материального положения Новиковы смогли переехать в комнаты дома купца С. Громова (ул. Михайловская, 43) [17, с. 454]. В следующем году Павел Семёнович переехал с родителями на квартиру в доме М.П. Емельянова (ул. Михайловская, 17) [18, с. 473].

Начавшаяся Первая мировая война расстроила обычный ход жизни. В июле 1914 г. штабс-капитан Новиков был назначен в мобилизационную группу и прикомандирован к формирующемуся в Калуге 225-му пехотному Ливенскому полку [19]. Здесь он получил под командование роту. Вместе с ним в Ливенский полк из Кронштадта перешли поручики Г.Н. Котон и Г.Т. Богданов. В августе 1914 г. полк прибыл в северную Польшу и участвовал в печально известной Восточно-Прусской операции. 28–29 августа под Норденбургом (ныне – Крылово) в числе других сводных отрядов он пытался пробиться и спасти остатки Второй армии. Неподготовленность войск сказалась в первом же бою, и прорыв не удался. В сентябре полк занимал оборону по р. Бобр в составе 3-го сибирского корпуса. Здесь 23 сентября в тяжелом бою были ранены товарищи Новикова из 199-го полка. Больше в Ливенский полк они не вернулись. Зимой 1914 г. 225-й полк действовал в составе отдельной группы Десятой армии [20]. Так, в начале ноября полк преследовал отходящего врага от Граево на Лётцен и Лик.

В конце января 1915 г. немцы, проводя Августовскую операцию, атаковали превосходящими силами Вержболовскую группу и разгромили ее. Ливенский полк находился большей частью в резерве и 28 января при окружении группы пошел на прорыв. В бою у Эйдкунена полк был разбит превосходящими силами противника и стал отходить на Кальва-

рию. Его командир полковник П.А. Кукульский 29 января 1915 г. сдался в плен. Многие офицеры полка были убиты или пленены. Штабс-капитан Новиков остался старшим командиром и взял руководство остатками полка на себя. Он отвел их на Симно, откуда по приказу штаба армии дальше, за Неман на Олиту. Несмотря на то, что от полка осталось не больше батальона, он был приведен Новиковым в порядок и в готовности к бою занял оборонительные позиции по восточному берегу Немана. К 17 февраля 225-й Ливенский полк был отправлен на южный берег Бобра в Новый Двор. Здесь он занял оборону на дальних полевых позициях крепости Гродно. В самое тяжелое время после Августовской операции до прибытия нового командира Новиков возглавлял полк [19]. В период обороны на южном берегу р. Бобр его полк отражал попытки немцев переправиться через реку. В марте, при наступлении в Восточной Пруссии, отряд, представлявший остатки 225-го полка, был переброшен в район плацдарма у Олиты. На р. Бобр у крепости Осовец с прибытием нового командира полковника В.В. Буняковского полк фактически формировался заново. В это время отряд Новикова (также именуемый «225-й полк»), преследовал отходящих немцев. В конце марта, достигнув укрепленных рубежей на реке у местечка Кальвария, где закрепились немцы, он натолкнулся на ожесточенное сопротивление.

Из Высочайшего Приказа следовало, что «27-го марта 1915 г. временно командуя 225-м полком, находясь под сильнейшем ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем, [Новиков] атаковал сильную позицию противника у д. Кальварии, выбил неприятеля из двух рядов окопов, захватив при этом много пленных и два пулемета, чем способствовал продвижению соседних частей, после чего позиция была укреплена за нами» [19]. Именно за этот подвиг Павел Семёнович получил высшую награду Империи – Георгиевское оружие. Несмотря на героизм русских солдат, прорвать укрепленный рубеж противника не удалось, и армия перешла к обороне.

В конце марта 1915 г. 225-й полк был назначен в гарнизон крепости Осовец [21]. Туда же вернулись и остатки группы Новикова. Павел Семёнович вновь получил под командование роту, полностью сформированную из призывников. За личное мужество и храбрость, умелое командование штабс-капитан отмечен рядом наград. 3 апреля 1915 г. он был награжден орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами [22].

21 июня 1915 г. за атаку Кальварии по удостоению местной Георгиевской Думы пожалован главнокомандующим Десятой армией Георгиевским оружием с Высочайшим утверждением [19]. 24 июня 1915 г. награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом [23]. При обороне крепости Осовец летом 1915 г. 225-й полк неоднократно способствовал отражению вражеских штурмов. В ходе Великого отступления в августе 1915 г. ливенцы были переведены из Осовца в Гродно. 15 августа полк вел бой за Красностокский монастырь западнее Гродно.

15 августа – 1 сентября Ливенский полк упорно оборонял крепость Гродно, будучи гарнизоном 3-го форта. 28 сентября полковой отряд сражался с обходящим противником у д. Кашубинцы на р. Котра. 1 сентября в бою за укрепление «Г» полк понес большие потери. Новиков возглавил батальон, а какое-то время, пока штаб части отходил, вновь руководил всем полком. 2 сентября по приказу командира Гродненского гарнизона полк был отведен на восточный берег, а вскоре вместе с главными силами гарнизона оставил крепость и стал отходить на восток, за Лиду.

23 декабря 1915 г. Новиков был произведен в капитаны со старшинством с 22 августа 1915 г. [24]. 31 декабря по ранению он прибыл в Петроград, в частный Спасо-Преображенский офицерский лазарет Трепова на Манежном переулке, 2 [25]. После короткого лечения 20 января 1916 г. он убыл по неизвестной причине из лазарета в строй (в 225-й Ливенский полк) [26], [27].

В июле 1916 г. полк участвовал в безуспешной Барановичской наступательной операции. Своими атаками у д. Бомбалы он поддерживал удар главных сил. Летом 1917 г. после «Июньского наступления» Русской армии и последующего поражения полк был переброшен на Ковельское направление и в августе–сентябре неоднократно отражал вражеские атаки под Кухары и Велицком.

В ходе войны Павел Семёнович получил несколько ранений, в сентябре 1915 г. и августе 1917 г. был потравлен газами, в сентябре 1917 г. контужен, но почти никогда не покидал своей части. После Февральской революции у него в батальоне случился конфликт не только с солдатами, но и офицерами. Старшие офицеры видели в нем выскочку-разночинца и завидовали его Георгию. Ведь из полка только он и плененный германцами в 1915 г. капитан Рябов имели высшую награду России. Остальные

офицеры и солдаты смотрели на него как на «жандарма», хотя каждый по-своему.

В связи с длительным затишьем на участке полка, ликвидацией чинов и погон, митинговщиной и непростыми взаимоотношениями Новиков оставил полк после выборов командира батальона. В Гражданской войне он, упавший духом, потерявший здоровье и веру, не принимал активного участия. Вернувшись в Петроград, Павел Семёнович перебивался случайными заработками в основном делопроизводственного характера.

После Гражданской войны Павел Семёнович жил на ул. Боровой, 26, и работал делопроизводителем и бухгалтером [28, с. 365]. В 1926 г. переехал на ул. Коломенскую, 42, также работал бухгалтером [29, с. 254]. В 1935 г. перебрался на ул. Рубинштейна, 27, служил в Ленинградском государственном Новом театре (ныне – имени Ленсовета) [30, с. 293]. Практически везде это были коммунальные уплотненные квартиры. В партию он не вступал. В 1936 г. как бывший офицер был выслан в Башкирию и работал счетоводом в тресте «ГУТАП» (Главное управление тракторно-автомобильной промышленности).

Социальные противоречия в Российской империи сыграли немалую роль в зарождении Революции 1917 г. и Гражданской войны. Судьба Павла Семёновича Новикова показывает, как человек своим трудом, мужеством, упорством, вышедший из бедного разночинства и долго пробиравший себе дорогу в обществе, мог быть расценен как классовый враг и в одночасье отброшен вниз по социальной лестнице. Грамотность позволила ему найти свое место в новом обществе, но на этапе крайнего проявления социальной нетерпимости он был обвинен в контрреволюции. Так было истолковано выполнение воинского долга в период Русской революции 1905 г.

24 октября 1937 г. Павел Новиков был арестован по статье 58-10: Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или изготовление, или хранение литературы того же содержания влекут за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев. В ходе следствия выяснилась причастность Новикова к подавлению Революции 1905 г. и награждение царским орденом. В результате он был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян 28 ноября 1937 г. Реабилитирован 27 июля 1989 г. [31].

Список источников и литературы

1. Высочайший приказ 29 июля 1884 г. // Высочайшие приказы (ВП). Сборник. 1884. 29 июля.
2. ВП. 1895. 2 июля.
3. ВП. 1896. 2 марта; ВП. 1897. 30 марта.
4. Весь Петербург на 1899 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1899.
5. Весь Петербург на 1902 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1902.
6. Никитин Н. Краткая хроника 1-го Кронштадтского крепостного пехотного батальона. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1906.
7. Весь Петербург на 1903 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1903.
8. ВП. 1904. 3 июня.
9. Терентьев В.О. 1-й Кронштадтский крепостной батальон в первой русской революции. // Вестник Гуманитарного факультета СПбГУ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича / под ред. проф. С.А. Лосева. СПб.: СПбГУТ, 2017.
10. ВП. 1906. 29 мая.
11. ВП. 1905. 28 ноября.
12. Весь Петербург на 1905 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1905.
13. Весь Петербург на 1908 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1908.
14. ВП. 1908. 10 сентября.
15. Весь Петербург на 1911 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1911.
16. ВП. 1912. 15 октября.
17. Весь Петербург на 1913 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1913.
18. Весь Петербург на 1914 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1914.
19. ВП. 1915. 21 июня.
20. Хольмсен И.А. Мировая война. Наша операция на Восточно-Прусском фронте зимою 1915 г. Воспоминания и мысли. URL: http://www.grwar.ru/library/KholmssenWorldWar1915/KN_09.
21. Бондарев Ю. Ливенский пехотный полк. URL: <http://www.adminliv.ru/article1986>.

22. ВП. 1915. 3 апреля.
23. ВП. 1915. 24 июня.
24. ВП. 1915. 23 декабря.
25. Раненые в боях // Русское слово. 1915. № 299. 31 декабря.
26. Новиков Павел Семёнович URL: <http://gwar.mil.ru/cartoteka/yalutorovsk/2206244/>.
27. Новиков Павел Семёнович URL: <http://gwar.mil.ru/cartoteka/yalutorovsk/455448/>.
28. Весь Ленинград на 1923 год: адресная и справочная книга г. Ленинграда. Л.: Орг. отд. Ленингр. губисполкома, 1923.
29. Весь Ленинград на 1926 год: адресная и справочная книга г. Ленинграда. Л.: Орг. отд. Ленингр. губисполкома, 1926.
30. Весь Ленинград: адресная и справочная книга: 1935. Л.: Леноблисполком и Ленсовет, 1935.
31. Новиков Павел Семёнович. URL: [https://ru.openlist.wiki/Новиков Павел Семёнович \(1880\)](https://ru.openlist.wiki/Новиков_Павел_Семёнович_(1880)).

**V.O. Terentev,
Saint-Petersburg**

**OFFICERS OF THE RUSSIAN EMPIRE ARMY.
ST. GEORGE'S KNIGHT, THE STAFF CAPTAIN
PAVEL SEMENOVITCH NOVIKOV**

The article describes the fate of St. George's knight P.S. Novikov. Born in a poor family of common origin, he entered military service. In 1915 the staff captain Novikov headed the regiment in a difficult situation, showed personal courage, for which he was awarded a St. George's Sword. Participating in the defense of Osovetz and Grodno he had spoiled his health and therefore didn't take an active part in the Civil war. The split of Russian society led to the aggravation of class intolerance. At the stage of its extreme manifestation Novikov was arrested and later accused of performing his military duty during the Russian Revolution in 1905. He was sentenced to exile, sent from Leninograd to Bashkiria, and finally executed.

Keywords: Pavel Semenovitch Novikov, staff captain Novikov, Kronstadt, Saint-Petersburg Cadet school, Kronstadt battalion, 225th infantry regiment, St. George's Sword, St. George's knight.

**ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ УГЛОВ.
РЕКОНСТРУКЦИЯ БИОГРАФИИ**

По данным государственных и личных архивов реконструирована биография И.А. Углова, участника Первой мировой войны, Белого движения на востоке России, Великого Сибирского Ледяного похода, офицера Штаба Уфимской группы каппелевских войск, эмигрировавшего в Китай, участника Гражданской войны в Китае, офицера Штаба 65-й дивизии и 7-го Особого полка Русской группы в армии Чжан Цзолина / Чжан Цзучана (г. Цинанфу), который позже, проживая в Харбине, работал в системе торговли и на предприятиях местной пищевой промышленности. В 1955 г. репатриировался в СССР. Впервые публикуются фотографии из семейного архива периода Первой мировой войны (1917 г.), а также пребывания И.А. Углова в Чите (1920 г.) и Харбине (1927 г.).

Ключевые слова: Первая мировая война, Гражданская война, Великий Сибирский Ледяной поход, русская эмиграция, репатриация.

Иван Алексеевич Углов родился 14 (26) сентября 1893 г. в семье лесопромышленника в уездном городе Крапивна Тульской губернии (ныне – село Щекинского района Тульской области); православного вероисповедания, русский. Окончил гимназию в Крапивне (1902–1909 гг.). Служил писарем в Крапивненском уездном правлении, письмоводителем исправника, затем – коллежским регистратором (1910–1914 гг.) [1, л. 1–27].

С началом Первой мировой войны он был призван на военную службу и назначен в 185-й запасной батальон (г. Брянск, сентябрь–октябрь 1914 г.). Окончил по первому разряду Алексеевское военное училище (октябрь 1915 г. – февраль 1916 г., Москва). Подпоручик 237-го запасного батальона (февраль–июнь 1916 г., г. Шуя Владимирской губ.). Подпоручик 50-го запасного батальона (июнь–ноябрь 1916 г., г. Ржев Тверской губ.).

С ноября 1916 г. по январь 1918 г. И.А. Углов служил командиром роты 58-го Сибирского стрелкового полка на Западном фронте (г. Барановичи Минской губ.), откуда был демобилизован декретом Совета Народных Комиссаров и некоторое время находился у себя на родине – в Крапивне.

Фото 1. Поручик И.А. Углов. Октябрь 1917 г., г. Барановичи (?).

Из семейного архива Угловых

В феврале–марте 1918 г. Иван Алексеевич, предположительно, был мобилизован в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию (РККА), где служил завхозом штаба Военного руководителя Красной армии (март–июнь 1918 г., г. Ржев). Видимо, с учетом имеющейся военной подготовки и опыта его откомандировали для обучения в Екатеринбурге в Академию Генерального штаба, где он прослушал младший ускоренный курс (с 1 июля по 10 августа 1918 г.) [2, с. 624]. Продолжительность обучения И.А. Углова по причинам внешнего характера оказалась менее 23 дней. 19 июля 1918 г. поступила телеграмма Наркомвоенмора Л.Д. Троцкого, на основании которой 21 июля последовал приказ № 162 начальника академии об эвакуации в г. Казань (см. Приложение).

Хронология событий, составленная автором по документам Российского государственного военного архива [3, с. 29–43], содержит подробные сведения, касающиеся дислокации, маршрута, способа передвижения и размещения личного состава академии летом 1918 г., что облегчает исследователю анализ обстоятельств того времени. Из приведенных сведений ясно, что академия не дезертировала, а эвакуировалась в Казань, следуя приказу, полученному из Москвы, и покинула Екатеринбург всего лишь за одни сутки до занятия города войсками белочехов. Действия личного состава академии с момента прибытия в Казань 1 августа 1918 г. до захвата города белочехами требуют дополнительного изучения с целью выяснения причин и мотивов, которые привели к удивительно единодушному «уходу» от большевиков всех слушателей (73 человека!), командированных на учебу в академию из различных частей РККА.

Оказавшись на территории, подконтрольной Учредительному собранию, согласно приказу № 171 И.А. Углов был назначен на офицерскую должность в Народную армию [2, с. 624], [4, л. 16–17] в 11-й Самарский пехотный полк [1, л. 1–27]. Также в Народной армии он служил адъютантом штаба Камской группы (сентябрь 1918 г. – март 1919 г., Уфимская губ.), позднее – обер-офицером для поручений, адъютантом штаба Уфимского корпуса (март 1919 г. – март 1920 г., Восточная Сибирь) [5]. И.А. Углов – участник Великого Сибирского Ледяного похода. Согласно приказу № 24 Войскам Восточного фронта он произведен из капитанов в подполковники со старшинством с 12 февраля 1920 г. [6, с. 334]. Продолжил службу интендантом дивизиона броневых поездов атамана Семёнова (сентябрь–декабрь 1920 г., Забайкалье, Даурия) с одновременным исполнением обязанностей начальника штаба дивизиона [7, л. 26, 35].

По окончании основных событий Гражданской войны на востоке России

И.А. Углов 28 ноября 1920 г. прибыл вместе с интендантством в Маньчжурию. Сначала проживал на ст. Цицикар (КВЖД) (февраль 1921 г. – январь 1927 г.), где имел винно-гастрономический магазин «Дружба» [1, л. 1–27] и, по некоторым сведениям, был командиром отряда (150 штыков, 3 пулемета), входившего в состав 2-й бригады (штаб в Хайларе, комбриг П.А. Федосеев). Будучи в эмиграции, Иван Алексеевич не оставлял военной службы. На 1 сентября 1926 г. он – старший адъютант по строевой части Штаба 65-й дивизии армии Чжан Цзучана (в некоторых источниках – Чжан-Зун-Чана, г. Цинанфу); исполнял должность полкового адъютанта и помощника командира по хозяйственной части 7-го Особого полка (Цинанфу) [8, с. 365, 367, 374], [9], [10].

Фото 2. Подполковник И.А. Углов.
18 августа 1920 г., г. Чита.
Из семейного архива Угловых

В разное время И.А. Углов служил продавцом бакалейно-гастрономических товаров в частных магазинах Цхомелидзе и Тарасенко (конец 1927 г. – апрель 1931 г., г. Харбин), счетоводом, старшим продавцом бакалейно-гастрономического отдела, закупщиком бакалейных, гастрономических и продовольственных товаров, заведующим оптовым отделом Торгового дома «И.Я. Чурин и К°» (апрель 1931 г. – август 1945 г.), управляющим колбасной фабрикой ТД «И.Я. Чурин и К°» и по совместительству – технологом пищевых производств: колбасного, засолки овощей (огурцы, помидоры, капуста), отправлявшихся на экспорт в СССР

Фото 3. Соловьевы и Угловы. Сидят (слева направо): Соловьева (урожд. Букина) Екатерина Герасимовна – жена Константина Соловьева с дочерью Вероникой, Соловьева (урожд. Цыпленкова) Евдокия Иосифовна – жена Сергея Соловьева, Углова Александра Александровна (урожд. Соловьева) с дочерью Антониной. Стоят братья Соловьевы: Константин Александрович, Леонид Александрович, Сергей Александрович и Иван Алексеевич Углов, прибывший в отпуск из Цинанфу. Около 1927 г., г. Харбин. Из семейного архива Угловых

(август 1945 г. – ноябрь 1950 г., г. Харбин), а также технологом производства пивоваренного солода на заводе Харбинского Народного Правительства (ноябрь 1950 г. – 1954, г. Харбин). Состоял членом правления Союза Торгово-промышленных служащих. Планируя репатриацию, И.А. Углов окончил бухгалтерские курсы по специальности «счетовод» (февраль–май 1955 г., г. Харбин). 10 мая 1955 г. уволился в связи с «выходом на пенсию» и предполагаемым возвращением на Родину, куда годом раньше уехала дочь с семьей.

В июне 1955 г. вместе с женой Иван Алексеевич выехал в Советский Союз «на освоение целинных и залежных земель». На границе он получил распределение в Назаровский район Красноярского края. Трудился рабочим Ададымского зерносовхоза (июнь–август 1955 г., Назаровский р-н), засольщиком артели «Пищевик» (с 10 сентября по 25 ноября 1955 г., г. Ачинск), огородником подсобного хозяйства, затем – бухгалтером хлебокомбината (с 21 декабря 1955 г. по 1 августа 1957 г., г. Ачинск).

В 1958 г. И.А. Углов переехал в г. Красноярск, где с 1955 г. проживала дочь со своей семьей. Здесь он работал бухгалтером материального учета аптечного склада (20 января – 19 марта 1962 г.), счетоводом (временно) в бухгалтерии аптечного склада (14 января 1963 г. – 14 марта 1964 г.), бухгалтером аптечного склада (11 ноября 1964 г. – 3 апреля 1967 г.), бухгалтером магазинов № 48, 49 Центрального райпищеторга (3 апреля – 10 июня 1967 г.), бухгалтером аптечного склада (с 12 июня 1967 г.). В сентябре 1977 г. он «окончательно» ушел на пенсию в возрасте 84 лет, имея за плечами 10 лет военной службы и трудовой стаж на гражданской – 57 лет.

Скончался Иван Алексеевич Углов 5 июля 1989 г. от недостаточности мозгового кровообращения и похоронен в г. Красноярске на Бадалыкском кладбище, сектор № 14.

И.А. Углов за свою военную службу удостоен ордена Св. Анны 4-й ст. (год награждения не установлен), а также знака отличия Военного Ордена «За Великий Сибирский поход» 1-й ст. (1920 г.).

В разное время Иван Алексеевич проживал в г. Харбин, ул. Ажихейская, 33 (служебная квартира); г. Красноярск, ул. 9-го января, 11 (квартира в одноэтажном деревянном доме, аренда, ныне не существует); ул. Терешковой, 18, кв. 1 (муниципальная квартира); ул. Дубровинского, 54, кв. 81 (муниципальная квартира).

Он имел родственников. Отец – Углов Алексей Иванович (? – 20 мая?), мать – Александра Герасимовна (? – ?), жена – Углова (урожд. Соловьева) Александра Александровна (20 апреля (3 мая) 1901 г., прииск Солонечный, Забайкальская обл. – 12 мая 1971 г., г. Красноярск), дочь – Антонина (20 сентября 1922 г., ст. Цицикар, Маньчжурия – 22 декабря 2006 г., г. Красноярск).

Гражданский статус И.А. Углова также неоднократно менялся. До 8 сентября 1920 г. он считался подданным Российской империи [11]. С 8 сентября 1920 г. до 25 марта 1946 г. Иван Алексеевич – лицо без гражданства, эмигрант. Положение осложнилось еще больше после выхода Декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 15 декабря 1921 г. С получением советского паспорта с 25 марта 1946 г. – гражданин СССР.

Автор благодарит сотрудников Государственного архива Хабаровского края и особенно Л.А. Кривченко за методическую помощь, Л.Г. Капустина (г. Муром) – за помощь в датировке фотографий, по вопросам униформологии и важное дополнение о временном исполнении обязанностей начальника штаба Броневой дивизии, В.И. Углова (Москва) – за предоставление биографических сведений о предках, Е.П. Рой (Москва) – за помощь в идентификации родственников, запечатленных на групповой семейной фотографии и Д.Н. Клокову (г. Красноярск) – за помощь в переводе.

В ходе дальнейших поисков планируется выяснить подробности, связанные с участием И.А. Углова в Белом движении, а также касающиеся службы в русских частях китайской армии. Автор будет благодарен за любые поправки, замечания, уточнения и советы, которые просит присылать по адресу: anit2008@mail.ru

Приложение

**Приказ об эвакуации Военной Академии РККА
из Екатеринбурга в Казань
Приказ Военной Академии**

Екатеринбург

№ 162 21-го июля 1918 года

Часть УЧЕБНО-СТРОЕВАЯ.

Сообщаю следующую телеграмму Народного Комиссара по военным и морским делам: Екатеринбург. Командующему СМИЛГЕ. Копия Началь-

нику Академии АНДОГСКОМУ. Копия Казань Революционному Военному Совету.

Академия должна быть эвакуирована временно до полной ликвидации чехословацкого мятежа точка Весь персонал академии должен быть эвакуирован из Екатеринбурга кроме тех лиц, которые особым распоряжением будут там оставлены точка Назначение места временной эвакуации академии и условия эвакуации предоставил Революционному Военному Совету в Казани точка Ему предписано отпустить в распоряжение академии достаточное денежное средство дабы эвакуация была сопряжена с наименьшими неудобствами для личного состава точка Восемьдесят слушателей старшего курса предоставлены мною в непосредственное распоряжение Военного Совета точка Академия нам необходима для Рабочей и Крестьянской Власти, а не для когонибудь другого и стало быть ни о каких искусственных условиях экстерриториальности для академии не может быть и речи точка ВСЯКАЯ ПОПЫТКА ОТДЕЛЬНЫХ ЧЛЕНОВ ЛИЧНОГО СОСТАВА АКАДЕМИИ ПРОНИКНУТЬ НА ТЕРРИТОРИЮ, ЗАНЯТУЮ ЧЕХОСЛОВАКАМИ БУДЕТ РАССМАТРИВАТЬСЯ КАК ИЗМЕНА И КАРАТЬСЯ ПО ЗАКОНАМ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (Выделено в тексте документа. – *А.Т.*) точка Москва 19-го июля 1918 года № 1196.

Наркомвоенмор ТРОЦКИЙ

Начальник Академии, Ординарный Профессор Генерального Штаба
Генерал-Майор АНДОГСКИЙ [12, л. 143]

Список источников и литературы

1. Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 48454.
2. Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М.: Книжница, 2014.
3. Тимофеев А.Н. Из истории Академии Генерального штаба и ее ускоренных курсов военного времени (лето – осень 1918 г.) // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции: научно-практический журнал. 2014. № 1.
4. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33892. Оп. 1. Д. 17.
5. В Чите корпус был сведен в Уфимскую дивизию. – *А.Т.*
6. Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2015.

7. РГВА. Ф. 40170. Оп. 1. Д. 1.

8. Окороков А.В. Русские добровольцы. М.: Авуар консалтинг, 2004.

9. Государственный архив Российской Федерации, картотека.

10. Электронный ресурс. Режим доступа: http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_19-U.pdf (11.06.2018).

11. 8 сентября 1920 г. Китайская Республика заявила, что более не признает консульства России в Китае, а 23 сентября прервала все связи с представителями Российской империи и отказалась соблюдать экстерриториальные права ее граждан. Тем самым в одночасье русские в Китае оказались лицами без гражданства. После этого китайское правительство установило контроль над государственными учреждениями в Харбине, как то: суды, полиция, тюрьма, почта, а также исследовательскими и образовательными заведениями. – *А.Т.*

12. РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 17.

**A.N. Timofeev,
Krasnoyarsk**

IVAN ALEXEYEVICH UGLOV. THE BIOGRAPHY RECONSTRUCTION

The author reconstructs the biography of I.A. Uglov, the First World war participant, White Movement participant in the East of Russia, the Great Siberian Ice March participant, a staff officer of the Ufa group of Kappel's troops according to the data from the state archives and personal files. After emigrating to China Uglov was a participant of the Civil war in China, a staff officer of the 65-th division and of the 7-th Special regiment of the Russian group in the army of Zhang Zuolin / Zhang Chongchan (the city of Tsinanfu or Jinan). Later living in Harbin Uglov worked in trade and at enterprises of local foodstuff industry. In 1955 he repatriated to the USSR. For the first time the author publishes photos from the personal files of the First World war period (1917) as well as of the period of Uglov's living in Chita (1920) and in Harbin (1927).

Keywords. The First World war, the Civil war, The Great Siberian Ice March, the Russian emigration, repatriation.

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В УДМУРТИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСИ 1926 Г.)

В статье на основе анализа возрастно-половой структуры населения по переписи 1926 г. предпринимается попытка оценить влияние Гражданской войны на демографические процессы, происходившие на территории Удмуртии. Перепись показала, что женщины преобладали во всех возрастных группах, самая большая разница среди пятилетних когорт (до 70 лет) пришлась на возраст 25–29-летних, которым во время Гражданской войны было по 17–23 года. Снижение рождаемости и рост смертности привели к образованию «демографической ямы» у когорт 10–14 лет и, особенно, 5–9 лет. Делается вывод о том, что Гражданская война нанесла больший демографический урон, нежели Первая мировая война, при этом и в городах, и в сельской местности он был очень значительный.

Ключевые слова: Гражданская война, Удмуртия, демографические процессы, население.

Вопрос о влиянии Гражданской войны на демографические процессы в Удмуртии актуален в силу своей малой изученности. В специальных работах [1], [2], [3], [4], [5], посвященных теме войны, содержатся лишь разрозненные данные о жертвах красного и белого террора на территории края, о количестве мигрантов, ушедших вместе с белыми. Эта лакуна в историографии обусловлена во многом ограниченностью источников. Статистические органы молодой советской власти только формировались, учет демографических показателей был организован плохо. В подготовленном к 100-летию трагических событий «Указателе документов по истории Великой Российской Революции (1917–1922 гг.) в Удмуртии» [6], включающем информацию о примерно 2500 документах, хотя и есть раздел о Гражданской войне, ничего не сказано о ее демографических последствиях (за исключением упоминаний об эвакуации и случаев террора). Попробуем оценить влияние Гражданской войны на территории Удмуртии на демографические процессы, проанализировав возрастно-половую структуру населения по переписи 1926 г.

Изучение демографического развития региона в 1918–1920 гг. сильно затрудняет неупорядоченность административно-территориального деления. В этой связи очень важными являются пересчеты статистических органов, выполненные по сопоставимой территории. В соответствии с одним из них население Вотской автономной области (ВАО) в границах на 1 сентября 1921 г. составляло: по переписи 1897 г. – 633349 человек (306770 мужчин и 326579 женщин), по исчислениям в 1914 г. – 765800 человек (375800 мужчин и 390000 женщин), а по переписи 1920 г. – 686049 человек (299162 мужчины и 386887 женщин) [7, л. 99]. Таким образом, за 1914–1920 гг. население сократилось на 79751 человека, или на 10,4 %. Если в 1914 г. доля мужчин составляла 49,1 %, то в 1920 г. – только 43,6 %.

В дальнейшем наблюдался быстрый рост численности населения и некоторое восстановление гендерной структуры. Уже в 1923 г. по состоянию на 15 марта и в существовавших на тот момент границах население области стало составлять 710,3 тысяч человек: мужчин – 320,4 тысяч, женщин – 389,8 тысяч (несовпадение суммы этих чисел с итоговой может объясняться округлением. – С.У.). При этом территория по сравнению с 1921 г. сильно не изменилась, составляя 28939 кв. км [7, л. 98].

Весоюзная перепись 1926 г. зафиксировала в ВАО 756264 человека, среди которых отмечалось значительное преобладание женщин (табл. 1). Очевидно, что оно во многом образовалось из-за потерь, понесенных мужчинами на фронтах Первой мировой войны и Гражданской войны. Число женщин в области оказалось больше на 52154 человека. Мужчин в ВАО было 46,6 %, а женщин – 53,4 %. В городах доля мужчин была больше – 47,5 %, на селе меньше – 46,4 %. При этом основная масса населения проживала в сельской местности (89,8 %).

Если сравнить численность мужчин и женщин по пятилетним возрастным когортам, то выяснится, что первые уступали вторым во всех из них, хотя мальчиков обычно всегда рождается больше девочек. В городах и сельской местности женский пол также преобладал во всех возрастных группах, но в городах мальчиков до пяти лет было больше, правда, всего на 15 человек. Объясняться такая ситуация может повышенной смертностью мальчиков, а в более старших возрастах – боевыми потерями мужчин из-за их участия в войнах.

По отдельным возрастным группам в ВАО разница между численностью мужчин и женщин была особенно велика. Если рассматривать

Пол и возраст населения Вотской АО по переписи 1926 г., человек*

Возраст	Вся область			Городские поселения			Сельская местность		
	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола
0-4	58920	59313	118233	5693	5678	11371	53227	53635	106862
5-9	37079	38764	75843	3168	3328	6496	33911	35436	69347
10-14	41332	43274	85106	3762	4136	7898	38070	39138	77208
15-19	48377	47438	90815	4265	4547	8812	39112	42891	82003
20-24	32658	38673	71331	4573	4859	9432	28085	33814	61899
25-29	25028	33615	58643	4223	4649	8872	20805	28966	49771
30-34	18400	24474	42874	2797	2950	5747	15603	21524	37127
35-39	17717	23680	41397	2266	2401	4667	15451	21279	36730
40-44	14916	19317	34233	1647	1757	3404	13269	17560	30829
45-49	14784	17312	32096	1355	1539	2894	13429	15773	29202
50-54	11926	14962	26888	977	1178	2155	10949	13784	24733
55-59	11222	13785	25007	694	1072	1766	10528	12713	23241
60-64	10221	12241	22462	694	1072	1766	9697	11360	21057
65-69	6694	7894	14588	364	713	1077	6330	7181	13511
70-74	3535	4887	8422	184	430	614	3351	4457	7808
75-79	1922	2249	4171	81	200	281	1841	2049	3890
80-84	1053	1409	2462	31	83	114	1022	1326	2348
85-89	391	481	872	9	41	50	382	440	822
90-94	175	239	414	4	12	16	171	227	398
95-99	66	89	155	-	6	6	66	83	149
100 и более	22	41	63	-	3	3	22	38	60
Возраст не указан	117	72	189	22	10	32	95	62	157
Всего	352055	404209	756264	36639	40473	77112	315416	363736	679152

* Таблица составлена по источнику: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Возрастной состав населения РСФСР и ее регионов [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age_26.php?reg=39&Submit=OK

самые многочисленные когорты (до 70 лет), то максимальной разница была у 25–29-летних, которым во время Гражданской войны было по 17–23 года. Так, в возрасте 20–24 лет доля женщин составляла 54,2 %, 25–29 лет – 57,3 %, 30–34 лет – 57,1 %, 35–39 лет – 57,2 %, 40–44 лет – 56,4 %, 45–49 лет – 53,9 %, 50–54 лет – 55,6 %, в возрасте 55–59 лет – 55,1 %. Поскольку в 1926 г. те, кому было 25–29 лет, как правило, в Первой мировой войне участия не принимали, можно предположить, что больше жителей области пострадало на фронтах именно Гражданской войны.

На половозрастной пирамиде хорошо заметны «провалы» в некоторых возрастных группах (рис. 1). Так, численность девушек в возрасте 20–24 лет на 18,5 % была меньше, чем в возрасте 15–19 лет, а юношей в тех же возрастных когортах – на 24,7 %. 25–29-летних женщин по сравнению с 20–24-летними оказалось на 13,1 % меньше, мужчин – на 23,4 %. Женщин в возрасте 30–34 лет оказалось меньше на 27,2 %, чем в предыдущей возрастной группе, а мужчин – на 26,5 %. В более старших возрастах (до 65 лет) таких явных «провалов» не было.

Особенно сильно сократилась численность населения ВАО в возрасте 5–9 лет (родились в 1917–1921 гг.), а также (правда, в меньшей степени) – в возрасте 10–14 лет (родились в 1912–1916 гг.). Доля детей в возрасте 5–9 лет в общей численности населения составила 10,0 %, 10–14

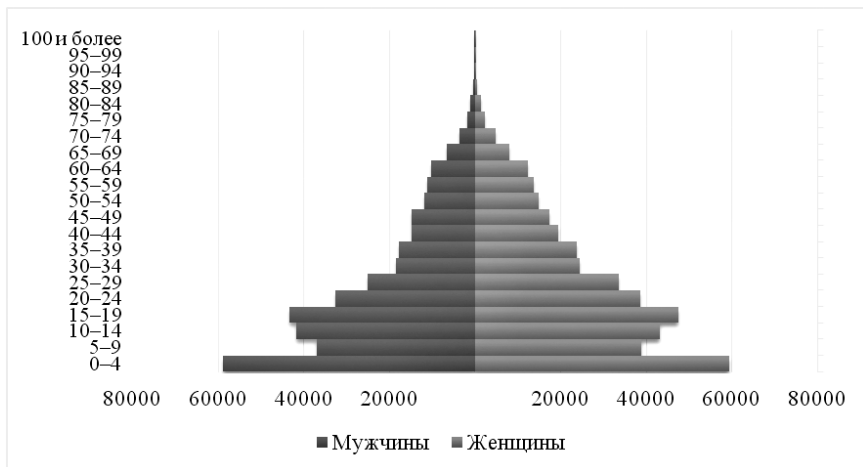

Рис. 1. Население Вотской АО по полу и возрасту, по данным переписи 1926 г., человек

лет – 11,3 %, хотя в возрасте 15–19 лет равнялась 12,0 %, а детей пяти лет было вообще 15,6 %.

Очевидно, что своим появлением данная «демографическая яма» во многом «обязана» повышенной смертности, которая достигла максимума в голодные 1921–1922 гг. В 1920–1921 гг., к примеру, в городских поселениях области наблюдался отрицательный естественный прирост: на 1 тысячу населения рождаемость составляла 44,3 человек, а смертность – 56,0 человек. В сельской местности коэффициент рождаемости составил в тот же период 40,7 ‰, а смертности – 33,8 ‰ (хотя, скорее всего, существовал большой недоучет. – С.У.).

Причиной возникновения «демографической ямы» явилось также резкое сокращение рождаемости. При этом самый большой «провал» пришелся на возраст с 6 до 11 лет включительно (родились в 1915–1920 гг.), в котором особенно выделялась когорта девятилетних (родились в 1917 г.) – их количество было самым незначительным. По переписи 1926 г. в возрасте 12 лет (родились в 1914 г.) в области проживало 20754 человека. В возрасте 11 лет (родились в 1915 г.) имелось всего 13217 человек, что наглядно демонстрирует влияние Первой мировой войны. Возраст 10 лет (родились в 1916 г.) имели 14171 человек, 9-летних было 12406 человек. В возрасте 8 лет (родились в 1918 г.) имелось 17502 человека, 7 лет (родились в 1919 г.) – 15997 человек, 6 лет (родились в 1920 г.) – 13570 человек [8].

Учитывая 9-месячный срок, необходимый для вынашивания, можно сделать вывод о том, что во время Гражданской войны рождаемость резко упала. Она сильно сократилась как в сельской местности, так и особенно в городах. На селе в 1926 г. 9-летних было 11068 человек, 8-летних – 16020 человек, 7-летних – 14890 человек, 6-летних – 12524 человека. В городах их численность равнялась соответственно 1338 человек, 1482 человека, 1107 человек, 1046 человек. Если в деревнях сокращение числа 7-летних, родившихся в 1919 г., по сравнению с 8-летними, родившимися в 1918 г., составило 7,1 %, то в городских поселениях – 25,3 %.

Когорты детей 5 лет и младше, родившихся в 1921 г. и после, были уже гораздо многочисленнее: 5 лет – 16368 человек, 4 года – 16695 человек, 3 года – 22302 человека, 2 года – 22863 человека, 1 год – 24869 человек, до года – 31504 человека [8]. Повышение числа детей в возрасте до шести лет говорило о компенсационном росте рождаемости после окончания Первой мировой войны и Гражданской войны.

Конечно, перепись 1926 г. не дает прямого ответа на вопрос о людских потерях, понесенных в результате Гражданской войны, поскольку вычленив их из общих потерь крайне сложно. Но ее материалы говорят, во-первых, о том, что она нанесла большой демографический урон, нежели Первая мировая война, а во-вторых, что и в городах, и в сельской местности он был очень значительный.

Список источников и литературы

1. Бехтерев С.Л. Эсеро-максималистское движение в Удмуртии. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 192 с.
2. Дмитриев П.Н., Куликов К.И. Мятёж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск: Удмуртия, 1992. 389 с.
3. Жилин С.А. От Прикамья до Приморья. Ижевск: КнигоГрад, 2008. 208 с.
4. Ижевско-Воткинское восстание. 1918 / Под ред. В.Ж. Цветкова. М., 2000. 116 с.
5. Коробейников А.В. Ижевские повстанцы и «красный террор». Ижевск: Иднакар, 2013. 180 с.
6. Указатель документов по истории Великой Российской Революции (1917–1922) в Удмуртии за 1917–1977 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://gasur.ru/arch_guide/cdni_guide/155_12.pdf.
7. Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 1082.
8. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Возрастной состав населения РСФСР и ее регионов [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age_26.php?reg=39&Submit=OK

**S.N. Uvarov,
Izhevsk**

TO THE QUESTION OF THE CIVIL WAR IMPACT ON THE DEMOGRAPHIC PROCESSES IN UDMURTIA (ACCORDING TO THE CENSUS OF 1926)

Based on an analysis of the age and sex structure of the population, according to the census of 1926, the article attempts to assess the Civil war impact on the demographic processes that took place in the territory of Udmurtia. The census

showed that women prevailed in all age groups, the biggest difference among the five-year cohorts (up to 70 years old) was at the age of 25–29-year-olds, who were 17–23 years old during the Civil war. Lower birth rates and rising mortality rates led to the formation of a “demographic hole” in groups of 10–14 years old and, especially, 5–9 years old. It is concluded that the Civil war led to more significant demographic losses than the First World war, while in cities and in the countryside it was very significant.

Keywords: the Civil war, Udmurtia, demographic processes, population.

УДК 32

В.В. Фостийчук,
г. Ейск

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И ЦЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматривается взаимосвязь государственной политики памяти и ценностей политической культуры в современной России. Приводятся особенности современной российской политической культуры и преобладающие в ней ценности. Выявляются проблемы реализации государственной политики памяти.

Ключевые слова: государственная политика памяти, историческая политика, политическая культура, политические ценности, современная Россия.

Отдельным направлением государственной политики, по значимости сопоставимым с культурной, экономической, информационной, военной, социальной, молодежной, спортивной, патриотической и другими является политика памяти. Эта дефиниция в научных дискуссиях часто использовалась наряду с понятиями «историческая политика», «мемориальная политика», «политическое присвоение прошлого».

Исследователь А. Дюков под исторической политикой понимает поиск оснований для предъявления политических или экономических претензий, где значимыми инструментами оказываются вымышленные факты, «замалчивание» фактов, сознательная подтасовка интерпретации исторических событий [3].

По мнению автора, А. Миллер и А. Семячко дали более точное определение исторической политики как системы специальных приемов и методов, с помощью которых находящиеся у власти политические группы стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий в качестве доминирующих [6, с. 6], [7]. Политическое присвоение прошлого и мемориальная политика исследователями, как правило, рассматривались идентичными понятиям политики памяти и исторической политики.

Отечественный ученый Д.А. Аникин считает, что «политика памяти представляет собой целенаправленную деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в политическом контексте, посредством различных вербальных (речи политиков, учебники истории) и визуальных (памятники, государственная символика) практик [1, с. 34–38]. Политика памяти – это деятельность широкого спектра институтов, воспроизводящих национальную и/или этническую идентичность [7].

Рассуждая о политике памяти, следует исходить из ее многогранности. Более точно можно ее осмыслить, различая политику памяти как теорию, науку, убеждения (внутреннее содержание политики); как форму, политические установления; как политический процесс, деятельность, динамику.

Государственная политика памяти в современной России должна строиться в единстве этих трех элементов, учитывать уровень и показатели развития политической культуры в стране. Институты, ее осуществляющие, в своей деятельности обязаны мониторить степень понимания членами общества политики и характер их участия в ее реализации, опираться на признанные большинством, объединяющие, а не разъединяющие ценности. К таковым относятся: жизнь отдельного человека, законность и равноправие, справедливость, благосостояние граждан, соблюдение прав человека. Главный субъект политики памяти – государство – должен опираться на негосударственные – различные общественные организации, научное сообщество. Успешная государственная политика возможна во взаимодействии с гражданским обществом и при обязательном анализе и мониторинге состояния политической культуры в стране, ее отдельных компонентов, в частности, политических ценностей и убеждений.

Стоит отметить, что государственная политика памяти в нашей стране проводилась на протяжении многих лет. В условиях идеологического

однообразия она была полностью монополизирована государством. Целенаправленная политика памяти, как одно из важнейших направлений деятельности органов государственной власти и управления, способствовала патриотическому воспитанию, улучшала духовный климат в многонациональной стране и, в целом, обеспечивала стабильность политической системы СССР.

После развала Советского Союза у граждан новой страны происходила переоценка ценностей. На школьных партах и институтских столах появились учебники (учебные пособия) сотен авторов, в соответствии со своими политическими предпочтениями умаляющих одни исторические события и превознося другие. Стоит подчеркнуть, что очень часто советский период подавался авторами в негативных оттенках. Искажались исторические события. Например, в учебнике, вышедшем в начале 2000-х гг., одной из величайших битв Великой Отечественной войны, и в целом Второй мировой войны – Сталинградской битве было уделено несколько абзацев. Одновременно описанию сражения наших союзников – американцев за Гуадалаканал в Тихом океане отводится несколько листов учебника. Несопоставимые по значению и масштабу битвы, но однозначно приоритет отдается так называемому переломному событию в боевых действиях на Тихом океане. Искажение, фальсификация, переписывание истории – все это стало реальностью в истории постсоветской России.

К сожалению, в нашей стране нет глубоко продуманной политики памяти. По мнению автора, она осуществляется формально, эпизодически, носит импульсивный, реактивный и хаотичный характер. На протяжении уже более четверти века в постсоветской России не создано четкой системы, обеспечивающей реализацию политики памяти.

Список памятных дат и событий в жизни страны, который политическая власть использует для легитимизации своих действий, на протяжении постсоветской истории существенно изменился. В процессе реформирования коллективной памяти, коллективного политического сознания в 2005 г. на смену Дню Великой Октябрьской социалистической революции пришел День народного единства. Ранее, во времена президентства Б.Н. Ельцина была предпринята попытка посягнуть на святое – на память о Великой Отечественной войне. Были отменены Парады на Красной площади. Возобновились они только в 1995 г. В 2018 г. политическая элита России продемонстрировала свое отношение к празднику,

который на протяжении многих десятилетий был в нашей стране одним из самых уважаемых. 23 февраля 2018 г. отмечалось 100-летие со дня образования Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Государство осталось в стороне от юбилея, применив к этому событию политику забвения.

В Российской Федерации – демократическом государстве с республиканской формой правления в 2013 г. отмечалось 400-летие дома Романовых. Разве монархические ценности являются преобладающими в нашем обществе? Ни один социологический опрос любого из российских центров изучения общественного мнения не даст такой ответ.

Среди отечественных ученых не сложилось ясного понимания, на каких событиях формировать и развивать историческую память. Следует подчеркнуть, что каждый исследователь обладает собственным видением картины мира, знаниями об истории страны и своим взглядом на те или иные ее события. Он идентифицирует себя с той или иной нацией, религией, социальной группой, имеет свои собственные политические взгляды, предпочтения, ценности, убеждения и, конечно же, свои выводы и рекомендации о проведении политики памяти он, несомненно, будет строить на их базе.

Огромный исторический опыт нашего государства, как и любого другого, должен беспристрастно описываться на основании подлинных, не сфальсифицированных источников.

К сожалению, наша, даже недавняя история, переписывается. Так, если для одних Катынь – это дело рук СССР, то для других – Германии, если для одних генерал Власов – предатель, то для других – патриот, если для одних белогвардейские офицеры и генералы – организаторы белого террора и преступники, то для других – борцы за Россию.

Порой, попытки переписать историю имеют под собою благородные цели – улучшение отношений с той или иной страной, с объединением государств, формирование положительного образа России в глазах мирового сообщества.

Например, с конца 80-х гг. прошлого века в сознание российской общественности внедряется чувство непреходящей «исторической вины» России перед Польшей и ее народом. Российское руководство взяло ответственность за Катынь на себя. При этом подчеркнем, что вина за это преступление лежит не на СССР, а на Германии времен Третьего Рейха [8].

Подобная «беззубость» стала возможной в связи с отсутствием продуманной государственной политики памяти, с бесконтрольностью мно-

гочисленных федеральных органов исполнительной власти, обязанных выработать определенную линию поведения, курс. Они должны строиться, опираясь на мнение большинства общества, на объективные факты истории.

В нашей стране имеется ряд проблем, связанных с формированием и реализацией политики памяти. Они проистекают из наличия абсолютно противоположных взглядов, политических ценностей и убеждений как представителей элиты, так и российского общества. Приходится констатировать, что в современной политической культуре отсутствует базовый консенсус, она по-прежнему конфронтационна и фрагментарна. Среди ее устойчивых особенностей:

- преимущественно подданический тип политической культуры;
- переходный характер, сочетание в ней прямо противоположных ценностей и убеждений;
- низкая управляемость делами государства и общества;
- невысокий уровень поддержки демократических, либеральных ценностей.

Социологические опросы, проводившиеся в нашей стране, подтверждают вышеназванные характеристики и особенности политической культуры современной России. Так, социологические данные иллюстрируют вывод: легитимация власти в общественном мнении сохраняет идеократический смысл. В массовом сознании доминирует патерналистская модель отношений между индивидом, обществом и государством [2, с. 36–84, 297–404]. Проводящиеся более 25 лет реформы усилили незащищенность, следовательно, тягу к государственной опеке, что проявляется в оценке истории страны. Наибольшую популярность получают полководцы-победители, защитники Отечества, осторожные реформаторы. Характерно неприятие в историческом сознании эпох революций, утрат геополитического и экономического влияния [2 с. 36–84, 297–404].

На официальном сайте фонда «Общественное мнение» приводятся данные опроса «Взгляды и ценности молодых» (телефонный опрос 4 тысяч жителей России от 17 до 34 лет включительно, 4 группы по 1 тысяче человек: студенты 17–23 лет, не студенты 17–23 лет, 24–28-летние и 29–34-летние. Статистическая погрешность для каждой группы не превышает 3,8 %, для общей выборки – 1,9 %), проводившегося 15 марта 2017 г. [10]. 28 % респондентов свойственны социалистические убежде-

ния: (среди 17–23-летних не обучающихся в вузах – 35 %), 20 % – либеральные взгляды (в студенческой среде – 33 %), 13 % – консервативные, 2 % – анархистские. Еще 9 % опрошенных назвали другие политические убеждения, а 28 % затруднились с ответом.

5 марта 2017 г. фондом «Общественное мнение» также задавался вопрос «А чем именно патриотизм в России отличается от патриотизма в других странах?». В опросе участвовало 1500 респондентов из 104 населенных пунктов 53 субъектов Российской Федерации. Интервью проводилось по месту жительства. Статистическая погрешность не превышала 3,6 % [9]. Этот открытый вопрос задавался 51 % считающих, что патриотизм в России принципиально отличается от патриотизма в других крупных странах. Только 3 % из их числа ответили, что чтят и помнят нашу историю. На открытый вопрос «Если говорить о ваших знакомых, то в каких поступках, действиях проявляется их патриотизм?» (отвечал 91 % респондентов, у которых есть знакомый – патриот) только лишь один процент ответил, что в сохранении исторической памяти и в участии в памятных мероприятиях. При этом 42 % затруднились ответить на данный вопрос.

Интересны результаты опросов, проведенных этим же фондом в июне 2013 г. и январе 2014 г. Оказалось, чем исторический период дальше от нас во времени, тем он более привлекателен. В рамках этого же опроса четверть его участников считала правильным, чтобы руководство страны напрямую влияло на интерпретации исторических фактов и оценки деятелей в школьном учебнике, 55 % – против этого, а 20 % затруднилось ответить. Причем респонденты старше 60 лет чаще готовы поддерживать такую практику, памятную по советским временам, нежели молодежь: 30 % – за, 46 % – против и 24 % затруднились ответить [4].

Проблемы формирования и реализации государственной политики памяти в современной России привлекают внимание как представителей власти, так и гражданского общества, научного сообщества, средств массовой информации.

Власть предпринимает усилия по поиску образа национальной идентичности, преодолению фрагментарности, конфликтности политической культуры. Так, Указом Президента России № 549 от 15 мая 2009 г. была учреждена Комиссия по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России при Президенте Российской Федерации. Она

осуществляла свою деятельность до начала 2012 г. В задачи комиссии входило обобщение и анализ информации о фальсификации исторических фактов и событий, направленной на умаление международного престижа России, и подготовка соответствующих докладов Президенту. Комиссия должна была разрабатывать стратегию противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий, готовить рекомендации по надлежащему ответу на них и по нейтрализации их возможных негативных последствий. Эта комиссия оказалась нежизнеспособна. Задачи, поставленные перед ней, не были выполнены. Стратегия противодействия попыткам фальсификации истории так и не была подготовлена. Не смогла комиссия обеспечить адекватную реакцию на многочисленные факты фальсификации истории.

Кстати, в период ее деятельности в 2010 г. Президент России Д.А. Медведев и Председатель Правительства В.В. Путин извинились перед Польшей за Катынский расстрел, признали его преступлением сталинского режима. Однако после этих публичных извинений российско-польские отношения не поднялись на более высокий уровень. Польша раз за разом делает выпады в отношении России. В 2010 г. там сразу же появился лозунг: «За Качиньского – смерть русским». В июле 2011 г. Европейский суд признал приемлемым для рассмотрения иски к России по Катыни родственников расстрелянных поляков, требующих значительных денежных компенсаций. Министр иностранных дел Польши в 2015 г. Гжегож Схетына заявил, что Освенцим освобождали украинцы. Президент Польши Бронислав Коморовский в 2015 г. предложил провести парад по случаю 70-летия Победы в Польше, в Гданьске на Вестерплатте. Памятники советским воинам, погибшим в боях за освобождение Польши, стали демонтироваться, разрушаться, перемещаться с мест, на которых они были установлены. Мемориальная война, развязанная этой страной против России, продолжается.

Извинений перед Польшей не должно было быть – эта точка зрения всегда преобладала в нашем обществе. Их результат – те же конфронтационные отношения между двумя странами.

В рамках реализации политики памяти Распоряжением Правительства Российской Федерации № 1561-р от 15 августа 2015 г. утверждена Концепция государственной политики по увековечиванию памяти жертв политических репрессий. К наиболее масштабным из них отнесены:

«– гонения на представителей религиозных конфессий;

– послереволюционная эмиграция наиболее образованной части населения, многолетняя дискриминация тех представителей дореволюционной элиты, кто предпочел остаться в России;

– коллективизация, повлекшая за собой многочисленные жертвы среди высланных и раскулаченных, а также разрушение индивидуально-крестьянского хозяйства, которое было основой экономики страны на протяжении веков;

– связанный с насильственной коллективизацией голод, унесший жизни миллионов людей;

– массовые репрессии, в ходе которых миллионы людей были лишены жизни, стали узниками ГУЛАГа, были лишены имущества и подвергнуты депортации» [5].

В настоящее время, до конца 2019 г., осуществляется второй этап реализации концепции, предусматривающий завершение работ по выполнению наиболее значимых проектов в области увековечения памяти жертв политических репрессий.

В заключение подниму одну из основных проблем, с которой мы столкнемся в недалеком будущем. Если еще совсем недавно главным объектом истории был советский период, то теперь следует понимать, что государственная политика памяти должна охватывать следующий этап – становление демократии в постсоветской России. Появляются новые проблемы, поиск образа национальной идентичности продолжается. Разрешить их возможно только тогда, когда ценности политической культуры в России будут не просто декларироваться в Конституции, законах и других нормативных актах нашей страны, а реализовываться в жизни всех граждан. От слов о государственной политике памяти пора переходить к делам. Она должна воспитывать у граждан России гордость за свой исторический путь, признавать преемственность политических ценностей.

Список источников и литературы

1. Аникин Д.А. Стратегии политики памяти на постимперском пространстве // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 2. С. 34–38.

2. Дубин Б.В. Жить в России на рубеже столетий: Социологические очерки и разработки. М., 2007.

3. Дюков А. Ни одно общество в мире не может обойтись без своей «политики памяти» [Электронный ресурс] // Информационно-аналитическое сообщество «Мировоззрение Русской цивилизации» [сайт]. 18.02.2009. URL:<https://goo.gl/fwr7W8> (дата обращения: 10.06.2018).

4. Кертман Г. Уроки истории в школе. «Чтобы дети знали, что хорошо, а что – правда». Об истории, исторических личностях, учебниках по школьному предмету [Электронный ресурс] // URL: <http://fom.ru/blogs/11510> (дата обращения: 21.06.2018).

5. Концепция государственной политики по увековечиванию памяти жертв политических репрессий. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации №1561-р от 15 августа 2015 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71064538/> (дата обращения: 01.06.2018).

6. Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3. С. 6–23.

7. Семячко А. Политика памяти: как и зачем государства формируют свою историю [Электронный ресурс] // Т&P. URL: <https://special.theoryandpractice.ru/politics-of-memory> (дата обращения: 20.06.2018).

8. Фостийчук В.В., Гавюк М.Н. Катюнь: ложь и правда // История и археология. 2014. № 9 [Электронный ресурс].

9. URL: <http://fom.ru/TSennosti/13261> (дата обращения: 20.06.2018).

10. URL: <http://fom.ru/TSennosti/13288> (дата обращения: 20.06.2018).

V.V. Fostiychuk
Yeisk

MEMORY AND VALUES OF POLITICAL CULTURE STATE POLICY IN MODERN RUSSIA

The article examines the relationship between state policy of memory and political culture values in modern Russia. Attention is drawn to the lack of a thoughtful memory state policy in Russia. Features of modern Russian political culture and prevailing political values are given in the article. The paper reveals the problems and contradictions in the implementation of the memory state policy in modern Russia.

Keywords: state policy of memory, historical policy, political culture, political values, modern Russia.

О МАСШТАБАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВ СРЕДИ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917–1926)

На основе официальных данных Русской Православной Церкви (1910–1915 гг.) и материалов Всесоюзной переписи населения (1926 г.) показано, что с 1917 г. по 1926 г. насильственной смертью погибло не более 2 % всех православных священнослужителей. Эта оценка опровергает расхожее представление о «геноциде священников», якобы проводившемся после Октябрьского восстания. Отдельно рассмотрен вопрос о жертвах изъятия церковных ценностей в 1922–1923 гг. На основе анализа материалов нескольких десятков региональных архивов показано, что в ходе этой кампании по всей стране погибли (в уличных столкновениях, по приговору суда) в общей сложности лишь несколько десятков человек. Данный результат позволяет существенно скорректировать утвердившееся в околоисторической публицистике представление о гибели «многих тысяч» верующих, вставших на защиту святынь.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, гонения, террор, репрессии, изъятие церковных ценностей, духовенство, священнослужители, большевики.

На протяжении последних 30 лет десятки исследователей обращаются к темам красного и белого террора, судеб духовенства Русской Православной Церкви (РПЦ) в советский период. Несмотря на публикацию огромного количества источников, историки все еще не ответили на вопрос о том, сколько представителей православного духовенства погибло в результате чьих бы то ни было насильственных действий в 1917 г. и позднее, в первые месяцы и годы после Октябрьской революции.

Указанная неопределенность вызвана тем, что различные исследователи называют абсолютно не согласующиеся между собою данные относительно количества этих жертв, причем цифры, фигурирующие у разных авторов, могут отличаться в десятки, сотни, а порою и в тысячи раз. Так, известный историк Церкви Д.В. Поспеловский в одной из своих

работ утверждал, что с июня 1918 г. по март 1921 г. погибло не менее 28 архиереев, 102 приходских священников и 154 диаконов [1, с. 324], из чего можно сделать вывод, что количество жертв среди священнослужителей в годы Гражданской войны следует измерять сотнями. Между тем в литературе встречается гораздо более внушительная цифра: будто бы из 360 тысяч священнослужителей, трудившихся в РПЦ перед революцией, к концу 1919 г. в живых осталось всего 40 тысяч [2]. Иными словами, утверждается, что только за первые два года Гражданской войны погибло около 320 тысяч священнослужителей. Заметим, однако, что согласно официальной церковной статистике общее число священнослужителей РПЦ накануне 1917 г. было почти в пять раз меньше – около 70 тысяч человек [3, с. 72–74]. Так что сведения о «сотнях тысяч» священнослужителей, якобы погибших в годы Гражданской войны, являются несомненным вымыслом.

Никакие существующие на сегодняшний день версии численности жертв не подкреплены сколько-нибудь надежными доказательствами. Авторы, затрагивающие вопрос о числе погибших священнослужителей, как правило, высказывают необоснованные суждения: а) либо приводят собственную статистику, не называя источников и не раскрывая методику своих подсчетов; б) либо дают ложные ссылки на труднодоступные или несуществующие источники; в) либо опираются на более ранние работы, которые уже страдают одним из названных недостатков. В результате в информационном пространстве накапливаются и благополучно уживаются самые разные – как неправдоподобно маленькие, так и неправдоподобно большие цифры жертв, которые открывают простор для различных спекуляций.

В плане постановки задачи отметим, что, как известно, православное духовенство делится на три большие группы: *священнослужители* (диаконы, протодиаконы, священники, протоиереи, протопресвитеры, епископы, архиепископы, митрополиты и патриарх), *церковнослужители* (иподиаконья, дьячки, пономари, псаломщики и т.д.) и *собственно монашеские* (черное духовенство, за вычетом епископов, архиепископов, митрополитов и патриарха). Объектом данного исследования являются только священнослужители; именно эта группа в силу своего общественного положения и культурно-образовательного уровня понесла наибольшие жертвы в годы Гражданской войны. Территориальные рамки исследования – области, которые в конце 1926 г. составляли СССР; для

краткости будем именовать это географическое пространство *Территорией*. Наша задача: выяснить, сколько православных священнослужителей погибло насильственной смертью на *Территории* с начала 1917 г. по конец 1926 г.

В одной из предыдущих работ [3, с. 71–80] на материале официальной церковной статистики 1910–1915 гг. было показано, что накануне 1917 г. на *Территории* трудилось около 68119 православных священнослужителей. Изучение епархиальных периодических изданий показывает, что перед революцией в их ряды ежегодно вступало примерно 1328 новых членов [3, с. 89]. Соответственно, в течение десяти лет, с 1917 г. по 1926 г., священнослужителями стало не более 13280 человек (говорим «не более», поскольку после 1917 г. привлекательность карьеры священнослужителя в целом уменьшилась). Значит, в 1917–1926 гг. на *Территории* священнослужителями успело побывать не более $68119+13280=81399$ человек.

Часть этих людей к концу 1926 г. «выбыла» из рядов священнослужителей: одни ушли из жизни естественным путем, другие – эмигрировали, третьи – сняли с себя священный сан, а остальные – увы, стали жертвами насилия. Оценим масштабы каждого из этих процессов.

Перепись населения СССР, проводившаяся в конце 1926 г., показала, что в этот момент на указанной *Территории* насчитывалось 58587 православных священнослужителей [3, с. 80–82]. Таким образом, за десять изучаемых лет их число сократилось на $68119-58587=9532$ человека. Если считать, что количество священнослужителей *Территории* уменьшалось в эти годы равномерно, т.е. в среднем на 953 человека в год, можно вычислить, сколько священнослужителей было в начале каждого изучаемого года: в 1917 г. – 68119 человек, в 1918 г. – 67166, в 1919 г. – 66213 и т.д. С учетом того, что до 1917 г. естественная смертность среди священнослужителей составляла 1,95 % в год [3, с. 82–88], можно подсчитать, сколько их уходило из жизни своей смертью в течение каждого изучаемого года: в 1917 г. – не менее 1328 человек, в 1918 г. – не менее 1310, в 1919 г. – не менее 1291 и т.д. Итого за десять лет – не менее 12447 человек (всюду говорим «не менее», поскольку в первые революционные годы естественная смертность среди всех слоев населения была в среднем выше, чем до революции). Кроме того, по оценкам современных историков, в годы Гражданской войны с *Территории* эмигрировало около 2 тысяч священнослужителей (оценка М.В. Шкаровского).

Наконец, примерно 10 % от дореволюционного числа священнослужителей *Территории* (т.е. $68119 \times 10\% = 6812$ человек) с 1917 г. по 1926 г. сняли с себя священный сан [3, с. 14–19].

Таким образом, с 1917 г. по 1926 г. на *Территории* священнослужителями успело побывать не более 81399 человек. Из них к концу 1926 г. в РПЦ осталось 58587 человек. Об остальных священнослужителях (их было не более $81399 - 58587 = 22812$ человек) мы знаем, что они «выбывали» из церковного круга *Территории* четырьмя путями: в результате естественной смертности (не менее 12447 человек), эмиграции (около 2 тысяч человек), снятия сана (около 6812 человек) и насильственной смерти. Отсюда следует, что с 1917 г. по 1926 г. насильственной смертью погибло не более $22812 - 12447 - 2000 - 6812 = 1553$ священнослужителей РПЦ.

Округляя полученную цифру, можно утверждать, что, согласно имеющимся на сегодняшний день данным и оценкам, с начала 1917 г. по конец 1926 г. в границах СССР 1926 г. насильственной смертью погибло *менее 1600* православных священнослужителей. Подчеркнем, что это всего лишь верхняя планка. Реальное число жертв, скорее всего, значительно меньше 1600 человек, но вот насколько – сказать сложно.

Анализируя полученный результат, выясним, какой *процент* православных священнослужителей погиб насильственной смертью в изучаемый период? Для этого еще раз вспомним, что естественно умерших, эмигрировавших и снявших с себя сан в общей сложности насчитывалось не менее $12447 + 2000 + 6812 = 21259$ человек. Поскольку к концу 1926 г. в стране было 58587 священнослужителей, то всего с 1917 г. по 1926 г. в рядах священнослужителей побывало не менее $58587 + 21259 = 79846$ человек. Значит, если говорить о всех побывавших в статусе священнослужителя на *Территории* в изучаемое десятилетие, то их количество будет заключено между 79846 и 81399. Каким бы оно ни было, число погибших священнослужителей (не более 1553 человека) составляет заведомо меньше 2 % от него.

Сравним полученные данные с таковыми РПЦ. С начала 1990-х гг. Православный Свято-Тихоновский богословский институт (ныне – Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва) активно собирает сведения о притеснявшихся в первые десятилетия советской власти людях, так или иначе связанных с РПЦ. Все они заню-

сятся в специально организованную электронную Базу новомучеников и исповедников «За Христа пострадавшие» [4]. В результате 25 лет интенсивных поисков по самым разным источникам, в т.ч. по огромному количеству (более 70) государственных архивов практически во всех регионах России и даже некоторых стран СНГ [5, с. 22–23] при участии более 1 тысячи человек собран обширный материал. На сегодняшний день это самая полная база такого рода. И что же выяснилось? В настоящий момент она содержит сведения о 848 священнослужителях, погибших в период с 1917 г. по 1926 г. [6]. Таким образом, наши оценки полностью согласуются с тем конкретным, пусть и не всегда точным, биографическим материалом, которым сегодня располагают церковные исследователи.

Как это ни странно, обнародованных российскими архивами цифр по данному поводу очень немного. Во-первых, в 2000 г. был опубликован уникальный документ из Центрального архива ФСБ, составленный в 1922 г. сотрудниками ВЧК [7, с. 40], [8, с. 86]. Это карта европейской части России, на которой регионы (по-видимому, губернии в их тогдашних границах) раскрашены различными цветами – в зависимости от того, сколько «лиц духовного звания» было в них расстреляно по постановлениям губернских ЧК в 1918 г. Наиболее впечатляющие цифры по четырем губерниям – Петроградской (550 человек), Пермской (101 человек), Калужской (78 человек) и Казанской (20 человек). В остальных регионах жертв значительно меньше: в четырех регионах – от 6 до 12 человек, в пяти областях – от 2 до 5 человек. Еще около 20 регионов окрашены цветами, которые соответствуют категориям: «1 случай расстрела», «нетрасстрелов», «сведения неточ...» (на иллюстрации окончание слова не читается), «нет сведений», «уничтожен архив». В общей сложности получается от 800 до 850 человек. Во-вторых, в литературе, опять же со ссылкой на архивы ВЧК, приводятся такие цифры: в 1918 г. – 827 расстрелянных священнослужителей, в 1919 г. – 19 [9, с. 15]. Итого – 846 человек. Похоже, это единственные официальные цифры жертв среди духовенства в период с 1917 г. по 1926 г., когда-либо публиковавшиеся исследователями. Специалистам-историкам подобные «голые» данные мало о чем говорят, поскольку они вызывают массу уточняющих вопросов.

Никаких официальных цифр, касающихся 1917 г. и 1920–1926 гг., мы нигде не встречали. Впрочем, это не слишком большая проблема.

Мы можем обратиться к данным Базы новомучеников «За Христа пострадавшие»; они свидетельствуют о том, что на 1918–1919 гг. пришлось около 80 % всех случаев гибели священнослужителей, имевших место с 1917 г. по 1926 г. [3, с. 90], [10]. Считая, что число 850, которое соотносится с официальной советской статистикой, составляет эти самые 80 % от искомой величины, получаем примерно 1063 погибших священнослужителей за весь период с 1917 г. по 1926 г. Таким образом, оценки, основанные на опубликованных архивных данных, тоже полностью согласуются с нашими выводами.

Говоря о первом послереволюционном десятилетии, нельзя обойти стороной еще один драматический эпизод – отчуждение церковных ценностей. В 1922 г. большевики принимают решение об изъятии из церквей золота, серебра и драгоценных камней. Реакция на него была различной. Где-то население отнеслось с пониманием, и изъятие проходило спокойно, порою при активной поддержке верующих и духовенства; где-то оказывалось противодействие: ценности прятались, инсценировались ложные ограбления, возникали стычки с представителями власти, в результате которых были раненые и даже погибшие. Там, где было оказано сопротивление, впоследствии прошли суды над зачинщиками и подозреваемыми. Часть осужденных была приговорена к расстрелу.

Один из современников описываемых событий К. Криптон вспоминал, что в результате кампании к лету 1923 г. по всей стране были расстреляны *десятки* священнослужителей и простых верующих [11, с. 228]. В литературе более позднего периода традиционным стало утверждение, будто процесс изъятия привел к огромному количеству кровавых столкновений верующих с властями по всей стране и многим тысячам погибших в стычках и казненных. Из книги в книгу кочуют сведения работавшего в эмиграции священника М.А. Польского (1891–1960) о том, что в результате таких эксцессов, а также по решению последовавших за ними судов в 1922 г. якобы погибло или было расстреляно в общей сложности 8100 человек, из которых 2691 – белое духовенство, 1962 – монашествующие, 3447 – монахини и послушницы [12, с. 214]. Он же утверждает о том, что в 1922 г. «расстреляно было до десяти тысяч верующих» [12, с. 101]. Именно эти оценки – «8100 человек», «более 8 тысяч человек» и «около 10 000 человек» – чаще всего называются в литературе [13, с. 314], [14, с. 204], [15, с. 105], [16, с. 106], [17, с. 35, 238–239], [18, с. 95], причем их многократное повторение самими раз-

ными авторами производит впечатление общепризнанного и надежно установленного факта. Однако о том, откуда взялась эта статистика и как производился подсчет, ни М.А. Польский, ни более поздние исследователи не сообщают. Не смогли ответить на этот вопрос и представители Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (США, шт. Нью-Йорк), где хранится архив М.А. Польского [19].

Наряду с данными К. Криптона и М.А. Польского в литературе встречаются и другие версии численности жертв, вплоть до 140 тысяч погибших [20, с. 98]. Однако последовательное «прохождение» по ссылкам во всех известных нам случаях приводит к работам, в которых не упоминаются ни источники, ни методика подсчета.

Таким образом, существующие в литературе оценки колеблются от *десятков* до *сотен тысяч* погибших. При таком гигантском разбросе никакая цифра, не подкрепленная хоть сколько-нибудь надежным источником, не может восприниматься всерьез. К тому же усомниться в «многотысячных» статистиках заставляет то обстоятельство, что авторы, пишущие о кампании 1922 г., наиболее резонансные события традиционно связывают с одним и тем же весьма ограниченным списком городов (Шуя, Смоленск, Петроград, Москва, Старая Русса и некоторые другие), где, как показывают исследования, были единичные жертвы. Откуда же в таком случае могли взяться «тысячи»?!

Ответ на вопрос о реальном числе жертв, вызванных изъятием церковных ценностей, следует искать в региональных архивах, где по сей день хранится множество материалов – отчеты местных спецслужб о деталях кампании и сопутствующих мероприятиях, протоколы заседаний соответствующих местных комиссий, переписка с Москвой и т.п. В последние 20–25 лет десятки историков тщательно изучают эти архивные материалы и подробно излагают результаты своих изысканий в диссертационных работах. Кроме собственно архивных документов, диссертанты обращаются к данным центральной и местной периодической печати тех лет, дневникам и мемуарам участников событий, исследованиям церковных авторов. В результате такого комплексного изучения источников, как правило, складывается достаточно ясная картина событий в их регионе. Практически все диссертации подробно рассказывают о настроениях населения на этапах кампании, о подготовке и ходе мероприятий по изъятию ценностей, всевозможных инцидентах и итогах. Если в изучаемом регионе население оказывало сопротивление и над зачинщиками

проходили суды, частым сюжетом исследований являются судебные процессы, приводятся имена и количество осужденных, характер приговоров. Тексты диссертаций доступны любому желающему и в совокупности представляют собой ценный источник информации, позволяющий в первом приближении оценить реальные масштабы кровопролития по стране. К этому источнику мы и обратились.

К настоящему моменту мы познакомились с 41 кандидатской и докторской диссертациями, подготовленными по архивным материалам нескольких десятков регионов и двух городов и защищенными в 1998–2016 гг. И вот что получилось.

1) Не было погибших: Алтай [21, с. 89–118]; Архангельская губерния [22, с. 115–125]; Башкирия (Уфимская губерния, Уфимская епархия, Башкирская АССР) [23, с. 120–142], [24, с. 46–56], [25, с. 140–143]; Брянская губерния [26, с. 96–116]; Владимирская губерния [27, с. 117–128], [28, с. 87–118]; Воронежская губерния [29, с. 150–180]; Дальний Восток (совр. Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Камчатская область и Сахалинская область) [30, с. 88–89, 105–106]; Донская область [31]; Карелия [32, с. 106–117]; Кольский Север (совр. Мурманская область) [33, с. 151–153]; Костромская губерния [27, с. 117–128]; Крым [34, с. 273–283]; Кузбасс (совр. Кемеровская область) [35, с. 76–77, 84–85]; Курский край (Курская губерния) [29, с. 150–180], [36, с. 126–135]; Нижнее Поволжье (Астраханская и Царицынская губернии) [37, с. 20–42]; Орловский край [38, с. 44–50]; Пермская область (епархия) [39, с. 37–56], [40, с. 79–121, 289–290], [41, с. 187–188], [42, с. 84–99]; Псковская губерния [43, с. 82–125]; Самарский регион [44, с. 97–105]; Свердловская область (Екатеринбургская епархия) [40, с. 79–121, 289–290], [42, с. 84–99]; Тверская (Калининская) епархия [45, с. 82–90]; Тобольская епархия [46, с. 87–98]; Тюменская епархия [42, с. 84–99]; Челябинская область (епархия) [40, с. 79–121, 289–290], [42, с. 84–99]; Чувашия [47, с. 153–171], Ярославская губерния [27, с. 117–128]; г. Вологда [48, с. 46–60].

2) Погиб один человек: Ставрополье и Терек [49, с. 64–71, 86–93].

3) Погибло по два человека: Вятская губерния [50, с. 100–116]; Зауралье (регион, прилегающий к восточному склону Урала в бассейне р. Тобол и Обь) [51, с. 108–122]; Юго-Восточная Сибирь (современные Иркутская и Читинская области и Бурятия) [52, с. 60–82].

4) Погибло четыре человека: Петроградская губерния [43, с. 82–125].

5) Погибло по пять человек: Смоленская епархия [53, с. 131–142, 149–152]; Москва [54, с. 39–40].

6) Погибло восемь человек: Иваново-Вознесенская губерния [27, с. 117–128], [27а, с. 132].

7) Разноречивые сведения: Новгородская губерния (епархия), где, согласно разным диссертациям, погибли один [43, с. 82–125] или четыре человека [40, с. 116], [43, с. 95], [55, с. 41–55]; Пензенский край (епархия), где либо не было погибших [56, с. 93–100], либо погибли один [57, с. 69–83] или три человека [58, с. 144–178]; Северная Осетия, где либо не было погибших [59, с. 86–106], либо погиб один человек [60, с. 83–98]; Тамбовская губерния, где либо не было погибших [61, с. 68–87], либо погибло несколько человек [29, с. 150–180].

Итого – около 40 (причем это верхняя планка!) зафиксированных смертельных исходов. Разумеется, приведенная сводка не может считаться полной: вряд ли диссертанты смогли познакомиться со всеми документами и свидетельствами, касающимися изъятия; не все трагические эпизоды отражены в сохранившихся источниках; не по всем регионам написаны соответствующие исследования.

Следует отметить, что наряду с диссертациями в последнее время стали появляться специальные исследования, целиком посвященные изъятию ценностей в конкретных регионах – Донской области [62], Москве [63], Смоленщине [64, с. 68–69]. Все они подтверждают данные, извлеченные нами из диссертаций.

Косвенным подтверждением наших оценок могут послужить сведения упоминавшейся выше информационной Базы новомучеников и исповедников «За Христа пострадавшие». По состоянию на 28.03.2018 г. в Базе данных содержатся сведения о 35780 пострадавших в 1917–1950-х гг., из них в 1922–1923 гг. погибло в общей сложности *63 человека* [10]. Неясно, правда, сколько людей из названного числа погибли в ходе сопротивления изъятию ценностей, а не по каким-либо иным причинам.

Итак, согласно имеющимся на сегодняшний день данным и оценкам, с начала 1917 г. по конец 1926 г. в границах СССР образца 1926 г. насильственной смертью погибло не более 1600 православных священнослужителей, т.е. не более 2 % от всех, кто побывал в этот период таковыми.

Далеко не все погибшие были жертвами красных – красноармейцев или сотрудников ВЧК–ГПУ. Не следует забывать, что в середине 1917 г.,

еще до Октябрьского восстания, имели место кровавые расправы над духовенством со стороны крестьян [65, с. 86]. Кроме того, и в 1917 г., и позже убийства представителей духовенства могли совершать анархисты и обычные уголовники [66, с. 113], [67, с. 394], [68, с. 55]. Известны случаи, когда крестьяне уже в годы Гражданской войны убивали священнослужителей из чувства мести (к примеру, за содействие жестоким казакам), без всякой политической – красной или белой – мотивации и без какого-либо руководства со стороны большевиков [69, с. 31]. По-прежнему малоизвестным остается факт гибели священнослужителей, в т.ч. от рук представителей Белого движения в годы Гражданской войны; около двух десятков такого рода случаев перечисляется в одной из работ [3, с. 26–27].

Данные, собранные РПЦ, свидетельствуют о том, что именно на 1918–1919 гг. – т.е. на наиболее острую фазу Гражданской войны – пришлось подавляющее большинство (около 80 %) всех случаев гибели священнослужителей, имевших место в изучаемое десятилетие. Позже, начиная с 1920 г., число таких жертв резко падает. Так, за первые четыре послевоенных года (1923, 1924, 1925 и 1926) современные церковные исследователи сумели насчитать лишь 33 погибших священнослужителя, причем из них на 1925 г. приходится пять человек, а на 1926 г. – три человека [3, с. 90], [10]. И это на всю страну, в которой трудилось около 60 тысяч православных священнослужителей! Изъятие церковных ценностей, проводившееся уже по завершении Гражданской войны, в 1922–1923 гг., также не привело к массовым расстрелам духовенства: в результате уличных столкновений и по приговору судов по всей стране погибло не более нескольких десятков человек духовенства и мирян.

Список источников и литературы

1. Поспеловский Д. Тоталитаризм и вероисповедание. М., 2003.
2. Крестный путь Церкви в России. 1917–1987. Frankfurt am Main, 1988 (без пагинации).
3. Хмуркин Г.Г. Церковь и революционный террор. Очерки по статистике «гонений» в 1917–1926 гг. М., 2018.
4. Режим доступа: http://martyrs.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/charset/ans
5. За Христа пострадавшие. Гонения на Русскую Православную Церковь 1917–1956. Биографический справочник. Кн. 1 (А). М., 2015.

6. Письмо сотрудника кафедры информатики ПСТГУ В.А. Тищенко – Г.Г. Хмуркину от 19.08.2018 // Эл. архив Г.Г. Хмуркина.
7. Картограмма «О расстрелах в 1918 г. лиц Духовного Звания по постановлениям Губчека. По данным[,] собранным Секретн[ым] Отд[елом] ВЧК на запрос № 21224» // Православие и Российское государство Х–XX века. Историко-документальная выставка. Каталог. [М.], 2000.
8. Журнал Московской Патриархии РПЦ. 2001. № 6.
9. Воробьев Владимир (протоиерей), Кривова Н.А., Романова С.Н., Щелкачев А.В. Предисловие // Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. Гл. ред. протоиерей Владимир Воробьев. М., 2000.
10. Письмо сотрудника кафедры информатики ПСТГУ В.А. Тищенко – Г.Г. Хмуркину от 28.03.2018 // Эл. архив Г.Г. Хмуркина.
11. Криптон К. Защита канонов православия. 1922–1925. По личным наблюдениям, документам и литературным данным // Вестник Русского христианского движения. (Париж – Нью-Йорк – Москва). 1979. № 128.
12. Польский М., протопресвитер (сост.). Новые мученики российские. Первое собрание материалов. Jordanville – N.Y., 1949.
13. Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917–1945. Paris, 1977.
14. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М., 1991.
15. Русак В. Пир сатаны. Русская Православная Церковь в «ленинский» период (1917–1924). London, Canada, 1991.
16. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.
17. Кашеваров А.Н. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). М., 2005.
18. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2010.
19. Письмо администратора библиотеки Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле А. Любимова – Г.Г. Хмуркину от 18.04.2018 // Эл. архив Г.Г. Хмуркина.
20. Бунич И.Л. Полигон Сатаны / Сборник. СПб., 1994.
21. Мезенцев Р.В. Православная Церковь на Алтае в 1917–1940 гг.: дисс. ...канд. ист. наук. Горно-Алтайск, 2003.
22. Михайлов С.В. Государство и церковь: отношения органов власти, религиозных организаций и верующих на Архангельском Севере в 1918–1929 гг.: дисс. ...канд. ист. наук. Архангельск, 1998.

23. Киреева Н.А. Русская Православная Церковь и Советское государство с октября 1917 по 1928 год (на материалах Уфимской губернии – Башкирской АССР): дисс. ...канд. ист. наук. Оренбург, 2009.

24. Абдулов Н.Т. Уфимская епархия в системе государственно-церковных отношений. 1917–1991 гг.: дисс. ...канд. ист. наук. Уфа, 2006.

25. Васильева И.Г. Взаимоотношения Советского государства и религиозных объединений в Башкирии (1917–[19]20-е годы): дисс. ...канд. ист. наук. Уфа, 1998.

26. Захаров В.И. Взаимоотношения местных органов государственной власти и церквей на территории Брянской губернии в 1917–1929 гг.: дисс. ...канд. ист. наук. Брянск, 2012.

27. Майорова Н.С. Государство, церковь, школа и их взаимоотношения в 1917–1929 гг. (на материалах Верхнего Поволжья [Владимирская, Иваново-Вознесенская, Костромская, Ярославская губернии. – Г.Х.]): дисс. ...канд. ист. наук. Кострома, 2000. 27а. Архивы Кремля. В 2-х кн. Кн. 1: Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. М.–Новосибирск, 1997. С. 132.

28. Кутергина Ю.В. Политика советского государства по отношению к Русской православной церкви в 1918–1925 гг. во Владимирской губернии: дисс. ...канд. ист. наук. Владимир, 2008.

29. Емельянов С.Н. Взаимоотношения государственных органов власти и Русской Православной Церкви в Центральном Черноземье [Воронежская, Курская, Тамбовская губ. – Г.Х.] в 1917–1922 гг.: дисс. ...канд. ист. наук. Курск, 2011.

30. Маленков В.В. Государственная политика в области религии на Дальнем Востоке России (1917–1937 гг.): дисс. ...канд. ист. наук. Южно-Сахалинск, 2004.

31. Бирюкова Ю.А. Советская власть и православные общины Дона [Донской области. – Г.Х.] в 1920–1930-х гг.: характер отношений на местах: автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2012.

32. Басова Н.А. Русская Православная Церковь в Карелии в 1918–1941 годах: дисс. ...канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006.

33. Бардилева Ю.П. Государственно-церковные отношения на Кольском Севере [совр. Мурманская область. – Г.Х.] в первой трети XX века: дисс. ...канд. ист. наук. Мурманск, 2000.

34. Катунин Ю.А. Православная церковь и государство: проблема взаимоотношений в 1917–1939 гг. (на материалах Крыма): дисс. ...докт. ист. наук. Симферополь, 2003.

35. Крепицина Е.В. Государственная политика в сфере религии на территории Кузбасса в 1920–1929 гг.: дисс. ...канд. ист. наук. Кемерово, 2006.
36. Бунин А.Ю. Деятельность православного духовенства Курского края в 1905–1929 гг.: дисс. ...канд. ист. наук. Курск, 2005.
37. Сколота Р.В. Государственно-церковные отношения в 1921–1927 годах в Нижнем Поволжье [Астраханская и Царицынская губернии. – Г.Х.]: дисс. ...канд. ист. наук. Астрахань, 2011.
38. Перельгин А.И. Русская Православная Церковь в Орловском крае (1917–1953 гг.): дисс. ...канд. ист. наук. Орел, 2009.
39. Агафонов П.Н. Эволюция государственно-церковных отношений в 1920–1929 гг. (На материале Пермской епархии): дисс. ...канд. ист. наук. Пермь, 2002.
40. Булавин М.В. Взаимоотношения государственной власти и Православной Церкви в России в 1917–1927 гг. (на примере Урала [Пермская область, Свердловская область, Челябинская область. – Г.Х.]): дисс. ...канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000.
41. Вяткин В.В. История Пермской епархии в XIX – начале XXI века: формы и методы церковной деятельности, государственно-церковные отношения: дисс. ...канд. ист. наук. Пермь, 2005.
42. Зорина Н.А. Становление государственно-церковных отношений на Урале [Екатеринбургская, Пермская, Тюменская и Челябинская епархии. – Г.Х.] (1917–1925): дисс. ...канд. ист. наук. М., 2003.
43. Дроздова М.А. Советское государство и церковь в 1917–1927 гг. (по материалам Северо-Запада России [Псковская, Новгородская, Петроградская губернии. – Г.Х.]): дисс. ...канд. ист. наук. Псков, 2009.
44. Подмарицын А.Г. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государственных органов в Самарском регионе (1917–1941 гг.): дисс. ...канд. ист. наук. Самара, 2005.
45. Цыков И.В. Органы управления Тверской (Калининской) епархией и динамика внутрицерковной жизни в 1917 – середине 1930 годов: дисс. ...канд. ист. наук. Тверь, 2013.
46. Дронова В.В. Эволюция государственно-церковных взаимоотношений в 1917 – конце 1930-х гг. (на примере Тобольской епархии): дисс. ...канд. ист. наук. Барнаул, 2011.
47. Козлов Ф.Н. Взаимоотношения государства и Русской Православной Церкви в 1917 – начале 1940-х гг. (по материалам Чувашии): дисс. ...канд. ист. наук. Саранск, 2009.

48. Спасенкова И.В. Православная традиция русского города в 1917–1930-е гг. (на материалах Вологды): дисс. ...канд. ист. наук. Вологда, 1999.

49. Пантюхин А.М. Обновленческое движение Русской православной церкви в 20–40-е гг. XX в. (на материалах Ставрополя и Терека): дисс. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2013.

50. Поляков А.Г. Церковно-государственные отношения в 1917 – середине 1920-х гг. (на материалах Вятской губернии): дисс. ...канд. ист. наук. Киров, 2007.

51. Борисова В.В. Русская православная церковь в условиях трансформационных процессов 1917–1936 гг. (на материалах Зауралья [регион, прилегающий к восточному склону Урала в бассейне рек Тобол и Обь. – Г.Х.]): дисс. ...канд. ист. наук. Нижневартовск, 2012.

52. Паламарчук А.В. Исторический опыт взаимоотношений государства и Церкви в Юго-Восточной Сибири (1920–1930-е гг.): дисс. ...канд. ист. наук. Иркутск, 2002.

53. Каиль М.В. Православная церковь и верующие Смоленской епархии в 1917 – середине 1920-х гг.: эволюция государственно-церковных отношений и внутриконфессиональные процессы: дисс. ...канд. ист. наук. Смоленск, 2011.

54. Чернова Е.Л. Реформаторство в церковной жизни Москвы 1920-х гг.: становление и развитие обновленчества: дисс. ...канд. ист. наук. М., 2014.

55. Хрусталеv М.Ю. Русская Православная Церковь в центре и на периферии в 1918–1930-х годах (на материалах Новгородской епархии): дисс. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2004.

56. Лебедева Д.В. Религия и Церковь в идеологической практике советского государства в 1920-е – 1940-е гг. (по материалам Пензенского края): дисс. ...канд. ист. наук. Саранск, 2012.

57. Малюкова Э.Д. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и Советской власти в 1918–1937 гг. (на примере Пензенского Края): дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2010.

58. Аристова К.Г. Обновленчество в Пензенской епархии в 1917–1923 гг.: Первые уроки Советской власти: дисс. ...канд. ист. наук. Пенза, 2011.

59. Дзевисов А.Т. Советское государство и Православная Церковь в условиях трансформационных процессов 1920–1930-х гг. (на материалах Северной Осетии): дисс. ...канд. ист. наук. Владикавказ, 2013.

60. Горобец А.А. История Русской Православной Церкви в Северной Осетии. 1917–1924 гг.: дисс. ...канд. ист. наук. Владикавказ, 2004.
61. Алленов А.Н. Власть и Церковь в русской провинции в 1917–1927 гг. (На материалах Тамбовской губернии): дисс. ...канд. ист. наук. Тамбов, 2004.
62. Шадрина А.В., Табунщикова Л.В. Изъятие церковных ценностей в Донской области. 1922 год / Сборник документов. Ростов-на-Дону, 2013.
63. Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году / Сборник документов из фонда Реввоенсовета Республики. М., 2006.
64. Каиль М.В. Власть и православные верующие в российской провинции начала 1920-х годов (Голод. Изъятие церковных ценностей. Раскол. Процесс смоленских церковников на Смоленщине.). Смоленск: СмолГУ, 2008.
65. Емелях Л.И. Крестьяне и Церковь накануне Октября. Л., 1976.
66. Пушкарев Б.С. Две России XX века. Обзор истории 1917–1993 / Б.С. Пушкарев, К.М. Александров, С.С. Балмасов, В.Э. Долинин, В.Ж. Цветков, Ю.С. Цурганов, А.Ю. Штамм. М.: Посев, 2008.
67. Никитин А.Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение (1918–1920 гг.): дисс. ...докт. юр. наук. М., 2007.
68. Шубин А.В. Анархистский социальный эксперимент. Украина и Испания 1917–1939 гг. М., 1998.
69. Партизанское движение в Сибири. Т. 1. М.–Л., 1925.

**G.G. Hmurkin,
Moscow**

THE SCALES OF HUMAN VICTIMS AMONG THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH PRIESTS IN THE FIRST YEARS OF THE SOVIET POWER (1917–1926)

Based on the official data of the Orthodox Russian Church (1910–1915) and the materials of the All-Union Population Census (1926), it is shown that between 1917 and 1926 no more than 2 % of all orthodox priests died in consequence of violent death. This assessment refutes the popular idea of the «priests genocide» allegedly held after the October Revolution. The question of the Church values confiscation victims in 1922–1923 is considered separately. Based on the analysis of materials from several regional archives, it is shown that in the course of this campaign only a few dozen people died (in street clashes

and by court verdict) throughout the country. This result allows us to substantially correct the idea of the death of «many thousands» of believers who wanted to protect the Church values.

Keywords: the Russian Orthodox Church, persecution, terror, expropriation of Church values, clergy, priests, Bolsheviks.

УДК 908

С.А. Шевырин,
г. Пермь

МУЗЕЙНЫЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ «УЛИЦА СИБИРСКАЯ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ»

В данной статье рассматривается опыт создания экскурсионного маршрута «Пермь революционная» и построения на этом материале образовательной программы «Школа юного экскурсовода», которая должна познакомить школьников с краеведческим материалом начала XX в., событиями революции в г. Перми и научить их грамотно проводить экскурсии. В ходе реализации этого проекта выяснилось, что учащиеся почти ничего не знают о данном периоде истории родного города. Тем не менее тема и сама работа экскурсовода вызвали интерес у школьников, они с удивлением узнавали, что недалеко от их учебного заведения проходили политических демонстрации, располагался штаб Красной армии и т.д. В результате выполнения проекта они прикоснулись к прошлому края самого непростого времени – революционных перемен, что, несомненно, пробудило у них интерес к истории, краеведению. Экскурсии, проведенные самими учащимися для ровесников и одноклассников, содействуют развитию чувства гражданственности, патриотизма, гордости за свою историю и культуру.

Ключевые слова: экскурсия, революция, памятник, маршрут, туризм.

Мемориальный музей истории политических репрессий «Пермь-36» создан на месте бывшей исправительно-трудовой колонии, возникшей еще в сталинские времена, в 1946 г. Впоследствии, в 1972 г. она приняла первых политических заключенных. Из мордовских лагерей в Пермскую область были переведены наиболее опасные, по мнению властей, инакомыслящие. Именно в это время колония получила название ВС 389/36 или

«Пермь-36». Рядом находились еще две подобные колонии – Пермь-35 и 37. Среди узников пермских политлагерей были авторы и распространители антикоммунистической литературы, участники правозащитных групп, религиозных, национальных и других организаций: Владимир Буковский, Сергей Ковалев, Анатолий Марченко, Юрий Орлов, Василий Стус, Натан Щаранский, Глеб Якунин и другие. В 1980 г. при ИТК ВС 389/36 был создан режимный участок для «особо опасных государственных преступников». Из трех политлагерей, существовавших на то время на территории Пермской области, он был самым жестким – заключенные содержались только в камерах за двойными металлическими дверями. Лагерь «Пермь-36» был закрыт в 1988 г.

Просветительская деятельность музея не ограничивается музеефикацией памятников, строительством выставок и проведением экскурсий на его территории. Наряду с традиционными формами работы музеев впервые организовал и провел обучение школьников по программе «Школа юного экскурсовода». В 2018 г. темой Школы стала Революция 1917 г. Была разработана учебная программа, методическое пособие по экскурсии «Пермь революционная», организованы теоретические и практические занятия, посещения музеев. Для составления учебной программы был заключен договор с Пермским государственным гуманитарно-педагогическим университетом (ПГГПУ). Историки и преподаватели отделения «Туризм» ПГГПУ не только разработали интересную и познавательную программу и новую для города экскурсию, но и провели теоретические и практические занятия по экскурсоведению и краеведению для группы заинтересованных школьников 8–10 классов. Результатом проекта стали самостоятельные экскурсии учащихся для своих одноклассников и родителей.

Экскурсия «Пермь революционная» проходит по главной улице города в то время – Сибирской. Здесь сохранились исторические объекты, связанные с событиями тех лет. Так, в Загородном саду (современный парк им. Горького) еще в 1905 г. состоялась первая политическая демонстрация. В честь этого в парке в советское время установили стелу, которая сейчас находится в забвении. Тут же, напротив стелы установлен памятник Сибирскому тракту – восстановленная колонна Сибирской заставы. Сибирский тракт был важнейшей магистралью России. В народе его называли Великим Сибирским трактом, «государевой дорогой», «великим кандалным путем», «дорогой слез». По нему проехали

тысячи землепроходцев, ученых, путешественников, купцов и, конечно, ссыльных и каторжных. С конца XVIII в. их путь проходил через Пермь. В 1790 г. через город в сибирскую ссылку проследовал А.Н. Радищев, автор знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву», критически отразившего существовавшие в империи порядки. Кроме известных ссыльных по этой дороге проходили тысячи арестантов, каторжан. В XIX в. ежегодно по тракту отправлялось за Урал примерно 18 тысяч арестантов [1]. Среди них были и политические заключенные, в т.ч. в конце XIX – начале XX вв. члены революционных партий. Недалеко от сада и колонны находится здание губернской пересыльной тюрьмы, в которой останавливались многие из них. Пермская этапная тюрьма была построена в 1871 г. за городом на тракте и первоначально называлась «пересыльным замком», позднее преобразованном в Исправительное арестантское отделение. Ближе к городу расположилось здание конвойной роты. Часто, когда не хватало мест для ночлега в губернской тюремной замке, заключенные-этапники ночевали в подвале конвойной команды – каменном мешке без отопления, окон и вентиляции.

О новых органах власти – комитетах общественной безопасности (КОБах), возникших сразу после Февральской революции, рассказывается у здания, которое строилось для Губернской земской управы, ныне – главный корпус Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Временное правительство приняло постановление об организации органов власти на местах. Функции губернаторов передавались комиссарам, но реальными полномочиями обладал КОБ. В его состав избирались учителя, врачи, предприниматели. По решению КОБа были арестованы прежние руководители губернской администрации и жандармского управления. Одновременно образовался Совет рабочих депутатов.

Дом Сергея Павловича Дягилева и бывшее Благородное собрание позволят рассказать о судьбах интеллигенции в годы революции и Гражданской войны. В гостинице при Благородном собрании останавливался высланный в Пермь после Октябрьской революции великий князь Михаил Романов. Михаил Александрович Романов (1878–1918) был отправлен в ссылку в Пермь в марте 1918 г. С 17 по 25 марта Михаил и его спутники содержались под арестом в больнице Пермской губернской тюрьмы и слали телеграммы Бонч-Бруевичу и Луначарскому с жалобами на местные власти. 25 марта пришел ответ от Бонч-Бруевича. В телеграмме

указывалось, что Михаил Романов и его секретарь Джонсон имеют право жить на свободе под надзором. После этого Михаилу и сопровождавшим его лицам выделили помещения для проживания в бывшем доме Благородного собрания, позднее он переехал в Королёвские номера. За несколько дней до смерти он просил власти об еще одном перемещении, на Екатерининскую улицу в дом Тупициных, но ему отказали. В ночь с 12 на 13 июня 1918 г. он был тайно вывезен из гостиницы пермскими большевиками и расстрелян без предъявления обвинения и суда. Место его казни точно не установлено.

Следующим экскурсионным объектом является Дом губернатора. Он был построен в конце XVIII в. и принадлежал чиновнику Прянишникову, а затем приобретен казной. В нем обитали преподаватели мужской гимназии, а в 1841 г. квартировал Александр Дмитриевич Бланк с семьей – дед главного идеолога пролетарской революции В.И. Ленина. До революции в нем проживали, сменяя друг друга, 15 губернаторов. В 1917–1918 гг. здесь находился Пермский городской Совет рабочих и солдатских депутатов.

Возле здания Пермского Дома журналиста проводится знакомство с биографией детского писателя Аркадия Гайдара. Писатель приехал в Пермь в 1925 г. и два года работал в газете «Звезда». Одно из самых известных произведений А. Гайдара – «Сказка о военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове». После победы советской власти детская литература создавала образы новых героев, верных революционным идеалам, но главный смысл сказки – верность долгу, готовность защищать родину и умение держать слово – не устарел и сегодня.

Завершается экскурсия на Театральной площади – в здании театра была провозглашена советская власть. Примыкают к площади дома Смышляева, где располагалась Пермская дума, здание ЧК, гостиница «Королевские номера», из которой был увезен на расстрел Михаил Романов. Время экскурсии – один час.

В течение апреля–мая школьники прослушали лекции по краеведению и истории революции в стране и конкретно в Перми, прошли практические занятия по технике речи и методике проведения экскурсий, побывали в краеведческом музее на тематической экскурсии о революции, в музее «Диорама», посвященном декабрьскому вооруженному восстанию 1905 г. и в музее политических репрессий. В конце мая – начале июня прошла аттестация участников Школы. Каждый из них рассказал

про несколько экскурсионных объектов, при этом оценивались умение руководить и общаться с группой, осуществлять логические переходы между объектами показа, техника речи, внеречевые средства коммуникации. Все школьники продемонстрировали знание материала. Конечно, еще мало практики, и иногда смущение, страх аудитории серьезно мешали ведению экскурсии. Но это преодолевается с приобретением опыта. После аттестации каждый ученик провел одну экскурсию для своих одноклассников или родителей. В итоге всем участникам проекта были вручены сертификаты об окончании «Школы юного экскурсовода».

В результате реализации проекта школьники прикоснулись к истории родного края в самое непростое время – революционных перемен, что, несомненно, пробудило у них интерес к истории, краеведению. При подготовке к проведению экскурсии учащиеся достаточно глубоко изучили историю родного края, узнали его значение в общероссийской и даже мировой истории. Несомненно, что такие знания пробудят у школьников чувство гордости за свой край, свою малую Родину. Кроме того, этот курс может рассматриваться как профориентационный. Он познакомит школьников с такими профессиями, как историк, экскурсовод, гид, научит коммуникативным и исследовательским навыкам.

Список источников и литературы

1. Шевырин С.А. Топография террора. Пермь–СПб.: Издательство «Маматов», 2012. 240 с.

**S.A. Shevyrin,
Perm**

THE MUSEUM EDUCATIONAL PROJECT “SIBERIAN STREET IN THE YEARS OF THE REVOLUTION”

This article describes the experience of creating the tour route “Revolutionary Perm” and holding on that source the educational programme “School of young tour guide”. The program aimed to acquaint students with the local history material of the early XX century, with the events of the revolution in the city of Perm and to teach them to lead competently tours. The project revealed that students know almost nothing about that period of the hometown’s history.

However, the theme of the tour, the work itself and the guide have attracted there interests. Students were surprised to learn that near their schools some political demonstrations, were held the headquarters of the red army were located, etc. In the result of the project, students explored the history of our region in the most difficult time – a time of revolutionary change, which, undoubtedly, has awakened in them an interest in history and local history. Excursions, conducted by students for their peers and classmates, contribute to the development of citizenship sense, patriotism, pride in its history and culture.

Keywords: tour, revolution monument, route, tourism.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

УДК 94(470.42)"1918"

Е.И. Бозорова,
с. Кивать
Кузоватовский район
Ульяновская обл.

СОБЫТИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1918 Г. НА УЛИЦАХ С. КИВАТЬ КУЗОВАТОВСКОГО РАЙОНА УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье освещаются события Гражданской войны 1918 г. в Кузоватовском районе Ульяновской области на основе Церковно-приходской летописи Богородице-Казанской церкви с. Кивать Кузоватовского района настоятеля протоиерея Ираклия Жемчужникова. Используются стихи местного кузоватовского поэта В.П. Ефимова.

Ключевые слова: Гражданская война, 1918 год, с. Кивать, Кузоватовский район, Ульяновская область.

Кузоватовский поэт Василий Петрович Ефимов в своем стихотворении «Сполохи» писал:

«Забыть нельзя те дни былые.
Просторы наши широки.
Здесь в восемнадцатом впервые
Рождались красные полки» [1].

23 февраля традиционно отмечается День защитников Отечества. Связана эта дата с подписанием 28 января 1918 г. главой Советского государства В.И. Лениным Декрета об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), а 11 февраля – Декрета о создании Рабоче-

Крестьянского Красного Флота. Ядром формировавшихся частей и соединений новой армии стали отряды Красной гвардии. Уже в феврале 1918 г. они получили боевое крещение в сражениях с германскими войсками, наступавшими на революционный Петроград. Части молодой Красной армии нанесли ощутимые удары захватчикам под Нарвой и Псковом. По выражению В.П. Ефимова,

«Шумит февраль.
Шумит под Нарвой.
Заносит снегом древний Псков,
И мглу за ближнею заставой
Пронзают острия штыков.
«Вперед!
Вперед!
Назад ни шагу!»
И, вражеский сорвавши план,
Пошли в победную атаку
Полки рабочих и крестьян» [1].

Работа по созданию полков Красной армии велась не только в районе Петрограда, Нарвы и Пскова, а повсюду, в т.ч. и в Симбирской губернии. Сначала формирование шло на добровольных началах, но в условиях увеличивавшихся масштабов вооруженной борьбы с контрреволюцией в мае 1918 г. ВЦИК принял постановление об обязательном наборе в Красную армию.

Между тем белогвардейцы и белочехи наступали. Разгоралась Гражданская война и на территории современного Кузоватовского района. События начального периода войны непосредственно коснулись жителей сел. Поднявший 25 мая 1918 г. мятеж против советской власти Чехословацкий корпус, растянувшийся на железнодорожных коммуникациях от Пензы до Владивостока, также занимал участок от ст. Барыш и далее на восток, включая ст. Налейка, Кузоватово, Безводовка. 10 июля была захвачена Сызрань, 11–12 июля – Балашейка, Рачейка, а также Волынщина, Безводовка, Томылово.

Как следует из краткого исторического очерка Константина Ивановича Новенькова, «в селах района белочехи и белогвардейцы поставили гарнизоны. Так, на разъезде Кузоватово стояли 2 эшелона – 400 человек

с 7 пулеметами, в с. Баевка – 300 человек, в с. Кивать – 30 человек, на ст. Безводовка – 60 человек с двумя тяжелыми орудиями, в с. Дворянское – 150 человек, в с. Лесное Чекалино – кавалерийский отряд. Повсеместно проходили расправы над сторонниками советской власти, проводилась насильственная мобилизация.

В июне 1918 г. в Симбирской губернии началась работа по формированию Первой революционной армии Восточного фронта. Сформированные на ст. Инза в конце июня 1918 г. Пензенская и Инзенская революционные дивизии с ходу включаются в борьбу с белочехами и белогвардейцами» [2, с. 17–67].

За период с августа по сентябрь 1918 г. части Инзенской дивизии при поддержке Пензенской и Самаро-Симбирской Железной дивизий с кровопролитными боями продвинулись до Сызрани, выбивая противника из занятых сел. Важное значение имели железная дорога, по которой с обеих враждующих сторон курсировали бронепоезда, а также ближайшие к ней населенные пункты. В середине августа 1918 г. белогвардейцы ворвались в с. Русская Темрязань со стороны ст. Налейка и завязали бой с находившимся в нем небольшим отрядом инзенцев. Три захваченные в плен красноармейца были расстреляны, еще один ранен во время перестрелки и затем добит противником. После боя жители села похоронили всех четверых на своем кладбище. Долгое время могила была неизвестна. Поисковую работу здесь провели следопыты школы ст. Налейка. Они нашли свидетелей этого события, установили место расстрела и захоронения красноармейцев (руководителем следопытов был учитель истории Константин Алексеевич Москалев). В 1973 г. на братской могиле бойцов и на месте их расстрела были поставлены памятники.

Другим памятником этого периода в Кузоватовском районе является братская могила 76 бойцов в с. Еделево. В начале сентября 1918 г. в его округе на огневых позициях находился легкий артиллерийский дивизион. Белогвардейцы занимали в то время Никольский спиртзавод. В ночь на 8 сентября, перейдя в наступление, они на рассвете неожиданно ворвались в село, перерезав при этом телефонную связь дивизиона с соседними подразделениями. На улицах завязался ожесточенный бой, длившийся около четырех часов. Белогвардейцы были выбиты. В этом бою артиллерийский дивизион и другие подразделения потеряли 76 человек. В их числе смертью храбрых пал комиссар дивизии Владимир

Наумович Граковский. Погибших похоронили в братской могиле на местном кладбище. В 1965 г. на ней был поставлен памятник-обелиск с надписью «Здесь похоронены борцы за Советскую власть, павшие в боях с белогвардейцами в 1918 году». Как образно выразился В.П. Ефимов,

«С тоской трубили журавли.
Несло потери наше войско:
Нарвавшись на чужой заслон,
Пал под Еделевои Граковский
И весь его дивизион» [1].

Все это свидетельства о Гражданской войне в Кузоватовском районе. А вот о событиях этой эпохи в с. Кивати нет никаких официальных сведений, хотя на сельском кладбище тоже имеются две могилы времен Гражданской войны. Об истории грозовых дней 1918 г. на улицах Кивати можно узнать только из Церковно-приходской летописи Богородице-Казанской церкви с. Кивать Кузоватовского района. Начал ее составлять настоятель протоиерей Иракий Жемчужников, умерший 27 марта 1922 г. и похороненный в ограде местного храма. Летопись продолжал вести старший сын батюшки протоиерей Александр Жемчужников. В 1926 г. рукопись была изъята богоборцами, а сам священник расстрелян в 1937 г. и похоронен в Заусиновском овраге за храмом Успения г. Сызрани.

Данная летопись описывает события с 1890 по 1926 гг. На ее страницах авторы-очевидцы жестоких времен свидетельствуют и о жизни Кивати в эпоху Гражданской войны: «Война. Захвативши власть в свои руки, «большевистское правительство» начало усиливать свои войска... С этою армией большевики двинулись по линиям железных дорог от Москвы к востоку. Поддерживая якобы руку крестьян и уничтожая дворянские усадьбы и купеческие предприятия, войска продвигались вперед почти без всякого сопротивления и таким образом добралось и до нашей богоспасаемой Кивати. Часть войска с начальником явилось в тот момент когда церковный сторож прозвонил 9 часов вечера. Начальник подъехал к сторожке и запретил ему производить дальнейший звон. На вопрос сторожа, кто он такой и почему запрещает звон, ответил, что имеет на это право. Об этом сторож доложил мне, но я не придавал этому никакого значения. В эту же ночь около полуночи вступила в село целая рота (250 человек) с оружием, пулеметами, пушками и полевой кухней.

Убийство псаломщика. Против большевиков на ст. «Безводовка» стояла армия «чехов». Когда рота большевиков – красноармейцев явилась в Кивать, около 2-х час. ночи трое из них, назвавшихся чехами, пришли к псаломщику П. Павлову и просили его указать им дорогу в с. Томылово (в 4 в. от ст. Безводовка). На дорогу попросили покормить их, для каковой цели завел их в ближайший омшаник (зимовки для пчел), где его якобы за укрывательство в своем доме чехов, убили выстрелом в висок. Летописец тоже был приговорен красноармейцами за 36-летнюю жизнь якобы кулаческою к расстрелу. Но, верно «Бог не выдаст, так свинья не съест», прежде чем расстрелять меня, они почти поголовно опросили прихожан, действительно ли я обижаю их, и когда это не подтвердилось, оставили в покое...

Сражение в Кивати. 16 и 17 августа 1918 г. прошли спокойно. А 18-го здесь пролетел аэроплан около 8-ми часов утра. Чей это был аэроплан – красноармейский, или чешский – никто из нас определить не мог. Не определил его, наверное, и красноармейский наблюдатель... Но только около 2-х часов пополудни сделалась тревога; солдаты стали готовиться к бою; на вопросы к ним обрацаемые они отвечали: чехи наступают, прячьтесь в погребах, а у кого есть в кладовые.

Действительно вскоре показались – со стороны Еделева, с горы от Томылова и из-за Чурька Пандо вооруженные солдаты, наступавшие с трех сторон жидкими цепями и чрез каких-нибудь ½ часа начался бой, выразившийся в стрельбе из ружей и нескольких пулеметов. Летописец с семейством на это время скрылся в своем саду в зимовке для пчел. Стрельба продолжалась не более часа и красноармейцы, как застигнутые врасплох, вынуждены были отступить к Чекалину. По занятии Кивати, чехи ушли обратно в Томылово, а красноармейцы заняли позицию – частию в дуброве и частию в кладбищенском бору. В этом бою убит наповал красноармейский офицер – наблюдатель и ранен один рядовой, добитый до смерти, вступившими чехами уже на улице в самой Кивати. Офицер отпет мною и похоронен на местном кладбище, а солдата кто-то зарыл без отпевания.

Покой Кивати, нарушенный вступлением солдат 16 августа, восстановился лишь тогда, когда войска чехов отступили к Сызрани, а войска красноармейцев заняли Студенец /в 20 верст/. Это было 12 сентября, за сказанное время каждодневно с раннего утра до глубокой ночи раздавались – то оружейные, то пулеметные, а то и артиллерийские выстрелы. А особенно сильная артиллерийская стрельба была с «кургана» на разь-

езд Кузоватово, от каковой сгорел лесопильный завод Владыкиных, весь поселок и часть Госпитальных домов.

До июля месяца епархиальный город Симбирск был в руках «большевиков», а в июле – он был завоеван чехами (числа не знаю) и был в руках их около 6-ти недель (верно не знаю)» [3].

Заканчивается повествование 1918 г. такими словами летописца: «Настроение народных масс. Народ, подстрекаемый большевиками против образованного, интеллигентного и купеческого классов, радовался, что скоро он будет властелином, распорядителем и законодателем на Русской земле» [3]. В.П. Ефимов заключил:

«Под небом сумрачным и низким
Прошла Гражданская война,
И стерло время с обелисков
Героев павших имена.
Могилы заросли травой...
Погибшим – низкий наш поклон!
Не кровь ли их была зарею,
Когда звучал вечерний звон?» [1].

Гражданская война – это одна из самых трагичных страниц истории нашего государства, и мы должны всегда помнить об этом, чтобы она не повторилась. Интересен тот факт, что на территории ни села, ни района нет ни одной могилы погибших белогвардейцев. Встает вопрос: белогвардейцы и чехословаки совсем не несли потери или это следствие государственной советской политики?

Список источников и литературы

1. Ефимов В.П., Шапошникова Л.М. Стихи. Край ты мой, родной. Ульяновск, 2003.
2. Новеньков К.И. Селения Кузоватовского района: краткий исторический очерк, написанный историком-исследователем Новеньким Константином Ивановичем для себя и своих потомков... // Кузоватово. История и современность: прошлое и настоящее района в исторических очерках, фотодокументах, воспоминаниях. Ульяновск, 2014. С. 17–67.
3. Летопись Церковно-приходской Богородице-Казанской церкви села Кивать.

**E.I. Bozorova,
Kivat
Kuzovatov district
Ulyanovsk region**

**THE CIVIL WAR EVENTS ON THE STREETS
OF KIVAT AND KUZOVATOV DISTRICT
OF THE ULYANOVSK REGION IN 1918**

The article interprets the 1918 Civil war events in the Kuzovatov district of the Ulyanovsk region on the basis of the Church Parish chronicle of the Mother of God-Kazan church Kivat of Kuzovatov district by dean Heraclius Zhemchuzhnikov. The article uses poems of the local poet V.I. Efimov.

Keywords: the Civil war, 1918, Kivat, the Kuzovatov district, the Ulyanovsk region.

УДК 94(47).084.3

**М.В. Брянцев,
г. Брянск**

**БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВЕСНОЙ–ЛЕТОМ 1918 Г.**

В статье на материалах Государственного архива Брянской области рассматривается сложный и противоречивый процесс становления советской власти в Орловской губернии. Автор констатирует, что монополизация власти большевиками встречала сопротивление не только со стороны политических противников, но и населения. Отмечается, что лишь к лету 1918 г. коммунистам удалось переломить ситуацию в свою пользу. Однако и в этих условиях им приходилось идти на компромиссы с оппонентами.

Ключевые слова: большевики, борьба, диктатура, меньшевики, Орловская губерния, Советы, эсеры.

Советская историографическая традиция с трудом признавала сложность процесса перехода власти к большевикам, как правило, тиражируя представление о «триумфальном шествии советской власти». Прерывание этого триумфа обычно объяснялось началом Гражданской

войны и интервенции. Однако более пристальное внимание к событиям весны–осени 1918 г. указывает на иные причины этого явления. Речь должна вестись о политике большевиков в отношении своих союзников в лице социалистов, с которыми они не стремились делить власть. Идеологические установки первых замыкались на монопольном владении ею. Думается, что можно согласиться с Д.Б. Павловым, который акцентирует внимание на том, «что однопартийная диктатура исключала не только деятельность, но и возможность самого существования других, даже социалистических партий. Морально большевики были готовы к этому давно: по инициативе В.И. Ленина, «истребительная война» против инакомыслия в их собственных рядах была объявлена и велась еще с 1912 г.» [1, с. 3].

Однако сама жизнь вносила существенные коррективы, заставляя отступать от прямолинейного насаждения единомыслия. Расходясь с социалистами в стратегическом плане, большевики использовали и эсеров, и меньшевиков, и других в тактических целях: для решения непосредственных задач в собственных интересах, по мере выполнения которых, избавлялись от них как попутчиков.

Гонения на социалистов начались сразу же после прихода коммунистов к власти. Под прицел попала периодическая печать, и в результате с лета 1918 г. выход легальных небольшевистских газет и журналов в России фактически прекратился. Вместе с тем уже 4 декабря В.И. Ленин подписал декрет об аресте группы эсеровских и меньшевистских лидеров – И.Г. Церетели, В.М. Чернова, Ф.И. Дана, А.Р. Гоца, М.И. Скобелева и др. [1, с. 21–22, 24]. Весной 1918 г. прошли первые аресты анархистов и максималистов. В апреле ЧК провела операции по разоружению анархистов в Москве и Петрограде.

Аналогичные процессы протекали и на региональном уровне, но здесь, на фоне заметной популярности социалистов среди рабочих и крестьян и отсутствия реальной вооруженной силы у большевиков, их политика монополизации власти не была столь жесткой и последовательной, как в центре. Влияние эсеров, особенно среди крестьян, оказалось столь велико, что местные коммунисты причины своих неудач и даже своей малочисленности видели в засилье социалистов-революционеров. Такие признания со всей очевидностью показывают сложность процесса завоевания ими власти. На местах население, мало сообразуясь с намерениями большевиков, выбирало в советские органы и предста-

вителей иных партий. Сами большевики на первых порах после прихода к власти старались не отталкивать от себя социалистов, используя их знания, силу и авторитет. Многие местные органы управления формировались как коалиционные. Так, на состоявшемся 2 января 1918 г. съезде Советов Трубчевского уезда было принято решение образовать исполком с представительством в нем 18 человек «членов только от левых политических течений» на паритетных началах. Причем председателем исполкома был выбран левый эсер Черкасов [2, л. 13 об.–14, 30]. Но уже на следующий день Трубчевский уисполком, рассматривая вопрос о предстоящем съезде Советов, принял постановление, лишавшее право участия в его работе представителей «соглашательских, предательских партий», к которым были отнесены все те, кто не поддерживал большевиков. Среди трубчевских коммунистов стали раздаваться голоса о том, что как президиум съезда, так и исполком должны состоять из коммунистов и им сочувствующих [3, л. 7 об.].

Таким образом, и на местах большевики старались монополизировать власть уже в первые месяцы 1918 г. Здесь уместно вспомнить, что еще в марте 1917 г. в письме к А.В. Луначарскому В.И. Ленин писал: «Самостоятельность и способность нашей партии, *никакого сближения с другими партиями* – для меня ультимативны. Без этого помогать пролетариату идти через *демократический* переворот к *коммуне* нельзя, а другим целям я служить не стал бы» [4, с. 411]. Однако выстраивать новую власть большевики не могли, опираясь только на собственные силы. Влияние иных партий в провинции заставляло искать определенные компромиссы. Только в рабочем поселке Бежица в первой половине 1917 г. меньшевики объединяли до 500, эсеры – до 100, анархисты – около 200 человек. Меньшевицкая организация в г. Клинцы насчитывала почти 1 тысячу, в г. Почепе – 300 человек. В г. Карачеве организация эсеров объединяла 500, меньшевиков – 150 человек. В Брянске имелись организации меньшевиков и бундовцев. Ячейки мелкобуржуазных партий действовали также в Мглине, Новозыбкове, Севске, Стародубе, Сураже, Трубчевске [5, с. 52]. Несомненно, их представители оказывали влияние на массы, занимая лидирующие позиции в местных органах управления.

После прихода большевиков к власти некоторое время им приходилось мириться с наличием попутчиков в силу того, что в местных органах они не обладали преимуществом. Данные о выборах в уездные

Советы показывают, что в марте 1918 г. большевики имели 65 % мест, а левые эсеры – 18 %; к лету коммунисты потеряли 10–15 % мест, а левые эсеры приобрели голоса, в два – три раза возросло число беспартийных депутатов [6, с. 137]. Однако в Орловской губернии положение большевиков в органах власти было менее устойчивым. Так, в Дмитровском уисполкоме в апреле 1918 г. образовались фракции беспартийных (10), эсеров (6), левых эсеров (3), большевиков (7) и им сочувствующих (9) [7, л. 37]. Не менее пестрым оставался состав этого уисполкома и в результате реорганизации его Чрезвычайным уездным съездом, проходившим с 18 по 20 мая 1918 г. В состав исполкома было избрано 15 человек: три большевика и два беспартийных, симпатизировавших большевикам, один максималист, два левых эсера и два им сочувствующих, один левый эсер-интернационалист, четверо беспартийных [7, л. 1]. Во всяком случае, в этом исполкоме коммунисты не имели большинства даже в конце мая 1918 г.

Не был большевистским и совет крупнейшего промышленного центра Орловской губернии – Бежицы, где преобладали эсеры и меньшевики. 17 января 1918 г. в него вошли шесть эсеров, пять меньшевиков и четыре большевика [8, л. 4]. Однако местным коммунистам, опираясь на поддержку центральных властей, удавалось проводить политику СНК. Так, они реализовали постановление о разгоне земств; попытки сопротивления подобным мероприятиям оказались бессильными. Против этого оппозиционные местные партийные организации ничего не могли поделать и ограничились лишь негативными оценками таких действий.

Анкетирование, проведенное культурно-просветительным отделом Орловского исполкома в апреле 1918 г., показало, что в Трубчевском уезде большевистскими объявила себя только половина волостных советов [9, л. 73 об.–86 об.]. Такое явление не было исключением. В докладе ВЦИК 20 мая 1918 г. Я.М. Свердлов отмечал, что «руководящая роль в волостных советах принадлежит кулацко-буржуазному элементу, который приклеивает тот или иной ярлык, по преимуществу ярлык левых эсеров» [10, с. 90].

Неустойчивое положение коммунистов в местных органах власти заставляло их мириться с наличием представителей других партий. Так, в Брянске при создании Чрезвычайного военно-революционного штаба при Брянском районном совете РКСД в его состав вошли социал-

демократы (меньшевики) и эсеры. На заседании штаба 25 января 1918 г. коллективными усилиями была выработана инструкция Рабочей дружины. Причем принятый проект по своему содержанию свидетельствовал о значительном влиянии идей эсеров и меньшевиков. Обращает на себя внимание тот факт, что рабочие дружины «организуются при беспартийных рабочих организациях (С.Р. Депутатов, фабрик, заводов, комитетов, профессиональных союзах) и находятся в их непосредственном распоряжении и подчинении». Более того, «дружина не должна служить целям какой-либо одной партии, а должна преследовать задачи общие – всему трудовому классу» [11, с. 836], [12, л. 3–3 об.].

Влияние меньшевиков и эсеров в Брянском Совете позволяло им открыто не соглашаться с предлагаемыми большевиками решениями и даже критиковать декреты центральной власти. Так, на заседании 9 марта 1918 г. была принята озвученная меньшевиком Товбиным резолюция, осуждающая подписание Брестского мира. Более того, при выборах на районный съезд советов из 15 делегатов 10 представляли блок меньшевиков и эсеров и всего пять – большевиков. Однако уже в феврале при конструкции Президиума исполкома совета оказалось, что в его состав входят по объединенному списку большевиков и максималистов 11 человек и по списку блока эсеров и меньшевиков – девять. Это позволило провести в президиум три члена от большинства и два от оппозиции [12, л. 5, 9]. Причину победы левых можно видеть в том, что большевики консолидировали свои усилия с максималистами.

Одним из характернейших приемов, применявшихся большевиками в борьбе с оппонентами, было обвинение представителей иных партий в контрреволюционности. Однако в начале 1918 г. коммунисты не обладали монополией на революционность, и их попытки опорочить своих конкурентов не всегда находили понимание среди населения. Так, в марте 1918 г. Дмитровский исполком не согласился с фракцией большевиков в отношении комиссара юстиции И. Кондрашова, обвинявшегося в контрреволюционности. Наоборот, было подчеркнуто значение Кондрашова в организации судебной власти в уезде. Здесь в начале июля во вновь образованную ЧК вошли по два представителя от большевиков и левых эсеров. И в последующее время левые эсеры входили в состав исполкома, а во главе Совнархоза находился эсер, бывший председатель уисполкома Бородин [7, л. 17, 130].

В начале 1918 г. представители партии левых эсеров заняли ряд мест в органах губернского правления: Хохлов стал губпродкомиссаром, Ф.Е. Дыбенко руководил губкомом земледелия. И позднее они находились на важных постах в управлении губернией – финансами заведовал Барский, Бутырский был товарищем председателя СНХ, Голосов – военкомом по политическим делам, Н. Лебединский – комиссаром просвещения и председателем СНХ. В начале 1918 г. губернский совет крестьянских депутатов возглавлял Ф. Дыбенко, а во главе совета рабочих депутатов стал лидер Орловской организации ППС Квапинский. Когда в феврале 1918 г. совет рабочих и Совет крестьянских депутатов объединились, товарищем председателя Орловского совета стал левый эсер В.А. Ковалев [11, с. 286, 808]. Нужно заметить, что подобная картина наблюдалась и в других губерниях страны [13, с. 218].

Весной 1918 г. главным для большинства граждан являлась не партийная принадлежность лица, а его верность советской власти, которая пока еще не ассоциировалась с большевиками и понималась как прямое народовластие. Население, оценивая деловые качества представителей партий, не всегда соглашалось с коммунистами и проводило к власти иных лиц. Эти протестные действия большевистские функционеры на местах часто объясняли «агитацией кулаков», не вдаваясь в истинные причины произошедшего и аннулируя результаты выборов. Так случилось летом 1918 г. при выборе председателя Суземского волостного земельного комитета, когда население избрало меньшевика Ковалева. Волостной совет объявил выборы недействительными под предлогом отсутствия кворума [14, л. 19 об.]. Аналогичным образом поступили коммунисты Карачева при выборах делегатов на областной съезд советов в Москве и на Всероссийский съезд советов. В ходе голосования коммунисты не были избраны делегатами. Тогда их представитель Новиков заявил на заседании исполкома: «ввиду того, что от фракции большевиков не прошло ни одного члена, представитель от таковой, так или иначе на Всероссийский съезд поедет» [15, л. 23].

Однако произвол коммунистов вызывал сопротивление не только со стороны социалистов, но и представителей рабочего класса, от имени которого большевики осуществляли власть. На заседании Брянского совета с протестом против возмутительных действий коммунистов выступила рабочая секция, приняв резолюцию с осуждением советской власти. Кроме того, она не признала нового исполкома, из которого изгонялись

эсеры, меньшевики и им сочувствующие, потребовав от И. Фокина, председателя старого исполкома, допуска в совет всех рабочих делегатов, «к какой бы партии они ни принадлежали». В поддержку этого решения 23 июля состоялся грандиозный митинг на Арсенале (участвовало более 1 тысячи человек), который затянулся допоздна. Как сообщали местные «Известия», «меньшевиков, эсеров и анархистов слушали со вниманием и спокойно, но, как только выступал большевик, ему не давали говорить и с большим трудом ему удалось закончить свою речь». По итогам собрания была принята резолюция, осуждавшая репрессивные меры большевиков и призывавшая их уйти из власти [16].

Эта резолюция подтверждает общее настроение, царившее в лагере оппонентов большевиков. По компетентному мнению составителей сборника документов и материалов о партии левых эсеров, именно в это время на заседаниях ВЦИК представители их фракции обостряли ситуацию, подвергая критике мероприятия коммунистов. Наряду с этим происходило укрепление позиций партии левых эсеров на местах: «В июле динамика роста партийных рядов левых эсеров и тенденция вытеснения большевиков из советов к лету 1918 г. приобретала все более устойчивый характер» [11, с. 24–25]. Этот вывод касается не только эсеров, но и меньшевиков и, вероятно, представителей других оппозиционных партий. Во всяком случае, события в Брянске указывают на то, что популярность коммунистов летом 1918 г. пошла по наклонной, давая возможность усилить свои позиции иным партиям.

Утрата популярности большевиков на местах заставила их обострить конфронтацию и пойти на решительные шаги по удалению своих союзников из власти. Опасаясь усиления оппонентов в преддверии V Всероссийского съезда советов, они провели чрез ВЦИК постановление, согласно которому меньшевики и эсеры (правые и центр) изгонялись из советов всех уровней [17, с. 430–431]. Удаленные 14 июня из состава ВЦИКа, эсеры и меньшевики организовали протестные демонстрации, манифестации и стачки. Ответом стало заявление Наркомата юстиции о том, что революционные трибуналы «не связаны никакими ограничениями» в «выборе мер борьбы с контрреволюцией, саботажем и проч.» [18, с. 536]. На выполнения этого постановления были нацелены органы ВЧК. Тогда же в газетном интервью Ф.Э. Дзержинский сформулировал тезис об «организованном терроре» как главной задаче ВЧК [1, с. 26–27]. Позднее, на собрании партийных работников Москвы

27 ноября 1918 г. В.И. Ленин признавал, что «террор был вызван обостренной гражданской войной. Он был вызван тем, что вся мелкобуржуазная демократия повернула против нас. Они вели с нами войну различными приемами — путем гражданской войны, подкупом, саботажем. Вот такие условия создали необходимость террора. Поэтому раскаиваться в нем, отречься от него мы не должны» [19, с. 214–217].

Июльские события 1918 г. в Москве послужили поводом к тому, что большевики расправились со своими оппонентами – бывшими союзниками по социалистическому лагерю. Однако ситуация на местах вносила свои коррективы, и резолюции центра не всегда выполнялись. Приходилось идти на компромиссы. И это несмотря на сообщение оперативного отдела Наркомата по военным делам 16 июля 1918 г. о том, что в Орловской губернии «настроение населению всюду спокойное. Положение советской власти устойчивое. Отношение к ней населения благоприятное. Лезовсеровская авантюра не встречает у населения сочувствия». И, вместе с тем, сводка отмечала, что «всюду объявлено осадное положение. Население разоружается. Все красноармейские части приведены в полную боевую готовность. Запасов продовольствия в губернии нет» [20, с. 73]. В целом, ситуация на местах была не совсем радужная для большевиков. Влияние их оппонентов не внушало оптимизма. Попытка избавиться от союзников/оппонентов оказалась не вполне удачной.

Список источников и литературы

1. Павлов Д.Б. Большеви́стская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х годов. М., 1999.
2. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 28.
3. ГАБО. Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 100.
4. Ленин В.И. Письмо А.В. Луначарскому // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. М., 1970.
5. Яненко И.Е. Борьба большевиков за победу и упрочение Советской власти на Брянщине (март 1917 – июль 1918 гг.). Тула, 1977.
6. Селунская В.М. Рабочий класс и Октябрь в деревне (Рабочий класс во главе Октябрьской социалистической революции в деревне. Октябрь 1917 – 1918 г.). М., 1968.
7. ГАБО. Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 30.

8. ГАБО. Ф. П-8283. Оп. 1. Д. 42.
9. ГАБО. Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 51. Т. 1.
10. Свердлов Я.М. Избранные статьи и речи. М., 1939.
11. Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917–1925 гг. в 3-х т. Т. 1. Июль 1917 – май 1918. М., 2000.
12. ГАБО. Ф. Р-1616. Оп. 1. Д. 73.
13. Спириин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920 гг.). М., 1968.
14. ГАБО. Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 55.
15. ГАБО. Ф. Р-457. Оп. 2. Д. 33.
16. Известия Бежицкого Совета рабочих депутатов. 1918. 23 июля. № 99.
17. Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, принятое на заседании 14 июня 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 2. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. Постановление стало результатом обсуждения этого вопроса на заседании Президиума ВЦИК 9 июня.
18. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 44.
19. Ленин В.И. Доклад об отношении пролетариата к мелкобуржуазной демократии // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. М., 1969.
20. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы в 4-х т. Т. 1. 1918–1922 гг. М., 2000.

**M.V. Bryantsev,
Bryansk**

STRUGGLE FOR POWER IN THE OREL PROVINCE DURING SPRING – SUMMER 1918

A complex and contradictory process of Soviet power formation in the Orel province is considered on the materials of the State Bryansk region archive. The author notes that the monopolization of power by the Bolsheviks encountered resistance not only from political opponents, but also from the part of the population. It is noted that only by the summer of 1918 the Bolsheviks managed to turn the situation in their favor. However, even in these conditions local Bolsheviks had to make compromises with their opponents.

Keywords: Bolsheviks, struggle, dictatorship, Mensheviks, the Orel province, soviets, socialist-revolutionaries.

**МЕЖДУ БЕЛЫМИ И КРАСНЫМИ:
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ БАШКОРТОСТАНА
В 1917–1920 ГГ.**

В статье представлен анализ некоторых историографических и историко-ведческих аспектов разработки проектов общественно-политического и социально-экономического развития Башкирии в 1917–1920 гг.

Ключевые слова: Башкортостан, российская революция, историография, экономические аспекты политического кризиса, Башкирская АССР, заводы, 1917 г.

В 1917 г. Уфимская и Оренбургская губернии располагались в административно-территориальных границах ряда современных субъектов Российской Федерации, таких как Республика Башкортостан, Оренбургская и Челябинская области, а также включали некоторые юго-восточные районы Республики Татарстан. На территории этого обширного региона имелись железнодорожные и водные коммуникации. Губернии разделялись по хребту Уральских гор с севера на юг, поэтому населенные пункты располагались как в горно-лесной, так и равнинных местностях. Ведущими отраслями хозяйства являлись земледелия и скотоводство, горнозаводская промышленность.

В условиях Российской революции 1917 г. различные политические силы стремились установить контроль над территорией края. Здесь столкнулись интересы как «старой» царской администрации, которая пыталась адаптироваться в новых условиях, так и многих общественных движений в виде партийных, национальных и религиозных объединений. В этом смысле уникальность событий в Башкортостане заключалась в том, что в регионе зародилось несколько направлений политической деятельности. Причины формирования и развертывания каждого из них были разноплановыми и подчинялись как задачам общегосударственного значения, так и разрешению региональных проблем в условиях недееспособности центральной власти.

Советская и современная историография позволяют взглянуть на некоторые существенные стороны развития Башкортостана в 1917–1920 гг. Так, достаточно содержательной в этой связи представляется коллективная монография «Очерки по истории Башкирской АССР», второй том которой подробно описывает политическую ситуацию в крае. Острая борьба за контроль над вновь образованными институтами управления развернулась между большевиками, левыми эсерами и меньшевиками. По словам авторов «Очерков...», началась «травля большевиков со стороны кадетской газеты «Уфимский вестник», возбуждаются судебные дела военными властями Стерлитамака против местных советов за «превышение власти». Большое внимание авторы уделили образованию Башкирского областного бюро в составе С.М. Мрясова, А.Н. Ягафарова, А.З. Валидова, которые до этого участвовали в деятельности мусульманского общественного движения. В монографии отмечено, что члены данного объединения выступали за реализацию федеративного устройства России, в которую могла бы входить и башкирская автономия на принципах буржуазного парламентаризма [1, с. 29, 36]. Консолидация этнической элиты была вызвана необходимостью сохранения полномочий на владение земельными угодьями и решения вопросов духовного развития. Последующие события способствовали дальнейшему укреплению идей создания территориальной автономии.

Не менее интересным в «Очерках...» представляется показ борьбы Уфимского губернского ревкома с левыми эсерами за установление на местах советской власти. Так, уже с 1 ноября 1917 г. вводилась цензура на все выходившие в Уфе печатные издания, в т.ч. и на эсеровские газеты «Уфимская жизнь», «Уфимский вестник». В конце ноября в типографиях губревкома был напечатан текст «Декрета о земле», положивший начало переделу надельных участков сельского населения.

Авторы исследования обратили внимание на факты нарастания экономического кризиса на Урале. Так, к «июлю 1917 г. на Миньярском, Аша-Балашевском, Усть-Катавском заводах скопилось более 140 тысяч пудов железного лома и полуфабрикатов металла», а «на складе завода на ст. Запрудовка более чем на 12 млн. рублей готового продукта и в то же время вывешено на заводе объявление, что за отсутствием наличных денег рабочие будут оплачиваться неполным рублем». При этом отмечено сокращение объемов производства в горнозаводской промышленности Башкирии, что было прямым следствием политического кризиса в стра-

не. Последующее развитие событий показало, что губернский революционный комитет стал устанавливать реальный контроль над ситуацией в Башкирии. Так, 7–12 ноября 1917 г. в направлении Москвы было отправлено со ст. Чишма 248 вагонов с хлебом, со ст. Уфа – 150 вагонов. Эти данные говорят об укреплении советской власти и усилении ее контроля над хозяйственной деятельностью в крае [1, с. 58–59].

В монографии М.Л. Муртазина «Башкирия и башкирские войска в Гражданскую войну» представлены причины отхода части башкирских политиков от общемусульманского движения в июле–августе 1917 г. и создания ими отдельной организации Тюбек-Шуро (Центральный совет). Автор, излагая ход событий октября 1917 г., обратил внимание на то, что «...в Башкирию дошла декларация Совнаркома о праве свободного самоопределения трудящихся масс угнетенных царским правительством национальностей. В связи с этим с 15 ноября 1917 г. Башкирское областное шуро объявило о создании территориальной автономии в крае и послало председателю Совнаркома В.И. Ленину приветственную телеграмму». Однако, продолжил он, «...телеграмма на телеграфе была задержана Оренбургским губернским комиссаром Временного правительства Архангельским». Следует отметить, что М.Л. Муртазин довольно подробно описал последующий ход событий, в т.ч. проведение Всебашкирского съезда, который санкционировал решение Шуро об объявлении автономии. В целом автор указал на противоречивый характер развития политической ситуации в крае на протяжении 1917 г. [2, с. 46–51]. Таким образом, Башкирское правительство предпринимало попытку связаться с российским руководством, однако в силу различных причин этот процесс не получил развития. Лишь в феврале 1919 г. в новых военно-политических условиях региональное руководство перешло к поддержке советской власти. С этого же времени по советскому образцу начали создаваться органы исполнительной власти.

В разделе «Как насаждалась советская власть на местах» своей книги «Новейшая история Башкортостана» Б.Х. Юлдашбаев утверждает, что «триумфальное шествие» советской власти по стране происходило в сложных условиях». Доказательством своих доводов он считает протесты «рабочих советов» на местах и многократные случаи уличных беспорядков в Уфе, когда на стенах домов и заборов появлялись листовки с призывами свергнуть незаконную власть большевистского ревкома.

Крупный конфликт возник при попытке ареста уездным прокурором «большевизированного совета рабочих и солдатских депутатов» в Стерлитамаке и ответной реакции на него со стороны группы военнослужащих. Подобные примеры противоборства с властью большевиков наблюдались в Бирске, Белебее и Белорецке [3, с. 27–29].

Важное значение для исследования проблемы имеет подготовленный Б.Х. Юлдашбаевым сборник документов «Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг)». В нем автор представил богатую источниковую базу по целому ряду направлений деятельности органов власти при создании автономии Башкортостана. Материалы позволяют охарактеризовать сферу интересов различных объединений, неоднозначность этно- и военно-политической обстановки в крае, которая усугубилась в период гражданского противостояния. Делопроизводственная документация разных уровней власти, их переписка и оценка ситуации на местах являются важными свидетельствами усложнения политической системы на Южном Урале, в т.ч. в рамках образованной Башкиркой АССР. В частности, Б.Х. Юлдашбаев показал проблемы создания автономии в интерпретации как башкирского национального движения, так и представителей татарской и русской общественности, руководства белого движения. Не менее интересны документы, иллюстрирующие конкретные мероприятия по организации автономной советской республики и дискуссии вокруг выделения Башкортостана в автономное управление [4, с. 27–29].

Некоторые аспекты образования Башкирской АССР представлены в сборниках документов и материалов «А.А. Валидов – организатор автономии Башкортостана. У истоков федерализма в России (1917–1920)». Содержательными в них являются документы по формированию войсковых частей и учреждений государственного управления в 1919 г. Ключевым источником здесь можно назвать текст «Соглашения Центральной советской власти с Башкирским правительством о советской автономии Башкирии» от 20 марта 1919 г. Оно было подписано, с одной стороны, председателем ВЦИК М.Ф. Владимирским, председателем СНК В.И. Лениным, народным комиссаром по делам национальностей И.В. Сталиным, секретарем ВЦИК А. Енукидзе и, с другой стороны, председателем Башкирского правительства М. Кулаевым, членом Башкирского областного совета М. Халиковым и адъютантом командующего Башкирским войском А. Бикбавовым [5, с. 135–139].

Важное значение для понимания событий 1917–1920 гг. имеет монография С.Ф. Касимова «Автономия Башкортостана: становление национальной государственности башкирского народа (1917–1925 гг.)». Особое внимание автор уделил событиям, относящимся к периоду с января по июнь 1920 г. Для того времени характерен политический кризис, обусловленный взаимодействием органов власти в республике. В исследовании начальная точка отсчета обозначена как «январский конфликт 1920 года» между Башревкомом и представителями центра в Башкирии. Согласно условиям «Соглашения» два представителя центра кооптировались в состав ревкома и должны были взаимодействовать с местными органами власти. Отсутствие конструктивного диалога сторон привело к появлению майского декрета ВЦИК и СНК РСФСР о правовом положении Советской Башкирии и прекращении деятельности первого состава Башкирского ревкома [6, с. 164–186].

В монографии Р.Б. Зайтунова «Деятельность Башкирского военно-революционного комитета» рассмотрен целый ряд аспектов функционирования органов власти в Башкирии. Так, на заседаниях Башревкома периодически заслушивались доклады наркомов о ситуации в государственном управлении. В частности, обращает на себя внимание деятельность НКВД под руководством Т. Имакова, где решались разнообразные проблемы по обеспечению правопорядка. Так, были созданы подотделы военной милиции, организационный, борьбы с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. 3 марта 1919 г. правительство автономной республики приняло постановление об учреждении в числе его подразделений «чрезвычайной следственной комиссии»: «Председателем чрезвычайной следственной комиссии утвердить т. А. Бишева, а помощником – т. Файгеля. Чрезвычайную следственную комиссию считать организацией самостоятельной, подчиняющейся только ревкому». При этом процесс становления БашЧК продолжался и в последующее время; происходили изменения в ее правовом положении относительно Башревкома [7, с. 43].

Таким образом, анализ ряда работ историков показывает динамичность и масштабность общественно-политического развития Башкортостана в 1917–1920 гг. Историографический обзор позволяет обозначить многоаспектность проблемы. Для этого времени было характерно переплетение общероссийского кризиса власти и стремления народов России к получению автономных прав в составе федеративного государства.

Этапы развития событий в период революций и Гражданской войны показали конструктивный диалог между различными социальными и этническими группами населения. Одной из форм взаимодействия государства и регионального сообщества должно было стать создание республики на территории Башкирии.

Список источников и литературы

1. Очерки по истории Башкирской АССР. Т. II. (Советский период) / Под ред. В.П. Иванкова, Р.Г. Кузеева, Х.С. Сайранова, Д.А. Чугаева. Уфа, 1966.
2. Муртазин М.Л. Башкирия и башкирские войска в Гражданскую войну. М., 1927.
3. Юлдашбаев Б.Х. Новейшая история Башкортостана. Уфа: Китап, 1995.
4. Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы: в 4 т. / Авт.-сост. Б.Х. Юлдашбаев. Уфа: Китап, 2002–2007.
5. А.А. Валидов – организатор автономии Башкортостана. У истоков федерализма в России (1917–1920). Документы и материалы. Ч. 2 / Сост. Н.М. Хисматуллина, З.Ю. Бурангулова, З.Г. Гатиятуллин. Уфа: Китап, 2011.
6. Касимов С.Ф. Автономия Башкортостана: становление национальной государственности башкирского народа (1917–1925 гг.). Уфа: Китап, 1997.
7. Зайтунов Р.Б. Деятельность Башкирского военно-революционного комитета. Уфа, 2008.

R.B. Zaitunov,
Ufa

BETWEEN THE WHITES AND THE REDS: MILITARY AND POLITICAL SITUATION IN THE TERRITORY OF BASHKORTOSTAN IN 1917–1920

In the article there are some historiographic and source study aspects in the chronology of the Southern Urals socio-political and socio-economic development during the political system crisis of the Russian state in 1917.

Keywords: Bashkortostan, the Russian revolution, historiography, economic aspects of political crisis, Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic, factories, 1917.

СФРАГИСТИКА ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА АТАМАНА И.Н. КРАСИЛЬНИКОВА

Предпринята попытка на конкретных примерах дать базовое представление о печатях и штампах партизанского отряда особого назначения – Партизанской бригады атамана И.Н. Красильникова на начальных этапах существования формирования.

Ключевые слова: Белая армия, Гражданская война, печати.

За последние годы исследователям удалось существенно продвинуться в освоении вспомогательных к тематике Белого движения исторических дисциплин, таких как бонистика, филателия, вексиллология. Однако сфрагистика, изучающая печати и штампы, а также их оттиски на различных материалах, пока не получила всестороннего широкого освещения. Между тем эта сторона материальной культуры обладает своей оригинальностью и символизмом.

На период Великой войны 1914–1917 гг. свои печати и штампы имели соединения и части от штаба фронта до роты и более мелких подразделений. Кроме того, собственными штемпелями обладали разного рода запасные, учебные, тыловые, медицинские, эвакуационные подразделения и т.д. и т.п. Общее количество печатей только на период Первой мировой войны по некоторым оценкам достигало 15–20 тысяч [1, с. 41]. Отчасти это обстоятельство объясняет сложность классификации и изучения данного исторического источника.

В рамках полка, основной боевой единицы императорской армии, имелся также целый набор печатей и штампов – большая гербовая печать с полным наименованием части, печать для почтовой корреспонденции, личная печать командира полка, адъютанта и других должностных лиц. В плане художественного исполнения, как правило, по краю круглой печати шла надпись, обозначающая часть, а в центре мог ставиться государственный герб, наименование более мелкого подразделения, эмблемы родов войск (для технических частей) и т.д.

В начале Гражданской войны практически каждая едва значимая военная часть, организация, гражданская структура обладала своими

печатами (оттиски, имевшие юридическую силу и удостоверяющие подлинность документа) и штампами (оттиски, не имевшие юридической силы и являвшиеся инструментом упорядочения и упрощения документооборота).

С продолжением войны и созданием штабов вооруженных сил, в т.ч. антибольшевистского лагеря, которые стали издавать приказы, печати и штампы сразу же появились на документах. Не является в этом смысле исключением и партизанский отряд особого назначения есаула И.Н. Красильникова, сформированный в январе–мае 1918 г. Летом того же года он состоял из штаба, пехотной роты, кавалерийского взвода и команд караульной, подрывников, пулеметной. Действовал отряд в июне–августе 1918 г. в составе 1-го Средне-Сибирского корпуса от Омска до Читы, а отдельным подразделением – во 2-м Степном Сибирском корпусе – в Западной Сибири и на Урале.

В течение осени до 2 ноября 1918 г. происходила реорганизация Отряда особого назначения атамана И.Н. Красильникова в Партизанскую бригаду его имени (стрелковый полк, кавалерийский дивизион, пулеметная команда) [2, л. 41]. С января по июнь 1919 г. бригада была задействована на Тасеевском и Нижнеудинском антипартизанских фронтах; 18 июля 1919 г. преобразована в Отдельную егерскую бригаду (1-й и 2-й полки, кавалерийский, артиллерийский, инженерный дивизионы) [3, л. 507]. В сентябре 1919 г., будучи переброшена на основной фронт на р. Тобол против Красной армии, бригада понесла большие потери и после Великого Сибирского Ледяного похода зимы 1919–1920 гг. прекратила существование как отдельное соединение.

На данный момент пока остается неизвестной точная дата и приказ, которым были установлены печати отряда (если таковой вообще сохранился), однако они появляются в документообороте части не позднее середины июля 1918 г. Очень условно можно разделить печати красильниковцев (по крайней мере, в 1918 г.) на два типа (в общем и целом они соответствовали дореволюционным образцам по компоновке) – с государственным гербом в центре, окруженным по краю печати наименованием подразделения, либо с гербом, заключенным в дополнительный круг, за которым следовала надпись по абрису печати. Иногда в центре печати в две–три строки указывалось наименование части, а по краю шло наименование более крупного соединения, в которое входило формирование. Данный тип печатей использовался в армии Верховного Пра-

вителя А.В. Колчака, но в частях атамана И.Н. Красильникова он пока не отмечен.

Центральным символом печати был, как правило, государственный герб, однако нередко использовались и иные символы – «адамова голова», свастика, полумесяц, изображение Св. Георгия Победоносца, поражающего змия (в различных вариациях). В отряде атамана И.Н. Красильникова отмечен так называемый «билибинский» (или гербовый образца 1917 г.) двуглавый орел без корон над головами, скипетра и державы в лапах и щита с изображением Св. Георгия Победоносца на груди. Подобный знак появился еще при Временном правительстве. Будучи утвержденным 21 марта 1917 г., он использовался в качестве символики новой «демократической России» на печати правительства А.Ф. Керенского и денежных знаках власти в качестве временного государственного герба. Официально он просуществовал до 10 июля 1918 г., но фактически применялся и позднее (на печатях и даже знаменах различных воюющих сторон). Художественно исполнил его знаменитый русский художник-оформитель И.Я. Билибин. Подобный орел на печатях встречался также в ряде других вооруженных формирований на востоке страны, например, у некоторых номерных полков Российской армии Верховного Правителя (3-го Барнаульского, 25-го Тобольского, 58-го Акмолинского Сибирских стрелковых, конного дивизиона 12-й Уральской стрелковой дивизии и т.д.).

Примечательно, что несмотря на показной «монархизм», орел в символике отряда И.Н. Красильникова был вполне «демократическим», образца 1917 г. – без корон и атрибутов власти, в отличие, например, от Азиатской конной дивизии генерала барона Р.Ф. Унгерна, где орел на некоторых печатях был «романовским» (с коронами и символами власти в лапах).

В качестве примера подобной печати партизанского отряда рассмотрим несколько разновидностей. Очевидно, главной его печатью являлся штампель круглой формы диаметром около 35 мм. В центр, в круг диаметром около 22 мм вписан гербовый орел образца 1917 г. без корон, щитка с изображением Св. Георгия Победоносца и символов власти. Между кругом с гербом и краем печати крупными буквами шла надпись: «*Отрядъ особаго назначенія имени Есаула Красильникова*». Между началом и окончанием надписи располагались три шестиконечные звезды в виде треугольника. Такая печать стоит, например, на документе, датированном 4 декабря 1918 г. [4, л. 171 об.].

Другой разновидностью была печать команды пополнения конного дивизиона бригады, датированная 28 декабря 1918 г. [4, л. 270]. В центре круглого штемпеля диаметром также около 35 мм располагался гербовый орел образца 1917 г., стилистически незначительно отличавшийся от описанного выше (форма голов и крыльев, отсутствие прорисовки деталей оперения и т.д.), в целом выполненный более грубо. Орел не был заключен в отдельный круг, а по абрису шла надпись печатным шрифтом без выделения заглавных букв. Над головами орла по центру размещалась шестиконечная звезда, от которой слева начиналась надпись заглавными буквами, огибавшая печать: «КОМАНДА ПОПОЛНЕНИЯ ОТД. КОННАГО ДИВИЗИОНА ИМЕНИ ЕСАУЛА КРАСИЛЬНИКОВА».

Как и во время Великой войны, в период гражданского противостояния печати использовались не только для ведения канцелярского документооборота внутри части и взаимодействия ее с вышестоящими структурами, но и для маркировки служебной и личной корреспонденции офицеров и нижних чинов. Так, на сохранившемся личном письме солдата Отдельного кадрового батальона особого назначения имени есаула Красильникова, стоявшего в Омске, родным, датированном маем 1919 г., отмечена печать круглой формы [5, л. 7]. По ее краю вкруговую шла надпись, однако разобрать ее, кроме последнего слова «...кадра», к сожалению, с сохранившегося оттиска не удалось. Возможно, удастся найти ее оттиск на каких-то иных документах части.

Помимо печатей, ставившихся в конце документа и удостоверявших его подлинность, на документах отряда-бригады использовались и штампы прямоугольной формы, как правило, в начале документа для упорядочения делопроизводства. На них обозначено название части и в специальных полях проставлены дата и номер приказа/распоряжения. Среди доступных оттисков также известны разновидности.

На штампе приказа № 747 от 17 июля 1918 г. [6, л. 3] надпись размещена в четыре строки, причем каждая выполнена оригинальным шрифтом: «ОТРЯД/ОСОБАГО НАЗНАЧЕНИЯ/ЕСАУЛА/КРАСИЛЬНИКОВА». Далее располагалась декоративная виньетка, ниже которой было поле для проставления даты; еще ниже – стилизованное поле, на котором от руки ставили номер приказа.

Штамп, проставленный на приказе № 2097 от 12 ноября 1918 г. [4, л. 20], значительно проще. Он прямоугольной формы, надпись также в

четыре строки: «ОТРЯД/ОСОБАГО НАЗНАЧЕНИЯ/Имени ЕСАУЛА/КРАСИЛЬНИКОВА». Надпись сделана более простым шрифтом двух типов. Ниже – поля для проставления даты и еще ниже – для номера приказа.

Аналогичного типа (более упрощенного начертания) отмечены штампы на ряде других документов отряда-бригады. Оттиски в большинстве случаев сделаны лиловыми (редко – черными) чернилами. В условиях объективных трудностей ведения делопроизводства на некоторых документах зачастую вообще отсутствовали какие-либо печати или штампы. Однако, несомненно, свои печати имели и иные части бригады: 1-й Сибирский атамана Красильникова стрелковый полк и Отдельный конный дивизион.

С большой долей уверенности можно говорить о сохранении подобных печатей и штампов в 1919 г., поскольку даже после изменения формата части осенью 1918 г. (переформирования из отряда в бригаду) и ее переименования по-прежнему продолжали использоваться печати с текстовкой «*Отряд особаго назначения имени есаула* (к тому времени уже произведенного в следующие чины!) *Красильникова*». К тому же подобная практика имела место в других частях (например, в Партизанской дивизии атамана Б.В. Анненкова, на документах которой даже в 1920 г. использовались печати с наименованием «*ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД АТАМАНА АННЕНКОВА*», к тому времени давно перешедший в разряд дивизии, но сохранивший по традиции «историческую» текстовку печати).

Появление новых образцов и соответствующие изменения в текст на штемпелях могли быть внесены с переименованием бригады в Отдельную Егерскую летом 1919 г. и созданием новых подразделений в ее составе, как то: артиллерийский и инженерный дивизионы, егерский батальон, лазарет. Тем не менее, нельзя исключить полностью использование старых печатей с «историческим» названием, учитывая, что в документах 1919 г. часть именовалась нередко на старый манер (как в 1918 г.).

Пока остается загадкой, имели ли право издавать приказы в пешем эскадроне имени атамана И.Н. Красильникова в Приморье в 1921–1922 гг. и если «да», то что собой представлял штемпель части. Также необходимо учитывать, что, к сожалению, подлинники печатей и штампов отряда неизвестны, поэтому трудно говорить об их общих массо-габаритных параметрах и материалах, времени и авторства исполнения. Можно судить о них лишь по сохранившимся оттискам разной степени сохранности.

Список источников и литературы

1. Форафонов О., Флоренский П. Почтовые штемпеля первой мировой войны // Филателия СССР. 1971. № 7.
2. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 40215. Оп. 1. Д. 163.
3. РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 17.
4. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р-1568. Оп. 1. Д. 4.
5. ИАОО. Ф. 1707. Оп. 1. Д. 32.
6. Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 121.

**L.G. Kapustin,
Murom**

SPHRAGISTICS OF ATAMAN I.N. KRASILNIKOV'S PARTISIAN DETACHMENT

It was made an attempt to give a basic idea of the seals and stamps which belonged to the partisan detachment of special purpose – the ataman I.N. Krasilnikov's Partisan brigade at the initial stage of the formation' existence.

Keywords: White army, the Civil war, seals.

УДК 9(С)18

**Л.Н. Лютов,
г. Ульяновск**

СРЕДНЯЯ ВОЛГА. НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В данной публикации обращается внимание на вынужденный характер выступления и действий Чехословацкого корпуса против большевистского режима на Средней Волге совместно с частями Народной армии Комуча. Отмечается особая роль Симбирска в событиях на Волжском (или Восточном) фронте.

Ключевые слова: Гражданская война, Средняя Волга, Чехословацкий корпус, Комуч, Симбирск, освободители от «большевистского ига».

Вооруженное противостояние на Волге, как и в целом по России, возникло в результате внутренней и внешней политики, проводившейся ленинским режимом. Надо было очень постараться, чтобы довести лояльный к новой власти Чехословацкий корпус до выступления против нее. В результате 13 июня 1918 г. возник первый фронт Гражданской войны – Восточный или Чехословацкий (называли красные), Волжский (называли его их противники).

Чехословацкий корпус точно выполнял условия трехстороннего соглашения, подписанного 26 марта 1918 г. в Пензе представителями СНК РСФСР, Чехословацкого национального совета в России и Чехословацкого корпуса. Об этом говорят «удостоверения», которые выдавались эшелонам Корпуса после сдачи оружия в Пензе в конце марта для свободного проезда до Владивостока. В одном из них председатель Пензенского губсовета подтверждал: «Чехо-словацкий эшелон за № 1, 2, 3... на ст. Пенза возвратил Российской Советской Федеративной Республике оружие согласно договора, заключенного Советом Народных Комиссаров и Чехо-словацкими революционными войсками. В эшелоне согласно того же договора для личной безопасности и охраны имущества оставлена одна вооруженная винтовками рота и один пулемет» [1, док. № 7].

На восток Корпус отправился в 63 составах, по 40 вагонов каждый. Первый эшелон вышел 27 марта и месяц спустя прибыл во Владивосток. К маю 1918 г. эшелоны чехословаков растянулись по железной дороге на несколько тысяч километров, от Самары и Екатеринбурга до Владивостока. Наиболее крупные группировки Корпуса находились в районах Пензы–Сызрани–Самары (8 тысяч), Челябинска–Миасса (8,8 тысяч), Новониколаевска–ст. Тайга (4,5 тысячи), во Владивостоке (около 14 тысяч), а также Петропавловска–Кургана–Омска.

Совсем иное демонстрировала другая сторона. Комиссар Чехословацкого корпуса П. Макса уже 30 марта обращался к председателю Пензенского губернского совета комиссаров В. Кураеву «с покорнейшей просьбой» о «содействии для скорейшего продвижения эшелонов» [1], т.к. этому препятствовали перебои с топливом, паровозами, требования местных советов разоружения эшелонов сверх осуществленного в соответствии с пензенским соглашением. Напротив, эшелоны германских и австро-венгерских военнопленных, освобождаемых по Брестскому договору и по мысли большевиков несших революцию на Запад, двигались навстречу чехам и словакам из Сибири под красными флагами, имея все

условия для продвижения (паровозы, вагоны, уголь). В Сибири же и на Урале советская власть оказалась во многом немецкой. Многие военнопленные из здешних лагерей, чтобы не оказаться на фронте, шли на службу к большевикам.

Нередко на станциях между встречными эшелонами возникали ссоры, драки, причем местные власти занимали позицию, враждебную чехам и словакам. Есть мнение, что в начальный период Гражданской войны очень часто русские не участвовали в противостоянии. Велась же она со стороны «белых» – чехами и словаками, со стороны «красных» – венграми и австрийцами. Одно такое крупное столкновение между подданными Австро-Венгерской империей (в Челябинске 14 мая 1918 г.) закончилась арестом местной советской властью чехов и словаков с угрозой расстрела. Чехословацкий эшелон взялся за оружие и силой освободил своих. Л.Д. Троцкий, член ЦК РКП(б), председатель Высшего военного совета, нарком по военным и морским делам воспользовался этим и 25 мая приказал: «Все советы обязаны под страхом суровой ответственности разоружить всех чехословаков. Каждый чехословак, который будет найден вооруженным на линии железной дороги, должен быть расстрелян на месте, каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один вооруженный, должен быть выпущен из вагонов и заключен в лагерь для военнопленных. Местные военные комиссары обязаны немедленно выполнить этот приказ...» [2, с. 86–87, 92, 97]. Выбора после этого у Корпуса не было. Если «первая группа чехо-словаков», прибывшие в Пензу, – по свидетельству коменданта Пензенского совдепа Бромболе, – «сдали оружие безоговорочно», то 28 мая «переговоры о сдаче» закончились «безрезультатно», а «29 мая – мятеж» [1].

Однако и в этих условиях Корпус не собирался вести борьбу с большевистской властью. Это подтверждают действия после начала конфликта. 29 мая, захватив без боя Пензу, командующий западной (Пензенской) группой Корпуса поручик Станислав Чечек двинулся на восток. Делегации местных жителей, уговаривавшей чехов остаться в городе и обещавшей им поддержку (несмотря на то, что 29–30 мая из Симбирска к Пензе и Сызрани двинулись два батальона сводного Симбирского полка красных), он сказал: «Не могу. Это не входит в наши планы. У меня приказ продвигаться вперед, этот приказ я должен выполнить» [2, с. 95]. Делегациям, посланным Сызранским советом, чехословаки также заявили, что во внутреннюю жизнь города они не вмешиваются.

О том же было и в договоре о мирных отношениях, заключенном 30 мая представителями Корпуса с исполкомом Совета Съзрани. С одной стороны, в нем гарантировалось «полное невмешательство во внутренние дела Совдепов» по пути следования чехословацких отрядов до Владивостока, а с другой – зафиксировано, что Съзранский исполком «в предотвращение провокационных слухов... реабилитирует их перед Центральными властями и всеми Совдепами и немедленно возбуждает по телеграфу ходатайство о дальнейшем беспрепятственном продвижении всех чехословацких отрядов вплоть до Владивостока» [1].

Таким образом, вопреки версии официальной советской историографии, в течение первых полутора месяцев средневожская группа Корпуса не пыталась захватить регион, она всеми силами стремилась из него выбраться. Удалось это ему лишь в октябре 1918 г. До этого Корпусу пришлось принять активное участие в событиях на Средней Волге.

А здесь стратегическое значение приобретает Симбирск, и не только в военном плане, но и в решении вопросов продовольственного снабжения. С 1 июня распоряжением военно-революционного штаба Симбирска в городе и губернии «в связи с восстанием чехо-словацких банд» было введено военное положение. Нарком путей сообщений Невский в телеграмме губисполкому от 3 июня требовал «не выполнять никаких просьб и распоряжений чехословаков», вплоть до того, что «устраивать крушения с чехословацкими поездами», «не подвозить никакого продовольствия чехословакам» [1]. Сюда 16 июня переместился ревком во главе с В.В. Куйбышевым. Большевики, бежавшие из-под Самары на пароходах до Мелекесса и Симбирска, начали спешно оборудовать Симбирский укрепрайон. Ими был образован Восточный фронт во главе с назначенным решением Совнаркома 13 июня М.А. Муравьевым. Как известно, его попытку 10–11 июля разрыва Брестского мира, объявления войны Германии, создания Поволжской Советской Республики во главе с левыми эсерами местным большевикам, опираясь на латышских стрелков, отряд интернационалистов, удалось ликвидировать [3, с. 394].

В июле 1918 г. Пензенская группа Корпуса вместе с немногочисленными силами Народной армии Комуча под командованием подполковника В.О. Каппеля начала наступление на Съзрань, Симбирск и Казань. 10 июля под контроль Комуча была возвращена Съзрань. 17 июля ударный сводный русско-чешский отряд под командованием Каппеля (два

батальона пехоты, конный эскадрон, казачья сотня, три батареи) выступила на Симбирск и, совершив 150-километровый марш-бросок, несмотря на грозную телеграмму главкома Восточным фронтом РККА Вацетица от 20 июля 1918 г. «Симбирск оборонять до последней капли крови», 22 июля взяла город. В этот день Каппель был назначен командующим войсками Народной армии, а 24 августа 1918 г. за победу под Симбирском приказом Комуча произведен в полковники [4]. Капитан Степанов, начальник Симбирского отряда, командир 1-го Чешско-словацкого «Яна Гуса» полка своим приказом назначил 23 июля поручика Крузу, командира 1-го батальона того же полка начальником гарнизона, а прапорщика полка Штурзу – комендантом Симбирска. Последнему предписывалось «немедленно водворить полный порядок в городе», а «всех военнопленных центральных держав немедленно собрать в концентрационный лагерь» [1]. 7 августа совместными усилиями Самарского отряда Народной армии Каппеля, ее боевой флотилии, 1-го чехословацкого полка поручика Швеца и сербского отряда майора Благочица [1] была взята и Казань.

Однако изоляционистские настроения у чехов и словаков усиливались. Они все настойчивее стремились на родину, и уход их с Волжского фронта явился одной из главных причин его падения. Война против большевиков не стала для чехов и словаков войной против русских. Для них были понятны и оправданны военные действия против «интернациональных бригад», которые состояли из враждовавших с чехами венгров, австрийцев и немцев из бывших военнопленных австро-венгерской и германской армий. Против них сражались с большим ожесточением, пленных с обеих сторон не брали. В то же время русские – красноармейцы, сдавшиеся в плен, как правило, направлялись на пополнение частей Народной армии Комуча. Многие русские, как отмечают исследователи [5], смотрели на чешские полки как на полки освободителей от «большевистского ига», считали их составной частью белой, российской, но никак не французской армии.

Список источников и литературы

1. Чехословацкий корпус в Поволжье в 1918–1920 годы: документы и материалы / сост. А.Г. Рыбков. Саратов, 2014.
2. Прайсман Л.Г. Чехословацкий корпус в 1918 г. // Вопросы истории. 2012. № 5.
3. Ульяновская–Симбирская энциклопедия. В 2 т. Т. 1. Ульяновск, 2000.

из главных причин этого являлся узко-территориальный характер преобразований, а для их успеха необходимы были инициативы «сверху», расширение регулярного финансирования из центра, жесткая централизация управления отраслями социально-культурного комплекса.

Ключевые слова: здравоохранение, медицина, образование, Екатеринбург, советская власть, революция.

В результате прихода к власти большевиков в октябре 1917 г. в России была создана советская система управления различными сферами общественной жизни, в т.ч. образованием и медициной. Она характеризуется жесткой централизацией в принятии решений и контролем за их выполнением, ведомственным подходом к рассмотрению вопросов, государственным бюджетным финансированием школ и больниц. Формирование советских структур в основном произошло летом – осенью 1918 г., в условиях уже начавшегося ширококомасштабного противостояния «белых» и «красных».

Однако в первые месяцы большевистской власти местные органы пользовались определенной самостоятельностью в управлении социальной сферой, их решения были независимы от центральных ведомств. Это проявлялось в деятельности советских органов в Уральском регионе по руководству медициной и образованием. Тем более, что Урал в исследуемый период был одним из центров общественного противостояния, именно здесь разгоралось пламя Гражданской войны.

Это вызвало интерес у историков: в книге А.А. Кальсиной и Т.Ю. Шестовой исследуется развитие образования и здравоохранения в годы Первой мировой и Гражданской войны [1]. Но на материалах Екатеринбурга данная тема поднимается авторами статьи впервые. Именно Екатеринбург стал в первой половине 1918 г. центром такого обширного административного образования как Уральская область, куда входила также и Пермская губерния.

Руководство медицинскими и просветительскими учреждениями в конце 1917 – начале 1918 гг. осуществлялось органами местного самоуправления – городскими и земскими. Но после Октябрьского переворота советская власть стала вмешиваться в деятельность учреждений социальной сферы. Уже 5 декабря 1917 г. начал действовать медико-санитарный отдел при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов [2, с. 10]; с конца 1917 г. по предложению В.И. Ленина такие

отделы стали создаваться при местных советах [3, с. 36]. Региональные органы советской власти вмешивались и в деятельность образовательных учреждений. В Екатеринбурге Совет рабочих и солдатских депутатов отстранил от должности инспектора торговой школы и назначил на его место большевика Д.А. Киселева [4, с. 231], уволил со службы директора промышленно-художественной школы В.М. Афанасьева как сторонника кадетской партии [5, л. 29].

Однако большинство учителей и медицинских работников, в т.ч. в Екатеринбурге, были сторонниками Всероссийского Учредительного собрания и именно с ним связывали будущее политическое устройство России. Поэтому они решительно выступали против вмешательства советских органов в деятельность учреждений социальной сферы. Об этом свидетельствует, например, организованная по инициативе Уральско-го педагогического союза (профессиональная учительская организация в Екатеринбурге) забастовка школьных преподавателей [4, с. 29]. Уже 13 декабря 1917 г. исполком Екатеринбургского Совета издал декрет, в котором потребовал от учителей приступить к занятиям, в противном случае он признавал их уволенными, лишенными пенсии, ведомственных квартир и т.д. [6]. Лишь после роспуска Учредительного собрания союз прекратил забастовку [7].

8 ноября 1917 г. в СНК был создан Народный комиссариат просвещения. Его возглавил А.В. Луначарский. Однако в январе 1918 г. местные органы Министерства просвещения Временного правительства передавались советам [8, с. 369]. 24 января 1918 г. согласно декрету СНК образовывался Совет врачебных комиссий под председательством А.Н. Винокурова. Объединив медицинские коллегии всех народных комиссариатов, он стал первым координирующим медицинским органом в Республике Советов. Ему подчинялись коллегии для заведования медицинскими делами при различных ведомствах [9, л. 25].

Новым этапом в создании советской системы руководства учреждениями социальной сферы стала ликвидация в марте 1918 г. земского и городского самоуправления. Так, вместо городской управы при Екатеринбургском городском Совете рабочих и солдатских депутатов было создано 11 комиссариатов, в т.ч. по народному образованию (просвещению) и здравоохранению [10]. Формировались их уездные отделы (комиссариаты). Характерно, что руководителями комиссариатов просвещения становились работники образовательных учреждений, не имевшие

высшего образования; для руководства комиссариатами здравоохранения выдвигались фельдшера и советские активисты. Так, екатеринбургские комиссариаты просвещения и здравоохранения возглавляли: окончивший лишь учительскую семинарию учитель словесности Д.А. Киселёв [11] и бывший член городской управы П.П. Краснов [12, л. 3]. Екатеринбургскими уездными комиссариатами руководили: бывший художник местной художественно-промышленной школы А.Н. Парамонов [13, л. 22] и фельдшер В.Л. Горохов [14, л. 1].

После роспуска Учредительного собрания вплоть до принятия первой советской конституции (июль 1918 г.) наблюдалась ситуация, когда советские региональные органы, в т.ч. образования и здравоохранения, имели гораздо большие права и были более самостоятельными в принятии решений, чем вошедшие в систему центрального управления во второй половине 1918 г. местные отделы исполкомов Советов рабочих и солдатских депутатов. Это объясняется тем, что тогда в Советской России законодательно еще не был решен вопрос о том, постановления каких органов – местных или центральных – имеют преимущество. Зачастую в первой половине 1918 г. под влиянием участвующих в советах представителей левых эсеров приоритет отдавался регионам.

В результате весной 1918 г. Россия распалась на ряд самостоятельных советских республик с собственными правительствами [15, с. 67] и органами управления различными сферами социальной жизни. Например, в Москве образовался комиссариат здравоохранения Московской области; в Петрограде после перенесения столицы в Москву – комиссариат здравоохранения при Союзе коммун Северной области; в Калуге – Народный комиссариат врачебно-санитарного дела при СНК Калужской Федеративной республики; в Костроме – отдел народного здоровья губернской муниципальной коллегии при исполкоме Совдепа и т.д. [16, с. 62].

В марте 1918 г. была создана Уральская область, в состав которой вошли Вятская, Пермская, Уфимская и Оренбургская губернии с центром в Екатеринбурге [17]. При Уральском исполкоме совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов стали функционировать народные комиссариаты просвещения и здравоохранения. В силу особенностей складывавшейся в первой половине 1918 г. политической системы проводить мероприятия по развитию социальных отраслей местным органам власти приходилось практически без директивного руководства комис-

сариата народного просвещения РСФСР и Совета врачебных коллегий народных комиссариатов Республики. В телеграмме от 29 марта 1918 г., направленной в СНК РСФСР, комиссар областного здравоохранения Н.А. Сакович объяснял, что «Комиссариат до сих пор не имел связи с центром, ведет работу без какой-либо плановости» и просит в свою очередь телеграфировать в адрес Народного комиссариата здравоохранения для установления контактов. Характерно, что ответ на запрос был получен только 21 июня 1918 г., через три месяца [9, л. 8–15]. В мае 1918 г. комиссары по просвещению Екатеринбурга и Кунгура обратились к руководителю профильного комиссариата Уральской области с письмом, в котором, ссылаясь на отсутствие директив и установок «сверху» о реформировании системы общеобразовательных учебных заведений, заявили о невозможности проведения работы по «созданию единой социалистической школы на трудовых началах в масштабе одного города или уезда» [5, л. 142].

В то же время, не получая указаний от Наркомпроса, екатеринбургские большевики проявили инициативу и сделали попытку создания в центре горно-заводской жизни края в первой половине 1918 г. высшей педагогической школы. В конце мая организационный комитет по открытию этого педагогического вуза во главе с В.В. Троцким принял решение считать, что новое высшее учебное заведение должно иметь общеуральский характер, т.е. «рассчитано на Уральскую область», а значит подчиняется Областному комиссариату народного просвещения [18, л. 3].

Существенным недостатком являлось отсутствие стабильного финансирования общеобразовательных и медицинских учреждений со стороны центральных советских органов. Денежные средства, которые получали екатеринбургские чиновники, были крайне ограничены. После роспуска земств, с 1 апреля 1918 г. большинство учителей Екатеринбургского уезда не имело регулярного жалования [19]. Уездный здравотдел в мае 1918 г. направил всем волостным советам следующее распоряжение: «Комиссариат здравоохранения не имеет никаких средств на содержание лечебных заведений. Обращается к Волостным Советам с просьбой о принятии на местные средства содержания своих местных лечебных учреждений. Уездный отдел может только содержать персонал, амбулатории и оборудование. Деньги на покупку продовольствия комиссариат здравоохранения на июнь высылать не будет» [14, л. 5].

В этой ситуации очень трудно было привлечь на сторону советской власти педагогов и работников здравоохранения. Для большевистского руководства, исходившего из «классового» подхода к решению проблем, одним из главных направлений деятельности стало стремление внести раскол в педагогическое и медицинское сообщество по социалистическому признаку – противопоставить врачей остальному медицинскому персоналу, учителей средних учебных заведений, прежде всего городских, имевших главным образом дворянское происхождение – сельским учителям – в большинстве выходцам из среды крестьянства. Весной 1918 г. с целью удаления из школ противников советской власти, комиссариатом просвещения в Екатеринбурге проводились выборы педагогов на учительские должности. Инструкция о них была составлена так, что в средних учебных заведениях в избирательных комиссиях большинство принадлежало советским чиновникам и находившимся под их влиянием гимназистам и реалистам старших классов, входившим в так называемые «социалистические кружки учащихся». При этом отказ от участия в выборах объявлялся как открытое неповиновение советской власти. Несмотря на активные протесты большинства педагогов в екатеринбургских гимназиях, реальном училище и начальных школах, учителями были избраны лояльные по отношению к советскому руководству [4, с. 57–59].

На состоявшемся в мае 1918 г. в Екатеринбурге Первом Уральском областном съезде по здравоохранению, на котором из 131 делегата 43 представляли врачей, 14 из них по указанию комиссара здравоохранения Н.А. Саковича были лишены права решающего голоса, поскольку заявляли, что «для большей продуктивности решили быть строго аполитичными». В ответ на протесты врачей, которые выражали готовность сотрудничать с советской властью, пролетарские чиновники обвинили их в саботаже и заставили покинуть съезд [20, л. 11].

Подобные действия большевиков привели к тому, что когда в конце мая 1918 г. началось выступление чехословацкого корпуса, политические настроения педагогов и врачей стали меняться. Узнав о мятеже и считая, что дни большевиков сочтены, многие учителя Екатеринбурга обратились в комиссариат народного просвещения с просьбой выдать им удостоверения о том, что «они не служат советской власти» [21, с. 241]. Некоторые из них подали заявления с требованием о своем увольнении после подавления левозеро́вского мятежа в Москве в июле 1918 г.,

поскольку были членами этой партии. В архиве сохранилось написанное 13 июля 1918 г. заявление учителя 6-го екатеринбургского начального училища Н.И. Киселёва на имя его однофамильца – комиссара просвещения Екатеринбурга с просьбой освободить его от должности в связи с отзывом из Областного комитета партии левых социалистов-революционеров. При этом педагог признал, что «стоит на посту защиты революции и советской власти» [5, л. 116].

Раскол в медицинском сообществе привел к тому, что спустя год после освобождения Урала от «белогвардейских правительств» с отступавшими войсками А.В. Колчака уходили и большинство медицинских работников: в Екатеринбургской губернии остался всего 21 врач из 120 имевшихся работников в довоенное время. Так же как и учителя, многие медицинские работники весной – летом 1918 г. были членами партии левых социалистов-революционеров. Среди делегатов Первого Уральского областного съезда по здравоохранению таковыми оказались 19 человек [22, с. 66–69].

Таким образом, после прихода к власти в 1917 – первой половине 1918 гг. большевики Екатеринбурга, как и в других районах страны, предприняли первые попытки создания советской системы руководства общеобразовательными школами и учреждениями здравоохранения. Однако это реформирование не имело значительных успехов по причинам, изложенным выше. Главной из них явилось то, что преобразования проводились в территориальных рамках отдельных регионов, а для успеха реформ необходимы были инициативы «сверху», расширение регулярного финансирования из центра, жесткая централизация управления различными социальными сферами.

Именно в этих направлениях осуществляли свою деятельность руководящие органы Советской Республики летом 1918 г. Первый Всероссийский съезд медико-санитарных отделов Советов в июле 1918 г. принял решение «признать необходимым создание единого централизованного органа – Комиссариата здравоохранения, ведающего всем медико-санитарным делом» [23, с. 17]. Уже 11 июля 1918 г. был издан декрет советского правительства об образовании Народного комиссариата здравоохранения республики, подписанный В.И. Лениным [9, л. 4]. Его руководителем стал Н.А. Семашко, первым заместителем – З.П. Соловьёв, возглавивший отдел гражданской медицины. Именно на нем лежало решение вопросов руководства и согласования деятельности

губернских, уездных и городских медицинских отделов в стране. Он также редактировал «Известия НКЗ» – специальный печатный орган, издававшийся Наркомздравом [24, л. 3]. В положении о комиссариате первым пунктом было указано, что он «ведает делом охраны здоровья населения РСФСР и всеми мероприятиями, имеющими целью поднятие уровня здоровья населения и устранение условий, нарушающих здоровье или вредно влияющих на него» [25, л. 30].

Декрет Совнаркома РСФСР от 8 июня 1918 г. «О передаче в ведение комиссариата по просвещению учебных и образовательных учреждений всех ведомств» завершил централизацию управления народным образованием. С этого момента, поскольку финансирование просвещения стало централизованным, указания из центра начали иметь решающее значение, а местные органы управления образованием превратились в отделы Наркомпроса [26].

Все эти решения высших советских органов были воплощены в жизнь лишь во второй половине 1918 г., однако 25 июля 1918 г. после захвата Екатеринбурга частями чехословацкого корпуса советская власть в городе была ликвидирована и система управления общеобразовательными школами и учреждениями здравоохранения, существовавшая до прихода к власти большевиков, была восстановлена.

Список источников и литературы

1. Кальсина А.А., Шестова Т.Ю. Развитие образования и здравоохранения в Пермской губернии в период Первой мировой и Гражданской войн. Пермь, 2011.
2. Соловьев З.П. Вопросы здравоохранения. М., 1940.
3. Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Полн. собр. соч. Т. 36.
4. Попов М.В., Бахтина И.Л., Игошев Б.М., Клименко И.М. Общеобразовательные школы и учительство Екатеринбурга в годы революции и Гражданской войны (1917 – начало 1921 гг.). Екатеринбург, 2018.
5. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-1600. Оп. 1. Д. 5.
6. Уральская жизнь. 1917. 15 декабря.
7. Уральская жизнь. 1917. 25 декабря.
8. Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1977.

9. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-482. Оп. 1. Д. 2.
10. Уральская жизнь. 1918. 7 марта.
11. Уральская жизнь. 1918. 25 марта.
12. ГАСО. Ф. Р-62. Оп. 2. Д. 28.
13. ГАСО. Ф. Р-1600. Оп. 1. Д. 8.
14. ГАСО. Ф. Р-64. Оп. 1. Д. 7.
15. Земцов Б.Н. Конституциональные основы большевистской власти (первая советская Конституция 1918 г.) // Отечественная история. 2006. № 5.
16. Виноградов Н.А. Организация здравоохранения в СССР. М., 1962.
17. Уральская жизнь. 1918. 25 марта.
18. ГАСО. Ф. Р-1480. Оп. 1. Д. 1.
19. Наш Урал. 1919. 20 марта.
20. ГАСО. Ф. Р-62. Оп. 2. Д. 18.
21. Киселев Д.А. Екатеринбургская школа в 1911–1923 гг. // Екатеринбург за двести лет (1723–1923 гг.). Екатеринбург, 1923.
22. Гудошников Ф.Ф., Новоселов Р.С. Из истории становления советского здравоохранения на Урале // Советское здравоохранение. 1968. № 1.
23. Хрестоматия по истории медицины / под ред. П.Е. Заблудовского. М.: Медицина, 1966.
24. ГА РФ. Ф. 1250. Оп. 1. Д. 39.
25. ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 1. Д. 497.
26. Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. № 39.

**D.L. Ostrovkin,
M.V Popov,
Yekaterinburg**

**SOVIET POWER AND SCHOOLS AND HEALTH INSTITUTIONS'
ACTIVITIES IN YEKATERINBURG DURING 1917 –
THE FIRST HALF OF 1918**

The article analyzes changes in the management in the sphere of education and public health during the period of the Soviet state formation using the example of Yekaterinburg. The authors revealed the main features and contradictions of state policy in relation to general education schools and medical institutions before

the Civil war. As a result, it was concluded that, despite the attempt to reform the social sphere, in the first years of the Soviet power, it did not have significant success. Among the main reasons for this was that the transformations were carried out in the territorial framework of a particular region. But in order to carry out successful reforms it was needed to take initiatives “from above”, expansion of regular funding from the center, strict management centralization of various social spheres.

Keywords: health care, medicine, education, Yekaterinburg, soviet power, revolution.

УДК 94(47).084.3

В.А. Паршуков,
г. Ульяновск

ВООРУЖЕННАЯ БОРЬБА ЕНИСЕЙСКИХ СТАНИЧНЫХ КАЗАКОВ ПРОТИВ ПОВСТАНЦЕВ И КРАСНЫХ ПАРТИЗАН

На основе ранее не публиковавшихся архивных источников в статье рассматривается вооруженная борьба станичных казаков против повстанцев и красных партизан. Сообщается об организации самоохранных дружин в казачьих поселениях на основе решения, принятого на 5-м Большом круге Енисейского казачьего войска. Приводятся сведения об имевшихся в станицах вооружении и боеприпасах, а также факты успешной борьбы енисейских казаков с красными партизанами при защите своих станиц.

Ключевые слова: енисейские казаки, Гражданская война, станицы, дружины самообороны, Енисейское казачье войско.

Несмотря на то, что о Гражданской войне в Енисейской губернии выпущено немало книг, опубликовано большое количество статей и воспоминаний, данная тема до настоящего времени не была предметом исследований ученых и краеведов.

В связи с тем, что в конце 1918 г. произошло антиправительственное восстание крестьян Минусинского уезда, для его подавления в Иркутске сформировали экспедиционный отряд под командованием генерал-майора И.Ф. Шильникова, дополненный по прибытию в Минусинск местными частями.

В станицы Таштыпскую и Монокскую войсковым управлением Енисейского казачьего войска (ЕКВ) был «послан офицер Ананий Шахматов чтобы организовать эти станицы к случаю сильного наступления противника». Выяснив ситуацию на месте, Шахматов организовал мобилизацию и отправку на помощь Минусинску из Таштыпа 40 казаков. Из Монокской и Арбатской станиц казаки остались на месте, т.к. «им угрожали крестьяне Иудинской и Бейской волостей» [1, л. 35].

В Минусинске «вместо растерянных отцов города власть в свои руки взял войсковой старшина Енисейского казачьего войска Сидоров. По его требованию была объявлена мобилизация благонадежных граждан» [2, с. 88].

Чтобы защитить станицы от «грабительских банд», к Шильникову стали обращаться представители казачества с просьбой разрешить организацию дружин с правом носить оружие. На таком обращении председателя Таштыпской волостной земской управы А.Я. Добрачева и управляющего Абаканским железодельным заводом Д.Ю. Зеберга генерал-майор Шильников поставил визу: «начальнику района на распоряжение». А председатель войскового управления ЕКВ С.А. Шахматов предоставил Шильникову «список станиц со сведениями о количестве потребного для них оружия». Например, в станицу Таштыпскую требовалось 50 винтовок и 80 шашек, а в Монокскую – 25 винтовок и 50 шашек [3, л. 51–53].

19 февраля на вечернем, закрытом от гостей заседании, делегаты 5-го Большого круга ЕКВ, проходившего в г. Минусинске с 15 по 21 февраля 1919 г., обсуждали вопрос о создании станичных самоохранных дружин. Член войскового управления А.Г. Шахматов зачитал инструкцию, которая затрагивала вопросы организации дружин и согласования совместных действий казачьих станиц. После его выступления делегаты вынесли следующее секретное постановление: «Все казаки, способные носить оружие, входят в состав станичных дружин и организуются, согласно секретной инструкции. Станичные Атаманы ведут непосредственное наблюдение за обучением дружин и подчиняются Войсковому Атаману. Войсковой Атаман или, по его поручению, помощники его, должны периодически производить инспекторские смотры дружинам и сведения, об их результатах отмечать в приказах по войску» [4, с. 52].

После принятия на Большом круге соответствующего решения в станицы стали поступать вооружение и боеприпасы из арсеналов 1-го

Енисейского казачьего полка – либо оружие иностранного производства, либо устаревшие однозарядные винтовки Бердана [5, л. 161].

1 апреля 1919 г. вышел приказ по ЕКВ, в котором говорилось: «Всем станичным атаманам принять к точному неукоснительному исполнению протокол 5-го Большого круга о создании дружин самообороны с приложением списка дружинников» [3, л. 105]. В станицах стали формировать дружины и выбирать их руководителей. Так, в Соляноозерной начальником дружины был избран Алексей Степанович Потылицын, а его помощником – Тихон Денисович Рассказчиков. В Илекской начальником стал Павел Кириллович Псарев, а заместителем – Лев Гаврилович Борзов [3, л. 102, 104 об.]. Казаки станицы Бузуновской начальником дружины и его заместителем избрали соответственно Афанасия Ивановича Бузунова и Михаила Иосифовича Бузунова, а Минусинской – вахмистра Ивана Григорьевича Баранова и казака Петра Дмитриевича Шипицина [3, л. 160, 166].

Избранных во главе дружинников должностных лиц утверждал Атаман ЕКВ приказом по войску. Так, в приказе от 15 апреля 1919 г. отмечалось: «Избранного станичным сходом Таштыпской станицы вахмистра Иннокентия Гордеевича Шахматова и старшего урядника Николая Васильевича Шахматова утверждаю в должностях: первого начальником станичной самоохраной дружины, а второго – его помощником [3, л. 164].

Начальник Минусинского военного района подполковник Романенко объявил благодарность казакам станицы Суэтуковской, которыми «под командованием станичного атамана Решетникова и начальника самоохраной дружины Шадрина, по собственной инициативе была произведена разведка и поимка скрывавшихся в тайге главарей ноябрьского мятежа, причем один из них был убит» [3, л. 104 об.]. Спустя месяц при поимке «антигосударственного преступника» погиб казак Иван Феофанович Глубоков [3, л. 155]. Заслуги Минусинского станичного атамана младшего урядника Василия Прокопьевича Пупкова отмечены в приказе по войску: «за проявленную энергичную деятельность в организации боевой станичной дружины» он был произведен в старшие урядники. С 13 июля 1919 г. атаманом Минусинской станицы утвердили избранного на эту должность казака Федоса Прокопьевича Солдатова.

1 апреля 1919 г. на основании предписания начальника Минусинского военного района вышел приказ по ЕКВ, согласно которому «для лик-

видации антигосударственного движения в Минусинском уезде» были мобилизованы не только дружинники, но и «все казаки способные носить оружие в возрасте от 18 до 60 лет» станиц Бузуновской, Алтайской, Минусинской [3, л. 162]. В других мобилизовали только определенное количество казаков: в Каратузской – 25, Суэтульской – 40, Саянской – 45. Станичники вошли в состав правительственных войск, действовавших в Минусинском уезде. Офицер 1-го Енисейского казачьего полка хорунжий Ошаров был назначен во главе отряда станицы Алтайской, которому приказывалось выполнить рейд по уезду и соединиться с отрядом хорунжего Мариева. Во время боя у деревни Ново-Троицкой при преследовании партизанского отряда красных была утеряна 3-х линейная винтовка, которая приказом по ЕКВ была исключена из описи оружия войска и Алтайской дружины [3, л. 164, 166 об., 167]. В апреле в связи с возвращением в город и Минусинский уезд «воинских частей, командированных туда для ликвидации банды Щетинкина», мобилизованные дружинники станиц Каратузской, Саянской, Суэтульской, Алтайской, Таштыпской, Арбатской, Минусинской, Монокской и Имекской были распущены по домам [3, л. 164 об.].

Вместе с тем имелись случаи невыполнения должностными лицами своих обязанностей. Так, саянский станичный атаман рапортом от 19 мая 1919 г. донес, что «начальник станичной самоохраной дружины Илья Васильевич Солдатов неоднократно замечен в пьянстве и бездеятельности к прямым своим обязанностям...». Приказом по войску урядник Солдатов был разжалован в рядовые и отстранен от руководства. Вместо него станичники избрали начальником дружины младшего урядника Василия Петровича Соловьева [3, л. 168].

По приказу Атамана ЕКВ проводились осмотры дружин. Прапорщик Бажин рапортом от 19 мая 1919 г. сообщал: «в станице Каратузской в дружине состоит 160 казаков, из них 80 конных, из пеших дружинников седла имеют только 30 человек. Винтовок итальянских 30 шт., 2 – из которых, являются неисправными. Бердан 4-х линейных имеется 12 шт., 3-х линейных винтовок 21 шт., боевых припасов к итальянским винтовкам 1350 шт., к 4-х линейным берданам – 200 шт., и к 3-х линейным винтовкам – 170 шт.

В Суэтульской дружине состоит 104 казака, из них конных 72 и пеших – 32 казака. Винтовок: 3-х линейных 43 шт., бердан 4-х линейных – 7 шт., 4-х линейных винчестеров – 2 шт., итальянских винтовок – 5 шт. Боевых

припасов к 3-х линейным винтовкам 250 шт., к 4-х линейным берданам 500 шт., к итальянским винтовкам 500 шт.

Кроме того, в обеих станицах не ведутся строевые занятия, вследствие чего дружинники не знают строя, а так же не знают сборки и разборки винтовок. В обеих станицах нет принадлежностей для чистки винтовок, вазелину для смазки, а также шомполов у некоторых винтовок» [3, л. 178 об.].

В связи с таким положением дел в станицах Атман войска А.Н. Тялшинский приказал: «Каратузскому и Суэтузскому станичным атаманам установить строевые занятия с казаками один раз в неделю, начальникам дружин выработать расписание занятий, в которое обязательно включить разборку и сборку винтовки. Об исполнении мне донести» [3, л. 178 об.].

В одном из приказов по ЕКВ предписывалось «всем станичным и поселковым атаманам, начальникам дружин при исполнении служебных обязанностей носить присвоенную форму» [3, л. 168 об.].

В июне 1919 г. из станичников был сформирован так называемый Енисейский 1-й резервный полк. Приказом по ЕКВ обязывалось «всем мобилизованным казакам-дружинникам надеть желтую повязку на левый рукав» с надписью «Е 1 р.п.». Заблаговременно изготовленные повязки получали в войсковом управлении в г. Минусинске [3, л. 250].

«Для ликвидации банды Щетинкина, двигающейся на Минусинск» в резервный полк мобилизовали 92 казака из станиц Таштыпской и Илекской, 170 человек – Каратузской и Суэтузской, 105 – из Арбатской и Монокской, 75 – из станиц Алтайской и Саянской. Каратузским и суэтузским казакам необходимо было немедленно прибыть в конном строю и при полном вооружении в с. Курагино в распоряжение подпоручика Занина. В марте 1919 г. тридцатилетний Иван Игнатьевич был принят в казаки станицы Минусинской. В казачье сословие зачислили его жену тридцатидвухлетнюю Серафиму Михайловну и двенадцатилетнюю дочь Августу [3, л. 103, 238]. Мобилизованные дружинники станиц Таштыпской, Илекской, Монокской и Арбатской прибыли в Минусинск, где командование ими принял есаул Фролов. Командовать дружинниками Саянской станицы было приказано прапорщику Луткову, а Алтайской – сотнику Ворошилову.

Как вспоминали очевидцы, в Таштыпе сформировалась казачья дружина из стариков и молодых казаков. В нее вступили все, кто способен

был носить оружие. Боясь приближения красных партизан, «в конце ноября уже можно было наблюдать, как зажиточные казачьи семьи грузили на подводы свое добро и уезжали в таежные пади. То, что не вмещалось, прятали в потайные места или сдавали на хранение соседям» [6, с. 9].

Многие казаки станичных дружин самообороны, из которых был сформирован Енисейский 1-й резервный полк, отличились в боях с красными партизанами, за что отмечались наградами. Так, Михаил Усольцев и младший урядник Илья Юшков были награждены Георгиевскими крестами 4 степени. Такой же награды удостоился казак Степан Квашнин, за то, что «под сильным ружейным и пулеметным огнем противника исполняя приказания начальника, восстановил связь с соседней частью для совместного наступления» [3, л. 292].

После выхода в сентябре 1919 г. приказа о мобилизации казаков-енисейцев срока службы с 1900 г. по 1913 г., 1920 г. и 1921 г., многие станичники были призваны на службу во вновь формируемый 2-й Енисейский казачий полк. В составе Отдельной Енисейской казачьей бригады под командованием генерал-майора А.И. Феофилова, они совершили Великий Сибирский Ледяной поход, воевали под Читой, на Дальнем Востоке и спустя некоторое время оказались в эмиграции в Китае. Бывший начальник Каратузской дружины самообороны вахмистр Георгий Ульянович Юшков «за боевые отличия и ледяной поход произведен в прапорщики», а затем в Приморье приказом атамана Семёнова получил чин сотника. В эмиграции он вместе с женой и сыном проживал в Харбине [7, л. 1–6 об.].

Таким образом, вопрос о создании самоохранных станичных дружин енисейских казаков возник после Минусинского крестьянского выступления в конце 1918 г., когда восставшими были арестованы и даже убиты казаки в некоторых станицах уезда. На первоначальном этапе казаки, способные носить оружие, стихийно образовывали дружины для защиты своих станиц и практически не имели оружия. После решения, принятого на казачьем круге, повсеместно создавались дружины самообороны, избирались начальники и их заместители, решался вопрос обеспечения оружием. Казаки-дружинники не только защищали свои станицы, но и выполняли рейды по уездам Енисейской губернии для обороны населенных пунктов от нападения на них красных партизан.

Несмотря на успехи станичных дружин в борьбе против повстанцев и партизан, общая военно-политическая обстановка на внутреннем фронте в Енисейской губернии складывалась не в пользу правительственных войск. Большая часть дружинников была мобилизована во вновь формируемый 2-й Енисейский казачий полк и на пополнение в 1-й Енисейский казачий полк, а с уходом Белых войск из губернии станичные дружины прекратили свое существование.

Список источников и литературы

1. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39515. Оп. 1. Д. 283.
2. Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск, 2008. 416 с.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-149. Оп. 1. Д. 26.
4. Протоколы 5-го Большого Круга Енисейского казачьего войска. 15–21 февраля 1919 г. в г. Минусинске. Красноярск, 1919. 64 с.
5. РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 9.
6. Потанин А.К. Краткий очерк истории села Таштып. Б.и. 26 с.
7. Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 55668.

**V.A. Parshukov,
Ulyanovsk**

THE MILITARY STRUGGLE OF YENISEI COSSACK VILLAGES AGAINST REBELS AND RED GUERILLAS

The article considers the military struggle of Cossack villages against rebels and red guerillas. The article based on the previously unpublished archive sources. The author reports that forming of self-defense militia units in Cossack villages was based on the resolution passed at the 5th Great circle of the Yenisei Cossack army. Data related to arms and munitions in Cossack villages are pointed out. Facts related to the successful struggle of Yenisei Cossack villages against red guerillas when defending their Cossack villages are found.

Keywords: Yenisei Cossacks, the Civil war, Cossacks villages, self-defense militia units, the Yenisei Cossack army.

ПОДМОСКОВНОЕ КУНЦЕВО В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В статье анализируется положение населения в западном предместье Москвы – Кунцево в период Гражданской войны. Обращается внимание на экономическую разруху, безработицу, голод. Рассматриваются основные способы борьбы людей за выживание в условиях «военного коммунизма».

Ключевые слова: безработица, быт, голод, досуг, национализация, Кунцево, экономическая разруха.

Кунцево располагалось в западной части Подмосковья, вблизи Москвы, являясь ее предместьем. К пос. Кунцево (Новое Кунцево) прилегли небольшие поселения Богдановка, Мартыновка, Жуковка, Большая и Малая Сетунь, Спас-Сетунь, Старое Кунцево. В то время Кунцево входило в состав Кунцевского района, преобразованного в конце 1918 г. в Козловскую волость Московского уезда. Данная местность за указанный период практически не изучалась. Имеются лишь отдельные исследования, отражающие некоторые стороны ее истории в годы Гражданской войны [12], [13, с. 142], [14]. Основной комплекс источников сосредоточен в Центральном государственном архиве Московской области (ЦГАМО) и Центральном государственном архиве г. Москвы. Отдел хранения документов общественно-политической истории Москвы (ЦГА Москвы. ОХДОПИМ). Архивные материалы представлены перепиской советских органов власти и учреждений, протоколами заседаний, докладами, постановлениями, решениями, заявлениями граждан и т.п.

Благоприятные географические, водные и транспортные условия способствовали превращению Кунцево и его окрестностей в развитую промышленную инфраструктуру. К 1917 г. здесь насчитывалось семь предприятий, на которых работало не менее 2300 человек. Промышленность была представлена ткацким, кожевенным, текстильным, химическим и другим производством. Крупными считались брезенто-клееночная фабрика англичанина Реддавей (500 рабочих), ткацко-отделочная фабрика саксонской подданной Саксе (900 рабочих), русско-бельгийский патронный завод (300 рабочих) и фабрика Гинзбурга (300 рабочих).

В результате Октябрьской революции 1917 г. резко изменилась социальная и политическая ситуация в стране. В обстановке Гражданской войны и разрухи советская власть пыталась решить проблему обеспечения населения продовольствием, товарами первой необходимости, улучшить бытовые условия применением крайне революционных методов. Особенно ярко такая политика проявилась в жилищной сфере. Началась масштабная национализация и муниципализация частных владений, особенно крупных предпринимателей. По мере разгара войны изъятию или уплотнению с подселением стали подвергаться многочисленные дачи мелких служащих, работников сферы услуг, представителей творческих профессий, домохозяек и т.п. В частности, были муниципализованы кунцевские дачи актеров Дурова, Южина, Рыжова, Благой. В 1920 г. началась новая волна конфискации частных владений. Особенно активно действовали власти в Кунцево (изъяли 24 владения), Старом Кунцево и Сетуни.

Национализированные и муниципализированные дома заселялись рабочими местных предприятий, служащими советского и партийного аппарата, военными. Во многих из них разместились государственные и общественные учреждения и организации. Так, на даче Юнкера располагался Кунцевский (с 1918 г. – Козловский) волостной исполком, в доме Филипповых – местная милиция, в усадьбе Солдатенковых – Высшая школа военной маскировки [15], [16], [24, л. 25–48], [30, л. 1–6, 35–36], [31, л. 10], [37, л. 28].

По мере разрастания в стране продовольственного голода в окрестностях Кунцево приобрела широкое распространение аренда земли. Оформление съема угодий являлось государственной услугой и осуществлялось под контролем местных властей. Преимущественно сдавали земли под картофель, овощи и плодово-ягодные культуры. Ежегодно в аренде земли участвовали коллективы кунцевских предприятий. В частности, с целью обеспечения рабочих и служащих сельхозпродукцией комитет фабрики Реддавей в 1920 г. получил 204 десятины земли, ткацкой фабрики Смирнова – одну десятину (в имении Фогель), игольно-латинового завода – две (в имении Привезенцева). Как уже отмечалось, местные власти старались удовлетворять коллективные заявки на аренду. В 1919 г. под «огородные овощи» была оформлена аренда земли Кунцевским обществом потребителей, многочисленными группами граждан Кунцево и Сетуни [32, л. 1–11], [33, л. 88, 174], [40, л. 37]. Нередко она

приобретала чисто предпринимательский характер. В 1918 г. до реквизиции собственной усадьбы Филипповы выращивали картофель и овощи на участке площадью в 15 десятин [34, л.1–2], [35, л. 1], [36, л. 2], [39, л. 1–4].

В годы Гражданской войны в окрестностях Кунцево резко сократился промышленный потенциал. Из семи предприятий три работали не в полную мощь; более половины рабочих или были мобилизованы на фронт или ушли в деревню, спасаясь от голода. Оставшиеся получали мизерный продовольственный паек и нередко обращались на «черный» рынок, реализуя на нем изделия собственного производства. Например, на игольно-платиновом заводе рабочие, чтобы прокормить семью, «сами на базаре продавали наработанные иглы». На ткацкой фабрике Раддавей рабочие и служащие получали в неделю только паек из двух фунтов хлеба (800 грамм) [2], [5], [7], [10], [17], [19, л. 30, 35], [24, л. 1–4, 93–94], [25, л. 13], [41]. В Козловской волости шла целенаправленная борьба против незаконной торговли. В июне 1920 г. в пос. Кунцево и на железнодорожной станции были закрыты шесть торговых точек. Так, ликвидация чайной владельца О. Маселевского мотивировалась «злостной спекуляцией торгуемыми им ненормированными продуктами» [21, л. 112], [24, л. 21].

Особенно остро голод и бытовые лишения испытывали рабочие кунцевских предприятий и сотрудники культурно-просветительских учреждений. Летом 1919 г. месячная норма пайка для рабочих колебалась от четырех до восьми фунтов хлеба, т.е. от 1 кг 600 г до 3 кг 200 г. Власти Московского уезда отмечали: «Многие рабочие и даже крестьяне вынуждены теперь варить крапиву и другие травы и питаться не только без хлеба, но и без соли. ...Положение довольно критическое». Для помощи голодающим в Козловскую волость на железнодорожную ст. «Кунцево» было доставлено шесть вагонов картофеля, четыре – овса, 400 пудов проса и 100 пудов гречихи. Подобное положение складывалось и в Кунцево. Анализируя состояние с обеспечением предприятий хлебом, Козловский волостной исполком пришел к неутешительному выводу «о полном отсутствии продовольствия у рабочих».

Тяжелое положение сельских и городских жителей сопровождалось ростом эпидемий, уголовных преступлений, недовольства. В январе 1921 г. местные власти официально объявили о распространении в волости

тифа и дезертирства, об отсутствии транспортных средств и топлива, о массовом недовольстве местного населения сложившейся ситуацией [18, л. 67], [22, л. 230 об.], [23, л. 85], [26, л. 52–53], [25, л. 27 об.], [27, л. 26].

По мере расширения Гражданской войны резко обострилась политическая обстановка в Кунцевской волости. 18 апреля 1918 г. был убит председатель Кунцевского исполкома С. Козлов. Осенью 1919 г. в Москве раскрыли белогвардейский заговор «Национального центра». Опубликованные следственные материалы позволяют выяснить место и роль Кунцево в этих событиях. В ходе розыска выяснились следующие обстоятельства. В Высшую школу военной светомаскировки, расположенную в бывшей усадьбе Солдатенковых в Старом Кунцево, для проверки состояния работы партийной организации был направлен инструктор от Московского комитета РКП(б). Ожидая комиссара школы, он случайно стал свидетелем разговора курсантов о готовившемся восстании. Информацию оперативно донесли до ВЧК. В ночь на 19 сентября 1919 г. начались аресты членов этой организации. В ходе допросов обнаружилось, что при приближении войск А.И. Деникина к Москве заговорщики намерялись поднять восстание, захватить важнейшие стратегические объекты (вокзалы, мосты, почта, телеграф), арестовать советское правительство. При организации были созданы ударные группы. Одна из них образовалась в Высшей школе военной светомаскировки. В заговор оказались втянуты руководители школы А. и Н. Сучковы, инструкторы Яндуловский и А. Михайлов. Вскоре Яндуловский по приказу Н. Сучкова возглавил караульную роту при школе. Связным между военной организацией и школой стал полковник В. Миллер, одно время работавший в Кунцево, а затем переведенный в окружную артиллерийскую школу в Москву. Он имел свободный доступ в Высшую школу военной светомаскировки, неоднократно информировал Сучковых о планах восстания, просил содействовать в приеме на работу заинтересованных людей, установить в школе типографский станок для печатания антисоветских листовок, оказать помощь в приобретении оружия и взрывчатки.

Некоторые из членов кунцевской ударной группы получали от Миллера боевые задания. Так, А. Михайлов должен был «обследовать Александровскую и Брянскую железные дороги и наметить подходящие для взрывов мосты». Яндуловский обещал Миллеру во время восстания пре-

доставить в его распоряжение караульную роту из 160 бойцов, выдать 50 винтовок и 15 тысяч патронов. Лично Сучковы передали Миллеру две винтовки и ящик с патронами, предложили поместить типографский станок «в избушке среди дач видных коммунистов, ...тогда никакая МЧК не будет опасна» [9, с. 151–450].

Допросы Сучковых вел Менжинский. В частности, Н. Сучков обвинялся в передаче «сведений, оружия в большом количестве... через рубеж белогвардейцам». О политических взглядах Сучковых судить трудно. Исходя из показаний Миллера, они отрицательно относились к контрреволюции, «т.к. все это будет немедленно подавлено и вызовет только лишние жертвы лучших людей. Если и будет перемена, то она произойдет путем эволюции; большевизм есть политика, национальное движение, и мы должны спокойно его пережить» [9, с. 451–455].

В Высшей школе военной светомаскировки Миллер познакомился с Назаревским, который согласился «написать воззвание крестьянам окружных (вокруг Москвы) деревень. Воззвание не должно было иметь программный характер, но должно было поддерживать восставших в Москве» [9, с. 465].

В ходе массовых арестов оказались разоружены все три военные школы, связанные с заговором. Руководители «Национального центра» и его военной организации были расстреляны. Впоследствии, 24 октября 1919 г., выступая на Московской общегородской конференции РКП(б), председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский по поводу этого заговора сказал: «В их руках были три наши военные школы: одна в Вишняках, высшая стрелковая школа, в Кунцеве, окружная артиллерийская школа в Москве. Они предполагали начать выступление в Вишняках, Волоколамске и Кунцеве и отвлечь туда силы, а затем уже поднять восстание в самом городе» [6, с. 327–328], [8, с. 80–87], [1, с. 18].

Несмотря на тяжелое время, кунцевчане активно участвовали в праздновании 1 Мая и 7 ноября, в коммунистических субботниках и других советских общественно-политических мероприятиях. Празднование первой годовщины Октябрьской революции 7 ноября 1918 г. в Кунцево проходило на Казачьем лугу. При содействии воздухоотряда речь с гондолы произнес гражданский комиссар, член исполкома П. Попов. Порядок организации 1 Мая 1920 г. специально обсуждался на заседании Козловского волисполкома. Было решено собрать всех членов сельских советов у здания волсовета к 10 часам утра и отметить

1 Мая ударным трудом на ст. «Кунцево». Местные рабочие поддержали в 1919 г. инициативу железнодорожников депо Москва-Сортировочная по проведению коммунистических субботников и перечислили заработанные на них деньги в фонд строительства нового клуба [3], [11], [22, л. 94–94 об.].

Советская власть большое внимание уделяла состоянию культурно-просветительской сферы – ликвидации неграмотности, школьному образованию и клубной работе. Эта политика наиболее четко проявлялась на местах. По данным на 1921 г. в Кунцево насчитывалось пять школ на 492 места, в Старом Кунцево действовала художественно-ремесленная школа. Но уровень их материального обеспечения был крайне низким. По подсчетам волостной администрации на четыре ученика приходилось по одному карандашу и перу, на два ученика – одна ручка, на одного ученика – 14 листов бумаги и одна тетрадь. Оценивая общее состояние школ, член Козловского волисполкома Натолитчев в 1920 г. отмечал, что «школьные работники, благодаря плохому снабжению продовольствием, одеждой и пр., бегут, частью уже разбежались; ремонт школ не производится; снабжение школ дровами тоже производится довольно вяло» [24, л. 50 об.], [26, л. 53], [25, л. 41].

Недостаточно активно в Козловской волости реализовывался в жизнь Декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» от 29 декабря 1919 г. В отчете инструктора Московского укома РКП(б) от 1921 г. указывалось на плохую работу пунктов ликбезов, их низкую материальную обеспеченность, высокую степень неграмотности. В качестве примеров приводились данные по фабрикам Сакс (60 неграмотных и 40 малограмотных) и Реддавей (30 неграмотных и 100 малограмотных). В то же время при фабрике Сакс была открыта школа фабрично-заводского ученичества для подготовки квалифицированных кадров рабочих. Занятия проводились без отрыва от производства с 19 до 22 часов. Ученики изучали даже немецкий и французский языки [19, л. 37, 40–42].

В Кунцево центрами политико-просветительской и культурной работы в годы Гражданской войны становились в основном клубы при фабриках и воинских подразделениях. При них открывались библиотеки, читальни, курсы ликбеза. Действовали клубы при фабриках Гинзбурга, Козлова, Реддавей (открыт 1 ноября 1919 г. и получил имя Р. Люксембург), Сакс (получил имя К. Либкнехта). В 1919 г. при Козловском

волисполкоме начал функционировать клуб им. Загорского; еще до революции в Спас-Сетуни работал Народный дом. Просветительские клубы действовали при Высшей школы военной маскировки в Старом Кунцево и военном госпитале № 614.

На фабрике Сакс рабочий клуб был создан в 1919 г. по инициативе союзной молодежи. Один из первых комсомольцев фабрики Румянцев вспоминал: «Комсомольцы в бывшей столовой организовали клуб, создали духовой оркестр, хоровой, драматический. Все делали и обслуживали сами. Самодеятельность была направлена на борьбу с пережитками прошлого: с религиозным дурманом, пьянством и мещанством». В клубе им. Р. Люксембург существовал драмкружок, устраивались платные спектакли, нередко сцену снимала актерская труппа 4-го воздухоотряда. Аналогичным образом проводилась работа в клубе им. Загорского. Художественной самодеятельностью в клубах часто руководили профессиональные актеры. Так, актриса с 25-летним стажем Н. Благая в годы Гражданской войны была режиссером в клубах фабрик Гинзбург и Сакс, «где силами рабочих ставили спектакли». В Кунцево и Сетуни также действовали две библиотеки с книжным фондом в 6611 томов [4], [19, л. 17–30, 35–37], [25, л. 10], [28, л. 12–14], [29, л. 19, 43–44], [33, л. 102], [38, л. 46].

В годы «военного коммунизма» до минимума была сведена сфера быта и услуг. Медицинское обслуживание осуществляла только сетунская больница, основанная еще до революции. По данным на 1921 г. детские сады и ясли функционировали при фабриках Гинзбурга, Сакс, Реддавей и Высшей школы военной маскировки.

Относительно образцовые бытовые условия в военное время существовали лишь на фабрике Сакс. В 1921 г. здесь активно действовала комиссия по улучшению быта рабочих. Ценой невероятных усилий ей удавалось доставать и распределять между рабочими сапоги, кожу и постельные принадлежности. Рабочих обслуживали сапожная мастерская и парикмахерская. В жилые помещения проводилось электричество, но в обстановке жесткого регулирования и контроля топливно-энергетических ресурсов ток подавался только в производственные цеха. Большие трудности возникали при снабжении продуктами детских учреждений. 8 июня 1920 г. руководство фабрики Сакс просило Козловский волисполком увеличить дневную норму молока до пяти кружек для детских яслей. Кунцевский волисполком, удовлетворяя эту просьбу, принял решение

о дополнительном обложении поставками молока жителей пос. Кунцево и Сетуни [20], [24, л. 19].

Итак, положение жителей Кунцево как в зеркале отразило ситуацию, которая складывалась в России в период Гражданской войны. В эпоху «военного коммунизма» материальные и бытовые условия жизни людей были сведены до минимума. Среди населения шла суровая борьба за выживание и существование. Выход из системного кризисного положения можно было найти только путем проведения советской властью решительных и радикальных реформ.

Список источников и литературы

1. Бугай Н.Ф. Ревкомы Подмосковья. М., 1979.
2. За большевистские темпы. 1932. 29 апреля.
3. Знамя Ильича. 1957. 2 ноября.
4. Знамя Ильича. 1957. 30 октября.
5. Знамя Ильича. 1959. 16 июня.
6. Из истории ВЧК. 1917–1921 гг. Сб. док. М., 1958.
7. Кимовец. 1937. 1 января.
8. Клименко В.А. Борьба с контрреволюцией в Москве. 1917–1920. М., 1978.
9. Красная книга ВЧК. Т. 2. М., 1989.
10. Кунцево за 40 лет Советской власти. М., 1957.
11. Кунцевский вестник. 1990. № 10.
12. Прохоров М.Ф. Аграрные преобразования в Подмосковье в 1918–1920 гг. (по материалам Филевско-Кунцевской местности) // Российская государственность в XXI веке и глобальные проблемы мирового развития / Под ред. Л.Н. Панковой. М.: ТЕИС, 2009.
13. Прохоров М.Ф. Из истории Кутузовской слободы в 1900-е – 1930-е годы // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. М., 2014.
14. Прохоров М.Ф. Подмосковное Кунцево в 1917 году // История Московского края. Проблемы, исследования, новые материалы. М., 2015.
15. Сталинское слово. 1954. 22 января.
16. Сталинское слово. 1956. 2 ноября.
17. Филевский парк. 1994. № 2.
18. Центральный государственный архив г. Москвы. Отдел хранения документов общественно-политической истории Москвы (ЦГА Москвы. ОХДОПИМ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 62.

19. ЦГА Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 29.
20. ЦГА Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 2.
21. Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 680. Оп. 2. Д. 2.
22. ЦГАМО. Ф. 680. Оп. 2. Д. 7.
23. ЦГАМО. Ф. 682. Оп. 2. Д. 7.
24. ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 29.
25. ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 82.
26. ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 75.
27. ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 98.
28. ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 141.
29. ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 162.
30. ЦГАМО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 51.
31. ЦГАМО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 185.
32. ЦГАМО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 139.
33. ЦГАМО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 174.
34. ЦГАМО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 63.
35. ЦГАМО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 102.
36. ЦГАМО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 160.
37. ЦГАМО. Ф. 2213. Оп. 1. Д. 31.
38. ЦГАМО. Ф. 4427. Оп. 1. Д. 12.
39. ЦГАМО. Ф. 4427. Оп. 1. Д. 141.
40. ЦГАМО. Ф. 7124. Оп. 1. Д. 12.
41. Филевский парк. 1994. № 2.

**M.F. Prokhorov,
Moscow**

MOSCOW'S SUBURB KUNTSEVO DURING THE CIVIL WAR

The article analyses condition of the population in the westerner Moscow suburb Kuntsevo during the Civil war time. The particular attention is paid to economic dislocation, unemployment, hunger, which trial the people. The main ways of struggle people for survive in the condition of war communism are analyzed.

Keywords: unemployment, mode of life, hunger, Kuntsevo, leisure, nationalization, economic dislocation.

ВОИНСКАЯ ПОДГОТОВКА В ТЕРСКОМ КАЗАЧЬЕМ ВОЙСКЕ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В статье анализируется процесс военного обучения казаков Терского войска в период Гражданской войны. Отдельно рассмотрены вопросы совершенствования выучки офицеров, кадров военных специалистов (артиллеристов, пулеметчиков, инженеров), рядового состава. Особо отмечен провал в воинской подготовке в 1918 г., который оказывал влияние на боеспособность казачьих частей в 1919–1920 гг. Однако войсковое правительство всеми силами стремилось восполнить этот пробел.

Ключевые слова: военная история, воинская подготовка, Вооруженные силы Юга России, Гражданская война, Терское казачье войско.

Любая армия во все времена заботится не только о количестве, но и о качестве своих вооруженных сил. И офицерский состав, и нижние чины должны постоянно совершенствовать свои навыки и умения, следуя за развитием военных доктрин, вооружения и т.п. Воинская подготовка может базироваться как на регламентированной уставом деятельности, так и на преданиях и традициях [1, с. 21].

Начало XX в. стало, по сути, переломной эпохой в военном деле. Появилось большое количество новых типов вооружений, таких как пулеметы, авиация, бронев автомобили. Естественно, от войск требовалось как можно быстрее овладеть современным оружием. Если Российская Империя в годы Великой войны как-то справлялась с подготовкой офицеров и нижних чинов, обученных новым тактическим и техническим «хитростям», то в годы Гражданской войны о систематическом военном образовании можно было только мечтать. Особенно это касается антибольшевистского движения, в составе которого на особом счету оказались казачьи войска. Несмотря на то, что казаки были, наверное, самым военизированным сословием, на территориях их войск военно-учебные заведения распределялись весьма неравномерно. К тому же казаки традиционно причислялись к кавалерии, а в годы Гражданской войны войсковые правительства, если они хотели самостоятельно отбиваться от Красной

армии, вынуждены были создавать полноценные армии со всеми родами и видами войск до броневых и авиационных частей включительно.

Типичный путь в годы Гражданской войны прошло и Терское казачье войско. До 1917 г. на его территории функционировал Владикавказский кадетский корпус, среднее учебное заведение, после окончания которого выпускники в основной своей массе поступали в военные училища. Офицерских званий им не присваивалось, это был лишь «трамплин» для дальнейшей учебы. Корпус, открытый в 1901 г., являлся самым молодым среди подобных казачьих корпусов [2, с. 173].

13 декабря 1917 г. на ст. Прохладная был убит войсковой атаман Терского войска М.А. Караулов. Его гибель оказалась для войска очень серьезной потерей. О. Рвачева пишет, что после этого терское казачество исчезло в качестве самостоятельной политической силы до 1919 г. [3, с. 310]. В январе 1918 г. в отставку подало и войсковое правительство. Естественно, что в таких условиях о систематической военной подготовке речь не шла. В воспоминаниях красноармейца Г. Елекоева отмечается, что на Масленицу 1918 г. во Владикавказе было разгромлено «Суворовское училище прапорщиков» и 27 офицеров расстреляно [4, л. 6]. Скорее всего, имеется в виду именно Владикавказский кадетский корпус, т.к. отдельной школы прапорщиков здесь не было.

После занятия области частями Вооруженных Сил Юга России положение изменилось. Так, А.И. Деникин издал приказ о возобновлении работы Владикавказского кадетского корпуса. В ноябре 1919 г. сюда прибыли 425 полтавских кадетов, а также преподавательский состав и их семьи [5, с. 23]. Кадеты несли регулярную караульную службу (окрестности Владикавказа были неспокойны – бывали нападения горцев, кражи оружия и провизии). В отличие от караульной службы занятия постоянными не были, поэтому многие группами стали бежать из корпуса в армию. Очевидец подчеркивает, что там их «принимали охотно, несмотря на приказы Главного командования отчислять из частей молодежь с неоконченным средним образованием» [5, с. 23]. Уже в марте 1920 г. кадеты ушли вместе с другими войсками из Владикавказа в Грузию.

Следует отметить, что кадетские корпуса были первой ступенькой для молодых людей, решивших связать свою жизнь с армией. Офицеров выпускали военные училища, которых в Терской области не существовало. Поэтому для подготовки офицерских кадров в 1919 г. 38 казаков с закон-

ченным средним образованием откомандировывались в Екатеринодарское и Новочеркасское казачьи военные училища. В них для терцев открыли 50 вакансий. Однако нужда в людях на фронте была очень сильна, и освобождение от мобилизации получили только 38 станичников. Также 18 ноября 1919 г. в Софиевскую школу прапорщиков (г. Екатеринодар) направлялись 22 человека с образованием «не ниже 2-го разряда» [6, л. 2 об.]. На 1920 г. войско занесло в смету содержание только 30 казаков, обучавшихся в военных училищах [7, л. 5] (надо полагать, восемь человек по различным причинам покинули курсы). Есть информация, что терцы учились и в Крымском кадетском корпусе (очевидно из слушателей Владикавказского корпуса, эвакуировавшихся в Крым из Грузии) [8, с. 10].

Помимо подготовки квалифицированных офицеров, войско нуждалось и в специалистах из нижних чинов. Требовались пулеметчики, инженеры, артиллеристы. Да и само молодое пополнение следовало направлять на фронт обученным. Относительно последнего особых трудностей у войскового правительства не было. Владению шашкой, кинжалом, нагайкой казака обучали с детства. Строевая подготовка начиналась с освоения воинской выправки и изучения одиночных приемов. Параллельно с этими видами занятий совершенствовались умения и навыки джигитовки, которой придавалось особое значение. Обучение казаков пригготовительного разряда проходило в станицах под контролем атаманов. Непосредственно учебу осуществляли урядники или опытные казаки. Общее руководство и контроль за ходом обучения возлагались на одного из офицеров управления военных отделов. Заключительной стадией учебы являлись ежегодные летние лагерные сборы [9, с. 31–32].

В годы Гражданской войны образовательная система продолжала действовать. По имеющимся источникам трудно определить, готовили ли к службе молодых казаков в станицах в 1918 г. Судя по тому, что область в это время представляла собой, по выражению С. Кавтарадзе, военный лагерь [10, л. 34], они обучались военному делу практически – в составе станичных ополчений. Но с 1919 г. занятия проводились под присмотром инструкторов ежедневно по три часа до обеда и по два после него, невзирая ни на какую погоду. Подготовка новобранцев, ответственность за которую возлагалась на атаманов станиц и инструкторов, длилась в течение пяти недель, после чего пополнение отводилось в запасные сотни. Нестроевых и безлошадных, но грамотных казаков зачисляли писарями в канцелярии [11, с. 15].

Иногда система давала сбой. В марте 1919 г. в 4-й Терский полк прибыло 185 конных и 172 пеших казака «молодых присяг», людей совершенно неподготовленных, т.к. занятий с ними в станицах не велось. Полковой командир не мог считать пополнение боееспособным, поэтому приказал распределить его между 1, 3 и 4 полками [12, л. 74]. Здесь следует обратить внимание на дату – март 1919 г. Терская область только месяц назад освобождена от большевиков, времени на воссоздание системы воинского обучения оказалось недостаточно, а пополнение требовалось срочно. По этой причине на фронт и отправляли казаков (по всей видимости, присяги 1917–1918 гг.), которые в силу разрухи в войске не получили надлежащей допризывной подготовки.

В свободное от боев время занятия проводились и в полках. Для примера можно привести расписание строевых занятий в 1-м Горско-Моздокском полку со 2 по 6 апреля 1919 г. [13, л. 23]: 2 апреля с 8 до 15 часов казаки должны были освоить довольно большой массив информации: взводное учение; расчет, построение, равнение на ходу; повороты и заезды; вытягивание колонн и перестроение; спешивание, хождение за командиром взвода, одиночная выправка, отдавание чести, повороты, шашечные приемы; взводное учение; ознакомление с винтовкой, прицелом, заряданием, чисткой и хранением оружия. Если 2 апреля казаки обучались только действию в составе взвода, то уже 6 апреля – знакомились с полковым учением. Следует отметить, что 5 апреля в плане значился такой пункт, как «общее знакомство с лавой». Это свидетельствовало о том, что молодые люди не знали типичный для казаков военный строй. В 3-м Горско-Моздокском полку промежуток между взводным и полковым учением был и того меньше – с 1 по 4 апреля. Занятия проводились с 8 до 16 часов, но включали в себя только учения в конном и пешем строю; никакого освоения винтовки, одиночной выправки и прочего, что встречается у 1-го полка. К тому же со второй половины дня 4 апреля, 5 и 6 числа казаки говели, и занятия не проводились [14, л. 120]. С чем же была связана разница в учебных планах? Известно, что на комплектование 1-го Горско-Моздокского полка пошли казаки присяги 1918–1911 гг., а в 3-й – с 1902 г. по 1893 г. [15, л. 1–1 об.]. В 1-м полку находились совсем молодые станичники, а в 3-м – уже опытные, которым нужно было только «притереться» друг к другу на учениях.

Помимо занятий в конном и пешем строю офицеры и казаки осваивали пулеметы систем Максим и Кольт. При этом обучение было диффе-

ренцированным: имелась группа для знакомых с азами обращения с пулеметом и для совершенно не владевших этими навыками [14, л. 53–54]. Пулеметчики каждого полка занимались с 8 часов утра, выбрав подходящее помещение, под наблюдением младших офицеров [14, л. 53 об.].

Обучение на фронте было не только практическим, но и теоретическим. Командир 3-го Горско-Моздокского полка полковник Головкин приказывал всем командирам сотен в свободное время и на походе знакомить казаков с полевым уставом: разведкой, охранением и связью. Он советовал «подучить названный устав, ибо командиру полка приходится в каждой мелочи делать указание» [12, л. 123].

Заболелось Войско и о подготовке кадров для пополнения армии. В апреле 1919 г. начальником штаба Войска был заготовлен проект о создании учебного батальона с целью подготовки урядников в терские пластунские батальоны, пулеметчиков в строевые части. Два пластунских батальона в Войске появились только во время Первой мировой войны. После прихода на Терек Белой армии их число увеличилось до 16. Естественно, что эти подразделения не имели опытных, знакомых с пехотным боем урядников, т.к. существовавший кадр был получен из конных частей и нестроевых старшего разряда. Между тем, опыт борьбы восставших казаков на Тереке против большевиков показывал, что первые имели значительный процент убитыми и ранеными вследствие неумения вести пехотные бои. Надо добавить, что в этом отношении были слабы и многие офицеры. Части на фронте не имели возможности вести соответствующую подготовку. Именно этим и объяснялась необходимость создания в Войске учебного подразделения для прохождения курса пехотного строя и ведения в нем боя по сокращенной программе учебных команд пехоты.

Порядок комплектования пластунских частей был следующий. В 16 батальонах на апрель 1919 г. заключалось 64 сотни. Планировалось вызвать от каждой из них по восемь казаков и урядников, успешных (по удостоверению командиров сотен) в боевом и нравственном отношении и проявляющих начальнические способности (преимущественно присяги с 1912 г. и моложе). Каждый батальон должен был выделить 32 казака. На все 16 батальонов получалось 512 человек. В качестве инструкторов предписывалось вызвать из каждого батальона по одному офицеру (по удостоверению командиров батальонов), а из некоторых – по два и по одному уряднику [16, л. 23–23 об.]. Почему из одного ба-

тальяна планировалось вызвать одного, а из другого – двух офицеров – в приказе не разъяснялось.

Также опыт прошлогоднего восстания казаков на Тереке показал, что в войске крайне мало хорошо подготовленных пулеметчиков. Пулеметные команды сформировались в полках сравнительно недавно, и специалистов-пулеметчиков в Войске в конце Первой мировой войны было немного. Их небольшое количество частью пало в боях или умерло от эпидемии тифа. Значение пулемета, согласно документу, чрезвычайно возросло «благодаря малой дисциплинированности борющихся в гражданской войне сторон». Терские части на фронте не могли заняться подготовкой специалистов-пулеметчиков. Эти соображения диктовали необходимость создания специальных учебных курсов. Поскольку на вооружении терцев имелись пулеметы нескольких систем, изучать планировали все модели. Для временного пользования Войску отпущались два пулемета системы Максим, два – Кольта и один – Льюиса [16, л. 23 об.].

Предполагалось, что в конной дивизии будет по 30 пулеметчиков, а в пластунской бригаде – 40. Отсюда для обучения требовалось 280 казаков. Но, т.к. вызов их с фронта значительно ослаблял боеспособность терцев, Войсковым штабом планировалось предложить атаманам собрать для этой цели станичников из более «молодых присяг» (1912–1920 гг.). На каждый отдел приходилось по 70 казаков. Для изучения офицерами пулеметного дела штаб предлагал начальникам дивизий и пластунских бригад командировать из полков и батальонов по одному офицеру, каковые возвратятся в части подготовленными начальниками пулеметных команд [16, л. 23 об.–24]. Чтобы не раздувать штаты при скудном финансовом состоянии Войска, в проекте изначально планировалось объединить учебную часть для подготовки урядников пехоты и пулеметные курсы в один учебный батальон [16, л. 24].

В штате батальона планировались четыре пешие сотни: две – для подготовки урядников и две – пулеметчиков. Командир батальона являлся и руководителем занятий, при нем должен был находиться один адъютант (на него предполагалось возложить, помимо канцелярии, ведение занятий по какому-либо отделу), заведующий хозяйством, делопроизводитель, писарь и фельдшер (их количество в проекте не оговаривалось) [16, л. 24]. Срок занятий должен был охватывать не более восьми недель. Объем программы планировался следующий: для будущих

урядников – уставы: пехотный, полевой и стрелковый, сведения из топографии и основательное знакомство с пулеметным и саперным делом; для пулеметных сотен – прохождение специального пулеметного дела, производство стрельбы из пулеметов и винтовок [16, л. 24]. Также Войсковой штаб затребовал 160 тысяч патронов на стрельбы. Всего содержание учебного батальона в течение двух месяцев должно было обойтись войску в 341721 рубль 60 копеек [16, л. 24–24 об.].

Формирование учебного батальона Войсковое правительство одобрило и признало срочным [7, л. 8]. Часть была сформирована и названа «учебно-пулеметным батальоном» в составе двух учебных и двух пулеметных сотен. Но срок обучения сократили до двух месяцев. За это время выпустили: 49 инструкторов пулеметного дела, 125 пулеметчиков и 143 казака-пластун [6, л. 2]. Так 1 сентября 1919 г. состоялся первый выпуск учебно-пулеметного батальона Терского войска. Произведенная проверка знаний и степени подготовки казаков «обнаружила солидные познания казаков – каждый по своей специальности» [17, л. 40].

Однако и это число было недостаточным для удовлетворения требований строевых частей. Поэтому войсковой круг постановил сделать второй набор обучающихся уже на четырехмесячный курс для урядников и двухмесячный для пулеметчиков [18, л. 19]. «К сожалению, – говорилось в отчете войска, – боевая обстановка, в которой находятся наши строевые части, а также отсутствие людей в распоряжении атаманов отделов, не дали возможности довести батальон этот до штатного состава, но занятия с казаками ведутся и в недалеком будущем состоится второй выпуск урядников [пехоты] и пулеметчиков в строевые [части войска]» [6, л. 2]. В Войске началось досрочное обучение станичников присяги 1921 г. На начало 1920 г. в нем был «несколько обученный запас» казаков [19, л. 2].

В учебно-запасной батарее велось обучение артиллерийскому делу. В конце 1919 г. там занимались 450 казаков и 23 офицера. Предполагалось здесь же открыть специальные курсы для офицеров. Но задумка эта осталась нереализованной. В начале ноября 1919 г. из учебной команды Кавказского инженерного батальона было выпущено 15 телеграфистов, 21 телефонист, 24 подрывника и 26 саперов. Все они поступали в Терскую инженерную сотню [6, л. 2 об.].

Надо отметить, что занятия проходили даже в труднейшие дни начала 1920 г. В то время, когда ставка Войска переезжала из Пятигорска во Владикавказ, в 1-м Кизляро-Гребенском полку всем офицерам 2-го

дивизиона и пулеметной команды приказано было явиться в канцелярию полка к четырем часам дня, где войсковой старшина Ушинкин готовился провести занятие по строевому уставу [20, л. 177].

Таким образом, в условиях максимального напряжения сил Терское войско все же находило время для подготовки квалифицированных пополнений для армии. При полках организовывались специальные учебные части, посылались казаки и в военно-учебные заведения, существовавшие на юге России. Сложная обстановка на фронте и постоянный недостаток людей не давали развиваться этим начинаниям, а многие так и остались на стадии проектов. Особенно это сказывалось на «повышении квалификации» офицеров: этих кадров всегда не хватало и их с фронта не отпускали. Молодое пополнение казаков обучалось прямо в частях.

Список источников и литературы

1. Яровой А.В. Казачьи воинские искусства: к постановке проблемы // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (V Токаревские чтения). Ростов-на-Дону: Альтаир, 2016. С. 20–29.
2. Селиванов М. Нагрудные знаки и жетоны военных учебных заведений Императорской армии. М.: Collector's book, 2007. 192 с.
3. Очерки истории и культуры казачества Юга России: коллективная монография / Под ред. Г.Г. Матишова, И.О. Тюменцева. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. 624 с.
4. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева (НА СОИГИСИ). Ф. 21. Оп. 1. Д. 60.
5. Хижняков Г. Полтава – Владикавказ – Крым // Кадетская переключка. 1974. № 8. С. 22–27.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5351. Оп. 1. Д. 18.
7. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 1. Оп. 1. Д. 127.
8. Негоднов М.П. Об одной терской песне // Родной Терек. 1970. № 4. Июль–август. С. 10.
9. Соловьёв Д.Н. Особенности одиночной подготовки казаков к военной службе // Военно-исторический журнал. 2011. № 10. С. 30–32.
10. НА СОИГИСИ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 3.
11. Шилова С.Г. Казачьи полки вооруженных сил Юга России (1917–1920 гг.) // Военно-исторический журнал. 2013. № 1. С. 14–17.

12. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 40167. Оп. 1. Д. 3.
13. РГВА. Ф. 40201. Оп. 1. Д. 1.
14. РГВА. Ф. 40201. Оп. 1. Д. 4 (I часть).
15. ЦГА РСО-А. Ф. 1. Оп. 2. Д. 9.
16. ЦГА РСО-А. Ф. 1. Оп. 2. Д. 10.
17. ГА РФ. Ф. 5351. Оп. 1. Д. 3.
18. ЦГА РСО-А. Ф. 1. Оп. 1. Д. 51.
19. ГА РФ. Ф. 5351. Оп. 1. Д. 19.
20. РГВА. Ф. 40167. Оп. 1. Д. 6.

**Y.S. Pyltsin,
Yekaterinburg**

MILITARY PREPARATION IN THE TEREK COSSACK ARMY DURING THE CIVIL WAR PERIOD

The author explores the process of military preparations in the Terek Cossacks army during the Civil war. The topics devoted to officer readiness, the military specialists (artillery experts, machinegun specialists, military engineers), the readiness of privates in villages and detachments during 1918 are described separately. The failure of military readiness in 1918, which influenced military power of Cossack detachments in 1919–1920, is specially outlined. But military command tried to compensate for this loss with any means possible.

Keywords: military history, military training, Armed forces of the South of Russia, the Civil war, Terek Cossack Army.

УДК 93.94

**М.Е. Разиньков,
г. Воронеж**

«ВОССТАНИЕ АНАРХИСТОВ» В ВОРОНЕЖЕ В 1918 Г.

В статье рассмотрено так называемое «восстание анархистов», происходившее в Воронеже в апреле 1918 г. На основе мемуаров и архивных материалов подробно восстановлены его ход, участники, идеологическое содержание. Автор доказывает, что данное выступление неправильно называть

сугубо анархистским мятежом, поскольку в нем участвовал сложный конгломерат сил из анархистов, «анархистствующих» и просто недовольных войск, а также левых эсеров. Подробно проанализированы противоречия внутри воронежских организаций большевиков и левых эсеров.

Ключевые слова: Гражданская война, история Воронежской области, анархисты, восстания анархистов, левые эсеры, 1-я Южная революционная армия.

Весной 1918 г. в Воронеже произошло восстание вооруженных частей. Событие это неоднократно освещалось в воспоминаниях и исследованиях, войдя в историю как «мятеж анархистов» [5, с. 180–181], [14, с. 91–102], [15, с. 72], [16, с. 325], [18, с. 45–47], [19, с. 43]. Тем не менее его детали и идеологическое содержание до сих пор изучены слабо.

Необходимо обратить внимание на возможность собственно анархистского мятежа в Воронеже. Город никогда не был центром анархического движения, хотя анархисты проявляли себя здесь как в революции 1905 – 1907 гг. [17, с. 77–86], так и в 1917–1918 гг. 25 мая 1917 г. губернский комиссар В.Н. Томановский сообщал о расклеивании в уездном Коротояке прокламаций харьковских анархистов «с призывом к свержению власти и захвату капиталов» [12, л. 41]. Есть свидетельства о наличии делегата-анархиста от железнодорожников в Воронежский Совет в дооктябрьский период 1917 г., записи анархистов в социалистический клуб, создававшийся в городе летом–осенью 1917 г. Два анархо-коммуниста присутствовали на губернском крестьянском съезде 15–18 февраля 1918 г., пять – на III губернском съезде Советов 6–10 апреля 1918 г. В Калаче на выборах 25 августа 1918 г. в губернский съезд Советов был избран анархист. В марте 1918 г. на заводе «Трудовое равенство» существовала группа рабочих – анархистов-коммунистов, отмежевывавшаяся от событий, связанных с мятежом [1, с. 4], [2, с. 2], [15, с. 79], [16, с. 304–305], [18, с. 49]. Симпатии к анархизму проявлял руководитель украинских отрядов на западных окраинах губернии матрос М.М. Сахаров. Находясь осенью 1918 г. в Россоши, он решил поменять политическую ориентацию, превратившись из левого эсера в анархиста: «В конце октября однажды утром над штабом полка Сахарова в первый раз развивалось черное знамя. Знамен было 3-е. На одном было написано “Да здравствует Кропоткин”, на 2-м “Мир хижинам – война дворцам”, на 3-м “Вечная память борцам за свободу”» [13, л. 1, 15], [23]. История

с М.М. Сахаровым показывает, насколько тонка была грань между идентичностями «левый эсер» и «анархист». Представляется, что именно так и можно описать политические настроения в Воронеже в марте–апреле 1918 г.

Таким образом, говорить о разветвленных и влиятельных организациях анархистов в Воронеже и по губернии не приходится. Однако весной 1918 г. ситуация могла существенно измениться ввиду отступавших через губернию отрядов с Украины, где анархисты имели значительное влияние. В апреле 1918 г. в Воронеже работали Советы, эвакуировавшиеся из Одессы, Харькова, Кременчуга и Сум, что могло повысить влияние анархистов в городе [18, с. 59]. Части 1-й Южной революционной армии Г.К. Петрова, с которыми, собственно, и связывают восстание, представляли сложный конгломерат отрядов, сформированных, прежде всего, на Украине [8, л. 35].

Восстание имело свою предысторию, связанную с анархистами. Силы конфликта стали накапливаться в Воронеже с конца марта 1918 г., когда сюда прибыл крупный отряд, состоявший из кавалерии, броневиков и другой техники. Скорее всего, часть его заняла гостиницу Д.Г. Самофалова, располагавшуюся в центре города рядом со всеми важнейшими учреждениями. «Хроника» А.А. Комарова называет их анархистами, что совпадает с наблюдениями газеты «Воронежский телеграф»: «За последние дни в городе усилилась агитация группы анархистов-коммунистов. Так, они являлись на биржу труда и вели агитацию среди безработных, предлагая свои методы борьбы с безработицей. Как известно, анархисты захватили гостиницу Самофалова, причем у владельца гостиницы отобрали несколько тысяч рублей, которые они и предполагают раздать безработным» [3, с. 3]. 24 марта 1918 г. группа анархистов и безработных заняла помещение известного воронежского клуба оппозиции – кафе «Чашка чаю», которое было объявлено клубом безработных. Вооруженные анархисты забрали у казначея 4566 рублей, заставили выдать служащим заработок за март и ничего не пожелали слушать о том, что деньги от дохода кафе и так идут «в пользу нуждающихся» [4, с. 3]. Советские власти были вынуждены принять меры. К гостинице «Бристоль», расположенной в непосредственной близости от гостиницы Д.Г. Самофалова, где находился военный отдел Совета, подкатили два орудия; гуляющую публику разогнали патрулями [4, с. 3]. Анархисты были изгнаны из гостиницы, арестованы и, по версии «Хроники» А.А. Комарова, осуждены ревтрибуналом.

11 апреля конфликт вспыхнул снова, теперь уже в гораздо более крупных масштабах. Восставшие части, имевшие единое командование («оперативный штаб войск»), заняли телефонную станцию и гостиницу Д.Г. Самофалова. Центрами их были Курский вокзал, Мариинская гимназия, а также здание духовной семинарии. Восставшие являлись в дом народных собраний, где располагался губисполком Совета и находился штаб рабочей дружины, и в гостиницу «Бристоль». Все эти здания, за исключением Курского вокзала, территориально расположены буквально в двух шагах друг от друга в центре города.

Как и предполагали восставшие, большая часть гарнизона, комитет ПЛСР оказались на их стороне. Губисполком мог рассчитывать только на рабочую дружину. Силы были явно не равны. Несмотря на то, что дружина, неплохо вооруженная, имела не только винтовки, но и пулеметы, вряд ли могла противостоять значительно превосходящим ее численно военным отрядам. Не надо также забывать, что костяк дружины состоял из левых эсеров и вряд ли настроения в ней по поводу восстания были монолитны.

11 апреля руководители повстанцев явились в военный отдел и потребовали создать согласительный орган – «федерацию анархистов». Был арестован комиссар губпродкома В.Н. Люблин, который отказался выдать восставшим фураж и продовольствие. Представители официальной власти Н.Н. Рабичев, Н.И. Григорьев, И.С. Пляпис, Лебедев, несмотря на изначально громкие речи о возможности подрыва семинарии, решили не напрягать обстановку и пойти на договоренность с мятежниками.

Однако 11 или 12 апреля в городе появились руководители местных большевиков: председатель губкома Н.Н. Карадашев, глава военного отдела Совета И.А. Чуев и комиссар Госбанка Н.П. Павлуновский. Им стало очевидно, что войска действуют самовольно. Был освобожден В.Н. Люблин, собраны силы: рабочие дружинники, в т.ч. с пригородных слобод Придачи и Чижевки, артиллеристы с двумя орудиями, часть милиции, дружина молодежи и учащихся («Банковская боевая дружина») с броневиком, группа железнодорожников. Глава рабочей дружины М.А. Чернышев упоминал о наличии конного отряда, автомобилей и «пулеметного вооружения большого». Один из руководителей бобровских красногвардейцев В.В. Тарасов-Сокольский, вспоминал о том, что принимал участие в подавлении восстания, т.е., возможно, был отряд и из уездного Боброва [10, л. 114], а также Кексгольмского полка.

12 или 13 апреля силы, подчинявшиеся губисполкому и губкому РКП(б), окружили Мариинскую гимназию и семинарию. Видя передвижение в центре города, восставшие, находившиеся на Курском вокзале, переместились на вокзал Воронеж-1. С.А. Спицын вспоминал: «Наш отряд стал их задерживать, но они стали грозить нам, что если не пропустим, то откроют бой. Мы решили не пропускать их, разобрали ж.д. линии за мостом и задержали состав и направили их на станцию, на станции обезоружили, а некоторые сбежали в бывшую духовную семинарию, ныне дворец труда. В этот момент отобрали у анархистов много оружия, пулеметы и броневики» [6, л. 189–190]. Важно отметить, что сидевшие в эшелоне совсем не собирались сдаваться и отстреливались. Именно здесь произошли неудачные переговоры с гибелью парламентаров, о чем подробнее будет сказано ниже. М.А. Чернышев, описывая разоружение эшелона, отмечал: «Таким образом, бронечасть мы взяли, но все главные люди бежали» [14, с. 97].

Утром 13 или 14 апреля в здание семинарии и Мариинскую гимназию (располагаются друг напротив друга) были отправлены парламентары. В семинарию пошли дружинники во главе с левыми эсерами М.А. Чернышевым и С.И. Данилькевичем. Последний предложил сдать оружие, при этом часть мятежников последовала этому совету, и была создана согласительная комиссия с участием дружинника С.В. Носова. Однако засевшие в семинарии военные сильно избили его, и организованное разоружение не состоялось. Так же провалилась миссия И.А. Чуева и В. Котова, посланная в Мариинскую гимназию. Солдаты просто выкинули переговорщиков из здания.

В ответ был отдан приказ стрелять из орудий по семинарии, после чего в здании началась паника. Количество жертв неизвестно (упоминается только часовая, убитый снарядом). С.А. Спицын вспоминал: «Когда же анархистов выбивали из семинарии, то они бросали[сь] в окна и бежали к Чернавскому мосту, и в Ботанический сад и на Придачу...» [6, л. 190]. Другой участник подавления мятежа, В.И. Берсов отмечал, что было взято в плен 400–500 человек [7, л. 108–108 об.]. Интересна судьба плененных повстанцев. В.И. Берсов сообщал, что за ними приезжал сам Г.К. Петров, забрав на фронт.

Восстановление хронологии бунта должно быть дополнено рядом наблюдений аналитического характера. Не случайной представляется временная связь с событиями в соседнем Курске, где точно так же восставшие войска под знаменем анархизма захватили власть в городе

и удерживали ее до конца месяца. Дело в том, что по некоторым сведениям части анархистов прибыли именно оттуда. Здесь, однако, встает вопрос о составе повстанческих частей. Практически нигде в документах невозможно найти хоть какие-нибудь названия мятежных отрядов, кроме общего – «Южная армия» и «армия Петрова». Вполне вероятно, речь даже может идти не о 1-й Южной армии Г.К. Петрова, а о 5-й (2-й особой) армии Р.Ф. Сиверса, отступавшей через Курск [25, л. 15–18].

Части, ставшие ядром мятежа, прибыли в Воронеж примерно за две недели до восстания. М.А. Чернышев оценивал их как «отряд примерно из 1200 сабель, из колонны 8 автоброневиков, нескольких автомобилей» [14, с. 92]. Хронологически это совпадает с фактом беспорядков 24 марта 1918 г. в гостинице Д.Г. Самофалова. Среди лидеров приезжих анархистов М.А. Чернышев называет неких Харьковского и Колесова, однако выяснить их личности и судьбу не представляется возможным. Еще одной составляющей бунта явились воронежские части. Из крупных отрядов, участвовавших в волнениях, был кавалерийский отряд И.Н. Домнича, прибывший из Острогжска. Этот известный в дальнейшем кавалерийский командир примыкал к левым эсерам. Однако, подобно М.М. Сахарову, взгляды его были весьма неопределенными. Командир Острогжского социалистического полка Б.Н. Фёдоров писал в 1930-е гг. об «отряде анархиста Домнича» [9, л. 14–15], [21, с. 187–188]. Упоминаются и части из Валук [18, с. 57]. Таким образом, это был мятеж военных частей российско-украинского фронта, но не местной анархистской организации.

Беспорядки начались сразу после III губернского съезда Советов, закончившегося 10 апреля, что также не случайно. На съезде после дебатов с левыми эсерами был одобрен Брестский мир. Это означало не только унижение сражавшихся на Украине войск, но и необходимость их разоружения. Известно, что те сдавать оружие не хотели. М.А. Чернышев вспоминал, как к нему за несколько недель до восстания стали обращаться лица из пришедшего в Воронеж отряда с целью участвовать в перевороте, о чем он неоднократно докладывал лидерам воронежских большевиков Н.Н. Рабичеву, В.Н. Губанову, начальнику штаба Лебедеву, однако те не придавали его словам значения [14, с. 92]. Следует предположить, что одобрение Брест-Литовского мира съездом Советов спровоцировало выступление, речь о котором заходила уже давно. Очевидно также, что разоружение отряда на ст. Воронеж-I подлило масла в огонь.

Существенной была роль в восстании воронежских левых эсеров, которые наряду с большевиками занимали ключевые посты в советских учреждениях. Выступая на съезде по поводу Брест-Литовского мира, председатель губкома ПЛСР А.М. Абрамов восклицал: «Продовольственная разруха дошла до крайнего предела. Мир, заключенный с Германией, грозит свести на нет все завоевания революции. Неужели мы допустим, чтобы наши земля и воля уплыли к берегам Германии» [18, с. 57]. Однако резолюция левых эсеров не прошла, и съезд одобрил подписание мира.

Значительная часть членов воронежской организации ПЛСР поддержала мятежников. Среди них: А.М. Абрамов, лично приводивший М.А. Чернышева в штаб анархистов и склонявший его к восстанию; член комитета и руководитель боевиков с завода взрывателей М.Ф. Цыпляева, присутствовавшая на этом совещании [24, с. 170–174]; член комитета ПЛСР Н.И. Григорьев, вошедший в созданный повстанцами орган – «федерацию анархистов» и предупредивший их о готовящемся подавлении мятежа [14, с. 93, 96, 101].

При этом часть левых эсеров пыталась договориться с большевиками, а другая выступила резко против восстания. На примирение, видимо, был ориентирован Н.И. Григорьев. Есть свидетельство о том, что один из мятежников, левый эсер, пытался организовать переговоры. Когда начались вооруженные столкновения на вокзале, «в ревком станции пришел Пантюхов – матрос из отряда [Р.Ф.] Сиверса, левый эсер. Пантюхов говорит: “почему стреляете друг друга, можно договориться” и за это взялся. Приводит он из эшелона четырех–пять человек, совершенно пьяных, вооруженных с ног до головы... Подходит Пляпис и говорит: “В чем дело?”, “Пойдите в эту комнату в соседнее помещение”... Пляпис порекомендовал сесть на диван этой группе. Когда они сели, Пляпис вытаскивает револьвер и предлагает сдать оружие. Если, говорит, Вы сдадите оружие, то тогда только будем с вами разговаривать». В ответ один из матросов бросил бомбу, которая чудом не разорвалась, а И.С. Пляпис и дружинники М.А. Чернышева пристрелили всех матросов, кроме Пантюхова. Особенность ситуации состоит в том, что спровоцировавший стрельбу И.С. Пляпис сам был членом комитета ПЛСР. Кроме того, видные воронежские левые эсеры – С.И. Данилькевич, И.С. Пляпис, И. Токмаков, И.Е. Крючков, М.А. Чернышев – приняли активное участие в подавлении мятежа [14, с. 95].

Таким образом, в комитете ПЛСР произошел явный раскол, и говорить о едином мнении невозможно. Тем не менее, по версии М.А. Чернышева, руководящая часть комитета ПЛСР была на стороне восставших. Очевидно также, что ПЛСР обеспечивала поддержку мятежников в советских государственных органах. Левые эсеры активно участвовали в переговорах, в результате которых большевики пошли на уступки и согласились на создание компромиссного органа из руководителей восставших частей («федерация анархистов»), трех большевиков и двух левых эсеров. В дальнейшем комитет ПЛСР осудил участие однопартийцев в подавлении мятежа [14, с. 94, 99–100].

В тезисе о необходимости революционной войны с германским империализмом ПЛСР идеологически смыкалась с анархистскими организациями, украинскими левыми и левыми коммунистами. В Воронеже присутствовали все эти составляющие, как эвакуировавшиеся с Украины, так и местные.

Лидеры местных большевистских радикалов – Н.Н. Рабичев, И.Я. Врачев и А.С. Моисеев – действовали в этой ситуации по разным траекториям, но, в общем, осудили мятеж. И.Я. Врачев выступал за подписание Брестского мира; А.С. Моисеева не было в Воронеже, поскольку, вероятнее всего, он занимался военными вопросами, являясь начальником штаба 1-й Южной армии Г.К. Петрова. Есть сведения о конфликте А.С. Моисеева с Г.К. Петровым по поводу апрельского мятежа [10, л. 37], [22, с. 197–198]. Вполне возможно, примирительно к восставшим был настроен «воронежский Бухарин» Н.Н. Рабичев. Он не только игнорировал предупреждения М.А. Чернышева о готовящемся мятеже, но и являлся участником совещания с анархистами, после которого исполнительный комитет Воронежского Совета распускался, и создавалась «федерация анархистов». Кто из большевиков вошел в этот орган – неизвестно. Очень вероятно, что Н.Н. Рабичев был среди них, но сам факт присутствия коммунистов в «федерации» показателен [14, с. 92, 94].

Примечательно, что инициаторами быстрого разрыва с «анархистами» стали прибывшие в Воронеж из Москвы лидеры большевиков Н.Н. Кардашев и И.А. Чуев, которые отличались относительно умеренными взглядами. Например, И.А. Чуев критически высказывался об октябрьском перевороте, однако предпочел, в отличие от другого лидера местных коммунистов С.Д. Турчанинова, остаться в партии [20, с. 4].

По словам М.А. Чернышева, по прибытии из Москвы Н.Н. Кардашев, И.А. Чуев и Н.П. Павлуновский обратились к нему со словами: «Что же ты допустил, чтобы анархисты в городе черт знает что натворили» и потребовали собирать силы для ликвидации мятежа. Таким образом, можно предположить, что вернувшиеся «умеренные» партийно-государственные деятели положили конец сомнениям «левых коммунистов», и в дальнейшем Н.Н. Рабичев упоминается как активный участник подавления бунта.

Подведем некоторые итоги. Весна 1918 г. была временем столкновений большевистской власти со своими союзниками (анархистами, левыми эсерами) и выходившими из-под контроля войсками. 11–12 апреля 1918 г. ВЧК разгромила анархистов в Москве, через неделю – в Петрограде. Следует указать на события в Курске, начавшиеся 10 апреля, и, как представляется, зарождавшиеся аналогично воронежским: прибывшие с Украины войска с 10 по 29 апреля удерживали город. Обратим внимание на отсутствие прямых доказательств руководства мятежа в Воронеже анархистами. В связи с этим можно поставить вопрос: был ли анархистским и мятеж в Курске, либо он представлял собой действия «воронежской модели» сложного конгломерата сил из анархистов, анархизирующих, левых эсеров и просто недовольных войск?

Среди последствий восстания в Воронеже необходимо назвать наметившийся раскол местных левых эсеров. Однако он был неочевидным, о чем говорит тот факт, что многие деятели, выступившие против комитета, в дальнейшем сохранили свое положение в нем. Исключение представляли, возможно, И.С. Пляпис и М.А. Чернышев с частью, а, может быть, и всей рабочей дружиной. Кроме этого, Н.И. Григорьев, старавшийся в апреле искать компромисс, продолжал это и в дальнейшем, выступив в октябре 1918 г. одним из инициаторов создания в Воронеже партии народников-коммунистов [11, л. 2]. По нашим наблюдениям, отношения воронежских большевиков и левых эсеров стали стремительно охлаждаться только с середины июня 1918 г.

Список источников и литературы

1. Воронежский красный листок. 1918. 28 августа.
2. Воронежский телеграф. 1917. 18 августа.
3. Воронежский телеграф. 1918. 24 (11) марта.
4. Воронежский телеграф. 1918. 26 (13) марта.

5. Воронков И.Г. Воронежские большевики в борьбе за победу октябрьской социалистической революции. Воронеж: Воронежское областное книгоиздательство, 1952. 196 с.

6. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 4.

7. ГАВО. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 20.

8. ГАВО. Ф. Р-1018. Оп. 1. Д. 5 б.

9. ГАВО. Ф. Р-1048. Оп. 2. Д. 183.

10. ГАВО. Ф. Р-1086. Оп. 1. Д. 2.

11. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 12.

12. ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 346.

13. ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 590.

14. Два архивных документа / сост. Н.И. Третьяков. М.: Издательство Олега Пахмутова, 2014. 126 с.

15. За власть Советов. Сборник воспоминаний участников революционных событий в Воронежской губернии в 1917–1918 годах / под ред. И.Г. Воронкова, Т.М. Севастьяновой. Воронеж: Воронежское книжное издательство, 1957. 142 с.

16. Заяц Н.А. Кризис государственного управления и организация новых властных структур Воронежской губернии в 1914–1918 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2017. 404 с.

17. Квасов О.Н., Разиньков М.Е. Анархисты в Воронежской губернии в начале XX века: к постановке проблемы // Воронежский вестник архивиста. Воронеж, 2004. № 4. С. 77–86.

18. Комаров А.А., Крошицкий П.П. Революционное движение. Хроника 1918 года. Т. 1. (Губернии Воронежская и Тамбовская). Воронеж: Издательство «Коммуна», 1930. 188 с.

19. Очерки по истории Воронежского края / под ред. Е.Г. Шуляковского. Т. 2. Эпоха социализма. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1967. 678 с.

20. Путь жизни. Рабочая и крестьянская газета. Орган Воронежского комитета РСДРП. 1917. 8 декабря (25 ноября).

21. Разиньков М.Е. Домнич Иван Нестерович // Вожаки и лидеры Смуты. 1918–1922 гг. Биографические материалы / сост. и науч. редактор А.В. Посадский. М., 2017. С. 187–188.

22. Разиньков М.Е. Петров Григорий Константинович // Вожаки и лидеры Смуты... С. 197–198.

23. Разиньков М.Е., Заяц Н.А. Сахаров Михаил М. // Вожаки и лидеры Смуты... С. 198–201.

24. Цыпкина Р.Г. Сельская красная гвардия в октябрьской революции. По материалам губерний Центрального промышленного района. М.: Наука, 1970. 230 с.

25. Российский государственный военный архив. Ф. 14. Оп. 2. Д. 16.

**М.Е. Razinkov,
Voronezh**

“THE UPRISING OF ANARCHISTS” IN VORONEZH IN 1918

“The uprising of anarchists” is studied in this article. The uprising took place in Voronezh in April 1918. The course of the uprising, its participants, ideological content were restored in detail on the basis of memoirs and archival materials. The author argues that the uprising was incorrectly called a purely “the uprising of anarchists”, since it involved a complex conglomeration of forces from anarchists, and simply disgruntled troops, as well as Left Socialist-Revolutionaries. The contradictions within Voronezh organizations of the Bolsheviks and the Left Socialist-Revolutionaries have been studied in detail.

Keywords: the Civil war, the history of the Voronezh region, anarchists, the anarchist uprisings, Left Socialist-Revolutionaries, the 1-st Southern Revolutionary Army.

УДК 93/94

**В.В. Цысь,
г. Нижневартовск**

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ УЧАСТНИКОВ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ 1921 Г.¹

В статье характеризуются основные программные установки лидеров Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. Делается вывод, что важнейшими чертами идеологии движения являлись: антикоммунизм,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и администрации ХМАО-Югры, проект № 17-11-86001.

стремление вернуться к революционным завоеваниям февраля 1917 г., «общенародная» власть без предпочтений каким-либо партиям и социальным группам. Выдвигались лозунги, целевые установки, перекликавшиеся с положениями эсеровской программы.

Ключевые слова: Гражданская война, Западно-Сибирское крестьянское восстание, Тобольск, Сургут, антикоммунизм, большевики, эсеры.

Одним из наиболее крупных антибольшевистских выступлений за всю историю советской власти следует признать Западно-Сибирское крестьянское восстание. Оно вспыхнуло в конце января 1921 г. в Ишимском уезде Тюменской губернии, очень быстро перекинулось на соседние уезды и вскоре охватило значительную часть Зауралья.

Насчитывалось восемь крупных очагов движения. Самым северным, дольше всего просуществовавшим, являлся тобольский. Здесь возникло квази-государственное образование, под контролем которого весной 1921 г. находились три северных уезда Тюменской губернии – Тобольский, Березовский и Сургутский (в современных границах – Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа и северная часть Тюменской области). «Тобольская империя», по ироничному замечанию одного из первопроходцев темы К.Я. Лагунова [1, с. 144], имела свою «столицу», систему органов центральной и местной власти, вооруженные силы, символику (флаг, герб, гимн [2, с. 110–111]), печатный орган, номинальных и неформальных лидеров. В период максимального развития движения под властью «партизан» находилась территория, по площади превосходившая многие европейские государства.

Особый интерес представляет изучение идеологии и отдельных аспектов внутренней политики тобольских повстанцев. Возможность издавать собственную газету и листовки, достаточно длительное пребывание в древней столице Сибири позволяли облечь часто смутные, не очень определенные чаяния в форму программных установок, обращенных к различным социальным слоям, а также противнику. Их анализ позволит составить представление об одном из альтернативных вариантов политического устройства, предлагавшемся сторонниками «третьей силы», противопоставлявшей себя и красным, и белым.

Основой повстанческой идеологии был антикоммунизм. Считалось, что невозможны никакие компромиссы с большевистской властью, ее нельзя исправить и с ней не договориться. Коммунисты изображаются

как кучка поработивших Россию узурпаторов, которые намереваются ею править подобно свергнутым ранее помещикам и капиталистам. Это случайные люди, проходимцы, друг друга назначающие на руководящие должности, далекие от народа и его подлинных интересов.

В обращении от 26 февраля 1921 г. с призывом записываться в 1-й Тобольский Добровольческий Отряд Северных Орлов отмечалось: «Настало время и великий русский народ пробуждается для свершения великих дел. Спешите все к нам для скорейшего уничтожения коммунизма и восстановления основ нашей будущей жизни, кровь расстрелянных вопиет к Вам и зовет на святое дело, дело возрождения России. С нами Бог! Да здравствует свободная Сибирь! Да здравствуют свободные граждане Сибири!» [3, л. 20].

Автор другого обращения вступает в заочную полемику с В.И. Лениным, утверждавшим, что если Россией умело управляла кучка дворян, то почему бы не управиться несколько тысячам коммунистов: «Ошибаетесь, грж.[гражданин] Ленин. Помещики управляли русским народом только пока он был слаб» [3, л. 166].

В то же время отдельные коммунисты и особенно беспартийные могут перейти на сторону народа, к ним нет вражды. Так, в одном из пунктов специально изданной для военнослужащих Народной армии «Памятке партизана» указывалось: «Враг – коммунист. Беспартийный красноармеец – брат твой» [3, л. 47]. Примечательный факт – повстанцы на подконтрольной им территории сохранили выплаты пособий семьям красноармейцев, «кроме добровольцев»!

Для них было характерно неприятие ни одного из ранее существовавших в России режимов: ни царского, ни большевистского, ни белогвардейских. Коммунисты упрекаются в том, что они используют унаследованные от своих предшественников приемы управления народом, которые названы «монархическими». Так, в одной из программных статей газеты «Голос Народной Армии» подчеркивалось: народ в 1917 г. сверг ненавистное правительство, но не довел дело государственного строительства до конца. «Власть попадает в руки одной партии, партии коммунистов, которые и применили все монархические методы по управлению страной... начали проводить в жизнь план, по которому все русские люди обращались в рабов...» [4, с. 2]. В обращении к рабочим отмечалось «разительное сходство... между властью коммунистов с одной и властью царской, Колчака, Деникина и подобных с другой стороны» [5, л. 61]. Призыв

к «братьям-партизанам» и крестьянам опять же констатировал, что «...Народ уничтожил Деникина и Врангеля, уничтожил Колчака, уничтожит – коммуноу. С нами Бог и победа, ибо мы за правое дело!» [5, л. 82]. Стилистика и содержание подобного рода воззваний варьировались в зависимости от адресата. В обращении к служащим, социальной группе заведомо более образованной, констатировалось, что «времена монгольского ига, смутное время, период крепостного права и аракчеевщина померкли в мрачном дьявольском блеске большевистского режима» [5, л. 63].

Отрицая коммунистические порядки, повстанцы предлагали вернуться на тот демократический путь, на который Россия встала в феврале–марте 1917 г. В частности, 12 марта 1921 г., в четвертую годовщину февральской революции, в «Голосе Народной Армии» вышли две аналитические статьи (одна редакционная, другая подписана псевдонимом «Каспий»), авторы которых попытались осмыслить значение этого исторического события [6, с. 1], [7, с. 1]. Оба оказались единодушны в оценке Февраля как грандиозного достижения, принесшего «проблески лучшей жизни». Однако не ко всем революционным завоеваниям народ оказался готов, ему навстречу поднялся «лживый, жестокий и враждебный, выросший и окрепший в хаосе жизни, новый ее владыка – большевизм» [7, с. 1]. Народ, поверивший посулам «большевиков-коммунистов» обеспечить мир, отменить смертную казнь, защищать демократические завоевания, передал им власть. Но те не выполнили своих обещаний, начался «ужасный кошмар», продолжавшийся три с половиной года, их власть «прошла под знаком насилия и грабежа». В конце концов терпение закончилось, и коммунистическое иго удалось свергнуть. Теперь, умудренный опытом, народ не допустит сосредоточения власти в руках одной партии или группы.

Такова, в целом, логика хода событий последних четырех лет в понимании идеологов повстанцев. В этих статьях, а также в издававшихся и широко распространявшихся как на подконтрольной Тобольску территории, так и за ее пределами эмиссарами Крестьянско-городского совета (высшего органа законодательной, исполнительной и судебной власти повстанцев) и Главного штаба Народной армии, не признавалось наличие у большевиков какого-либо плана переустройства России. Они – дорвавшиеся до власти грабители, развалившие за четыре года своего правления экономику и превратившие народ в бессловесных рабов. В противовес этому подчеркивался объединяющий наднациональный

характер новой «общенародной» власти, не делающей различий между жителями города и села, рабочими и крестьянами, русскими и татарами, монархистами и социалистами.

Если говорить о позитивной программе повстанцев, то здесь следует отметить их стремление синтезировать достижения периода Временного правительства и большевиков. Система советов в полной мере их устраивала. Недовольство вызывала лишь узурпация власти коммунистами. Вот как об этом говорилось в обращении перебежчиков – военнослужащих Казанского стрелкового полка к беспартийным красноармейцам: «Он [народ] признает советскую власть и советские учреждения, но не может смириться с тою кабалой и с тою бесправною скотской жизнью, которую устроили для рабочих и крестьян коммунисты...» [5, л. 57]. Аналогичная мысль высказывалась и на страницах повстанческого официоза: «*Вся власть Советам...* мы до тех пор не выпустим из своих рук оружия, пока не установим *всенародной власти*, а если какая-нибудь группа или партия попытается захватить у нас власть, мы *«скопнем»* их... не народ существует для власти, а власть для народа» [4, с. 2].

Свобода рисовалась как идеал, достигнутый в феврале 1917 г. и затем попраный большевиками, который следует обязательно вернуть. Жизнь виделась «без всяких стеснений и насилий, без разверток и пятерок, и других выдумок». В сфере экономики возвращение принципов свободы означало отказ от политики военного коммунизма. Из труда, являющегося насущной потребностью человека, коммунисты «сделали пародию», «обратили всю Россию в какой-то военный лагерь труда», где людей заставляли работать против желания и не по специальности «и где все делали вид, что работают, а на деле 9/10 ничего не делали» [8, с. 1].

К другим, попраным большевиками общечеловеческим принципам или завоеваниям революции, отнесены свобода торговли; личная частная собственность, «которая признается и научным социализмом»; возврат самостоятельности профсоюзам как организациям, защищающим интересы трудящихся. «Экономические организации трудового народа, кооперативы и профессиональные союзы должны быть тем прочным фундаментом, на основе которого будет строится величественное здание нового мира – царство труда, светлой мысли человеческого гения и справедливости» [9, с. 2].

Крайне осторожно повстанцы подходили к вопросу о восстановлении крупной частной собственности. Опасение вызывали возможные

попытки возврата помещикам изъятых у них земель. Разумеется, для Сибири, не знавшей помещичьего землевладения, эта проблема не являлась актуальной. Однако перспективы распространения движения на всю страну заставляли избегать однозначных заявлений на данный счет. В то же время, в руках государства было решено оставить национализированные большевиками рыболовные промыслы, а также при объявлении свободы торговли сохранить монополию на пушнину – главный предполагаемый источник валютных поступлений.

В обращениях к крестьянству вполне определенно прослеживаются идеи уравнительного землепользования: «Нужно понять, что старые порядки миновали безвозвратно, поэтому, чтобы не вносить смуту и раздор в среду ближайших соседей, лучше часть уступить, дабы не рождалась новой борьбы. Будущее землеустройство рано или поздно должно будет отрезать все излишки и наделить ими тех граждан, у коих ощущается недостаток» [5, л. 94].

Приведенные выше идеи формулировались, оформлялись в тексты листовок и газетных статей, печатались и затем широко распространялись по повстанческому квази-государству из его «столицы» – Тобольска. Здесь находились наиболее подготовленные и идеологически подкованные кадры, сосредотачивавшиеся в редакции газеты «Голос Народной Армии» и в военно-пропагандистском отделе Главного штаба Народной армии. В периферийных центрах движения возможности были гораздо скромнее, но, тем не менее, и здесь велась активная политико-просветительская работа.

В качестве примера следует привести подчиненный Тобольску г. Сургут. В этом уездном центре не имелось типографии, документы составлялись и копировались машинописным способом или от руки. Здесь также оформлялись обращения к отдельным социальным группам. Можно отметить воззвание Сургутского Комитета общественной безопасности (КОБ) к народным учителям и учительницам и «всем интеллигентным силам». Авторы призывали «встать на стражу интересов Свободной Сибири; взять на себя... пропагандическую отрасль и широко читать населению газеты, возвания и разъяснять значение текущего момента, что значит истинная свобода, с проведением параллели между коммунистической властью и властью Народных Советов, избранных на основе Всеобщего Избирательного Права» [10, л. 182]. От некоторых пропагандистских текстов Сургутского КОБа сохранились только

их заголовки: «Все на борьбу с коммунизмом», «Воззвание к честным коммунистам».

Каждая из сторон старалась выставить своего противника в невыгодном свете, используя для этого широкий спектр приемов. В чем же упрекались коммунисты в листовках, составленных в Сургуте? В обращении к волостным КОБам указывалось, что лозунги коммунистов – «ложь и обман», что они приезжали на север «почти нагие», а затем «наживались, одевались, да еще и запасали посредством реквизиции» [10, л. 20]. Приводились примеры «наглого воровства». Так, председатель уездного исполкома Зорин украл предназначенные для больницы ящик мыла и мануфактуру, член исполкома Зырянов уличен самими же коммунистами в краже шубы и золотого кольца, военком Калашников приехал в Сургут нищим, а «увез несколько возов разного имущества» [10, л. 20 об.] и т.д. Кроме личного обогащения коммунисты упрекаются в узурпации власти. Примечательно, что авторы воззвания не предъявляют никаких претензий по поводу политики военного коммунизма и связанных с ней эксцессов, вызвавших озлобление крестьян на юге губернии. Очевидно, что несмотря на все издержки экономического курса большевиков, для жизни северян эта политика была менее губительна, чем для населения хлебородных районов. Авторам больше удавались литературные приемы, разного рода эмоциональные выпады против свергнутой власти («черные лапы коммунизма», «завыли как голодные волки коммунисты, созывая своих недалеких последователей» и т.п.), чем изложение политической или экономической программы. В данном отношении сургутские идеологи восстания существенно уступали своим тобольским товарищам.

Как одна из форм агитации использовались обращения к жителям еще не занятых повстанцами районов. Можно выделить одно из них к «березянам», в котором содержались обвинения в адрес коммунистов, призывы вылавливать их и уничтожать всеми доступными способами, а также сообщалось об успехах Народной армии: «Проснитесь от кошмарного сна – коммунизма, проливающего невинную кровь наших братьев – крестьян... Все как один немедля ни минуты берите какое есть оружие, бейте, уничтожайте этих насильников на местах... в руках с оружием и с твердой верой в Бога – мы сургутяне продолжаем начатое дело очень успешно... Из Тобольска волна повстанцев перебросилась в другие губернии Сибири. Очищены следующие города от коммунистов: Тобольск, Сургут (в ночь на 9 марта), Ишим, Курган, Ялуторовск, Тю-

мень, Тара, Омск и вся Акмолинская область, Екатеринбург, Челябинск, Камышлов, Томск и многие другие города и уезды...» [10, л. 78 об.–79].

В сообщениях об этих весьма преувеличенных успехах нельзя обвинять только лишь сочинителя, якобы давшего волю своей фантазии. Заблуждение могло быть вполне искренним и основываться на сведениях, полученных из «надежных источников» с юга губернии. В подтверждение, что сургутские повстанцы верили в то, о чем писали, можно привести следующие факты. В конце марта после поражения у д. Мурасы на границе Томской и Тобольской губерний и последовавшего стремительного отступления к уездному центру в Тобольск была направлена просьба сообщить в Томск (якобы уже занятый повстанцами) «надавить» на нарымских коммунистов и остановить их продвижение к Сургуту. Несколькими днями ранее председатель Сургутского КОБа А.И. Кондаков получил письмо из Самарово, где вполне определенно указывалось: «По точным и безусловно проверенным сведениям город Томск пал... По частным сведениям в России пал Петроград и Киев, восстания приняли грандиозные размеры» [10, л. 18].

Телеграмма военного коменданта с. Самарова в адрес Кондинского военно-полевого штаба от 26 марта передавала сообщение Главного штаба Народной армии (публикуется с сохранением орфографии оригинала): «Общее положение мы достигли крупных результатов Тюменской Ишимской Ялуторовской уездах где на днях рассчитываем соединиться крупными повстанческими силами всего юга. Кронштадт Балтийский флот Украина Кавказ в руках партизан. Железные дороги Москвы Петрограда испорчены. Наш враг заметно слабеет победа близка. Пришла ваша очередь поработать так смело за боевую работу не унывайте» [11, л. 9].

Источником сведений служили не только слухи и домыслы, но и коммунистические газеты, на основе которых составлялись обзоры, сопровождавшиеся соответствующими комментариями. Возможно, на настроения повстанцев отражались известия о событиях в Кронштадте. О выступлении балтийских моряков писали в газете «Голос Народной Армии», сообщавшей, что «Кронштадт в данное время изолирован и стоит обособленно, как остров, к которому нет подступа, но скоро вскрыется лед, флот двинет свои силы на борьбу с коммунизмом и, жаждущее освобождения, все население столиц примкнет к этому движению и пойдет победоносно вперед» [3, л. 97].

В целом же, рассматривая издававшиеся и распространявшиеся повстанцами агитационные и аналитические материалы, можно сделать несколько выводов.

Первый. Повстанцы воспринимали себя как часть всенародного движения, которое должно смести ненавистный коммунистический режим по всей стране. Свои действия они пытались вписать в контекст общероссийских событий. Лидеры восстания прекрасно понимали, что успех может быть достигнут только в случае его повсеместного распространения. Никаких «местечковых» взглядов, самоуверенной надежды отсидеться в сибирской глуши в их документах выявить нельзя.

Второй. В центре восстания можно обнаружить идеи и лозунги, перекликающиеся с программами тех или иных, преимущественно левых, политических партий. Большевицкая пропаганда рисовала тобольский повстанческий район как «царство эсеров и отчасти кадетов» [12, л. 16–17 об.]. Утверждалось, что «Тобольские кадеты заключили тесный альянс с эсерами», причем первые якобы следуют «указующему персту» своего лидера П.Н. Милюкова. Конечно же, последнее высказывание не более чем домысел, не имеющий под собой реальных оснований. Однако связь идей повстанческих лидеров с эсеровской программой представляется вполне очевидной.

Третий. Чем дальше от центра, тем сложнее обнаружить следы сколько-нибудь осознанного представления о целях и задачах движения у его лидеров. Уже на уровне уезда составители воззваний и других пропагандистских документов ограничиваются рассуждениями самого общего характера или же конкретными примерами злоупотреблений властью, ранее допущенных местными коммунистами. Руководители волости и тем более сельского совета очень слабо ориентировались в политических лозунгах, программах партий и т.п.

Список источников и литературы

1. Лагунов К.Я. И сильно падает снег... Тюмень: [б. и.], 1994. 166 с.
2. Цысь В.В. Красное знамя с черным крестом: Символика Западносибирского крестьянского восстания 1921 года // Родина. 2011. № 6. С. 110–111.
3. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 142.
4. К текущему моменту // Голос Народной Армии. 1921. 1 марта. С. 2.

5. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 4048. Оп. 1. Д. 122.
6. Каспий. 12 марта 1917 – 12 марта 1921 гг. // Голос Народной Армии. 1921. 12 марта. С. 1.
7. Тобольск, 12 марта 1921 г. // Голос Народной Армии. 1921. 12 марта. С. 1.
8. Каспий. Новые свободы // Голос Народной Армии. 1921. 6 марта. С. 1.
9. Кооперация организуется // Голос Народной Армии. 1921. 6 марта. С. 2.
10. Архив Регионального управления ФСБ РФ по Тюменской области (АРУ ФСБ РФ по ТО). Ф. 5. Оп. 38. Д. 8758.
11. АРУ ФСБ РФ по ТО. Ф. 5. Оп. 38. Д. 3328.
12. ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 41.

V.V. Tsys',
Nizhnevartovsk

THE PUBLIC-POLITICAL VIEWS CHARACTERISTIC OF THE WESTERN-SIBERIAN PEASANT REBELLION PARTICIPANTS IN 1921

The article describes the main program guidelines of the West Siberian Peasant Uprising leaders in 1921. It is concluded that the most important features of the movement's ideology were: anti-communism, the urge to return to the revolutionary gains of February 1917, the "people's" power without preferences to any parties and social groups. Slogans, targets, echoing the provisions of the Socialist-Revolutionary program, were put forward.

Keywords: the Civil war, the West Siberian peasant uprising, Tobolsk, Surgut, anti-communism, Bolsheviki, socialist-revolutionaries.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алдашов Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и культурного наследия Института исторического и правового образования Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы» (г. Уфа), e-mail: aldashov1965@mail.ru

Арпентьева Мариям Равильевна, доктор психологических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии естествознания, профессор кафедры психологии развития и образования Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского» (г. Калуга), ведущий научный сотрудник кафедры теории и методики физического воспитания Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Югорский государственный университет» (г. Ханты-Мансийск), e-mail: mariam_rav@mail.ru; arpentevamr@tksu.ru

Барина Екатерина Петровна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры институциональной экономики и экономической истории Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Самарский государственный экономический университет» (г. Самара), e-mail: rfnz25@yandex.ru

Бехтерев Сергей Львович, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права, социального управления и безопасности Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Удмуртский государственный университет» (г. Ижевск), e-mail: sergbehterev@yandex.ru

Бехтерева Людмила Николаевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела исторических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы, заместитель директора Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук» (г. Ижевск), e-mail: behterevalN@yandex.ru

Бозорова Екатерина Ивановна, учитель истории и обществознания, руководитель школьного комплексно-краеведческого музея мордовской культуры и быта Муниципального общеобразовательного учреждения Средняя школа имени доктора технических наук А.И. Фионова с. Кивать Кузоватовского района Ульяновской области, библиотекарь Киватской модельной библиотеки Муниципального учреждения культуры «Кузоватовская межпоселенческая библиотечная система» (с. Кивать, Ульяновская область), e-mail: katrina-bozorova@mail.ru

Брянцев Михаил Васильевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (г. Брянск), e-mail: bmwbox@mail.ru

Буряк Елена Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова» (г. Магнитогорск), e-mail: Lench81@inbox.ru

Васильева Ольга Ивановна, кандидат исторических наук, главный специалист отдела научно-исследовательской и методической работы Государственного казенного учреждения «Центральный государственный архив Удмуртской Республики» (г. Ижевск), e-mail: Vasilyeva-60@rambler.ru

Вильданов Руслан Раисович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений, истории и востоковедения Федерального государственного бюджетного образовательного учрежде-

ния высшего образования «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (г. Уфа), e-mail: Polit-ufa@yandex.ru

Воробьев Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (г. Могилев, Республика Беларусь), e-mail: pax4@yandex.ru

Гибадуллина Резеда Наилевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры «История и педагогика» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Казанский государственный энергетический университет» (г. Казань), e-mail: rezedagibadulina@mail.ru

Даренский Виталий Юрьевич, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии Государственного образовательного учреждения Луганской Народной Республики «Луганский национальный аграрный университет» (г. Луганск, Украина (ЛНР)), e-mail: darenskiy1972@mail.ru

Дякиева Балджа Батнасуновна, доктор педагогических наук, профессор, исполняющий обязанности заведующего кафедрой калмыцкой литературы и журналистики Института калмыцкой филологии и востоковедения Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова» (г. Элиста), e-mail: raisadyakieva@mail.ru

Зайтунов Расих Батырович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, историографии и источниковедения Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Башкирский государственный университет» (г. Уфа), e-mail: zaitrasich@gmail.com

Землянский Вадим Леонидович, старший научный сотрудник Федерального казенного учреждения «Информационный историко-

научный центр – Военная историческая библиотека Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации» (Санкт-Петербург), e-mail: groningen1991@gmail.com

Иванов Алексей Олегович, заведующий сектором редких книг библиотеки Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы» (г. Уфа), e-mail: ivanov_alex1990@mail.ru

Искендеров Пётр Ахмедович, кандидат исторических наук, генеральный директор общества с ограниченной ответственностью «Редакция журнала «Вопросы истории», главный редактор (Москва), e-mail: iskenderov.petr@yandex.ru

Капустин Леонид Геннадьевич, краевед (г. Муром), e-mail: kapustin.09@mail.ru

Кирчук Юлия Викторовна, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Учреждения образования «Белорусская государственная орденов Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени сельскохозяйственная академия» (г. Горки, Республика Беларусь), e-mail: cometa_13@mail.ru; julija.kirchuk@gmail.com

Кондакова Екатерина Вячеславовна, студентка Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва–Пермь), e-mail: kattya.kondakova.98@mail.ru

Кондорский Борис Михайлович, кандидат биологических наук, начальник отдела Общества с ограниченной ответственностью «Научно-производственная фирма «Синбиас» (г. Донецк, Украина (ДНР)), e-mail: bmkbox@mail.ru

Коньшин Анатолий Евдокимович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Краевого государственного автономного образовательного учреждения дополнительного профессионального

образования «Коми-Пермяцкий институт повышения квалификации работников образования» (г. Кудымкар), e-mail: kama-rod@yandex.ru

Кузнецова Наталья Юрьевна, начальник управления довузовской и профориентационной работы Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Петрозаводский государственный университет» (г. Петрозаводск), e-mail: foliage.07@mail.ru

Левин Виталий Ильич, доктор технических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пензенский государственный технологический университет» (г. Пенза), e-mail: Vilevin@mail.ru

Лушников Павел Викторович, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Института права, социального управления и безопасности Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Удмуртский государственный университет» (г. Ижевск), e-mail: ems@udm.ru

Люттов Лев Николаевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом и трудового права Ульяновского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (г. Ульяновск), e-mail: lutov2001@mail.ru

Масютин Александр Сергеевич, учитель истории и обществознания Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Лингвистическая гимназия» г. Кирова (г. Киров), e-mail: maskvabad2020@mail.ru

Наумов Евгений Олегович, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела современной истории Государственного бюджетного учреждения культуры «Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей имени И.Д. Воронина» (г. Саранск), e-mail: naumoveo@mail.ru

Останина Наталья Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры отечественной истории и документоведения исторического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Курганский государственный университет», доцент кафедры гуманитарного и эстетического образования Государственного автономного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования «Институт развития образования и социальных технологий» (г. Курган), e-mail: ostanina_nv@mail.ru

Островкин Денис Леонидович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный педагогический университет» (г. Екатеринбург), e-mail: ostrovkin.denis@yandex.ru

Павленко Алексей Павлович, кандидат исторических наук, преподаватель Колледжа электроэнергетики и машиностроения Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный профессионально-педагогический университет» (г. Екатеринбург), e-mail: Pavlenko-07@yandex.ru

Паршуков Владимир Александрович, главный инженер Муниципального бюджетного учреждения «Управление инженерной защиты» (г. Ульяновск), e-mail: asf-zavod@yandex.ru

Позднякова Анастасия Сергеевна, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социальных наук Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кировский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (г. Киров), e-mail: Pozdnyakova.med@gmail.com

Попов Михаил Валерьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный педагогический университет» (г. Екатеринбург), e-mail: m-v-popov@yandex.ru

Приходько Сергей Александрович, научный сотрудник Муниципального бюджетного учреждения культуры «Новозыбковский краеведческий музей» (г. Новозыбков, Брянская область), e-mail: sapclfl@yandex.ru

Прохоров Михаил Фёдорович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных знаний Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет туризма и сервиса» (Москва), e-mail: 2210.mfp@mail.ru

Пыльцын Юрий Сергеевич, методист по экскурсионной и лекционной работе Государственного бюджетного учреждения культуры «Мультимедийный исторический парк «Россия – моя история. Свердловская область» (г. Екатеринбург), e-mail: imperets.92.9292@mail.ru

Радченко Наталья Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана исторического факультета по научной работе, доцент кафедры «Всемирная, отечественная история, этнология, археология» исторического факультета Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» (г. Якутск), старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (г. Якутск), e-mail: radvolchen@mail.ru

Разинов Михаил Егорович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова» (г. Воронеж), e-mail: razinkov_mihail@mail.ru

Рахматулина Евгения Юрьевна, аспирант кафедры востоковедения исторического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Алтайский государственный университет» (г. Барнаул), e-mail: kalina200778@mail.ru

Садыкова Алина Сергеевна, студентка Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Казанский государственный энергетический университет» (г. Казань), e-mail: alina1999-24@mail.ru

Сажин Борис Борисович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Частного образовательного учреждения высшего образования «Свято-Филаретовский православно-христианский институт» (Москва), e-mail: Prug-1@yandex.ru

Саркисов Сергей Каренович, заместитель начальника отдела научно-справочного аппарата и автоматизированных архивных технологий Государственного казенного учреждения «Центральный государственный архив Удмуртской Республики» (г. Ижевск), e-mail: srabc@mail.ru

Сизов Сергей Григорьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «Философия» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет» (г. Омск), e-mail: sizov-omsk@yandex.ru

Сильченко Иван Сергеевич, магистр истории, аспирант кафедры всеобщей истории Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный педагогический университет» (г. Екатеринбург), e-mail: 9022777814@yandex.ru

Состин Дмитрий Игоревич, кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических дисциплин и методики их преподавания Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ставропольский государственный педагогический институт» (г. Ставрополь), e-mail: dima.sostin@yandex.ru

Субботина Анна Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела исторических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Федерального государ-

ственного бюджетного учреждения науки «Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук» (г. Ижевск), e-mail: anmisu@mail.ru

Терентьев Вячеслав Олегович, кандидат исторических наук, заведующий музеем, доцент кафедры отечественной истории, политологии и социологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова» (Санкт-Петербург), e-mail: terehv@mail.ru

Тимофеев Александр Николаевич, помощник генерального директора общества с ограниченной ответственностью «Новые продукты высоких технологий» (г. Красноярск), e-mail: anit2008@mail.ru

Уваров Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории, социологии и политологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ижевская государственная сельскохозяйственная академия» (г. Ижевск), e-mail: sergey.uvarov@mail.ru

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Краснодар), e-mail: uporov@list.ru

Фостийчук Виктор Викторович, кандидат политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научно-экспозиционного отдела Муниципального бюджетного учреждения культуры Ейского городского поселения Ейского района «Ейский историко-краеведческий музей имени В.В. Самсонова» (г. Ейск-1, Краснодарский край), e-mail: fost60@mail.ru

Хмуркин Георгий Георгиевич, старший преподаватель кафедры вычислительной математики и математической физики факультета

фундаментальных наук Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский университет)» (Москва), e-mail: hmurkin@mail.ru

Цветков Василий Жанович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей отечественной истории Института истории и политики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет» (Москва), e-mail: tsvetcov@rambler.ru

Цысь Валерий Валентинович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России гуманитарного факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Нижевартовский государственный университет» (г. Нижневартовск), e-mail: tsysv@rambler.ru

Шевырин Сергей Андреевич, кандидат исторических наук, заведующий научно-методическим отделом Государственного автономного учреждения культуры Пермского края «Мемориальный комплекс политических репрессий» (г. Пермь), e-mail: shewirin@mail.ru

Ястребов-Пестрицкий Михаил Сергеевич, кандидат филологических наук, ведущий специалист Научной библиотеки Федерального казенного учреждения «Государственный архив Российской Федерации» (Москва), e-mail: myr-63@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (С.Л. Бехтерев, Л.Н. Бехтерева).....	3
Гражданская война в России: проблемы методологии, историографии и источниковедения	10
Арпентьева М.Р. Революции и инволюции: на пути к партисипации и взаимопомощи	10
Васильева О.И. Документы по истории Гражданской войны в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики	23
Гибадуллина Р.Н., Садыкова А.С. Мифологизация как элемент пропаганды в годы Гражданской войны	35
Даренский В.Ю. Отражение нравственно-психологических мотивов Белого движения в поэтическом творчестве	39
Иванов А.О. Освещение крестьянских восстаний 1918 г. в Уфимской губернии в документах государственных и ведомственных архивов	50
Искендеров П.А. Гражданская война в России: преодолеть «ментальный раскол»	59
Кондакова Е.В. Образы Гражданской войны в личных дневниках	66
Кондорский Б.М. Теоретические аспекты революционных событий в XX в.	74
Лушников П.В. Социальные конфликты: герменевтические и правовые аспекты	83
Останина Н.В. Актуальные вопросы истории Гражданской войны на страницах учебников истории России издательств «Дрофа» и «Просвещение»	98

Ястребов-Пестрицкий М.С. Образовательная и культурно-просветительская деятельность в России начала XX в. Взгляд филолога-архивиста на прессу эпохи	106
--	-----

Гражданская война в политическом измерении 120

Алдашов А.Н. Деятельность общероссийских партий социалистического направления в Уфимской губернии в 1919–1922 гг.	120
Вильданов Р.Р. Система советов в годы Гражданской войны	129
Воробьев А.А. Партия социалистов-революционеров и ее отношение к Гражданской войне в России	137
Землянский В.Л. Влияние каппелевцев на политическое развитие Приморья в 1920–1922 гг.	147
Кирчук Ю.В. Деятельность иностранцев-добровольцев в Гражданской войне в России	155
Масютин А.С. Организации неонародников Вятской губернии в 1918–1920 гг.	163
Наумов Е.О. Центр и периферия: особенности взаимоотношений командования 1-й армии Восточного фронта с центральным военным руководством летом–осенью 1918 г.	174
Павленко А.П. Децимация в Красной армии на Восточном фронте Гражданской войны	185
Позднякова А.С. Опыт создания чрезвычайных органов власти в Вятской губернии на начальном этапе Гражданской войны	195
Радченко Н.Н. Гражданская война в Сибири и политические организации Якутской области в 1918 г.	203
Саркисов С.К. О нормах продовольственного снабжения Красной армии в период Гражданской войны (лето 1918 г. – лето 1921 г.)	207
Сильченко И.С. Обучение личного состава частей (отрядов) особого назначения Екатеринбургской губернии в 1919–1923 гг.	217
Состин Д.И. Российское казачество накануне Гражданской войны. Опыт политической автономии	226
Субботина А.М. Земства и советы: борьба за власть в Вятской губернии в 1917–1918 гг.	231

Упоров И.В. Гражданская война как исторически неизбежный в российских условиях особо опасный социальный конфликт	240
Цветков В.Ж. Военно-политическое значение весеннего наступления Восточного фронта в 1919 г.	249

Гражданская война и судьбы поколений

российского общества	256
Баринова Е.П. Повседневная жизнь провинциальной элиты в годы Гражданской войны	256
Буряк Е.М. «Пришли с победным вольным кличем полки войны на фронт труда...»: опыт выживания трудармейцев на Урале в годы военного коммунизма	264
Дякиева Б.Б. Жизнь и судьбы видных деятелей Калмыкии в период Гражданской войны: Хомутников Василий Алексеевич	273
Коньшин А.Е. Коммеморация событий революции и Гражданской войны в Коми-Пермяцком округе: путь к примирению	281
Кузнецова Н.Ю., Сажин Б.Б. Гражданская война и судьбы интеллигенции: «жизненные миры» А.С. Пругавина (по материалам личного фонда народника в РГАЛИ)	289
Левин В.И. Гражданская война и судьба евреев	298
Приходько С.А. Жизненный путь и революционная деятельность Михаила Ивановича Сычёва (к 135-летию со дня рождения идеалиста)	304
Рахматулина Е.Ю. Советская власть и художественная интеллигенция Восточного Казахстана в начале 1920-х гг.	315
Сизов С.Г. Беженцы в Белом Омске (1918–1919)	330
Терентьев В.О. Судьбы офицеров Русской императорской армии. Георгиевский кавалер, штабс-капитан Новиков Павел Семёнович	342
Тимофеев А.Н. Иван Алексеевич Углов. Реконструкция биографии	352
Уваров С.Н. К вопросу о влиянии Гражданской войны на демографические процессы в Удмуртии (по материалам переписи 1926 г.)	360

Фостийчук В.В. Государственная политика памяти и ценности политической культуры в современной России	366
Хмуркин Г.Г. О масштабах человеческих жертв среди священнослужителей Русской Православной Церкви в первые годы советской власти (1917–1926)	375
Шевырин С.А. Музейный просветительский проект «Улица Сибирская в годы революции»	390
Гражданская война в России: региональный аспект	396
Бозорова Е.И. События Гражданской войны 1918 г. на улицах с. Кивать Кузоватовского района Ульяновской области	396
Брянцев М.В. Борьба за власть в Орловской губернии весной–летом 1918 г.	402
Зайтунов Р.Б. Между белыми и красными: военно-политическая ситуация на территории Башкортостана в 1917–1920 гг.	411
Капустин Л.Г. Сфрагистика партизанского отряда атамана И.Н. Красильникова	417
Лютюв Л.Н. Средняя Волга. Начало Гражданской войны	422
Островкин Д.Л., Попов М.В. Советская власть и деятельность общеобразовательных школ и учреждений здравоохранения в Екатеринбурге в 1917 – первой половине 1918 г.	427
Паршуков В.А. Вооруженная борьба енисейских станичных казаков против повстанцев и красных партизан	436
Прохоров М.Ф. Подмосковное Кунцево в годы Гражданской войны	443
Пыльцын Ю.С. Воинская подготовка в Терском казачьем войске в период Гражданской войны	452
Разиньков М.Е. «Восстание анархистов» в Воронеже в 1918 г.	460
Цысь В.В. К характеристике общественно-политических взглядов участников Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г.	470
Сведения об авторах	480

Научное издание

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РЕГИОНАХ РОССИИ:
социально-экономические, военно-политические
и гуманитарные аспекты**

Сборник статей

Печатается по решению ученого совета
Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН

В оформлении обложки использована фотография из книги:
Гражданская война в СССР. Т. 1. М.: Воениздат, 1980. 368 с. Вклейка № 19

Оригинал-макет и дизайн обложки И.В. Широковой

В авторской редакции

Подписано в печать 25.12.2018.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 28,71. Уч.-изд. л. 30,23.
Тираж 300 экз. Заказ № 38.

Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН
Удмуртский институт истории, языка и литературы
426004. Ижевск, ул. Ломоносова, 4.
Тел. (3412) 68-52-94 Факс (3412) 68-39-94 <http://udnii.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательстве «АлкиД»
426011. Ижевск, ул. Пушкинская, 270.
+7 (3412) 64-42-77
lit@alkid-book.ru [www. http://alkid-book.ru](http://alkid-book.ru)

ISBN: 978-5-6042106-1-1

9 785604 210611